

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

ВРЕМЯ

V R E M Я
ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 11. НОЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАУГАДА ПРАНА

1862

Одобрено ценсурой. С. Петербургъ, 12 ноября 1862 года.

APR 16 1951

МОН ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА

(посвящается М. М. Достоевскому)

Вы вызвали меня, добрый другъ на то, чтобы я написалъ моя «литературныя воспоминанія». Хотя и опасно вообще слушаться пріятелей, потомучто пріятели нерѣдко увлекаются, но на этотъ разъ я измѣняю правиламъ казеннаго благоразумія. Я же впрочемъ и вообще-то, правду сказать, мало его слушался въ жизни.

Мнѣ сорокъ лѣтъ, и изъ этихъ сорока, по крайней-мѣрѣ тридцать живу я подъ вліяніемъ литературы. Говорю «по крайней-мѣрѣ», потомучто жить, т. е. мечтать и думать, началъ я очень рано; а съ тѣхъ поръ, какъ только я началъ мечтать и думать, я мечталъ и думалъ подъ тѣми или другими впечатлѣніями литературными.

Меня, какъ вы знаете, нерѣдко упрекали, и пожалуй основательно, за употребленіе различныхъ странныхъ терминовъ, связанныхъ мной съ литературную критику. Между прочимъ наври-мѣръ за слово «вѣяніе», которое нерѣдко употребляю я вмѣсто обычнаго слова «вліяніе». Съ терминами этими связывали нѣчто мистическое, хотя было бы справедливѣе объяснять ихъ пантеистически.

Столько эпохъ литературныхъ пронеслось и надо мною и передо мною, пронеслось даже во мнѣ самою, оставляя извѣстные пласты или лучшіе слѣды на моей душѣ, что каждая изъ нихъ глядитъ на меня изъ-за дѣли прошедшаго отдѣленнымъ органическимъ дѣломъ, ниѣтъ для меня своей особенной цвѣтъ и своей особенный запахъ.

Ihr habt euch wieder schwankende Gestalten,

взываю я къ нимъ порою, и слышу и чую ихъ вѣяніе...

Вотъ она, эпоха сѣренькихъ, тоненькихъ книжекъ «Телеграфа» и «Телескопа», съ жадностью читаемыхъ, до тла дочитываемыхъ молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство, — эпоха, когда журчали еще носясь въ воздухѣ стихи Пушкина, и ароматы наполняли воздухъ повсюду, даже въ густыхъ садахъ диковинно-типичскаго Замоскворѣчья, — эпоха бессознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую наравнѣ съ этими вѣчными пѣснями восхищались добрые люди и «Амалатъ-бекомъ». Эпоха, надъ которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева. Несмотря на бессознательность и безразличность восторговъ, на какое-то беззавѣтное уносное поэзію, на какую-то дюжинную вѣру въ литературу, въ воздухѣ осталось что-то мрачнейшее и тревожнейшее. Души настроены этии мрачнейшимъ, тревожнѣйшимъ и зловѣщнѣйшимъ, и стихи Полежаева, игра Мочалова, варламовскіе звуки даютъ отзывъ этому настроенію... А тутъ является колоссальный романъ Гюго и «кружитъ» молодыхъ головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ «Телескопѣ» то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ, анкоратетныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жанена...

Яснѣть... Раздается могущественный голось, вѣстѣ и узаконивающій и припоривающій стремленія и неясныя гаданія эпохи, — голось великаго борца, Висаріона Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтзвѣяхъ», какъ во всякомъ гениальномъ произведеніи, сватывается въ одно цѣлое все прошедшее и вѣстѣ закидывается съти въ будущее.

Вѣстѣ другой эпохой.

Дѣтство мое личное давно уже кончилось. Отрочество у меня не было, да не было собственно и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то среднее между отрочествомъ и юностью. Голова работаетъ какъ паровая машина, сначаетъ во всю прыть къ овреганъ и бездланъ, а сердце живетъ только мечтательною, книжною, научною жизнью. Точно не я это живу, а разные образы литературы во мнѣ живутъ. На входномъ порогѣ этой эпохи написана: «Мо-

ский университет» послѣ преобразования 1896 года — университетъ Рѣдкина, Крылова, Морошкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегелизма, съ тѣмными его формами и стремительной, рвущейся неодолимо впередъ силой, — университетъ Гравоснаго...

A change came over the spirit of my Dream...

Волею судебъ, или лучше сказать неодолимою жаждою жизни, я перенесенъ въ другой міръ. Это міръ гоголевскаго Петербурга, Петербурга въ эпоху его иррациональной оригинальности, въ эпоху, когда существовала даже особенная *петербургская* литература... Въ этомъ новомъ мірѣ для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; надъ нравственной природой моей пронеслось странное, мистическое вѣяніе, — но съ другой стороны я узналъ, съ его запахомъ довольно тухлымъ и пѣвтомъ довольно грязнымъ, міръ панаевской «Тли», міръ «Песцовъ», «Межаковъ» и другихъ темныхъ личностей, міръ «Александринъ» въ полномъ цвѣтѣ ея развитія съ волевыми г. Григорьева 1, и еще ежитаивагося Неврасова-Перепельскаго, съ особеннымъ кресломъ для одного богатаго купчика, и вмѣстѣ съ высокой артисткой, заставлявшей порою забывать этотъ странно-пошлый міръ.

И за тѣмъ — опять Москва. Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжелыми уроками и опытами. Новыя встрѣчи, новые люди, люди въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго, люди, которые «продерживаютъ» въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, даже до безознательности вѣру въ народъ и народность. Все «народное», даже мѣстное, что окружало мое воспитаніе, все что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы, — поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ; растетъ до санатической исключительной нѣры, до истеричности, до пропаганды... Пять лѣтъ новой жизненной шпелли.

И опять переломъ.

Западная жизнь во очю развертывается передо мною чудеса-мечтательнаго великаго прошедшаго, и вновь дразнить, подлипать, удивлять. Но не сломилась въ этомъ живомъ столбн-

всѣмъ вѣра въ свое, въ народное. Смягчала она только фанатизмъ вѣры.

Таковъ пропесъ умственный и нравственный.

Незнаю станеть ли у меня достаточно таланта, чтобы очертить эти различныя эпохи, дать почувствовать ихъ, съ ихъ запахомъ и цвѣтомъ. Если для этого достаточно будетъ одной искренности, — искренность будетъ полная, разумѣтся по отношенію къ умственной и моральной жизни.

Одно я знаю: я вполне сынъ своей эпохи и мои литературныя признанія могутъ имѣть нѣкоторый историческій интересъ.

1892 г. сентября 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА И НАЧАЛО ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ЛИТЕРАТУРЫ. МОЕ
МЛАДЕНЧЕСТВО, ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

I

ПЕРВЫЯ ОБЩІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Если вы бывали и жили въ Москвѣ, да не знаете такихъ ея частей какъ напримѣръ Замоскворѣчье и Таганка, — вы не знаете самыхъ характеристическихъ ея особенностей. Какъ въ старомъ Римѣ Трастevere можетъ быть не безъ основанія квалится тѣмъ, что въ немъ сохранились старыя римскія типы, такъ Замоскворѣчье и Таганка могутъ похвалиться этимъ же преимущественно передъ другими частями громаднаго города-села, чудовищно-фантастическаго и вмѣстѣ великолѣпно-разросшагося и разметавшагося растенія, называемаго Москвою. Отъ ядра всѣхъ русскихъ старобытныхъ городовъ, отъ ядра или кремника, пошло въ сначала бѣлый, торговый городъ: по-

темъ разросся земляной городъ и пошли раскидываться за рѣку разныя слободы. Въ нихъ уходила изъ-подъ влiдiя административнаго уровня и въ нихъ сосредоточивалась упрямо старая жизнь. Лишiонная возможности развиваться самостоятельно, она поневолѣ закинула въ застоѣ. Общiй законъ нашей исторiи — уходъ земской жизни изъ-подъ внѣшней нормы въ уединенную и упорную замкнутость расколовъ, повторился и въ Москвѣ, то-есть въ развитiи ея быта.

Бывали ли вы въ Замоскворѣчьи?.. Его не разъ изображали сатирически; кто не изображалъ его такъ? — Право, только лѣншый!.. Но до сихъ поръ никто, даже Островскiй, не коснулся его поэтическихъ сторонъ. А эти стороны есть — ну хоть на первый разъ — внѣшнiя, наружныя. Впервыхъ ужъ то хорошо, что чѣмъ дальше идете вы въ глубь, тѣмъ болѣе Замоскворѣчье тонетъ передъ вами въ зеленыхъ садахъ; вовторыхъ, въ немъ улицы и переулки расходились такъ свободно, что явнымъ образомъ онѣ росли, а не дѣлались.. Вы пожалуй въ нихъ заблудитесь, но хорошо заблудитесь...

Пойдемте напримѣръ со мною отъ большого каменнаго моста прямо, все прямо, какъ вороны летаютъ. Миновали мы такъ-называемое болото... да! главное, представьте, что мы идемъ съ вами позанимъ вечеромъ. Миновали мы болото съ казеннымъ зданiемъ виннаго двора; тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Оно пожалуй и есть, да надобно взять въ сторону на Берсеневку или на Солодовку, но мы не туда пойдемъ. Мы дошли до маленькаго каменнаго моста, единственнаго моста старой постройки, удѣлшяго какъ-то до сихъ поръ отъ усердiя нашихъ реформаторовъ строителей и напоминающаго мосты итальянскихъ городовъ, хоть бы напримѣръ Пизы. Передъ нами три жилы Замоскворѣчья, то-есть собственно главныхъ—то двѣ: большая Полянка да Якиманка, третья же между ними какой-то межумокъ. Эти двѣ жилы выведутъ насъ къ такъ-называемымъ воротамъ, одна правая жила — къ калужскимъ; другая лѣвая — къ серпуховскимъ. Но не въ воротахъ сила, тѣмъ болѣе что воротъ, нѣкогда дѣйствительно составлявшихъ крайнюю грань городского жилья, давно ужъ нѣтъ, и городъ—растенiе разросся еще шара, за предѣлы этихъ воротъ.

Я могъ бы пойти съ вами по правой жилѣ, и притомъ найти по ней въ ея праздничную, торжественную минуту, въ ясное утро

19 августа, когда чуть что не отъ самого Кремля движутся огромныи массы народа за крестнымъ ходомъ къ Донскому монастырю, и всѣ тротуары полны празднично-разрядившимся народонаселеніемъ праваго Замоскворѣчья, и воздухъ дрожить отъ звона колоколовъ старыхъ церквей, и все какъ-то чему-то радуется, чѣмъ-то живетъ, — живетъ смѣсью пожалуй самыхъ мелочныхъ интересовъ съ интересомъ, крупнымъ ли, нѣтъ ли — не знаю, но общимъ, хоть и смутно по общественнымъ на минуту. И право, — я вѣдь не исправимый, закоренѣлый москвичъ, — хорошая это минута. Общее что-то проносится надъ всей разнохарактерной толпой, общее захватываетъ и васъ, человека индивидуализаціи, если вы только не поставите себѣ уперно задачи не поддаваться впечатлѣнію, если вы будете упорно вооружаться противъ формы.

Но мы не пойдѣмъ съ вами по этой жилѣ, а пойдѣмъ по лѣвой, при первомъ входѣ въ которую васъ встрѣчаетъ большой домъ итальянской и хорошей итальянской архитектуры. Долго идемъ мы по этой жилѣ и ничто особенное не поражаетъ васъ. Дома какъ дома, болѣею частью каменные и хорошіе, только явно предназначенные для замкнутой семейной жизни, оберегаемой и заборами съ гвоздями, и по ночамъ сторожевыми псами на цѣпи; отъ внезапнаго яростнаго лая котораго—нибудь изъ нихъ, вскопчившаго въ припадкѣ ревности и усердія на самый заборъ, вдрогнуть наши нервы. Между каменныхъ домовъ прескочутъ какъ—нибудь и деревянные, маленькіе, визонскіе, но какіе-то замученные, какъ-то непривѣтливое глядище, какъ-то осекающіе, что они тутъ не на мѣстѣ на этой хорошей, широкой и большой улицѣ.

Дальше. Остановитесь на минуту передъ маленькой, темнокрасной съ луковичами—главами церковью Григорія Неокесарійскаго. Вѣдь право она не лишена оригинальнейшей фizioноміи, вѣдь при ея созиданіи что-то ленивъ образомъ бродило въ головѣ архитектора, только это что-то въ Италіи выполнялъ бы отъ въ большихъ размѣрахъ и мраморомъ, а здѣсь отъ, бѣдный, выполнялъ въ маленькомъ видѣ да кирпичномъ; и все-таки вышло что-то, тогда какъ ничего, ровню ничего не выходитъ изъ большей части послѣ-метровскихъ церковныхъ построекъ. И впрочѣмъ ошибся, сказавши, что въ колоссальныхъ размѣрахъ выполнялъ бы свое что-то архитекторъ въ Италіи.

Въ Палль я видѣлъ церковь *Santa Maria della spina*, маленюкую-премаленюкую, но такую узорчатую и вмѣстѣ такъ строго-стильную, что она даже кажется грандіозною.

Вотъ мы дошли съ вами до Полянскаго рынка, а между тѣмъ уже сильно стемнѣло. Кой-гдѣ по домамъ, не только что по трактирамъ, зажглись огни.

Не будемъ останавливаться передъ церковью Успенья въ Казачьемъ. Она хоть и была когда-то старая, ибо прозвище ея намекаетъ на стоянье казаковъ, но ея уже давно такъ поновило усердіе богатыхъ прихожанъ, что она, какъ старый соборъ въ Твери, получила общій, казенный характеръ. Свернемте налѣво. Передъ нами потянулись уютные, красивые дома, съ длинными-предлинными заборами, дома большею частью одноэтажные, съ мезонинами. Въ окнахъ свѣтъ, видны повсюду столики, съ шипящими самоварами; внутри глядитъ все такъ семейно и привѣтливо, что если вы человекъ не семейный или забѣжій, васъ начинаетъ разбирать нѣкоторое чувство зависти. Васъ манитъ и дразнитъ Аркадія, создаваемая вашимъ воображеніемъ хоть можетъ-быть и не существующая на дѣлѣ.

Идя съ вами все влѣво, я завелъ васъ въ самую оригинальную часть Замоскворѣчья, въ сторону Орлынской и Татарской слободы и наконецъ на Болвановку, прозванную такъ потому, что тутъ по мѣстнымъ преданьямъ, князя наши встрѣчали ханскихъ баскаковъ и кланялись татарскимъ болванамъ.

Вотъ тутъ-то, на Болвановкѣ началось мое нѣсколько-сознательное дѣтство, то-есть дѣтство, котораго впечатлѣнія имѣли и сохранили какой-либо смыслъ. Родился я не тутъ, родился я на Тверской; помню себя съ трехъ или даже съ двухъ лѣтъ, но то было младенчество. Воскрямло меня, возмелѣяло Замоскворѣчье.

Не безъ намѣренія напираю я на этотъ мѣстный фактъ моей личной жизни. Быть-можетъ силѣ первоначальныхъ впечатлѣній обязанъ я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившагося со мною, поворотомъ къ горячему благоговѣнію передъ земскою, народною жизнью.

Я намѣренъ писать не автобіографію, но исторію своихъ впечатлѣній; беру себя какъ объекта, какъ лицо совершенно восторженное, смотрю на себя, какъ на одного изъ сыновъ невѣстной земли, и стало-быть только то, что характеризуетъ эпоху востор-

ще, должно войти въ мои воспоминаія ; мое же личное войдетъ только въ той степени, въ какой оно характеризуетъ эпоху.

Мнѣ это, коли хотите, даже и легче, потомучто давно уже получилъ я проклятую привычку болѣе разсуждать чѣмъ описывать.

И вотъ прежде всего, я не могу не остановиться на одной личной чертѣ моего ранняго развитія, которая, какъ мнѣ кажется, очень характеристична по отношенію къ цѣлому нашему поколѣнію. Во мнѣ необыкновенно рано началась рефлексія, — лѣтъ до пяти, именно съ того времени, какъ волею судьбы мое семейство переѣхало въ уединенный и странный уголокъ міра, называемый Замоскворѣчьемъ. Помню такъ живо, какъ-будто бы это было теперь, что въ пять лѣтъ у меня была уже Аркадія, по которой я тосковалъ, потерянная Аркадія, передъ которой какъ-то печально и сѣро — именно сѣро казалось мнѣ настоящее. Этой Аркадіей была для меня жизнь у Тверскихъ воротъ, въ домѣ Козина. Почему эта жизнь представлялась мнѣ залитою какимъ-то свѣтомъ, почему даже и въ лѣта молодости я съ сердечнымъ трепетомъ проходилъ всегда мимо этого дома Козина у Тверскихъ воротъ, давно уже перемѣнившаго имя своего хозяина, и почему нерѣдко подъ предлогомъ исканія квартиры, захаживалъ на этотъ дворъ, стараясь припомнить уголки, гдѣ игрывалъ я въ младенчествѣ ; почему, говорю я, преслѣдовала меня эта Аркадія, — дѣло весьма сложное. Съ одной стороны, тутъ есть общая примѣта моей эпохи, съ другой коли хотите — дѣло физиологическое, родовое, семейное.

У всей семьи нашей была своя потерянная Аркадія, Аркадія богатой жизни при покойномъ дѣдѣ до французскаго нашествія, истребившаго два большихъ его дома на Дмитровкѣ ; и въ особенности одна изъ моихъ тетокъ, натура въ высшей степени мечтательная и экзальтированная, была полна этимъ «золотымъ вѣкомъ». Разница въ томъ только, что для нея Аркадія была на Дмитровкѣ, для меня — на Тверской, и разница кромѣ того въ эпохахъ.

Я родился въ 1822 году. Трехъ лѣтъ я хорошо помню себя и свои безсознательныя впечатлѣнія. Общественная катастрофа, разразившаяся въ это время, катастрофа, съ нѣкоторыми изъ жертвъ которой мой отецъ былъ знакомъ по университетскому

благородному пансіону, страшно—болѣзненно подѣйствовала на мое дѣтское чувство.

Дѣтей большіе считаютъ какъ-то необычайно-глупыми и вовсе не подозреваютъ, что вѣдь чтоже-нибудь да отразится въ ихъ душѣ и воображеніи изъ того, что они слышатъ или видятъ. Я напримѣръ хоть и сквозь сонъ какъ-будто, но очень-таки помню, какъ везли тѣло покойнаго императора Александра, и какой странный страхъ господствовалъ тогда въ воздухѣ...

Да, никто и ничто не увѣритъ меня въ томъ, чтобы идеи не были чѣмъ-то органическимъ, носящимся и вѣющимъ въ воздухѣ, солидарнымъ, преемственнымъ...

То, что вѣяло тогда надъ всѣмъ, то что встрѣтило меня при самомъ входѣ моемъ въ міръ, мнѣ никогда конечно не высказать такъ, какъ высказалъ это высоко-даровитый и пламенный Мюссе въ «Confessions d'un enfant du siècle». Нанемню вахъ это удивительное мѣсто, которымъ я заключу очеркъ преддверія моихъ впечатлѣній :

«Во времена войнъ имперіи, въ то время, какъ мужья и братья были въ Германіи, тревожныя матери превозвели на свѣтъ воколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатые въ промежутки битвъ, веситавные въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробудя свои слабыя мускулы. По временамъ являлись къ нимъ покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней.

«Но война окончилась; Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

«Тогда на развалинахъ стараго міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напоившей землю: они родились среди битвъ. Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ; они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги, — все было пусто и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи.

«Три стихіи дѣлили между собою жизнь, разстлавшуюся передъ юношами: за ними навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ нѣчто, подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ Америки; незнаю что-то неопредѣленное и зыбкое, море тинистое и грозящее кораблекрушеніемъ, по временамъ переплываемое далекимъ бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ; настоящий вѣкъ,

наше жить однимъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который ни то, ни другое, и походитъ на то и на другое вывѣтъ, гдѣ на каждомъ шагу недоумѣваешь, видишь ли не сбмнать или по праху.

«И нитъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангель сумерекъ, не день и не ночь; они нашли его сидящимъ на мѣшкѣ съ костями, закутаннымъ въ плащъ себялюбія и дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закралась къ намъ въ душу при взглядѣ на это видѣнне, полумумію и полупрахъ; они подошли къ нему какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Страсбургѣ дочь стараго графа Саарвердеса, балзамированную, въ гробу, въ вѣнчалномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій сюжетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ пальцахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цвѣтовъ.

«О народы будущихъ вѣковъ — заканчиваетъ поэтъ свое вступленіе — когда въ жарній лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на зеленомъ лугу отчизны, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ нарядѣ земледѣльцу; когда отирая съ мрамораго чела священный потъ, вы будете нежить взглядъ на безпредѣльнои небосклонѣ и вспомните о насъ, которыхъ уже не будетъ болѣе, — скажите себѣ, что дорого кушали мы вамъ будущій покой; пожалуйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ нашихъ предковъ. У нихъ было много горя, которое дѣлало ихъ достойными состраданія; у насъ не было того, что нитъ угѣшало».

II

МІРЪ СХЕМЪРИЙ

Хорошая вещь — серьезныя и захватывающія жизни въ ея типахъ литературныя произведенія. Мало того, что они сами по себѣ хороши, положительно хороши, — они имѣютъ еще отрицательную пользу: захвативши разъ извѣстные типы, художественно и рельефно уфковѣчивъ ихъ, они отбиваютъ охоту повторять эти типы.

Вотъ наприимѣръ не будь аксаковской «семейной хроники», а быя невидимо долженъ былъ вовлечься въ большія подробно-

сти по поводу моего дѣда, лица, мною никогда не виданнаго, вѣстому что онъ умеръ за годъ до моего рожденія, но по рассказу знакомаго мнѣ какъ говорюся до тѣхъ, и игравашаго весьма важную роль въ исторіи моихъ нравственныхъ впечатлѣній. Теперь же стоитъ только согласиться на общій типъ кражевыхъ людей бывающей эпохи, изображенный рельефно и вѣрнѣе престоудушно покойнымъ Аксаковымъ, да отиѣтитъ только разности и отличія, и вотъ образъ, если не нарисованный мной самимъ, то могущій быть легко нарисованъ читателемъ.

Дѣдъ мой въ общихъ чертахъ удивительно походилъ на старика Багрова, и день его, въ ту эпоху, когда онъ уже могъ жить на покой, мало разнился, судя по семейнымъ рассказамъ, отъ дня Степана Багрова. Чуть что даже каминозавъ подошма у него не было, а что свои талайченки, даже свои собственные капычки были, это я очень хорошо помню. Разница между нимъ и Степаномъ Багровымъ была только въ томъ, что онъ, такой же кражевой человѣкъ, поставленъ былъ въ иные жизненные условия. Онъ не родился помѣщикомъ, а сдѣлался имъ, да и то вѣдь конецъ своей жизни, многодѣльной и многотрудной. Пришолъ онъ въ Москву изъ сѣверо-восточной стороны въ нагольненъ полушубкѣ, пробивалъ себѣ дорогу лбомъ, и пробилъ дорогу, для его времени довольно значительную. Пробилъ онъ ее разумѣется службой, и потому пробилъ, что былъ отъ природы человѣкъ ушій и энергическій. Еще была у него отличительная черта, — это жажда къ образованію. Онъ былъ большой начепаикъ духовныхъ книгъ и даже съ архіереемъ перѣдѣ спорилъ; послѣ него осталось довольно большая библіотека и дѣлая библіотека, которою мы потомки какъ-то мало дорожимъ...

Странная вотъ еще эта черта, между прочаго и опять-таки черта, какъ мнѣ кажется общая въ нашемъ развитіи, — это то, что мы всѣ маленькіе Петры-великіе на половину и обломевцы на другую. Въ известную эпоху мы готовы съ озлобленіемъ уничтожить слѣды великаго прошедшаго, увлеченные чѣмъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ что намъ понравилось, и потому чуть что не плакать о томъ, чѣмъ мы пренебрегали и что мы разрушали. Мнѣ было уже лѣтъ одиннадцать, когда привезли намъ въ Москву изъ деревни сундуки съ старыми книгами дѣда. А то была уже эпоха различныхъ псевдо-историческихъ романовъ, которыми я безразлично увлекался, всѣми отъ «Юрія Милос-

славнаго» до «*Давида Игоревича*» и другихъ безвѣстныхъ вынѣ произведеній, отъ «*Новика*» Лажечникова до «*Леонида*» Рафаила Зотова. Странно повѣяли на меня эти старыя книги дѣда въ ихъ пожелтѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ, книги мрачныя, степенныя, то въ листъ и печатаныя славянскимъ шрифтомъ, какъ знаменитое «*Добротолюбіе*», то въ малую осьмушку, шрифтомъ XVIII вѣка, и оригинальныя вродѣ назидательныхъ сочиненій Эммануила, и переводныя вродѣ твореній Бюніана и Іоанна Арндта, и крошечныя и полуистрепанныя, какъ рѣдкія вынѣ изданія сатирическихъ журналовъ: «*И то и се*», «*Всякая всячина*». Какъ теперь помню, какъ я глядѣлъ на нихъ съ какомъ-то пренебреженіемъ, какъ я — а мнѣ отдали право распорядка этой библиотеки — не хотѣлъ удостоить ихъ даже чести стоять въ одномъ шкапу съ «*Леонидами*», «*Постоялыми дворами*», «*Дмитріями Самозванцами*» и другимъ вздоромъ, которымъ подъ вліяніемъ эпохи наполнилъ я шкапъ, отдѣливши отъ нихъ только сочиненія Карамзина, къ которому воспитанъ я въ суевѣрномъ уваженіи. Помню, я даже топталъ ихъ ногами въ междодованіи, а все-таки, пожиранный жаждою чтенія, заглядывалъ въ нихъ, въ эти старыя книги, и даже зачитывался порою сатирическихъ изданій новиковской эпохи (Росладъ и другихъ одъ, равно какъ сочиненій Княжнина и Николаева одолѣть я никогда не могъ) и знакомствомъ своимъ съ мыслью и жизнью ближайшихъ предковъ обязанъ былъ я все имъ же, старымъ книгамъ. И какъ я жалѣлъ въ зрѣлыя годы объ этой распропавшей, раскраденной илѣнными лакеями и съѣденной голодными мышами библиотекѣ! Но увн! какъ и вездѣ и во всемъ, поядно хватаемся мы за наши преданія...

Дѣдъ мой былъ знакомъ даже съ Новиковымъ, и сохранилось въ семьѣ преданіе о томъ, какъ струсился онъ, когда взяли Моавикова, и перенесъ множество книгъ, подаренныхъ ему Николаемъ Ивановичемъ. Былъ ли дѣдъ масовомъ — не могу сказать повѣрное. Наши ничего объ этомъ не знали. Лицо, принадлежавшее къ этому ордену и имѣвшее, какъ расскажу я современнѣ, большое вліяніе на меня въ моемъ развитіи, говорило что было.

Дѣдъ и мнръ, когда-то вокругъ его процвѣтавшій, мнръ довольства и даже избытка, кареты четверной, мнръ страшнаго, багровскаго деспотизма, набожности домашнихъ своръ, это бы-

ла Аркадія для моеї тетки, но-далеко не была это Аркадія для моего отца, человѣка благодушнаго и умнаго, но нисколько не экзальтированнаго.

Когда прїѣзжали къ намъ изъ деревни погостить бабушки и тетки, я рѣшительно поддавалъ подѣ вліяніе старшей тетки; о ней, какъ о лицѣ довольно типическомъ, я буду говорить еще неразъ. Натура страстная и даровитая, не вышедшая замужъ по страшной гордости, она вся сосредоточилась въ воспоминаніяхъ прошедшаго. У нея даже тонъ былъ постоянно экзальтированный, но мнѣ только уже въ позднѣйшіе года началъ этотъ тонъ звучать чѣмъ-то комическимъ. Ребенкомъ я отдавался ея расказами, ея мечтамъ о фантастическомъ золотомъ вѣкѣ, даже ея несбыточнымъ, но упорнымъ надеждамъ на непремѣнный возвратъ этого золотого вѣка для нашей семьи.

Была даже эпоха и... я обѣщался быть искреннимъ во всемъ, что относится къ душевному развитію, буду искренень до послѣдней степени, — эпоха вовсе не первоначальной молодости, когда подѣ вліяніемъ мистическихъ идей, я вѣровалъ въ какую-то таинственную связь моеї души съ душою покойнаго дѣда, въ какую-то метемпсихозу неметемпсихозу, а солидарность душъ. Нерѣдко возвращаясь ночью изъ Сокольниковъ и выбирая всегда самую дальнюю дорогу, ибо я любилъ бродить по Москвѣ поночамъ, я, дойдя до церкви Никиты-мученика въ басманной, останавливался передъ старымъ домомъ на углу переулка, первымъ пристанищемъ дѣда въ Москвѣ, когда пришелъ онъ составлять себѣ фортуны, и садясь на паперть часовни, ждалъ по получасу, не явится ли ко мнѣ старый дѣдъ разрѣшить мнѣ множество тревожившихъ мою душу вопросовъ. На ловца обыкновенно и звѣрь бѣжитъ. Съ человѣкомъ, наклоннымъ къ мистическому, случаются обыкновенно и факты, незначительные для другихъ, но влекущіе его лично въ эту страшную бездну. Раза два въ жизни, и всегда передъ разными ея переломами, дѣдъ являлся мнѣ во снѣ. Дѣло психически очень объяснимое, но питавшее въ душѣ склонность ея къ таинственному міру.

Сувѣрія и преданія окружали мое дѣтство какъ дѣтство всякаго, большой или небольшой руки барченка, окружнаго большой или небольшой дворней, и по временамъ совершенно ей предоставляемаго. Дворня, а у насъ именно изюнокъ-вѣка ве-

лась она, несмотря на то, что отецъ мой только-что жилъ достаточно, была дся изъ деревни, и съ ней я пережилъ весь тотъ міръ, который съ дѣйствительнымъ мастерствомъ передалъ Гюгъ въ «Сидѣ Обломова». Когда наѣзжали родные изъ деревни, съ ними прибывали нѣкоторые члены тамошней обширной дворян, и подавали жара моему суевѣрному, или лучше сказать фантастическому настрою, новыми рассказами о таинственныхъ козлахъ, бодающихся въ полночь на мостикъ къ саду Малахову, о кладѣ въ кирковскомъ лѣсу — одной изъ главныхъ основъ надежды моей тетки на возвратъ Аркадія, о колдунѣ-мужикѣ, зарытомъ на перекресткѣ. Да прибавьте еще къ этому старика дѣда, брата бабушки, который впоследствии, когда мнѣ было уже десять лѣтъ, жилъ у насъ со мной на мезонинѣ, читалъ все священныя книги и молился, даже на молитвѣ и умеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый вечеръ рассказывалъ съ полнѣйшею вѣрою исторіи о мертвецахъ и колдуньяхъ, да прибавьте еще двоюродную тетку, наѣзжавшую съ бабушкой изъ деревни, — тетку, которая была воплощеніе простоты и доброты, умѣвшую лечить домашними средствами всю окрестность, которая никогда не лгала, и между тѣмъ сама по ея рассказамъ видала виды...

На безобразно-нервную натуру мою этотъ міръ суевѣрій по-дѣйствовалъ такъ, что въ четырнадцать лѣтъ, напившись еще кромѣ того Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ на своемъ мезонинѣ, гдѣ спалъ я одинъ съ Иваномъ или Ванюшкой, который былъ моложе меня годомъ. Лихорадочно-тревожно прислушивался я къ бою часовъ, а они же впритомъ шипѣли и свѣли страшно-неистово и засыпалъ всегда только послѣ двѣнадцати, послѣ крика предразсвѣтнаго пѣтуха.

Съ лѣтами это прошло, нервы поогрубѣли, но знаете ли, что я бы дорого далъ зато, чтобъ снова испытать такъ же нервно это сладко-мирительное, болѣзненно-дразнящее настроеніе, эту чуткость къ фантастическому, эту близость много страшнаго міра... Вѣдь фантастическое вѣчно въ душѣ человѣческой, и стало-быть, такъ какъ я только въ душу и вѣрю, въ извѣстной степени законно.

III

ДВОРНЯ

Но не одно суевѣріе развило во мнѣ раннія отношенія къ народу. Одинъ великій писатель въ своихъ воспоминаніяхъ сказалъ уже доброе слово въ пользу такъ-называемой дворни и отношеній къ ней, описывая свой дѣтскій возрастъ. Не мало есть и дурного въ этойъ попорченномъ отсадкѣ народной жизни, дурного, въ которомъ виноватъ не отсадокъ, а виновато было рабство — не мало дурного разумѣется привилось и ко мнѣ, и привилось главнымъ образомъ не въ пору. Рано, даже слишкомъ рано пробуждены были во мнѣ половые инстинкты, и постоянно только раздражаемые, и неудовлетворяемые давали работу необузданной фантазіи; рано такъ же научилъ я всё тонкости крѣпкой русской рѣчи, и отъ кучера Василья послушался сказокъ о батракахъ и ихъ извѣстныхъ хозяевахъ, — и вообще кучера Василья во многихъ отношеніяхъ я долженъ считать своимъ воспитателемъ, почти на половину съ моимъ первымъ учителемъ...

Но была и хорошая, была даже святая сторона въ этомъ обиходѣ съ народомъ, съ его даже попорченными элементами. Разумѣется безосознательно поступали мой отецъ и моя мать, не удаляя меня отъ самыхъ близкихъ отношеній съ дворовыми, но во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ большую честь ихъ благодушному и простому взгляду, тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь, что въ нихъ какъ во всей нашей семьѣ было ужасно развито чувство дворянской амбиціи во всѣхъ другихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ же, все шло по какому-то изстари-заведенному порядку. Надобно сказать такъ же къ ихъ чести, что и собственные отношенія къ дворѣ по большей части были человѣческія, то-есть настолько человѣческія, насколько человѣчность была мыслима и возможна при крѣпостномъ правѣ. Бѣла у нихъ наша дворня всегда хорошо работала мало, шила, какъ мужескій полъ, такъ и женскій нестарше до крайнѣйшаго безобразія. Разъ, даже отецъ не купилъ весьма выгодно продававшася съ аукціона дома, потому только, что подлѣ него былъ кабакъ, и что тогда, по основательному возраженію матери, Василья съ Иваномъ старшимъ при-

шло бы ежечасно оттуда вытаскивать, да и старуху нянюку мою Прасковью точно такъ же. Между прочимъ я сказалъ, что отношенія моихъ родителей къ дворнѣ были человѣчны *большою частью*, и сказалъ не безъ основанія. Въ матери моей было въ высокой степени развито чувство самой строгой справедливости, но съ девяти лѣтъ моего возраста я уже не помню ея здоровою. Что за болѣзнь началась у ней и продолжалась до самой ея смерти, я не знаю. Знаменитый по Таганкѣ и Замоскворѣчью докторъ Иванъ Алексѣичъ Воскресенскій постоянно лечилъ ее, но болѣе двадцати лѣтъ болѣзнь ее грызла, и нѣсколько дней въ мѣсяцъ она, бѣдная мать моя, переставала быть человѣкомъ. Даже наружность ея измѣнялась: глаза, въ нормальное время умные и ясные, становились мутны и дики, желтыя пятна выступали на нѣжномъ лицѣ, появлялась на тонкихъ губахъ зловѣщая улыбка, и тогда забывалось всякое чувство справедливости... Совершенно лишенная образованія, читавшая даже по складамъ, хотя отъ природы одаренная замѣчательнымъ здравымъ разсудкомъ и даже эстетическимъ чутьемъ, — она пѣла очень хорошо по слуху, — бѣдная мать моя совершенно извращена была ужасной болѣзью. Во время приливовъ или припадковъ этой болѣзни, свѣтлыя, хорошія стороны ея личности исчезали, свойства, въ умѣренномъ видѣ хорошія, какъ наиримѣръ хозяйственная заботливость и расчетливость, переходили въ ужасныя крайности: неудовлетворенное, обиженное судьбою самолюбіе даровитой, но лишонной средствъ развитія личности выступало одно на мѣстѣ всѣхъ душевныхъ качествъ. А бывали минуты, — увы! чѣмъ далѣе шла жизнь, тѣмъ становились онѣ рѣже, — когда она какъ будто свѣтлѣла и молодѣла. Прекрасныя и тонкія черты ея лица прояснялись, не теряя впрочемъ никогда нѣкоторой строгости не строгости, и какой-то грустной серьезности; движенія теряли рѣзкость и становились гибкими; голосъ, болѣзненно надорванный, звучалъ благородными контральтовыми звуками. О какъ я любилъ ее въ эти рѣдкія минуты. Откуда являлось у нея вдругъ столько женственнаго такта въ разговорѣ съ посторонними, такое отсутствіе выжимокъ и ужимокъ, ощипываній и одергиваній, отличавшія ее рѣзко отъ всѣхъ другихъ барынь нашего круга, барынь, походившихъ *большою частью* на мать Хорькова въ «Бѣдной Невѣстѣ».

Съ другой стороны отецъ, человѣкъ съ весьма свѣтлымъ

умомъ и съ благодушiемъ такимъ , что покойный дѣдъ , энергическій и кряжевый человѣкъ , звалъ его отчасти любовно , а отчасти насмѣшливо Израилемъ , запуганный даже отчасти съ дѣтства , — иногда , хотя очень рѣдко , раза два въ годъ , повторялъ въ жизни багровскiя выходы дѣда . И вовсе вѣдь не потому , чтобы въ это время онъ былъ особенно выведенъ безобразiемъ дворни изъ границъ человѣческаго терпѣнiя . Еслибы такъ , то поводы къ выходу изъ нормальнаго , благодушнаго состоянiя представлялись ежесдневно . Нѣтъ , это было нѣчто физиологическое , дань чему—то родовому , нѣчто совсѣмъ бѣшеное и неустоное , нѣчто такое , чего приливы я самъ , конечно по другимъ поводамъ , чувствовалъ иногда въ себѣ и чему тоже отдавался какъ звѣрь... Съ лѣтами въ немъ эти приливы родового неистовства становились все рѣже и рѣже . Онъ былъ и лицомъ и характеромъ похожъ на свою мать , мою бабушку , — бабушку , которую зналъ я только старушкою и которая всегда являлась мнѣ невозмутимо—креткою , свокоиною , глубоко , но никакъ не до ханжества благочестивою , съ разумнымъ словомъ , съ вѣчною , до крайности даже нѣжкою и безпокойною заботливостью о своихъ бѣдныхъ дочеряхъ , мовъ старыхъ теткахъ , съ благоговѣнною памятью о своемъ строгомъ и не всегда ровномъ Иванѣ Григорьичѣ и съ явными слѣдами на своей натурѣ влiянiя этой кряжевой личности , слѣдами , очевидными въ ея здравыхъ религiозныхъ понятiяхъ , въ ея твердой вѣрѣ въ справедливость... Да ! по многому въ правѣ я заключить , что далеко не дюжинный человѣкъ былъ дѣдъ . Служа , онъ какъ и всѣ , вѣроятно , бралъ если не взятки , то добровольные поборы , но таковы были понятiя окружающей его среды : помимо этихъ понятiй , въ немъ жило крѣпко чувство добра и чести , и была въ немъ еще , по рассказамъ воѣхъ его знавшихъ , даже дальнихъ родныхъ и постороннихъ , необоршная , ветхозавѣтная вѣра въ Бога израилева , въ Бога правды , была въ немъ святая гордость , которая заставляла его не держать языка на привязи гдѣбы—то ни было и передъ кѣмъ бы те ни было... передъ архiereями ли , съ которыми онъ любилъ водиться , передъ свѣтскими ли властями , съ которыми онъ поставлемъ былъ судьбою въ столкновение .

Но я опять увлекся любимымъ образомъ моего дѣтства , этимъ идеаломъ , съ которымъ я долго—долго сопоставлялъ моего умнаго и благодушнаго , но весьма не характернаго отца , никакъ не

видя, что у него совѣтъ другая природа, любя его истинно, но не уважая разумно его собственныя; личные хорошия стороны...

Родовыя вспышки отца и ежемѣсячныя припадки болѣзни матери нарушали обычную распущенность нашей жизни, но они же развили во мнѣ чувство состраданія до болѣзненности. Я ревѣлъ до истерикъ, когда доставалось за пьянство кучеру Василью или женѣ его, моей старой нянькѣ, за гульбу по ночамъ и пьянство челобѣту Ивану и за гульбу съ молодцами моей молодой и тогда красивой нянькѣ Лукерьи... Я всегда являлся представителемъ въ этихъ случаяхъ, и отецъ даже въ порывахъ бѣшенства, но благодушію своей природы любилъ во мнѣ это представительство. Что онъ любилъ, это очень хорошо, но напрасно онъ показывалъ мнѣ, что онъ это любитъ. Это развило во мнѣ какое-то раннее актерство чувствомъ, раннюю способность къ подозрѣванію собственной чувствительности... Помню, — мнѣ было лѣтъ девять, — нарыдавшись истинно, я прежде чѣмъ идти къ отцу просить за отпущеннаго въ часть Василья или Ивана, смотрѣлся въ зеркало, достаточно ли видъ у меня разстроенъ.

Но во всякомъ случаѣ, я съ дворовыми жилъ совершенно интимно. У нихъ отъ меня секретовъ не было, ибо они знали что я ихъ не выдамъ. Лѣтъ уже четырнадцати-пятнадцати даже, я запиралъ двери за Иваномъ, уколотившимъ «въ ночную» къ своимъ любовницамъ и отпиралъ ихъ ему въ заутрени; уже студентомъ привозилъ нѣсколько разъ, самъ права лошадей, кучера Василья въ своихъ объятіяхъ позднимъ вечеромъ, тихою отворяя ворота...

И они любили меня, разумѣется любили по своему — любили до тѣхъ поръ, пока въ позднѣйшую эпоху жизни интересы ихъ нестолкнулись съ моими. Разумѣется нечего винить ихъ за свою корыстную любовь. Грѣхъ не на нихъ, а все-таки на крѣпостномъ правѣ, много развратившемъ высокую природу русскаго челобѣту. Одна старая нянька (она же была у насъ долгое время и кухаркой, пока не купили повара) любила меня истинно, сердечно — умерла даже съ желаніемъ хотя бы глазкомъ взглянуть на меня, бывшаго въ Петербургѣ, въ минуту ея смерти, — да и то я думаю потому, что она была вольная изъ Арзамаса и по страстной любви, овдовѣвши послѣ перваго брака, вышла за пьянаго крѣпостнаго кучера Василья...

А много, все-таки много обязанъ я тебѣ въ своемъ развитіи, безобразная, распушенная, своекорыстная дворня.... Нѣтъ, или мало пѣсенъ народа мнѣ чуждыхъ: звучашія дѣтскому уху, онѣ отдались какъ старыя знакомыя въ поздней молодости, онѣ, на время забытыя, пренебреженныя, попоранныя даже какъ старыя книги дѣда, возстали потомъ душѣ во всей ихъ непосредственной красотѣ... Во всѣ народныя игры игрывалъ я съ нашею дворнею на широкомъ дворѣ: и въ бую, и въ лапту, и даже въ чехарду, когда случалось, что отецъ и мать уѣзжали изъ дому въ гости и не брали меня; всѣ басни народнаго животнаго эпоса про лисицу и волка, про лисицу и пѣтуха, про житье-бытье пѣтуха, ката и лисицы въ одномъ домѣ — переслушалъ я въ осеннія сумерки отъ деревенской дѣвочки Марины, взятой изъ деревни собственно для забавы мнѣ, — лежа, закутанный въ шубку, въ старомъ ларѣ въ сараѣ...

Наѣзжали порою мужики изъ бабушкиной деревни. Вотъ тутъ-то еще больше наслушивался я диковинныхъ рассказовъ — постоянно уже проводя все время съ мужиками на кухнѣ. Всѣхъ я ихъ зналъ по рассказамъ многихъ лично; со мной они, предупрежденные дворней, не чинились и не таились... Ужасно я любилъ ихъ, и провожая почтенныхъ мужиковъ, какъ староста Григорій поминалъ даже въ своихъ дѣтскихъ молитвахъ, послѣ родныхъ и ближайшихъ окружающихъ...

IV

С Т О Р О Н А

Да и сторона-то, надобно сказать, была такая, которая могла нарѣзать на душѣ неизгладимые слѣды!

Я началъ исторію своихъ впечатлѣній съ общаго образа Замоскворѣчья, рискуя, и конечно рискуя сознательно, попасть на зубокъ нашимъ различнымъ обличительнымъ изданіямъ. Я сказалъ уже кажется, что Замоскворѣчье не только особый міръ, а соединеніе разныхъ особыхъ міровъ, носящихъ каждый свою отдѣльную, типовую физиономію.

Встанете съ нами, читатели, бывавшіе въ Москвѣ, на высотѣ Кремля, съ которой огромныя полукружіемъ разверты-

вается передъ вами юговосточная, южная и югозападная часть Москвы. Если я съ самаго начала не повелъ васъ туда, на кремлевскую гору, то, покаюсь въ этомъ, во избѣжаніе рутиннаго приѣма. Видъ Москвы съ кремлевской вершины почти такое же избитое мѣсто, какъ видъ ея съ Воробьевыхъ горъ. И теперь я становлюсь съ вами на этомъ пунктѣ только потому что такъ мнѣ нужно...

Панорама пестра и громадна, поражаетъ пестротою и громадностью, но все же въ ней есть извѣстныя, выдающіяся точки, къ которымъ можно приковать взглядъ... Онъ упирается пальцею въ далекой дали, въ двѣ огромныхъ колокольни двухъ монастырей: новоспасскаго и симонова... Старые монастыри — это нѣчто въ родѣ драгоценныхъ камней въ вѣнцахъ, стягивающихъ въ предѣлы, громадный городъ-растеніе, или если вамъ это сравненіе покажется вычурнымъ, — нѣчто въ родѣ бляхъ въ его обручахъ... Дѣло не въ цвѣтѣ сравненія, а въ его сущности, и сущность, если вы взглянете безъ предубѣжденія, будетъ вѣрна; старые пласты города стягиваетъ обручъ съ запястьями-монастырями, состоящими въ городской чертѣ: бывшимъ алексѣевскимъ, который я еще помню, и на мѣстѣ котораго высится теперь храмъ Спасителя, упраздненнымъ новинскимъ, никитскимъ, петровскимъ, рождественскимъ, андроніевскимъ; разросшіяся слободы стянуты тоже обручемъ горизонтальной линіи, на которой законными, останавливающими взглядъ пунктами являются тоже монастыри: новоспасскій, симоновъ, донской, дѣвичій...

Я обратилъ ваше вниманіе на дальнія точки горизонтальной линіи, потому что къ одному изъ этихъ пунктовъ «тянеть», по допетровскому пластическому выраженію нашихъ дьяковъ, та или другая сторона Москвы, сторона съ особеннымъ видомъ и характеромъ. Внутри городской черты монастыри потеряли свое значеніе притягивающихъ пунктовъ, хотя прежде вѣроятно имѣли его: вѣдь на обручѣ Китай-города есть тоже свои бляхи: знаменскій, богоявленскій монастыри и т. д. Въ Замоскворѣчьи и въ Таганкѣ, которая «тянеть» на половину къ андроніеву, на половину къ «Спасу повому», типовой характеръ монастырей уцѣлѣлъ разумѣется болѣе... Особый характеръ, особый цвѣтъ и запахъ жизни у юговосточнаго Замоскворѣчья, которое «тя-

вотъ» къ симонову, и у южнаго и югозападнаго, которыя тянуть къ донскому...

Идя съ вами въ глубь Замоскворѣчья, я указалъ вамъ на его три или собственно двѣ главныя жилы, кончающіяся несуществующими на дѣлѣ воротами, но не упомянулъ о третьей, огромной юговосточной жилѣ, о пятиницкой, названной такъ по церкви иконостасно-народной святой пятиницы—Прасковен.

Но не церковь пятиницы—Прасковен поражаетъ и останавливаетъ вашъ взглядъ съ кремлевской вершины, когда вы, отклонивъ постепенно глаза отъ юговостока, ведете ихъ по направлению къ югу, а пятиглавая, великолѣпная церковь Климента папы римскаго. Передъ ней вы остановитесь и идя по пятиницкой: она поразитъ васъ строгостью и величавостью своего стиля, своею даже гармоніею частей... Но особенно выдается она изъ безчисленнаго множества различныхъ узорочныхъ церквей и колоколенъ, тоже оригинальныхъ и необычайно-живописныхъ издали, которыми въ особенности отличается юговосточная часть Замоскворѣчья... Путешествуя по его извилистымъ улицамъ, заходя дальше и все дальше въ глубь, вы натолкнетесь можетъ быть на болѣе оригинальный стильъ старыхъ, приземистыхъ и узорчатыхъ церквей съ главами—луковицами, но издали надо вѣдь властуетъ безъ сомнѣнья Климентъ. Около него, по пятиницкой и вправо отъ нея, сосредоточилась въ свои каменные дома и дворы съ заборами, нерѣдко каменными, жизнь по преимуществу купеческая: вѣдь жизнь купеческая сплетается съ мелкобѣщанскою, мелкочиновническою и даже пожалуй мелкодворянскою. Идя по пятиницкой, вѣдь, вы добредете даже до Зацѣпы, этого удивительнаго уголка міра, гдѣ совершается невозможнѣйшая съ общечеловѣческой точки зрѣнія и вѣдь одна изъ вѣдь действительнѣйшихъ драмъ Островскаго «Въ чужомъ виру похитѣль», гдѣ хозяйка честнаго учителя беретъ росписку съ Андрюши Брускова въ женитьбѣ на дочери своего постояльца, и «Коть Кытычъ» платится по этой странной роспискѣ, ибо не знаетъ что могутъ сдѣлать «стрюцкіе», и внутренне боится ихъ, хотя и ломается надъ пропившимся «стрюцкимъ» Сахаромъ Сахарычешъ... Тутъ между Зацѣпой и комисаріатомъ, двѣ жизни: жизнь земщины и жизнь «стрюцкихъ» живутъ рядомъ одна съ другою, растительно сплетаются, хоть не смѣшиваются и тѣмъ вѣдь амальгамируются.

Только затѣмъ, изволите видѣть, я и водилъ васъ на вершину Кремля, чтобы оттуда различить для васъ двѣ полосы Замоскворѣчья. Дѣтство мое прошло въ первой, юговосточной, — отрочество и ранняя молодость въ югозападной.

Жизнь, которая окружала меня въ дѣтствѣ, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь «стриюцкихъ», ибо отецъ мой служилъ, и служилъ въ одномъ изъ такихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя не проникалъ уровень чиновничества, въ которомъ бражничало, дѣлало дѣла и властвовало подъячество... Эта жизнь «стриюцкихъ» соприкасалась множествомъ сторонъ съ жизнью земщины, и въ особенности въ уголкѣ міра, лежащемъ между комиссаріатомъ, Зацѣпой и пѣтушницей.

Какъ теперь видится мнѣ мрачный и вѣтхій домъ съ незониномъ, полиняло-желтаго цвѣта, съ неизбежными алебастровыми украшениями на фасадѣ и чуть ли даже не съ какими-то звѣрями на плачевно-старыхъ воротахъ, домъ съ явными претензіями, домъ съ дворянской амбиціей, домъ, въ которомъ началось мое сознательное дѣтство. Два такихъ дома стояли рядомъ, и нѣкогда оба принадлежали одному дворянскому семейству, не изъ сильно впрочемъ родовитыхъ, а такъ себѣ... Обитатели дома, въ который мы переѣхали съ Тверской, были женскіе остатки этого когда-то достаточнаго семейства: вдова-барыня съ двумя дочерьми-дѣвками. Хозяинъ другого, племянникъ вдовы, жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, и домъ долго стоялъ опустѣлый, только на мезонинѣ его, въ таинственномъ заключеніи жила какая-то его воспитанница. И объ этомъ мезонинѣ, и объ этой заключенницѣ, и о самомъ хозяинѣ пустого дома, развратникѣ по сказаніямъ и фармазонѣ — ходили самые странные слухи.

Оба дома смотрѣли на церковную ограду Спаса болвановской церкви, ничѣмъ впрочемъ кромѣ своего названія незамѣчательной, стояли какими-то хмурыми гуляками, замущенными или запустившими себя съ горя, въ ряду другихъ, крѣпко сколоченныхъ и хозяйственно глядѣвшихъ купеческихъ домовъ, съ высокими воротами и заборами. Уныло кивалъ имъ симпатически только каменный домъ съ полуобвалившимися колоннами на концѣ переулка, домъ тоже дворянскій и значительно болѣе дворянскій.

Мрачность ли этихъ домовъ съ ихъ ушедшимъ внутрь и востраки притязательнымъ дворянскимъ честолюбіемъ подѣляемо-

сам сразу на мое впечатлительное воображеніе, или такъ ужъ на роду мнѣ было написано воспитывать въ душѣ двойную т. е. родовую и свою мечтательную Аркадію, но все время нашего тамъ пребыванія, продолжавшагося года четыре до покупки дома въ другой южной сторонѣ Замоскворѣчья, я относился къ этому жилью и къ житію въ немъ съ отвращеніемъ и даже съ ненавистью, и все желѣлъ въ дѣтскихъ мечтахъ Аркадію тверскихъ воротъ съ большимъ каменнымъ домомъ, наполненнымъ разнообразными жильцами, съ шумомъ и гамомъ ребячь на широкомъ дворѣ, съ воспоминаніями о сѣрыхъ лошадяхъ хозяина, слѣго купца Игнатія Иваныча, которыхъ важивалъ онъ меня часто смотрѣть въ чистую и свѣтлую конюшню; объ извозчикѣ-ляхачѣ, Дементѣ, который часто каталъ меня отъ тверскихъ воротъ до нынѣшнихъ триумфальныхъ, вѣроятно изъ симпатіи къ русымъ волосамъ и румянымъ щекамъ моей младшей няньки; о широкой площади съ воротами страстного монастыря передъ глазами и съ изображеніями на нихъ «страстей господнихъ», къ которымъ любила ходить со мною старая моя нянька, толковавшая мнѣ посвоему, апокрифически-легендарно эти изображенія въ извѣстномъ тонѣ апокрифическаго сказанія о «свѣ богородицы».

Многое можетъ-быть — и начинавшаяся болѣзнь матери, и начавшаяся для меня проклятая латинская грамматика Лебедева, къ которой до-сихъ-поръ не могу я отнестись безъ нѣкотораго, самому мнѣ смѣшного, враждебнаго чувства, и еще болѣе проклятая арифметика, съ которой никогда я не могъ помириться, будь она Меморсиаго, какъ преживя, или Аллеза, Гилья, Пюссана Вудро какъ послѣдующая, многое, говорю, навѣвало на меня можетъ-быть враждъ, — не только враждебно относился я къ матерно-бытію на Болвановкѣ.

Но странная сила есть у прошедшаго, и въ особенности на нѣтъ людей былаго поколѣнія. Чѣмъ дальше отдаляли отъ меня годы это житіе, тѣмъ больше и больше свѣтлѣло оно у меня въ памяти. Шляясь часто повечерамъ по Москвѣ, я въ мои зрѣлые годы углублялся въ лѣвую сторону Замоскворѣчья, но увы! и слѣдовъ стараго не было. Уцѣлѣли крѣпко сколоченные купеческіе дома, но отвалили колонны у каменнаго дома, выбѣлили его в'аридаль ему прилично-истертую наружность новые хозяева, а нѣкоторые избѣлионныхъ дворянскихъ домовъ въ концѣ переулка

выстроились новые, чистые купеческіе дома. Самая ограда церкви, вилившая нѣкогда кривою линіею, отступила на шагъ и вытянулась въ струнку, по ранжиру...

И понятно, кромѣ общаго закона идеализаціи прошедшаго по мѣрѣ его удаленія отъ насъ, почему свѣтлѣло для меня сабоблвановское житье-бытье.

При старомъ домѣ былъ садъ съ заборомъ, весьма некрѣпкаго и дыряваго качества, и заборъ выходилъ уже на Зацѣлу, и въ щели повечерамъ смотрѣлъ я какъ собирались и разыгрывались кулачные бои, какъ ватага мальчишекъ затѣвала дѣло, которое чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше захватывало большихъ. О! какъ билось тогда мое сердце, какъ мнѣ хотѣлось тогда быть въ толпѣ этихъ зачинающихъ дѣло мальчишекъ, мнѣ, барченку, котораго держали въ хлопкахъ, нарѣдка только позволяя (да слава-богу, что хоть нарѣдка-то!) играть въ игры съ дворнею. А въ большіе праздники водились тутъ хороводы фабричными и живо, страстно сочувствовалъ я нашей замкнутой на дворѣ дворнѣ, которая облизывалась какъ котъ, смотрѣла на вольно-шумѣвшую вокругъ нея вольную жизнь!

V

ПОСЛѢДНЕЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ МЛАДЕНЧЕСТВА

Да! меня держали въ хлопкахъ; жизнь, окружавшая меня, давала мнѣ только впечатлѣнія, дразнила меня, и потому все сильнѣе и сильнѣе развивалась во мнѣ мечтательность. На меня порою находила даже какая-то неестественная тоска, въ особенностяхъ по осеннимъ и зимнимъ долгимъ вечерамъ. Игрушками я былъ буквально заваленъ, и онѣ мнѣ наскучили.

Мнѣ шло въ седьмой годъ, когда стали серьезно думать о прискаваніи для меня учителя, разумеется, по средствамъ и по общей методѣ подешевле. До тѣхъ поръ мать сама кое-какъ учила меня разбирать по складамъ, но какъ-то долше буки-рцы-азъ ра-бра (такъ произносилъ я складъ) я не ходилъ. Вообще я былъ безгранично лѣнивъ до двѣнадцати лѣтъ возраста.

Стали наконецъ дѣйствительно искать учителя, но прежде всего, по извѣстному русскому обычаю покупать прежде подоф-

шить, а затѣмъ уже корову, купили неизвѣстно для какихъ цѣлей указку. Указка была костяная, прекрасивенькая и я черезъ день же ее сломалъ, какъ ломалъ всякія игрушки. Помню какъ тѣперь, въ осенній вечеръ, когда уже свѣчи подали, сидѣлъ я на коврѣ въ залѣ, обложенный игрушками, слушаю рассказы младшей няньки про бабушкину деревню и стараюсь разгадать что такое Иванъ, сидѣвшій тутъ же на коврѣ, дѣлаетъ съ куколками, показывая ихъ Лукерѣ и отчего та то ругается, то смѣется, — явился учитель-студентъ въ мундирѣ и при шпагѣ и бойкою походкою прошолъ въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ. «Учитель, учитель!» сказала моя нянька и съ любопытствомъ заглянула ему вслѣдъ въ гостиную. «Съ форсомъ!» добавилъ Иванъ и опять сталъ что-то ей таинственно показывать...

Я заревѣлъ...

Насилу меня увяли рассказами о будущей моей невѣстѣ и о золотой каретѣ, въ которой поѣду я вѣнчаться, а между тѣмъ черезъ четверть часа, отворились двери гостиной и отецъ, провожая студента, указалъ ему на меня, потомъ подозвалъ меня и прибавилъ: «такъ начинайте съ-богомъ во вторникъ.»

А во вторникъ былъ день Козьмы и Даміана безсребренниковъ, день, въ который обыкновенно учить начинаютъ по преданіямъ...

Но видно преданіямъ вообще суждено было всегда носиться вокругъ меня, а не исполняться вполне надо мною. Насталъ день покровителей ученія, посадили меня съ азбукой и сломанной указкой у окна и велѣли ждать учителя. Помню что бессмысленно и вмѣстѣ тоскливо, ничего незамѣчая, ничего даже не думая и ни о чемъ противъ обыкновенія не мечтая, проглядѣлъ я съ часъ на улицу. Было одинадцать, — срокъ назначенный для урока, — учитель не явился. Съ мѣста меня сняли. Было двѣнадцать — учителя все не было. Пришолъ часъ обѣда, воротился отецъ изъ отсутствія.

Дворянская амбиція въ немъ заговорила.

Воспитанникъ бывшаго благороднаго пансіона, товарищъ по воспитанію Жуковского и Тургеневыхъ, онъ несмотря на здравый умъ свой и доброту души, былъ проникнутъ какимъ-то страшнымъ пренебреженіемъ къ поповичамъ, тѣмъ болѣе страшнымъ, что въ семьѣ у насъ было множество родни духовнаго чина всякихъ подраздѣленій: отъ протоіереевъ до дьяконовъ и

даже ниже. Впрочемъ это былъ ужъ общій недостатокъ отца, старшей тетки и дяди, что они не любили распресовъ о степеняхъ родства съ дядей ихъ протопопомъ Андреемъ Ивановичемъ и другими лицами духовнаго вѣдомства. У отца же кромѣ того притѣшывалась специальная антипатія къ поповичамъ, зывесенная шизъ изъ университетскаго благороднаго пансіона. Рассказывая о своемъ пребываніи въ немъ, онъ никогда не забывалъ упомянуть о томъ, какъ они, дворянчики, обязанные слушать послѣдній годъ университетскія лекціи, перебранивались на лѣстницахъ университета съ настоящими студентами изъ поповичей, ходившими въ его время въ какихъ-то желтыхъ нанковыхъ брюкахъ въ сапоги и велѣпыхъ мундирахъ съ желтыми воротничками.

Надо сказать правду, что и въ это время, въ 1828 году, некрасивъ былъ студенческій мундиръ: синій, съ красно-оранжевымъ воротникомъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то полицейское, и университетская молодежь почти никогда не носила его, хотя даже и на лекціи въ партикулярномъ платьѣ.

Для отца, по старой памяти, понятіе о студентѣ сливалось съ понятіемъ о поповичѣ. Притомъ же амбіція произвела въ немъ мгновенно родовую вспышку, и когда студентъ явился вечеромъ, онъ принялъ его весьма сухо, и несмотря на его извиненія, отказалъ отъ уроковъ...

Такъ и неудалось мнѣ начать учиться въ день преподобныхъ Козьмы и Даміана.

Опять постарому принялась учить меня по складамъ мать, и такъ же точно постарому дальше буки-рцы-азъ ра-бра, мы неподвигались.

Наконецъ въ одни тоже осеннія, но уже ноябрьскія сумерки пріѣхалъ младшій товарищъ отца по службѣ, секретарь Дмитрій Ильичъ съ женою, красивою, и крайне-веселою поповною, любимой ужасно моею матерью за живой и добрый характеръ и развлекавшей нерѣдко своей болтовней ея шихондрическіе припадки. Объявили они за чаемъ, что вслѣдъ за ними будетъ ихъ «сродственникъ» отецъ Иванъ, священникъ одного подмосковнаго села Перова съ сыномъ, молодецкимъ семинаристомъ, только-что вступившимъ въ университетъ и разумеется на медицинскій факультетъ. Точно не позже какъ черезъ часъ какой-нибудь, прибылъ отецъ Иванъ въ треухѣ и замчѣй шубѣ, рослый, но худой старикъ съ значительной лысиной, оказавшейся

во святѣи треуха. За нимъ выступалъ робкою поступью, съ потупленными долу очами, съ розовыми щеками, юноша, чуть не мальчикъ во фризовой шинели. Прехорошенькій былъ онъ тогда, какъ я его помню... Меня — а я какъ теперь его вижу — непоразила даже особенная сахарная сладость его фizioноміи и маслянистость глазъ, которыя замѣтилъ я уже впоследствии. Я даже не заревѣлъ.

Отецъ Иванъ и Дмитрій Ильичъ «осадили» въ вечеръ графиня съ четыре ерофеичу на звѣробоѣ. Отецъ мой не пилъ съ ними, ибо уже лѣтъ десять тому назадъ бросилъ «заниматься этимъ шалодушествомъ, пить» но усердно ихъ подчивалъ, былъ въ духѣ, а когда онъ былъ въ духѣ, онъ какъ-то невольно располагалъ всѣхъ къ веселости, подшучивалъ надъ Сергѣемъ Ивановичемъ, — такъ звали моего будущаго юнаго наставника. Юный наставникъ, прикашливая посеминарски, краснѣя запинаясь въ отвѣтахъ; для приданія себѣ «континенту» обратился онъ ко мнѣ со спросомъ, какъ и чѣмъ я до него занимался. Я помню, отвѣчалъ ему безъ малѣйшей запинки, и весело потащилъ его въ залу показывать мои игрушечныя богатства. Онъ немогъ скрыть своего изумленія, и отчего-то ужасно покраснѣлъ, увидавши мою младшую нявкку.

Дѣло было порѣшено. Съ завтрашняго же дня Сергѣй Ивановичъ долженъ былъ перебраться къ намъ.

Начиналось мое «ученье...»

АПОДЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ В. ГЮГО

КНИГА СЕДЬМАЯ

I

О ТОМЪ КАКЪ ОПАСНО ДОВѢРЯТЬ КОЗАМЪ СВОИ СЕКРЕТЫ

Прошло уже нѣсколько недѣль.

Были первые дни марта. Солнце, котораго Дюбарта, этотъ классическій прашуръ перифразы, еще не называлъ *великимъ герцогомъ свѣчь*, блистало ярко и весело. Былъ одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, которымъ парижане радуются какъ празднику, рассыпаясь по всѣмъ мѣстамъ для гулянья. Въ эти свѣтлые, теплые и радостные дни бываетъ одинъ часъ, въ который въ особенности хорошо любоваться порталомъ собора Богоматери, именно въ то время, когда солнце уже склоняясь къ западу, смотритъ прямо въ лицо собору. Его лучи, все болѣе горизонтальные, медленно исчезаютъ съ площади и ползутъ по фасаду, освѣщая его вышуклости, а центральная розетка блистаетъ подобно глазу циклопа передъ пламенемъ наковальни.

Наступилъ именно этотъ часъ.

Напротивъ высокаго собора, на балконѣ богатаго дома, составлявшаго уголь площади, нѣсколько молодыхъ дѣвицъ весело смѣялись и разговаривали.

По длинѣ вуаля, спускавшагося до самыхъ пятъ отъ остроко-
нечной верхушки ихъ головного убора, перевитаго бусами; по то-

нитѣ шемизетокъ, покрывавшихъ ихъ плечи; по роскоши юбокъ, которыя были богаче самаго верхняго платья; по газу, шолку и бархату, и въ особенности по бѣлизнѣ ручекъ можно было судить, что это богатыя наслѣдницы. Въ самомъ дѣлѣ это были Флеръ-де-Ли де-Гонделорье и ея подруги, всѣ изъ хорошихъ фамилій и въ гостяхъ у вдовы Гонделорье, по случаю прибытія въ Парижъ герцога де-Божё съ супругой для составленія штата принцессъ Маргаритѣ, чтобы принять ее въ Пикардіи изъ рукъ фламандцевъ. Множество дворянъ добивалось этой чести для дочерей, и нѣкоторые уже привезли или прислали ихъ по этому случаю въ Парижъ. Многія поручены были надзору почтенной Алоизы де-Гонделорье, вдовы шефа королевскихъ стрѣлковъ, жившей съ единственной дочерью въ собственномъ домѣ, противъ соборной площади.

Съ балкона былъ входъ въ комнату, богато-обитую фландрскимъ краснымъ сафьяномъ съ золотыми разводами. Плафонъ былъ украшенъ разными скульптурными и золочеными фигурами. Кабанья голова, возвышавшаяся надъ великолѣпнымъ буфетомъ, доказывала, что хозяйка дома — вдова знаменитаго дворянина. Въ глубинѣ комнаты рядомъ съ высокимъ каминомъ, украшеннымъ гербами снизу доверху, сидѣла въ малиновомъ бархатномъ креслѣ, госпожа Гонделорье, пятидесятилѣтній возрастъ которой выражался въ лицѣ и одеждѣ. Рядомъ съ нею стоялъ молодой человекъ, довольно красивой хотя немного нахальной наружности; одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые нравятся вообще женщинамъ, хотя люди серьезные и физиономисты презрительно пожимаютъ на нихъ плечами. Молодой человекъ былъ въ мундирѣ капитана королевскихъ стрѣлковъ, настолько схожимъ съ костюмомъ Юпитера, описанномъ нами въ первой главѣ, что мы не станемъ утомлять читателя повтореніемъ.

Дѣвицы сидѣли частію въ комнатѣ, частію на балконѣ, на дубовыхъ скамейкахъ, обитыхъ утрехтскимъ бархатомъ. У каждой было въ рукахъ вышиванье; онѣ разговаривали и смѣялись тѣмъ сдержаннымъ хохотомъ, который показываетъ, что въ комнатѣ есть молодой мужчина. Молодой человекъ, присутствіе котораго возбуждало всѣ эти женскія самолюбія, казалось мало цѣнилъ эту честь, и между тѣмъ какъ взгляды дѣвушекъ устремлялись украдкой на него, онъ преусердно чистилъ перчаткой пряжку своего пояса.

Отъ времени до времени хозяйка что-то тихо говорила ему, и онъ отвѣчалъ съ натянутой вѣжливостью. По улыбкамъ и знакамъ, которыми вдова указывала капитану на свою дочь, можно было

предположить, что молодымъ людямъ недалеко до свадьбы. По холоднымъ приемамъ офицера замѣтно было, что, покрайней-мѣрѣ съ его стороны, о любви не было и помина. Въ лицѣ его выражалась такая натянутость и скука, которую наши гарнизонные офицеры перевели бы словами: «чертовская обуза!»

Старушка, ослѣпленная материнской любовью, не замѣчала скуки своего собесѣдника и продолжала указывать ему на грацію, съ какой ея дочка выводила нитку или разматывала шюлькъ.

— Посмотрите, кузень, говорила она, дергая его за рукавъ: — какъ она граціозно наклонилась.

— Да, да, отвѣчалъ офицеръ, и снова впадалъ въ разсѣянность.

Черезъ минуту опять слѣдовали похвалы:

— Право я иногда вамъ завидую, говорила старушка: — что можетъ быть лучше вашей невесты? Неправда-ли, вы очень влюблены въ нее?

— Конечно, отвѣчалъ онъ, думая о другомъ.

— Да поговорите же съ ней, вы сдѣлались слишкомъ застѣнчивы; подите скажите ей что-нибудь!

Можемъ увѣрить нашихъ читателей, что застѣнчивость не была въ характерѣ капитана. Однакожь онъ рѣшился исполнить что отъ него требовали.

— Прелестная кузина, сказалъ онъ, подходя къ невестѣ: — что изображаетъ рисунокъ вашего вышиванья?

— Прелестный кузень, отвѣчала Флеръ-де-Ли съ замѣтной досадою: — я уже три раза говорила вамъ, что это пещера Нептуна.

Очевидно дѣвушка лучше матери замѣтила холодность капитана. Онъ почувствовалъ необходимость продолжить разговоръ.

— А для кого вся эта нептунщина? спросилъ онъ.

— Для аббатства Сентъ-Антуанъ, отвѣчала дѣвушка, не поднимая глазъ.

Капитанъ взялъ въ руки уголокъ вышиванья.

— Что это за толстый жандармъ, прелестная кузина, который изо всѣхъ силъ дуется въ трубу?

— Это Тритонъ.

Въ короткихъ отвѣтахъ невесты все еще слышалось неудовольствіе. Молодой человекъ сообразилъ, что слѣдуетъ ей сказать что-нибудь на ухо, какую-нибудь пошлость, любезность, что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ наклонился, но не могъ найти въ своемъ воображеніи фразы нѣжнѣе слѣдующей:

— Зачѣмъ ваша матушка одѣзаетея всегда какъ наши прабабушки времянь Карла VII? Скажите ей, кузина, что гербы на платьѣ дѣлають ее похожей на драпировку камина, клянусь вамъ.

Флеръ-де-Ли подняла на него съ упресокомъ свои прекрасные глаза.

— Въ этомъ только всѣ ваши клятвы? тихо спросила она.

Между тѣмъ старушка, видя ихъ интимную бесѣду, шептала:

— Трогательная картина любви!

Капитанъ, сбитый съ толку, опять перешолъ къ вышиванью:

— Какъ прелестно сдѣлано! вскричалъ онъ.

Пользуясь его фразой, одна изъ дѣвиць встала словечко, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе. Другая засмѣялась, чтобъ показать свои зубки.

Въ это время дѣвочка лѣтъ семи, смотрѣвшая на улицу съвозъ рѣшотку балкона, вскричала:

— Посмотрите, какая прелесть плясунья и сколько около нея народу!

Въ самомъ дѣлѣ съ улицы слышались звуки тамбурина.

— Какая-нибудь цыганка, сказала Флеръ-де-Ли, нехотя обращаясь къ площади.

— Посмотримъ! вскричали ея веселыя подруги и выбѣжали на балконъ, между тѣмъ какъ она, огорченная холодностью жениха, медленно слѣдовала за ними, а капитанъ возвращался на прежнее мѣсто съ видомъ солдата, смѣнившагося съ очереди.

Между тѣмъ быть на службѣ прелестной Флеръ-де-Ли — завидная доля, и казалась такою капитану въ первое время; теперь же перспектива близкой свадьбы значительно охладила его. У него былъ непостоянный, и надо признаться, довольно пошлый вкусъ. Несмотря на знатное происхожденіе, онъ приобрѣлъ въ походной жизни грубыя привычки. Ему нравились трактиры совсѣми ихъ принадлежностями. Онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ тамъ, гдѣ говорились военныя любезности дамамъ, не оскорблявшимся ими и легко доступнымъ. Въ молодости ему дано было нѣкоторое воспитаніе, но дворянскій лоскъ съ каждымъ днемъ исчезалъ въ гарнизонной жизни. Продолжая изъ приличія посѣщать Флеръ-де-Ли, онъ вдвойнѣ чувствовалъ тяжесть этого долга, во первыхъ потому что истратилъ слишкомъ много любви въ тавернахъ и не оставилъ ничего на долю невѣсты; вовторыхъ поминутно боялся, по привычкѣ, выпустить при нарядныхъ дамахъ одно изъ тѣхъ крѣпкихъ словечекъ,

которыя часто вертѣлись на его языкѣ. Представьте каковъ бы вышелъ эффектъ!

Все это соединялось у него съ нѣкоторымъ изяществомъ, щегольствомъ и красивой наружностью. Пусть читатель самъ примирить эти крайности. Я только историкъ. Онъ стоялъ уже нѣсколько времени прислонившись къ камину, какъ вдругъ Флеръ-де-Ли обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Помните, кузень, вы говорили намъ, что спасли какую-то цыганку, во время вашего ночного объезда, изъ рукъ двѣнадцати мошенниковъ?

— Кажется говорилъ, прелестная кузина.

— Можетъ-быть это она танцуетъ на площади. Посмотрите, не знаете ли вы ее, кузень Фебъ.

Видно было желаніе примириться въ этомъ приглашеніи подойти. Капитанъ Фебъ де-Шатоперъ (потому что это былъ онъ) медленно подошелъ къ балкону.

— Вотъ она, говорила дѣвушка, нѣжно опираясь на руку капитана: — посмотрите, она ли это?

— Да, я узнаю ее по козѣ.

— О, прелестная козочка, воскликнула одна изъ подругъ.

— У ней въ самомъ дѣлѣ золотые рога? спросила маленькая дѣвочка.

Старушка повела рѣчь не трогаясь съ своего кресла. — Это вѣрно тѣ цыгане, которые прошлаго года пришли въ ворота Жибаръ?

— Матушка, тихо замѣтила Флеръ-де-Ли: — теперь ворота уже называются д'Анферъ.

Мадмуазель Гонделорье знала какъ шокируютъ капитана старинныя привычки ея матери. Онъ уже началъ усмѣхаться и повторять съвозъ зубы: Жибаръ! Жибаръ! въ нихъ проходилъ Карлъ VII

— Крестная маменька! спросила малютка, все время смотрѣвшая на площадь: — что это за черныи челоуѣкъ тамъ на башнѣ?

Всѣ дѣвушки взглянули на соборъ. Кто-то стоялъ, облокотясь на верхнюю балюстраду восточной башни, выходящей на Гревскую площадь. Это былъ священникъ. Легко было разглядѣть его костюмъ и лицо, подпертое руками. Онъ былъ недвижимъ какъ статуя; глаза устремлены были на одну точку. Это было положеніе ястреба, открывшаго воробьиное гнѣздо, и жадно глядящаго на него.

— Это соборный архидіаконъ, сказала Флеръ-де-Ли.

— Какъ онъ смотритъ на танцовщицу!

— О, онъ не любитъ цыганъ.

— Жаль, что онъ такъ враждебно на нее смотритъ, она право прелестна.

— Кузень Фебъ, сказала вдругъ Флеръ-де-Ли: — вы знаете эту цыганку, сдѣлайте ей знакъ войти сюда. Это насъ позабавитъ.

— Да, да! подхватили подруги, хлопая въ ладоши.

— Какже это, сказалъ Фебъ: — она вѣроятно меня забыла, а я никогда и не зналъ ея имени. Впрочемъ, попробую исполнить ваше желаніе. И наклонясь съ балкона, онъ крикнулъ: Эй ты, миленькая!

Танцовщица стояла спокойно въ эту минуту. Она подняла голову, встрѣтила глаза Феба и осталась неподвижна.

— Миленькая! повторилъ капитанъ, дѣлая ей знакъ войти.

Дѣвушка еще разъ взглянула на него, потомъ вдругъ покраснѣла, взяла тамбуринъ подъ мышку и направилась, сквозь толпу удивленныхъ зрителей, къ дому куда ее звали, медленно, съ испуганнымъ взглядомъ птички, повинующейся вліанію змѣи.

Черезъ минуту, портьера поднялась и цыганка явилась на порогъ, красная, взволнованная, съ опущенными большими глазами; она не смѣла идти далѣе.

Маленькая дѣвочка захлопала въ ладоши.

Танцовщица все еще стояла у двери. Появленіе ея сдѣлало странное впечатлѣніе на молодыхъ дѣвушекъ. Блестящій мундиръ офицера былъ фокусомъ, на которомъ сосредоточивались всѣ взгляды; каждой хотѣлось поправиться и желаніе это выражалось въ словахъ и жестѣхъ. Такъ какъ всѣ были почти одинаково хороши, борьба была до сихъ поръ ровная, и всѣ тайнѣ рассчитывали на побѣду. Появленіе цыганки нарушило это равновѣсіе. Красота ея была такъ ослѣпительна, что комната какъ-будто освѣтилась съ ея приходомъ. Въ этой меблированной комнатѣ, при этихъ темныхъ драпировкахъ, она была вдвое красивѣе нежели на площади. Это былъ факелъ, перенесенный изъ свѣта въ темноту. Барышни невольно были поражены. Каждая почувствовала себя униженной ея красотой, и потому всѣ разомъ приготовились къ бою, хотя не было произнесено ни одного слова. Женщины инстинктомъ понимаютъ другъ друга быстрѣе нежели мужчины. Явился врагъ: всѣ тотчасъ это спекнули и стали въ оборонительное положеніе. Довольно одной капли вина, для того чтобы вся вода въ стаканѣ покраснѣла; до

волью появленія одной хорошенькой женщины, для того чтобы все женское общество приняло одинаковое направление, особенно если въ обществѣ только одинъ мужчина.

Приемъ, сдѣланный цыганкѣ, былъ единодушно холоденъ. Онъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ, потомъ переглянулись, и только. Между тѣмъ дѣвушка оробѣла и ждала что ей скажутъ.

Капитанъ первый нарушилъ молчаніе.

— Клянусь честью, вотъ хорошенькая дѣвушка! какъ вы находите, нузина?

Это замѣчаніе, которое болѣе деликатный наблюдатель сдѣлалъ бы про себя, еще сильнѣе возбудило женскую ревность.

Флеръ-де-Ли отвѣчала съ натянутымъ равнодушіемъ.

— Да, недурна!

Остальныя шептались.

Наконецъ г-жа Гонделорье, ревнивая не менѣе другихъ, потому что ревновала за свою дочь, произнесла:

— Подойди, миленькая.

— Подойди, миленькая! повторила съ комической важностью маленькая дѣвочка.

Цыганка приблизилась къ хозяйкѣ.

— Прелестное дитя, началъ Фебъ торжественнымъ тономъ: — не знаю имѣю ли я счастье быть узаннымъ вами...

Она не дала ему кончить, и устремивъ на него глубокий взглядъ, сказала:

— О, да!

— У нея хорошая память, замѣтила Флеръ-де-Ли.

— А вы такъ скоро скрылись тогда, развѣ я васъ испугалъ? спросилъ Фебъ.

— О, нѣтъ! отвѣчала цыганка.

Въ этихъ двухъ восклицаніяхъ было что-то неизъяснимое, что оскорбило Флеръ-де-Ли.

— Вы оставили мнѣ вмѣсто себя, продолжалъ капитанъ, у котораго развязался языкъ въ присутствіи простой дѣвушки: — какую-то тварь хромую, слѣпую и горбатую, кажется соборнаго звонаря. Мнѣ сказали, что онъ побочный сынъ архидіакона и чортъ по рожденію. У него смѣшное имя, названіе какого-то большого праздника. Онъ осмѣлился васъ похитить, какъ-будто такія дѣвушки созданы для такихъ уродовъ. Скажите-ка, чего хотѣло отъ васъ это чудовище, а?

— Не знаю! отвѣчала она.

— Какова дерзость! Звонарь похищаетъ дѣвушку, какъ какой-нибудь виконтъ! бродяга польстился на дворянскую поживу! вотъ рѣдкость. Впрочемъ онъ за это дорого поплатился. У Тортеру не легка рука, а вашему звонарю шибко пришлось.

— Бѣдный! сказала цыганка, вспомнивъ о сценѣ на позорномъ столбѣ.

Капитанъ расхохотался.

— Вотъ сожалѣніе также кстати, какъ перо на хвостъ свиньи!

Будь я...

Онъ остановился.

— Извините, mesdames, я хотѣлъ сказать глупость.

— Фи, милостивый государь!

— Онъ выражается языкомъ этихъ тварей, тихо замѣтила Флеръ-де-Ли, которой досада ежеминутно возрастала.

Капитанъ, довольный собой и цыганкой, сдѣлалъ пируэтъ и повторилъ съ казарменной наивностью:

— Прелестная дѣвушка, чортъ возьми!

— Престранно одѣтая, замѣтила одна дѣвица.

Это замѣчаніе было сигналомъ. Неимѣя возможности спорить противъ красоты цыганки, дамы придрались къ ея костюму.

— Въ самомъ дѣлѣ; какъ это можно ходить по улицамъ съ открытой шеей!

— А юбка возмутительно коротка!

— Еслибы ты, милая, носила рукава, у тебя не такъ бы загорѣли руки.

— Тебя возьмутъ сержанты за позолоченый поясъ, небрежно замѣтила Флеръ-де-Ли.

Зрѣлище было достойно лучшаго наблюдателя, чѣмъ капитанъ Фебъ.

Стоило взглянуть, какъ эти красивыя дѣвушки шипѣли и вились вокругъ уличной танцовщицы: онѣ были жестоки и граціозны; какъ онѣ разбирали по ниточкѣ ея безумный туалетъ изъ лоскутковъ и блестятокъ! Сколько смѣха, ироніи и оскорбленій! Сарказмы, покровительственный тонъ и злобные взгляды лились дождемъ. Казалось, видишь римскихъ женщинъ, вкалывающихъ золотыя булавки въ грудь прелестной невольницы или охотничьихъ левретокъ, обнюхивающихъ бѣдную дѣсную лань, до которой хозяинъ запретилъ дотрагиваться.

И что была въ сравненіи съ ними эта дѣвушка! Онѣ, не стѣняясь ея присутствіемъ, говорили о ней, какъ о чемъ-то нечистомъ, низкомъ, но довольно красивомъ.

Цыганка не была нечувствительна къ этимъ булавочнымъ ранамъ. Отъ времени до времени, краска стыда или гнѣва покрывала ея лицо; презрительное слово, казалось, готово было сорваться съ ея губъ; она дѣлала свою обычную гримаску, но стояла неподвижно, устремивъ на Феба кроткій и покорный взглядъ. Въ этомъ взглядѣ было много счастья и нѣжности. Она сдерживалась, для того чтобы дольше побыть въ этой комнатѣ.

Фебъ смѣялся и держалъ сторону цыганки съ дерзкимъ сожалѣніемъ.

— Пускай ихъ говорятъ; милая, повторялъ онъ, постукивая золотыми шпорами: — конечно твой нарядъ нѣсколько страненъ, но что это значитъ для такой хорошенькой дѣвушки!

— Я вижу, что королевскіе стрѣлки быстро воспламеняются отъ огня цыганскихъ глазъ, замѣтила одна гордая дѣвица.

— А еслибы и такъ! отвѣчалъ капитанъ.

Этотъ отвѣтъ, брошенный нехотя, вызвалъ принужденный смѣхъ у дѣвицъ; Флеръ-де-Ли въ тоже время украдкой утерла слезинку.

Цыганка, опустившая глаза при колкомъ намекѣ, теперь радостно и гордо подняла ихъ на Феба. Она была чудно хороша въ эту минуту.

Старушка, слѣдившая за этой сценой, не поняла ее вполне, но инстинктивно оскорбилась.

— Пресвятая Богородица, что это шевелится у меня подъ ногами? вскричала она: — ай, скверное животное!

Это была козочка, пришедшая отыскивать свою хозяйку и запутавшаяся рожками въ широкое платье старухи.

Цыганка выпутала ее не говоря ни слова.

— У козочки золотыя лапки! радостно вскрикнула маленькая дѣвочка.

Цыганка встала на колѣни и прилегла щекой къ головѣ козочки. Казалось, она просила прощенья за то, что покинула свою подругу.

Одна изъ дѣвицъ шептала между тѣмъ другой:

— Какъ мнѣ давно не пришло въ голову: вѣдь говорятъ эта цыганка колдунья, и коза ея дѣлаетъ чудныя вещи.

Объ тотчасъ обратились къ цыганкѣ.

— Миленькая, заставь свою козу сдѣлать чудо!

— Я васъ не понимаю! отвѣчала дѣвушка.

— Чудо, фокусъ, колдовство, что хочешь.

— Не знаю чего вы хотите! и она снова принялась ласкать козочку, приговаривая: *Джали, Джали!*

Въ это время Флеръ-де-Ли замѣтила маленькую вышитую сумочку на шеѣ у козы. — Что это такое? спросила она.

Цыганка подняла на нее свои большіе глаза и съ важностью отвѣчала: это моя тайна.

«Хотѣла бы я знать твои тайны!» подумала Флеръ-де-Ли.

Между тѣмъ старуха сердито поднялась съ мѣста.

— Ну, милая, если ни ты, ни твоя коза ничего не умѣете дѣлать, зачѣмъ и оставаться здѣсь?

Цыганка молча направилась къ двери. Но чѣмъ ближе была она къ выходу, тѣмъ медленнѣе становились ея шаги. Ее притягивала какой-то невидимый магнитъ. Вдругъ она обратила свои полные слезъ глаза на Феба и остановилась.

— Клянусь Богомъ, такъ не уходятъ! вскричалъ капитанъ: — вернитесь и протанцуйте намъ что-нибудь. Кстати, какъ васъ зовутъ, моя прелесть?

— Эсмемальда! отвѣчала танцовщица, не сводя съ него глазъ.

При этомъ странномъ имени барышни громко расхохотались.

— Вотъ ужасное имя для дѣвицы!

— Не говорила ли я, что она колдунья.

— Милая моя! торжественно произнесла старуха: — родители ваши вѣрно не изъ христіанскаго календаря выкопали вамъ это имя.

Между тѣмъ, пользуясь суматохой, маленькая дѣвочка заманила хлѣбомъ козочку въ уголь. Онѣ подружились въ одну минуту. Любопытная дѣвочка отвязала мѣшочекъ съ шеи козы, открыла его и встрясла на полъ то, что въ немъ заключалось; то была азбука, каждая буква которой была написана на отдѣльной досчечкѣ. Едва очутились на полу эти буквы, какъ малютка съ удивленіемъ увидѣла, что козочка вытаскиваетъ золотой лапкой нѣкоторыя изъ нихъ и ставитъ ихъ рядомъ. Въ минуту составилось слово, которое коза вѣроятно часто писала, такъ мало затруднило оно ее теперь. Малютка всплеснула руками отъ удивленія.

— Флеръ де Ли, посмотрите что сдѣлала козочка!

Флеръ де Ли подошла и вздрогнула. Буквы составили слово : Фебъ.

— Это коза написала? спросила она измѣнившимся голосомъ.

— Да! отвѣчала дѣвочка. Впрочемъ сомнѣніе было невозможно : сама малютка не умѣла писать.

— Вотъ она тайна! подумала Флеръ-де-Ли.

Цыганка замѣтила промахъ, сдѣланный козой, покраснѣла, поблѣднѣла и вся дрожа стояла передъ капитаномъ, который глядѣлъ на нее съ удивленіемъ и самодовольной улыбкой.

— Фебъ! шептали удивленные дѣвушки : — это имя капитана!

— У васъ удивительная память! сказала Флеръ де Ли поразонной цыганкѣ, потомъ зарыдала : — Она колдунья! произнесла она громко. — Она твоя соперница! подсказало ей сердце и бѣдная упала въ обморокъ.

— Дочь моя, дочь моя! кричала испуганная мать. — Ступай вонъ, проклятая цыганка!

Эсмеральда въ одну минуту подобрала несчастныя буквы, сдѣлала знакъ Джами и вышла въ одну дверь, между тѣмъ какъ Флеръ де Ли выносили въ другую.

Капитанъ Фебъ, оставшись одинъ, съ минуту колебался между двумя дверьми, наконецъ послѣдовалъ за цыганкой.

II

СВЯЩЕННИКЪ И ФИЛОСОФЪ НЕ ОДНО И ТОЖЕ

Священникъ, который, какъ замѣтили дѣвицы, слѣдилъ съ башни за пляской цыганки, былъ дѣйствительно Клодъ Фролло, архидіаконъ.

Читатели вѣрно помнятъ таинственную келью, которую онъ устроилъ себѣ въ этой башнѣ. Можетъ быть это та самая, которую можно видѣть теперь въ четырехугольное отверстіе на площадкѣ, откуда начинаются башни. Теперь это пустой, заброшенный уголъ, худо выштукатуренныя стѣны котораго украшены скверными жолтыми гравюрами, представляющими фасады соборовъ. Я предполагаю, что обитатели его теперь летучія мыши и пауки, такъ что мухамъ рѣшительно не можетъ быть тамъ житья.

Всякій день, во время захода солнца, архидіаконъ входитъ

въ келью и часто оставался въ ней до другого утра. Въ этотъ день, лишь только онъ вставилъ ключъ въ замочную скважину, до слуха его донеслись звуки кастанбетъ и тамбурина. Музыка эта слышалась со стороны соборной площади. Въ келью было только одно слуховое окно, выходящее на задній планъ церкви. Клодъ выдернулъ ключъ назадъ и мигомъ взобрался на верхнюю площадку, откуда замѣтили его барышни.

Тамъ стоялъ онъ мрачный, неподвижный, весь углубленный въ одну мысль, въ одну точку. Весь Парижъ былъ подъ его ногами, съ своими безчисленными колокольнями, зелеными холмами, рѣкою, зѣмой извивающеюся подъ мостами, народомъ, толпящимся на улицахъ, съ огромной цѣпью крышъ, охватывающей соборъ; но изъ всего этого города архидіаконъ видѣлъ только одну часть площади, изъ всей этой толпы только одно лицо — цыганку.

Трудно опредѣлить, каковы были его глаза и откуда взялось пламя, сверкающее изъ нихъ. Взглядъ былъ напряженный, а между тѣмъ, полный тревоги. По совершенной неподвижности тѣла, лишь изрѣдка подергивавшагося легкой судорогой, какъ дерево дуновениемъ вѣтра; по улыбкѣ, застывшей на губахъ, можно было подумать, что Клодъ каменная статуя, въ которой одни глаза живы.

Цыганка танцевала. Она вертѣла тамбуринъ на кончикѣ пальца и подбрасывала его на воздухъ. Такъ летала она веселая, легкая и безпечная, не чувствуя тяжести устремленнаго на нее взгляда.

Вкругъ нея шевелилась толпа; отъ времени до времени мущина въ пестромъ платьѣ раздвигалъ народъ, возвращался на стулъ неподалеку отъ танцовщицы и клалъ голову козочки на свои колѣни.

Человѣкъ этотъ казался былъ спутникъ цыганки. Клодъ Фролло не могъ разсмотрѣть его лица съ высоты.

Съ той минуты, какъ архидіаконъ замѣтилъ мушину, лицо его еще болѣе нахмурилось и вниманіе раздѣлилось между имъ и цыганкой. Вдругъ онъ выпрямился и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. — Что это за человѣкъ? пробормоталъ онъ: — я всегда видѣлъ ее одну!

И онъ началъ спускаться съ лѣстницы. Проходя мимо каморки зюжаря, дверь которой была полуотворена, онъ заглянулъ въ нее и удивился: Квазимодо тоже смотрѣлъ на площадь. Вниманіе его было такъ сильно, что онъ и не замѣтилъ приближенія своего покровителя. Дикій глазъ его принялъ небывалое дотогѣ выраженіе: онъ былъ ласковъ и кротокъ.

— Вот странность! прошептала Фролло: — неужели онъ такъ смотритъ на цыганку?

Черезъ нѣсколько минутъ задумчивый архидіаконъ вышелъ на площадь.

— Куда дѣвалась цыганка? спросилъ онъ, вмѣшиваясь въ толпу, собранную звуками тамбурина.

— Не знаю! отвѣчалъ одинъ изъ сосѣдей: — она исчезла. Должно быть пошла плясать вонъ въ тотъ домъ, куда ее звали.

На мѣстѣ цыганки, на коврѣ, котораго арабески за минуту исчезали подъ вихремъ ея прихотливой пляски, архидіаконъ нашолъ только пестраго кавалера, ходящаго вокругъ съ поднятой головой, краснымъ лицомъ и стуломъ въ зубахъ. На стулѣ была привязана кошка, мяукавшая изо всей силы.

— Пресвятая Богородица! вскричалъ архидіаконъ въ ту минуту, какъ паяцъ проходилъ мимо него съ своей пирамидой: — вотъ чѣмъ теперь занимается Пьеръ Гренгуаръ!

Строгое восклицаніе такъ перепугало бѣдняка, что онъ потерялъ равновѣсіе и стулъ съ кошкой полетѣлъ въ головы зрителямъ.

По всей вѣроятности, Пьеру Гренгуаръ (потому что это точно былъ онъ) пришлось бы дорого поплатиться за исцарапанныя лица, еслибы онъ не успѣшилъ воспользоваться суматохой и скрыться въ церкви, куда послѣдовалъ за нимъ и Клодъ Фролло.

Соборъ былъ уже темень и пусты, лампы сіяли какъ звѣзды на темныхъ сводахъ. Только большая розетка, на которую упали послѣдніе лучи солнца, переливалась какъ масса брильянтовъ и отражала на противоположномъ концѣ свое блестящее изображеніе.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Клодъ прислонился къ колоннѣ и пристально посмотрѣлъ на Гренгуара. Взглядъ этотъ былъ не такъ страшенъ, какъ ожидалъ Гренгуаръ отъ такого серьезнаго и строгаго лица: во взглядѣ архидіакона не было насмѣшки и ироніи; онъ былъ спокоенъ, серьезенъ и проникателенъ. Архидіаконъ первый прервалъ молчаніе.

— Ну, Пьеръ, вы многое должны объяснить мнѣ. Впервыхъ, почему васъ не было видно цѣлыхъ два мѣсяца, и наконецъ почему я нашолъ васъ въ этомъ прекрасномъ костюмѣ, красномъ и желтомъ?

— Мессиръ, жалобно отвѣчалъ Гренгуаръ: — это дѣйствительно не совсѣмъ приличный костюмъ, и я чувствую себя въ немъ какъ кошка въ шлемѣ. Сознаюсь, что вовсе не хорошо подвергать

городскихъ сержантовъ возможности отколотить палками философа, но чтоже дѣлать? Вся вина на сторонѣ моего прежняго платья, которое измѣнически покинуло меня въ самомъ началѣ зимы, подъ тѣмъ предлогомъ, что обратилось въ лохмотья и захотѣло отдохнуть въ лавкѣ лоскутника. Что дѣлать? просвѣщеніе еще не дошло до того, чтобы люди могли ходить нагіе, какъ Діогенъ. Ктому же вѣтеръ былъ такой холодный, что не время было указывать этотъ новый путь человѣческому развитію. Мнѣ попался этотъ нарядъ и я взялъ его вмѣсто своего чернаго кафтана, который слишкомъ не герметически застегивался для такого герметика какъ я. Вотъ я и въ шутовскомъ нарядѣ, какъ св. Генезій. Что дѣлать! Самъ Аполлонъ пасъ стада!

— Хорошее у васъ занятіе, нечего сказать!

— Я вполне согласенъ, что лучше поэтизировать и философствовать, раздувать огонь въ химической печи или получать его съ неба, нежели носить въ зубахъ кошекъ. Въ ту минуту, какъ вы меня позвали, я самъ чувствовалъ свою пошлость. Но опять чтоже дѣлать? Желудокъ каждый день требуетъ пищи, а самый маленькій кусочекъ сыру питательнѣе самаго великолѣпнаго стиха. Вы знаете, что я написалъ эпиталому Маргаритѣ фландрской, а вотъ городъ не хочетъ мнѣ платить за нее, подъ предлогомъ, что она недовольно хороша, — какъ-будто за четыре эку можно имъ дать трагедію Софокла. Мнѣ приходилось умирать съ голоду; къ счастью, я почувствовалъ силу въ челюстяхъ и сказалъ имъ: дѣлайте фокусы и кормите сами себя. *Ale te irrem.* Цѣлая толпа оборванцевъ, сдѣлавшихся моими друзьями, научила меня разнымъ геркулесовскимъ подвигамъ, и я каждый вечеръ даю своимъ зубамъ хлѣбъ, который они же выработали въ продолженіе дня. Впрочемъ я чувствую, что это плохое примѣненіе умственныхъ способностей, и что человекъ созданъ не для того, чтобы цѣлый вѣкъ бить въ барабанъ и носить во рту стулья. Но, мессиръ, нужно не только жить, но и изыскивать средства къ жизни.

Клодъ слушалъ молча. Вдругъ его взглядъ принялъ такое умное и пронизательное выраженіе, что Гренгуаръ почувствовалъ, какъ онъ пронизываетъ его насквозь.

— Очень хорошо, Пьеръ; но какимъ образомъ попали вы въ товарищи къ цыганкѣ?

— Очень просто. Она моя жена, а я ея мужъ.

Мрачный взоръ священника вспыхнулъ.

— Ты сдѣлалъ это, несчастный! вскричалъ онъ, схвативъ его за руку; неужели ты настолько отступникъ, что коснулся этой женщины!

— Клянусь вѣчнымъ блаженствомъ, что не дотрогивался до нея, отвѣчалъ бѣдный Гренгуаръ, дрожа всѣми членами.

— Чтоже ты тутъ бредишь! спросилъ священникъ.

Гренгуаръ поспѣшилъ рассказать по возможности послѣдовательно все, что случилось съ нимъ при Дворѣ чудесъ, не выключая свадьбы. Впрочемъ женитьба его все еще оставалась безъ результата и цыганка каждый вечеръ запирала дверь своей каморки, какъ и въ первую свадебную ночь.

— Это досадно, прибавилъ онъ: — но происходитъ отъ того, что я имѣлъ несчастье жениться на дѣвственницѣ.

— Что это значитъ? спросилъ архидіаконъ, успокоившійся по мѣрѣ разказа.

— Это довольно трудно объяснить. Это родъ суевѣрія. Моя жена, какъ говорилъ мнѣ старикъ, котораго величаютъ у насъ герцогомъ Египта, потерянное или найденное дитя, это вѣдь все равно. Она носитъ на шеѣ талисманъ, по которому, говорятъ, можетъ отыскать своихъ родителей, но талисманъ этотъ теряетъ всю свою силу въ тотъ день, какъ она утратитъ свою невинность. Изъ этого слѣдуетъ, что мы съ нею живемъ какъ прилично добродѣтельнымъ людямъ.

— Стало-быть ни одинъ мужчина не прикасался еще къ этой дѣвушкѣ? спросилъ Клодъ, совершенно прояснившись.

— Какъ же мужикнъ побороть суевѣріе! У ней ужь это застѣло крѣпко въ голову. Конечно странно допустить добродѣтеля при такой жизни, но у моей жены три защиты: герцогъ Египта, взявшій ее подъ свое покровительство и имѣющій можетъ-быть на нее свои виды; все ея племя, которое почитаетъ ее какъ святую, и маленький кинжалчикъ, который плутовка всегда имѣетъ при себѣ, несмотря на запрещеніе г. прево, и который тотчасъ является, какъ только кто-нибудь возьметъ ее за талию. У, это дикая оса! утѣряю васъ.

Архидіаконъ засыпалъ Гренгуара вопросами.

Эмеральда была по мнѣнію Гренгуара прелестное, доброе созданіе, дѣвушка наивная и страстная, совершенно неопытная и энтузіастка, не предполагающая даже никакого различія между мужчиной и женщиной; любящая больше всего на свѣтѣ танцы, шумъ

и чистый воздухъ; родъ женщины-пчелы, имѣющей невидимыя крылья у ногъ и живущей въ вѣчномъ движеніи. Эти особенности привились къ ней отъ постоянно кочевой жизни. Гренгуаръ слышалъ, что еще ребенкомъ она прошла всю Испанію и Каталонію, до Сициліи; онъ думалъ даже, что цыгане водили ее въ Алжиръ, страну, лежащую въ Ахайи; которая съ одной стороны граничитъ Малою Албаніей и Греціей, а съ другой — Сицилійскимъ моремъ, которое ведетъ въ Константинополь. Цыгане, говорилъ Гренгуаръ, вассалы короля алжирскаго, какъ главы бѣлыхъ мавровъ. Но всего вѣрнѣе то, что Эмеральда прибыла во Францію еще ребенкомъ, черезъ Венгрію. Изъ всѣхъ этихъ странъ, молодая дѣвушка усвоила отрывки нарѣчій, пѣсенъ и мыслей, которыя дѣлали ея рѣчь столь же странною какъ и ея костюмъ, полу-парижскій и полу-африканскій. Впрочемъ народъ любилъ ее за веселость, легкость, быстрыя движенія и пѣсни. Во всемъ городѣ у ней было только двое враговъ, о которыхъ она и вспоминала съ ужасомъ. Затворница башни Роланда, которая за что-то зла на всѣхъ цыганъ и всякій разъ осыпаетъ проклятіями бѣдную танцовщицу, и какой-то священникъ, который всякій разъ пугаетъ ее своими взглядами и словами. Последнее обстоятельство смутило архидіакона, но Гренгуаръ не замѣтилъ его смущенія. Два послѣдніе мѣсяца совершенно изгладили изъ его памяти тотъ вечеръ, когда онъ встрѣтилъ Эмеральду и видѣлъ у костра архидіакона. Впрочемъ танцовщица ничего не боялась; она никогда не гадала, что избавляло ее отъ обвиненія въ колдовствѣ, которому такъ часто подвергались цыгане. Ктому же Гренгуаръ былъ ея братомъ, если не мужемъ. Философъ очень терпѣливо переносилъ это платоническое супружество. Оно все-таки давало ему кровъ и пищу. Каждое утро онъ почти всегда отправлялся съ цыганкой; помогалъ ей дѣлать сборъ, провожалъ вечеромъ домой, видѣлъ, какъ она запираетъ дверь и засыпалъ сномъ праведника. Существованіе какъ видите пріятное и побуждающее къ мечтательности. Ктому же, говоря по совѣсти, философъ не чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ въ цыганку. Онъ почти столько же любилъ ея козочку. Это славное животное, тихое, ласковое, умное и ученое. Въ средніе вѣка эти ученые животныя встрѣчались очень часто, были предметомъ удивленія и нерѣдко возводили на костеръ своихъ хозяевъ. Однакожь фокусы козочки съ золотыми копытцами были самыя невинныя. Гренгуаръ объяснилъ ихъ архидіакону, котораго очень интересовали всѣ эти подробности. Стоило только по-

дать известнымъ образомъ тамбуринъ козочкѣ, чтобъ она сдѣлала какую-нибудь штучку. Всему этому научила ее цыганка, которая такъ хорошо умѣетъ взяться за дѣло, что въ два мѣсяца выучила козу составлять изъ складныхъ буквъ слово: «Фебъ.»

— Фебъ? спросилъ архидьяконъ: — почему именно Фебъ?

— Не знаю; она вѣрно думаетъ, что это слово имѣетъ магическій смыслъ, потому что всегда произноситъ его вполголоса, когда остается одна.

— Увѣрены ли вы, спросилъ Клодъ съ своимъ проникающимъ взглядомъ: — что это просто слово, а не собственное имя?

— Чье имя? спросилъ поэтъ.

— Почему же я знаю? отвѣчалъ священникъ.

— А знаете ли что? Вѣдь цыгане немножко гвевры, они обожаютъ солнце; вотъ откуда произошло слово Фебъ. Очень просто.

— Ну, мнѣ это не кажется такъ просто, Пьеръ.

— Впрочемъ что мнѣ за дѣло. Пусть ее бормочетъ про своего Феба. Теперь я увѣренъ, что Джали любитъ меня почти столько же, сколько и ее.

— Кто это Джали?

— А коза-то.

Архидьяконъ опустилъ голову на руку и задумался. Вдругъ онъ обратился къ Гренгуару.

— И ты клянешься мнѣ, что не прикасался къ ней?

— Къ кому? къ козѣ?

— Нѣтъ, къ этой женщинѣ?

— Къ моей женѣ? клянусь, что нѣтъ.

— А часто ты бываешь наединѣ съ нею?

— Около часа каждый вечеръ.

Клодъ нахмурилъ брови.

— О, о! *Solus cum sola non cogitabuntur orare Pater noster.*

— Клянусь честью, что могу прочесть *Pater, Ave* и *Credo in Deum*, а она все-таки будетъ обращать на меня такое же вниманіе, какъ курица на церковь.

— Клянись мнѣ утробой своей матери, продолжалъ архидьяконъ: — что ты пальцемъ не притронулся къ этой женщинѣ.

— Я готовъ поклянется и головою отца вдобавокъ, потому что между обоими предметами было нѣкоторое соотношеніе; но почтенный отецъ позвольте мнѣ въ свою очередь сдѣлать одинъ вопросъ.

— Говорите.

— Что вамъ за дѣло до всего этого?

Блѣдное лицо архидьякона запылало какъ щеки молодой дѣвушки. Онъ помолчалъ съ минуту и отвѣчалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ.

— Послушайте, Пьеръ, вы вѣдь еще неотступникъ. Я принимаю въ васъ участіе и желаю вамъ добра. Малѣйшее прикосновеніе къ этой проклятой цыганкѣ можетъ поработить васъ сатанѣ. Вы знаете, что тѣло всегда губитъ душу. Горе вамъ, если вы приблизитесь къ этой женщинѣ!

— Я попробовалъ—было разъ, сказалъ Гренгуаръ, почесывая за ухомъ: — это было въ день свадьбы; но укололся.

— У васъ хватило дерзости?

И чело священника снова нахмурилось.

— Въ другой разъ, продолжалъ поэтъ улыбаясь: — я заглянулъ въ замочную скважину и увидѣлъ на постелѣ прелестнѣйшую женщину въ сорочкѣ.

— Убирайся къ чорту! вскричалъ священникъ, оттолкнувъ восторженнаго Гренгуара и удаляясь въ самое темное мѣсто собора.

Ш

КОЛОКОЛА

Со дня наказанія сосѣдніе жители собора замѣтили, что страсть Квазимодо къ звону значительно уменьшилась. Прежде трезвонъ раздавался при каждомъ случаѣ; роскошныя гамы переливались въ воздухъ во время похоронъ и во время крестинъ. Старая церковь всегда была полна праздничнаго гула. Постоянно въ ней чувствовалось присутствіе генія шума и прихоти, говорящаго своими мѣдными языками. Теперь духъ этотъ исчезъ; соборъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ; во время праздниковъ и похоронъ раздавался только обыкновенный звонъ, требуемый обычаемъ; изъ двойного пѣнія церкви посредствомъ колоколовъ и органа осталось только одно. Можно было подумать, что колокольна лишилась своего музыканта. Квазимодо однакожь былъ тамъ; что же съ нимъ сдѣлалось? Помнилъ ли онъ еще стыдъ и обиды на позорномъ столбѣ и не убили ли въ немъ удары палача послѣдней страсти, — страсти къ колоколамъ? Или у Маріи появилась соперница въ сердцѣ Квазимодо, и

она съ четырнадцатью подругами покинута была для существа болѣе любезнаго и прекраснаго?

Въ блаженной памяти 1482 году благовѣщеніе случилось во вторникъ 25 марта. Въ этотъ день воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что Квазимодо почувствовалъ прежнее влеченіе къ колоколамъ. Онъ взлѣзъ на восточную башню, между-тѣмъ какъ прислужникъ широко растворялъ двери храма, которыя были тогда изъ плотнаго дерева, крытаго кожей, обитые золоченными гвоздиками и обрамлены скульптурными украшеніями.

Взобравшись наверхъ, Квазимодо грустно взглянулъ на шесть колоколовъ, какъ бы сожалея, что что-то постороннее стало между нимъ и ими. Но когда онъ почувствовалъ, что они закачались подъ его рукою, когда онъ увидѣлъ, потому что слышать не могъ, какъ трепетная октава пробѣжала по этой звуковой лѣстницѣ, какъ птица перепрыгивающая съ вѣтки на вѣтку, когда демонъ музыки овладѣлъ глухимъ человѣкомъ, онъ снова сталъ счастливъ, позабылъ все, и лицо его просвѣтлѣло.

Онъ лазилъ взадъ и впередъ, билъ въ ладоши, перескакивалъ отъ одной веревки къ другой, ободрялъ своихъ пѣвчихъ голосомъ и жестомъ, какъ капельмейстеръ оркестръ.

— Хорошо, хорошо, Габріэль, выливай полные звуки на площадь, сегодня праздникъ. Тибо, не лѣнись, что это, — развѣ ты заржавѣлъ лѣнтяй! Хорошо, скорѣе! скорѣе! чтобъ не было видно языка! Оглушай ихъ всѣхъ какъ меня. Хорошо, Тибо, такъ! Гильомъ, Гильомъ, ты больше всѣхъ, а Паскъе самый маленькій да звонитъ лучше тебя. Хорошо, хорошо, Габріэль! шибче! громче! Э, что вы тамъ дѣлаете, вы двое? Я не слышу ни малѣйшаго шума. Ишь мѣдныя рты зѣваютъ, когда нужно пѣть? Работать! Сегодня благовѣщеніе. Солнце свѣтитъ, нуженъ хорошій трезвонъ. Бѣдняжка, Гильомъ! Какъ ты усталъ, толстякъ!

Такъ ободрялъ онъ свои колокола, которые прыгали и поднимали свои блестящія спины какъ испанскіе мулы подъ рукою вожатаго.

Вдругъ опутивъ глаза на площадь, онъ увидѣлъ дѣвушку странно одѣтую, растилающую на мастовой коверъ, на которомъ уже стояла козочка; вокругъ составила толпа зрителей. Это зрѣлище мигомъ измѣнило ходъ его мыслей и оледѣнило музыкальный энтузіазмъ, какъ токъ воздуха растопленную смолу. Онъ повернулся спиною къ колоколамъ и устремилъ на дѣвушку тотъ нѣжный и задумчивый взглядъ, который уже поразилъ архидьякона. Между-тѣмъ колокола,

предоставленные самимъ себѣ, вдругъ замолкли къ величайшему удивленію любителей праздничнаго звона, собравшихся на мосту О-Шанжъ. Они разошлись съ удивленнымъ видомъ собаки, которой показали кость, а дали камень.

IV

А Н А Г К И

Случилось такъ, что въ одно прекрасное утро того же марта мѣсяца, школьникъ Жанъ Фролло, одѣваясь поутру, замѣтилъ, что дошелекъ его не издастъ никакого звука.

— Бѣдный! сказалъ онъ : — какъ истожили тебя кости, пиво и Венера! Спрашивается, какая мнѣ польза, что я знаю лучше всякаго мѣнялы, сколько ходить золотой эку. О, Цицеронъ, изъ этого бѣдствія не выпутаешься перифразой, *quemadmodum* и *vegetius* ишгего!

Онъ печально одѣлся. Когда онъ зашнуровывалъ уже ботинки, ему пришла одна мысль, но онъ оттолкнулъ ее; она однакоже возвратилась. Онъ надѣлъ жилетъ наизнанку, — явный признакъ душевной тревоги. Наконецъ онъ бросилъ шапку на полъ и вскричалъ :

— Будь что будетъ! Отправлюсь къ брату : проповѣдь будетъ, но будетъ и эку.

Онъ поспѣшно окончилъ туалетъ, поднялъ шапку и вышелъ.

Когда онъ проходилъ мимо улицы Тюшетъ, обоняніе его было пріятно поражено запахомъ жаркого; онъ съ любовью взглянулъ на вертела, вырвавшіе однажды у кордельера Калатажирона патетическое восклицаніе: *Veramente, queste rotisserie son cosa stupenda!* У Жана не было денегъ на завтракъ и онъ со вздохомъ прошелъ подъ ворота малаго Шателе.

Онъ даже не остановился, чтобъ бросить камень по принятому обыкновенію въ несчастную статую Перине Леклерка, предавшаго Парижъ англичанамъ при Карлѣ VI, за что его статуя въ продолженіе трехъ вѣковъ получала въ лицо камня и грязь на углу улицъ Лагарцъ и Бюсси.

Когда Жанъ подошелъ къ собору, нерѣшимость его снова прос-

нула; онъ долго ходилъ передъ порталомъ, повторяя съ тоскою: «Проповѣдь неизбѣжна, а эаю очень сомнителенъ!»

Онъ остановилъ сторожа, выходящаго изъ церкви.

— Гдѣ архидьяконъ?

— Кажется въ своей башнѣ и не совѣтую вамъ беспокоить его, если вы пришли не отъ самаго короля или святѣйшаго папы.

Жанъ хлопнулъ въ ладоши. Вотъ прекрасный случай увидѣть гдѣ дѣлаются колдовства!

Укрѣпившись этимъ рѣшеніемъ, онъ храбро сталъ взбираться по винтовой лѣстницѣ. — Любопытная вещь должна быть эта келья, которую мой братецъ прячетъ отъ всѣхъ, какъ любовницу! Говорятъ, онъ разведитъ въ ней адскій огонь и кипятитъ философскій камень. По мнѣ, — къ чорту всѣ философскіе камни! Я былъ бы очень радъ найти на ихъ мѣстѣ яичницу съ лукомъ!

Дойдя до галереи статуй, онъ остановился, выбралъ безконечную лѣстницу, пославъ ей цѣлый обозъ чертей, потомъ направился къ восточной башнѣ, теперь недоступной для зрителей. Пройдя площадку звонаря, онъ увидѣлъ низенькую дверь съ огромнымъ желѣзнымъ засовомъ. Лица, желающія теперь видѣть эту дверь, узнаютъ ее по надписи бѣлыми буквами на черной стѣнѣ: *J'adore Coqalie, 1823, signé Ugué*. *Signé* стоитъ въ текстѣ.

— Уфъ! сказалъ школьникъ, вѣроятно здѣсь. Ключъ былъ въ замкѣ. Онъ слегка толкнулъ дверь и просунулъ въ нее голову.

Читатель вѣроятно знакомъ съ твореніями Рембранта, этого Шекспира въ живописи. Въ числѣ многихъ вещей, есть одна, изображающая доктора «Фауста», на которую рѣшительно нельзя смотрѣть равнодушно. Она изображаетъ темную комнату, посрединѣ столъ съ черепами, глобусами, компасами, иероглифическими пергаментами. Докторъ сидитъ за столомъ въ своемъ толстомъ плащѣ и мѣховой шапкѣ. Его видно только въ половину. Онъ привсталъ съ своего огромнаго кресла; сжатые кулаки опираются объ столъ, и онъ съ любопытствомъ и ужасомъ разсматриваетъ свѣтлый кругъ магическихъ буквъ, блистающій на внутренней стѣнѣ какъ свѣтящійся призракъ въ темной комнатѣ. Это кабалистическое солнце наполняетъ своимъ трепетнымъ свѣтомъ комнату. Это чудно и страшно!

Нѣчто подобное комнатѣ Фауста представилось глазамъ Жана, когда онъ просунулъ голову въ дверное отверстіе. Это также была темная, едва освѣщенная келья. Былъ также столъ, огромное кре-

сю, компасы, скелеты животных, привѣшенные къ потолку, глобусъ, на полу бокалы, на днѣ которыхъ листки золота, черепа поставленные на листы испещренные знаками и буквами, огромные манускрипты, однимъ словомъ, всѣ грязные атрибуты науки, пополамъ съ пылью и паутиной; недоставало только пылающихъ буквъ и доктора въ экстазѣ, смотрящаго какъ орелъ на солнце.

Между тѣмъ келья была не пуста. За столомъ сидѣлъ низко нагнувшись человекъ. Жану видна была только часть его спины и затылокъ, но онъ тотчасъ узналъ эту лысую голову, на которую сама природа наложила вѣчное постриженіе, какъ бы указывая на неизбежность духовной карьеры для архидіакона.

Жанъ узналъ своего брата, но дверь отворилась такъ тихо, что Клодъ не замѣтилъ. Любопытный школьникъ воспользовался этимъ, чтобъ на досугъ осмотрѣть келью. Широкая печь, которой онъ сначала незамѣтилъ, была влѣво отъ кресла, подь окномъ. Свѣтъ проходилъ въ это окно черезъ паутину, образовавшую тонкую розетку, въ серединѣ которой сидѣлъ самъ архитекторъ. На печи валялись сосуды глиняные и хрустальные всѣхъ сортовъ и видовъ. Жанъ съ горестью замѣтилъ, что не было ни одной сковороды. Хороши кухонные аппараты! подумалъ онъ.

Впрочемъ, въ печи не было и огня, видно было даже, что его уже давно не разводять. Стеклянная маска, которая вѣроятно надѣвалась на лицо, чтобы предохранить его отъ вредныхъ испареній, была покрыта густымъ слоемъ пыли. Рядомъ съ нею лежали такіе же пыльные мѣхи, на верхней части которыхъ была надпись: *spiga, spiga*.

Много легендъ было написано на стѣнахъ, по обычаю герметиковъ, однѣ чернилами, другія остриемъ метала. Буквы были готическія, еврейскія, греческія и латинскія; новыя надписи уничтожали старыя, всѣ перепутывались одна съ другою, какъ листья кустарника. Это было странное смѣшеніе всѣхъ философій, всѣхъ мечтаній, всей мудрости человѣческой. Нѣкоторыя возвышались надъ прочими, какъ знамя надъ копьями. По большей части, это были краткія греческія или латинскія фразы, такъ хорошо формулируемыя въ средніе вѣка: *Undè? indè? Homo homini monstrum. Astra, castra, nomen, posmen. Sapere aude. Flat ubi vult* и т. д. Иногда же простое правило монастырской дисциплины, выраженное гекзаметромъ. Были также еврейскія надписи, которыхъ Жанъ уже вовсе не понималъ, и все это перемѣшивалось со звѣздами, изображеніями

людей и животныхъ, треугольниками, что дѣлало стѣну кельи похожую на листъ бумаги, по которому обезьяна водила перомъ.

Общій видъ показывалъ, что хозяинъ кельи давно уже отвлеченъ отъ занятій посторонними мыслями.

Хозяинъ этотъ, пристально смотрѣвшій въ огромную рукопись съ странными знаками, казалось былъ подъ влияніемъ какой-то неотступной и мучительной мысли. Жанъ заключилъ это по нѣкоторымъ восклицаніямъ, вырвавшимся у него какъ во снѣ :

— Да, Ману это говорить и самъ Зороастръ училъ! Солнце рождается отъ огня, луна отъ солнца, огонь душа всего; его элементарные атомы постоянно изливаются на міръ безчисленными потоками; на тѣхъ точкахъ гдѣ эти потоки пересѣкаются въ небѣ, они образуютъ свѣтъ; на точкахъ столкновѣнія подъ землею производятъ золото. Свѣтъ, золото — одно и тоже! Огонь въ конкретномъ состояніи не что иное какъ разница между видимымъ и осязаемымъ, между жидкимъ и твердымъ тѣломъ одной субстанціи. Это не мечта, это общій законъ природы. Но это общій законъ? Какъ! этотъ свѣтъ, падающій на мою руку, золото! всѣ эти атомы, разбросанные по извѣстному закону, стоить только соединить по другому. — Что дѣлать? Нѣкоторые собирались закопать въ землю солнечный лучъ. Аверроэсъ, — да это Аверроэсъ — Аверроэсъ зарылъ одинъ лучъ подъ первымъ столбомъ налѣво, въ большой мечети въ Кордовѣ, но поднять плиту можно только черезъ восемь тысячъ лѣтъ.

— Чортъ побери, пробормоталъ Жанъ, долго ждать пока онъ обратится въ эжу.

— Другіе думали, продолжалъ архидіаконъ, что лучше дѣлать наблюденія надъ лучомъ Сириуса. Но этотъ лучъ трудно получить чистымъ, по причинѣ примѣшивающихся къ нему лучей отъ другихъ звѣздъ. Фламель думалъ, что лучше наблюдать надъ земнымъ огнемъ. Фламель, каковъ имя! Flamma! — Да, огонь все. Алмазъ въ углѣ, золото въ огнѣ. Но какъ его достать? Магистрия говоритъ, что есть женскія имена такія сладкія и таинственныя, что стоить только произнести ихъ во время операціи. Прочтемъ, что говоритъ Ману: гдѣ уважаются женщины, тамъ и божества радуются; гдѣ ихъ презираютъ, тамъ не стоить и молиться Богу. Уста женщины всегда чисты: это проточная вода, это лучъ солнца. Имя женщины должно быть приятно, сладко, таинственно; должно оканчиваться долгими гласными и походить на слова благословенія. Да, мудрецъ правъ: въ самомъ дѣлѣ, Марія, Софія, Эсмераль... Проклятіе! опять эта мысль!

И онъ съ силой захопнулъ книгу.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая прогнать докучную мысль; потомъ взялъ со стола гвоздь и молотокъ, ручка котораго испещрена была кабалистическими знаками.

— Съ нѣкотораго времени, сказалъ онъ съ горькой улыбкой, мнѣ не удается ни одинъ опытъ! Неотступная мысль изсушила мой умъ. Я не могъ даже отыскать секретъ Касіодора, у котораго лампа горѣла безъ свѣтильни и масла. Вещь между тѣмъ очень простая.

— Вотъ какъ... пробормоталъ Жанъ.

— Достаточно одной ничтожной мысли, продолжалъ священникъ, чтобъ сдѣлать человѣка слабымъ и безумнымъ! О, какъ бы посмѣялась надо мной Клодъ Пернель, которой не удалось отвлечь ни на одну минуту Фламея отъ великаго дѣла! Какъ! у меня въ рукахъ волшебный молотъ, отъ cadaго удара котораго, въ рукахъ его перваго владѣтеля, каждый его врагъ, гдѣ бы онъ ни былъ, уходилъ на аршинъ въ землю. Самъ король Франціи, зато что не во время постучался къ ученому, ушелъ по колѣна въ парижскую мостовую. Этому не прошло еще трехъ вѣковъ. Вотъ этотъ молотокъ и гвоздь въ моихъ рукахъ, но какъ они безвредны! Между тѣмъ, стоитъ только отыскать магическое слово.

— Шутка! подумалъ Жанъ.

— Попробуемъ, сказалъ архидіаконъ; — въ случаѣ успѣха, вылетитъ синяя искра. Эмень Гетанъ! Эмень Гетанъ! Не то. — Сижеани! Сижеани! Чтобы гвоздь этотъ разверзъ землю подъ ногами того, кто носить имя Феба! Проклятіе! вѣчно эта мысль!

И онъ съ гнѣвомъ отбросилъ молотъ и такъ склонился надъ столомъ, что Жанъ не могъ видѣть его за спинкой кресла. Нѣсколько времени видѣнъ былъ только его кулакъ, судорожно сжатый надъ книгой. Вдругъ Клодъ приподнялся, взялъ компасъ, и молча вырѣзалъ на стѣнѣ слово: *Ανάγκη*.

— Мой братъ сошелъ съ ума, сказалъ про себя Жанъ: — гораздо проще было бы написать Fatum; не всякій обязанъ знать погречески.

Архидіаконъ снова опустился въ кресло и положилъ голову на руки, какъ больной, у котораго голова въ огнѣ.

Школьникъ съ удивленіемъ слѣдилъ за братомъ. Онъ, у котораго сердце всегда было на ладони, который не признавалъ въ жизни никакого закона, кромѣ закона природы; онъ, у котораго не было сильныхъ ощущеній, потомучто они быстро смѣнялись, — онъ

не могъ понять съ какой злобой бушуетъ это море страстей, когда ему не даютъ выхода; какъ оно вздымается и точитъ сердце, какъ вырывается внутренними рыданіями и глухими конвульсіями, пока не опрокинетъ всѣхъ преградъ и не выйдетъ наружу. Ледяная наружность Клода Фролло обманула его. Школьникъ и неподозрѣвая какая кипучая лава хранится подъ ледяной поверхностью Этны.

Понялъ ли онъ это вполнѣ, неизвѣстно; только онъ догадался, что видѣлъ то, чего не слѣдовало видѣть, что передъ нимъ раскрылись сокровеннѣйшіе изгибы души Клода и что не надо было дать ему замѣтить, что въ кельѣ былъ свидѣтель. Видя, что архидіаконъ погрузился въ прежнюю неподвижность, онъ тихонько высвободилъ голову и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за дверью.

— Войдите! крикнулъ архидіаконъ съ своего мѣста: — я ждалъ васъ. Я нарочно оставилъ ключъ у двери; войдите Жакъ.

Школьникъ смѣло вошелъ. Архидіаконъ, которому было весьма неприятно встрѣтить его въ этомъ мѣстѣ, вздрогнулъ на своемъ креслѣ.

— Какъ! это ты Жанъ?

— Имя все-таки начинается на Ж, нагло отвѣчалъ школьникъ.

Лицо Клода приняло строгое выраженіе.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— Братецъ, началъ Жанъ, стараясь впасть въ жалобный и приличный тонъ и вертя въ рукахъ шляпу, съ видомъ невинности: — я пришолъ просить у васъ...

— Чего?

— Совѣтовъ, въ которыхъ я очень нуждаюсь. И денегъ, которыхъ мнѣ еще болѣе нужно, докончилъ онъ мысленно.

— Я очень недоволенъ вами, сухо сказалъ архидіаконъ.

— Увы!

Клодъ повернулся въ креслѣ и пристально взглянулъ на Жана.

— Я очень доволенъ, что вы мнѣ попались

Вступленіе было страшно.

— Жанъ, мнѣ каждый день приносятъ на васъ жалобы. Что это за выходка избить палками этого виконтика де Рамоншонъ.

— Важное дѣло! негодный пажишка, который нарочно ѣздилъ по грязи, чтобы брызгать на школьниковъ.

— А какъ идетъ вашъ латинскій языкъ?

Жанъ промолчалъ.

— Да, продолжалъ священникъ, качая головою: — вотъ какъ идетъ теперь ученье. Латинскій языкъ едва понимаютъ, сирійскаго вовсе не знаютъ, а греческимъ пренебрегаютъ до такой степени, что ученый не постыдится пропустить не читая греческое слово: *Græcum est, non legitur*.

Школьникъ съ рѣшимостью поднялъ глаза.

— Хотите, братецъ, я объясню вамъ на чисто-французскомъ языкѣ, что значитъ греческое слово, написанное на этой стѣнѣ?

— Какое слово?

— *Αυτύχη*.

Легкая краска покрыла щеки архидіакона, какъ легкій дымъ, возвѣщающій изверженіе волкана. Школьникъ этого не замѣтилъ.

— Ну, Жанъ, съ замѣшательствомъ произнесъ старшій братъ: — чтоже значитъ это слово?

— *Fatalité*.

Клодъ снова поблѣднѣлъ, а школьникъ продолжалъ съ безпечнымъ видомъ:

— А другое слово, написанное ниже, значитъ нечистота. Вы видите, что я знаю погречески.

Архидіаконъ молчалъ. Этотъ урокъ греческаго языка повергъ его въ задумчивость. Жанъ, изучившій всѣ уловки балованнаго дитяти, разсудилъ что настала благопріятная минута для просьбы.

Онъ началъ самымъ сладкимъ голосомъ:

— Братецъ, неужели вы способны возненавидѣть меня за нѣсколько толчковъ, данныхъ совершенно честно въ открытой войнѣ нѣкоторымъ негодяямъ. Вѣдь нѣтъ, любезный братъ?

Лицемеріе однакожь не произвело ожидаемаго дѣйствія. Церберъ не дотронулся до сладкаго пирога. Чело архидіакона осталось мрачнымъ.

— Къ чему все это клонится? сухо спросилъ онъ.

— Ну, къ дѣлу! смѣло сказалъ Жанъ; мнѣ нужно денегъ!

При этомъ нагломъ признаніи, лицо архидіакона приняло совсѣмъ педагогическое и отеческое выраженіе.

— Вы знаете, Жанъ, что наше имѣніе приноситъ намъ не много дохода.

— Мнѣ нужно денегъ, стоически продолжалъ Жанъ.

— Вы знаете, что мнѣ нужно еще заплатить...

— Я знаю, что мнѣ нужны деньги, повторилъ въ третій разъ Жанъ.

— На что они вамъ?

Этотъ вопросъ подалъ школьнику нѣкоторую надежду. Онъ снова прибѣгнулъ къ кошачьимъ уловкамъ.

— Любезный братецъ, я бы не обратился къ вамъ ради дурного дѣла. Деньги мнѣ нужны не для того, чтобъ красоваться въ тавернахъ или развѣзжать по улицамъ въ сопровожденіи моего лакея, cum meo laquasio. Нѣтъ, я хочу сдѣлать доброе дѣло.

— Какое это? спросилъ удивленный Клодь.

— Двое моихъ товарищей хотятъ сложиться въ пользу одного сироты; нужно три флорина; я тоже хотѣлъ бы войти въ долю.

— Какъ зовутъ этихъ друзей?

— Пьеръ Карачунъ и Батистъ Неклади—плохо.

— Гм... Какъ эти имена идутъ къ доброму дѣлу.

На самомъ дѣлѣ, Жанъ промахнулся; онъ самъ почувствовалъ это, но поздно.

— Да и почему нужно именно три флорина?

— *Аваруеа*, сказалъ Жанъ.

— Ну такъ, мнѣ нужны деньги чтобъ идти вечеромъ въ Валь-д'амуръ, къ Изабо ла Тьерей.

— Развратникъ! вскрикнулъ архидіаконъ.

Жанъ перевелъ тоже слово погречески.

Этотъ намекъ на стѣнную надпись произвелъ странное дѣйствіе на Клода. Онъ покраснѣлъ и закусилъ губы.

— Убирайтесь вонъ; я жду посѣтителей.

Школьникъ попробовалъ еще одно средство.

— Братъ Клодь, дайте мнѣ хотя самую малость на объѣд.

— Сколько вы прошли изъ постановленій Граціана? спросилъ Клодь.

— Я потерялъ тетради.

— А изъ латинской словесности?

— У меня украли Горація.

— А каково идетъ Аристотель?

— Боже-мой, братецъ, не помните ли вы какой отецъ церкви сказалъ, что заблужденія еретиковъ всегда имѣли прибѣжище въ аристотелевой метафизикѣ? Ну его, Аристотеля! Не хочу я портить своей вѣры его метафизикой.

— Молодой человекъ! при послѣднемъ вѣздѣ короля, въ его свитѣ былъ одинъ дворянинъ Филиппъ де Комминъ, и на чотирѣхъ

его лошади было вышито изрѣченіе, которое я совѣтую вамъ обдумать: *Qui non laborat non manducet.*

Школьникъ постоялъ съ минуту, опустивъ глаза и почесывая за ухомъ. Вдругъ онъ быстро повернулся къ Клоду.

— И такъ, любезный братъ, вы не хотите дать мнѣ одного су на хлѣбъ?

— *Qui non laborat non manducet.*

При этомъ непреклонномъ отвѣтѣ, Жанъ закрылъ лицо руками, какъ плачущая женщина и вскричалъ отчаяннымъ голосомъ: «*O totototoi!*»

— Что это значить! спросилъ удивленный Клодъ.

— Какъ что! нагло спросилъ школьникъ, устремивъ на брата глаза, которые изо всей мочи натеръ кулаками; — это анапестъ Эсхила, совершенно выражающій скорбь.

И онъ расхохотался такъ громко, что даже архидіаконъ не могъ удержаться отъ улыбки. Это моя вина, подумалъ онъ; зачѣмъ я такъ избаловалъ этого ребенка.

— О, милый братъ! продолжалъ Жанъ, ободренный этой улыбкой: — посмотрите на мои худые башмаки. Что можетъ быть на свѣтѣ хуже того, когда подошва показываетъ языкъ!

Архидіаконъ снова принялъ строгій видъ.

— Я пришлю вамъ башмаки, но денегъ вы не получите.

— Хотя самую малость, братецъ, умолялъ Жанъ. Я выучу наизусть Граціана, буду самымъ вѣрующимъ, сдѣлаюсь настоящимъ Пифагоромъ въ наукѣ и добродѣтели. Только дайте немного денегъ! Голодъ разверзаетъ передо мной свою пасть чернѣе, глубже самого тартара.

Клодъ покачалъ головою.

— *Qui non laborat...*

Жанъ не далъ ему докончить.

— Ну, такъ къ черту! вскричалъ онъ, да здравствуетъ веселье! Буду ходить по кабакамъ, драться, кутить съ женщинами!

Онъ бросилъ шапку въ стѣну и сталъ прищелкивать пальцами.

Архидіаконъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Жанъ, у васъ нѣтъ души.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ, по мнѣнію Эпикура, недостаетъ что-то, состоящаго изъ неизвѣстно чего и неизмѣющаго имени.

— Жанъ, вамъ нужно серьезно подумать объ исправленіи; вы идете по скользкому пути. Знаете ли вы куда вы идете?

— Въ кабакъ.

— Кабакъ ведетъ къ позорному столбу.

— Чѣмъ же этотъ фонарь хуже другого; съ нимъ Діогенъ можетъ-быть и нашолъ бы человѣка.

— Позорный столбъ ведетъ къ висѣлицѣ.

— Висѣлица — вѣсы; на одномъ концѣ человѣкъ, а на другомъ земля. Приятно сознавать себя человѣкомъ.

— Висѣлица ведетъ въ адъ.

— Тамъ очень тепло.

— Жанъ, Жанъ, вы кончите дурно!

— Зато начало было хорошо.

Въ эту минуту раздалися шаги на лѣстницѣ.

— Тише! сказалъ Клодъ, идетъ Жакъ. Слушайте, Жанъ, прибавилъ онъ шопотомъ: — сохрани васъ Богъ разболтать то что вы увидите и услышите. Спрячьтесь подъ эту жаровню и не шевели-тесь.

Школьникъ спрятался; ему пришла счастливая мысль.

— Кстати, братецъ, дайте флоринъ за скромность.

— Молчите, дамъ.

— Ну, такъ давайте.

— Бери! съ гнѣвомъ вскричалъ архидіаконъ, бросая ему кошелькъ. Жанъ спрятался, и дверь растворилась.

V

ДВѢ ЛИЧНОСТИ ВЪ ЧЕРНОМЪ

Вошедшій былъ въ черной одеждѣ и съ мрачнымъ лицомъ. Что прежде всего поразило Жана (который конечно устроился такъ что-бы все было видно), это была мрачность костюма и самой личности новоприбывшаго. Въ лицѣ его была правда нѣкоторая кротость, но кротость кошки или судьи. Онъ былъ сѣдъ, весь въ морщинахъ, лѣтъ около шестидесяти, моргалъ глазами; брови у него были бѣлыя, губы отвислыя, руки большія. Когда Жанъ увидѣлъ, что это былъ не кто иной, какъ какой-нибудь докторъ и что у него носъ очень далеко отъ рта, несомнѣнный признакъ глупости, онъ забился въ свой уголъ и отъ души пожалѣлъ, что придется провести время въ такомъ плохомъ обществѣ и въ такомъ неудобномъ положеніи.

Архидіаконъ даже не привсталъ для своего гостя. Онъ сдѣлалъ ему знакъ сѣсть на скамью близъ двери, и помолчавъ немного, сказалъ покровительственнымъ тономъ :

— Здравствуйте, Жакъ!

— Здравствуйте, отвѣчалъ черный человѣкъ.

Въ этихъ двухъ привѣтствіяхъ было большое различіе, какъ между ученикомъ и учителемъ.

— Чтоже, успѣваете вы? спросилъ учитель послѣ новаго молчанія.

— Увы! отвѣчалъ тотъ жалобнымъ голосомъ: — выходитъ множество золы, но ни одной песчинки золота.

Клодь сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я не о томъ говорю съ вами, Жакъ Шармолю, но о процессѣ вашего колдуна. Кажется, его зовутъ Маркъ Сененъ? Удалась ли вамъ попытка?

— Увы! нѣтъ, отвѣчалъ Жакъ съ своей печальной улыбкой, мы не имѣемъ этого утѣшенія. Этотъ человѣкъ кремень: его придется сварить, прежде чѣмъ онъ скажетъ хоть одно слово. Однакожъ, мы дѣлаемъ все, чтобы добиться истины. Онъ ужь совсѣмъ изувѣченъ, но не признался ни въ чемъ.

— Вы не отыскали ничего новаго въ его домъ?

— Какже, вотъ этотъ пергаментъ. Мы никакъ не могли разобрать, что въ немъ написано, а между тѣмъ уголовный адвокатъ Лелье знаетъ немного поеврейски; онъ научился во время процесса жидовъ въ Брюсселѣ.

Говоря такимъ образомъ, Жакъ развертывалъ пергаментъ.

— Дайте, сказалъ архидіаконъ.

— Да, это чистое колдовство. Эмень Гетанъ! это крикъ вѣдьмъ когда онѣ слетаются на шабашъ. *Per ipsum, et cum ipso, et in ipso!* этой фразой дьяволъ повергается въ тартаръ. *Нах, рах, тах!* это изъ медицины заклинаніе отъ укушенія бѣшеной собаки. Жакъ, вы духовный королевскій прокуроръ: этотъ пергаментъ ужасенъ.

— Мы снова подвергнемъ виновнаго пыткѣ. Вотъ еще, — это мы тоже нашли у Марка Сенена.

Это былъ сосудъ очень похожій на тѣ, которые стояли у архидіакона. А, сказалъ онъ: — алхимическій аппаратъ!

— Признаюсь, отвѣчалъ Жакъ, съ своей неуклюжей улыбкой: — я уже пробовалъ его, но результата не вышло.

Архидіаконъ началъ разсматривать сосудъ.

— Что тутъ вырѣзано! Och! Och! слово прогоняющее блохъ! Этого Маркъ Сененъ невѣжда! Конечно, въ этомъ вы не получите золота! можете ставить его, лѣтомъ, у своей постели!

— Если ужъ зашло дѣло объ ошибкахъ, сказалъ Жакъ, такъ вотъ я сейчасъ изучалъ порталъ, прежде чѣмъ войти сюда; увѣрена ли ваша милость, что изъ семи нагихъ фигуръ у ногъ Богоматери, та, у которой на пяткахъ крылья, изображаетъ Меркурія?

— Да, отвѣчалъ священникъ. Это утверждаетъ Августинъ Нисо, итальянскій докторъ, которому служилъ бородатый дьяволъ. Впрочемъ, сойдемте, я объясню вамъ все по тексту.

— Благодарю, отвѣчалъ Жакъ, поклонившись чуть не до земли. Кстати! я позабылъ. Когда прикажете задержать маленькую колдунью?

— Какую колдунью?

— Да ту цыганку, которая всегда приходитъ на соборную площадь, несмотря на запрещеніе. У ней есть коза, которая пишетъ, знаетъ математику и можетъ привести къ висѣлицѣ всѣхъ цыганъ на свѣтъ. Процессъ уже готовъ; онъ пойдетъ у насъ живо! А прехорошенькая эта танцовщица! Какіе глаза! точно раскаленные угли! Когда начать процессъ?

Архидіаконъ былъ страшно блѣденъ.

— Я вамъ скажу! произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ; потомъ съ удивленіемъ прибавилъ: — займитесь Маркомъ Сененомъ.

— Будьте покойны, отвѣчалъ улыбаясь Шармолю: — я тотчасъ же велю его привязать къ кожаной постелѣ. Но, чертовское упрямство! даже Пьера Тортерю, у котораго руки толще моихъ, и тотъ утомляется.

Клодъ былъ погруженъ въ мрачную задумчивость. Онъ обратился къ Шармолю.

— Пьера... то-есть Жакъ, займитесь Маркомъ Сененомъ.

— Да, да, домъ Клодъ. Бѣднякъ, придется ему помучиться! И что за мысль ѣздить на шабашъ! Что касается до маленькой Эсмеральды, какъ они ее называютъ, я буду ожидать вашихъ приказаній. Да, насчетъ портала, вы объясните мнѣ также, что означаетъ садовникъ, нарисованный при входѣ въ церковь. Можетъ-быть это сѣятель? О чемъ вы это такъ задумались?

Клодъ не слушалъ его. Шармолю замѣтилъ, что глаза его устремлены на паутину въ окнѣ. Въ эту минуту, неосторожная муха, привлеченная мартовскимъ солнцемъ, влетѣла въ нее и застучалась.

Паукъ бросился на свою жертву, согнулъ ее вдвое передними лапами и началъ сосать ей голову.

— Бѣдная муха! сказалъ прокуроръ и поднялъ руку чтобы спасти ее. Архидіаконъ, какъ-будто пробужденный отъ сна, схватилъ его за руку.

— Жакъ, не мѣшайте совершиться року.

Прокуроръ испугался; рука его была стиснута точно желѣзными клещами. Глаза священника сверкали и не отрывались отъ страшной группы паука и мухи.

— О, да! произнесъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ; вотъ символъ всего. Она весела, молода, летаетъ, ищетъ весны, воздуха, свободы; о, да! но наткнись она на паутину — и выходитъ паукъ. Паукъ страшный! Бѣдная танцовщица! Бѣдная предназначенная жертва! Оставьте, Жакъ, это судьба! Увы, Клодъ, ты паукъ! Клодъ, ты также и муха! Ты стремишься къ наукѣ, къ свѣту, къ солнцу, ты желалъ только достигнуть вѣчной истины; но бросаешься къ свѣтлому отверстию, выходящему въ другой міръ, въ міръ свѣта, разума и науки, жалкая муха, безумный ученый, ты не выдалъ паутины, протанутой судьбою между тобой и свѣтомъ и прямо бросился въ нее, жалкій безумецъ! Теперь ты бьешься, твои крылья оборваны желѣзными когтями предопредѣленія! Жакъ! Жакъ! пусть паукъ дѣлаетъ свое дѣло!

— Увѣряю васъ, что не трону его, только пустите мою руку: у васъ пальцы точно клещи.

Архидіаконъ не слушалъ его. — О, глупая! продолжалъ онъ, не переставая смотрѣть на окно. Еслибы даже ты и разорвала паутину своими слабыми крыльями, развѣ за нею свѣтъ? За нею есть еще стекло, это прозрачное препятствіе, это хрустальная стѣна криче чугуновой, которая отдѣляетъ всѣ философіи отъ истины; какъ переступила бы ты за нее? О, суетность науки! сколько мудрецовъ разбиваются объ эту стѣну! Сколько системъ жужжа бьются объ это вѣчное стекло!

Онъ замолчалъ. Послѣднія мысли, перешедшія на науку, казались уснокоили его. Жакъ Шармолю совсѣмъ возвратилъ его къ дѣятельности вопросомъ: «Когда же мы будемъ виѣсть дѣлать золото?»

Архидіаконъ покачалъ головой съ грустной улыбкой.

— Жакъ, читайте Псалмуса, *Dialogus de energia et oratione* дошопим. Наши занятія не совсѣмъ невинны.

— Тише, домъ-Клодь! я и самъ это думаю; да чтожь дѣлать, когда получаешь не болѣе тридцати экю въ годъ.

Въ эту минуту, до слуха Шармолю долетѣло чавканье изъ-подъ печки.

— Что это? спросилъ онъ.

То былъ школьникъ, соскучившійся въ своей засадѣ и принявшійся грызть корку хлѣба и сухой кусокъ сыра, найденный имъ между разнымъ хламомъ. Онъ былъ очень голоденъ, потому и чавкалъ очень громко, что возбудило вниманіе Шармолю.

— Кошка лакомится мышами, съ живостью отвѣчалъ архидіаконъ.

Это объясненіе удовлетворило Жака.

— Всѣ великіе философы имѣли любимыхъ животныхъ, сказалъ онъ съ сладкой улыбкой. Вы знаете что говоритъ Сервіусъ: *Nullus enim locus sine genio est.*

Между тѣмъ, Клодь, боявшійся новой выходки со стороны Жана, напомнилъ своему ученику, что имъ нужно еще разсмотрѣть нѣкоторыя фигуры портала, и оба вышли къ великой радости Жана, начинавшаго бояться, что его колѣно приростетъ къ подбородку.

VI

КАКОЕ ДѢЙСТВІЕ МОГУТЪ ПРОИЗВЕСТИ СЕМЬ РУГАТЕЛЬСТВЪ НА УЛИЦѢ

— *Te Deum laudamus!* вскричалъ Жанъ, выходя изъ своей зазавы: — насилу-то ушли эти совы! Och! Och! Нах! рах! тах! бляхи! бѣшенныя собаки! чортъ! Ну ужь разговоры! въ головѣ у меня точно колокола! Да еще скверный сыръ въ придачу! Фуи! Уйдемъ поскорѣ съ кошелькомъ старшаго брата и обратимъ его экю въ бутылки!

Онъ бросилъ нѣжный взглядъ во внутренность кошелька, поправилъ платье, вытеръ ботинки, свиснулъ, повернулся на одной ногѣ, старательно оглядѣлъ нельзя ли унести еще чего изъ комнаты, взялъ съ печи нѣсколько цвѣтныхъ стеклышекъ, годныхъ для Изабелла-Тьерри, толкнулъ дверь, которую братъ его не заперъ изъ снисхожденія, а онъ оставилъ растворенною изъ шалости, и птицей полетѣлъ съ лѣстницы.

По дорогѣ, онъ наткнулся на что-то, что проворчало и дало ему дорогу; онъ предположилъ, что это Квазимодо, и это показалось ему такъ смѣшно, что онъ, во весь остальной путь, держался за бока отъ смѣха.

Выйдя на мостовую, онъ топнулъ ногою. — О, славныя парижскія улицы! проклятая лѣстница, на которой можно задохнуться!

Какъ это вздумалось мнѣ взобраться въ эту западню; и все для того, чтобы поѣсть гнилого сыру и посмотреть на парижскія колокольни!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и увидѣлъ двухъ совъ, то-есть Клода и Шармолю, рассматривающихъ порталъ. Онъ подошелъ къ нимъ на цыпочкахъ и услышалъ, что архидіаконъ шопотомъ говоритъ Шармолю: Вильгельмъ парижскій велѣлъ награвировать Юва на этомъ лазурномъ камнѣ. Ювъ изображаетъ философскій камень; который также долженъ вытерпѣть муки и испытанія прежде своего усовершенствованія, какъ говоритъ Раймондъ Люль: *Sub conseruatione formae specifere salva anima.*

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла, подумалъ Жанъ: — благо кошелекъ у меня.

Въ эту минуту онъ услышалъ позади себя голосъ; звонкій, сильный и произносящій цѣлую серію ругательства.

— Клянусь честью, это вѣрно капитанъ Фебъ, мой пріятель!

Это имя долетѣло до ушей архидіакона въ ту минуту, какъ онъ объяснял Шармолю фигуру дракона, хвостъ котораго скрывается въ ваннѣ, откуда выходитъ дымъ и голова короля. Клодъ вздрогнулъ, вдругъ остановился къ великому удивленію своего слушателя, оглянулся и увидѣлъ своего брата, подходящаго къ высокому офицеру, у дома Гонделорье.

Это былъ капитанъ Фебъ де-Шатоперъ. Онъ стоялъ, прислонившись къ углу дома своей невѣсты и ругаясь, какъ язычникъ.

— Ну, капитанъ Фебъ, славно вы бранитесь! сказалъ Жакъ, взявъ его за руку. Изъ какого источника вытекаютъ эти прелестныя слова?

— Извините, другъ Жанъ, — лошадь, пущенная въ галонъ не скоро останавливается, а у меня брань шла галономъ. Я вышелъ вотъ отъ этихъ святошь, а когда я выхожу оттуда, то задыхаюсь отъ ругательства; нужно жъ было выпустить ихъ на воздухъ.

— Хотите пить? спросилъ Жанъ.

Это предложеніе успокоило капитана.

— Хочу, только у меня нѣтъ денегъ.

— А у меня есть!

— Ба! посмотримъ!

Жанъ, съ величественнымъ спокойствіемъ, раскрылъ кошелекъ. Между тѣмъ архидіаконъ, оставивъ Шармолю, дошелъ до нихъ и наблюдалъ за ними, чего оба не замѣчали, углубившись въ созерцаніе своихъ сокровищъ.

Фебъ вскричалъ: кошелекъ — въ вашемъ карманѣ, Жанъ, это луна въ ведрѣ воды. Видѣть ее можно, но въ сущности ея нѣтъ, это только призракъ. Побьемтесь объ закладъ, что въ кошелекѣ камни.

Жанъ хладнокровно высыпалъ на ближайшій столбъ содержаніе кошелька съ видомъ римлянина, спасающаго отечество.

— Боже мой! это ослѣпительно! вскричалъ Фебъ.

Жанъ попрежнему остался холодно-важенъ. Нѣсколько мелкихъ монетъ упало въ грязь; Фебъ, подъ вліяніемъ энтузіазма, нагнулся поднять ихъ. Жанъ удержалъ его: — Фи, капитанъ Фебъ де Шатоперъ!

Фебъ пересчиталъ деньги: — Кого это вы обокрали сегодня, Жанъ?

Жанъ закинулъ назадъ свою кудрявую голову и прищурилъ глаза, съ легкимъ презрѣніемъ, отвѣчалъ: У меня братъ архидіаконъ и сумашедшій:

— О, достойный человекъ!

— Идемте пить!

— Куда же? Въ «Еввино яблоко».

— Нѣтъ въ «Старую науку» лучше.

— Къ чорту «Науку»; въ «Яблокъ» вино лучше и есть виноградникъ подъ окнами, а это насъ развеселитъ пока будемъ пить.

— Ну идемъ къ Евѣ, сказалъ школьникъ, взявъ товарища подъ руку, архидіаконъ послѣдовалъ за ними.

Онъ шолъ съ мрачнымъ видомъ. Тотъ ли это Фебъ, котораго проклятое имя примѣшивается ко всѣмъ его мыслямъ со времени послѣдняго свиданія съ Гренгуаромъ, онъ не зналъ; но довольно было одного имени, чтобы заставить Клода тайкомъ идти за безработными товарищами, вслушиваться въ ихъ слова и подмѣчать малѣйшіе жесты. Впрочемъ, было очень легко слышать ихъ разговоръ: они не стѣснялись, говорили громко о дуэляхъ, игрѣ, женитинатъ и другихъ шалостяхъ.

При поворотѣ въ одну улицу, они услышали звуки тамбурина. Ондеръ сказалъ цыцольнику: пойдите скорѣе!

— Зачѣмъ Фебъ?

— Я боюсь, чтобъ цыганка меня не увидѣла.

— Какая цыганка?

— Цыганка съ козой.

— Эсмеральда!

— Она самая. Я все позабываю это чертовеское имя. Пойдемте, она можетъ узнать меня, а я не хочу, чтобы эта дѣвочка подошла ко мнѣ на улицѣ.

— Развѣ вы ее знаете, Фебъ?

Тутъ архидіаконъ увидѣлъ, что Фебъ смѣется и говоритъ что-то на ухо Жану.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Жанъ.

— Клянусь честью.

— Сегодня?

— Сегодня вечеромъ.

— Увѣрены ли вы, что она придетъ?

— Да вы съ ума сошли, Жанъ; развѣ въ такихъ вещахъ сомнѣваются!

— Капитанъ Фебъ, вы счастливѣйшій изъ жандармовъ!

Архидіаконъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Зубы его стучали; дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Онъ остановился, прислонился къ столбу, какъ пьяный, потомъ опять пошелъ за молодыми людьми.

Когда онъ опять нагналъ ихъ, разговоръ уже перемѣнился. Они шли всю ночь:

Les enfants des Petits-Carreaux
Se font pendre comme des veaux...

VII

СТРАШНЫЙ МОНАХЪ

Временитый кабакъ «Яблоко Евы» находился въ университетской части города. Это была довольно большая комната въ нижнемъ этажѣ, со сводами. Въ ней было множество столовъ, посѣтителей, виноградникъ у двери, а надъ дверью заржавленная доска, на которой изображена женщина и яблоко. То была вывѣска.

Наступила ночь; въ улицахъ было темно; кабакъ свѣтился издали какъ кузнечная печь на темномъ фонѣ; слышался звукъ стакановъ, брань, ссоры. Сквозь дымъ и парь можно было видѣть множество красныхъ лицъ и слышать, по временамъ, гомерическій взрывъ хохота. Прохожіе, идущіе по дѣламъ, неподнимали глазъ на эти окна.

Только одинъ человекъ долго ходилъ взадъ и впередъ подь окнами шумнаго зданія и безпрестанно взглядывалъ на его окна. Плащъ закрывалъ ему все лицо. Онъ только-что купилъ этотъ плащъ у лоскутника, по сосѣдству съ кабакомъ, можетъ-быть для того, чтобы защититься отъ холода, а можетъ-быть для того, чтобы скрыть свой костюмъ. Останавливаясь подь окномъ, онъ смотрѣлъ, слушалъ и нетерпѣливо топалъ ногою.

Наконецъ дверь отворилась. Кажется этого и ждалъ человекъ въ плащѣ. Изъ кабака выпли двое; незнакомецъ перешолъ на другую сторону улицы.

— Сейчасъ пробьетъ семь часовъ, — это часъ моего свиданія, говорилъ одинъ.

Другой несъ страшную чушь.

— Жанъ, другъ мой, вы пьяны.

— Хорошо вамъ говорить, Февъ, шатаясь отвѣчалъ его товарищъ: — а уже давно доказано, что у Платона былъ профиль охотничей собаки.

Читатель вѣроятно уже узналъ нашихъ молодыхъ друзей — капитана и школьника. Незнакомецъ, вѣроятно также узналъ ихъ, потому что медленно послѣдовалъ за раскачивающимся школьникомъ Капитанъ, привыкшій къ вину, шолъ совершенно прямо. Незнакомецъ могъ совершенно подслушать слѣдующій интересный разговоръ:

— Идите же прямое, любезный другъ; я долженъ васъ оставить: у меня свиданіе съ женщиной.

— Оставьте меня! я вижу звѣзды и копыя. Вы точно замокъ Дампартенъ, который лопается со смѣха.

— Чортъ побери, Жанъ, вы уже слишкомъ заворачиваетесь. Кстати у васъ уже нѣтъ больше денегъ?

— Господинъ ректоръ, тутъ нѣтъ ошибки: полатыни будетъ *darva boucheria*.

— Жанъ, другъ мой Жанъ, я назначилъ этой женщинѣ свиданіе на мосту сень-Мишель; мы должны будемъ идти съ ней къ Фалурдель, а за комнату надобно платить. Старуха съ бѣлыми усами

не доверитъ мнѣ въ кредитъ. Жанъ, развѣ мы пропили всѣ архидіаковскія деньги? развѣ у васъ ничего не осталось?

— Сознаніе, что хорошо проведенъ день, приправляетъ объѣдъ.

— Прахъ тебя возьми, довольно врать! говори, чортъ, есть ли у тебя деньги? Давай, или я самъ возьму.

— Улица Галиашъ на углу улицы Веротери?

— Да, да, другъ мой Жанъ, хорошо. Только придите въ себя, радя неба. Мнѣ нужно только одинъ паризи къ семи часамъ.

Школьникъ затянулъ пѣсню.

— Чтобъ тебя черти задушили, поклятый мальчишка! вскричалъ Фебъ и толкнулъ школьника, который растянулся на мостовой Филиппа Августа. Въ силу братскаго сочувствія, существующаго между пьяницами, Фебъ притащилъ Жана къ одному изъ изголовьевъ бѣдныхъ людей, которыя богачи презрительно называютъ кучами нечистотъ. Капитанъ подложилъ ему подъ голову капүстныхъ кочней и школьникъ тотчасъ же захрапѣлъ, какъ на самой лучшей постелѣ. Злѣба не совѣмъ потухла въ душѣ капитана. — Пусть подберутъ тебя черти въ свою телѣгу, пробормоталъ онъ на прощанье и пошелъ далѣе.

Человѣкъ въ плащѣ остановился на минуту передъ спящимъ школьникомъ, какъ будто въ нерѣшимости, потомъ вдохнулъ и пошелъ вслѣдъ за капитаномъ.

Мы также оставимъ Жана подъ открытымъ небомъ и послѣдуемъ за обѣими путниками.

Поворачивая въ улицу Сент-Андре, капитанъ замѣтилъ, что его кто-то преслѣдуетъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ какую-то тѣнь, ползущую за нимъ у забора. Онъ остановился и она остановилась; онъ пошелъ, и тѣнь пошла. Его впрочемъ это не очень беспокоило: Ба, подумалъ онъ: — у меня нѣтъ ни копѣйки!

Передъ атонской школой, онъ остановился. Въ этой школѣ началъ онъ свое воспитаніе и, по старой привычкѣ, никогда не проходилъ мимо фасада школы, не нанеши статуѣ кардинала Пьера Верранда, стоящей по правую сторону портала, оскорбленія, на которое такъ горько жалуется Приапъ въ сатирѣ горація *Olim trun-
sus agas ficalnus*. Онъ приложилъ столько старанія, что надпись *obscanis episcopus* была почти уничтожена. По своему обыкновенію, онъ и теперь остановился передъ статуей. Улица была совершенно пуста. Вдругъ онъ увидѣлъ, что тѣнь идетъ къ нему медленными шагами, такъ медленно, что онъ успѣлъ рассмотреть ея плащъ и

шляпу. Передъ статуей кардинала она остановилась и устремила на Феба взглядъ полный того фосфорическаго блеска; который выходитъ ночью изъ глазъ кошки.

Капитанъ былъ храбръ, но эта ходячая статуя, этоѣ окаменѣлый человѣкъ навели на него ужасъ. Въ то время ходили рассказы о страшномъ монахѣ, являвшемся по ночамъ на улицахъ Париза. Капитанъ постоялъ нѣсколько минутъ, наконецъ сказалъ, съ напряженнымъ смѣхомъ: милостивый государь, если вы воръ, въ чемъ я почти увѣренъ, то вы рискуете дать маху: я сынъ раззорившихся родителей. Обратитесь лучше по сосѣдству; въ этой школѣ есть чѣмъ поживиться.

Рука тѣни высунулась изъ подъ плаща и вцѣпилась, точно желѣзными клещами, въ руку капитана. Въ тоже время, тѣнь заговорила: Капитанъ Фебъ дѣ Шатоперь!

— Какъ, вы знаете мое имя!

— Я знаю больше чѣмъ ваше имя. У васъ сегодня свиданіе.

— Да, отвѣчалъ пораженный Фебъ.

— Въ семь часовъ?

— Да, черезъ четверть часа.

— У Фалурдель?

— Такъ точно.

— Съ женщиной?

— *Compteur*.

— Которую зовутъ...

— Эсмеральдой, смѣло отвѣчалъ Фебъ. Къ нему возвратилась его безпечность.

При этомъ имени тѣнь сильно потрясла Феба за руку. Капитанъ Фебъ дѣ Шатоперь, ты лжешь!

Еслибы кто могъ видѣть въ эту минуту пылающее лицо капитана, прыжокъ который онъ сдѣлалъ назадъ съ такой силой что высвободился изъ желѣзнаго рукожатія, гордый жестъ, съ которымъ онъ взялся за шпагу и передъ нимъ неподвижную фигуру въ плащѣ, тотъ навѣрное бы испугался. Эта сцена напоминала донъ-Жуана со статуей Командора.

— Тысяча чертей! крикнулъ капитанъ. Вотъ слово, рѣдко ка-сающееся ушей Шатоперовъ! ты не осмѣлишься его повторить!

— Ты лжешь! холодно произнесла тѣнь.

Капитанъ заскрежеталъ зубами. Страшный монахъ, привидѣнія, суевѣріе, онъ забылъ всѣ эти вещи въ эту минуту. Онъ ви-

дѣлъ передъ собой только обидѣвшаго его человѣка. Хорошо! прошепталъ онъ голосомъ, заглушаемымъ яростью, и обнажилъ свою шпагу: — сейчасъ, же, здѣсь! твою шпагу! и крови, крови!

Между тѣмъ противникъ его не шевелился. — Капитанъ Фебъ! сказалъ онъ съ горечью: — вы забываете свое свиданіе.

Вспышка гнѣва у людей, подобныхъ Фебу, походитъ на кипящее молоко: довольно одной капли воды, чтобы охладить ихъ. Эти простые слова заставили капитана опустить оружіе.

— Капитанъ! продолжалъ незнакомецъ: — завтра, послѣ завтра, черезъ мѣсяць, черезъ десять лѣтъ, я буду готовъ перерѣзать вамъ горло; но ступайте сначала на свое свиданіе.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Фебъ: — очень пріятно встрѣтить разомъ дуэль и женщину, и я не вижу, зачѣмъ мнѣ отказываться отъ одного изъ двухъ, когда можно имѣть и то и другое.

И онъ вложилъ шпагу въ ножны.

— Пойдете вы на свиданіе? спросилъ незнакомецъ.

— Милостивый государь! началъ Фебъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — весьма благодаренъ за вашу любезность. Въ самомъ дѣлѣ мы еще успѣемъ изрубить другъ друга и завтра. Я очень обязанъ вамъ за доставленіе мнѣ пріятной четверти часа. Я надѣялся еще успѣть оставить васъ здѣсь въ ручѣ и вовремя прійти на свиданіе, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ случаяхъ считается хорошимъ тономъ заставить женщину подождать. Но вы кажется не дадите жизнь дешево и потому вѣрнѣе отложить битву до завтра. Итакъ я пойду на свиданіе; оно назначено въ семь часовъ, какъ вамъ уже извѣстно. Тутъ Фебъ почесалъ за ухомъ.

— Чортъ возьми, я и позабылъ! у меня нѣтъ ни копѣйки, чтобъ заплатить за наемъ комнаты, а старуха спроситъ деньги впередъ. Она не довѣряетъ мнѣ.

— Вотъ вамъ деньги.

Фебъ почувствовалъ, какъ холодная рука незнакомца всунула въ его руку крупную монету. Онъ взялъ деньги и пожалъ эту руку.

— Клянусь богомъ, вы молодецъ!

— Позвольте, одно условіе. Докажите мнѣ, что вы не солгали. Спрячьте меня куда-нибудь, откуда бы я могъ видѣть, та ли именно женщина будетъ съ вами, которую вы назвали.

— О! отвѣчалъ Фебъ: — мнѣ это все равно. Мы возьмемъ ком-

нату въ Sainte Marthe, вы можете все видѣть изъ соѣднаго чулана.

— Идемте же! сказала тѣнь.

— Къ вашимъ услугамъ! сказалъ капитанъ. — Вы можете быть и самъ месиръ сатана, но будете добрыми друзьями на сегодняшній вечеръ. Завтра я расплачусь со всѣми долгами, денежными и кровавыми.

Они пошли скорымъ шагомъ. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ воды показалъ имъ, что они пришли къ мосту.

— Я сначала проведу васъ! сказалъ Фебъ: — а потомъ пойду за своей красавицей.

Спутникъ его не отвѣтилъ ни слова; онъ молчалъ впродолженіе всей дороги. Фебъ остановился противъ низенькой двери и громко стукнулъ; показался свѣтъ въ окнахъ.

— Кто тамъ? раздался старческой голосъ.

Капитанъ произнесъ нѣсколько ругательствъ, дверь растворилась и показалась старая старушонка съ старой лампой въ рукахъ. Старуха была вся сторбленная, сморщенная, повязанная грязной тряпкой, съ узенькими глазами. Губы ея совсѣмъ ушли въ ротъ, а вокругъ торчали бѣлые усы, какъ у кошки. Внутренность комнаты была такая же жалкая и грязная: повсюду пыль и паутина; посрединѣ безногіе столы и стулья, въ глубинѣ лѣстница; ведущая къ небольшому отверстію въ потолокъ. Проникая въ этотъ вертепъ, таинственный спутникъ Феба поднялъ свой плащъ до самаго лба. Между тѣмъ Фебъ распорядился насчетъ комнаты. Старуха при видѣ подаваемого ей эку, назвала его свѣтлостью. Это были деньги, полученные отъ чернаго человѣка. Когда старуха отвернулась, положивъ эку въ ящикъ, маленькій лохматый мальчикъ, возившійся у печки, подкрался тихонько къ ящику, вынулъ изъ него эку и положилъ на его мѣсто сухой листъ изъ вѣника.

Старуха сдѣлала знакъ своимъ гостямъ и повела ихъ по лѣстницѣ. Дошедши до верхняго этажа, она поставила свѣчу на сундукъ, а Фебъ, какъ привычный посѣтитель, толкнулъ дверь въ темный чуланъ. — Войдите! сказалъ онъ своему товарищу. Чловѣкъ въ плащѣ повиновался не говоря ни слова, дверь захлопнулась за нимъ; онъ слышалъ, какъ Фебъ заперъ ее на задвижку и сошелъ съ лѣстницы; свѣтъ скрылся.

VIII

О ПОЛЪЗЪ ОКОНЪ ВЫХОДЯЩИХЪ НА УЛИЦУ

Клодь Фролло (мы увѣрены, что читатель былъ проницательнѣе Феба и не принялъ его за страшнаго монаха), Клодь Фролло ощущалъ мѣсто, въ которомъ заперъ его капитанъ. Это было пустое пространство между крышей и главной стѣной. Вертикальный разрѣзъ его представилъ бы треугольникъ. Не было оконъ и склонъ крыши не позволялъ стоять на ногахъ. Клодь присѣлъ между соломъ, голова его горѣла; ощупывая вокругъ себя, онъ нашолъ кусокъ стекла и приложилъ его ко лбу, чтобъ освѣжиться.

Что происходило въ эту минуту въ мрачной душѣ архидіакона, знаетъ одинъ только Богъ да онъ самъ.

Въ какомъ порядкѣ являлись въ его мысляхъ Эсмемальда, Фебъ, Шармолю, любимый младшій братъ, покинутый имъ среди улицы, его собственная репутация, компрометируемая у Фалурдель, всѣ происшествія дня, — я не знаю. Но всѣ они составляли въ его головѣ страшную группу.

Онъ ждалъ уже четверть часа и постарѣлъ на цѣлое столѣтіе.

Варугъ деревянная лѣстница заскрипѣла, кто-то входилъ. Дверь растворилась и снова показался свѣтъ. Въ вѣтхой двери его коморки была довольно широкая щель: онъ прильнулъ къ ней лицомъ. Сначала появилась рука старухи со свѣчю, потомъ Фебъ; крутящій усы, потомъ граціозная фигура Эсмемальды. Священнику показалась она сверхъестественнымъ явленіемъ. Клодь задрожалъ, облако заслонило его зрѣніе, все закружилось передъ нимъ, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Когда онъ пришолъ въ себя, Фебъ и Эсмемальда были одни; они сидѣли на сундукѣ, и стоящая вблизи лампа освѣщала ихъ молодые лица и грязную постель въ углу комнаты.

Рядомъ съ постелью было окно, грязныя стекла котораго прощупывали, какъ сквозь паутину, свѣтъ луны, окруженной прозрачными облаками.

Молодая дѣвушка была сконфужена и дрожала. Ея длинныя, опущенныя рѣсницы бросали тѣнь на пылающія щоки. Офицеръ, на котораго она не смѣла поднять глазъ, весь сіялъ удовольствіемъ.

Машинально, не зная что начать от смущения, она граціозно вывела пальчикомъ разныя фигуры на сундукъ и смотрѣла на свой палецъ. Ногъ ея не было видно, на нихъ лежала коза.

Капитанъ былъ очень элегантно одѣтъ: воротникъ и рукава его были вышиты золотомъ, — признакъ большого щегольства въ то время.

Волненіе крови мѣшало архиіаконову отчетливо слышать ихъ разговоръ (разговоръ влюбленныхъ довольно банальная вещь. Это безконечное *я васъ люблю*, музыкальная фраза очень пошлая для равнодушныхъ слушателей, если она не прикрашена какой-нибудь *фигурой*; но Клодъ не былъ равнодушнымъ слушателемъ).

— О! говорила молодая дѣвушка: — не презирайте меня, господинъ Фебъ, я знаю, что я поступаю очень дурно.

— Презирать васъ, прекрасное дитя! отвѣчалъ офицеръ тономъ утонченной вѣжливости: — за чтоже, богъ мой!

— Зато что я пришла сюда.

— Ну, моя прелесть, я бы долженъ не презирать, а ненавидѣть васъ.

Дѣвушка взглянула на него съ испугомъ.

— Ненавидѣть меня! чтоже я сдѣлала?

— Вы заставили слишкомъ долго просить себя.

— Ахъ! отвѣчала она: — я нарушаю обѣтъ... Я не найду своихъ родителей, талисманъ потеряетъ свою силу. Но что до этого за дѣло! Зачѣмъ мнѣ теперь отецъ и мать.

Говоря это, она устремила на капитана свои черные глаза, полныя нѣжности и радости.

— Чортъ меня возьми, если я что-нибудь понялъ! сказалъ Фебъ.

Эсмемальда помолчала съ минуту, потомъ слезинка выкатилась изъ ея глазъ, вздохъ вырвался изъ груди и она сказала: О, монсеньоръ, я васъ люблю!

Молодую дѣвушку окружалъ такой ореолъ чистоты и добродѣтели, что Фебъ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко въ ея присутствіи. Это слово придало ему смѣлости.

— Вы меня любите! сказалъ онъ съ увлеченіемъ и обнявъ ее за талію. Онъ и ждалъ только этого случая.

Архиіаконъ увидѣлъ это и попробовалъ остріе кинжала, спрятаннаго подъ его плащомъ.

— Фебъ! сказала цыганка, съ трудомъ высвобождаюсь изъ его

ОБЪЯВЛЕНІЕ : — вы добры, великодушны, прекрасны; вы спасли меня, бедное; потерянное дитя. Я уже давно мечтаю объ офицерѣ, который бы спасъ мнѣ жизнь. Я мечтала о васъ, еще не зная васъ, мой Фебъ; у моей мечты было прекрасное платье, какъ у васъ, гордый взглядъ, шпага; васъ зовутъ Фебомъ, это хорошее имя, я люблю также имя, люблю вашу шпагу. Выньте шпагу, Фебъ, я хочу ее видѣть:

— Дитя! сказалъ капитанъ и улыбаясь вынулъ оружіе.

Цыганка осмотрѣла шпагу со всѣхъ сторонъ, потомъ съ очаровательной наивностью поцѣловала ее, говоря:

— Ты шпага храбраго капитана, я люблю моего капитана.

Фебъ опять воспользовался случаемъ поцѣловать нагнувшуюся лебединую шейку. Дѣвушка выпрямилась, пунцовая, какъ вишня. Клодь скрежеталъ зубами въ своей засадѣ.

— Фебъ! начала опять цыганка: — дайте мнѣ поговорить съ вами. Пройдите немного, чтобы я могла видѣть васъ во весь ростъ и слышать звонъ вашихъ шпоръ. Какъ вы хороши!

Капитанъ всталъ, ворча на нее съ довольной улыбкой.

— Какое-жъ вы дитя! Кстати, милочка, видѣли вы меня въ варадной формѣ?

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала она.

— Вотъ что ужъ дѣйствительно стоитъ посмотрѣть.

Фебъ опять сѣлъ подлѣ нея, только ужъ ближе прежняго.

— Послушайте, милая...

Цыганка ударила его нѣсколько разъ по губамъ съ ребяческимъ, но полнымъ граціи жестомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не буду васъ слушать! Любите ли вы меня! Я хочу, чтобы вы мнѣ это сказали.

— Люблю ли я тебя, мой ангелъ! вскричалъ капитанъ, становясь на колѣни: — я самъ, вся моя душа принадлежитъ тебѣ одной. Я люблю тебя и никого не любилъ кромѣ тебя.

Капитану такъ часто приходилось повторять эту фразу, что онъ произнесъ ее однимъ духомъ. При этомъ объясненіи цыганка подняла къ грязному потолку, замѣнявшему небо, глаза, полные божественнаго счастья.

— О! сказала она: — вотъ въ эту минуту нужно бы умереть.

Фебъ напоилъ, что эта минута удобна для новаго поцалуя, который мучительно отозвался въ душѣ архидіакона.

— Умереть! вскричалъ счастливый капитанъ: — что это вы

говорите, мой ангелъ! Теперь надо жить, кланусь Юпитеромъ! Умереть въ самомъ началѣ такого хорошаго дѣла! Нѣтъ, шутите, чортъ возьми!.. Послушайте, милая Симиляр... Эсменар... Извините, у васъ такое мудреное имя, что я не могу его вбить себѣ въ голову.

— Боже-мой! сказала бѣдная дѣвушка: — а я думала, что мое имя хорошо своей оригинальностью. Но если оно вамъ не нравится, я желала бы лучше имѣть самое обыкновенное.

— Ну, не приходите въ отчаяніе отъ такихъ пустяковъ, моя милая; къ вашему имени нужно только привыкнуть, вотъ и все. Когда я его выучу наизусть, все пойдетъ хорошо. Ну слушайте, милая Симиляръ; я васъ обожаю, я васъ такъ люблю, что просто ужасъ. Одна пташка отъ этого просто съ ума сходитъ.

Ревнивая дѣвушка перебила его:

— Ктоже это?

— Что вамъ за дѣло? сказалъ Фебъ, — любите ли вы меня?

— О! сказала она.

— Ну, это главное. Вы увидите, что и я васъ люблю также. Пусть задушитъ меня самъ сатана, если я не сдѣлаю васъ счастливѣйшей изъ женщинъ. У насъ будетъ гдѣ-нибудь хорошенькая канурка. Я буду учить солдатъ подъ вашими окнами. Они всѣ на лошадахъ и ужасно смѣются надъ людьми капитана Миньона. Я поведу васъ въ звѣринецъ, покажу вамъ львовъ въ отель дю Руа; они очень хищны, а всѣ женщины любятъ это.

Дѣвушка, погруженная въ сладкія мысли, мечтала подъ звуки его голоса, не вникая въ смыслъ словъ.

— О, вы будете счастливы! продолжалъ капитанъ и тихонько растегнулъ поясъ цыганки.

— Что вы дѣлаете? съ живостью вскричала она. Этотъ поступокъ вывелъ ее изъ задумчивости.

— Ничего, отвѣчалъ Фебъ: — я говорилъ только, что нужно будетъ оставить этотъ уличный нарядъ, когда вы будете со мною.

— Когда я буду съ тобою, мой Фебъ! нѣжно сказала дѣвушка. Она снова задумалась.

Капитанъ, поощренный ея кротостью, обнялъ ее за талію и она не противилась; онъ началъ понемногу разшнуровывать ея корсажъ и такъ сдвинулъ ея шемизетку, что задыхающійся архидіаконъ увидѣлъ кругленькое, смуглое плечико цыганки.

Молодая дѣвушка сидѣла спокойно; казалось, она ничего не замѣтила. Глаза капитана блистали.

Вдругъ она обернулась къ нему.

— Фебъ! сказала она съ невыразимою нѣжностью: — научи меня своей религіи.

— Моей религіи! вскричалъ съ хохотомъ капитанъ. — Я буду учить васъ религіи. Чтоже вы станете дѣлать съ моей религіей?

— Мы женимся.

Лицо капитана приняло выраженіе удивленія, презрѣнія, безпечности и страсти.

— А, ба! кто же теперь женится?

Цыганка поблѣднѣла и печально опустила голову на грудь.

— Прелесть моя! нѣжно сказалъ Фебъ: — что это за выдумки? Важное дѣло замужство! Развѣ мы меньше будемъ любить другъ друга?

Говоря все это самымъ нѣжнымъ голосомъ, онъ все ближе подвигался къ цыганкѣ; руки его вновь обвились вокругъ ея стройнаго стана, глаза разгарались и все показывало, что Фебъ не далекъ отъ того мгновенія, въ которое самъ Юпитеръ дѣлаетъ столько глупостей, что Гомеръ принужденъ призвать облако на помощь.

Между тѣмъ Клодъ все видѣлъ. Дверь была сдѣлана изъ очень гнѣзыхъ досокъ, такъ что его лихорадочный взглядъ могъ слѣдить за всей сценой. Этого широкоплечій монахъ, прошедшій молодость въ строгой монастырской дѣвственности, вѣпѣлъ и дрожалъ передъ этой страстной картиной. Видъ прелестной дѣвушки въ рукахъ у пылаго молодого человека, обращалъ въ растопленный свинець его кровь. Съ нимъ дѣлалось что-то странное. Тотъ, кто увидѣлъ бы лицо несчастнаго, плотно прильнувшее къ дверной щели, могъ бы принять его за тигра, смотрящаго изъ кѣтки, какъ шакалъ похрипѣетъ газель. Зрачки его свѣтились какъ свѣчки.

Вдругъ Фебъ быстрымъ движеніемъ снялъ шемизетку дѣвушки.

Блѣдное дитя, сидящее въ задумчивости, вдругъ встрепенулось. Она быстро отошла отъ предприимчиваго офицера и бросивъ испуганный и стыдливый взоръ на свои обнаженныя плечи, скрестила на груди руки. Щоки ея пылали; она стояла безмолвно, какъ статуя изломудрія. Глаза были опущены.

Теперь, когда не было шемизетки, талисманъ, который Эсмеральда носила на шеѣ, бросился въ глаза Фебу.

— Что это такое? сказал онъ, пользуясь случаемъ снова приблизиться къ ней.

— Не дотрогивайтесь! съ живостью вскричала она: — это мой хранитель. Онъ поможетъ мнѣ отыскать моихъ родителей, если я останусь достойной этого. О, оставьте меня, господинъ капитанъ! Матушка, бѣдная матушка, гдѣ ты? Помоги мнѣ! Сжальтесь, господинъ Фебъ, отдайте мнѣ мою косынку!

Фебъ отошелъ и холодно сказалъ:

— О, теперь я вижу, что вы меня не любите!

— Я не люблю его! вскричала бѣдная дѣвушка, хватаясь за капитана и усаживая его подлѣ себя. — Я не люблю тебя, мой Фебъ! Что ты говоришь, злой; зачѣмъ терзаешь мое сердце? О, возьми меня, возьми все! дѣлай со мной что хочешь, я вся твоя. Что мнѣ талисманъ, что мнѣ мать? Ты замѣнишь мнѣ мать, потому что я люблю тебя! Фебъ, дорогой мой Фебъ! Видишь ли ты меня? Это я, посмотри на меня; это та самая дѣвочка, которую ты не оттолкнулъ по твоей добротѣ; она сама, по своей волѣ пришла къ тебѣ. Моя душа, моя жизнь, мое тѣло, я вся ваша полная собственность, капитанъ. Ну не женись на мнѣ, если тебѣ неприятно это. Что я такое? бѣдная уличная дѣвочка! между тѣмъ какъ ты, мой Фебъ, ты дворянинъ! Славно бы было офицеру жениться на пласунѣ! я съ ума сошла. Нѣтъ, мой Фебъ, я буду твоей любовницей, твоей забавой, буду принадлежать тебѣ во всякое время, когда ты только захочешь. Я уже создана для этого. Пусть я буду обезславлена, пусть меня презираютъ, лишь бы быть любимой тобою. Я буду самая гордая и самая счастливая изъ женщинъ. А когда я буду стара и дурна, Фебъ, когда меня нельзя будетъ любить, вы позволите мнѣ быть вашей слугою. Другія будутъ вышивать вамъ шарфы, а я, служанка, буду прибирать ихъ. Вы позвольте мнѣ чистить ваши шпоры, вытирать ваши сапоги, убирать платье. Неправда ли Фебъ, вы сдѣлаете мнѣ эту милость? А пока я твоя, мой Фебъ, только люби меня! Намъ цыганкамъ только нужно любви да воздуха!

Говоря такимъ образомъ, она обвивала руками шею офицера, она смотрѣла на него умоляющимъ взоромъ, улыбаясь сквозь слезы. Ея нѣжная шея терлась о сукно его платья. Ея тѣло дрожало на его колѣняхъ. Капитанъ въ упоеніи прильнулъ губами къ ея смуглому плечу. Дѣвушка, опрокинувшись назадъ, трепетала подъ этимъ поцѣлуемъ.

Вдругъ надъ головой Феба она увидѣла другую голову; лицо зеленое, блѣдное, искаженное конвульсіями. Подлѣ этой головы была рука съ кинжаломъ. Это была рука монаха. Онъ выломилъ дверь и явился; Фебъ не могъ его видѣть. Бѣдная дѣвушка оцѣпенѣла отъ ужаса, какъ голубка поднявшая головку въ то время, когда коршунъ смотритъ въ ея гнѣздо своими круглыми глазами.

Она не имѣла даже силъ вскрикнуть. Она видѣла какъ кинжалъ опустился на Феба и поднялся весь въ крови.

— Проклятіе! вскричалъ капитанъ и уналъ.

Съ ней сдѣлался обморокъ.

Въ ту минуту, когда закрывались ея глаза и всякое сознание покидало ее, она почувствовала прикосновеніе чего-то огненного къ губамъ, поцѣлуй, какъ раскаленное желѣзо палача.

Пришедши въ себя, она увидѣла толпу солдатъ. Капитана уносили въ крови, монахъ исчезъ; окно, выходящее на улицу, было раскрыто, подняли плащъ, который сочли принадлежащимъ офицеру и она слышала слова:

— Эта кодунья заколела капитана.

КНИГА ВОСЬМАЯ

I

ЭКЮ ОБРАЩЕННЫЙ ВЪ УВЯДШІЙ ЛИСТОКЪ

Гренгуаръ и весь дворъ чудесъ были въ смертельномъ безпокойствѣ.

Уже цѣлый мѣсяцъ никто не зналъ куда дѣвалась Эсмеральда, что очень печалило герцога Египта и его свиту. Не знали также гдѣ дѣвалась роза, что сильно огорчало Гренгуара. Цыганка исчезла въ одинъ вечеръ и съ тѣхъ поръ о ней не было слуха. Всѣ поиски были тщетны.

Некоторые насмѣшники увѣряли Гренгуара, что встрѣтили ее мигая съ офицеромъ, на мосту св. Михаила, но сей импровизированный мужъ былъ недобѣрчивъ какъ философъ, ктому же онъ, лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ, насколько его жена добродѣтельна. Онъ до смерти видѣлъ, къ какому сопротивленію способна Эсмеральда, и былъ спокоенъ.

Потому-то исчезновение ея было для него совершенно непонятно и глубоко его огорчало. Онъ даже бы похуѣлъ, еслибъ это было возможно при его тѣлосложеніи. Онъ забылъ все, даже свое сочиненіе «*de figuris regularibus et irregularibus*», которое предполагалъ напечатать при первыхъ деньгахъ.

Однажды, проходя мимо тюремной башни, онъ увидѣлъ толпу народа у дверей палаты юстиціи.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ у выходящаго оттуда молодого человѣка.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ. — Говорятъ, что судятъ женщину, которая убила жандарма. Такъ какъ тутъ примѣшалось колдовство, то принимаетъ участіе и духовный судъ, а братъ мой архидіаконъ не выходитъ изъ присутствія. Я хотѣлъ видѣть его, но не было возможности пробраться сквозь толпу, а это очень досадно, потому что мнѣ нужно денегъ.

— Увы, милостивый государь, сказалъ Гренгуаръ: — я желалъ бы дать вамъ займы, но карманы мои худы не отъ избытка денегъ.

Онъ не посмѣлъ признаться юношѣ, что знаетъ архидіакона, потому что не видѣлъ его съ послѣдняго разговора.

Школьникъ пошелъ своей дорогой, а Гренгуаръ послѣдовалъ за толпою по лѣстницѣ. Онъ зналъ, что ничто такъ не разсѣиваетъ меланхоліи, какъ уголовный процессъ: такъ смѣшать всегда судьи своею глупостью. Послѣ долгой толкотни въ длинномъ коридорѣ, онъ дошелъ до низенькой двери и могъ видѣть, черезъ головы зрителей, все что происходило въ залѣ.

Зала была обширная и темная. Наступалъ вечеръ. Длинные готическія окна пропускали только слабый лучъ свѣта, который доухалъ еще не дойдя до свода, а скульптурныя украшенія на немъ какъ будто шевелились въ темнотѣ. На столахъ уже горѣло нѣсколько свѣчъ, освѣщая головы протоколистѣвъ, наклоненныя надъ бумагами. Передняя часть залы занята была зрителями; направо и нѣлѣво были адвокаты; въ глубинѣ, на эстрадѣ, сидѣли судьи, послѣдніе ряды которыхъ терялись въ темнотѣ. Лица у всѣхъ были угрюмы и неподвижны. На стѣнахъ было безчисленное множество лѣлій. Надъ головами судей смутно виднѣлось распятіе, а повсюду алебарды и пики, на концахъ которыхъ отражался огонь.

— Милостивый государь, спросилъ Гренгуаръ у своего соседа: — кто эти особы, которыя сидятъ какъ прелаты на соборѣ.

— Направо, это совѣтники верхней палаты, а налѣво, совѣтники слѣдственной комиссіи.

— А тамъ надъ нами, кто этотъ красный толстякъ?

— Это господинъ президентъ.

— А эти бараны сзади его? продолжалъ Гренгуаръ, нелюбившій судей. Причиной его нерасположенія была можетъ быть литературная неудача въ палатѣ юстиціи.

— Это королевскіе сборщики податей.

— А этотъ кабанъ, напротивъ его?

— Это парламентскій грефье.

— А этотъ крокодилъ направо?

— Филиппъ Лелье, экстраординарный королевскій адвокатъ.

— А налѣво, этотъ черный котъ?

— Жакъ Шармолю, духовный королевскій прокуроръ.

— Чтоже дѣлають здѣсь всѣ эти люди?

— Судять.

— Кого судять? я не вижу подсудимаго.

— Женщину. Вы не можете ее видѣть. Она стоитъ къ намъ задомъ и толпа ее заслоняетъ. Вонъ она тамъ, гдѣ такъ много алембардъ.

— Знаете вы, кто эта женщина?

— Нѣтъ, я только сейчасъ пришло. Только вѣрно дѣло идетъ о колдовствѣ, потомучто здѣсь духовные судьи.

— Ну, увидимъ, какъ эти духовные будутъ пить человѣческую кровь. Это зрѣлище стоитъ другого.

— Развѣ вы не находите, милостивый государь, что у Жака Шармолю очень кроткое лицо?

— Гм... отвѣчалъ Гренгуаръ. — Не довѣряю я кроткимъ лицамъ съ такими тонкими губами.

Тутъ сосѣди прервали ихъ разговоръ. Выслушивали очень важное показаніе.

— Государи мои, говорила старуха, лицо которой такъ было закрыто разнымъ тряпьемъ, что ее можно было принять за ходячую кучу лохмотьевъ: — что я вамъ говорю, также справедливо какъ то, что меня зовутъ Фалурдель и что я живу на мосту св. Михаила противъ красильщика. Теперь я ужь стара, но была красивая дѣвушка смолоду, господа. Мнѣ говорили недавно добрые люди: Фалурдель, не сидите долго по вечерамъ за пряжей; дьяволъ любитъ пугать своими рогами пряжу у старухъ. Страшный монахъ гово-

рять ходить по городу, смотрите, чтобъ онъ не зашелъ къ вамъ. Однажды вечеромъ я сидѣла за пряжей, вдругъ стучать въ дверь; я спрашиваю, кто? Мнѣ отвѣчаютъ ругательствомъ. Я отпираю. Входятъ два человѣка: одинъ весь въ черномъ, другой офицеръ. У чернаго видны были одни только глаза, точно горячіе угли; весь онъ закутанъ былъ въ плащъ. Они спросили у меня верхнюю комнату, самую чистую, и дали мнѣ эю. Я спрятала эю въ ящикъ и подумала: вотъ пойду завтра на бойню, куплю кишокъ. Мы пошли наверхъ. Только-что я успѣла отвернуться, черный пропагъ. Это меня удивило. Офицеръ, нарядный какъ вельможа, сошелъ со мною внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился съ хорошенькой дѣвушкой, только волосы у ней были очень лохматы. Съ ней былъ козелъ, большой козелъ, ужь черный или бѣлый я непримѣтила. Я было призадумалась. Дѣвушка ничего, а козелъ-то!.. Я нелюблю этихъ звѣрей, у нихъ борода и рога, точно у мужчины, да они напоминаютъ и шабашъ. Впрочемъ я ничего не сказала. Деньги вѣдь впередъ отдали, что же тутъ разсуждать. Я проводила капитана съ дѣвушкой наверхъ и оставила однихъ, то-есть съ козломъ, а сама съѣла за пряжу. Надобно вамъ сказать, что въ моемъ домѣ есть подвальный этажъ и окна въ этомъ этажѣ и въ первомъ, выходятъ на рѣку. Вотъ я и прядла, только незнаю почему, пришло мнѣ въ голову страшный монахъ. Вдругъ, слышу наверху шумъ и какъ-будто что-то падаетъ изъ окошка; я бросилась къ своему окну и видѣла какъ привидѣніе, одѣтое монахомъ, бросилось въ воду. Была лунная ночь; я очень хорошо видѣла какъ онъ поплылъ къ старому городу. Я бросилась за стражей. Ночные сторожа пришли, и не видя въ чемъ дѣло, принялись было колотить меня. Я объяснила имъ и мы пошли наверхъ. Чтожъ мы увидѣли? Моя комната вся въ крови, капитанъ на полу, съ кинжаломъ въ горлѣ, дѣвушка вся растерзанная и прикинулась мертвой, козелъ мечется какъ угорѣлый. Ну, подумала я, теперь недѣли двѣ не домоешься пола, надо будетъ скоблить, это ужасъ! Офицера и дѣвушку вынесли. Погодите, я не сказала самаго важнаго: На другой день, когда я хотѣла достать эю, онъ исчезъ, и на его мѣстѣ очутился сухой листокъ.

Старуха замолчала. Между слушателями пронесся ронотъ ужаса.

— Ну, здѣсь сильно припахиваетъ колдовствомъ, сказалъ соседъ Гренгуара: — козелъ и этотъ страшный монахъ...

— А сухой-то листокъ! сказалъ другой.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, прибавилъ третій: — эта колдунья стакнулась съ страшнымъ монахомъ, чтобъ обобрать офицера.

Самъ Гренгуаръ былъ готовъ допустить вѣроятность этихъ предположеній.

— Фалурдель, торжественно произнесъ президентъ: — не имѣете ли вы еще какихъ показаній?

— Нѣтъ, монсеньеръ. Только въ протоколъ мой домъ названъ грязной и вонючей лачужкой, а это очень обидно. Правда, дома на мосту не очень красивы, но въ нихъ не брезгаютъ жить и богатые насники, съ очень красивыми жонами.

Господинъ, показавшійся Гренгуару крокодиломъ, всталъ съ своего мѣста.

— Молчать! сказалъ онъ: — господа, прошу васъ не терять изъ вида, что у обвиненной найденъ кинжалъ. Фалурдель, принесла вы съ собой тотъ листокъ, въ который обратился эку?

— Да, монсеньеръ, вотъ онъ.

Эзекюторъ передалъ сухой листъ крокодилу, который съ мрачнымъ видомъ отдалъ его президенту, а тотъ препроводилъ дагѣ.

— Это березовый листъ, сказалъ Шармолю: — новое подтвержденіе колдовства.

Одинъ изъ совѣтниковъ всталъ.

— Свидѣтельница, къ вамъ вошло двое людей, оециеръ и монахъ, — который изъ нихъ далъ вамъ эку?

Старуха подумала.

— Оециеръ, отвѣчала она.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— А, сказалъ Гренгуаръ: — вотъ это порождаетъ сомнѣніе.

Филиппъ Делье опять началъ.

— Прошу васъ, господа, обратить вниманіе, что въ протоколъ, составленномъ у постели раненаго оециера, изъ его собственнаго воззванія, значита, что въ ту минуту, когда подошолъ къ нему черный человекъ, въ умъ его мелькнула мысль о страшномъ монкѣ. Привидѣніе непремѣнно настаивало, чтобы онъ шолъ къ подставной, и на замѣчаніе оециера, что у него нѣтъ денегъ, вручило ему этотъ эку. Значитъ деньги эти во всякомъ случаѣ произведеніе ада.

Этотъ аргументъ казалось разсѣять сомнѣніе Гренгуара и другихъ скептиковъ.

— Обо всемъ этомъ, прибавилъ королевскій прокуроръ: —

можно спросить въ бумагахъ по дѣлу капитана Феба-де-Шатоперь.

При этомъ имени обвиненная встала, и Грейгуаръ съ ужасомъ узналъ Эмеральду.

Она была блѣдна. Ея прекрасные волосы были растрепаны, губы побѣлѣли, глаза ввалились.

— Фебъ, гдѣ онъ? вскричала она въ изступленіи. — Господа, прежде чѣмъ убьете меня, скажите мнѣ ради-бога, гдѣ онъ?

— Замолчи, женщина, сказалъ президентъ: — это не наше дѣло.

— О, изъ жалости, скажите мнѣ, живъ ли онъ? продолжала она, складывая свои прелестныя руки, отчего цѣни на нихъ зазвѣнѣли.

— Ну, сухо отвѣчалъ королевскій прокуроръ: — онъ умираетъ. Довольно ты?

Несчастная опустилась на скамью безъ голоса, безъ слезъ, блѣдная какъ мраморная статуя.

Президентъ наклонился къ стоявшей у его ногъ личности, въ золотой шпанъ, черномъ платьѣ, съ цѣпью на шеѣ и жезломъ въ рукахъ.

— Экзекуторъ, введите вторую обвиненную.

Всѣ глаза обратились къ маленькой двери, и представьте себѣ ужасъ Грейгуара, когда онъ увидѣлъ входящую везочку съ золотыми рожками. Изящное животное на минуту остановилось на порогѣ и протянуло шейку; вдругъ замѣтивъ цыганку, она перескочила черезъ столъ и голову одного протоколиста и очутилась у ногъ своей хозяйки, выпрашивая ласки или слова; но обвиненная не шевельнулась и не взглянула даже на бѣдную Джали.

— А! да это тотъ скверный козелъ, я узнаю ихъ обихъ, сказала Фалурдель.

Жакъ Шарлемю предложилъ приступить къ допросу козы.

Она-то и была вторая обвиненная. Въ тѣ времена животные играли большую роль въ процессахъ. Между судебными отчетами, въ 1466 году есть любопытныя подробности процесса Гилье-Сулара и его свиньи, каменныхъ за беззаконія. Въ отчетѣ вычислены расходы на содержаніе свиньи въ тюрьмѣ и ея пищу, впродолженіи одиннадцати-дневнаго суда. Бывало и еще лучше. Въ постановленіяхъ Шарлеманя и Людовика простого назначены строжайшія наказанія огненнымъ привидѣніямъ, осмѣляющимся появиться на небѣ

Духовный королевскій прокуроръ произнесъ громко:

— Если демонъ , сидящій въ этой козѣ и невышедшій несмотря на всѣ заклинанія , будетъ продолжать пугать народъ своимъ колдовствомъ , мы принуждены будемъ предать его огню или висѣлицѣ.

У Гренгуара выступилъ холодный потъ. Шармолю взялъ со стола тамбурина цыганки , и подставивъ его извѣстнымъ образомъ козѣ , спросилъ :

— Который часъ ?

Коза взглянула на него своими умными глазами , подняла золотую лапку и ударила семь разъ. Восклицаніе ужаса раздалось въ толгѣ. Гренгуаръ не выдержалъ.

— Она себя губить ! вскричалъ онъ : вѣдь вы видите , что она сама не знаетъ что дѣлаетъ !

— Молчать тамъ въ концѣ ! крикнулъ эзекуторъ.

Шармолю , при помощи тамбурина , заставилъ козу сдѣлать много другихъ фокусовъ , которые уже извѣстны читателю. Тѣже самые зрители , которые любовались козочкой на площадяхъ , пришли тверь въ ужасъ и окончательно признали ее чортомъ.

Королевскій прокуроръ высыпалъ на полъ изъ мѣшка азбуку , которую Джали прежде носила на шеѣ , и она ланкой составила несчастное слово : Фебъ. Тогда-то сдѣлалось вполнѣ ясно , что капитанъ былъ жертва колдовства , и граціозная Эмеральда превратилась въ глазахъ всего собранія въ отвратительную вѣдму.

Сама она не подавала ни малѣйшаго признака жизни ; ни фокусы Джали , ни угрозы судей , ни проклятія зрителей , не долетали до ея слуха.

Чтобы извлечь ее изъ оцѣпененія , сержантъ грубо потрясъ ее за плечо , а президентъ возвысилъ голосъ.

— Женщина , ты обвиняешься въ томъ , что въ ночь 29 марта , при содѣйствіи тайныхъ силъ , и съ помощью заколдованнаго козла , нанесла ударъ кинжаломъ капитану Фебу-де-Шатоперъ , изъ королевскихъ стрѣлковъ. Будешь ли ты еще отпираться отъ этого ?

— Господи ! вскрикнула дѣвушка , закрывая лицо руками. — Мой Фебъ ! О это цѣлый адъ !

— Отпираться ты отъ этого ? холодно спросилъ президентъ.

— Отпираться ли я ! вскричала она и выпрямилась ; глаза ея заискрились.

— Какже ты объяснишь обвинительные пункты ? продолжалъ президентъ.

Она отвѣчала прерывающимся голосомъ :

— Я уже говорила вамъ, что не знаю; это былъ монахъ, монахъ, котораго я не знаю и который меня преслѣдуетъ.

— Такъ! сказалъ судья: — вѣрно страшный монахъ.

— О, господа, жальтесь надо мною! я бѣдная дѣвушка...

— Египетской породы, сказалъ судья.

Шармолю началъ вкрадчивымъ голосомъ :

— Такъ-какъ обвиненныя упорствуютъ, я предлагаю прибѣгнуть къ пыткѣ.

— Согласны, отвѣчалъ президентъ.

Несчастливая содрогнулась всѣмъ тѣломъ. Она однакожь встала и довольно твердымъ шагомъ послѣдовала за Шармолю и его свитой между двумя рядами алебардъ. Дверь, затворившаяся за нею, показалась Гренгуару огромной пастью.

Когда она ушла, раздалось жалобное блеяніе. Это плакала козочка.

Аудиенція была прекращена на время. Одинъ изъ совѣтниковъ замѣтилъ, что судьи устали и ждать конца пытки еще долго, на что президентъ отвѣчалъ, что нужно умѣть жертвовать собою во имя долга.

— Скверная тварь! сказалъ одинъ старшій судья: — довести себя до пытки, когда добрые люди еще не ужинали!

II

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕВРАЩЕННАГО ЭКЮ

Пройдя нѣсколько такихъ темныхъ коридоровъ, что ихъ освѣщали лампами среди дня, стража втокнула Эсмеральду въ ужасную комнату. Эта круглая комната занимала нижній этажъ одной изъ тѣхъ башенъ, которыя сохранились еще въ нашемъ новомъ Парижѣ. Въ ней не было оконъ и только одна огромная желѣзная дверь. Свѣта однакожь было довольно; въ стѣнѣ было сдѣлано углубленіе и въ немъ горѣлъ яркій огонь, наполнявшій комнату краснымъ пламенемъ и вовсе уничтожавшій блѣдный огонь сальной свѣчи, поставленной въ углу. Желѣзная рѣшетка у очага казалась рядомъ черныхъ зубовъ, а самая печь пастью сказочнаго дракона, извергающей пламя. Эсмеральда увидѣла множество страшныхъ предме-

товъ, употребленіе которыхъ было ей неизвѣстно. Почти на самомъ полу былъ кожаный матрацъ, прикрѣпленный ремнями къ кольцу, которое скульптурное чудовище на потолкѣ держало въ своей пасти. Щипцы, клещи, желѣзныя полосы, были наложены въ печи. Красное пламя освѣщало множество ужасныхъ предметовъ.

Этотъ тартаръ назывался просто *комнатой для допросовъ*.

На постелѣ небрежно сидѣлъ Пьера Тортерю. Его прислужники въ кожаныхъ фартукахъ мѣшали огонь въ печи.

У бѣдной дѣвушки исчезло все мужество.

Сержанты стали съ одной стороны, духовные съ другой. За столомъ сидѣлъ писарь. Шармолю подошелъ къ цыганкѣ съ сладкой улыбкой.

— Такъ вы не хотите сознаться, дитя мое?

— Нѣтъ отвѣчала она чуть слышнымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы къ сожалѣнію, принуждены будемъ допрашивать васъ настоятельно, чѣмъ бы желали. Потрудитесь сѣсть на эту постель. Пьера, дайте мѣсто и затворите дверь.

Пьера приподнялся съ ворчаньемъ.

— Если я затворю дверь, огонь погаснетъ, сказалъ.

— Ну такъ не затворяйте еѣ, мой другъ.

Между тѣмъ Эсмеральда стояла. Ее пугала эта постель, на которой мучилось столько несчастныхъ. Она оледенѣла отъ ужаса. По знаку Шармолю, два прислужника палача посадили ее. Они не сдѣлали ей ничего, но отъ одного ихъ прикосновенія, вся кровь прилила ей къ сердцу. Она обвела комнату мутнымъ взглядомъ. Ей показалось, что изъ всѣхъ угловъ ползутъ на нее орудія пытки.

— Гдѣ докторъ? спросилъ Шармолю.

— Здѣсь, отвѣчала черная фигура, которой она еще не замѣтила.

Она вздрогнула.

— Вы все еще отказываетесь? спросилъ въ третій разъ медовой голосъ прокурора.

На этотъ разъ она кивнула только головою: голоса у ней не было.

— Очень жаль, но я долженъ исполнить свою обязанность. — Господинъ прокуроръ, съ чего мы начнемъ? рѣзко спросилъ Пьера.

Шармолю подумалъ съ видомъ поэта, приискивающего рифму.

— Съ колоды, отвѣчалъ онъ.

Бѣдняжка почувствовала себя дотога покинутою людьми и Богомъ, что голова ея упала на грудь, какъ у мертвой.

Палачъ и медикъ въ одно время подошли къ ней. Прислуживникъ началъ рыться въ своемъ чудовищномъ арсеналѣ. При этомъ звукъ несчастная дѣвушка вздрогнула какъ мертвая лягушка, которую гальванизируютъ.

— О, мой Фебъ! произнесла она такъ тихо, что никто не слышалъ и опять впала въ оцѣпенѣніе.

Взглядъ на нее смягчилъ бы всякаго, кромѣ судей. Она походила на грѣшную душу, допрашиваемую сатаною при адскомъ пламени. Это бѣлое, нѣжное тѣло, дѣлалось жертвою рукъ палача; это хрупкое зерно отдавалось адскому жорнову пытки.

Грубые руки помощниковъ Пьера уже обнажили ея прелестную ножку, столько разъ удивлявшую своей граціей жителей Парижа.

— Жалко! произнесъ мучитель, разсматривая эти нѣжныя формы. — Будь здѣсь архидіаконъ, онъ бы припомнилъ свой символъ наука и мухи.

Скоро несчастная увидѣла колодку и ножка ея исчезла между досками этого страшнаго орудія. Ужась придалъ ей силы.

— Снимите это! сжальтесь! вскричала она.

Она вскочила съ кровати, чтобъ броситься въ ноги прокурора, но тяжелая колодка удержала ее и она опустилась, какъ пчелка съ порванными крылышками.

По знаку Шармолю ее опять посадили на постель и прикрѣпили ремнями.

— Въ послѣдній разъ, признаетесь ли вы? спросилъ Шармолю.

— Я невинна.

— Какже вы объясняете обвинительные пункты?

— Боже мой! я не знаю.

— Такъ вы отрицаете?

— Все.

— Начинайте, сказалъ Шармолю.

Пьера сдвинулъ колодку и несчастная испустила ужасный крикъ.

— Пойдите, сказалъ Шармолю. — Сознаетесь ли вы теперь?

— Во всемъ! вскричала бѣдная дѣвушка. — Сознаюсь! Сжальтесь!

Она слишкомъ понадѣялась на свои силы. Бѣдное дитя, ея

жизнь была такая веселая, счастливая, что она не устояла при первой боли.

— Человѣколюбіе заставляетъ меня сказать вамъ, продолжалъ Шармолю: — что признаніе поведетъ васъ къ смерти.

— О, на нее-то я и надѣюсь! отвѣчала она и склонилась надъ постелью, безъ силъ и воли.

— Ну, будьте бодрѣе, моя милая, сказалъ Пьера, поднимая ее: — вы точно злотой баранъ на шеѣ у герцога бургонскаго.

— Грешье, пишите, сказалъ Шармолю: — виновная признается, что принимала участіе въ сборищахъ, шабашахъ и колдовствахъ вѣдьмъ. Отвѣчайте.

— Да, сказала она чуть слышно.

— Вы признаетесь, что видѣли козла, котораго Вельзевулъ высылаетъ собирать шабашъ и котораго могутъ видѣть лишь одни колдуны.

— Да.

— Вы сознаетесь, что имѣли постоянное сношеніе съ дьяволомъ, въ образѣ бѣлой козы, причастной процессу.

— Да.

— Наконецъ вы сознаетесь и утверждаете, что съ помощью привидѣнія, въ простонародьи называемаго страшнымъ монахомъ, въ ночь двадцать девятого марта, убили капитана Феба-де-Шатоперь.

Она машинально подняла на судью свои большіе глаза и отвѣчала безъ содроганія:

— Да.

Очевидно, что она вся была разбита.

— Грешье, пишите, сказалъ Шармолю. — Отвяжите подсудимую и введите ее опять въ присутствіе.

Когда сняли колодку, прокуроръ осмотрѣлъ ногу цыганки.

— Ничего, вы вовремя вскрикнули. Съ этой ногой можно бы еще танцевать! Потомъ обращаясь къ своимъ спутникамъ: — Наконецъ мы имѣемъ всѣ свѣдѣнія! Я спокоенъ. Подсудимая отдаетъ намъ справедливость, что мы поступали со всей возможной деликатностью.

III

КОНЕЦЪ ПРЕВРАЩЕННАГО ЭКЮ

Когда она, блѣдная и прихрамывая, вошла въ залу, ее встрѣтилъ ободрительный ропотъ. Это было удовлетворенное нетерпѣніе толпы по окончаніи послѣдняго антракта драмы. Со стороны судей, это была надежда на скорый ужинъ. Козочка тоже заблѣяла отъ радости. Она хотѣла броситься къ своей хозяйкѣ, но ее привязали къ скамьѣ.

Ночь совсѣмъ наступила. Свѣчи бросали такой слабый свѣтъ, что почти невидно было стѣнъ комнаты. Всѣ предметы были облечены какимъ-то туманомъ. Едва выяснялось нѣсколько апатическихъ лицъ судей. Напротивъ ихъ, на самомъ концѣ залы, виднѣлась бѣлая точка на темномъ фонѣ. То была подсудимая.

Она дотащилась до своего мѣста. Когда Шармолю тоже дошелъ до своего, онъ сѣлъ, потомъ всталъ опять и произнесъ, не выказывая излишней гордости по случаю успѣха: подсудимая во всемъ призналась.

— Женщина, спросилъ президентъ, ты призналась въ кодовствѣ, развратѣ и убійствѣ Феба де-Шатопера?

Сердце ея разрывалось. Она зарыдала. Во всемъ въ чемъ хотите, отвѣчала она тихо, только убейте меня поскорѣе!

— Господинъ прокуроръ, сказалъ президентъ, палата готова выслушать вашъ протоколъ.

Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ представить читателямъ всей латинской рѣчи Жака Шармолю, въ которой всѣ доказательства были основаны на цитированныхъ перифразахъ. Ораторъ декламировалъ съ такимъ жаромъ, что еще при концѣ вступленія, съ него канала потъ градомъ. Вдругъ, въ половинѣ одного періода, онъ остановился и взглядъ его, всегда кроткій, принялъ грозное выраженіе. Господи! вскричалъ онъ (уже пофранцузски, потому что этого не было въ тетрадь), сатана принимаетъ такое участіе въ этомъ дѣлѣ, что присутствуетъ при нашихъ преніяхъ. Посмотрите! и онъ указывалъ на козу, которая видя какъ Шармолю жестикулируетъ, сѣла на заднія лапки и повторяла его патетическія пантомимы. Читатели помнятъ, что это былъ одинъ изъ ея лучшихъ фокусовъ. Это

послѣднее *доказательство* произвело сильное впечатлѣніе. Козѣ связали лапки и прокуроръ продолжалъ свое краснорѣчіе. Рѣчь была очень длинна, но прекрасна.

Когда Шармолю кончилъ, поднялся другой человѣкъ въ черномъ платьѣ: это былъ адвокатъ. Преголодавшіеся судьи встрѣтили его ропотомъ.

— Адвокатъ, говорите короче, замѣтилъ президентъ.

— Господинъ президентъ, отвѣчалъ адвокатъ: — такъ какъ подсудимая во всемъ созналась, мнѣ остается сказать только одно слово. Вотъ текстъ салмческаго закона: Если вѣдьма съѣла человѣка и была уличена, она платитъ штрафъ въ восемь тысячъ денье. Не благоугодно ли будетъ палатѣ присудить мою кліентку только къ штрафу.

— Текстъ вышедшій изъ употребленія, сказалъ королевскій адвокатъ.

— *Nego*, отвѣчалъ первый.

— На голоса! предложилъ кто-то: — злодѣйство доказано и уже поздно.

Голоса начали собирать тутъ же. Судьи снимали шапки въ отвѣтъ на вопросъ, тихо предлагаемый имъ президентомъ. Обвиненная смотрѣла на нихъ ничего не видя.

Грефъ началъ писать и передалъ президенту длинный пергаментъ. Народъ зашевелился и ледяной голосъ произнесъ:

— Женщина! въ тотъ день, когда угодно будетъ королю, нашему господину, тебя повезутъ въ телѣгъ, въ сорочкѣ, босикомъ и съ веревкой на шеѣ къ большому соборному порталу, чтобы принести покаяніе съ двухъ фунтовой восковой свѣчей въ рукахъ; оттуда, тебя сведутъ на Гревскую площадь, гдѣ и повѣсятъ вмѣстѣ съ козой; сверхъ того, ты заплатишь духовному суду три золотыхъ въ искупленіе колдовства, разврата и убійства, совершеннаго надъ Фобомъ де-Шатоперъ. Да отпуститъ Богъ грѣхи тебѣ!

— О, это сонъ! прошептала она и почувствовала что сильными руками уносятъ ее изъ залы.

IV

LASCIA TE OGNI SPERANZA

Въ средніе вѣка большія зданія строились не только на поверхности, но и подъ землею. Если церковь, дворецъ или крѣпость не были построены на сваяхъ, какъ соборъ богородицы, у нихъ всегда было двойное дно. Въ каждомъ соборѣ былъ еще другой соборъ, подземный, темный, таинственный и нѣмой. Подъ мѣстомъ алтара бывали часто гробницы; въ замкахъ и бастиліяхъ тюрьмы или гробницы, а иногда и то другое вмѣстѣ. Эти могучія постройки пу-скали глубокіе корни въ видѣ комнатъ, галерей, лѣстницъ и проч. Подвальный этажъ наружнаго зданія служилъ предверіемъ къ подземному, отражавшему безчисленные этажи перваго, какъ рѣка или озеро отражаетъ стоящія на ея берегу предметы.

Въ бастиліи Сент-Антуанъ, въ палатѣ юстиціи, въ Луврѣ, подвальные зданія были тюрьмами, которыя шли суживаясь къ низу. Это были отдѣленія дантова ада, кончавшіяся углубленіемъ, въ которомъ онъ помѣстилъ сатану, а общество помѣщало осужденныхъ на смерть. Какъ скоро попадало туда несчастное созданіе, — прощай свѣтъ, воздухъ, жизнь, огни зрѣганца; изъ него выходили только на костеръ или висѣлицу. Иногда люди тамъ и сгнивали; человѣческое правосудіе ихъ забывало. Между міромъ и головой осужденнаго была цѣлая масса камней и тюремщиковъ, вся бастилія составляла громадный замокъ, запиравшій его отъ живого міра.

Въ такого-то рода тюрьму помѣстили бѣдную Эмеральду, вѣрнѣе опасаясь побѣга.

Провидѣніе и общество были одинаково несправедливы въ этомъ случаѣ: кчему такая громада несчастія и истязаній, чтобы разбить такое слабое созданіе!

Его погребли въ этихъ сырыхъ, темныхъ, тяжелыхъ стѣнахъ. Тотъ кто видѣлъ ее танцующую и веселую на чистомъ воздухѣ, конечно содрогнулся бы отъ ужаса. Она была холодна какъ мертвая: ни свѣта, ни воздуха, ни человѣческаго голоса вокругъ! согнувшись вдвое, истомленная цѣпями, она сидѣла на соломѣ, безъ всякаго движенія. Подъ нею и вокругъ нея образовалась грязная лужа воды, стекающей съ сырыхъ стѣнъ; она даже потеряла силу страдать.

Фобъ, солнечные лучи, чистый воздухъ, Парижъ, пляска и шумныя рукоплесканія; сладкія слова любви, потомъ монахъ, старуха, викарь, кровь, пытка, висѣлица, все это мелькало въ ея умъ, то какъ золотое видѣніе, то какъ чудовищный кошмаръ, но все это было какъ будто гдѣ-то далеко въ туманѣ. Съ тѣхъ поръ какъ бѣдняжку спустили подъ землю, она была въ какомъ-то полуснѣ. Она не въ состояніи была отличить мечту отъ дѣйствительности, день отъ ночи. Все смѣшалось, спуталось въ ея мысляхъ. Она не чувствовала, не сонавала, не думала, но все какъ будто видѣла во снѣ.

Скорчившись машинально отъ холода, она и не замѣтила, какъ гдѣ-то надъ ея головою открывался люкъ и чья-то рука бросила ей корку хлѣба. А между тѣмъ, это періодическое посѣщеніе тюремщика было единственнымъ сообщеніемъ между людьми и ею. — Одна вещь занимала ее, почти безсознательно: надъ ея головою сырость просачивалась сквозь запятсиблые камни свода и падала каплями на камень. Она бессмысленно прислушивалась къ шуму производимому этими каплями въ лужѣ подлѣ ея ногъ.

Эти капли падающія въ лужу были единственнымъ движеніемъ, происходящимъ вокругъ нея, единственнымъ маятникомъ, означющимъ время, единственнымъ звукомъ, долетающимъ до нея изъ міраждъ земныхъ звуковъ.

Также чувствовала она по временамъ, какъ что-то холодное проползло по ея рукамъ или ногамъ и она содрогалась въ темнотѣ.

Она не знала сколько времени провела въ этомъ ужасномъ положеніи. Ей помнилось только, что гдѣ-то и надъ кѣмъ-то произнесетъ приговоръ, что ее унесли и она очнулась въ этомъ ледяномъ мракѣ. Она поползла было на рукахъ, но желѣзныя кольца впались ей въ якры и зазвучали цѣпи. Она убѣдилась, что вокругъ нея четыре стѣны, а подъ нею пукъ соломы въ лужѣ. Она садилась то на эту солому, то на послѣднюю ступеньку каменной лѣстницы. Разъ, она попробовала было считать минуты, отмѣриваемыя паденіемъ капли, но занятіе это прервалось само собою въ ея утомленномъ умѣ и она впала въ прежнее отупѣніе.

Вдругъ, днемъ или ночью неизвѣстно (день и ночь ничѣмъ не разграничались въ этомъ вѣчномъ мракѣ) она услышала надъ своей головою стукъ сильнѣе обыкновеннаго. Она подняла голову и увидѣла красноватый лучъ, проникающій въ отверстие. Дверь заскрипѣла на желѣзныхъ петляхъ, показалась рука, фонарь и ноги двухъ лю-

дей: отверстіе было такъ низко, что головъ ихъ нельзя было видѣть. Внезапный свѣтъ заставилъ ее закрыть глаза.

Когда она ихъ открыла, дверь была заперта, фонарь стоялъ на ступенькѣ лѣстницы и въ тюрьмѣ былъ одинъ человекъ. Онъ весь былъ закрытъ чернымъ, такъ что не видно было ни рукъ ни лица, а только черный саванъ, подъ которымъ что-то шевелилось. Она нѣсколько минутъ пристально смотрѣла на него; оба молчали. Это было свиданіе двухъ статуй; живыми предметами въ тюрьмѣ были казалось только трещащая свѣтильня фонаря, да капля падающая со свода.

Эсмемальда первая прервала молчаніе.

— Кто вы?

— Священникъ.

Слово и звукъ голоса заставили ее вздрогнуть.

Священникъ продолжалъ глухо.

— Готовы ли вы?

— Къ чему?

— Къ смерти.

— Такъ это будетъ скоро!

— Завтра.

Головка ея, приподнявшаяся было радостно, вновь опустилась.

— Какъ еще долго! прошептала она, почему бы не сегодня?

— Такъ вы очень несчастны? спросилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, священникъ.

— Мнѣ такъ холодно! отвѣчала она.

Она взяла руками свои ноги, — жестъ свойственный всѣмъ бѣднякамъ, которымъ очень холодно и который мы уже замѣтили у затворницы башни Роланда, — ея зубы стучали.

Священникъ обвелъ глазами тюрьму. Безъ огня! безъ свѣта! въ водѣ! это ужасно!

— Да, отвѣчала она съ своимъ растеряннымъ видомъ. Свѣтъ принадлежитъ всѣмъ, зачѣмъ же меня лишаютъ свѣта?

— Знаете ли за что вы здѣсь? спросилъ опять священникъ.

— Кажется знала, отвѣчала она, проводя рукою по бровямъ, какъ будто для того чтобъ припомнить: — но теперь ужь не знаю.

Вдругъ, она заплакала какъ ребенокъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось отсюда. Мнѣ холодно, я боюсь! по мнѣ ползаютъ какіе-то гады.

— Ну, ступайте за мною!

Говоря это священникъ, взялъ ее за руку. Несчастливая почти уже окостенѣла отъ холода, но прикосновеніе къ этой рукѣ, все же оледенило ее.

— О, прошептала она, это холодная рука смерти. — Ктоже вы?

Священникъ открылъ лицо, она взглянула. Это было то ужасное лицо, которое преслѣдовало ее такъ долго, та демонская голова, которая явилась ей у Фалурдель надъ обожаемой головой Феба, тотъ самый взглядъ, который блисталъ надъ кинжаломъ.

Это явленіе, всегда гибельное для нея и вовлекшее ее въ такую бездну несчастія, вывело ее изъ оцѣпенѣнія. Память ея стала яснѣе. Всѣ подробности страшной драмы, отъ дома Фалурдель до суда, разомъ воскресли въ ея памяти съ ужасающей ясностью. Мрачная фигура, стоящая передъ нею, оживила всѣ воспоминанія, приглушенные слишкомъ сильной мукой, какъ огонь, подвешенный къ бумагѣ, вызываетъ буквы, написанныя симпатическими чернилами. Ей показалось, что всѣ раны ея сердца раскрылись въ одно мгновеніе.

— Ахъ! вскричала она, закрывая глаза рукою, это монахъ!

Потомъ въ отчаяніи, опустила руки и сидѣла безмолвная, продолжая дрожать всѣмъ тѣломъ.

Клодь Фролло смотрѣлъ на нее взоромъ ястреба, долго описывавшаго круги въ воздухѣ надъ бѣднымъ жаворонкомъ, сидящимъ во ржи, и вдругъ спустившагося на свою жертву и державшаго ее въ своихъ когтяхъ всю трепещущую.

Она тихо заговорила.

— Ну, довершайте! послѣдній ударъ! и съ ужасомъ прятала голову въ колѣни, какъ овечка, ожидающая удара ножомъ.

— Я навожу на васъ ужасъ? сказалъ онъ наконецъ.

Губы ея подернулись, какъ отъ принужденной улыбки.

— Да, сказала она, палачъ пришолъ посмѣяться надъ жертвой. Онъ преслѣдуетъ меня цѣлые мѣсяцы, угрожаетъ, пугаетъ меня! Безъ него, боже мой, какъ я была счастлива! Онъ бросилъ меня въ эту бездну! О боже, онъ убилъ... онъ убилъ моего Феба! и разразившись рыданіемъ: О, кто ты, ужасный человекъ! что я тебѣ сдѣлала? Ты меня очень ненавидишь, но за что, боже мой?

— Я люблю тебя! вскричалъ Клодь Фролло.

Ея слезы мгновенно остановились, она взглянула на него тупымъ взглядомъ. Онъ упалъ на колѣни и впился въ нее глазами.

— Слышишь ли, я люблю тебя!

— Какая любовь! сказала содрогаясь, несчастная.

— Любовь проклятого! отвѣчалъ онъ.

Оба молчали нѣсколько минутъ, подавленные тяжестью впечатлѣній, — онъ обезумѣвшій, она отупѣвшая.

— Слушай, сказалъ Клодъ, и къ нему воротилось странное спокойствіе, — ты все узнаешь. Я скажу тебѣ все, въ чемъ едва осмѣливался признаваться самому себѣ въ тѣ глубокіе часы ночи, когда бываетъ такъ темно, что кажется самъ Богъ насъ уже не видитъ. Слушай: пока я не встрѣтилъ тебя, я былъ счастливъ.

— А я! тихо прошептала она.

— Не прерывай меня. Да, я былъ счастливъ; по крайней мѣрѣ, считалъ себя счастливымъ. Я былъ чистъ, душа моя была ясна. Ни одна голова не поднималась съ большею гордостью. Священники совѣщались со мною о чистотѣ жизни, ученые о наукахъ. Да, наука была для меня всею: это была моя сестра и я довольствовался сестрой. Мысли мои не измѣнились и съ лѣтами. Часто страсти закипали во мнѣ, при видѣ женщины. Сила страсти и половая потребность, которую я думалъ, что навсегда заглушилъ въ себѣ, тяжело давали мнѣ чувствовать силу добровольныхъ оковъ, которыми я сковалъ себя съ холодными камнями алтаря. Но постъ, молитва, монастырская дисциплина и наука побѣждали плоть. Ктому же я избѣгалъ женщинъ, и мнѣ стоило только раскрыть книгу, чтобы всѣ нечистые помыслы какъ дымъ разсѣялись передъ чистымъ свѣтомъ науки. Въ нѣсколько минутъ, далеко отлетали земныя тревоги и я становился спокоенъ и ясенъ передъ свѣтиломъ вѣчной истины. Пока демонъ избиралъ для моего искушенія только неясныя образы женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ на улицахъ, въ церкви и которыя едва являлись въ моихъ сновидѣніяхъ, побѣда была нетрудна. Увы, самъ Богъ не допустилъ меня восторжествовать совершенно: зачѣмъ онъ человѣку недалъ силы, равной съ демонской. Слушай! однажды...

Здѣсь священникъ остановился, и Эсмеральда услышала его ускоренное дыханіе.

— Однажды я сидѣлъ у окна своей кельи... Что я читалъ тогда? О, все смѣшалось теперь въ моей головѣ!.. Я читалъ. Окно выходило на площадь. Я слышалъ звуки музыки и тамбурина. Недовольный, что прерываютъ мои мечты, я выглянулъ на площадь. То что я видѣлъ, видѣли также и многіе другіе, а между тѣмъ полюбное арѣлице не для глазъ человѣческихъ. Посреди улицы, — былъ полдень,

солнце свѣтило ярко, — танцовало существо такое прелестное, что ангелъ позавидовалъ бы ея красотѣ! Глаза у ней были черные, великолѣпные; въ роскошныхъ черныхъ волосахъ играло солнце, ножки ея вертѣлись такъ быстро, что глазъ, почти не могъ удивить ихъ. На головѣ у ней, между черными косами, сверкали металлическія украшенія и составляли ей какъ бы вѣнокъ изъ звѣздъ. Ея голубое платье, усыянное блестками, сверкало какъ лѣтняя ночь. Ея стройныя смуглыя руки, обвивались вкругъ талии, какъ два шарфа. Формы ея тѣла были невыразимо прекрасны. О, чудное созданіе, разливающее особый свѣтъ, даже на площади, обсыпанной полуденными лучами!.. Увы, это была ты. Удивленный, въ упоеніи, я не могъ оторвать отъ тебя глазъ. Я смотрѣлъ на тебя такъ долго, что вдругъ вздрогнулъ отъ ужаса, — я почувствовалъ, что со мной совершалось что-то роковое.

Задыхающійся Клодь смолкъ на минуту, потомъ продолжалъ.

— Уже поднавши искушенію, я старался найти какую-нибудь точку опоры. Я вспомнилъ прежнія сѣти сатаны. Существо, поразившее меня, одарено было такой красотой, которая можетъ быть только даромъ самаго неба или ада. Это была не простая дѣвушка, созданная изъ горсти земли и освѣщенная слабымъ лучомъ, составляющимъ душу женщины. Это былъ ангелъ, но ангелъ тьмы! то было пламя, а не свѣтъ! Въ ту минуту, какъ я подумалъ это, я увидѣлъ подлѣ тебя козу, проклятое животное, которое смотрѣло на меня съ усмѣшкой. Полуденное солнце дѣлало ея рога огненными. Тогда я ясно увидѣлъ дьявольскія сѣти и не сомнѣвался, что ты послана адомъ на мою погибель. Я вѣрилъ этому.

Тутъ онъ взглянулъ въ лицо дѣвущкѣ и холодно прибавилъ:

— Я и теперь этому вѣрю. Между тѣмъ, колдовство мало-помалу совершалось: твои танцы кружили мнѣ голову. Все чему слѣдовало бодрствовать, засыпало въ моей душѣ, и подобно умирающимъ въ снѣгу, я съ удовольствіемъ предавался этому сну. Вдругъ ты начала пѣть; что было мнѣ дѣлать, несчастному? Пѣніе твое было еще плѣнительнѣе танцевъ. Я хотѣлъ бѣжать и не имѣлъ силъ. Я былъ прикованъ, я приросъ къ каменному полу. Мнѣ казалось, что плиты поднялись мнѣ до колѣнъ. Надо было остаться до конца. Ноги мои оледенѣли, а голова горѣла. Наконецъ, ты вѣрно слышалась надо мною, перестала пѣть и исчезла. Отблескъ лучезарнаго видѣнія, отголосъ упоительной музыки мало-помалу исчезли изъ моихъ глазъ и слуха. Тогда я упалъ на подоконникъ, какъ раз-

битая статуя. Вечерній благовѣсть разбудилъ меня. Я всталъ и бѣжалъ, но увя! внутри меня упало что-то, чему ужъ не подняться, и случилось нѣчто, отъ чего убѣжать не было возможности.

Онъ опять остановился и продолжалъ :

«Да, съ этого дня, во мнѣ сталъ жить человѣкъ, котораго я не зналъ до той поры. Я употребилъ всѣ свои средства: монастырь, молитву, работу, книги, — безуміе! О, какой пустой звукъ издаетъ наука, когда стучишься въ ея область съ отчаяньемъ и сердцемъ исполненнымъ страсти! Знаешь ли ты, что я видѣлъ всегда между собою и книгой? Тебя, твою тѣнь, тотъ свѣтлый образъ, который разъ предсталъ передо мною, но образъ этотъ казался мнѣ уже темнымъ, мрачнымъ, зловѣщимъ, какъ тотъ черный кругъ, который долго преслѣдуетъ зрѣніе неосторожнаго, слишкомъ долго смотрѣвшаго на солнце.

«Не имѣя силъ позабыть, слыша всегда отголосокъ твоей пѣсни, видя твои ножки на страницахъ молитвенника, чувствуя ночью, во снѣ, прикосновеніе твоего стройнаго тѣла, я рѣшился дотронуться до тебя, узнать что ты такое, убѣдиться подходишь ли ты къ тому идеальному образу, который остался въ моей головѣ, можетъ-быть разбить мечту о дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, я надѣялся, что второе впечатлѣніе изгладитъ первое, а первое сдѣлалось мнѣ невыносимо. Я искалъ тебя и нашолъ. Несчастіе! Увидѣвъ тебя два раза, я пожелалъ видѣть тысячу разъ, всегда, каждую минуту. Тогда какже остановиться на этой адской дорогѣ? Тогда я пересталъ принадлежать себѣ. Другой конецъ нити, прикрѣпленной къ моимъ крыльямъ, демонъ привязалъ къ твоимъ ногамъ. Я сдѣлался такимъ же странникомъ какъ ты. Я ждалъ тебя на улицахъ, подстерегалъ со своей башни. Каждый вечеръ, я возвращался все болѣе околдованнымъ и погибшимъ!

«Я зналъ кто ты: египтянка, цыганка, гитана, зингара. Какъ сомнѣваться въ твоёмъ колдовствѣ? Слушай. Я надѣялся, что преданіе тебя суду избавитъ меня отъ злого духа. Одна колдунья приворожила Бруно д'Аста; онъ довелъ ее до костра и вылечился. Я тоже хотѣлъ попробовать этого средства. Я началъ съ того, что запретилъ тебѣ являться на соборную площадь; я надѣялся позабыть тебя, не видя. Ты не послушалась и возвратилась. Мнѣ пришла мысль похитить тебя. Однажды ночью, мнѣ удалось это; насъ было двое. Ты была уже въ нашихъ рукахъ, когда явился тотъ проклятый офицеръ и освободилъ тебя. Этимъ, онъ положилъ начало твоему,

своему и моему несчастію. Не зная уже что начать, я донесъ на тебя духовному суду. Я думалъ излечиться какъ Бруно д'Астъ. Думалъ я также, не отдавая себѣ отчета, что процессъ предастъ тебя въ мои руки, что въ тюрьмѣ ты не уйдешь отъ меня, что ты такъ давно держала меня въ своей власти, что могу наконецъ и я одинъ часъ обладать тобою. Когда начинаешь зло, надо его доканчивать. Остановиться на половинѣ — безуміе! Бездна преступленія имѣетъ свою прелесть. Священникъ и козлуны могутъ извѣдать адское счастье на двѣ мрачной тюрьмы.

«Я донесъ на тебя. Съ той-то минуты, сталъ я пугать тебя моимъ преслѣдованіемъ. Гроза, которую я собиралъ надъ твоей головою, проявлялась въ моихъ угрозахъ и проклятiяхъ. Однакожъ, я все еще колебался. Мрачныя стороны моего намѣренія приводили меня самого въ ужасъ.

«Быть-можетъ я и отказался бы отъ него; можетъ-быть моя гнусная мысль изсохла бы въ моемъ умѣ, не принеши плода. Я думалъ, что отъ одного меня будетъ зависѣть продолжать или прекратить процессъ. Но горе лелѣющему мрачныя мысли! Я считалъ себя сильнымъ, — судьба была сильнѣе меня. Увы, улы! она сама предала тебя на жертву моего страшнаго плана. Слушай! Я близокъ къ концу.

«Однажды, тоже въ прекрасный ясный день, мимо меня провозилъ человекъ, со смѣхомъ произнесшій твое имя. Проклятiе! Я послѣдовалъ за нимъ и ты знаешь остальное.»

Онъ замолчалъ. Молодая дѣвушка произнесла одно только слово: — О, мой Фебъ!

— Только не это имя! вскричалъ Клодъ, схвативъ ее за руку. Не произноси этого имени! О, мы несчастные, это имя насъ погубило! Или мы все погубили другъ друга по необъяснимой волѣ рока. Ты страдаешь? тебѣ холодно; мракъ ослѣпляетъ тебя, тюрьма пугаетъ; но можетъ быть внутри тебя есть хоть одна свѣтлая искра, хотя та дѣтская любовь къ пустому человеку, игравшему твоимъ сердцемъ. Но я? я ношу мрачную тюрьму внутри себя; во мнѣ вѣчная зима, вѣчное отчаяніе, вѣчная ночь. Знаешь ли ты сколько я выстрадалъ? Я присутствовалъ при твоемъ допросѣ въ числѣ судей. Да, подъ одной изъ монашескихъ рясъ были скрыты мученія проклятаго. Я былъ тамъ, когда ввели тебя, былъ тамъ, когда тебя допрашивали! Я зналъ, что каждый шагъ, каждое слово ведетъ тебя къ висѣлицѣ; я присутствовалъ, когда это хищное животное...

О, я не могъ предвидѣть пытки! Слушай. Я послѣдовалъ за тобою въ скорбную комнату. Я видѣлъ какъ тебя раздѣвали, видѣлъ тебя полунагую въ рукахъ палача. Я видѣлъ твою ногу, ногу, на которой я готовъ бы былъ напечатлѣть одинъ только поцѣлуй и умереть, ногу, за которую я съ наслажденіемъ далъ бы раздавить свою голову; я видѣлъ, какъ на нее надѣли орудіе пытки, превращающее человѣческое тѣло въ комокъ грязи. О, несчастный, видя все это, я кололъ себя въ грудь кинжаломъ. Когда ты вскрикнула, я глубоко вонзилъ его въ тѣло; при второмъ крикѣ, онъ бы вошелъ въ мое сердце. Посмотри, кровь еще течетъ изъ раны.

Онъ раскрылъ свою рясу. Грудь его была исцарапана точно когтями тигра, а на боку была еще незажившая рана.

Эсмемальда отодвинулась въ ужасѣ.

— О, сказалъ онъ, сжался надо мною. Ты считаешь себя несчастной, увы! ты еще не знаешь истиннаго несчастія. О, любить женщину! быть ненавидимымъ! Любить всѣми силами своей души, чувствовать, что отдашь всю кровь, всю внутренность, славу, безсмертіе, вѣчность за одну лишь улыбку; ежеминутно сожалѣть, что не можешь быть королемъ, геніемъ, чтобъ все бросить къ ея ногамъ! Мечтать о ней всѣ дни и ночи и видѣть, что она любитъ мундиръ солдата! и не мочь ей предложить ничего кромѣ черной рясы, которая приведетъ ее въ ужасъ. Присутствовать съ демонской ревностью при томъ, какъ она отдаетъ всѣ сокровища красоты и нѣжности жалкому фанфарону! Видѣть это тѣло, формы котораго прожигаютъ меня насквозь, видѣть его содрагающимся и млѣющимъ отъ поцѣлуевъ другого! О, боже мой! любить ея ноги, руки, плечи, думать обо всѣхъ голубыхъ жилкахъ и смуглой кожѣ до изступленія, до муки и видѣть что все это досталось въ руки палача, что мнѣ удалось довести ее только до кожаной постели. О, вотъ истинно адская мука! О! счастливъ тотъ, котораго пилать между двумя досками или раздираютъ четырьмя лошадами! Имѣешь ли ты понятіе о тѣхъ мукахъ, которыя происходятъ въ долгія ночи, когда кровь кипитъ въ жилахъ, сердце рвется, голова трещить, зубы рвутъ свое собственное тѣло; это вѣчная, нескончаемая пытка любви, ревности и отчаянія! Сжался! Дай вздохнуть хоть одну минуту! Умоляю тебя, утри крупныя капли пота съ моего лба! Дитя, терзай меня одной рукой, но приласкай другою. Сжался, сжался, сжался!

Клодъ катался въ грязной лужѣ и бился головою о каменныя сту-

пени. Дѣвушка слушала и смотрѣла на него. Когда онъ замолчалъ отъ утомленія, она опять повторила въ полголоса :

— О мой Фебъ!

Клодь подползъ къ ней на колѣняхъ.

— Умоляю тебя, вскричалъ онъ : — если у тебя есть сердце, не отвергай меня. О, я люблю тебя! я несчастливъ! Когда ты прощасишь это имя, сердце мое разрывается на части. Смилуйся! Если ты пороженіе ада, я пойду и туда за тобою; я уже сдѣлалъ довольно для этого! Адъ, въ которомъ ты будешь, будетъ для меня раемъ! О, скажи, хочешь ли быть моею? Миѣ кажется въ тотъ день, когда женщина отвергнетъ такую любовь, горы сдвинутся съ мѣста. О, еслибы ты захотѣла!.. О, какъ бы мы могли быть счастливы! Мы могли бы бѣжать, я бы тебя освободилъ, мы нашли бы такое мѣсто, гдѣ всего болѣе солнца, деревьевъ, голубого неба. Мы любили бы другъ друга, мы слили бы въ одно наши души, мы упились бы вѣчной, неистощимой любовью.

Она прервала его страшнымъ хохотомъ.

— Посмотрите, у васъ руки въ крови!

Клодь былъ пораженъ какъ громомъ и долго смотрѣлъ на свои руки.

— Ну чтожъ, отвѣчалъ онъ съ необычайною кротостью : — оскорбай меня, смѣйся надо мною, но пойдѣмъ! пойдѣмъ! Надо слышать. Казнь будетъ завтра, слышишь ли? Висѣлица на площади всегда готова, ты знаешь. Ужасно видѣть тебя на ея ступеняхъ! О, сжался! Я никогда еще не чувствовалъ до этой минуты всей силы любви моей. О, иди за мною. Ты полюбишь меня послѣ, когда я спасу тебя. Ты можешь ненавидѣть меня долго, сколько захочешь, только пойдѣмъ! Завтра! Завтра висѣлица! казнь! О, спаси себя и меня!

Онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ увлечь, онъ былъ внѣ себя.

Она пристально устремила на него взоръ.

— Гдѣ мой Фебъ?

— Онъ умеръ! вскричалъ Клодь.

— Умеръ! повторила она, съ прежней холодной неподвижностью : — Зачѣмъ же я буду жить?

Онъ не слушалъ ея.

— О, да, говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собою, онъ долженъ уже умереть. Оружіе глубоко вонзилось. Кажется я добрался до сердца. О, я весь былъ въ этомъ ударѣ!

Дѣвушка бросилась на него, какъ разъяренная тигрица и толкнула его на лѣстницу съ необыкновенной силой.

— Уйди, чудовище, уйди убійца! Оставь меня умереть! Пусть наша кровь останется вѣчнымъ пятномъ на твоей душѣ! Принадлежать тебѣ, монахъ, никогда! никогда! ничто не въ силахъ насъ соединить, даже самый адъ! Ступай, проклятый! никогда!

Клодь споткнулся на лѣстницѣ. Онъ молча выпуталъ ноги изъ складокъ платья, поднялъ фонарь и медленно сталъ всходить по ступенямъ; дверь отворилась, онъ вышелъ. Вдругъ дѣвушка снова увидѣла его голову; выраженіе лица его было ужасно и онъ крикнулъ ей злобнымъ и отчаяннымъ голосомъ:

— Говорю тебѣ, что онъ умеръ!

Она упала лицомъ на землю и въ темницѣ не слышно стало другого звука, кромѣ шума падающей воды.

V

МАТЬ

Едва ли есть на свѣтѣ что-нибудь радостнѣе мыслей матери, при взглядѣ на маленькій башмачекъ ребенка. Особенно, если этотъ башмачекъ праздничный, вышитый почти до подошвы; башмачекъ, въ которомъ ребенокъ еще не начиналъ ходить. Этотъ башмачекъ такъ граціозенъ и малъ, что матери кажется будто она видитъ своего ребенка. Она ему улыбается, цѣлуетъ его, разговариваетъ съ нимъ; она спрашиваетъ себя, возможно ли чтобы нога была до такой степени мала, и образъ крошки, даже отсутствующаго, ясно рисуется передъ нею. Она видитъ его всего, съ нѣжными ручками, малой головкой; съ глазками, у которыхъ бѣлки имѣютъ еще синій отливъ. Если это зимой, она представляетъ его себѣ ползающимъ по ковру и боится какъ бы онъ не подползъ слишкомъ близко къ камину. Если лѣтомъ, она видитъ, какъ онъ въ саду рветъ траву и соритъ пескомъ на куртины. Все смѣется, блеститъ и играетъ вокругъ него, даже солнечный лучъ съ его бѣлокуроыми локонами. Башмачекъ показываетъ все это матери и смягчаетъ ей сердце, какъ огонь кусокъ воска.

Но если ребенка ужъ нѣтъ, все эти радостные образы дѣлаются предметомъ мученій. Хорошенькій башмачекъ дѣлается орудіемъ

пѣтъ, вѣчно терзающимъ сердце матери. Это вѣчно звучащая струна, всегда одна и таже и самая чувствительная; только, вмѣсто ангела, ее натягиваетъ демонъ.

Однажды утромъ, когда майское солнце вставало на темно-голубомъ небѣ, затворница башни Роланда услышала стукъ колесъ на Гревской площади. Это на нее мало подѣйствовало; она только закрыла волосами уши, чтобы не слышать и снова устремила глаза на обожаемый предметъ, которымъ любовалась уже пятнадцать лѣтъ. Мы уже говорили, что ея маленькій башмачекъ составлялъ для нея всю вселенную. Ея мысль заключена была въ немъ одномъ и могла оторваться только со смертью. Одна мрачная башня Роланда знала сколькихъ горькихъ проклятій, трогательныхъ жалобъ, молитвъ и стоновъ стоилъ ей этотъ роковой башмачекъ. Никогда болѣе отчаянїя не было излито на такую граціозную вещь. Въ это утро, горесть ея казалось еще усилилась: слышно было на улицѣ ея надрывающее сердце рыданіе.

— О дочь моя! говорила она: — мое милое маленькое дитя! я не увижу тебя болѣе! значить все кончено! Мнѣ все кажется, что это было вчера. Господи! Господи! лучше бы было не давать мнѣ ее, если ужь суждено было отнять такъ скоро. Развѣ ты не знаешь, что дѣти часть насъ самихъ и что теряя ихъ, мать перестаетъ вѣрить? О зачѣмъ я несчастная ушла изъ дому въ этотъ день. Боже, Боже мой, развѣ ты не видалъ меня, когда я держала ее на рукахъ и она улыбалась у моей груди; когда я цѣловала ея маленькія ножки! О еслибы ты видѣлъ это, Господи, ты бы сжалился надъ моей радостью; ты бы не отнял у меня моей послѣдней любви! Неужели была я такая великая грѣшница, что ты и не взглянулъ на меня осуждая? Увы! вотъ башмачекъ; но гдѣ, гдѣ ножка? гдѣ мой ребенокъ?.. Дочь моя, дочь моя! что они съ тобой сдѣлали? Господи, возврати ее мнѣ. Пятнадцать лѣтъ я молюсь на колѣняхъ, развѣ этого мало? Отдай мнѣ ее на одинъ день, на одинъ только часъ, на минуту! Одну минуту, Господи, и повергни меня потомъ въ адъ на цѣлую вѣчность. О, можно ли осудить бѣдную мать на такую пятнадцатилѣтнюю муку? Матерь божія, пресвятая дѣва! у меня украдено младенца, его съѣли, выпили его кровь, сжевали его кости. Пресвятая дѣва, сжалась надо мною. Дочь! мнѣ нужно мою дочь! Я хочу моего ребенка. Я львица, мнѣ нужно моего львенка. О, я буду лататься по землѣ, я пробью лбомъ каменную плиту, я буду обкулачивать, если не отдадутъ мнѣ моего ребенка! Ты ви-

лишь, Господи, что мои руки искусаны. О, мнѣ не нужно ничего кромѣ хлѣба, лишь бы была моя дѣвочка и согрѣвала меня какъ солнце. Увы, Господи Боже мой, я недостойная грѣшница, но дочь моя дѣлала меня набожной. Я видѣла твой ликъ сквозь ея ясную улыбку, какъ сквозь разверстое небо. О, еслибъ одинъ только разъ обуть ея въ этотъ маленькій башмачекъ и умереть, благословляя тебя, святая дѣва! А ужь пятнадцать лѣтъ! Она была бы большая! Бѣдное дитя! такъ это правда, — я не увижу ее болѣе, даже на небѣ, потомучто мнѣ не быть тамъ. О, горе! вотъ ея башмачекъ и ничего болѣе!

Несчастная припала къ башмачку, своему утѣшенію и отчаянію въ продолженіи столькихъ лѣтъ, и грудь ея рвалась отъ рыданій, какъ въ первый день потери. Для матери, утратившей ребенка, горестъ всегда одна и таже. Эта горестъ не старѣется. Траурное платье смѣняется свѣтлымъ, но душа остается темна.

Въ эту минуту слышались свѣжіе дѣтскіе голоса. Каждый разъ, заслыша приближеніе ребенка, затворница пряталась въ самый темный уголъ; теперь напротивъ, она выпрямилась и съ жадностью слушала. Одинъ маленькій мальчикъ говорилъ:

— Сегодня будутъ вѣшать цыганку!

Съ быстротою паука, нападающаго на муху, она подпрыгнула къ окну, выходящему на площадь. На самомъ дѣлѣ, къ висѣлицѣ представлена была лѣстница и на ней поправляли цѣпи. Кругомъ собрался народъ.

Толпа дѣтей была уже далеко. Затворница искала глазами прохожаго, чтобы спросить его. Вдругъ она увидала священника, стоявшаго у публичнаго молитвенника, но глаза котораго гораздо чаще обращались къ мѣсту казни, нежели къ листамъ книги. Она узнала соборнаго архидьякона, святаго мужа.

— Кого здѣсь будутъ вѣшать, батюшка? спросила она.

Священникъ взглянулъ на нее, но не отвѣтилъ; она повторила свой вопросъ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Дѣти говорили сейчасъ, что повѣсятъ цыганку.

— Кажется такъ, сказалъ священникъ.

Пакета Шантлері разразилась смѣхомъ гieny.

— Такъ вы очень ненавидите цыганъ, спросилъ архидьяконъ.

— Ненавижу ли я ихъ? это вѣдьмы, онѣ воруютъ дѣтей! Онѣ

сѣбя мою маленькую дѣвочку, мое единственное дитя! У меня нѣтъ больше сердца : онѣ и его сѣбяи.

Она была страшна. Священникъ холодно смотрѣлъ на нее.

— Въ особенности я ненавижу одну изъ нихъ, которую я прокляла, продолжала она : — она однѣхъ лѣтъ съ моей дочерью, которую сѣбяи можетъ-быть ея мать. Каждый разъ какъ этотъ змѣе-нышъ проходитъ здѣсь, вся кровь кипитъ въ моихъ жилахъ!

— Ну радуйтесь, сказалъ священникъ, холодный какъ статуя : — ее-то и повѣсятъ сегодня.

Голова его опустилась на грудь и онъ удалился.

Затворница ломала руки отъ радости.

— Я говорила ей, что быть ей на висѣлицѣ! благодарю васъ, батюшка, благодарю!

И она начала быстро ходить около своего окна, растрепанная, съ сверкающими глазами, задѣвая плечомъ о стѣну, какъ голодная волчица въ клѣткѣ, въ ожиданіи пищи.

VI

ТРИ РАЗЛИЧНЫЯ СЕРДЦА

Между тѣмъ Фейбъ не умеръ. Такого рода люди живучи. Филиппъ Делье, королевскій адвокатъ, говоря Эсмеральдѣ, что онъ умираетъ, шутилъ или ошибался. Архидьяконъ объявляя въ тюрьмѣ, что онъ умеръ, не зналъ объ немъ ничего, но надѣялся, рассчитывалъ и не сомнѣвался въ его смерти. Ктому же, сообщать хорошія вѣсти о соперникѣ слишкомъ ужасно, и можетъ-быть многіе поступили бы какъ и архидьяконъ.

Рана была глубока, но не такъ опасна, какъ рассчитывалъ Клодъ. Докторъ, къ которому перенесли его солдаты, боялся за его жизнь и даже сказалъ ему это полатыни. Однако молодость взяла свое и природа спасла больного вопреки медицинѣ. Еще въ самомъ началѣ болѣзни подвергся онъ допросу королевскаго адвоката, что очень ему надоѣдало и при первой возможности, онъ оставилъ эскулапу свои золотые шпоры въ уплату и скрылся. Это впрочемъ нимало не мешало ходу дѣла. Тогдашнее правосудіе не дорожило мелочами. Былъ бы виновный повѣшенъ и дѣло съ концомъ. У судей было до-

вольно поводовъ къ обвиненію Эсмеральды. Феба сочли мертвымъ и не заботились о немъ болѣе.

Капитанъ впрочемъ бѣжалъ недалеко. Онъ отправился въ Иль де Франсъ, гдѣ стояла его рота.

Ему впервыхъ не хотѣлось быть участникомъ въ процесѣ, потомучто роль была незавидна, а вовторыхъ, въ качествѣ военнаго, не получившаго образованія, онъ былъ суевѣренъ и не зналъ какъ объяснить свою нечаянную встрѣчу съ Эсмеральдой, признаніе въ любви черезъ посредство козла и вмѣшательство во все дѣло страшнаго монаха. Во всемъ происшествіи онъ видѣлъ гораздо болѣе колдовства чѣмъ любви, комедію или, выражаясь тогдашнимъ слогомъ, мистерію, въ которой самая незавидная роль досталась на его долю. Онъ ощущалъ тотъ стыдъ, который Лафонтенъ опредѣлилъ стихомъ:

Honteux comme un renard qu'une poule avait pris.

Ктому же онъ надѣялся, что въ его отсутствіе имя его почти не будетъ появляться въ процесѣ и никто не узнаетъ насколько онъ причастенъ къ дѣлу. Въ этомъ онъ не ошибся. Въ то время не существовала *gazette des Tribunaux*, а такъ какъ не проходило недѣли, чтобы не вѣшали фальшиваго монетчика или не сжигали колдуньи, то народъ такъ привыкъ видѣть старую Фемиду, съ засученными рукавами чинящую расправу, что и не обращалъ на это большого вниманія. Люди поважнѣе никогда и не знали имени преступника, — одинъ черный народъ наслаждался зрѣлищемъ казни. Убийство людей было также обыкновенно, какъ убійство быковъ на бойнѣ. Палачъ былъ только мясникъ высшаго разряда.

Итакъ Фебъ скоро выкинулъ изъ головы и колдунью Симиляръ и ударъ кинжаломъ, нанесенный ею или страшнымъ монахомъ (для него это было все равно) и исходъ процесса. Какъ скоро его сердце сдѣлалось свободнымъ, въ него снова втѣснился образъ Флеръ де-Ли. Сердце капитана, какъ и тогдашняя физика, не выносило пустоты.

Ктому же жить въ мѣстечкѣ, гдѣ помѣщалась рота, было ужасно скучно, а Флеръ де-Ли была его предпоследняя страсть, да еще съ хорошимъ приданымъ. Итакъ вылечившись совершенно и предположивъ, что въ два мѣсяца дѣло цыганки было уже рѣшено, влюбленный Фебъ явился передъ воротами замка Гонделорье.

Онъ не обратилъ большого вниманія на толпу, собравшуюся противъ собора, да и припомнилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ легко могла

быть какая-нибудь процесія, по случаю праздника. Веселый пред-
сталъ онъ предъ очи своей прекрасной невѣсты.

У Флеръ де-Ли все еще лежала на сердцѣ послѣдняя сцена съ цыганкой и ея проклятой азбукой. Долгое отсутствіе Феба не могло послужить къ уменьшенію сомнѣній. Однакожь когда капитанъ во-
шелъ, въ своемъ новомъ мундирѣ и съ страстью во взорѣ, она по-
краснѣла отъ удовольствія. Сама невѣста была лучше чѣмъ когда-
либо. Ея роскошныя бѣлокурые волосы были заплетены въ удиви-
тельные косички; одѣта она была въ голубомъ, что необыкновенно
шло къ ея бѣлой кожѣ, а глазки такъ и дышали любовью.

Фебъ, долго не видавшій женщинъ, былъ пораженъ ея красо-
тою, что заставило его подойти съ такою предупредительностью,
что миръ былъ заключенъ не говоря ни слова. Даже сама старушка,
попрежнему сидящая въ креслѣ, не имѣла духу поворчать на него.

Упреки Флеръ де-Ли обратились въ воркованье голубки.

Она сидѣла у окна все еще за своимъ Нептуномъ. Капитанъ
всталъ за ея стуломъ:

— Гдѣ это пропадали вы цѣлыхъ два мѣсяца, несносный?

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ Фебъ, нѣсколько затрудняясь отвѣ-
томъ: — вы такъ хороши, что способны плѣнить...

— Хорошо, хорошо. Оставьте въ покоѣ мою красоту и отвѣ-
чайте.

— Меня потребовали на службу, кузина.

— Куда это? И почему вы не пришли со мной проститься?

— Въ мѣстечко Queue en Brie.

Фебъ былъ въ восторгѣ, что отвѣтъ на одинъ вопросъ могъ из-
бавить его отъ другого.

— Да это очень близко. Какъ не пріѣхать сюда хоть одинъ
разъ?

Фебъ былъ въ ужасномъ затрудненіи.

— Да... служба... и притомъ я былъ болѣнъ, кузина.

— Болѣнъ! повторила она съ испугомъ.

— Да... раненъ.

— Раненъ!

Бѣдная дѣвушка вся дрожала.

— О не пугайтесь этого, небрежно сказалъ Фебъ: — это все
ударъ. Маленькая ссора, ударъ шпагой, что вамъ до этого!

— Что мнѣ до этого! вскричала Флеръ де-Ли, поднявъ къ небу

глаза полные слезъ. — О, вы не думайте, что мнѣ это ничего не значить! Я хочу непременно знать, что это былъ за ударъ шпагой.

— Ну, милая кузина, мы повздорили съ однимъ капитаномъ и поцарапали другъ другу кожу, вотъ и все.

Хитрый капитанъ зналъ, что дуэль за оскорбленіе чести возвышаетъ мужчину въ глазахъ женщины. Въ самомъ дѣлѣ невѣста взглянула на него съ выраженіемъ страха и удовольствія. Сомнѣнія ея однакожъ несовсѣмъ еще разсѣялись.

— Только бы вы совсѣмъ поправились, мой Фебъ. Я не знаю вашего капитана, но онъ дурной человѣкъ. А изъ-за чего вышла ссора?

Фебъ, у котораго воображеніе было не слишкомъ сильно, чуть-чуть не сталъ въ туникъ при этомъ вопросѣ.

— О, изъ-за пустяковъ... изъ-за лошади и неосторожнаго слова... Кузина, вскричалъ онъ, чтобъ перемѣнить разговоръ: — что это за шумъ тамъ на площади?

— Незнаю, отвѣчала Флеръ де-Ли: — кажется какая-то колдунья будетъ приносить публичное покаяніе, а послѣ ее повѣсятъ.

Фебъ такъ былъ увѣренъ въ окончаніи дѣла Эсмемальды, что остался совершенно спокоенъ, однако сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ.

— Какъ зовутъ эту колдунью?

— Незнаю, отвѣчала она.

— А за что ее судятъ?

Она пожала своими бѣлыми плечами.

— И этого незнаю.

— Господи, вмѣшалась старуха: — теперь столько развелось колдуновъ, что ихъ жгутъ кажется не справляясь обь имени. Да что и беспокоиться: у Бога вѣроятно ведется вѣрный реестръ ихъ именамъ. Старушка встала и подошла къ окну. Да, въ самомъ дѣлѣ, какая толпа, народъ даже на крышахъ. Знаете, Фебъ, это напоминаетъ мнѣ мое время, вступленіе Карла VII; тогда тоже было много народу. Незнаю уже въ которомъ это было году. Вамъ это кажется очень старо, а мнѣ напоминаетъ молодость. О, тогда народъ былъ лучше! И старушка пустилась описывать старое время, но наши влюбленные ее не слушали.

Фебъ снова оперся о спинку кресла своей невѣсты, — положеніе, доставлявшее ему возможность бросать нескромные взгляды во всѣ отверстія ея пелеринки. Пелеринка раскрывалась такъ встати, по-

говорила ему столько вещей и возбуждала такія надежды, что Фебъ мысленно повторялъ возможно ли быть влюбленнымъ не въ блондинку? Оба молчали. Дѣвушка взглядывала на него своими нѣжными, радостными глазами, а солнечный лучъ игралъ въ ихъ смѣшанныхъ волосахъ.

— Фебъ, тихо сказала Флеръ де-Ли, черезъ три мѣсяца наша свадьба; поклянитесь мнѣ, что вы никогда не любили другой женщины.

— Клянусь, милый ангелъ! и страстный взглядъ Феба подтверждалъ искренность его словъ. Онъ кажется готовъ былъ самъ себя повѣрить въ эту минуту.

Между тѣмъ, добрая мать, видя такое согласіе между обрученными, отправилась по какимъ-то хозяйственнымъ распоряженіямъ. Фебъ тотчасъ замѣтилъ это, и ему пришло въ голову нѣсколько смѣлыхъ мыслей. Флеръ де-Ли его любитъ, онъ ея женихъ; они одни; любовь его къ ней снова воскресла, если не съ прежней свѣжестью, то съ прежнимъ пыломъ; притомъ что за бѣда воспользоваться нѣсколько раньше тѣмъ, что все-таки будетъ принадлежать ему; незнаю, въ такомъ ли именно порядкѣ пришли ему всѣ эти мысли, но дѣло въ томъ, что Флеръ де-Ли вдругъ испугалась выраженія его глазъ. Она оглянулась и увидала, что матери нѣтъ въ комнатѣ.

— Боже мой, сказала она съ безпокойствомъ: — мнѣ жарко здѣсь!

— Въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ Фебъ: — скоро полдень, солнце такъ ярко, не лучше ли опустить шторы?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала испуганная дѣвушка: — напротивъ, мнѣ пужно воздуху..

И какъ лань, чувствующая приближеніе своры, она вскочила, растворила балконъ и вышла.

Фебъ съ неудовольствіемъ послѣдовалъ за нею.

Соборная площадь, на которую выходилъ балконъ, представляла мрачное зрѣлище въ эту минуту.

Толпы народа стремились изо всѣхъ улицъ; самая площадь окружена была сержантами. Широкія двери собора были затворены, что составляло контрастъ со всѣми раскрытыми окнами домовъ, выходившихъ на площадь и униженныхъ тысячами головъ.

Толпа состояла изъ нисшаго класса; впрочемъ и ожидаемое зрѣлище принадлежало къ роду такихъ, на которыя не ходитъ смотрѣть

высшая публика. Изъ толпы вырывались крики и смѣхъ; женщинъ было болѣе нежели мужчинъ.

— Эй, Майе Балифъ, кого это будутъ вѣшать?

— Глупый, здѣсь только церковное покаяніе; если хочешь сморѣть какъ вѣшаютъ, ступай на Гревскую площадь.

— Пойдемъ и туда.

— Правда, что она не хотѣла принять духовника?

— Говорятъ, что такъ.

— Видишь, язычница!

— Бѣдняжка! говорила Флеръ де-Ли и глаза ея выражали глубокое сожалѣніе. Капитанъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, обнялъ ее за талію. Она оглянулась и кинула на него умоляющій взглядъ.

— Оставьте, Фебъ, маменька можетъ войти.

Въ эту минуту, пробило полдень на соборныхъ часахъ. Ропотъ удовольствія пробѣжалъ по толпѣ. Съ послѣднимъ ударомъ, всѣ головы заколыхались и раздался общій крикъ: «вотъ она!»

Флеръ де-Ли закрыла глаза руками.

— Войдите въ комнату, моя прелесть, уговаривалъ Фебъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она и отняла руки.

На площадь вѣхала телѣга, со всѣхъ сторонъ окруженная кавалеріей въ фиолетовыхъ мундирахъ съ бѣлыми крестами. Сержанты впереди расталкивали народъ. У самой телѣги ѣхали судьи и полицейскіе, которыхъ легко было узнать по черному костюму и неуклюжей посадкѣ. Жакъ Шармолю былъ во главѣ шествія. Въ телѣгѣ сидѣла молодая дѣвушка съ связанными назадъ руками. Съ ней не было даже священника. Она была въ одной рубашкѣ; длинныя черныя волосы разсыпались по полуобнаженнымъ плечамъ. (Въ то время ихъ стригли на самомъ эшафотѣ).

Между роскошныхъ волосъ виднѣлась веревка, обвившаяся какъ змѣя вокругъ бѣлой шеи преступницы. Изъ-подъ веревки блестѣла ладонка, украшенная блестками, которую вѣроятно оставили преступницѣ, снисходя къ ея послѣдней предсмертной просьбѣ. Изъ оконъ, зрителямъ видны были ея обнаженные ноги, которыя она старалась уложить подъ себя, побуждаемая послѣднимъ инстинктомъ женской стыдливости. У ногъ ея лежала связанная козочка. Осу-

жденная придерживала зубами свою рубашку; на лицѣ ея выражался ужасъ и стыдъ быть предъ толпой почти раздѣтой.

— Посмотрите, кузень, сказала Флеръ де-Ли: — вѣдь это та скверная цыганка съ козой.

Говоря это, она взглянула на Феба. Глаза его были устремлены на телѣгу; онъ былъ страшно блѣденъ.

— Какая... цыганка? спросилъ онъ, заинаясь.

— Какъ! развѣ вы не помните?

— Незнаю что вы хотите сказать.

И онъ повернулся къ дверямъ, но Флеръ де-Ли, въ которой шевельнулась прежняя ревность, бросила на него пронизательный взглядъ. Ей вдругъ пришли въ голову рассказы о какомъ-то капитанѣ, замѣшанномъ въ процессъ колдуны.

— Что съ вами? Васъ какъ-будто смущаетъ видъ этой женщины?

Фебъ силился усмѣхнуться.

— Меня! ничуть. Вотъ прекрасно!

— Ну такъ останьтесь, и будемъ смотрѣть до конца.

Несчастный капитанъ принужденъ былъ повиноваться; его ободряло нѣсколько то, что осужденная не поднимала головы. Это дѣйствительно была Эсмеральда. И какъ хороша она даже въ эту минуту скорби и униженія. Ея черные глаза сдѣлались еще больше отъ худобы лица; ея блѣдная профиль была удивительна. Она походила на прежнюю Эсмеральду такъ, какъ мадона Masaccio походить на мадону Рафаэля.

Казалось, въ ней вовсе пропало сознание; тѣло ея припрыгивало отъ толчковъ телѣги какъ безжизненная масса; взглядъ былъ дикъ и мутенъ. На рѣсницахъ виднѣлась еще слезинка, но и та какъ-будто застыла, не имѣя силы скатиться.

Мрачный поѣздъ пробрался наконецъ сквозь толпу, при радостныхъ крикахъ, и остановился передъ главнымъ порталомъ. Впрочемъ, красота и убитый видъ осужденной вызвали состраданіе многихъ, даже неслишкомъ чувствительныхъ. Стража выстроилась въ двѣ стѣны. Толпа замолкла и среди этого мрачнаго молчанія, со свѣтомъ растворилась огромная дверь храма. Длинная церковь представилась зрителямъ вся покрытая чернымъ и едва освѣщенная вѣсковскими свѣчами. Въ самой глубинѣ ея, на черномъ сукнѣ, поставленномъ съ потолка до полу, виднѣлось огромное серебряное распятіе. Церковь была пуста, только на клиросѣ виднѣлось нѣ-

сколько головъ священниковъ и когда двери растворились, раздалось монотонное, страшное пѣніе, отрывки котораго долетали до осужденной.

....*Non timebo millia populi circumdantes me exsurge, Domine; salvum me fac, Deus!*

....*Salvum me fac, Deus, quoniam intraverunt aquae usque ad animam meam.*

....*Infixus sum in limo profundi: ei non est substantia.*

Въ тоже время, другой голосъ произносилъ въ алтарѣ:

....*Qui verbum meum audit, et credit ei qui misit me, habet vitam aeternam et in iudicium non venit; sed transit a morte in vitam.*

Это пѣніе нѣсколькихъ старческихъ голосовъ изъ темныхъ угловъ церкви надъ молодой, прелестной дѣвушкой, полной жизни и освѣщенной лучами весенняго солнца, была служба по покойникамъ.

Народъ внимательно слушалъ.

Несчастная безсознательно смотрѣла въ темную глубь церкви. Ея блѣдныя губы шевелились, какъ бы произнося молитву, а помощникъ палача, подошедшій чтобъ снять ее съ тележки, слышалъ какъ она нѣсколько разъ повторяла слово *Фебъ*.

Ей развязали руки и сняли съ тележки вмѣстѣ съ козой, которая принялась блеять, чувствуя себя на свободѣ; босыми ногами повели ее до первыхъ ступеней портала; веревка тащила за нею словно змѣя.

Пѣніе въ церкви умолкло. Большое распятіе, предшествуемое рядомъ зажженныхъ свѣчъ, двинулось изъ глубины храма. Застучали алебарды стражей и скоро взорамъ толпы предстала цѣлая процессія священниковъ и дьяконовъ, съ пѣніемъ приближавшихся къ осужденной. Глаза ея остановились на одномъ изъ нихъ, шедшемъ тотчасъ вслѣдъ за крестомъ.

— О! прошептала она содрогаясь: — опять священникъ!

Дѣйствительно то былъ архиѳіаконъ. По сторонамъ ея шли пѣвчіе; онъ приближался, откинувъ назадъ голову, съ взоромъ, устремленнымъ прямо передъ собою и глѣз громкимъ голосомъ:

De ventre inferi clamavi, et exaudisti vocem meam,

Et projecisti me in profundum in corde maris, et flumen circumdedit me.

Когда онъ вышелъ на свѣтъ въ своемъ серебряномъ колпакѣ

съ чернымъ крестомъ, онъ былъ такъ блѣденъ, что многіе подумали, не встала ли одна изъ мраморныхъ статуй собора и вышла принять осужденную въ царствѣ мертвыхъ.

Она была также блѣдна и также походила на статую. Она не чувствовала какъ вложили ей въ руку огромную свѣчу желтаго воска, не слыхала, какъ грефье нескладнымъ голосомъ прочелъ формулу церковнаго покаянія; ей велѣли сказать аминь и она машинально повторила аминь. Признаки жизни явились въ ней только когда архидіаконъ знакомъ отослалъ своихъ служителей и приблизился къ ней.

Кровь бросилась ей въ голову; негодованіе еще разъ закипѣло въ этой почти отлетѣвшей душѣ.

Архидіаконъ подходилъ медленно; даже при этомъ случаѣ взоръ его сладострастно остановился на ея обнаженномъ тѣлѣ. Онъ громко спросилъ ее :

— Раскаялась ли ты въ своихъ погрѣшеніяхъ? а наклонясь къ ея уху, тихо шепнулъ (зрители думали, что онъ выслушиваетъ ея исповѣдь): — хочешь быть моею? Я могу еще спасти тебя.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Уйди, демонъ, или я изобличу тебя.

Онъ улыбнулся ужасной улыбкой.

— Тебѣ не повѣрять. Ты, только усилишь свое преступленіе ложнымъ доносомъ. Отвѣчай скорѣе, хочешь ли принадлежать мнѣ?

— Что сдѣлалъ ты съ моимъ Фебомъ?

— Онъ умеръ! отвѣчалъ священникъ.

Въ эту минуту злополучный архидіаконъ машинально поднялъ голову и увидѣлъ на балконѣ дома Гонделорье Флеръ-де-Ли и подлѣ нея капитана.

Онъ пошатнулся, провелъ рукою по глазамъ, посмотрѣлъ снова, пробормоталъ проклятiе и всѣ черты его мгновенно исказились.

— Ну такъ умри же ты! проговорилъ онъ сквозь зубы, и поднимая руку надъ головой цыганки, произнесъ громкимъ голосомъ: — *I vinc animam anseris, et sit tibi Deus misericors!*

Это была послѣдняя формула, которой завершались въ то время мистическая церемонія. То былъ условный знакъ священника палачу.

Народъ сталъ на кофѣни.

«Kyrie Eleison!» запѣли священники, оставшіеся подѣ порта-

«Kyrie Eleison!» повторяла толпа шопотомъ, напоминающимъ плескъ морской волны.

— Аминь! сказалъ архидіаконъ.

Онъ отвернулся отъ осужденной; голова его опустилась на грудь, руки скрестились на груди и черезъ минуту онъ исчезъ съ крестомъ, свѣчами и процесіей подъ темными сводами собора; еще нѣсколько времени слышенъ былъ въ хорѣ его голосъ, поющій слова псалма:

Omnes gurgites tui et fluctus tui super me transierunt!

А стукъ алебардъ по каменнымъ плитамъ церкви напоминалъ маятникъ, отиравивающій послѣднія мгновенія жизни для осужденной.

Между тѣмъ двери собора все еще были отперты и осужденная стояла неподвижно, ожидая, чтобы ею распорядились. Жакъ Шармолю такъ углубился въ изученіе одного барельефа на главномъ порталѣ, изображавшаго, по мнѣнію однихъ, жертвоприношеніе Авраама, а по другимъ алхимическій процессъ, въ которомъ ангелъ изображаетъ солнце, жертвенникъ огонь, а Авраамъ изслѣдователя, что нужно было напомнить ему объ окончаніи процесіи.

Не безъ труда вывели его изъ задумчивости; наконецъ онъ обернулся и сбѣгалъ знакъ двумъ людямъ, одѣтымъ въ желтое, чтобы они снова связали руки виновной.

Въ несчастной кажется проснулась жажда жизни въ ту минуту, какъ готовились посадить ее на телегу и везти къ послѣдному назначенію. Она подняла свои сухіе, воспаленные глаза къ небу, къ солнцу, къ серебряннымъ облакамъ, потомъ обвела ими толпу, дома... Вдругъ въ ту минуту, какъ палачъ затягивалъ послѣдній узелъ, она испустила ужасный крикъ, крикъ радости. Тамъ, на балконѣ, на углу площади она увидѣла его, своего друга, своего властелина и избавителя, Феба, свѣтлое явленіе своей жизни! Судья солгалъ! Это былъ точно онъ, онъ самъ, живой, красивый, одѣтый въ свой великолѣпный мундиръ, съ перомъ на головѣ и сапогами!

— Фебъ, мой Фебъ! крикнула она и хотѣла протянуть къ нему руки, дрожащія отъ любви и восторга, но онъ были связаны.

Тогда она увидѣла, что капитанъ нахмурилъ брови, а стоящая подлѣ него красивая дѣвушка бросила на него гнѣвный, презри-

таинный взгляд; потомъ Фебъ произнесъ нѣсколько словъ, недвижимъ до ея слуха и оба исчезли съ балкона.

— Фебъ, развѣ и ты вѣришь? вскрикнула она въ отчаяніи.

Ей пришла въ голову убійственная мысль. Она припомнила, что ее осудили за убійство кашитана Феба де-Шатоперъ.

До этой минуты она все выносила, но послѣдній ударъ былъ слишкомъ силенъ. Она безъ чувствъ упала на мостовую.

— Ну положите ее на телѣгу и кончимъ скорѣе! сказалъ Жакъ Шармолю.

Никто изъ зрителей этой сцены не обратилъ вниманія на странную личность, помѣщавшуюся на галереѣ между статуями портала и смотрящую на происходящее съ такой неподвижностью, что не будь она одѣта въ полукрасное, полуфіолетовое платье, ее легко было бы причесть за одно изъ тѣхъ каменныхъ чудовищъ, изъ пасти которыхъ уже шестьсотъ лѣтъ стекаетъ вода съ крышъ собора. Этотъ зритель внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ на площади, и съ первой минуты появленія телѣги, пользуясь тѣмъ, что никто не смотрѣлъ въ его сторону, прикрѣпилъ къ одной изъ колонокъ галереи крѣпкую веревку съ узлами, конецъ которой спустился до крыльца собора. Окончивъ это, онъ принялся спокойно наблюдать и посвистывать, когда мимо его пролетали птицы. Въ ту минуту, какъ палачъ собирался исполнить приказъ Шармолю, онъ медомъ спустился по веревкѣ, съ быстротой кошки подкрался къ палачу, повалилъ его ударами своихъ чудовищныхъ кулаковъ, схватилъ цыганку одной рукой, какъ ребенокъ беретъ свою куклу и въ одинъ прыжокъ очутился у дверей церкви, держа дѣвушку надъ своею головою и громкимъ голосомъ крича:

— Убѣжище!

Все это случилось съ такою быстротою, что случись это ночью, — всю сцену можно бы увидѣть при одномъ блескѣ молніи.

— Убѣжище! Убѣжище! повторила толпа и тысячи рукоплещавшей доставили гордо блеснуть единственный глазъ Казимодо.

Осужденная пришла въ чувство отъ сотрясенія, раскрыла глаза и снова закрыла ихъ какъ бы страшась своего избавителя.

Шармолю, палачи и вся свита точно окаменѣли. Въ оградѣ осужденная становилась неприкосновенной. Соборъ былъ истомъ убѣжища. Всякая месть человѣческая становилась безсильна въ его предѣлахъ.

Казимодо остановился подъ большимъ порталомъ. Его широкія

ноги казались также сросшимися съ поломъ, какъ и колоны сводовъ; огромная косматая голова также прикрѣплена была къ плечамъ, какъ и головы львовъ, неимѣющихъ шеи, а только гриву. Онъ держалъ дрожащую дѣвушку въ своихъ грубыхъ рукахъ съ такой предосторожностью, какъ-будто боялся сломить или осквернить ее своимъ прикосновеніемъ. Казалось онъ чувствовалъ, что она создана для другого, болѣе нѣжнаго прикосновенія. По временамъ онъ сдерживалъ даже дыханіе, но бывали минуты, когда онъ вдругъ съ силою прижималъ ее къ своей, широкой груди, какъ мать прижимаетъ свое дитя, свое единственное сокровище, свою собственность. Его единственный глазъ изливалъ на нее потоки нѣжности, сожалѣнія и вдругъ обращался къ толпѣ съ молніеноснымъ блескомъ.

Женщины смѣялись и плакали, толпа рукоплескала; Квазимодо былъ даже хорошъ въ эту минуту. Вотъ онъ, это отринутое дитя человечества, онъ чувствуетъ себя могучимъ и сильнымъ, онъ смѣло глядитъ въ глаза этому обществу, которое его изгнало и надъ которымъ онъ взялъ теперь верхъ, на это правосудіе, у котораго онъ похитилъ жертву, на всѣхъ этихъ голодныхъ тигровъ, сборовъ, судей, палачей, на всю власть, которую онъ поправилъ, онъ, уродъ, отверженецъ, съ единственной помощью самаго высшаго судіи.

Какое трогательное зрѣлище эта осужденная, беззащитная дѣвушка, спасенная Квазимодо. Это было соединеніе двухъ величайшихъ безпомощностей, пришедшихъ на помощь другъ другу.

Насладившись минутой торжества, Квазимодо исчезъ съ своей ношей подъ сводами церкви. Толпа, ненасытная къ зрѣлищамъ, искала его глазами и вдругъ увидѣла на верхней галерей, которую онъ пробѣжалъ какъ безумный, держа надъ головой Эсмемальду и снова крича:

— Убѣжище!

Тутъ новыя рукоплесканія. Потомъ увидѣли его на самой верхней площадкѣ, все съ цыганкой въ рукахъ, бѣжащаго изъ всѣхъ силъ и повторяющаго свой побѣдный крикъ. Наконецъ появился онъ въ третій разъ наверху колокольни; оттуда показалъ онъ съ гордостью всему городу ту, которую спасъ, и его громовой голосъ, который раздавался такъ рѣдко и котораго онъ самъ никогда не слышалъ, три раза повторилъ съ страстной энергіей:

— Убѣжище! убѣжище! убѣжище!

— Bravo! bravo! кричалъ народъ, и эти возгласы достигали

противоположнаго берега и той кельи, гдѣ затворница ожидала казан цыганки со взглядомъ неподвижно-устремленнымъ на висѣлицу.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

I

ГАЛЮЦИНАЦИИ

Архиіакона не было въ соборѣ въ то время какъ его пріемный сынъ такъ неожиданно перерѣзалъ петлю, въ которую запуталъ цыганку и самого себя несчастный Клодъ Фролло. Войдя въ ризницу, онъ сорвалъ съ себя облаченіе, бросилъ его на руки оторопѣвшему служителю и кинулся вонъ изъ монастыря. Тутъ онъ переправился на другой берегъ и безсознательно сталкивался съ толпой, спѣшившей прійти вовремя, чтобы не проглядѣть какъ будутъ вѣшать кодушью. Бѣдный, измученный, онъ былъ въ состояніи ночной птены, попавшейся днемъ въ руки школьниковъ. Онъ не зналъ куда идетъ, что думаетъ и не видитъ ли все во снѣ. Онъ все бѣжалъ, бѣжалъ невыбирая, неостанавливаясь, лишь бы уйти подальше отъ страшной Гревской площади.

Такъ прошолъ онъ гору св. Женевьевы и очутился за городомъ, непереставая бѣжать до тѣхъ поръ, пока пропали изъ вида послѣднее дома предметья. Когда наконецъ онъ почувствовалъ себя далеко отъ ненавистнаго Парижа, то остановился и свободнѣе перевелъ духъ.

Тогда-то воротилось къ нему сознаніе. Онъ ясно увидѣлъ свою душу и содрогнулся. Онъ вспомнилъ о бѣдномъ созданіи, которое его погубило и которое онъ погубилъ. Онъ бросилъ взглядъ ужаса на тотъ извилистый путь, по которому предопредѣленіе вело жизнь двухъ существъ до той точки, гдѣ они должны были разбиться одно о другое. Онъ подумалъ о ненарушимыхъ обѣтахъ, о несостоятельности науки, добродѣтели; онъ съ наслажденіемъ погрузился въ черныя мысли и изъ груди его вырвался сатанинскій смѣхъ.

Тамъ смѣялся онъ долго, раскапывая свою душу и сознавая какіе огромное мѣсто занимають въ ней страсти. Онъ измѣрлялъ всю силу своей злобы и ненависти и пришолъ къ заключенію, что все

это могло бы быть избыткомъ любви; что любовь, составляющая добродѣтель у всѣхъ людей, дѣлается порокомъ въ его поведении; что человекъ съ его натурой, налагая на себя обѣты священника, становится демономъ. Тутъ онъ захотѣлъ еще громче, но вдругъ поблѣднѣлъ при воспоминаніи о той ужасной, ядовитой, беспощадной любви, которая довела одну жертву до эшафота, а другую до вѣчной муки: — она осуждена, онъ проклятъ.

Смѣхъ его еще болѣе усилился, когда онъ припомнилъ, что капитанъ Февъ живъ, счастливъ, имѣетъ новый мундиръ и новую любовницу, которой показывается казнь старой. Наконецъ смѣхъ почти душилъ его при мысли, что изъ всего человѣческаго рода мщеніе его именно упало на голову единственной личности, которую онъ не ненавидѣлъ.

Отъ капитана мысль его перешла на народъ, и въ немъ шевельнулась странная ревность: всѣ эти люди видѣли почти нагою ту, которую онъ любилъ. Онъ ломалъ себѣ руки при мысли, что женщина, видѣть которую одному, въ полумракѣ, было бы верхомъ блаженства, выставлена была на глаза всей толпы, одѣтая какъ для брачнаго ложа. Онъ со злобой оплакивалъ всѣ эти таинства любви, оскверненные пошлыми взглядами, эту чистую дѣвушину, къ которой онъ осмѣлился бы коснуться только съ священнымъ трепетомъ, обращенную въ публичную женщину на позоръ всѣмъ ворахъ, пицимъ и лакеямъ Парижа.

Когда же ему приходило на мысль то счастье, которое могло бы быть его уделомъ, еслибъ она не была цыганкой, а онъ священникомъ, еслибы не существовало Феба, а предметомъ ея любви былъ онъ самъ; когда онъ представлялъ себѣ ту жизнь, полную свѣтлаго счастья, которую испытывали можетъ-быть въ эту минуту нѣкоторые избранные въ какой-нибудь углу земного шара, упиваясь ароматомъ лѣсовъ, въ воду заходящимъ солнцемъ, или звѣздной ночью, и которую могъ бы испытывать и онъ, еслибъ была на то воля неба; о, какой нѣжностью и вмѣстѣ горечью переполнялось его сердце!

Опять, опять эта мысль вбивалась въ его мозгъ, мучила и терзала его. Онъ не жалѣлъ и не раскаивался; онъ былъ снова готовъ сдѣлать то, что уже было сдѣлано; ему легче было видѣть ее въ рукахъ палача, чѣмъ въ рукахъ капитана; но онъ страдалъ, — страдалъ до такой степени, что вырывалъ горстями волосы, чтобы увидѣть, посядѣли ли они.

Вдругъ ему пришло въ голову, что можетъ-быть въ эту минуту

перва обнимается вокругъ той бѣлой и кѣдрой шеи, которую онъ видѣлъ ноутру. Отъ этой мысли у него выступилъ холодный потъ на всемъ тѣлѣ.

Была еще минута, когда среди своего демонскаго смѣха, онъ вспомнилъ Эсмеральду, такъ какъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ, наряженую, смѣющуюся, танцующую, полную гармоніи, и Эсмеральду на площади, съ веревкой на шеѣ, медленно входящую по ступенямъ портала; эта двойная картина представилась ему такъ живо, что онъ испустилъ страшный крикъ.

Между тѣмъ какъ страшный ураганъ отчаянія перемѣщивалъ, вырывалъ съ корнемъ и уничтожалъ все въ его душѣ, онъ взглянулъ на окружающую природу. У ногъ его рылись куры, нарядныя стрекозы летали на солнцѣ; надъ его головой проносились легкія облака по голубому небу; на горизонтѣ прорѣзывалась стрѣлка св. Виктора, а мельникъ въ Клопо смотрѣлъ какъ вертятся колеса его мельницы. Вся эта спокойная, дѣятельная жизнь кругомъ, усилила боль его сердца. Онъ снова пустился бѣжать.

Такъ, прохормилъ онъ въ поляхъ до вечера. Цѣлый день прошолъ въ этомъ избѣжаніи природы, людей, самого себя. Повременамъ онъ бродилъ ничкомъ на землю и ногтями вырывалъ молодую траву; временами мысли такъ тяготили его, что онъ брался обѣими руками за голову, желая оторвать ее и разбить о мостовую.

Къ вечеру онъ почти совершенно лишился сознанія. Буря, овладѣвшая имъ съ той самой минуты, когда онъ потерялъ возможность и желаніе спасти цыганку, не оставила въ его головѣ ни одной ясной мысли. Разсудокъ его помрачился, въ немъ оставались только два образа: Эсмеральда и висѣлица, — все остальное было темно. Два эти предмета вмѣстѣ составляли ужасную группу, и чѣмъ сильнѣе устремлялось на нихъ вниманіе Фролло, тѣмъ сильнѣе возрастали они, одна къ красотѣ, граціи и свѣтлѣ, другая во всей своей гнусности. Подъ конецъ Эсмеральда казалась ему свѣтлой звѣздой, а висѣлица огромной, страшной рукою, силащейся схватить ее. Замѣчательно, что во все продолженіе этой пытки, ему нисразу не пришла въ голову мысль о смерти. Несчастный былъ ужъ такъ созданъ, что дорожилъ даже этой жизнью. Можетъ быть онъ боялся и ада.

...Между тѣмъ начинало темнѣть. Животный инстинктъ напомнилъ ему о возвращеніи. Онъ думалъ, что ушелъ далеко отъ Парижа, но оказалось, что онъ бродилъ только вокругъ стѣнъ университета. Направо возвышалась колокольня святаго Сюльпиція, и онъ направилъ

ся въ ту сторону. Избѣгая встрѣчи съ живымъ существомъ, Клодъ обошелъ всѣ населенныя мѣста, взялъ лодочника и перѣхалъ на тотъ островокъ, гдѣ мы уже видѣли Гренгуара въ неудачный для него день.

Однообразное движеніе лодки и шумъ воды какъ-будто успокоили Клода. Когда лодочникъ удалился, онъ тупо остался на берегу, смотря прямо передъ собою и видя предметы въ какой-то фантазмагорической формѣ. Такъ нерѣдко бываетъ послѣ сильнаго душевнаго утомленія.

Солнце скрылось за высокой нейльской башней. Наступали сумерки. Небо было бѣлаго цвѣта; рѣчная вода также. Между этими бѣлыми полосами лѣвый берегъ Сены, на который устремлены были глаза Клода, представлялъ темную массу, и уменьшаясь въ перспективѣ, исчезалъ подъ конецъ въ туманѣ. Силуэты его домовъ рѣзко вычерчивались на свѣтломъ фонѣ. Окна ихъ блистали какъ огненные отверстія. Этотъ огромный черный обелискъ между двумя свѣтлыми полосами неба и воды сдѣлалъ на Клода впечатлѣніе подобное тому, которое испытывалъ бы человѣкъ, лежащій на спинѣ у подножія страсбургской колокольни и смотрящій какъ громадная вершина ея погружается въ темноту надъ его головою. Только тутъ Клодъ стоялъ, а обелискъ лежалъ, но такъ какъ рѣка, отражая небо, увеличивала пропасть надъ его ногами, громадный мысъ также далеко уходилъ въ пустое пространство и производилъ одинакое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это было тѣмъ страннѣе и глубже, что это была также страсбургская колокольня, только вышиною въ два лье, что-то гигантское, неизмѣримое, зданіе, какого не видывалъ ни одинъ человѣческій глазъ, — вавилонская башня. Трубы домовъ, зубцы стѣнъ, закраины крышъ, стрѣлка св. Августина, нейльская башня, всѣ эти выступы, обозначающіе профиль колоссальнаго обелиска, усиливали иллюзію. Клоду показалось, что онъ собственными глазами видитъ адскую колокольню; тысячи огоньковъ, разбросанныхъ по страшной башнѣ, казались ему отверстиями громадной печи, шумъ и голоса долетающія до него, плачемъ и скрежетомъ. Въ испугѣ онъ зажалъ уши, чтобы не слышать, и побѣжалъ отъ страшнаго видѣнія. Но видѣніе было въ немъ самомъ.

Когда онъ вошелъ въ улицы, прохожіе казались ему толпою призраковъ. У него страшно шумѣло въ ушахъ и какой-то хаосъ былъ въ мысляхъ. Онъ не видѣлъ ни домовъ, ни улицъ, ни телѣтъ, ни мужчинъ, ни женщинъ, но какую-то путаницу лицъ и предме-

товъ. На углу улицы Барильери была овощная лавка, у въѣзски которой съ незапамятнаго времени висѣлъ пучъ деревянныхъ свѣчь, стукавшихся отъ вѣтра одна о другую. Ему звукъ этотъ показался борьбою скелетовъ въ Монфокопѣ.

О, думалъ онъ, ночной вѣтеръ толкаетъ ихъ другъ на друга и звучитъ ихъ цѣпями! Она можетъ-быть также теперь между ними!

Черезъ нѣсколько времени, онъ безсознательно очутился на мосту св. Михаила. Въ нижнемъ этажѣ одного дома горѣлъ огонь, онъ подошелъ ближе. Сквозь пузырчатое стекло онъ увидѣлъ грязную комнату, напомнившую ему что-то. Въ этой комнатѣ тускло горѣла лампа, сидѣлъ молодой человекъ съ веселымъ лицомъ и со смѣхомъ цѣловалъ женщину въ весьма небрежномъ нарядѣ; подлѣ лампы прѣла старуха и напѣвала дребежжающимъ голосомъ. Въ интервалы между смѣхомъ молодого человека слышны были слова ея гнѣсни; это было что-то бессмысленно-ужасное:

Grève aboye, grève grouille!
File, file ma quenouille,
File sa corde au bourreau
Qui siffle dans le préau.
Grève aboye, grève grouille!

La belle corde de chanvre!
Semez d'Issy jusqu'à Vanvre
Du chanvre et non pas du blé!
Le voleur n'a pas volé
La belle corde de chanvre.

Grève grouille, Grève aboye!
Pour voir la fille de joie
Pendre au gibet chassieux,
Les fenêtres sont des yeux.
Grève grouille, Grève aboye!

Вслѣдъ за этимъ, молодой человекъ смѣялся и ласкалъ дѣвушку. Старуха была Фалурдель, дѣвушка — публичная женщина, а молодой человекъ Жанъ Фролло. Клодъ продолжалъ смотрѣть. Не то тамъ другое, не все ли равно! Онъ видѣлъ какъ Жанъ подошелъ къ окну, выходящему на набережную, открылъ его, посмотрѣлъ и сказалъ закрывая: «Чортъ возьми, уже ночь. Люди зажигаютъ свѣчи, а Богъ звѣзды на небѣ.» Потомъ Жанъ воротился къ своей собесѣдницѣ; разбилъ бутылку объ столъ съ восклицаніемъ: ужъ пустая, чортъ ее побери, а у меня нѣтъ больше денегъ! Изабо, душа моя,

я тогда буду совершенно доволенъ Юпитеромъ, когда онъ превратитъ твои бѣлые груди въ настоящія бутылки, изъ которыхъ я буду пить цѣлую жизнь.

Эта шутка разсмѣшила женщину и Жанъ вышелъ. Домъ Клода успѣлъ только броситься ничкомъ на землю, чтобы небыть узнаннымъ братомъ. Къ счастью, улица была темна, а шпательникъ пьянъ. Однакожъ, онъ замѣтилъ архидіакона.

— О, о! сказалъ онъ: — вотъ этотъ повеселился сегодня! Онъ потопталъ ногою Клода, удерживавшаго дыханіе.

— Мертвецки пьянъ! точно пьявка, приставленная къ винной бочкѣ. Да онъ илѣшивыи, сказалъ онъ наклонясь, вѣрно старикъ! *Fortwate senex!* Потому, онъ отошелъ говоря: а все-таки хорошо быть разсудительнымъ, и братъ мой архидіаконъ вдвойнѣ счастливъ, потомучто у него и разсудокъ и деньги.—

Тогда архидіаконъ всталъ и бѣгомъ побѣжалъ къ собору, башни котораго видѣлись ему между крышами. Дойдя до площади, онъ не смѣлъ поднять глазъ на главный порталъ.

— О! проговорилъ онъ, неужели же правда, что все происходило здѣсь сегодня утромъ!

Однакожъ, онъ принудилъ себя взглянуть на церковь. Фасадъ былъ темень, а сзади небо блистало звѣздами. Луна остановилась надъ правой башней и выглядывала изъ-за черной рѣзбы. Монастырскія ворота были заперты, но у архидіакона всегда былъ съ собой ключъ отъ башни, гдѣ помѣщалась его лабораторія. Онъ вошелъ въ церковь.

Въ церкви былъ мракъ и мертвая тишина. По длиннымъ тѣнямъ, падавшимъ отовсюду, онъ догадался, что траурныя драпировки еще несняты послѣ утренней церемоніи. Большое серебряное распятіе блистало среди темноты. Архидіакону всюду чудились призраки.

Онъ ускорилъ шаги, но ему показалось, что и церковь зашевелилась, что у каждой колоны огромная лапа, которой она тяжело попираетъ землю и выступаетъ какъ слонъ, а столбы служатъ ногами слону, двѣ башни хоботомъ, а черная драпировка бадажкомъ. Горячка достигла такихъ размѣровъ, что дѣйствительный міръ былъ для несчастнаго Клода какимъ-то живымъ апокалипсисомъ. На минуту ему стало полегче: онъ замѣтилъ какую-то драгоноватую полосу свѣта между столбами и бросился къ ней какъ къ якорю спасенія. Это была скудная лампа, которая день и ночь освѣщала публичный молитвенникъ подъ его желѣзнымъ навѣсомъ. Онъ

жале бросился на святую книгу, надеясь найти въ ней утѣшеніе и бодрость. Книга открыта была на этомъ мѣстѣ книги Юва: «Дыханіе пронеслось по моему лицу, я услышалъ вздохъ и волосы мои стали дыбомъ.»

При этомъ чтеніи онъ испыталъ то что испытываетъ слѣпой, натѣкаясь на свою собственную палку. Колѣни его подогнулись, и онъ опустился на полъ съ мыслью о той, которая умерла сегодня. Долго оставался онъ такъ безъ силъ и сознанія; наконецъ ему пришла мысль уйти въ башню подъ защиту своего вѣрнаго Квазимодо. Онъ всталъ; и боясь темноты, взялъ съ собой лампаду отъ молитвенника. Это было святотатство, но онъ имъ не стѣснился.

Медленно входилъ онъ по лѣстницамъ полный тайнаго страха; который долженъ былъ сообщиться и тѣмъ рѣдкимъ прохожимъ, которые увидѣли бы блуждающій огонь въ соборѣ, въ такую позднюю пору. Вдругъ онъ почувствовалъ свѣжій воздухъ на своемъ лицѣ и очутился у дверей верхней галереи. Воздухъ былъ холодный; облака на небѣ изображали бурную рѣку. Луна казалась между ними камиль-то блестящимъ судномъ. Онъ наклонился и посмотрѣлъ съ минуту на безмолвный городъ.

Въ эту минуту пробило полночь. Священникъ подумалъ о томъ же звукѣ въ полдень.

— О, сказалъ онъ: — прошло двѣнадцать часовъ, — она уже похолодѣла!

Вдругъ порывъ вѣтра загасилъ его лампу и почти въ тоже время на противоположномъ углу башни появилась бѣлая тѣнь, форма женщины. Онъ задрожалъ. Рядомъ съ этой женщиной явилась кова, вторящая своимъ блеяньемъ дребежжающему звуку часовъ. У него достало силы взглянуть въ лицо привидѣнію. Это была она.

Она была блѣдна и мрачна. Волосы также падали по плечамъ какъ и ноутру, но веревки уже нѣтъ на шеѣ, руки не связаны: она свободна, смерть развязала ее. Она одѣта была въ бѣломъ, съ бѣлыми вуалемъ на головѣ. Она приближалась къ нему медленно, глядя на небо. Коза слѣдовала за нею. Онъ чувствовалъ, что приросъ къ мѣсту. Съ каждымъ ея шагомъ впередъ онъ могъ только отстунать шагъ назадъ, но не болѣе. Такъ дошелъ онъ до темнаго свода лѣстницы, дрожа, что и она направится туда же. Случилось это, онъ бы умеръ отъ страха.

Но она только постояла у двери, глянула въ темноту, и незаметно такъ священника, прошла дальше. Клоду показалоь она выше

ростомъ нежели была при жизни, онъ увидѣлъ лунный свѣтъ сквозь ея бѣлое платье и почувствовалъ на себѣ ея дыханіе.

Когда она прошла, онъ медленно началъ спускаться по лѣстницѣ, все держа въ рукахъ погасшую лампу, блѣдный, съ волосами ставшими дыбомъ. Въ ушахъ его все время раздавались слова: Привидѣніе прошло передо мною, я слышалъ его дыханіе и содрогнулся.

II

ГОРБАТЫЙ, КРИВОЙ, ХРОМОЙ

Въ каждомъ городѣ Франціи до Людовика XII, были мѣста, служившія убѣжищемъ для осужденныхъ. Эти убѣжища были островомъ спасенія, возвышавшимся среди цѣлаго моря варварскихъ и нелѣпныхъ законовъ и преслѣдованій. Личность дѣлалась неприкосновенною въ этихъ мѣстахъ. Въ каждомъ городскомъ округѣ этихъ мѣстъ было почти столько же сколько и висѣлицъ; излишекъ безнаказанности рядомъ съ излишкомъ строгости, двѣ дурныя вещи, старающіяся взаимно исправиться. Дворцы, дома принцевъ, въ особенности церкви служили мѣстами убѣжища. Иногда обращали въ убѣжище цѣлый городъ, который требовалось населить новыми жителями. Такъ поступилъ Людовикъ XI съ Парижемъ въ 1467 году.

Преступникъ былъ неприкосновененъ лишь въ стѣнахъ благотельнаго зданія; сдѣлай онъ шагъ изъ него и — все пропало. Колесо и висѣлица зорко подстерегали свою добычу, какъ акулы вокругъ корабля. Много людей состарѣлось такимъ образомъ въ монастырѣ, въ оградѣ аббатства, на дворѣ какого-нибудь дворца, такъ что мѣсто убѣжища обращалось въ пожизненную тюрьму. Случалось, что чрезвычайный приказъ парламента предавалъ жертву вновь въ руки палача, но случаи эти были очень рѣдки. Парламентъ остерегался столкновеній съ духовною властью, а кромѣ его никто не осмѣливался нарушить священное право. Всѣмъ извѣстна смерть Роберта Клермонскаго, маршала Франціи и Жана де Шалонъ, маршала Шампани, а между тѣмъ дѣло шло только о жизни какого-то гнуснаго убійцы; важность проступка состояла въ томъ, что маршалы сломали ворота въ Saint-Méry.

Уваженіе къ этимъ мѣстамъ было такъ глубоко, что, говорятъ,

престиралось даже и на животныхъ. Расказываютъ, что когда олень преслѣдуемый Дагоберомъ, спрятался за гробницу св. Деонисія, скоро собакъ остановилась.

Въ церквахъ бывали устроены маленькія кельи на этотъ случай. Николай Фламель, въ 1407 году, выстроилъ комнату подъ сводами Saint-Jacques de la Boucherie. Въ Notre-Dame келья помѣщалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь жена церковнаго привратника устроила себѣ висячій садъ, относящійся къ вавилонскимъ садамъ столько же, сколько салатъ къ пальмѣ, а жена привратника — къ Семирамидѣ.

Туда-то принесъ Эсмеральду Квазимодо. Во всю дорогу дѣвушка не могла совершенно прийти въ себя; она чувствовала только, что кто-то поднялъ ее на воздухъ и она летитъ, летитъ отъ земли. По временамъ ей слышался громовый смѣхъ и голосъ; она открывала глаза и видѣла подъ собою кровли Парижа, а надъ собой страшное лицо Квазимодо. Тогда рѣсницы ея снова опускались; она думала, что уже все кончено, что ее казнили во время обморока, и что злой духъ, преслѣдовавшій ее во время жизни, теперь окончательно завладѣлъ ею. Она не смѣла пошевелиться.

Но когда запыхавшійся звонарь положилъ ее въ келью, когда она почувствовала, что его грубыя руки тихонько развязываютъ ея веревки, она испытала то чувство, съ которымъ морскіе путешественники вдругъ просыпаются въ ту минуту, какъ судно въ темную ночь причаливаетъ къ берегу. Мысли ея прояснились одна за другою. Она поняла, что находится въ соборѣ; вспомнила, что ее вырвали изъ рукъ палача; что Фебъ живъ, но не любитъ ее болѣе, и эти двѣ мысли, изъ которыхъ въ одной было столько горечи, завладели ею совершенно. Она обернулась къ стоявшему передъ ней Квазимодо и сказала:

— Зачѣмъ вы спасли меня!

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на нее, усиливаясь угадать смыслъ ея словъ. Она повторила вопросъ. Тогда онъ бросилъ на нее еще болѣе грустный взглядъ и исчезъ. Она осталась удивленная. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся и бросилъ къ ея ногамъ свертокъ. То было платье, положенное для нея на порогъ церкви сострадательными женщинами. Тогда она взглянула на себя и покраснѣла. Жизнь вступала въ свои права.

Квазимодо понялъ ея стыдливость. Онъ закрылъ лицо своей широкой ладонью и удалился, но медленно. Она успѣшила одѣться.

Платье было блѣе съ бѣлымъ вуалемъ, какое носили преступницы въ Hôtel-Dieu. Едва успѣла она окончить туалетъ, какъ Квазимодо снова явился съ корзиной въ одной рукѣ и матрацемъ въ другой. Въ корзину была бутылка, хлѣбъ и еще нѣкоторые съѣстные припасы. Онъ поставилъ ее на полъ и сказалъ: «кушайте», постлалъ матрацъ и сказалъ: «спите!» Звонарь отдавалъ ей свою собственную постель и обѣдъ.

Цыганка подняла на него глаза, чтобы поблагодарить, но не могла произнести ни одного слова. Бѣднякъ былъ санишомъ уродливъ. Она опустила голову съ невольнымъ содроганьемъ.

— Я васъ пугаю? спросилъ онъ: — ну не смотрите на меня, а только слушайте. Днемъ вы должны оставаться здѣсь, а ночью можете ходить по всей церкви. Но не выходите отсюда ни днемъ, ни ночью, иначе вы погибли. Васъ убьютъ, а я умру съ горя.

Она подняла было голову, чтобы отвѣчать, но его уже не было. Она осталась одна и невольно задумалась надъ словами этого страннаго существа, сказанными такимъ дикимъ и въ тоже время нѣжнымъ голосомъ; потомъ начала осматривать свою келью. Это была комнатка въ шесть квадратныхъ футовъ, съ крошечнымъ окномъ и дверью надъ самой крышей. Нѣсколько жолобовъ, съ изображеніями животныхъ, казалось протягивали свои длинныя шеи, чтобы взглянуть на нее въ окошко. Съ кровли виднѣлись тысячи трубъ, весь дымъ и всѣ огни Парижа. Грустное зрѣлище для бѣдной цыганки, осужденной на смерть, несчастнаго созданія безъ семьи, безъ отечества и родного крова.

Въ ту минуту какъ мысль объ одиночествѣ съ болью входила въ ея сердце, она почувствовала около себя чью-то мохнатую голову и испугалась (теперь ей все казалось страшнымъ). Но это была голова Джали, проворной бѣлой козочки, которой удалось ускользнуть вслѣдъ за Квазимодо. Бѣдняжка уже цѣлый часъ ластилась, но не могла привлечь вниманія своей хозяйки. Цыганка осыпала ее поцѣлуями.

— О, Джали! говорила она: — я могла позабыть о тебѣ! а ты все меня любишь! Ты не неблагодарная, моя Джали!

И въ ту же минуту, какъ-будто невидимая рука сняла съ груди ея тяжолый гнетъ, мѣшавшій ей заплакать, она залилась горькими слезами и выплакала все, что было самаго невыносимаго въ ея горѣ. Ночь была такъ хороша, луна свѣтила такъ протко, что она обещала

крутой верхнюю галерею. Земля, видѣнная съ высоты, показалась ей такой спокойной, что она нѣсколько ободрилась.

III

ГЛУХОЙ

На другое утро ее очень удивило то, что она могла заснуть. Сонъ уже такъ давно ее покинулъ! Яркій солнечный лучъ ударялъ прямо въ ея окошко, и въ тоже время показалось въ немъ страшное лицо Квазимодо. Она невольно закрыла глаза, но и сквозь спущенныя вѣки все представлялась ей эта гнусная фигура гнома.

— Не бойтесь! говорилъ ей дикій, видимо-смягченный голосъ: — я вашъ другъ. Я пришолъ посмотрѣть какъ вы спите. Вѣдь вы не сердитесь, что я сдѣлалъ это? Что вамъ изъ того, что я смотрю на васъ, когда у васъ глаза закрыты. Вотъ я и уйду; теперь я за стѣной, вы можете открыть глаза.

Было что-то невыразимо-грустное въ голосъ, которымъ произносились эти слова. Растроганная цыганка открыла глаза: у окна никого ужъ не было. Она подошла ближе и увидѣла Квазимодо, прижавшагося въ уголь съ грустной покорностью. Она сдѣлала надъ собой усиліе и тихо позвала его. Видя движеніе ея губъ, Квазимодо подумалъ, что она его гонить, всталъ и пошелъ тихонько, съ опущенной головою, не смѣя даже поднять на дѣвушку взгляда, исполненнаго нѣмого отчаянія.

— Подите же сюда! закричала она уже громко, но онъ продолжалъ удаляться.

Тогда она выбѣжала изъ комнаты, догнала его и взяла за руку. Почувствовавъ ея прикосновеніе, Квазимодо задрожалъ всѣми членами. Онъ съ мольбой поднялъ на нее единственный свой глазъ и при видѣ, что она ведетъ его къ себѣ, все лицо его просвѣтлѣло. Она хотѣла ввести его въ комнату, но онъ не шолъ, а оставался на порогѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ: — сова не должна входить въ гнѣздо ласточки!

Тогда она граціозно усѣлась съ своей козочкой на постелѣ и молчала нѣкоторое время; онъ разсматривалъ ея красоту, а она его безобразіе. При каждомъ взглядѣ оказывались въ Квазимодо

новые телесные недостатки. Взглядъ ея переходилъ отъ кривыхъ ногъ къ горбу, отъ горба къ единственному глазу. Ей трудно было понять, какъ могутъ существовать такіе безобразные люди. Во всей его фигурѣ было однакожь столько кроткой грусти, что она начала мириться съ его безобразіемъ. Онъ заговорилъ первый.

— Такъ вы звали меня?

Она сказала «да» и кивнула головою. Онъ понялъ послѣднее.

— Вѣдь я... глухъ! произнесъ онъ съ усиліемъ.

— Бѣдный! сказала цыганка съ выраженіемъ участія.

Онъ кротко улыбнулся.

— Не правда ли, мнѣ только этого не доставало? Да, я глухъ, вдобавокъ ко всему! Это ужасно, не правда ли? А вы такъ прекрасны!

Въ словахъ несчастнаго звучало такое глубокое сознаніе своего горя, что она не въ силахъ была отвѣчать ему. Впрочемъ онъ не могъ бы и разслышать отвѣта. Онъ продолжалъ :

— Никогда еще я такъ сильно не чувствовалъ своего безобразія. Когда я сравниваю себя съ вами, то становлюсь себѣ очень жалокъ. Не правда ли, я кажусь вамъ какимъ-нибудь страшнымъ звѣремъ. Вы, вы солнечный лучъ, капля божьей росы, вы сладкое пѣніе птицы! А я, я что-то ужасное, ни человекъ, ни животное, я презрѣннѣе камня, который всякій попираетъ ногами!

Онъ засмѣялся. Ничего не могло быть ужаснѣе этого смѣха.

— Да, я глухъ! продолжалъ онъ : — но вы будете говорить со мной жестами, знаками. Мой господинъ такъ говорить со мною. Ктому же я и самъ отгадаю ваше желаніе по выраженію вашего лица и по движенію губъ.

— Ну! спросила она улыбаясь : — скажите мнѣ, зачѣмъ вы спасли меня?

Онъ внимательно слѣдилъ за ея словами.

— Понялъ! отвѣчалъ онъ : — вы спрашиваете, зачѣмъ я спасъ васъ. Вы развѣ забыли о негодяѣ, который похитилъ васъ разъ ночью и которому вы, на другое же утро, не задумались оказать помощь, даже на позорномъ столбѣ. За эту каплю воды мнѣ не заплатить всей своей жизнью. Вы позабыли этого несчастнаго, а онъ никогда не забудетъ.

Она слушала его съ глубокимъ сочувствіемъ. Слеза заблестала въ глазу звонаря, однако не скатилась. Онъ поборолъ свое чувство.

— Послушайте! началъ онъ, пересиливъ волненіе : — нади

башни высоки; человекъ, который упадетъ съ нихъ, умереть не долетѣть до земли; когда вы захотите, чтобы я бросился внизъ, скажите одно только слово или сдѣлайте знакъ, этого будетъ довольно.

Онъ хотѣлъ удалиться, но цыганка была такъ тронута, что вѣла ему остаться.

— Нѣтъ! сказалъ онъ: — не нужно быть здѣсь слишкомъ долго. Я знаю, что вы только изъ жалости не закрываете глазъ. Я буду смотрѣть на васъ откуда-нибудь, гдѣ вамъ меня не будетъ видно, — такъ лучше!

Онъ вынулъ изъ кармана серебряный свистокъ и подалъ ей.

— Когда я вамъ буду нуженъ, или когда вамъ не слишкомъ противно будетъ видѣть меня, свисните, я услышу этотъ звукъ.

Онъ скрылся.

IV

ХРУСТАЛЬ И ГЛИНА

Дни шли за днями. Спокойствіе водворялось мало-помалу въ душѣ Эсмеральды. Слишкомъ сильное горе и радость не бываютъ продолжительны. Сердце человека не долго можетъ выносить напряженное состояніе. Цыганка столько вытерпѣла, что въ душѣ ея оставалось только какое-то недоумѣніе. Съ сознаниемъ безопасности возвратилась и надежда. Она жила внѣ общества, но чувствовала, что есть какая-то возможность воротиться къ людямъ. Она была мертвецъ, имѣющій при себѣ ключъ отъ своей могилы. Мало-помалу отлетали отъ нея гнусные призраки Пьера Тортерю, Жака Шармолю, даже страшный образъ монаха.

Ктому же Февъ живъ, она это видѣла своими глазами, а жизнь ее вражде не что. Приходя въ себя послѣ всѣхъ тягостныхъ потрясеній, она видѣла, что изъ всего прошедшаго уцѣлѣла въ ней только любовь къ капитану. Любовь какъ дерево, вырастаетъ сама собою, пускаетъ корни черезъ все наше существо, и часто все еще зеленѣетъ на разбитомъ уже сердцѣ. Поразительнѣе всего, что страсть бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше въ ней разумнаго содержания.

Конечно Эсмеральда вспоминала о Февѣ не безъ горечи. Конечно было удивительно, что онъ ошибся, что онъ повѣрилъ въ

возможность смертельнаго удара отъ руки той, которая отдала бы за него тысячу жизней. Но нельзя и не извинить ему. Вѣдь она сама созналась въ своемъ преступленіи. Она, слабая женщина, не могла устоять противъ пытки. Вся вина на ея сторонѣ. Нужно было скорѣй дать вырвать у себя всѣ ногти, чѣмъ такое сознание. Наконецъ доведись ей увидѣть Феба на одну минуту, она разсѣть всѣ его сомнѣнія съ перваго слова; онъ повѣритъ ей — нѣтъ никакого сомнѣнія. На многое закрывала она глаза въ этомъ дѣлѣ, какъ напримѣръ на неожиданное появленіе Феба въ день ея казни на балконѣ съ какой-то дѣвушкой. Вѣдь онъ клался, что любитъ ее одну, чего же больше! Она вѣрила, да и всѣ доказательства были противъ нея въ этомъ дѣлѣ. Итакъ она ждала и надѣялась

Прибавимъ, что и церковь, окружающая ее своей спасительной сѣнью, была немалымъ поводомъ къ успокоенію. Торжественныя линіи этой архитектуры, религіозное значеніе всѣхъ окружающихъ предметовъ, ясныя и благоговѣйныя мысли, такъ-сказать вылетающія изъ всѣхъ поръ церкви, неволью дѣйствовали на нее. На всемъ лежало благословеніе, успокоивающее больную душу. Однообразное церковное пѣніе, респонзы молящагося народа, порой глухіе, порой громовые, гармоническое сотрясеніе стеколъ, звукъ органа, колокольный звонъ, весь этотъ оркестръ, съ пробѣгающими по временамъ громовыми гаммами отъ одной колокольни къ другой, усыплялъ ея память, воображеніе и горе. Въ особенности колокола убавкивали ее. Они широкими струями изливали на нее какіе-то магнетическіе токи.

Съ каждымъ новымъ днемъ она становилась спокойнѣе, блѣдность ея исчезала и легче ей дышалось. По мѣрѣ того, какъ заживали ея душевныя раны, лицо ея оживлялось прежнею красотой, но съ оттѣнкомъ какой-то ясности и спокойствія. Прежняя веселость тоже возвращалась мало-помалу: опять она дѣлала свою миленькую гримаску, ласкала козочку, пѣла и одѣвалась въ самомъ дальнемъ углу каморки, чтобъ не увидѣли ее съ какого-нибудь сосѣдняго чердака.

О Квазимодо она вспоминала въ тѣ рѣдкія минуты, когда переставала думать о Фебѣ. Квазимодо былъ единственной нитью, связывающей ее съ остальнымъ человѣчествомъ, но бѣдняжка никакъ не могла побѣдить въ себѣ чувства отвращенія къ этому единственному другу, котъ и упрекала себя въ неблагодарности. Светотокъ миразу не былъ употребленъ въ дѣло.

Въ первые дни Квазимодо являлся иногда безъ призыва. Она употребляла всѣ силы, чтобы не отвернуться съ отвращеніемъ, принимая отъ него свой обѣдъ и кружку воды, но онъ угадывалъ ея внутреннюю борьбу и удалялся съ тоскою.

Однажды онъ вошелъ въ ту минуту, когда цыганка ласкала Джаи. Долго смотрѣлъ онъ на граціозную группу и сказалъ, покачивая своей неуклюжей головой :

— Какое несчастіе, что я все-таки похожъ на человѣка. Хоть-бы мнѣ быть совсѣмъ животнымъ, вотъ какъ эта коза.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— О, ужъ я знаю зачѣмъ! отвѣчалъ онъ и поспѣшно ушелъ.

Въ другой разъ онъ остановился у дверей комнатки (въ которую никогда не входилъ) въ ту минуту, какъ Эсмеральда пѣла старую испанскую балладу; она не понимала словъ, но мотивъ сохранился въ ея головѣ еще съ ранняго дѣтства. При видѣ сграшнаго лица, голосъ дѣвушки вдругъ прервался. Несчастный звонарь всталъ на колѣни и сложилъ свои безобразныя руки.

— О, умоляю васъ, продолжайте и не гоните меня!

Она не хотѣла огорчить его и снова запѣла дрожащимъ голосомъ. Мало-помалу она вся предалась меланхолическому ритму своей пѣсни, а звонарь все стоялъ на колѣняхъ, съ руками, сложенными какъ на молитву, едва переводя дыханіе и какъ бы по глазамъ ея угадывая смыслъ пѣсни.

Одинъ разъ онъ пришелъ къ ней какъ-то особенно встревоженный.

— Послушайте! началъ онъ съ усиленіемъ: — мнѣ надо сказать вамъ...

Она сдѣлала знакъ, что слушаетъ. Онъ вдохнулъ, приготовился говорить, опять посмотрѣлъ на нее, покачалъ головою и медленно удалился.

Между скульптурныхъ фигуръ на стѣнѣ была одна, которую онъ особенно любилъ и обмѣнивался съ нею дружескими знаками. Однажды Эсмеральда слышала, какъ онъ говорилъ ей :

— О, отчего я также не изъ камня!

Наконецъ однажды поутру Эсмеральда смотрѣла съ крыши на площадь. Квазимодо стоялъ сзади нее. Онъ такъ всегда становился, чтобы избавить ее отъ возможности видѣть его лицо. Вдругъ цыганка вдрогнула, слеза и лучъ радости мгновенно блеснули въ ея

глазахъ ; она встала на колѣни и съ тоскою протянула руки по направлению къ площади съ крикомъ :

— Фебъ, ради-бога на одно только слово! Фебъ, Фебъ!

Голосъ, лицо, жестъ, все ея существо выражало отчаянiе утпающаго, при видѣ счастливаго судна, проходящаго вдалькѣ, въ лучахъ солнца. Квазимодо нагнулся и увидѣлъ, что предметъ этой нѣжной и отчаянной мольбы былъ молодой человекъ, капитанъ, въ блестящемъ костюмѣ, пробѣжавшій по площади и салютовавшій саблей прекрасной дѣвушкѣ, стоявшей на балконѣ. Впрочемъ оперъ не могъ слышать призывавшаго его голоса : онъ былъ слишкомъ далеко.

Но бѣдный глухарь все понималъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди ; онъ отвернулся ; на сердцѣ кипѣли невыплаканныя слезы ; онъ судорожно схватился за голову и въ каждой рукѣ осталось по горсти рыжихъ волосъ.

Цыганка не обращала на него вниманiя. Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, скрежеща зубами : проклятiе ! такъ вотъ какимъ надо быть ! Надо быть только красивымъ снаружи. Между тѣмъ она все еще стояла на колѣнахъ и повторяла раздирающимъ голосомъ : — вотъ онъ сходить съ лошади. Онъ войдетъ въ этотъ домъ. Фебъ ! Онъ меня не слышитъ. Фебъ ! И зачѣмъ этой женщинѣ говорить съ нимъ именно теперь ! Фебъ ! Фебъ ! — Глухарь смотрѣлъ на нее. Онъ понималъ эту пантомину. Глазъ его наполнялся слезами, но ни одна не вытекала. Вдругъ онъ тихонько дернулъ ее за рукавъ. Она оглянулась. Онъ принялъ спокойный видъ и сказалъ :

— Хотите я пойду за нимъ ?

Она радостно вскрикнула.

— О, ступай, ступайте ! Беги скорѣе ! Вотъ этого капитана ! Приведите его сюда ! Я буду любить васъ ! И она обнимала его колѣни.

Онъ грустно покачалъ головою.

— Я приведу его, сказалъ онъ слабымъ голосомъ и бросился на лѣстницу, едва сдерживая рыданiя.

Когда онъ пришелъ на площадь, тамъ уже никого не было, кромѣ красивой лошади, привязанной у воротъ дома Гонделорье ; капитанъ уже вошелъ въ домъ. Квазимодо взглянулъ на церковную крышу : Эсмеральда все еще стояла на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положенiи. Онъ печально кивнулъ ей головою, потомъ прислонился къ воротамъ и рѣшился ждать выхода капитана.

Въ домѣ Гонделорье готовилась свадьба и каждый день бывало много гостей. Гости проходили мимо Квазимодо. Онъ все нетрогался, только изрѣдка заглядывалъ на крышу: цыганка стояла неподвижно. Конюхъ отвязалъ лошадь и ввелъ въ конюшню. Такъ прошолъ цѣлый день. Квазимодо все стоялъ у воротъ. Эсмемальда ждала на крышѣ, а Фебъ безсомнѣнія былъ у ногъ своей невѣсты.

Наконецъ наступила ночь; ночь темная и безлунная. Взглядъ Квазимодо нѣкоторое время могъ различать еще бѣлую форму на крышѣ, но наконецъ все слилось въ одну черную массу.

Квазимодо видѣлъ какъ зажглись огни во всѣхъ окнахъ дома Гонделорье и въ другихъ домахъ площади; видѣлъ какъ они постепенно потасли, и офицеръ все еще не выходилъ. Когда разошлись по домамъ самые запоздалые прохожіе, Квазимодо остался одинъ въ совершеннѣйшемъ мракѣ. Паперть собора тогда еще не освѣщалась.

Окна въ домѣ Гонделорье были освѣщены еще и послѣ полуночи. Квазимодо видѣлъ какъ мелькали сквозь цвѣтныя стекла танцующія тѣни. Еслибъ онъ не былъ глухъ, то могъ бы по мѣрѣ того какъ водворялась тишина въ спящемъ городѣ слышать музыку, смѣхъ и бальный говоръ. Въ первомъ часу гости начали разѣзжаться. Квазимодо видѣлъ ихъ всѣхъ при свѣтѣ факеловъ на подъѣздѣ. Капитана все еще не было. Бѣднякъ началъ впадать въ тоску и машинально сталъ смотрѣть на небо. Большіе, черныя, разорванныя облака висѣли какъ траурный креплъ подъ сводомъ звѣзднаго неба.

Въ одну изъ этихъ минутъ онъ увидѣлъ, что дверь балкона надъ его головой таинственно растворилась; двѣ личности явились на балконѣ: мужчина и женщина. Квазимодо узналъ капитана и красивую женщину, говорившую съ нимъ поутру съ того же самаго мѣста. Площадь была совершенно темна, а тяжелая, малиновая занавѣсь, отдѣлявшая балконъ отъ комнаты, пропускала только слабый свѣтъ. Молодые люди по предположенію Квазимодо вели очень нѣжную, бесѣду, которую онъ не могъ разслышать. Дѣвушка позволила офицеру взять себя за талю и слабо защищалась отъ поцѣлуя.

Квазимодо снизу присутствовалъ при этой сценѣ, тѣмъ болѣе граціозной, что ей не предполагалось зрителей. Онъ съ горечью любовался этимъ счастіемъ, этою красотою. Природа все-таки брала свое, несмотря на безобразіе бѣдняка. Онъ думалъ о той грустной

долгъ, которую назначило ему провидѣніе, о томъ, что женщина, любовь, наслажденіе, цѣлую жизнь будутъ только проходить предъ его глазами и что онъ осужденъ быть вѣчнымъ зрителемъ счастья другихъ. Но всего тяжелѣе при этомъ зрѣлищѣ была для него мысль какъ бы страдала Эмеральда, еслибъ могла видѣть это. Правда, что очень было темно и что Эмеральда была далеко и что онъ самъ едва могъ въ темнотѣ различать группу влюбленныхъ. Это его утѣшало.

Между тѣмъ ихъ бесѣда становилась все оживленнѣе. Дѣвушка казалось умоляла офицера не требовать отъ нее ничего болѣе. Квазимодо могъ различить только ея сложенные руки, улыбку смѣшанную съ слезами, глаза устремленные къ звѣздамъ и страстный взглядъ капитана, опущенный прямо на дѣвушку. Въ ту минуту какъ дѣвушка начала обороняться слабѣе, дверь балкона растворилась и на порогѣ явилась старуха. Красавица сконфузилась, офицеръ принялъ недовольный видъ и всѣ трое возвратились въ комнату. Минуту спустя къ крыльцу подвели лошадь и капитанъ провесся мимо Квазимодо. Звонарь далъ ему повернуть за уголъ, потомъ бросился вслѣдъ за нимъ, съ проворствомъ обезьяны, крича :

— Ей капитанъ, остановитесь !

Капитанъ остановился.

— Что тебѣ нужно чучело? спросилъ онъ, разсмотрѣвъ приближавшуюся къ нему фигуру.

Квазимодо смѣло взялъ подъузды его лошадь.

— Поѣдьте со мной капитанъ; съ вами хотятъ говорить.

— Чортъ побери, я гдѣ-то видѣлъ эту хохлатую птицу. Слушай ты, оставь мою лошадь.

— Капитанъ, вы вѣроятно спрашиваете, кто хочетъ говорить съ вами.

— Я говорю тебѣ, чтобы ты оставилъ мою лошадь, закричалъ раздосадованный Фебъ. Что ты повѣсилъ такъ на уздѣ, ужъ не принимаешь ли ее за висѣлицу?

Квазимодо собирался напротивъ повернуть лошадь. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ сопротивленіе капитана, онъ поспѣшно сказалъ ему :

— Ыдемъ-те капитанъ, васъ ожидаетъ женщина, и съ усиліемъ прибавилъ : — женщина эта васъ любитъ.

— Вотъ уморительное чучело! думаетъ, что я обязанъ ѣздить ко всѣмъ женщинамъ, которыя меня любятъ или говорятъ мнѣ это. А

ну какъ она на тебя похожа? Скажи той, которая тебя прислала, что я женюсь и посылаю ее къ черту.

— Послушайте, закричалъ Квазимодо, думая однимъ словомъ возбудить всю его рѣшимость: — васъ ждетъ та цыганка, помните?

Это слово произвело на Феба сильное впечатлѣнiе, но не то, котораго ожидалъ глухарь. Читатели помнятъ, что капитанъ ушелъ съ балкона нѣсколькими минутами прежде, чѣмъ совершилось спасенiе цыганки. Съ тѣхъ поръ онъ тщательно избѣгалъ разговоръ объ этой женщинѣ, воспоминанiе о которой было ему все-таки тяжело; съ своей стороны мадмоазель Гонделорье сочла не политичнымъ рассказать ему о чудесномъ спасенiи. Итакъ Фебъ думалъ, что бѣдной Симиларъ ужь давно нѣтъ на свѣтѣ. Прибавимъ, что въ эти минуты капитанъ началъ подумывать о темнотѣ ночи, необыкновенномъ безобразiи своего собесѣдника, о его гробовомъ голосѣ, о томъ, что время уже полночь и что въ такую же темную ночь подходилъ къ нему страшный монахъ. Ктому же и лошадь фыркала глядя на Квазимодо.

— Цыганка! вскричалъ онъ, почти испугавшись. Да ты посланный съ того свѣта, что ли? И онъ схватился за рукоять сабли.

— Скорѣй, скорѣй, повторялъ горбунъ, стараясь повернуть лошадь.

Фебъ ударилъ его въ грудь. Глазъ Квазимодо заблестѣлъ. Онъ сдѣлалъ было движенiе, чтобъ броситься на капитана, но остановился и сказалъ:

— О какъ вы счастливы, что васъ любятъ! — Ступайте, сказалъ онъ, отпустивъ узду.

Фебъ съ ругательствомъ задалъ лошади шпоры. Квазимодо видѣлъ какъ онъ исчезъ въ туманѣ.

— О, повторялъ бѣднякъ: — отказаться отъ этого!

Онъ воротился въ соборъ, зажогъ свою лампу и отправился въ баню. Цыганка все еще была на прежнемъ мѣстѣ. Завидѣвъ его издали; она бросилась ему навстрѣчу.

— Одинъ, вскрикнула она, судорожно сжимая руки.

— Я не могъ найти его, холодно отвѣчалъ Квазимодо.

— Нужно было ждать цѣлую ночь, запальчиво возразила она.

Онъ видѣлъ ея гнѣвный жестъ и понялъ упрекъ.

— Въ другой разъ я лучше устерегу его, отвѣчалъ онъ, опустя голову.

— Ступай прочь, сказала она.

Онъ ушелъ. Она была имъ недовольна, но онъ лучше рѣшился перенести ея гнѣвъ, чѣмъ огорчить ее. Съ этого дня цыганка не видѣла его болѣе. Онъ пересталъ приходить въ ея комнатку. Изрѣдка голова его виднѣлась на вершинѣ башни, но тотчасъ же исчезала при ея приближеніи.

Надо сказать, что ее мало огорчало это добровольное отсутствіе горбуна. Въ глубинѣ души она была ему благодарна за это. Впрочемъ Квазимодо все это хорошо зналъ. Она невидѣла его, но чувствовала, что за ней наблюдаетъ какой-то добрый геній. Съѣстные припасы появлялись во время ея сна; однажды утромъ на окнѣ ея очутилась клетка съ птичками. Надъ окномъ ея комнаты была одна скульптурная фигура, которая ее пугала. Она выразила свой страхъ въ присутствіи Квазимодо и въ одно утро (всѣ эти вещи происходили во время ея сна) фигура исчезла. Тотъ кто разбилъ ее долженъ былъ рисковать жизнью.

Иногда вечеромъ ей слышался голосъ какъ-будто баюкавшій ее странною пѣсню. Пѣсня была безъ рифмы:

«Не смотри на лицо, дѣвушка, смотри больше на сердце. Сердце красиваго мужчины часто бываетъ безобразно. Есть сердца, въ которыхъ любовь живетъ не долго. Дѣвушка! Ель некрасива, не такъ красива какъ тополь, но листья ея не падаютъ и зимою. Увы, кчему говорить это! безобразному ненужно бы и родиться. Красота любить красоту. Апрель отворачивается отъ января. Красота совершенна, красота все можетъ. Одна красота живетъ не вполовину. Воронъ летаетъ только-днемъ, сова летаетъ только ночью, а лебедь летаетъ и днемъ и ночью.»

Проснувшись однажды, она увидѣла на окнѣ двѣ вазы съ цвѣтами. Одна была изъ прекраснаго хрустала, но съ трещиной; вода изъ нея вытекла и цвѣты завяли. Другая была глиняная и грубой работы, но сохранила всю воду и цвѣты въ ней были свѣжи.

Незнаю съ намѣреніемъ ли, только Эсмеральда вынула завявшій букетъ и цѣлый день носила его на груди. Въ этотъ день пѣсни не было слышно, но ей это было все-равно. Она проводила всѣ дни лаская Джали, смотря на домъ Гонделорье, внутренно бесѣдуя съ Фебомъ и кормя ласточекъ. О Квазимодо не было и слуха. Бѣдный звонарь какъ-будто исчезъ изъ церкви. Только однажды ночью, когда ей неспалось, она услышала дыханіе у своей двери. Она встала и увидѣла у порога безобразную массу. Это былъ Квазимодо, охраняющій ея жилище.

V

КЛЮЧЪ ОТЪ КРАСНОЙ ДВЕРИ

Между тѣмъ до ушей архидіакона дошли толки о чудесномъ спасеніи цыганки. Когда онъ узналъ это, съ нимъ случилось что-то странное. Онъ было уже свыкъся съ мыслью, что Эсмеральда умерла и былъ спокоенъ какъ человѣкъ достигшій крайней глубины несчастья. Человѣческое сердце способно содержать въ себѣ только извѣстное количество отчаянія (Клодъ часто разсуждалъ объ этомъ предметѣ). Когда губка совершенно уже напиталась, цѣлое море можетъ пройти надъ нею, неприбавивъ ей лишней капли.

Со смертью Эсмеральды губка наполнилась — все было сказано для Клода. Но знать что она жива и Фебъ также — это значило разбудить всѣ заснувшія муки и желанія. Клодъ усталъ отъ всего этого. Услышавъ новость, онъ заперся въ своей кельѣ, не являлся къ службѣ и недопускалъ къ себѣ никого, даже епископа. Такъ провель онъ нѣсколько недѣль. Всѣ думали, что онъ боленъ и это была правда.

Что дѣлалъ онъ? Какія мысли терзали его? Была ли то послѣдняя борьба страсти? Обдумывалъ ли онъ новый планъ къ своей и ея гибели.

Жанъ, его любимый братъ, его базованое дитя, неразъ подходилъ къ двери, просилъ, умолялъ, плакалъ, бранился, но Клодъ не открывалъ. Цѣлые дни проводилъ онъ облокотясь на окно. Изъ этого окна видна была келейка Эсмеральды; иногда онъ видѣлъ и ее самое съ возой или съ Квазимодо. Онъ замѣчалъ угодливость горбуна и его повиновеніе и деликатность въ отношеніи цыганки. Онъ вспоминалъ (память есть главный мучитель ревнивцевъ) тотъ странный взглядъ, который Квазимодо устремилъ на танцовщицу въ одинъ вальтный вечеръ. Онъ спрашивалъ себя что заставило Квазимодо спасти ее. Онъ былъ свидѣтелемъ тысячи маленькихъ сценъ между цыганкой и звонаремъ, жесты котораго, видѣнные издалека и объясняемые ревностью, казались ему очень нѣжными. Ему пришли на умъ странности женскаго характера и въ душѣ его шевельнулась ревность; заставлявшая его краснѣть отъ стыда и негодованія. Добро бы капитанъ, — а этотъ уродъ...

Ночи его были ужасны. Съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что Эсмеральда жива, мысль о могилѣ и привидѣніи покинула его и дала мѣсто терзаніямъ плоти. Онъ катался по своей постели, сознавая близость молодой дѣвушки. Каждую ночь воображеніе рисовало ему Эсмеральду во всѣхъ положеніяхъ, отъ которыхъ наиболѣе кипѣла его кровь. Онъ видѣлъ ее въ объятіяхъ капитана съ закрытыми глазами, съ грудью облитой кровью Феба, въ ту минуту какъ самъ онъ напечатлѣлъ на ея холодныя губы тотъ поцѣлуй, огонь котораго она смутно почувствовала да́же въ обморокъ. Онъ видѣлъ ее обнажаемую грубыми руками палачей въ ту минуту, когда вкладывали въ деревянную колодку съ желѣзными гвоздями ея маленькую ножку. Онъ видѣлъ какъ ея бѣлое колено одно осталось внѣ страшнаго аппарата мученій. Наконецъ представлялась ему бѣдная дѣвушка въ сорочкѣ съ веревкой на шеѣ, съ обнаженными плечами и ногами, такъ какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Эти сладострастные образы заставляли его содрогаться.

Въ одну ночь его дѣвственная кровь такъ закипѣла, что онъ искусалъ свою подушку, вскочилъ съ постели, накинулъ мантию и вышелъ изъ кельи. Онъ зналъ гдѣ найти ключъ отъ красной двери, ведущей изъ монастыря въ церковь, а ключъ отъ дѣстницы, ведущей на башню, всегда былъ при немъ, какъ извѣстно читателю.

VI

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Въ эту ночь Эсмеральда заснула съ сладкими надеждами. Ей по обыкновенію ужъ снился Фебъ, какъ вдругъ ее разбудилъ легкій шумъ. Сонъ у ней былъ чуткій какъ у птицы. Она открыла глаза. Ночь темная, однако можно было рассмотреть фигуру, стоящую у окна комнаты. Въ ту минуту какъ Эсмеральда проснулась, фигура задула лампу, но холодный трепетъ ужъ пробѣжалъ по жиламъ Эсмеральды.

— О, вскрикнула она: — опять онъ!

Все прошлое горе мгновенно ожило въ ея памяти. Она почти безъ чувствъ упала на постель. Минуту спустя она почувствовала прикосновеніе, заставившее ее вскочить. Клодь прокрался къ ней и обнималъ ее. Она хотѣла закричать, но не могла.

— ~~Убей~~ чудовище! уйди убійца! шептала она.

— Сжался! сжался! твердилъ архиіакопъ, покрывая поцѣлуи ея плечи.

Она схватила его обими руками за оставшіеся волосы и старалась избѣжать его поцѣлуевъ.

— Сжался! повторилъ несчастный; еслибъ ты могла знать, что такое моя любовь къ тебѣ! Это огонь, это растопленное олово, удары тысячи ножей въ сердце.

И онъ съ невѣроятной силой сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Пусти меня, или я тебѣ плюну въ лицо!

Онъ разжалъ руки.

— Унижай меня! бей меня! дѣлай что хочешь, только будь мостъ.

Тогда она начала бить его какъ озлобленное дитя.

— Уйди отъ меня сатана.

— Будь моею изъ жалости, кричалъ бѣдный Клодъ, отвѣчая поцѣлуями на ея удары.

Вдругъ она почувствовала что онъ пересилилъ.

— Нужно кончить! сказалъ онъ, стиснувъ зубы.

Она была въ его власти, чувствовала на себѣ его руки и сдѣлавъ послѣднее усиліе, начала звать на помощь.

Отвѣта не было. Одна Джаги проснулась и жалобно блеяла.

— Молчи, шепталъ священникъ.

Вдругъ отбиваясь отъ него, цыганка ощутила подъ рукою что-то холодное и металлическое. Это былъ свистокъ Квазимодо. Она конвульсивно схватилась за него, поднесла къ губамъ и свиснула насколько было силы.

— Что это? спросилъ священникъ.

Почти въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что его хватаютъ ~~сильныя~~ руки. Въ комнатѣ было темно. Онъ не могъ различить кто держалъ его, но слышалъ яростный скрежетъ зубовъ и увидѣлъ ~~какъ~~ блеснуло надъ его головой лезвіе ножа. Клоду показалось, что онъ упадетъ фигуру Квазимодо. Онъ припомнилъ, что при входѣ въ ~~комнату~~ минуту, онъ наткнулся на что-то лежащее у порога, но такъ какъ ~~предшій~~ не говорилъ ни слова, то Клодъ не зналъ что дѣлать; ~~схвативъ~~ его за руку и крикнувъ: Квазимодо! забывая, что звонка не услышитъ. Въ одно мгновеніе Клодъ лежалъ на полу и чувствовалъ на груди своей тяжесть безобразнаго колѣна Горбуна. Слосовія не было. Ночь дѣлала глухого слѣпымъ, а Эсмеральда какъ

разъяренная тигрица не хотѣла прекратить его муки. Ножъ занесенъ былъ надъ его головою. Минута была критическая. Вдругъ побѣдитель началъ колебаться.

— Нѣтъ, нельзя осквернить кровью ея жилище, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Голосъ былъ Квазимодо.

Тогда горбунъ повлекъ свою жертву изъ комнаты за ногу; смертный часъ наступалъ. Къ счастью въ это время вошла луна и ея блѣдный лучъ упалъ на лицо Клода. Квазимодо вздрогнулъ, сдвинулъ шагъ впередъ и отступилъ. Цыганка, подошедшая къ двери, съ удивленіемъ увидѣла, что роли перемѣнились. Теперь Клодъ Фролло угрожалъ, а Квазимодо умолялъ. Клодъ Фролло выразилъ жестами свой гнѣвъ и приказалъ ему удалиться.

Звонарь опустилъ голову, но вдругъ воротился и сталъ на колѣни передъ дверью Эсмеральды.

— Монсенъеръ, сказалъ онъ покорно: — дѣлайте что вамъ угодно, только прежде убейте меня.

Говоря такимъ образомъ, онъ подавалъ ножъ Клоду Фролло.

Клодъ внѣ себя бросился на оружіе, но Эсмеральда успѣла вырвать его изъ рукъ Квазимодо и злобно захохотала.

— Подойди теперь! закричала она.

Рука была занесена. Клодъ Фролло колебался. Нѣтъ сомнѣнія, что она способна его убить.

— А, ты не смѣешь подойти теперь, трусъ, кричала она и прибавила медленно, зная что каждое слово ножомъ вонзится въ его сердце: — А я знаю, что Фебъ не умеръ!

Клодъ Фролло оттолкнулъ Квазимодо ногою и бросился на лѣстницу. Когда онъ вышелъ, Квазимодо поднялъ свистокъ, спасшій цыганку.

— А онъ начиналъ ужъ ржавѣть, грустно сказалъ онъ, подавая его и вышелъ.

Измученная дѣвушка упала на постель и зарыдала. Снова собирались надъ нею тучи. Въ свою очередь архидіаконъ ощупью добрался до своей кельи. Рѣшено. Клодъ ревновалъ къ Квазимодо! Онъ медленно повторилъ свое роковое слово: никто не будетъ отдавать ея!

СТРАННИЦА

Вечеръ. Темно. Вьюга шумитъ, надрывается.

Душно и чадно въ избѣ. Еле мерцаетъ лучина, вспыхивая неровнымъ, замирающимъ блескомъ. По закоптѣлымъ стѣнамъ развѣшаны лохмотья, поставцы съ посудой, хомуты и возжи, и стадами гуляютъ между ними черные тараканы, которыхъ любятъ наши простолюдины, какъ вѣрныхъ предвѣстниковъ счастья; всюду сквозитъ нищета и убожество, — неприглядное убожество великорусскаго мужика. На столѣ берестовая солонка, пустая миска, кружка съ отбитымъ краемъ, да обглоданныя корки черного хлѣба. Пахнетъ рѣлкой, чеснокомъ и кислой капустой. На палатяхъ видны двѣ косматыя головы — носомъ къ носу и слышно ихъ сиплое храпѣнье. На печкѣ громко охаетъ бабушка Марѳа Терентьевна: третій день ее сердешную треплетъ лихорадка, — зубъ на зубъ не сходится — не знаетъ что и дѣлать. А въ углу гдѣ-то бойкій мышонокъ беззаботно грызетъ и перекидываетъ старый сухарь, завалавшійся подъ лавкой... Съ порывистымъ визгомъ приударила вьюга въ вѣткн окна и забросала ихъ, будто дробью, крупными каплями полузамерзшаго дождя; холодокъ прошолъ по избѣ; ярко вспыхнула лучина и отблеснула въ фольговой ризѣ иконы...

Подъ иконою на лавкѣ сидитъ молодница—Акулина; на рукахъ ея дремлетъ ребенокъ. Ей самой было вздремнулось маленько, но этотъ порывъ вьюги разбудилъ Акулину и принялась она торопливо качать свое дитя. Ребенокъ закашлялъ, судорожно заболталъ ручонками и застоналъ. Мать переложила его на другую руку и снова качаетъ.

— Спи, голубокъ мой, приговариваетъ она: — вишь ты время трудное какое; мать-то сама съ тобой стосковалась.

Но не спитъ дитя.

— Отъ, Господи! прости ты согрѣшенія наши!.. Смерть моя приходитъ, слышится съ печки.

— Что, бабушка, не легчаетъ?

— Нѣтъ, родная, не легчаетъ; не слобровать мнѣ видно! Охо-хо! Застонала бабушка пуще прежняго.

— Что жъ тутъ подѣлаешь!

— Ничего не подѣлаешь; терпѣть надо. Кабы не время такое, была бы здорова. Вотъ и о святкахъ тоже, помнишь, забрала меня какая трясучка; не знала куда дѣваться, — такъ и претъ душа вонъ, да, спасибо, — мать Арина выручила изъ бѣды.

— Лѣкарствіе что ли какое дала?

— Нѣтъ, она дала мнѣ бутылочку съ масломъ отъ чудотворной иконы да и говоритъ: вытрись молю этимъ масломъ да выпей ложечку, — все какъ рукой сниметъ. Я такъ и сдѣлала. Съ первой ложки-то не помогло, такъ я другую хватила, — ну сватыня, извѣстиво, и взяла свое, — легче стало. А теперь время не такое, дитятко; съ первой же недѣли да за масло... Не допусти Господи!

— Масла нельзя.

— Терпѣть буду, а грѣха на душу не возьму.

— А квась съ солью пила?

— Пила, да не беретъ.

Замолчали бабы. Опять послышалось сиплое храпѣнье съ палатей и докучная возня мышонка. Въ чѣмъ-то брюхѣ громко прервочало... Опять рванулась буря; вспыхнула лучина. Ребенокъ сталъ метаться и плакать. Мать нажевала чернаго хлѣба и сунула ему въ ротъ, но тотъ отказался отъ этого лакомства и закричалъ. Одинъ изъ спавшихъ на палатяхъ потянулся и пробормоталъ что-то подъ носъ. Акулина подняла дѣтище, схватила его на руки и начала ходить по избѣ съ горькими причитаньями.

— Полно тебѣ ныть-то! душу всю изныла, заголосилъ съ палатей Кузьма, мужъ Акулины.

— У меня самой сердце-то надрывается, слеза прошибаетъ; отвѣтала отрывисто молодлица. Ну что я тутъ подѣлаю?

— Тебѣ сказано, что ребенокъ истъ хочетъ, ты и не разсуждай.

— Чегожь я ему дамъ-то? Ему, вишь, молока надо, а теперь вѣшто вѣдать молоко?

— А ты не блажи! Тебѣ толкомъ говорятъ, что велѣно дать, ты и давай; тутъ грѣха вѣту.

— Кто велѣлъ-то? спросила старуха.

— Я въ городѣ лекаря спрашивалъ, такъ онъ и велѣлъ; бантъ, что дитѣ разума не имѣетъ, такъ съ него и спрашивать нечего, и Богъ проститъ ему это дѣло за его глупость.

— Дать вѣшто? робко спросила Акулина.

— Я те дамъ, ты поговори у меня, огрызлась старуха; — шы

воѣ глушы, такъ значить и грѣшить намъ можно? Ишь вѣдь ляпнулъ что!.. Нѣтъ ты больше молись коли глупъ; а твоя глупость нашъ не указъ. Эхъ ты Кузьма, Кузьма! Обидѣлъ тебя Богъ умоумъ-то... Старуха не договорила, закашлялась.

— Миѣ-то што, миѣ все одно, — я только къ слову, значить, заговорилъ Кузьма: — сказываю, что лекаръ велѣлъ накормить, не то говорить помреть. Тебѣ же небось самой не весело будетъ, какъ помреть Сенюшка.

— На то есть воля божія... А я те скажу, что лекаръ — не попъ. Лекаръ велѣлъ, да Богъ не велѣлъ, а нѣшто онъ хуже твоего лекаря дѣла-те понимаетъ?

— Э, ну васъ! съ сердцемъ проговорилъ Кузьма: — одно слово: бабье. И онъ сердито повернулся на другой бокъ, силясь уснуть.

Изъ всѣхъ этихъ словъ одно особенно затронуло чуткое сердце матери и заставило ее съ ужасомъ взглянуть на свое дитя. «Помреть... умереть можетъ Сенюшка», прошептала она, и возможность этой смерти смутила ее окончательно. Теперь только она заиѣтила, что Сенюшка сильно исхудалъ за эти дни, краска пропала съ лица, глазенки мутные стали. Прежде такой горластый былъ: все кричалъ благимъ матомъ, и не уймешь бывало; а теперь в крикъ куда дѣвался, только охаетъ да стонетъ; и жаль ей стало свое дѣтище... «Нѣтъ, подумала она: — не бывать тому: на свою душу грѣхъ возьму, а спасу Сенюшку», и отерла рукавомъ навернувшіеся слезы. Сердце матери боролось теперь съ суевѣріемъ, а дитя мечется тоскливо, нѣтъ-нѣтъ да и застонетъ такъ болѣзненно, жалко. «Умираетъ», шепнула Акулина и страхъ началъ охватывать ее; слезы такъ и подступаютъ къ горлу.

— Бабушка! закричала она слезливо.

— Чего тебѣ? спрашиваетъ бабушка.

— Помираетъ Сенюшка, заголосила на взрылъ Акулина: — помираетъ соколикъ мой, желанный мой, только мѣсяць и пожилъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Да ты дай ему хлѣба опять, може возьметъ.

— Не беретъ онъ хлѣба, не беретъ сердечный...

— А ты повробуй, сдѣлай жевокъ-то! Дай сюды хлѣба, я пошум...

— Нѣтъ, ужь пусть лучше сгибну, въ-пекло пойду, а молока мнѣ надо... Жить не хочу, коли помреть Сенюшка...

— Слышь, Акулина, не теряй вѣры. Эти слова припоминаются тебѣ на томъ свѣтѣ.

... — Да что ты бабка толкуешь-то? вмѣшался опять Кузьма: —

только понапрасну смущаешь бабу. Сказано, что грѣха тутъ нѣту, вотъ и все. Корми его, Акулина!

— А вы напередъ скороните меня, да потомъ и грѣшите какъ знаете; а пока жива, я бѣсамъ служить у себя въ домѣ не позволю. Вотъ мое послѣднее слово.

Кузьму наконецъ взорвало.

— Чтобъ васъ горой раздуло! въ сердцахъ прошипѣлъ онъ, и прыгнувъ съ полатей, сталъ проворно напалывать тудупъ.

— Куда-жь ты? спросила озадаченная старуха.

— Пойду къ попу.

— Зачѣмъ!

— Приведу его сюда, пусть онъ пообуздаетъ васъ какъ самъ вѣдаетъ, а я ужь молчать буду. Васъ добрымъ-то словомъ не проймешь.

— Ну коли попъ благословитъ, на его душѣ и грѣхъ будетъ...

Онъ пошолъ было, но въ дверяхъ остановился и спросилъ:

— А что, баушка, съѣла ты лекарствіе, что я-те изъ города привезъ?

— Нѣтъ, родной.

— Что-жь такъ? сказывали — поможетъ.

— Меня все сумленье беретъ: съ виду оно что-то больно бѣло, будто молоко. Вѣдь Христось ихъ вѣдаеть, може и скоромъ какал.

— Да надожъ лечиться, — лекаръ велѣлъ.

— А ты что лекаремъ глаза-то мнѣ тычешь? Сама знаю, что дѣлаю.

— Ну впередъ и не жалься на меня. Мое дѣло сдѣлано!

И онъ со злости такъ хлопнулъ дверь, что стекла задрезбужали.

Лучина погасла. Старуха мѣрно заохала, пришептывая въ перемежкахъ разныя душеспасительныя вещи. Съ полатей послышался длинный, тоскливый зѣвокъ и вздохъ чловѣка, которому крѣпко хочется спать, да не дають. А Акулина сидитъ на скамейкѣ и все прислушивается къ лыханью дитяти. Ознобъ пронимаетъ ее. Что если повретъ онъ недождавшисъ пона, думаетъ она: — что будетъ тогда со мною. Вѣдь одинъ сынъ только и есть... другой можетъ и будетъ потомъ, да все не Сенюшка будетъ.» Она осторожно положила его на полъ, оглядѣлась, чутко прислушалась и начала съ жаромъ молиться. Долго и крѣпко молилась она, слезы текли сами собою... Потомъ съ тайною рѣшимостью взяла она ребенка на руки, а у самой ноги трасутся отъ страха, звонъ идетъ въ ухахъ. За-

тивъ дыханіе, она оглядѣлась снова, потомъ дрожащими руками отстегнула воротъ рубахи и прижала Сенюшку къ обнаженной груди... Молоко коснулось губъ дитяти и судорожно, съ радостнымъ воркованьемъ, схватило оно запрещенную пищу... Еще бы минутка и спасенъ Сенюшка, но какъ нарочно теперь кто-то стукнулъ въ окно. Акулина вздрогнула и оторвала дитя отъ груди. Сенюшка закричалъ уже громче прежняго. Стукъ повторился.

— Кто тамъ? крикнула старуха съ печки.

— Христа ради, впустите божію странницу; дайте обогрѣться минуточку! послышалось за дверью.

— Войди, родная! Акулина,пусти странницу.

Акулина зажгла лучину и отперла двери. Въ избу вошла женщина лѣтъ тридцати-пяти, довольно плотная, рябая, съ маслянистымъ лицомъ: точно кто вымазалъ ее деревяннымъ масломъ; близъ подбородка торчалъ у ней, что называется, *оазисъ*, то-есть родное пятнышко съ длиннымъ пучкомъ жесткихъ волосъ; подъ лѣвымъ глазомъ красовалась какая-то висючка, на манеръ горошины; съ носа перхла и слезала кожа, — отъ вѣтра ли, или отъ другихъ востороннихъ причинъ — не видно. На ней былъ дубленый полушубокъ съ сукоными заплатами; голова обмотана грязнымъ тряпьемъ чернаго цвѣта; сзади объемистая котомка, привязанная ремнями къ плечамъ; въ рукахъ были ордена странничества: суковатый посохъ и длинныя четки. Съ оханьемъ и вздохами вошла она къ хатѣ, перво-наперво помолилась иконѣ, затѣмъ перекрестила вокругъ всѣ углы, и окинувши зоркимъ взглядомъ публику, низко поклонилась ей.

— А вы спите? спросила она басомъ.

— Нѣтъ еще, голубка.

— Такъ я посижу маленько.

— Садись, родная, обогрѣйся. А ты что такъ поздно?

— Наше дѣло извѣстное: все на подвигѣ, отвѣчала странница устываясь. Спать теперь грѣхъ: дни великіе настали — бодрствовать надо. Я о рождествѣ разъ заходила къ вамъ, да и думаю теперь: дайко зайду опять, авось не выгонять, вотъ и зашла. Будьте здоровы!

— Спасибо, человекъ божій. Такъ ты уже не въ первой къ намъ?

— Была разъ; тебѣ еще, помню, добрымъ совѣтомъ помогла.

Старуха приподнялась и осмотрѣла говорившую.

— Да это ты никакъ мать Арина?

— Я, кормилица, я.

Кн. XI. — Отд. I.

— Вотъ къ случаю-то поспѣла, мать моя, тебя намъ и надо. Да ты далеко ли пробираться?

— Да вотъ пробираться помаленьку къ кievскимъ угодникамъ разговляться. Оттуда пройду къ Духу на скитъ; къ Михаилу-архангелу по пути заверну, — спровѣдать надо знакомыхъ мустыяничковъ; и такъ до Одеста. Тамъ соберутся наши странники и поплывемъ мы въ землю бусурманскую на гробъ христовъ.

— Такъ ты нынче, мать, великое дѣло задумала.

— Да, родная, собралась наконецъ. Вотъ ужъ я двѣнадцать годковъ странствую по угодникамъ нашимъ, и въ Кіевѣ была, и Соловки видѣла, а Троицу-Сергію какъ свои пять пальцевъ знаю: своими глазами видѣла тамъ чудеса господни; а все-то тавуло меня къ великой святынѣ на Голгофу божію. Думаю: всѣ-то наши тамъ были, а я только не была, надо идти замаливать за себя и за благодѣтелей своихъ. Эдакимъ-то манеромъ я однажды было совѣмъ собралась, да заболѣла, — а наши ждать не стали меня, такъ и уѣхали. Въ другой разъ собралась, да денегъ не хватило на дорогу, только до Одеста и доѣхала. Ну, думаю не видать мнѣ видно святыни какъ ушей своихъ, и такое это горюшко забрало меня, сама не своя была. Нынче Господь помогъ мнѣ устроить это дѣло. Я всю прошлую зиму прожила у Варухиной, слышала?

— Нѣтъ не слыхала, голубка.

— Богатая такая, два дома имѣеть... Такъ я у ней тамъ разныя книжки читала и толковала ей потомъ все это. Она самая и дала мнѣ на дорогу малую толику ради спасенья душевнаго. Вотъ святая-то душа выдетъ изъ нея; немного нынче такихъ.

— Барыня она чтоль какая?

— Гдѣ ужъ барыня такой быть, она изъ простова купецкаго роду. Самъ-то горькую пьетъ, а страхъ божій имѣеть. Одинъ сынъ у нихъ въ баре вышелъ, а другой такъ, простой членъ, тоже значить торгуеть. Гдѣ барамъ! Нынче все моды да нехристи: поповъ не боятся, а на нашу сестру и плевать нехотятъ.

— Правда, мать моя, правда! Одного только нынѣ желается, — умереть бы хоть съ миромъ.

— Какъ только Богъ грѣхамъ терпитъ.

Замолчали бабы, понутивъ головы, и думали свои мрачныя думы.

— Чтожь, родненькіе, можно у васъ переночевать? спросила странница безцеремонно развязывая ремни котомки.

— Ночуй, матушка, Христовъ съ тобою, отвѣчала старуха еле-зая съ печки: — мы не такіе отступники, чтобы странную женщину стали выгонять. Снимай котомку-то, да и ложись съ Богомъ;

ибо на лавкахъ не занимать—стать. Вотъ и я къ тебѣ подсаду, — потолкуемъ. И крехтя да охая побрела она къ скамейкѣ.

— Слышала я, матушка, что тебя опять посетила ручка господня: захворала? спросила странница.

— Ужь такъ захворала, что и не встать кажись; время-то такое, сама знаешь... Вотъ, какъ ты пришла, маленько легче стало.

— А масло дала?

— Что ты, мать, аль уродствуешь? на первой недѣлѣ да масло.

— Тѣбу окояны... Святъ, святъ, святъ... Странница оторонѣла и схватила за четки. Господи, мать Богородица! ишь вѣдь лукавый тѣбу, какую напустилъ... Простите меня окоявную; совсѣмъ заблудилась.

— Богъ тебя простить. Не нашего ума это дѣло. То-то я слушаю, что говоришь ты неладно; а это лукавый съ тобой замгряветъ. Чуть кто посвятѣй, онъ — какъ тутъ.

— Тенерь и отмаливайся какъ знаешь. Надо будетъ сотенки двѣ лишнихъ поклоновъ положить у гроба господня, если допустить его святая воля.

— Ойва идешь, Аринушка?

— Нѣтъ не одна. Со мной идетъ еще одна странница, да съ чудомъ отецъ Прокопій, что въ огнѣ-то не горитъ; — онъ ужь два раза былъ въ святой землѣ, такъ и намъ указывать будетъ. Да вотъ еще Терентій Кузьминъ пожелалъ съ нами идтить; знаете Лысыну?

— Какъ, съ нашего села?

— Неужто Тереха Лысый идетъ? закричалъ Андрей, неожиданно выскочившись съ палатей.

— Онъ самый.

— Да вѣдь онъ съ бабой, и дѣтокъ пятеро есть.

— Все бросаетъ, голубчики; тамъ теперь такой содомъ, что Боже упаси; жена и дѣтки ревя ревутъ, а онъ дерется; коли такъ, говорить, то совсѣмъ сбѣгу, только вы меня и видѣли.

— А вѣдь такой тихій былъ; подижь ты.

— Идетъ, торжественно повторила Арина.

— Да ктожь его это надоумилъ?

— Я да отецъ Прокопій тамъ ночевали, ну и говоръ былъ, съ вечера значитъ, о святой—то землѣ. Отецъ Прокопій рассказывалъ самыя чудеса тамъ видѣлъ; говорилъ, что самъ апостоль Петръ тамъ грѣшникамъ грамотку такую раздастъ, по которой всѣ грѣхи прощаются; это пуше и сманило Терентія; пойду, говорить, безпримѣнно. Жена завывала, а онъ ей въ зубы, — значитъ не сурьмялся.

— Сомнѣсть нечиста у него, потому и идетъ, замѣтилъ опять Андрей.

— У кого-жъ она чиста-то, родные?

— Да я не протю. Я говорю: онъ за сына отмаливаться хочетъ. Сынъ у него о прошлой веснѣ деньги украдъ, а онъ поймалъ да и забилъ его до смерти. Хоша это дѣло и скоронили начисто, однако мнръ толковалъ, что оно ему даромъ не пройдетъ, что молонья за это убьетъ его безиремѣнно. А онъ струслилъ, вотъ и идетъ каяться.

— Нѣтъ, родной, тутъ дѣйствуетъ одна благодать божеская и указываетъ путь ко спасенію. Вотъ, къ примѣру, въ Грачихѣ былъ случай: сманили мы одного парня на подвигъ; ужъ такой былъ смиренный да работающій, воды незамутитъ, а тоже ушолъ, да еще деньги у отца тайкомъ унесъ, чтобъ на разные добрыя дѣла жертвовать.

— А ты не толкуй, Андрей, чего не смѣкаешь, заворчала бабка: — ишь наплелъ какое дѣло.

— Да я такъ только, баушка, къ слову пришлось. Кто-жъ е знаетъ, може и самъ-дѣлѣ благодать.

— Благодать, родной, владычицы осѣненіе, свыше облакъ святыхъ... на ангелахъ висо...высокихъ... Странница заговорила что-то черезчуръ высокое и закашлялась.

Смокли. Андрей, почесывая за поясомъ, слѣзъ съ палатей и подошолъ къ столу. Онъ заглянулъ было въ миску, но не найдя въ ней ничего, принялся уплетать оставшіяся корки хлѣба. Бабы посмотрѣли на него недоброжелательнымъ взглядомъ; странница при этомъ даже очень назидательно вздохнула, но Андрей мало обратилъ вниманія на это и пригорѣлыя корки захрустѣли на его здоровыхъ зубахъ.

— Алъ опять проголодался? спросила старуха, которую наконецъ злость взяла.

— Я-то?

— Ты-то.

— А ты напередъ спроси, что я ѣлъ сегодня?

— Видѣла что, не слѣпая.

— Окромя рѣльки да квасу, маковой росняки во рту небыло. А я вѣдь не Кузьма, — тотъ почитай однимъ воздухомъ питается.

— Знаемъ мы этотъ воздухъ. А впрочемъ жри коли охота пришла, я молчу. Бабка вздохнула.

— Богъ не безъ милости, заговорила странница.

— Вотъ какъ нынче, мать моя, и постъ-отъ не ублажаетъ на-

родъ ; праведный да твердый человекъ за рѣдкость сталъ. Вотъ-какія времена мы съ тобой переживаемъ.

— Ничего, на нашу жизнь еще хватитъ святыхъ-то людей, отвѣчала странница : — есть такіе люди , что весь постъ не пьютъ ничего , а что первую да послѣднюю седмицу , сплошь да рядомъ видѣла , — одной молитвой сыты бываютъ. Хранить ихъ мать Богородица ; ими только и миръ держится. Да вотъ , къ слову. Марья Андреевна Варухина , — семь просвирокъ въ постъ , — и вся нища. Ейбогу.

— Зарѣдкость , матушка , зарѣдкость эти подвиги.

— А чай трудно ничего-то не есть ? замѣтилъ Андрей , пережывая послѣднюю корку.

— Еще бы , отвѣчала бабка : — безъ труда не спасешься. Вотъ дѣдка мой , царство ему небесное , тоже однажды далъ обѣтъ Богу дѣлать постъ ничего не ѣсть , да грѣхи свои отмазывать ; только съ нимъ недоброе дѣло вышло. Какъ теперь вижу (я была еще ребенкомъ) , въ самое это прощенное воскресенье къ вечеру , простался онъ сердешный съ нами , легъ въ большой ларь ничкомъ , да и велѣлъ запереть себя на замокъ , а ключъ на икону повѣсить. Мы , какъ слѣдуетъ , слѣзали это дѣло : заперли его , вынесли на сѣнникъ , чтобъ значить не смерзъ , и ждемъ что будетъ , — радуемся что изъ нашей родни хоть одинъ праведникъ выдетъ. Да нѣтъ , не вышелъ , — только пять сутокъ пролежалъ , а на шестыя такой крикъ да возню поднялъ , что хоть святыхъ вонъ неси. Сбѣжался это мы все къ сѣннику , въ попыхахъ отперли ларь , а онъ смотритъ на насъ словно шальной , глазами такъ и ворочаетъ , да какъ закричитъ : — ѣсть давайте , хлѣба , каши , молока — кричитъ. Что ты дѣдко , говоришь , опомнись , вѣдь постъ нонѣ ; мы сами не ѣвши ходимъ , а ты обѣтъ далъ. — «Я вамъ дамъ , говоритъ , обѣтъ,» да и почалъ ругать все что ни пришло въ голову , и насъ , и всѣхъ ; до того дошелъ , что у насъ волосы дыбомъ встали. Дѣлать нечего , надо было скорѣе накормить его , не то думаемъ убьетъ кого...

— Какъ , и скорѣе дали ? спросила Арина.

— Все поѣлъ , къ вечеру даже пьянъ нализался.

— Ишь ты какъ вышло , вотъ-те и постъ , замѣтилъ ухмыляясь Андрей. Онъ вообще любилъ послушать разные занятные разговоры.

— Онося однако дурь прошла , продолжала бабка : — скался , встать сталъ , да съ третьей недѣли в сбѣжалъ съ дому. До самой весны мы его не видали.

— Куда сбѣжалъ ?

— Христось его вѣдаетъ. Сказывалъ потомъ , что у пустыни-

коть сарофскія жиды; да и спрашивать его боимся объ этомъ дѣлѣ: не любилъ старикъ.

— Такъ, мать моя, такъ. Все это лукавый шутить: губить онъ души христіанскія. Особенно падохъ онъ на нашу братію людей отъанныхъ, отренившихся отъ міра, — нѣтъ-нѣтъ да и влечеть въ какое непотребное дѣло. Вотъ къ примѣру я раскажу вамъ одинъ олучай. Одинъ знакомый былъ у меня, ну чисто божій человекъ, — тоже ко всемъ угодицамъ ходилъ, съ міру кормился, версты не силъ тяжолыя. Толпами бѣгалъ за нимъ народъ, спрашивалъ значить его о спасеніи, и онъ-побожески умуралъ грѣшниковъ. Только о великомъ посту одцажалъ, ревнуя о спасеніи душевномъ, онъ рѣшился всѣ сорокъ день безвыходно провести въ храмѣ божіемъ. Ну и началъ это дѣло, какъ надо быть: днемъ молился съ прочими, а на ночь оставался одинъ на подвигѣ. Только тутъ нечистый его и попуталъ, да какъ еще попуталъ...

— Въ церкви-то?

— Да, родной; тамъ обули его эти проклятыя твари, и надумили они его взломать кружки церковныя. Онъ не устоялъ отъ искушенія, забралъ деньги, да такъ и бѣжалъ. На утро хватились, а въ ни его ни денегъ нѣтъ.

— Во-какъ! ай ты мать Богородица! вырвалось у Андрея.

— Ей-богу. Такъ и скрылся.

— Чтожъ, словили потомъ?

— Опосля словили гдѣ-то въ лѣсу да прямо въ ставъ и представили. Хоть онъ и говорилъ становому, что только юродства ради стянулъ деньги, чтобъ меньше значить говору было въ народѣ о его святости, — да не-повѣрили. Такъ и сгибъ.

— Може и въ самъ-дѣлѣ только для юродства.

— Христосъ его знаетъ.

— Гдѣжъ онъ теперь?

— Сказываютъ, что въ Сибири на каторгѣ работаетъ; тамъ чай спасаетъ свою душеньку, яко разбойникъ благочестивый. Уже если кому на роду написано спастись, — спасется гдѣ бы ни былъ. Помните вы мое слово.

Старуха ничего не возразила и задумалась. Андрей зѣвалъ потянулся поправить лучину и опрокинулъ миску. Пустая миска кубаремъ покатилась по полу; Андрей ворча поднималъ ее, осматривалъ флягъ и винулъ въ ставецъ съ посудой. Ребенокъ, молчавшій до сей поры, опять заплакалъ. Акулина очнулась отъ тоскливаго забытья и принялась качать его. Она смутно слышала всѣ эти толки и страшно стала ей за себя: совѣсть защемила сердца. А ребенокъ тя-

вещь къ ней, ручками вщеть чего-то. Страница замѣтила Акулину.

— Тебя совсѣмъ не слыжать, молодка; что больно пригорюнилась? спросила она вкрадчиво.

— Ничего, отвѣчала та.

— Сенюшка слышь болѣнъ, отвѣчалъ за нее Андрей.

— Чтожъ, родимецъ что ли у него?

— Нѣтъ, другая болѣсть: онъ не вѣтъ ничего.

— Этому радоваться надо, чуешь значить въ немъ душа христіанская, что теперь постъ.

— Молока хочеть, глухо произнесла Акулина.

— Что ты, голубка, аль онъ самъ тебѣ сказалъ. Конечно...

Старуха бабка спохватясь прервала её.

— Вотъ родная, самъ Богъ тебя сюда занесъ; надоумь ты бабу: можно ли дать теперь молока робенку? въ посту-то великомъ? а?.. Ишь она убивается: дать хочеть.

— Вольному воля, спасенному рай, уклончиво отвѣчала хозяйка.

— Да нѣтъ, ты толкомъ внуши ей, по писанью значить, можно, аль нѣтъ? Ужь коли старая да больная старуха не выньеть, испѣсьня ради, масла съ чудотворной иконы, — приходится ли христіанскому-то человѣку молоко трескать.

Страница вспомнила свою давешнюю оплошность и поняла, что ей слѣдуетъ теперь показать себя во всемъ величїи подвижничества. Она немедленно приняла важный видъ, и проговорила на развѣтъ, отчеканивая каждое слово:

— Можно, коли совѣсть не зазреть; коли нѣтъ страха загубить съзнавала душу христіанскую.

Акулина вздрогнула отъ этихъ словъ; прожгли онѣ ее. Быстро взглянула она на Арину. Та отвѣтила ей долгимъ, зловѣщимъ взглядомъ.

— Покажи-ка мнѣ дитю-то, сказала она подходя къ Акулинѣ.

Та отвернулась и еще крѣпче прижала его къ груди. Чуяло ея сердце что-то недоброе и плакало за свое дѣтище. Всѣ притихли.

— Да ты не бойся, продолжала Арина: — нѣшто я съѣмъ его; нѣтъ только посмотрѣть его надо.

И вырвать ребенка почти насильно, она поднесла его къ огню, распахнула ему глаза и ротъ, осмотрѣла, оцупала всего и возвращала назадъ.

— Ничего, сказала она: — такой здоровенный, что десять лѣтъ и больше проживеть. Значить это собственный твой грѣхъ; такъ взыать будешь. Ну скажи ты на милость, съ чего-те вздумалось

загубить-то себя? Но глупости что ли?.. Крещень у тебя сънокъ-то?

— Крещень, отвѣтила Акулина.

— Хорошо; значить онъ христіанинъ. А ты сама чтинь ли св. угодниковъ божіихъ?

— Почитаю.

— Мы не святые, продолжала странница горичась: — да и дѣти у насъ грѣшныя. А ты приучай ихъ, коли въ тебѣ душа ость; не поблажай бѣсовской природѣ! Коли дѣти у тебя крещены въ христіанской вѣрѣ, такъ и пусть съизмала дѣйствуютъ какъ должно, по закону. Не приучишь, — ты же виновата останешься; дѣти Богъ проститъ за его неразуміе, а съ матери-то взыщется на томъ свѣтѣ, припекуеть ее огнемъ неугасимымъ: потому мать — разумъ глупаго ребенка... Погубить свое дѣтище такой грѣхъ, какому и прощенья нѣтъ. Самъ Господь сказалъ, что тому, кто погубитъ малаго ребенка, лучше камень повѣсить на шею, да и нехай тонеть въ нучинѣ морской... И это сказано про посторонняго человѣка, а матери-то втрое пуще достанется. Слышишь баба?..

— Господи, Господи! прошептала бѣдная мать: — страшно!..

— Молись, мать, молись до кроваваго поту. Отъ Бога вѣдь не спрячешься: отыщеть тебя его правосудіе и накажетъ лютою казнью... Тебя страхъ пронймаеть? трясешься?.. Трясись же: страшно будетъ въ неклѣ твоей душенькѣ... изноеть она... Странница воодушевилась, подошла къ Акулинѣ, вытаращивъ глаза, и остановилась. — А бѣсы-то радуются за твою погибель, продолжала она съ шипѣниемъ: — пляшуть свои адскія пляски... полыми раздувають... Батюшки, что я вижу... воиъ они машуть крыльями и толной летаютъ надъ твоей головою... Одинъ подходитъ... смотритъ на тебя... глаза какъ огонь... языкомъ дразнить... У, какой страшный, эхидный... Сгинь, пропади...

Странница отскочила въ сторону и закрыла глаза руками. Потомъ отмахиваясь отъ кого-то, она бросилась опять къ Акулинѣ и принялась торопливо крестить ее. У той совсѣмъ подкосились ноги и съ воплемъ, какъ мертвая, покатиалась она къ ногамъ странницы. Старуха-бабка, дрожа всѣмъ тѣломъ, уперлась лицомъ въ уголъ и едва дышала.

— Не замай! закричалъ Андрей не своимъ голосомъ: — вишь обмерла совсѣмъ, ком...

Голосъ его оборвался. Сзади быстро распахнулась дверь; вѣтеръ взвизгнулъ; свѣча погасла и послышался стукъ, будто что обвалилось. Всѣ сперва отвѣгли отъ ужаса, но потомъ услышавъ знакомый голосъ, ожили и вздохнули свободнѣе. То вошелъ Кузьма,

который прежде всего громко выругался, наткнувшись въ потьмахъ на шваку съ квашней.

— Это ты Кузьма? спросилъ Андрей для проформы.

— На кой чортъ вы огонь-то задули? отвѣтилъ тотъ : — ногу сошлѣ зашибъ.

— Вѣтромъ задуло ; зажги братъ поскорѣй.

Кузьма издулъ огня, перемѣнилъ лучину и остановился въ изумленіи. Освѣтилась живая картина : Акулина лежала на полу, а ребенокъ барахтался одинъ на скамейкѣ. Бабка, все еще несмѣя оборотѣться, шептала молитву. Андрей тоже не глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ лежала Акулина и творилъ крестное знаменіе. Страница стояла прижавшись къ стѣнѣ и въ страхѣ ворочала бѣлками, оглядывая вшедшаго.

— Ишь какъ напугалъ, прошептала она : — я думала что и варауду...

— Что тутъ у васъ ? Чего лежитъ Акулька ? спросилъ Кузьма.

— Тутъ братъ такія вещи были, это страхъ... Акулина больно испужалась, водой облить ее надо — пройдетъ, отвѣтилъ Андрей. — Чегожъ ты сидишь-то ручки сложивши, лѣшій.

Кузьма выбѣжалъ въ сѣни, притащилъ ведро воды и сталъ обливать ею голову Акулины; онъ всѣми силами теръ ей лицо кончикъ своего зипуна и немилосердо теребилъ за волосы. Андрей не шелохнулся : онъ боялся теперь Акулины. Бѣдная баба наконецъ очнулась, оглядѣлась и заревѣла. Страница сама перетрусилась; она не рассчитывала на такой эффектъ. Кузьма бросалъ озабоченныя взгляды на всѣ стороны.

— Не плачь, Акулька, пройдетъ горе, настанетъ и радость, утѣшай онъ подраицу. — А ты что старая, жива ли? Чего ты тамъ глядишь? Да христа-ради растолкуйте мнѣ что тутъ такое было?

— Черти были, отвѣтилъ отрывисто Андрей.

— Какіе черти?

— Настоящіе черти. Акульку задушить хотѣли.

— Сама видѣла?

— Нѣтъ; мать Арина сказала.

— Это ты? спросилъ Кузьма подозрительно осматривая страницу.

— Чего я? Извѣстно я. А ты не приставай.

Кузьма отвернулся отъ нея и сталъ утѣшать Акулину. Та плакала горько.

— Аринушка! прошептала старая бабка, все еще не оглядываясь : — подь-ко сюда, моя голубка!

— Что бабушка? спросила та подходя къ ней.

— Не видать больше?

— Не видать, мать моя, а *ихъ* крестнымъ знаменемъ остинила, они и пропали.

— И ты *ихъ* видѣла?

— Своими глазами видѣла.

— Съ рогами?

— Съ рогами и хвостомъ; глаза огненные, страшные.

— Экіе страхи какіе! Вотъ до чего грѣхъ-то доводитъ!

Она наконецъ оборотилась; медленно обвела глазами вокругъ и сѣла въ уголъ, пережевывая губами разные молитвы. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Акулина всхлипывала. Кузьма утѣшалъ ее. «Не крушись ты моя птаха! шепталъ онъ: — на все воля божія, и попъ такъ говорилъ: грѣха не будетъ...»

— А у попа-то былъ? спросилъ Андрей.

— Былъ.

— Чтожъ онъ?

— Завтра утречкомъ самъ хотѣлъ зайти потолковать; а теперь велѣлъ накормить Сенюшку.

— Да чѣмъ накормитъ-то, въ этомъ и штука вся.

— Извѣстно чѣмъ, — молокомъ; вѣдь я сказывала.

Эти слова тоже имѣли свое дѣйствіе. Стеруха такъ и уставилась на Кузьму.

— Это попъ велѣлъ? спросила она.

— А то ктожъ. И докторъ и попъ въ одно слово сказали: дать и всетутъ.

— Брехню несешь ты. Самъ и у попа небось не былъ.

— А гдѣжъ мнѣ быть-то? Я свое дѣло сдѣлалъ: поклонился въ ноги попу; такъ и такъ, говорю, сынишка молъ маленькій умираетъ съ поста, нельзя ли дать ему грудь пососать. Можно, говоритъ...

— Слышишь, мать Арина?

— Слышу.

— Вотъ каковы нынче попы. Уму-то разуму учать.

— Не впервой ужъ я слышу такія вещи. Тѣже грѣшники что и мы. А баба пусть лучше меня послушаетъ: худому не научу. Если даже и помереть дитѣ, такъ и тому должно радоваться, а не плакать: потому воля божія... А коли хочеть, по своему глупому разуму, дѣтей своихъ къ грѣху мріучать, то пусть лучше и въ церковь божію съ нами не ходитъ. Видала ты Акулина, продолжала странница зловѣщимъ голосомъ: — что въ церкви въ дверяхъ написано: тамъ стоитъ ангелъ, такой грозный и держитъ онъ въ рукѣ мечъ огненный; а подъ низомъ написано: «кто сюда съ нечистымъ помысломъ войдетъ, того мечемъ этимъ перажу.» И порезитъ онъ

тебя. Огненный-то мечъ — это молотъ... Отъ нея не укрошишься! Вотъ что.

Будто смертный приговоръ свой слушала Акулина эти ядовитыя рѣчи. Совѣсть такъ и грызетъ; холодный потъ проникаетъ... Наконецъ она не выдержала и, бросивъ ребенка на руки Кузьмы, съ воплемъ упала къ ногамъ старухи.

— Казните меня! закричала она не своимъ голосомъ: — казнита грѣшницу!.. Согрѣшила я! Пропала моя головушка!.. и съ истерическимъ рыданіемъ бросилась обнимать ея ноги.

— Что ты? что съ тобой? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Да я уже кормила сегодня ребенка; спутали меня бѣсы! Ой душать они меня... душать, спасите!

Она металась, рвала волосы и цѣловала одежду странницы и бабки.

Никто не отвѣчалъ ей. Всѣ будто растерялись, оторопѣли. А та плачетъ, надрывается; все нутро точно поворачивается у ней отъ боли. Андрея въ жаръ бросило. Кузьму прошибла слеза.

— Встань, Акулька, полно! заговорилъ Кузьма, стараюсь поднять ее и утирая кулакомъ слезы.

— Оставь ее, пусть наплачется вволю! отовзвася старуха.

— Баушка! кричала Акулина: — прости меня! не погуби меня грѣшную!..

— Миѣ-то што; ты проси у Бога.

— Богъ прощать велѣлъ грѣшныхъ, виѣшался Кузьма. — Вотъ она уже будетъ говѣть, покается.

— Мало ей говѣть-то. За такой грѣхъ пусть сама весь достъ не хресть ничего, да отмаливается.

— Не буду ничего ѣсть! видитъ Богъ, не буду, и Сенюшкѣ ничего не дамъ, пусть помретъ на рукахъ моихъ... Сама задушу и ропотнаго слова не вымоляю, — только отгоните отъ меня мечистаго... Матушка Аринушка, возьми ты меня съ собою на подвигъ!..

И она упала опять въ ноги странницѣ.

— Куда-жь я тебя возьму?.. Кабы деньги ты имѣла..

— Полно же, Акулька, не убивайся христа-ради, говорилъ Кузьма. — Засни-да лучше... Вотъ поутру ночь придетъ; потолкуемъ.

Она почти насильно уложилъ ее на постель.

— Не хочу я! дужи меня! умру да не встану, кричала та...

.....
Неожиданный случай прекратилъ эту тяжолую сцену. За дверью слышался громкій смѣхъ и заливчатая, беззаботная пѣсня:

• Я вечеръ млада во шпру была,
Во шпру была во бесѣдушкѣ... •

Всѣ переглянулись. Акулина притихла, всхлипывая.

— Никакъ Михейка идетъ? сказалъ Андрей прислушиваясь.

— Михейка и есть. Не пускать его...

Но было уже позаво. Дверь распахнулась и на порогъ показался Михейка. Онъ былъ безъ шапки и безъ шубы. Вода ручьемъ сбѣгала съ его рубахи, прилипшей къ тѣлу. Косматая гуля на распашку. Взбитые волосы прядями торчали во все стороны, и межъ этихъ прядей свѣтились два черные плутовскіе глаза. Эта рожа улыбалась какой-то горькой и вмѣстѣ насмѣшливой улыбкой.

— Здравствуйте господа честные! рѣзкимъ голосомъ сказалъ онъ выжиная воду изъ своей рѣденькой бородачки.

— Убирайся ты къ чорту! закричали въ голосъ Кузьма и Андрей, поворачивая его назадъ. — Кой дьяволъ тебя по почамъ таскаетъ? Вишь не время; проваливай!

— Пойдите, братцы; минуточку; дайте кваску испить христаран!

— Да ты ужъ и безъ того испилъ камишь?

— Испилъ, братъ, да не квасу; а тутъ жоть, пить смѣртъ хочется...

— Ну стой, я принесу.

Кузьма принесъ ему ковшъ квасу. Михейка выпилъ и сѣлъ на скамью.

— Чегожъ ты усѣлся? Или что ли! опять заговорили парни.

— Братцы мои, одну минуточку только, ейбогу усталъ до смерти, дайте духъ перевести.

— То-то, усталъ. Откуда это тебя несетъ нелегкая?

— Прямо съ кабака, братцы. Ходилъ, ходилъ я по селу: отецъ домой не ищаетъ; толкнулся было туды-сюды, — вездѣ гонять нашего брата; а у васъ огонекъ свѣтится, — дай зайду, лумаю съ постомъ проздравить.

— Кому постъ, а кому все масляница, язвительно зашѣтила Арина.

— Э! да тутъ еще гости есть? Батюшки свѣты, да это божія страница, мать Арина, что у святого Нила четки стаяла; да мы, братъ, съ тобой знакомы; помнишь, въ Питерѣ разъ въ одномъ кабакѣ сидѣли.

— Чего ты лаешься! закричала Арина: — я вѣдь у добрыхъ людей сижу; за меня вступатся.

— Да не сердчай, моя краля, это я такъ, къ слову пришлось, больно хотѣлось мнѣ похвастать, что я тоже не промахъ: съ праведными людьми значить за панибрата.

— Забылъ ты постъ-отъ, безстыжее твое рыло.

— Ты матушка уже слишкомъ злится изволишь, слова-то говоришь не святые... А я поста не забылъ и поцусь почище вашего. Въдь всѣ эти пять дней только одной свухой и проваляюсь. А въ свухѣ, сама знаешь, окромя хлѣба да воды ничего нѣту. Такъ нѣшто я не поцусь?.. И весело, и душѣ польза.

— Ишь въдь наплелъ что, проклатая душа! проворчала старуха выѣзая на печку.

— Врешь, старая, — ты моей души не знаешь, такъ и не толкуй. А ты мнѣ скажи-ка тетка, сказалъ Михейка оишь обращаясь къ странницѣ: — ты всякія тамъ книжки читала, видѣнія разныя творила, скажи-ка теперь мнѣ: отчего это одни только вы чорта-те видите, а мы грѣшныя не видимъ? .

— А тебѣ небось хочется, такъ увидишь; не горюй, твой чередъ еще впереди.

— Ты не страшай, а говори толкомъ... А я вотъ еще тебя спрошу, отчего это у вашей братіи странницъ да странниковъ носы всегда бываютъ красныя? Не знаешь?

— Съ тобой и говорить-то грѣхъ, вехришь эдакой.

— Оттого, моя красавица, что вашего брата часто черти за носъ водятъ, что вы мамю поста придерживаетесь...

— Ну братъ полно, заврался, выѣшался Кузьма: — проваливай дюной?

— Кудыжь я пойду?

— Куды хошь, а тутъ тебѣ не мѣсто: тутъ все народъ молитвенный живетъ.

— Постой еще минуточку; вотъ два слова только теткѣ скажу.

— Нечего тутъ говорить; коли самъ сгибъ, — другихъ не губи.

— Ты чего ругаешься?

— Я не ругаюсь, а ты проваливай. Или себѣ трескай свуху, — ослѣдъ наплачешься. Эхъ, Михейка, человекъ-то ты зятный былъ; съ чего же это на тебя дурь нашла, погубить себя задумалъ?

— Оставь его, Кузьма, сказалъ Андрей: — нѣшто онъ пойметъ доброе слово? Сказано: пропащій, и все тутъ.

— Пропащій? нѣтъ, врешь Андрей, я не пропащій! Ты думаешь, что во мнѣ и души-то нѣтъ, — образъ божій потерялъ? Врешь ты, чужая душа для тебя потемки. Онъ выпрямился, и дико взглянулъ на Андрея, зубы заскрежетали у него со злости. Потомъ онъ закрывъ лицо руками и опять упалъ на лавку. — И я братцы хотѣлъ нѣшто почеловѣчьи, заговорилъ онъ уже слезливо: — многого желаю моей душенькѣ, да супротивъ рожна видно не далеко уйдешь. Эхъ ты горе наше плакучее!.. Душа вся изныла... все бы плавалъ какись, да слезъ не хватаетъ... Нечего колоть меня вѣлствомъ: я

братъ грамотѣ учился, физику всякую знаю; на фабрикахъ пять лѣтъ мыкался; повидѣлъ значить свѣту божьего...

— Сила-то, сила какая была у меня, продолжалъ Михайка: — кровь ходуномъ ходила, кажись бы только дали ей развернуться... эхъ! работа закипѣла бы, только держись... Гдѣжь ты наша волюшка!.. гдѣ ты желанная!..

Михейко склонился головою на руки, протеръ глаза, потомъ ударилъ со злостью кулакомъ по столу и оглядѣлся. Страница перекрестилась и отодвинулась подальше.

— Чтожь ты тетка присмирѣла? сказалъ онъ ей съ злодѣйской улыбкой: — рассказывай что видѣла въ Кіевѣ? вѣшь слушаютъ.

— Я ужъ пойду, родные, сказала робко Арина, хватаясь за свои пожитки.

— Кудажь ты? Чего ты божій человекъ испужался? заговорили хозяева: — ишь онъ у насъ шальной какой.

— Иди ты теперь къ Терехѣ Лысому, да погляди, какую кашу тамъ заварила, замѣтилъ Михайка. — Эхъ вы дармоеды такіе! суда-то на насъ вѣтъ. Губите вы нашего брата, благо вѣрять вамъ! Что бѣднѣе выпучила? думаешь, что видѣніе видишь? Совѣсть твоя это говорить? Нѣтъ, рожа ты змѣиная, человекъ говорить съ тобой!.. Бѣхала бы ты поскорѣе къ туркамъ чудеса творить: благо бы твоего духу здѣсь не было...

— Убейте онъ меня! завопила Арина: — убейте совсѣмъ; лица на насъ вѣтъ человѣческаго!..

— Слышь, Михайко, коли ты тронешь ее, а те прямо въ зубы. Насъ вѣтъ двое, мотри, управимся.

— Нѣтъ, а такъ пошутить только, отвѣтилъ Михайка: — душа сдуру выболталась. Нѣтъ, вы берегите ее, братцы, берегите хорошо, — потому человекъ божій!..

Никто не отвѣтилъ ему. Михайко задумался.

— Чтожь, вати мнѣ? спросилъ онъ.

— Ступай живѣе.

— Пойду.

Онъ всталъ, почесываясь, и опять оглядѣлся.

— А гдѣжь моя шапка? спросилъ Михайко.

— Да ты безъ шапки пришолъ.

— Безъ шапки? Ну безъ нея и уйду. Можно жить и безъ шапки. Эхъ, проговорилъ онъ въ дверяхъ: — кабы нутро у человека было больше, все бы кажись лая въ себя эту божію волицу, такъ и лая бы безъ конца. Одна радость только и осталась! всѣмъ горюнамъ радость!..

Дверь хлопнула, Михайко ушелъ припѣваючи:

• Пропaday моя головушка!
Пропaday моя бевталанная!

Вѣтеръ подхватилъ пѣсню и разнесъ, развѣялъ ее безъ сѣбѣ.

— Ушолъ, слава те Господи! залепетала бабка: — слова вымолвить боялась, думаю изругаетъ совсѣмъ.

— Въ посту-то, мать моя, на первой недѣлѣ какія дѣла здѣсь творятся! примолвила странница.

— Не говори, родная, слушать страшно. Охъ людъ-людской, сколько въ тебѣ золь-то!

— А что, вѣдь мы засидѣлись долгонько. Чай пѣтухи пѣли?

— Пѣли, голубка, сама слышала.

— Ложись ребята спать.

— А что Акулька?

— Спать.

— Чудно какъ: спать, а у самой слезы текутъ. Гляди-ко Андрей.

— Пусть выплачется, это къ добру.

— А куда Сенюшку дѣвать?

— Да сунь его къ матери. Живъ еще?

— Живъ.

Станница растянулась подъ образами, положивъ котомку подъ голову. Парни опять взобрались на палати. Лучина потухла.

— А что, братцы, этому Михейкѣ на томъ свѣтѣ чай жутко будетъ? спросилъ Андрей улегшись.

— Може и будетъ, отвѣчалъ Кузьма.

— Въ постъ да какія рѣчи говорилъ, пьяница кромѣшная; меня убогую странницу стыдомъ сжогъ. Кабы не вы, уходилъ бы совсѣмъ, обиженнымъ тономъ ворчала Арина.

— Сказано: пропащій, чего же тебѣ больше.

— А все грамота, братцы, все грамота; не поведетъ она къ добру; развратитъ она сердце христіанское. Помяните вы мое слово!

На это мудрое заключеніе не было возраженій.

А вьюга пуще шумитъ, надрывается, будто плачь и стонъ какой стоитъ надъ селомъ и оплакиваетъ его горькое житье. Среди этого вѣтра порой слышится гдѣ-то жалобное мяуканье кота; кричитъ онъ бѣдный не своимъ голосомъ. Въ избѣ раздаются тяжелый сощелканный, оханье старухи, и болѣзненные стоны убитой горемъ матери и умирающаго ребенка. Ужъ не плачетъ онъ, а только воетъ мучительно, надрывая сердце матери, которая несмѣетъ болѣе при-

жать его къ своей груди, потомучто семейный совѣтъ осудилъ его на голодную смерть. Черезъ часъ послышалось чье-то сдержанное, аппетитное чавканье: кто-то пользуется своимъ сосѣдей тайкомъ грѣшить противъ поста... Ужъ не странница ли?..

Чуть забрезжилъ свѣтокъ, Аринушка улелася во свояси. Передъ уходомъ она сдѣлала маленькій поборъ съ хозяевъ на гробъ господень; она брала деньги, тряпье, съѣстное, даже огарокъ сальной свѣчки взяла... Хозяева отдавали эти вещи съ полною охотою, имѣя въ виду тотъ расчетъ, что Господь за все заплатитъ имъ вчетверо, въ чемъ ихъ крѣпко завѣрила Арина. Все это произошло очень торопливо, потомучто странница, по невольному антагонизму, не хотѣла встрѣчаться съ священникомъ. Въ девять часовъ пришелъ ѿ священникъ. Его приняли сухо и выслушали молча, какъ обыкновенно выслушиваютъ начальство. Рѣчи его не подѣйствовали на слушателей; впечатлѣніе вчерашняго было еще слишкомъ сильно и наполнило ужасомъ все село. Священникъ удалился, взявъ съ хозяевъ обѣщаніе накормить ребенка.

А ребенокъ на третій день померъ, — не вынесъ значить...

Н. А. ВЛАГОВЪЩЕНСКІЙ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

САМОДУРЫ

Если и до сихъ поръ еще самодурство не исчезло у насъ въ разныхъ слояхъ общества, то въ иныхъ утратило рѣзкія формы, въ другихъ прикрывается какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ и только еще въ грубой массѣ стараго купечества да въ отживающихъ уже немногихъ невѣждахъ-помѣщикахъ проскакиваетъ оно довольно не въ привлекательномъ видѣ. Но лѣтъ тридцать назадъ по степнымъ захоlustьямъ самодурство доходило до такого безобразія, что теперь становится рѣшительно непонятнымъ какъ общество, гордившееся уже Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ, по наружности сходное съ европейскимъ, могло терпѣть въ себѣ особей, для которыхъ не существовали ни законъ, ни приличіе, ни уваженіе чужой личности. «Семейная хроника» Аксакова и «Прежніе годы» Печерскаго представляютъ полные типы самодуровъ, но оба эти писатели выводили на сцену прошлое столѣтіе, а между тѣмъ въ позднѣйшую эпоху можно насчитать сотни Куролесовыхъ и безобразниковъ г. Печерскаго. Оно, если хотите, самодурство у насъ немножко въ крови, потому что и нынѣ еще мы встречаемъ самодуровъ, учившихся не на мѣдныхъ деньги, хотя конечно господа эти не стануть выкидывать отцовскихъ и дѣдовскихъ продѣлокъ. Но, какъ уже выше сказано, новѣйшіе самодуры протесались и прикрылись наружнымъ лоскомъ, такъ что можно смѣло утверждать — цинизмъ исчезъ въ ихъ ухорскихъ шуточкахъ. Самодурство отчасти получило право гражданства и въ нашей прессѣ, но развивать эту мысль дальше я считаю нецѣлесообразнымъ дѣлу. Правда, случается, что и новѣйшій самодуръ обнаруживаетъ стремленіе къ какой-нибудь безобразной продѣлкѣ,

но уже находить мало сочувствія, и если мы видимъ иногда примѣры, что иной зѣло упившійся юноша начинаетъ пускать въ дѣло кулачную расправу въ дѣловской формѣ, то въ этомъ мнимо́мъ стремленіи, его поддерживаютъ уже весьма не многіе, да и то не по принципу, а вслѣдствіе своей размашистой натуры и порой изъ нежеланія отстать отъ товарища.

Самодурство со всѣми своими грязными и дикими сторонами не могло нигдѣ успѣшнѣе возникнуть и выработаться какъ на почвѣ крѣпостного права и при всеобщемъ невѣжествѣ, этомъ обширномъ и тучномъ полѣ для всякихъ самыхъ вопіющихъ безобразій. Даже по нынѣшнимъ дѣйствіямъ многихъ личностей, завѣщанныхъ намъ добрымъ старымъ временемъ, можно уже судить что дѣлалось тридцать лѣтъ назадъ по далекимъ угламъ нашего отечества, когда самодурничали и начальникъ, и подчиненный, и отецъ семейства, и могъ наконецъ самодурничать каждый мало-мальски достаточный человекъ, при укореившемся понятіи, что важнее не законъ, а расположеніе лица, исполняющаго законъ, и при томъ широкое произволѣ, который позволяли себѣ провинціальныя власти, начиная отъ губернатора и оканчивая становымъ — въ мірѣ официальномъ, а помѣщичьи въ своихъ владѣніяхъ. Если вникнуть глубже въ тогдашній общественный строй, и припоминать всю провинціальную обстановку, весь умственный застой и грубые обычаи, то невольно придешь къ заключенію: отчего же было и не самодурничать, когда расходившійся *ндравъ*, имѣлъ такъ мало препятствій и могъ выказывать себя со всѣмъ ухорствомъ разнузданнаго безобразія. Но самодурство, разлитое такъ — сказать въ воздухъ и отражавшееся на многихъ сторонахъ жизнедѣятельности, приняло наконецъ хроническій характеръ, утрачивая мало-помалу ужасающіе симптомы, такъ что дикія выходы дѣлались рѣже и рѣже и потомъ начали уже удивлять обыкновенныхъ самодуровъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ касаться ни купеческаго ни крестьянскаго быта, въ которыхъ и до сихъ поръ повторяются сцены возмутительнаго самодурства, и ограничимся субъектами изъ сословія помѣщиковъ, которые не далѣе, какъ лѣтъ за тридцать до настоящаго времени, еще всецѣло сохраняли нравы и обычаи дикихъ ордовъ и не обращали ни малѣйшаго вниманія ни на потребованія времени, ни на движеніе прогресса, ни на

присутствие гуманности, которая, получивъ право гражданства въ Европѣ, дѣлала уже робкія попытки проникать и въ наше отечество. Последней какъ-то особенно не ечастливилось у насъ и въ болѣе позднѣйшее время, и добро бы она не могла укореняться вслѣдствіе существованія крѣпостного права, вездѣ и всегда стоявшаго въ разрѣзъ съ принципами кротости и любви, но и тамъ, гдѣ это право было непримѣнимо, напримѣръ въ отношеніяхъ членовъ семейства или просто въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, челоѣчность существовала только въ видѣ случайнаго качества у особей, но не принималась путемъ воспитанія и житейскихъ примѣровъ. Безъ сомнѣнія крѣпостное право вліяло и здѣсь въ значительной степени, потому что закоренѣлый крѣпостникъ являлся деспотомъ и въ семействѣ и въ кругу подчиненныхъ, однако были и другія причины, сложившія этотъ порядокъ вещей, вышедшій изъ предѣловъ общечеловѣческихъ условій.

При значительной склонности къ самодурству, помѣщики той эпохи познакомились уже съ болѣе утонченнымъ образомъ жизни и начали проматывать состоянія, свидѣтелями чего могутъ служить архивы ломбардовъ и приказовъ общественаго правосудія, которые учреждены были конечно не съ этой цѣлью, но служили удобнымъ средствомъ протранжирить отличное имѣніе. Случалось дѣйствительно, что иные помѣщики пользовались судой для направленія дѣлъ и пуская капиталъ въ оборотъ, извлекали значительную выгоду; но такихъ врядъ ли можно насчитать и четвертую долю. Большинство занимало обыкновенно деньги собственно для того, чтобъ жить не по состоянію, утѣшаясь всеобыкновенно продолжительнымъ срокомъ, течение котораго мало ли что могло случиться. Незвизрая однакоже и на такіе сроки, не визирая на удобную разверстку платежей, многие должники запускали уплату, сперва посылая неакуратно проценты, потомъ просрочивая и наконецъ давая возможность наростенъ процентамъ на проценты, такъ что доходило до аукціона. Другого исхода и быть не могло, если заемъ дѣлался не съ экономическою цѣлью купить на занятые деньги выгодно имѣніе, или улучшить свои хозяйственныя средства. Я не говорю о состояніяхъ значительныхъ, но знаю имѣнія не больше какъ во сто дѣлъ; у владѣльцевъ которыхъ господская усадьба отстраивалась роскошно и кромѣ многочисленной дворми существовалъ иногда оркестръ музыки челоѣкъ въ двѣнадцать. Слова нѣтъ,

что эти музыканты, занимались и уборкой хлѣба, и на скотный дворѣ, и въ саду, и на мельницѣ, и даже уходили пахать землю, но все же тратили время на жалкое изученіе музыкальных вѣсть и потомъ во время пировъ должны были потѣшать почтеннѣйшую публику. Если такой баринъ закладывалъ имѣніе, то вѣроятно, что недождавшись вожаѣннаго срока подвергался большимъ неприятностямъ. Впрочемъ въ прежнее время совѣтъ промотавшійся господинъ, который могъ еще извлекать кое-какіе доходишки, имѣлъ возможность нѣсколько лѣтъ увлѣзавъ отъ аукціона, потому что земская полиція дѣйствовала съ примѣрною медленностью и составляла опись впервыхъ не скоро, восторыхъ бывала какую-нибудь формальность, а тамъ должникъ посылалъ малую толику процентовъ и тянулъ меледу, продолжая свою агонію и добывая жалкіе остатки имѣнія. Нужды нѣтъ, что при заключеніи займа значительная сумма получена была разомъ: ея хватило не надолго, потому что у каждаго почти являлись заѣты, требовавшія непронизводительныхъ затратъ, словно занятые деньги представляли нестоимую сокровищницу. Жить не по состоянію въ тридцатыхъ годахъ дѣлалось какъ бы необходимою, и стоило только посмотреть на дни семейныхъ праздниковъ, на эти огромные сѣзды, на эти пиры, продолжавшіеся по трии сутки, чтобъ судить о чрезвычайныхъ издержкахъ, поглощавшихъ можетъ-быть полугодовые доходы. Небогатый помещикъ, имѣвшій, положимъ, душъ полтора ста крестьянъ, заложенныхъ и перезаложенныхъ, если у него были взрослые дочери, къ днямъ домашнихъ торжествъ, кромѣ огромнаго количества занасовъ, обязанъ былъ заботиться еще и о приобретеніи туалеговъ женѣ и дочкамъ, потому что по принятому обычаю на деревенскихъ сѣздахъ, дамы переодѣвались по три раза на день, а нельзя же было надѣть платье, которое уже видѣли. Утромъ такъ-называемое тогда неглаже, въ которомъ появлялись къ завтраку, къ обѣду какое-нибудь шолковое дорогое платье, а вечеромъ для танцевъ балный туалетъ со всѣми принадлежностями. Представьте же себѣ поѣздъ иногда около ста особъ обоего пола, которыхъ нужно было размѣстить и продовольствовать прилично, не говоря уже о количествѣ лошадей и прислуги, требовавшихся въ свою очередь необходимаго содержанія. Если круглымъ числомъ приѣзжало тридцать семействъ, то лошадей можно было насчитать не менѣе полутора ста, потому что мале-малыши доста-

точный человекъ ѣхалъ шестерикомъ, рѣдко четверней, и за нимъ слѣдовала еще бричка или фургонъ съ горничными и гардеробомъ. Хозяинъ, какой бы скупецъ ни былъ, въ эти торжественные дни старался казаться гостепрививнымъ и по необходимости допускалъ разливанное море. Кофе, чай, сахаръ, вино, кухонные припасы вытекали въ огромныхъ размѣрахъ, а сѣно, овесъ, живность не шли въ счетъ на томъ основаніи, что все дескать свое домашнее.

Другой способъ проматывать состояніе, особенно на югѣ, представляли ярманки, на которыя обыкновенно помѣщики ѣхали съ свои деревенскіе продукты и запастицы предметами роскоши и необходимостями. Малорусскія ярманки, какъ я уже замѣчалъ извѣстны не разъ, кромѣ своей спеціальной цѣли привлекали помѣщиковъ еще и посильными развлечениями: какой-нибудь бродячей труппой, вольтижорами, зѣринцемъ и такъ-называемыми *блесородными собраніями*, гдѣ молодежь танцевала до упаду и кинно было блеснуть свѣжими модными костюмами. Разъ ступить ногой на ярманку, помѣщикъ забывалъ экономическія цѣли, если онъ выгодно продавалъ сырые продукты и деревенскія издѣлія, если выгодно покупалъ необходимое, то все-таки въ какую-нибудь недѣлю истрачивалъ столько, сколько дома не могъ истратить въ полгода. Помѣщикъ на ярманку приѣзжалъ съ обычной обстановкой и окружалъ себя своимъ деревенскимъ комфортомъ. Съ нимъ путешествовали и многочисленная прислуга и большое количество лошадей, а иные брали и свою музыку не для того, чтобъ воспользоваться какими-нибудь матерьяльными выгодами, а просто изъ удовольствія поставить у себя на дворѣ *малороссійскій оркестръ* и показать прочимъ, что «моль знай старшихъ!» Въ результатъ оказывалось, что ярманки стоили очень дорого, и бывали примѣры, что помѣщикъ, продавшій выгодно продукты, занималъ подъ большіе проценты денегъ для обратнаго шествія во-своихъ. И говорить нечего, что на ярманкахъ самодурство проявлялось во всемъ своемъ безобразіи: впервыхъ шибъ воль рукою различныя подходящіе источники, вовторыхъ танцуясь създомъ многихъ личностей, которыхъ только и можно было видѣть среди ярманочнаго кутежа и теперь уже не вспоминаемыхъ оргій.

Изъ этого бѣлаго очерка читатель видитъ, что для самодурства представлялось достаточно матерьяловъ, а потому и самыя

самодуры подразделялись на несколько несходных между собою категорий. Въ строгомъ смыслѣ у самодуровъ всѣхъ отгичковъ были общія основанія; въ принципѣ они различались не слишкомъ, но что касается подробностей, то каждый отдѣлъ развивался сообразно со своими наклонностями, и нередко самодуры двухъ категорій расходились съ самой точки отправления. Самодуръ-пьяница и самодуръ-конелюбъ нередко совмѣщали въ одномъ лицѣ обѣ професіи, но самодуръ-экономистъ и самодуръ-безобразникъ, дѣйствовавшіе въ діаметрально-противоположномъ направленіи. Самодуръ-начальникъ могъ вмѣщать въ себѣ самодурство ханжи по призванію, но самодуръ-собачникъ ни въ какомъ случаѣ не сходился съ самодуромъ-реформаторомъ. Нантѣ самодурства нередко посѣщало и особъ нѣжнаго пола, и надобно сказать правду, что барыни, одержимыя этимъ настроеніемъ, не только не отставали отъ мужчинъ-самодуровъ, а случалось превосходили послѣднихъ, разумѣется проявляя самодурство не въ столь равнообразныхъ формахъ, но неизмѣнно такого общирнаго поля для своихъ эксцентрическихъ выходовъ.

Само-собою самодуры не составляли касты и не отъроденія получали наклонность къ самодурству, но усвоивши ее въ послѣдствіи, хотя случалось, что и очень молодые люди, рано начавшіе безобразничать, дѣлались формальными самодурами, энергически развивая принятое направленіе и недождавшись стѣны волею, достигали полного апогея. Большинство этихъ особей, какъ мы уже сказали, имѣло свою точку самодурства, подобны тѣмъ сумасшедшимъ, которые свихиваются на одномъ пунктѣ, и съ такими людьми еще можно было сладить. Но были самодуры такъ—сказать полноцѣтные, законченные, которые не знали предѣла самодурству и безобразничали на всѣхъ попрядкахъ, словно охваченные неодолимой силой, подталкивавшей ихъ на совершеніе циническихъ и отвратительныхъ продѣлокъ; знавшихъ не одного даже самодура, преданнаго своей специальности. Такіе особи имѣли девизомъ: «валяй въ хвостъ и въ гриву» то-есть жили очертя голову и незадумываясь надъ совершеніемъ какого бы то ни было факта, имѣвшаго послѣдствіемъ проступокъ и самое уголовное преступленіе. Самодуръ не спрашиваясь объ этомъ даже и тогда, когда у него не хватало средствъ широко подкупать кого слѣдовало, и хоть рѣдко, но случалось подвергался заслужонному наказанію. Отъ дѣлщины, самодуры

буаны, далеко въ окрестности извѣстные своею спеціальностью, служили для полиціи обильнымъ источникомъ дохода, и если предстояла хоть малѣйшая возможность прикрыть ихъ безобразіе, оно было прикрыто на томъ основаніи, что новыя продѣлки опять принесутъ новую выгоду. Но нерѣдко отъ полиціи требовалось отсутствіе всякаго самолюбія, при встрѣчѣ съ господномъ, который хоть и щедро платилъ, однако любилъ поутѣшиться надъ чужою личностью. Попадались и цѣлыя самодурныя семейства, въ которыхъ самодурничали даже малыя дѣти, и положимъ это случалось весьма не часто, но какъ фактъ не должно быть пройдено молчаніемъ. Подобныя семейства принадлежали конечно людямъ достаточнымъ, которые баловали дѣтей и поддали съ малолѣтства всевозможными способами, такъ что какой-нибудь десятилѣтній Митя или двѣнадцатилѣтняя Маша, имѣвшіе свой штатъ прислуги, распорядились послѣднюю самовластно по примѣру дражайшихъ родителей. Я зналъ нѣсколько домовъ, отличавшихся такой характеристикой, но одинъ особенно врѣзался у меня въ памяти по тѣмъ сценамъ, какія безъ сомнѣнія трудно встрѣтить, но позабыть невозможно.

Самодуры различныхъ спеціальностей при встрѣчѣ любили посягаться другъ надъ другомъ, словно незамѣчая, что собственныя ихъ поступки были также достойны смѣха и порицанія. На всѣхъ помѣщичьихъ сѣздахъ всегда можно было найти нѣсколько самодуровъ, и если самъ хозяинъ какой-нибудь стороною принадлежалъ къ той почвеной категоріи, то необходимо безъ исключеній а порою и трагическихъ происшествій. Такъ-называемые штукари, которые считали обязанностью выкидывать разнаго рода штуки, разумѣется не стѣсняясь преимущественно надъ людьми болѣе безотвѣтными, всецѣло принадлежали къ числу самодуровъ, и какъ эти господа отправляли свое ремесло собственно для утѣшенія публики, то пользовались расположеніемъ большинства и на всѣхъ сѣздахъ принимались съ распростертыми объятіями. Подобныя легкіе самодуры существуютъ и по настоящее время по угламъ провинцій, и если они уже прикрыты нѣсколькими наружнымъ лоскомъ и въ обществѣ появляются въ лакированныхъ сапогахъ и гласированныхъ перчаткахъ, то внутреннее ихъ содержаніе осталось прежнее.

Тогдашнее молодое поколѣніе — я говорю о провинціи, — не только уходило на попримѣніе развитія, и если молодые люди

съ запасомъ новыхъ понятій и свѣжихъ силъ выходили изъ университетовъ, то эти понятія скоро стирались въ омутъ дѣятельности, а силы или притуплялись въ борьбѣ съ могущею ственной рутиной или служили къ достиженію цѣлей, обусловленныхъ тогдашнимъ общественнымъ положеніемъ. Разумѣется образованный человѣкъ не впадетъ уже въ грубое самодурство, но неусвоивая какихъ-нибудь его безобразныхъ видовъ, случалось самодурничать и онъ въ болѣе отвлеченной формѣ, особенно если былъ матушкинъ сынокъ и получилъ университетскій дипломъ за деньги или вслѣдствіе другихъ равносильныхъ обстоятельствъ. Если понятія о чести и теперь еще у многихъ сбивчивы и бываютъ иной разъ причиной важныхъ недоразумѣній, то въ прежнія времена человѣчество было неслишкомъ разборчиво относительно своихъ поступковъ. Проиграть и не заплатить считалось въ высшей степени безнравственнымъ, хуже воровства, а взять деньги займы и дать расписку съ крючкомъ, по которому оплошный кредиторъ могъ никогда не получить своей собственности, было не болѣе какъ ловкой штукой своего рода. Господинъ стянувшій взятку и не исполнившій желанія своего кліента, прямо въ глаза назывался подлецомъ, но тотъ кто изъ благодарности дѣлалъ самое низкое и позорное дѣло, по условію, считался честнымъ человѣкомъ.

Но возвратимся къ самодурамъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я хочу познакомить читателя съ нѣсколькими личностями изъ этой категоріи и именно той эпохи, когда самодурство не было еще названо настоящимъ именемъ, а терпѣлось въ обществѣ, и въ силу христіанскаго правила прощать ближнему его согрѣшности, и вслѣдствіе понятія, что люди рождаются съ разными характерами. Общественное мнѣніе не преслѣдовало самодуровъ, а всѣ сибѣлись надъ ихъ предѣлками, и только самое незначительное меньшинство начинало ожидать проявленія самодурства и то разѣмъ при какихъ-нибудь катастрофахъ. И долго держалось самодурство въ первоначальныхъ формахъ пока наконецъ, уступая требованіямъ времени, не перешло въ другія болѣе легкія формы, подобно какъ нѣкая тяжелыя болѣзни съ вѣками терпятъ свой жестокій характеръ и ослабѣвая утрачиваютъ силу своей злокачественности.

Новѣйшіе самодуры даже понимаютъ что они дѣлаютъ, но

но эти господа составляют предметъ настоящаго моего разсказа.

Въ обширномъ кабинетѣ, довольно скромно убранномъ, сидѣлъ отставной генералъ — майоръ Савва Михайлычъ Бобовихинъ. Это былъ старикъ лѣтъ подь-шестьдесятъ, довольно плотный и вообще той счастливой организаціи, какою отличалось человѣчество, родившееся въ концѣ прошлаго столѣтія. Волосы его почти все посѣдѣли, но были густы и даже на макушкѣ не видѣлось еще и признака лысыны, одолавающей человѣчество позднѣйшаго происхожденія, а румяныя, немного отвисшія щеки украшены были тѣми узенькими каймами волосъ, которыя, бывъ выдуманы пѣвцами или англичанами, передѣлались у насъ въ особую форму бакенбардъ, подъ названіемъ назенныхъ. Усы у Бобовихина были желтаго цвѣта собственно оттого, что онъ невыпуская изъ рта трубки, которую имѣлъ привилегію курить въ присутствіи самыхъ утонченныхъ барынь, увѣрившихъ, что имъ дурно отъ самаго дѣйствительнаго запаха табачнаго дыма. Безъ этой льготы Савва Михайлычъ не ѣздилъ ни куда въ гости, а какъ онъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ, притомъ же происходилъ изъ столбовыхъ дворянъ и титуловался превосходительствомъ, то присутствіе его на помѣщичьихъ съѣздахъ считалось особенною милостью, вслѣдствіе чего и трубка его дымилась тамъ, гдѣ курить считали преступленіемъ.

Пятнадцать лѣтъ уже какъ Савва Михайлычъ вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ имѣніи, но не только не отсталъ отъ своихъ военныхъ привычекъ, а напротивъ всю деревню обратилъ въ военное поселеніе и завелъ въ ней какъ строжайшую дисциплину, такъ и нѣкоторый родъ регулярной службы. Это былъ въ высшей степени оригинальный господинъ, а если его нельзя назвать типомъ, то во всякомъ случаѣ нельзя причислить и къ разряду обыкновенныхъ оригиналовъ. Много есть вѣтвистыхъ вѣтвинокъ, которые до гроба остаются вѣрными прежнему ремеслу, любятъ разсказывать про походы и сраженія, не прочь и прихвастнуть описывая давнишнія событія, но все это болѣе или менѣе свыкаются съ мирной гражданскою жизнью, хозяйничаютъ по ваведенному порядку и только требуютъ слѣдующаго, безирекословнаго повиновенія подчиненныхъ. Савва Ми-

хотѣлъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ не слѣдаль ни одной уступки новому для него быту, не шилъ ни одного статскаго сюртука, не надѣвалъ ни разу сапоговъ безъ шпоръ, не выѣзжалъ никуда безъ сабли, и къ каждому низшему чиномъ, кто бы онъ ни былъ, относился тономъ начальника.

Бобовихинъ вышелъ въ отставку вскорѣ по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Франціи, и какъ носилась молва, оставилъ службу вслѣдствіе разладницы съ ближайшимъ своимъ начальникомъ, который во время долгаго пребыванія за границей усвоилъ много новыхъ гуманныхъ понятій, между тѣмъ какъ Савва Михайловичъ оставался неизмѣннымъ и не поддавался ни малѣйшему обаянію чужеземщины. Какъ командовалъ онъ до отечественной войны эскадрономъ, употребляя всѣ крутыя и шероховатія мѣры, свойственныя тогдашнему времени для поддержанія порядка и дисциплины, такъ начальствовалъ впоследствии и полкомъ, не разставаясь съ тѣми же дріемами строгости и произвола на стоянкѣ въ окрестностяхъ Парижа, что и въ курской губерніи. Савва Михайлычъ никогда не отличался умственными способностями, но былъ въ высшей степени исполнительъ, акуратень, кропотливъ и притомъ, происходя изъ хорошаго дворянскаго рода, имѣлъ связи и протекцію, вслѣдствіе чего ему везло во службѣ. Съ возвращеніемъ арміи въ Россію, когда нѣкоторые изъ начальниковъ начали смотрѣть другими глазами на исполненіе своей обязанности и какъ бы старались находить черту, отдѣляющую законность отъ произвола въ дѣйствіяхъ командировъ, стремясь къ восстановленію справедливости, завистливой собственно отъ личнаго расположенія начальства, — Бобовихинъ не поддавался никакимъ законнымъ и гуманнымъ ограниченіямъ, а напротивъ развивалъ свою доморощинную теорію, прилагая ее къ дѣйствительности на основаніи самаго широкаго произвола. Савва Михайлычъ первый разъ въ жизни пошелъ въ разрѣзъ со своимъ начальствомъ и былъ уволенъ съ чиномъ генералъ-майора, съ мушкетромъ и пенсіономъ. Бобовихинъ потерялъ жену еще до кампаніи двѣнадцатаго года, и какъ у него оставались два сына и дочь, то онъ и поручилъ воспитаніе малютекъ родной сестрѣ своей — старой дѣвкѣ, которой вмѣстѣ далъ довѣренность на управленіе хорошо устроеннымъ имѣніемъ. Мальчиковъ, согласно съ волей отца, отвезли въ кадетскій корпусъ, а дочь воспитывала дома, по обычаю того

иногда, забывая преимущественно объ отраженіи: въ нравственности отъ соблазновъ и рассчитывали, что была бы она чирра, мосушна, уважала бы старшихъ, а съ хорошими придаными всегда можно выйти замужъ и безъ моднаго воспитанія. Когда Бобовичинъ вышелъ въ отставку, онъ вышелъ только съкру старуху и дочь по шестому году, которыхъ разумѣется туше минуто подчинилъ строжайшей дисциплинѣ и принялся реперажаться хозяйствомъ, разумѣется не нѣтъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Имѣніе давало очень хорошіе доходы и кромѣ того сестра вручала Савѣ Михайловичу значительный капиталъ наличными — такъ какъ, по обычаю того времени, земледѣльцы предпочтали держать деньги въ шкатулкѣ, не забывая о приращеніи процентами. Вступивъ во владѣніе помѣстьми, населенными почти двумя тысячами душъ, изобиловавшими разнаго рода угольями и находившимся сравнительно съ другими въ отличной обстановкѣ, Бобовичинъ немедленно сдѣлалъ инспекторскій смотръ всему своему имѣнію. Савва Михайловичъ почти съ малолѣтства поступилъ въ военную службу, каждый день былъ занятъ постоянно — сперва фронтомъ, впоследствии кромѣ фронта, распоряженіями и подпиской бумагъ, совершалъ опрощенія походы и до того среднцлся съ дѣятельностью, что когда приѣхалъ въ Переносовку, деревня показавъ ему сауцвахтой, на которую посадили его выдержать подъ долговременнымъ или пожизненнымъ арестомъ. И говорить будетъ дѣтскимъ, что Савва Михайловичъ возвратился къ своимъ почитанъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Книгъ онъ не читалъ отроду, да и не любилъ тѣхъ кто занимался книгами, приписывая имъ все зло и даже собственную отставку, а потому для подобной натуры нужна была непрерывная дѣятельность. Нрава онъ былъ крутого и даже не дослѣдовалъ примѣру дѣловъ усаждать горе бутылкой, подиунчго и въ службѣ держалъ себя всторонѣ отъ кутежей: въ молодости исполняя желаніе матери, а въ дѣтахъ зрѣлыхъ изъ боями нарушить дисциплину. Случалось, что въ обществѣ равныхъ онъ тянулъ портянокъ вслѣдъ за красносизыми носами, но никогда не находилъ удовольствія въ похмѣльи, и объѣзжать самому лошадей до предѣловъ берейторскаго искусства, или ковать въ амудичникѣ считалъ наилучшимъ развлеченіемъ въ свободное время. Впрочемъ Бобовичинъ такъ устроилъ свою жизнь, что и свободного

времени оставалось ему не много. Онъ зорко слѣдилъ за работою своей части, вслѣдствіе чего надобно было ежедневно распорядиться нѣсколькихъ офицеровъ, наказывать солдатъ, присутствовать при ученьи, обойти конюшни, мастерскія, повѣрить караулы и проч. Оторванный отъ сферы своихъ обычныхъ любимыхъ заботъ и войдя въ непонятный ему хаосъ сельскаго хозяйства, Савва Михайловичъ тѣмъ не менѣе не хотѣлъ по принятому обычаю спрашивать чьего бы то нибыло, совѣта и рѣшился хозяйничать на свой собственный манеръ, надобно сказать правду, не съ той цѣлью, чтобъ увеличить доходы, а главное показать какъ надобно распорядиться имѣніемъ. Послѣ вступительнаго инспекторскаго смотра всему своему состоянію, Бобовихинъ остался чрезвычайно недоволенъ, во первыхъ безолаберностью всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей, во вторыхъ неповоротливостью и нерасторопностью крестьянъ, а главное отсутствіемъ во всемъ однообразія и порядка, къ которымъ такъ привыкаетъ глазъ человѣка, привыкшаго къ фронтовой службѣ. Но преимущественно разсердило генерала неряшливость на конюшнѣ, дурное содержаніе лошадей и незваніе конюхами простыхъ правилъ выводаки. Когда ни былъ вспыльчивъ Савва Михайловичъ и какъ ни привыкъ туже минуту вымѣщать неудовольствіе свое на подчиненныхъ, однако на этотъ разъ поудержался, ограничиваясь только устной распеканціей и общаніемъ согнуть всѣхъ въ бараній рогъ и выколотить мужицкія привычки и ухватки.

Дня два Бобовихинъ ломалъ голову, пока уложился въ ней планъ реформы, но зато, немедля ни минуту онъ началъ приводить его въ исполненіе. Во всѣ близъ-лежащія селенія, отправлены были имъ гонцы съ приказаніемъ потребовать къ генералу всѣхъ отставныхъ солдатъ, преимущественно кавалеристовъ, въ формѣ, какая у кого сохранилась, и чтобъ приносили свои указы объ отставкѣ. Это была первая мѣра преобразования, послѣ чего уже Савва Михайловичъ рассчитывалъ приступить къ различнымъ переѣмамъ, обезпечивъ себя расторопными и дисциплинированными исполнителями приказаній. На другой же день во дворѣ Бобовихина собралось человѣкъ до тридцати отставныхъ солдатъ, изъ которыхъ многіе были ранены и въ томъ числѣ безрукіе и безногіе. Генералъ вышелъ въ полной формѣ, поздоровался извѣстной фразой, получилъ въ отвѣтъ неменѣе шлоистное привѣтствіе и произвелъ смотръ ветеранамъ. Бобовихинъ

предложилъ старымъ служивымъ разныя мѣста у себя на довольно выгодныхъ условіяхъ и всѣ они, за исключеніемъ двухъ-трехъ неспособныхъ, съ удовольствіемъ поступили къ нему на службу. Составивъ именные списки, назначивъ каждому обязанность съ подробной инструкціей, Савва Михайловичъ началъ пересоздавать управленіе, какъ собственнымъ и крестьянскимъ хозяйствомъ, такъ и вообще селомъ Переносовкой и можно сказать недогадывалъ урочнаго времени пока удалось ему водворить малѣйшій порядокъ, дисциплину и наружное благообразіе. Черезъ три года онъ имѣніе поставилъ на военную ногу и съ тѣхъ поръ покойно и безмятежно жилъ въ своей Переносовкѣ. Военныя поселенія, образовывавшіяся тогда по плану Аракчеева, не могли сравняться съ устройствомъ переносовской экономіи, и наружный порядокъ, стоявшій въ поселеніяхъ столькихъ жертвъ, у Бобовихина возникъ съ гораздо меньшими затрудненіями. Оно и понятно: въ военныхъ поселеніяхъ начали обращать вольныхъ хлѣбопашцевъ, преимущественно зажиточныхъ казенныхъ крестьянъ, а Бобовихинъ на правѣ помѣщика распоряжался въ собственномъ имѣніи. Впрочемъ Бобовихинъ при всемъ своемъ упрямствѣ и непреклонности не подвергалъ крестьянъ значительнымъ издержкамъ, и то, что по его имѣнію необходимо было у нихъ перестроить, дѣлалъ на свой счетъ и на барскихъ дняхъ, такъ что мужикамъ пришлось только измѣнить немного одежду, да образъ жизни сообразно съ генеральскимъ приказаніемъ, и войти во вкусъ военной дисциплины. Переносовка чрезвычайно походила на какой-нибудь штабъ военныхъ поселеній, хотя надо сказать правду, Бобовихинъ уже послѣ своей реформы, посѣтилъ чугуевскіе округа, и съ гордостью рассказывалъ впоследствии, что мысль подобнаго устройства ему пришла въ голову гораздо прежде Аракчеева. Савва Михайловичъ передѣлалъ въ своемъ дворѣ всѣ хозяйственныя заведенія, обративъ особенное вниманіе на конюшни, и выстроилъ хорошій манежъ, гдѣ выѣзжались какъ его верховыя лошади, такъ и приготовленныя къ ремонту. Тутъ же помѣщался и большой конный заводъ, составлявшій главную хозяйственную заботу генерала: Вотчинная контора переименована была въ канцелярію, гдѣ подъ руководствомъ отставнаго цесаря, теломѣкъ пять мальчиковъ постоянно переписывали рапорты генералу, ассигновки, приказы, и наконецъ гдѣ велась переписка

съ официальными и частными лицами. Дверь огорожена была заборомъ съ столбиками, выкрашенными форменными цвѣтами, а у параднаго крыльца дома стояла расписанная будка, въ которой сперва ночью помѣщался караульщикъ, но впоследствии и днемъ ставился на часы провинившіяся мужики, вонервухъ въ наказаніе, воторыхъ для приученія къ порядку службы. У такого часового обыкновенно была въ рукахъ метла, которой онъ подметалъ каждую соринку, которую могъ брать на плече, ставить къ ногѣ, но невыпускать изъ рукъ. Окраины двора выведены были дорожками, убитыми щобенной, а посрединѣ отгорожено мѣсто для лѣтняго шашежа и вообще для проѣздки лошадей. Большое количество оставшихъ солдатъ, исполнявшихъ разныя должности, находились во дворѣ въ чистыхъ сертукахъ или шинеляхъ, смотря по приказанію, но непремѣнно выбритые, застегнутые на всѣ крючки и обязанные снимать фуражки, проходя передъ генеральскими окнами. Вся домашняя прислуга одѣта была однообразно въ платье военного покроя и несмѣла не отдавать чести при встрѣчѣ со старшими, иначе подвергалась наказанію въ кордегардіи. Такъ назывался небольшой домикъ, на одной половинѣ котораго жилъ смотритель двора, а на другой устроена была комната съ рѣшетчатыми окнами, куда сажалась арестованная, и гдѣ чинилась всякая расправа. Какъ по приказанію генерала, такъ и по усмотрѣнію дворецкаго, если сужденіе о проступкѣ неперевышало принадлежавшей ему власти. Рабочій скотъ у генерала и всѣ земледѣльческія орудія, помѣщавшіяся на особомъ отдѣлѣ двора, не только были въ порядкѣ, но единообразіемъ своимъ и особенною выдержкою приводили въ удивленіе всѣхъ сосѣдей. Такъ напримѣръ плуги у Бобовикина безукоризненно-тождественные, запрягались одномастными волами, тоже подобранными по ранжиру, и къ каждому плугу росписаны были и свои номера рабочихъ. Раза два въ годъ Савва Михайлычъ инспектировалъ свои земледѣльческія орудія, и плуги, бороны, рала, повозки проходили мимо его иногда по два вряду, иногда справа по одному на извѣстную дистанцію. Рабочіе одѣвались въ то время въ праздничную одежду и кнуты свои должны были держать по принятой формѣ. Для этого иногда производились особыя ученья съ кнутами. Вообще косари, т. е. крестьяне отъ 18 до 50 лѣтъ, переписанные по ранжиру, строились въ десятки и полусотни, обязаны были ходить въ ногу, хотя и вольными

шагомъ и размахивать руками по правиламъ, принятымъ въ пешемъ фронтѣ. Долго бился генералъ пока косари на работѣ привыкли къ однообразнымъ движеніямъ, и хоть и достигъ, что полусотни взмахивали косами въ одинъ моментъ, и съ какинъ-то особеннымъ свистомъ, но если онъ сводилъ двѣ-три полусотни мѣстъ, то непременно выходила перетасовка, ломалась линия равенія и косы сверкали одновременно.

Конюхи вообще походили на солдатъ и даже одѣты были въ рейтузы съ лямки (кожаная подкладка); тоже и прочая прислуга умѣла становиться во фронтъ, опускать руки по швамъ и правильно бросать глаза на начальника. Въ послѣднее время Бобовихинъ завелъ хоръ музыки, но преимущественно ограничился роговыми инструментами. Музыканты одѣты были въ куртки, на рукавахъ обшитые басонами, въ кавалерійскіе рейтузы и отлично знали марши и сигналы. Съ тѣхъ же поръ какъ устроилась музыка, каждый вечеръ и утро у кордегардіи дежурный трубачъ обязанъ былъ играть зорю, на которую собирались всѣ дворовые мужчины и потомъ расходились по своимъ мѣстамъ. Послѣ зори какъ во дворѣ такъ и въ отаин тушились непременно огни, кромѣ генеральскаго дома и кухни, и если кто попадался на улицѣ безъ уважительной причины, тому предстоило быть отправленнымъ въ кордегардію. Это обстоятельство для крестьянъ было тяжело военной одеждой и перестройкой ихъ жилищъ. Куреніе трубокъ также преслѣдовалось генераломъ. Запрещеніе это онъ впрочемъ ввелъ тотчасъ же по прибытіи въ мѣстѣ, и какъ Переносовка состояла изъ малорусовъ, куращихъ отъ мала до велика, то не мало стоила хлопотъ генералу. Бобовихинъ не ограничился запрещеніемъ курить на улицѣ, на работѣ, наконецъ на дворахъ, но безусловно велѣлъ перестать курить гдѣ бы то нибыло, и въ назначенный день потребовалъ къ себѣ всѣ крестьянскія трубки, которымъ и учинено было торжественное ауто дафе въ его присутствіи. Разумѣется этимъ онъ не сразу покончилъ, потомучто страстные курильщики пытались, гдѣ-нибудь втихомолку предаваться запрещенному удовольствію, но при строгостяхъ въ вѣдѣнномъ управленіи, ослушники выдавались очень скоро и получали въ острастку другимъ примѣрное наказаніе. Потомъ только еще пастухи, пользуясь удаленіемъ въ степь, курили тайкомъ гдѣ-нибудь въ рощѣ, но и это донесено было генералу, — у пастуховъ сдѣланъ былъ осмотръ, найдены

трубки, а провинившихся позвали въ кордегардію, конечно не для того, чтобъ погладить по головкѣ. Однимъ словомъ куреніе уничтожено было въ Переносовкѣ. Даже отставные солдаты не всѣ пользовались дозволеніемъ; однимъ лишь унтеръ-офицерамъ разрѣшалось курить, но и то у себя на квартирахъ.

Бобовихинъ перестроилъ Переносовку точь-вточь какъ въ военныхъ поселеніяхъ, т. е. уничтожилъ живопастный безпорядокъ малорусской деревни, раскиданной по обѣ стороны рѣчки, провелъ прямыя улицы, вырубивъ для этого вѣсковыя сады, размежевалъ огороды и поставилъ крестьянамъ однообразныя домики съ одинаковыми же хозяйственными принадлежностями, велѣлъ посадить вдоль заборовъ деревья и приладилъ такъ, что церковь находилась какъ разъ въ центрѣ селенія. У всѣхъ крестьянъ дои до того походили одинъ на другой, что генералъ даже пришелъ въ удивленіе, и велѣлъ всѣ ставни выкрасить зеленой краской. Избѣ въ Переносовкѣ вышло четыреста и на каждую сотню назначенъ былъ опытный унтеръ-офицеръ; каждый изъ нихъ имѣлъ въ рукѣ десять расторопныхъ десятниковъ изъ крестьянъ, обязанныхъ доносить сотнику, какъ о благополучіи, такъ и обо всѣхъ происшествіяхъ. Главное же начальство надъ селеніемъ генералъ вѣрилъ отставному подпоручику изъ выслужившихся рядовыхъ, который впрочемъ имѣлъ весьма небольшой кругъ власти, а обязанъ былъ рапортовать генералу и доносить по командѣ черезъ канцелярію. Всѣхъ провинившихся подпоручику за нарушенье представлялъ въ кордегардію, гдѣ дворничій, имѣя особыя инструкціи, или самъ чинилъ расправу, или докладывалъ его и—ству.

Привѣдя такимъ образомъ въ порядокъ свое имѣніе, Бобовихинъ послѣ дневныхъ занятій, по постройкамъ, по полевымъ работамъ, измученный то повѣркой винокуреннаго завода, то выѣздкой лошадей, — вечеръ посвящалъ еще и воспитанію дочери, которая воспитывалась подъ руководствомъ священника и подъ надзоромъ тетки. Священникъ, по тогдашнему обычаю былъ самъ не изъ ученыхъ, но понимая вещи, отказывался далѣе учить дѣвочку, требовавшую уже, по его мнѣнію, много образованія.

— А зачѣмъ ей образованіе? спросилъ генералъ, когда священникъ рѣшился сказать объ этомъ самому Бобовихину.

— Помвлуйте, в. п—ство, дочь такого именитаго мужа, тако-го знатнаго дворянина...

— Ну чтожь? она и останется дочерью генерала, если и не-будетъ знать мифологій, физикъ или другой дребедени, кото-рыми набиваютъ головы девченокъ.

— Съ позволенія в. п—ства: у насъ въ околodкѣ уже не одни богатые люди заботятся...

— А вы не знаете зачѣмъ?

— Ради просвѣщенія ума и сердца.

— Эхъ вы, батюшка! для просвѣщенія! Просто для выставки, чтобъ товаръ лицомъ показать. Повѣрьте, если узнаютъ, что за Людмилой будетъ сто тысячъ приданаго, посмотрите какіе явят-ся женихи!

— Само собою. Однако и науки...

— Вадорь! Какая наука? Не надо бабѣ никакой науки. Еще мужчинѣ можно пожалуй служить въ артиллеріи или въ колоно-вожатыхъ, сдѣлать карьеру... Да и то я вамъ скажу, эта модная наука свихнула головы многимъ молодымъ офицерамъ. Еслибъ не эта проклятая наука...

Тутъ генералъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Еслибъ не эта мерзостная наука, я командовалъ бы уже дивизіей. Понимаете ли вы?

— Понимаю.

— То-то же! Вы обучили Людмилу грамотѣ, молитвы она знаетъ: я самъ каждый вечеръ ее экзаменую. Теперь позайми-тась висьмомъ, — я хочу сдѣлать изъ нея своего старшаго адъю-танта.

Въ это время вошелъ по какому-то дѣлу подпоручикъ.

— А вотъ кстати Дудоренко. Ты учился какимъ-нибудь тамъ географіямъ? спросилъ Бобовихинъ.

— Никакъ-нѣтъ, в. п—ство.

— А въ Парижѣ вѣдь ходилъ?

— Хадылъ в. п—ство.

— И всю нѣмечину какъ-есть выходилъ?

— Точно такъ, в. п—ство.

— Ну, и физикъ не обучался?

— Никакъ-нѣтъ, в. п—ство.

— А разныхъ нехристей бивалъ?

— И еще какъ, в. п—ство!

— Видите, батюшка, что каждый может обойтись без этой дребедени. Меня самого деревенскій дьячокъ училъ грамотѣ, а клянусь вамъ честью, послѣ того я не бралъ ни одной книги въ руки, кромѣ устава, да календаря на двѣсти лѣтъ, а смотрате. слава-богу не хуже другихъ.

Съ подобными понятіями объ образованіи Бобовихинъ тѣмъ не менѣе каждый вечеръ, усѣвшись за чаемъ, экзаменовалъ свою дочь, то-есть выслушивалъ ея уроки изъ катихизиса и св. исторіи. Дѣвочка бойко говорила наизусть вызубренныя мѣста, а если ошибалась, то отецъ по собственному малограмотству не всегда замѣчалъ эти ошибки и только требовалъ, чтобъ дочь говорила урокъ громко и безъ запинки. По окончаніи экзамена если бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, Савва Михайлычъ училъ Людмилу сабельнымъ приѣмамъ и фланкировкамъ пикой, посвящая слегка въ стойку и маршировку, насколько самъ, какъ истый кавалеристъ того времени, зналъ эту премудрость. Когда дѣвочкѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, онъ купилъ ей на ярмаикѣ маленькую лошадку, выѣзженную отлично, и въ годъ Людмила могла не только сопровождать отца верхомъ въ конныхъ прогулкахъ, но знала даже тонкую манежную ѣзду. Съ тѣхъ поръ, бросивъ книги, она заступила при отцѣ должность секретаря, или какъ говорилъ генералъ, старшаго адъютанта. Дѣвушка писала дѣйствительно бойко, имѣла красивый почеркъ и мало-помалу, при помощи тетки, начала заниматься женскимъ хозяйствомъ. Въ семнадцать лѣтъ это была хорошенькая дѣвушка, но она болѣе походила на красиваго мальчика, потому что въ ея движеніяхъ и приѣмахъ мало оставалось женскаго.

Сознавая двоякииъ свое достоинство, какъ потомокъ древняго рода и какъ человекъ, дослужившійся до большого чина, Бобовихинъ, держалъ себя чрезвычайно гордо относительно уѣздныхъ властей и сосѣдей. Съ выходомъ въ отставку онъ очень хорошо зналъ, что въ качествѣ помѣщика ему надо было подчиняться гражданскимъ постановленіямъ, однако рассчитывалъ, что услачивая акуратно подати и доставляя своевременно рекрутъ, онъ избавлялся отъ всѣхъ столкновеній съ предводителемъ и съ земскою полиціей. Бобовихинъ не считалъ даже нужнымъ сдѣлать визитъ предводителю на томъ основаніи, что послѣдній былъ не болѣе какъ поручикъ въ отставкѣ, и только письменно увѣдомилъ его о своемъ приѣздѣ въ мѣстѣе. Съ исправникомъ онъ

уже совершенно не церемонился, и какъ оба эти должностныя лица сразу подчинились волѣ Саввы Михайлыча и оба, какъ нарочно, захвали сами къ нему познакомиться, то подобный порядокъ вещей установился и на будущее время. Такимъ образомъ Бобовихинъ приобрѣталъ значеніе въ уѣздѣ и самолюбіе возрастало въ немъ съ неимоверною силою. Савва Михайлычъ носилъ и дома всѣ ордена, но этого мало: онъ сталъ требовать, чтобы всѣ кто ни прѣзжалъ къ нему, являлся не иначе какъ въ мундирахъ и въ полной формѣ. Большинство чиновниковъ изъ разныхъ побужденій исполняли этотъ капризъ, и только послѣдніе два предводителя начали отзываться объ этомъ съ насмѣшкой, приводя старика въ негодованіе. Относительно сосѣдей Савва Михайлычъ поставилъ себя въ очень выгодное положеніе и пользовался повсемѣстнымъ почетомъ не собственно потому, что былъ генералъ, но въ качествѣ богатаго помѣщика-капиталиста, у котораго многіе пользовались кредитомъ, кто только умѣлъ заслужить его доброе расположеніе. Разумѣется преимущественно отставнымъ военнымъ помогалъ онъ и деньгами и совѣтами, не бралъ даже процентовъ, но, давая деньги, навязывалъ свое нравственное вмѣшательство въ дѣла сосѣда и требовалъ безусловнаго повиновенія.

Генералъ былъ гостепріименъ. Онъ не задавалъ пировъ, но съискривительно принималъ гостей и замѣчалъ сосѣдей, которые неприѣзжали поздравлять его съ годовыми праздниками. Самъ онъ выѣзжалъ довольно рѣдко, болѣе къ людямъ титулованнымъ и въ послѣднее время сталъ брать съ собою дочь, которая не умѣла одѣваться и была совершенной дикаркой въ обществѣ молодежи. Кое-кто изъ лицъ, которыхъ Савва Михайлычъ удостоивалъ выслушивать, выгались говорить ему о щекотливомъ положеніи богатой невесты, но Бобовихинъ отстранялъ подобныя бесѣды и не поддавался ничьему вліянію, пока въ окрестности не поселилась княгиня Сазандарова, вдова заслужоннаго генералъ-лейтенанта. Эта госпожа, при первомъ же знакомствѣ съ Саввой Михайлычемъ прибрала его къ рукамъ и какъ авторитетъ, если не убѣдила его въ несообразности воспитанія, даннаго дочери, то покрайней-мѣрѣ заставила его принять въ домъ компаньонку для Людмилы, одну изъ своихъ воспитаницъ. Генералъ согласился на эту мѣру болѣе потому, что компаньонка обязывалось выучить Людмилу танцамъ, которые были тогда единственнымъ развлеченіемъ

не только молодежи, но и людей средняго возраста. Савва Михайлычъ, конечно, посвоему смотрѣлъ на танцы и называлъ ихъ скоморошествомъ, однако не могъ не признать за нами права гражданства, потомучто безъ нихъ необходимо ни одно деревенское собраніе. А дѣйствительно въ обществѣ странную роль играла Людмила, — невѣста со ста тысячами придаваго, неумѣвшая даже пройтись экосеза. Между тѣмъ къ Людмилѣ начинали уже присватываться женихи, и появленіе княгини Сазандоровой подоспѣло какъ нельзя болѣе кстати, потомучто она въ качествѣ аристократки, жившей постоянно въ Москвѣ, постаралась соединить въ своемъ домѣ избранное общество. Выѣзжая съ отцомъ къ сосѣдямъ Людмила и сама понимала неловкость своего положенія и хоть не сознавала главнѣйшаго своего недостатка — отсутствія образованія, однако видѣла, что неумѣнье танцовать мѣшало веселиться, а ей хотѣлось принять участіе въ удовольствіи сверстницъ и поболтать съ молодыми людьми, съ которыми безъ танцевъ такъ трудно разговаривать было въ провинціи. Людмила замѣтила также и всю несообразность своего туалета, которымъ занималась тетушка, невыѣзжавшая лѣтъ двадцать изъ деревни, возбуждавшаго, какъ замѣтила она, во многихъ, если не явныя насмѣшки, то непріятный шопотъ, что приводило ее въ смущеніе. Но княгиня Сазандорова не упустила изъ виду этого обстоятельства и прямо потребовала отъ Бобовихина коренной реформы въ нарядахъ дочери. Савва Михайлычъ на этотъ разъ не оказалъ никакого сопротивленія, а выразилъ величайшую готовность построить новую экипировку Людмилѣ, которая по своему положенію какъ генеральская дочь, должна была являться не только не хуже другихъ, но превосходить всѣхъ дѣвицъ въ околodкѣ. Компаньонкой къ богатой невѣстѣ попалась веселая неглупая дѣвушка, которая тотчасъ же добросовѣстно принялась за роль наставницы и если не могла передѣлать рѣзкихъ мужскихъ манеръ своей ученицы, то по крайней мѣрѣ довольно скоро сѣумѣла передать ей тогдашніе общеупотребительные танцы: экосезъ, вальсъ, матродуръ, русскую, кадрилъ и мазурку. Генералъ по вечерамъ присутствовавшій при урокахъ, хоть и ничего не смыслилъ въ танцахъ, однако дѣлалъ свои замѣчанія и припоминалъ, что видѣлъ балеты въ Парижѣ, гдѣ «этакія разныя канашки чортъ-знаетъ какія штуки выдѣлывали ногами.»

Компаньонка при своемъ живомъ характерѣ и умѣньи подла-

живаться ко всему, вскорѣ постигла Савву Михайлыча и мѣсяца черезъ два поладила съ его превосходительствомъ. Бобовихинъ никогда не отличался мягкостью характера, съ женою жилъ постоянно не въ ладахъ, а овдовѣвъ рѣшительно не терпѣлъ женскаго общества; онъ и смотрѣлъ на женщину чисто съ солдатской точки зрѣнія. Но это потому, что составлявъ себѣ планъ жизни, онъ не отступалъ отъ программы и никогда не пытался войти съ женщиной въ болѣе интимныя отношенія. Когда же въ домъ его поселилась молоденькая хорошенькая дѣвушка, бойкая, кокетливая, генералъ невольно поддался обаянію новыхъ ощущений, и смотря на гибкую фигуру компаньонки, на ея раскраснѣвшееся лицо во время танцевальныхъ уроковъ, на стройныя ножки, иногда усленно покручивалъ рыжеватые усы и, пыхтя трубку, мычалъ про себя:

— Гм! какая смазливая канашка, чортъ побери!

Въ послѣднее время Бобовихинъ смягчился до того, что при встрѣчѣ съ компаньонкой припоминалъ даже многія французскія фразы, усвоенныя имъ, конечно, въ такой же формѣ, какъ ихъ усвоили Дудорѣнко и подобные ему ветераны, побывавшіе за границей.

Въ началѣ разказа мы видѣли Савву Михайловича сидящимъ у стола съ трубкой въ зубахъ и преданнаго какой-то особенной зботливой задумчивости. Сѣдые кустистыя брови генерала сдвинулись, и изъ подъ нихъ большіе генеральскіе глаза посматривали грозно, какъ во время оно въ разгарѣ неудачнаго ученья. Дѣло вотъ въ чемъ. Мѣсяца два назадъ въ сосѣдствѣ Переносина появился отставной ротмистръ Усольцовъ и не только не исполнилъ своей обязанности отдать почтеніе генералу, а нѣсколько разъ, рыская съ борзыми, вытаптывалъ хлѣба у Бобовихина и у его крестьянъ и со смѣхомъ рассказывалъ про то сосѣдствѣ, что передавалось Саввѣ Михайловичу многими доброжелателями. Генералъ даже не постигалъ поведенія сосѣда, и его огорчало вопервыхъ невѣжество какого-нибудь ротмистра, а вторыхъ мысль остаться въ щекотливомъ положеніи передъ мѣрянами, не приведя либерала къ должному чинопочитанію. Наказуя описаннаго дня Усольцовъ вытопталъ значительное количество генеральской гречихи, и когда случившійся на мѣстѣ

сотникъ началъ было отстаивать собственность своего патрона, Усольцовъ чубукомъ прогналъ сотника и велѣлъ передать генералу такія фразы, какія разумѣется были ему переданы въ весьма смягченномъ видѣ. Будь Усольцовъ мелкопомѣстный владѣлецъ, Бобовихинъ незадумался бы командировать исправника для внушенія буяну его обязанностей, но ротмистръ получалъ въ наслѣдство отъ тетки отличное имѣніе въ тысячу душъ съ угодьями чуть лишь не лучшими нежели у Бобовихина. Савва Михайлычъ не могъ не знать, что богатый помѣщикъ неслишкомъ-то обращалъ вниманіе на земскую полицію и рѣшился дѣйствовать сперва силою убѣжденія, а впослѣдствіи уже искать суда формальнымъ образомъ, чего всегда боялся Бобовихинъ, да и не имѣлъ еще къ тому повода. Если случались какія-нибудь порубежныя неудовольствія, то генералъ оканчивалъ ихъ своимъ судомъ въ двадцать четыре часа, не считая нужнымъ прибѣгать ни къ чьему посредничеству. Разумѣется его крестьяне непопадались, потомучто надъ ними распространялась слишкомъ заботливая опека, а страдали преимущественно луга, поля и рощи переносовскія отъ умышеннаго и неумышеннаго вѣдѣнія сосѣдскаго скота, отъ легкаго воровства хлѣбовъ и сѣна или незначительной порубки дѣса. Съ бѣдныхъ людей Бобовихинъ небралъ денежнаго вознагражденія, а требовалъ только примѣрнаго наказанія крестьянъ, съ богатыхъ же назначена была такса и кромѣ того мужики само по себѣ платились спиною. Случай вытѣпыванья хлѣбовъ охотниками еще были совершенною новизною для Саввы Михайлыча, потомучто хотя многіе помѣщики держали охоту, однако отправлялись въ отъѣздъ поле или осенью по чернотропу или съ первой порошей. Усольцовъ же, пренебрегая мѣстными обычаями, началъ рыскать еще когда не убранъ былъ хлѣбъ съ полей и какъ нарочно для своихъ подвиговъ избралъ владѣнія Саввы Михайлыча. Первый разъ генералъ пропустилъ поѣздъ Усольцова безъ особенныхъ преслѣдованій, но когда забубенный ротмистръ не только не угодился, а напротивъ началъ нарочно топтать переносовскія поля и однажды даже промчался съ своей стаей по селенію мимо генеральскаго двора съ гикомъ, свистомъ и выстрѣлами, Бобовихинъ возмущился такимъ забвеніемъ приличій и чипоччитанія и началъ придумывать мѣры къ обузданію неугомоннаго сосѣда. Въ это время ротмистръ учинилъ пассажъ болѣе значительный и еще

наизвѣстно, неуважительно отозвался о его превосходствѣ.

За дверью нѣсколько разъ уже раздавался легкій кашель, но генералъ не слышалъ этого легкаго вопроса, можно ли войти? и не скоро воззвонилъ въ колокольчикъ.

Вбѣжалъ мальчикъ въ куртку и рейтузахъ военного покроя.

— Что прикажете, ваше п—ство?

— Позвать мнѣ Голоножку!

— Я давно здѣсь, ваше п—ство! отозвался громкій голосъ и вслѣдъ за этимъ высокій унтеръ-офицеръ, войдя въ кабинетъ, вытянулся у притолика.

— Отчего же ты не явился?

— Несмѣлъ безъ приказанія вашего п—ства; я раза три кашлянулъ.

Оборотясь къ мальчику, генералъ сдѣлалъ выразительный жестъ, послѣ котораго тотъ исчезъ за дверью, а другимъ жестомъ Савва Михайлычъ позвалъ унтеръ-офицера.

— Ну, что?

— Копень на сорокъ выбито, ваше п—ство.

— А на крестьянскихъ поляхъ?

— Позвмято не много просо, самая малость.

— Все равно, слѣдуетъ привести въ извѣстность. У тебя наружныхъ знаковъ никакихъ не осталось.

— Никакихъ, ваше п—ство. Они изволили меня вытянуть раза три по спинѣ и совсѣмъ немного ваше п—ство.

— Болванъ! Не въ томъ дѣло, а какъ онъ смѣлъ бить моего вѣдчиннаго, тѣмъ болѣе, что ты находишься при исполненіи своей обязанности.

— Точно такъ, ваше п—ство.

— И кромѣ того при тебѣ осмѣливался неуважительно отзывать о твоёмъ начальникѣ.

— Точно такъ, в. п—ство.

— Ступай въ канцелярію и вели старшему писарю изготовить дѣла, да нарядить верхового порасторопише къ этому забіякѣ.

— Слушаю. Счастливо оставаться, в. п—ство.

— Вели позвать мнѣ адъютанта.

Черезъ нѣсколько времени въ кабинетъ вошла Людмила, и не говоря ни слова, присѣла къ письменному столу, на которомъ въ

порядкѣ разложены и разставлены были всѣ канцелярскія принадлежности.

— Пиши черновую, сказалъ Бобовихинъ.

— Готово.

— Отставного генералъ-майора и кавалера Бобовихина, оставшему же ротмистру Усольцову.

— А не надо, папенька, прибавить и кавалеру.

— Вотъ этого не знаю, не мудрено, что и кавалеръ, разбойникъ.

— Такъ я прибавлю.

— Ну, а если не кавалеръ, зачѣмъ напрасно величать его, пожалуй еще больше зазнается. Пиши: «Съ полученія сего предлагаю в. б—дію увѣдомить меня, по какому праву осмѣлились вы топтать неоднократно мои поля, нанести побой моимъ подчиненнымъ и оскорбительно отзываться обо мнѣ въ присутствіи своихъ холопей? Кромѣ этого донесенія для представленія его по командѣ, предлагаю вамъ явиться ко мнѣ завтра поутру въ девять часовъ для дальнѣйшихъ моихъ распоряженій.

— Есть.

— Отправь въ канцелярію перебѣлнить и поднесешь мнѣ къ подпису, а потомъ запечатай въ конвертъ и отправь съ нарочнымъ.

— Слушаю, папенька. Я видѣла этого Усольцова мелькомъ у княгини, и кажется у него есть ленточка въ петлицѣ.

— Да можетъ онъ носить медальку въ память двѣнадцатаго года. Впрочемъ нѣтъ особой важности, если онъ имѣетъ орденъ, а я не назвалъ его кавалеромъ: младшему это не проходитъ даромъ, старшаго же за такія мелочи не осудятъ.

Черезъ полчаса, подписавъ грозную бумагу и отправивъ ее съ нарочнымъ, генералъ несовсѣмъ спокойно отправился обѣдать и неподдавался веселому болтанью компаньонки, которая умѣла какъ-то развлекать Савву Михайлыча. Бобовихинъ очень хорошо зналъ, что предписаніе не произведетъ желаемого дѣйствія, а послалъ его во первыхъ для очищенія совѣсти, а вторыхъ для показанія Усольцову, что генералъ-майоръ не можетъ стать на одну доску съ какимъ-нибудь ротмистромъ; третьихъ же и это самое главное, что Усольцовъ не посмѣетъ нагрубить ему на бумагѣ. Онъ боялся только одного, что ротмистръ не станетъ отвѣчать письменно, и можетъ-быть велитъ конюху пе-

ршилъ на словахъ какую-нибудь невѣжливость, оскорбительную для генеральскаго самолюбія... Вотъ почему весь обѣдъ онъ былъ мало разговорчивъ, отвѣчалъ нехотя, лаконически и почти не рассказывалъ о своихъ подвигахъ и походахъ. Онъ даже придрался къ повару за недожареную индѣйку и велѣлъ отправить его въ кордегардію.

Генералъ обыкновенно имѣлъ привычку, выпивъ чашку послѣобѣденнаго кофе и выкуривъ большую трубку, ложиться на полтора часа спать и самъ просыпался акуратно въ назначенное время. Будить его никто не имѣлъ права и въ домѣ былъ введенъ такой порядокъ, что во время сна его превосходительства не только стукъ или шумъ строго наказывались, но вообще во дворѣ и въ саду соблюдалась чрезвычайная тишина, потому что Савва Михайлычъ спалъ очень чутко. Но въ описанный день, ложась отдохнуть послѣ обѣда, Бобовихинъ приказалъ дочери тотчасъ же разбудить его при возвращеніи гонца, посланнаго къ Усманову. Однако Саввѣ Михайлычу не пришлось подвергнуться лишенію: въ тотъ моментъ, когда онъ проснулся и позвонилъ въ колокольчикъ, ему донесли о пріѣздѣ конюха. Несмотря на слѣбое исполненіе всѣхъ своихъ привычекъ, генералъ, который проснувшись, принимался полоскаться минутъ покрайней-мѣрѣ десять, тотчасъ же кликнулъ гонца и усѣлся въ спокойное кресло.

— Здравія желаю, в. п—ство, проговорилъ высокій парень, остановясь у порога и вытянувшись въ струнку, разумѣется съ руками, опущенными по швамъ, изъ которыхъ въ одной держалъ завечатанный конвертъ.

— Видѣлъ самого?

— Самого, в. п—ство!

— И есть отвѣтъ?

— Пожалуйте, в. п—ство!

— И конюхъ, сдѣлавъ два шага впередъ, подалъ письмо генералу.

— Скотина! Сколько разъ я говорилъ, что пожалуйста знайте дайте, — а тебѣ слѣдовало сказать извольте.

— Виновать, в. п—ство.

— Тебя не выругалъ?

— Выругали, в. п—ство.

— А въ морду незаѣжалъ?

— Никакъ иѣтъ, не заѣжали, а погрозили только кулакомъ, в. п—ство.

— И больше ничего не сказывалъ?

— Не сказывали... иѣтъ... говорили...

Генералъ нахмурился.

— Болванъ! не заминаться!

— Не смѣю, в. п—во.

— Пошолъ вонъ, дуракъ! Не болтать въ застольной! Чемимаешь?

— Понимаю, в. п—во.

— Маршъ!

Ковкохъ поворотился налѣво—кругомъ и вышелъ изъ кабинета.

Савва Михайлычъ дрожащими руками распечаталъ конвертъ. Всѣ письма и бумаги обыкновенно читала ему Людмила, но на этотъ разъ генералъ счелъ за лучшее не тревожить своего адъютанта. Надѣвъ очки, онъ принялъ однакожь гордый видъ, чтобъ хоть въ этомъ сохранить свое достоинство, и развернулъ листокъ почтовой бумаги. Довольно—крупнымъ и четкимъ почеркомъ было написано слѣдующее:

Милостивѣйшій государь

Савва Михайлычъ.

«Забавное предписаніе вашего превосходительства получилъ и довольно посмѣялся. За помятую гречиху плачу сколько придется, ибо Усольцовъ никому изъяну не дѣлаетъ и слава—бегу ииѣть чѣмъ оплачивать свои лотѣхи. Являться къ вамъ неимѣренъ, а мои ворота постоянно отперты для друга и недруга. Погребъ у меня великолѣпный, и если я сегодня не пьянъ, то причиною этому поѣзда моя къ помѣщику Контрапошкину, гдѣ мы урѣжемъ какъ слѣдуетъ. Охоту смерть люблю, потому что и дѣдъ и отецъ мой выросли на псарнѣ, да и у самого какъ—то сердце лежитъ къ собакамъ. Когда вылетаю въ отъѣздное платье, я не смотрю ни на кого и ни на что: ату его! ухъ его! и радъ во всю ивановскую! Попадись на дорогѣ не только несчастливая полоса, а какіе угодно цвѣтники, я не посмотрю ииъ въ арбу. Такъ я привыкъ дѣйствовать, а въ мои годы трудно отстать отъ привычекъ. Притомъ же у меня всю жизнь было правило: вѣду, вѣду не свищу, а наѣду не спущу!» Вашъ покорный слуга:

Д. Усольцовъ...

Бобовихинъ два раза прочелъ отвѣтъ, и его бросило въ легкую испарину.

— Ишь, подлець, красно какъ пишетъ! проговорилъ онъ и швырнулъ письмо въ столъ, чтобъ не попалось на глаза Людмилѣ или писарю.

Пораженіе было довольно полное, и не предвидѣлось никакой возможности привести буяна къ должному повиненію. Бобовихинъ почувствовалъ даже что-то вроде разлитія жолчи и ринуть, что не было другого средства, какъ пожаловаться губернатору. Правду сказать его тревожило любопытство узнать что сказалъ Усольцовъ его посланному, и онъ обдумывалъ, какъ бы, сохраняя приличіе, выслушать подлинныя ротмистерскія фразы, но такъ какъ ему представлялась возможность выйти побѣдителемъ въ глазахъ сосѣдей истребованіемъ съ Усольцова денежнаго вознагражденія, то и нечего уже было производить подробное сѣдствіе. Весь день Савва Михайлычъ бормотался въ дурномъ расположеніи духа, распекалъ всѣхъ кто ему ни подвертывался, а потомъ вечеромъ, съ помощью Людмилы и старшаго писаря, составлялъ требованіе отъ пересосовской экономіи въ экономію Усольцова объ уплатѣ денегъ за помятую гречиху. На этотъ разъ бумага была послана не въ формѣ предписанія, а простымъ отношеніемъ изъ генеральской канцеляріи. Посланный однакоже не засталъ ротмистра дома, а контора Усольцова очень вѣжливо отвѣчала, что безъ бумаги не можетъ прислать требуемой суммы, не имѣя на этотъ предметъ никакого предписанія. Какъ-то уже черезъ недѣлю Савва получилъ въ канцеляріи конвертъ со вложеніемъ требуемыхъ денегъ при бумагѣ отъ имени ротмистерскаго управителя, которая оканчивалась слѣдующимъ образомъ :

«Деняны Павлычъ находятъ, что цѣна за побитую гречиху назначена довольно высокая и приказали довести до свѣдѣнія пересосовской экономіи, что и на будущее время они не отказываются вытѣпывать генеральскіе поѣввы, но желали бы болѣе дешевой оцѣнки, ибо нынѣ хлѣба вообще продаются не дорого».

Конечно въ этомъ отношеніи проглядывала насмѣшка, но такъ бумага была написана въ канцелярію и о генералѣ прямо не упоминалось, то Бобовихинъ проглотилъ и эту пилюлю, не обнаруживъ особаго раздраженія. Подъ-вечеръ онъ даже при-

шоль къ тому заключенію, что современемъ можно будетъ Усольцова привести постепенно, если не къ покорности, то къ чинопочитанію, тѣмъ болѣе, что осенью онъ ожидалъ визита губернатора, который обѣщалъ послѣ ревизіи уѣзднаго города захватить въ Переносовку.

У Саввы Михайлыча одна изъ гостивыхъ комнатъ была посвящена семейнымъ портретамъ, рисованнымъ по большей части самозванцами-живописцами, которые преимущественно обращали вниманіе на сходство костюма, аксессуаровъ, на вычурность позы, но не заботились, или можетъ-быть слишкомъ уже заботились о сходствѣ физіономій, такъ что предки Бобовихина и съ отцовской и съ материнской стороны чрезвычайно походили другъ на друга и разумѣется съ подлинниками не имѣли никакого подобія. Собственный поясной портретъ Саввы Михайлыча въ генеральскомъ мундирѣ, нарисованъ былъ довольно спосно за границей, но какъ въ то время у него не было еще звѣзды и ленты, а Бобовихину не хотѣлось видѣть изображеніе своей фигуры безъ должныхъ украшеній, то какой-то досужій маляръ на заграничномъ портретѣ прибавилъ звѣзду и ленту, испортивъ совершенно работу чужеземнаго собрата. Савва Михайлычъ, любившій до страсти симетрію, долго беспокоился при видѣ своей портретной галереи, съ значительными пробѣлами на стѣнахъ и не зналъ чѣмъ наполнить комнату, предназначенную единственно для семейныхъ изображеній. Нѣкоторые портреты были даже въ двухъ экземплярахъ, а все еще одна стѣна оставалась свободною, и Бобовихинъ не рѣшался повѣсить на ней разныхъ генераловъ, испещрявшихъ стѣны залы и большой гостиной. Наконецъ однажды ему пришла мысль, и онъ схватился за нее съ особеннымъ рвеніемъ, заказать большую картину своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности взятіе деревни Сент-Эшеля, гдѣ онъ единственный разъ въ жизни командовалъ отрядомъ. Надобно сказать, что Савва Михайлычъ не отличался ни военными способностями, ни соображеніемъ, но при известной долѣ личной храбрости отлично зналъ всѣ мелочи обмундировки, фронта, пригонки, умѣлъ отчетливо дѣлать всѣ эволюціи на смотрехъ, ученьяхъ и исполнять въ точности всѣ приказанія начальства. Въ бою же, тамъ гдѣ дѣло представлялось его собственному усмотрѣнію, онъ терялся совершенно. Нѣсколько разъ во время большихъ битвъ онъ выходилъ неудачно именно отъ

своей суетливости и несообразительности; въ пылу сраженій этого не замѣчали, и онъ даже получалъ и награды въ числѣ прочихъ. Случилось какъ-то во Франціи Бобовихину находиться въ отрядѣ, начальникъ котораго былъ убитъ во время сраженія. Савва Михайлычъ, какъ старшій, подъ пулями принялъ начальство надъ отрядомъ въ то время, когда наши, увлекаемые храбростью и пыломъ боя, тѣснили французовъ, заступившихъ въ деревенькѣ Сент-эшень, и взяли ее приступомъ. Разумѣется честь побѣды приписана была Бобовихину, который и пожалъ при этомъ случаѣ неожиданные лавры. Но Савва Михайлычъ, самъ ослѣпленный славою, единственно себѣ приписалъ удачное занятіе Сент-эшеня и любилъ рассказывать объ этомъ подвигѣ съ малѣйшими подробностями. Впослѣдствіи, и именно подъ старость, штурмъ этотъ казался ему одной изъ важнѣйшихъ причинъ успѣшности всего нашего заграничнаго похода. Бобовихинъ даже пришолъ къ заключенію, что, по интригамъ, его обошла наградой, — именно ему слѣдовалъ Георгій 3-й степеня, и что подвигъ этотъ оцѣнится развѣ однимъ безпристрастнымъ потомствомъ.

Бобовихинъ не былъ скупъ, денегъ у него всегда водилось много, и потому какъ только ему пришла мысль заказать картину своихъ подвиговъ, онъ тотчасъ же написалъ въ Петербургъ къ своему двоюродному брату, выслать въ Переносовку порядочнаго живописца, съ тѣмъ, чтобы послѣдній не беспокоился относительно вознагражденія за работу. Разумѣется путевыя издержки Савва Михайлычъ принималъ на себя. Исторія съ Усольцовымъ вытѣснила было на время у генерала любимую мету о картинѣ и о скоромъ пріѣздѣ художника, который, по письму двоюроднаго брата, давно уже находился въ дорогѣ. Хотя Савва Михайлычъ и получилъ деньги за вытоптанную гречку, что въ глазахъ сосѣдей служило нѣкоторымъ образомъ какъ доказательство его превосходства надъ буйнымъ его сосѣдомъ, который не зналъ границъ своеволю, однако тѣмъ немедленно письмо ротмистра и отношеніе его конторы въ канцелярію показывали, что Усольцовъ во первыхъ не преминетъ снова выкинуть какую-нибудь пакость, а во вторыхъ, легко можетъ разгдаться и о своей перепискѣ. Поэтому нужно было хорошо подумать, какбы выйти изъ неловкаго положенія, наслучай если забубенный ротмистръ учинитъ новый наѣздъ, а что

всего хуже раззвонить о своемъ ослушаніи противъ старшаго. Разумѣется у него была сильная надежда на губернатора, который по мнѣнію Саввы Михайлыча, обвинить Усольцова уже потому, что ротмистръ гораздо моложе чиномъ; но до прѣизда губернатора могло еще произойти не одно столкновеніе. Формально жаловаться въ судъ Бобовихинъ не хотѣлъ на томъ основаніи, чтобъ эти «приказные крючки» не подумали о несостоятельности генерала совладать съ какимъ-нибудь ротмистромъ.

Для черезъ два, неуспѣлъ Савва Михайлычъ пробудиться отъ послѣ-обѣденнаго сна, какъ ему доложили о прѣздѣ изъ Петербурга какого-то молодого человѣка.

— А! проговорилъ Бобовихинъ съ просвѣтлѣвшею нѣскольکو физиономіей: — прѣситъ сюда въ кабинетъ.

И генераль поспѣшилъ надѣть халатъ, но, не взирая на торопливость, неприминулъ запахнуть полу такимъ образомъ, чтобъ звѣзда бросилась туже минуту въ глаза прѣзжему. Въ кабинетъ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ подлѣ тридцать, довольно-красивой наружности, во фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и почтительно поклонился.

— Имѣю честь рекомендоваться, Филиппъ Андреевъ сынъ Колотырскій.

— Очень радъ. Вы художникъ?

— Точно такъ, в. п-во. По вызову вашему отпразднеть Семеномъ Петровичемъ.

— Вы изъ какихъ?

— Изъ дворянъ, в. п-во.

— Въ такомъ случаѣ прошу садиться. Но прежде, чѣмъ начать дѣло, скажите, батенька, обѣдали ли вы?

— Собственно говоря, в. п-ство, перекусилъ въ дорогѣ.

— Ну такъ и толковать нечего; сытый голоднаго не разумѣетъ! сказалъ улыбаясь Савва Михайлычъ и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Подать водки и тотчасъ приготовить обѣдъ что осталось! продолжалъ онъ, обращаясь къ вошедшему слугѣ: — а вещи этого барина перенести во флигель и назначить Федотку въ услуженіе.

Вѣрный своему принципу не говорить о дѣлѣ на тощій желудокъ гостя, генераль спрашивалъ о своемъ двоюродномъ братѣ, о дорогѣ и потомъ повелъ художника въ столовую, гдѣ

подакъ былъ послѣднему хорошій обѣдъ, потомучто хотя къ генералу в рѣдко приѣзжали посторонніе, однако принято было за правило оставлять всѣ блюда на всякій случай. Проголодавшись въ дорогѣ, художникъ не заставилъ себя припрашивать, что считалось въ то время необходимой принадлежностью гостеприимства, и съ усердіемъ работалъ ножомъ и вилкой. Онъ поѣдалъ довольно скоро, и когда ему подали чашку кофе, генералъ пригласилъ его въ кабинетъ потолковать о дѣлѣ, которое такъ долго было завѣтной мечтой Саввы Михайлыча. Генералъ до такой степени былъ проникнутъ предметомъ, что, позабывъ огромное разстояніе между нимъ и какимъ-нибудь маляршккой, предложилъ Колотырекому трубку.

— Такъ ты, батинька, изъ дворянъ? сказалъ онъ тѣмъ мягкимъ начальничьимъ тономъ, который употребляется иногда съ подчиненными.

— Точно такъ, в. п—ство, изъ бѣдныхъ дворянъ —ской губерніи. Съ малолѣтства имѣлъ стремленіе къ искусству и пѣшкомъ пошелъ въ Петербургъ въ академію.

— Значитъ, братецъ, поэтому ты изъ неважныхъ живописцевъ.

— Свободный художникъ.

— Какъ?

Колотырскій повторилъ.

— Это что за названіе?

— Такъ—сказать степень.

— Странная степень! Чтожъ это за свободный художникъ? Не признаешь властей чтоли?

И съдыя, генеральскія брови нѣсколько нахмурились.

— Помилуйте, в. п—ство! Впервыхъ у насъ есть свое начальство, вовторыхъ какже можно властей не признавать!

— Те-то же. Ну, такъ ты хорошо изучилъ ремесло?

— По силамъ и способностямъ. Теперь вотъ думаю писать картину на полученіе золотой медали, и можетъ—быть удастся попасть за границу.

— Это зачѣмъ?

— Изучать произведенія великихъ мастеровъ.

— Чтожъ тамъ краски составляютъ лучше нашихъ, чтоли?

— Такъ ужъ принято, в. п—ство. Не побывавъ за границей и славы не заслужишь...

— А тебѣ хочется славы? Это братъ, приобретается только съ оружіемъ въ рукахъ! сказалъ генераль не безъ нѣкоторой гордости.

— То совсѣмъ другая слава, в. п—ство, наша болѣе скромная, такъ-сказать мирная.

— Гм! старайся, старайся батинька, это похвально. Если удачно напишешь мою картину, я похлопочу тебѣ о золотой медали, потомучто вещь-то будетъ необыкновенная. Здѣсь дѣло идетъ о прославленіи нашего оружія.

— Я занимался баталической живописью, в. п—ство.

— То есть какъ?

— Неразъ копировалъ картины, изображающія различныя битвы.

— Стало-быть подготовленъ. Теперь къ дѣлу. Повторяю, если исполнишь мою мысль хорошо, впервыхъ заплачу тебѣ щедро, а ввторыхъ и въ Пегербургѣ о тебѣ постараюсь.

Послѣднее Савва Михайлычъ сказалъ уже въ видахъ придаванія себѣ большей важности, потомучто онъ рѣшительно не имѣлъ никакого знакомства въ академіи.

Колотырскій поклонился.

— Я готовъ исполнить самымъ добросовѣстнымъ образомъ желаніе в. п—ства.

— А взялъ ли ты съ собою всѣ свои матерьялы? У насъ въ уѣздномъ городѣ врядъ ли найдутся краски.

— Какже, в. п—ство! нашему брату нельзя выѣзжать безъ всѣхъ необходимыхъ принадлежностей.

— Что умно, то умно. Значить мы можемъ приступить къ дѣлу. Ты, какъ вижу, малый не глупый. Не случилось ли тебѣ читать такихъ разныхъ исторій?

— Конечно... да...

— Не читалъ ли ты или не слыхалъ отъ кого о Французской деревнѣ Сент-Эшелѣ?

— Нѣтъ.

— Странно! можетъ быть позабылъ. Штурмъ Сент-Эшеля очень важенъ.

— Помнится слыхалъ, в. п—ство! поправился художникъ, вачицавшій смѣкать, что не мѣшало поддакивать генералу.

— То-то же. Штурмъ этотъ производилъ твой покорный слуга, и его-то я хочу видѣть на картинѣ.

— Это будетъ для меня особенная честь, в. п—ство, и я надеюсь сдѣлать себѣ нмѣ вашей картиной.

— Еще бы! Миѣ желательно большой картины, но мы съ тобой послѣ рассмотримъ стѣну, на которой слѣдуетъ ее повѣсить, а прежде я долженъ рассказать тебѣ разныя подробности.

— Безъ этого я не могу приступить къ работѣ, в. п—ство.

— Само собою. Теперь же слушай внимательно.

И Савва Михайлычъ принялъ геройскую, по его мнѣнію, позу.

— Деревня Сент-Эшель лежитъ надъ рѣчкой, которая въ ширину будетъ этакъ сажень двадцать. По лѣвую сторону равнина и только вправо невысокая роща, а тамъ пошло пахатное поле. Тамъ знаешь поля не больше нашихъ огородовъ. Вотъ ты сперва изобрази Сент-Эшель; домики можешь нарисовать покрасить, только непременно у каждаго садикъ. Въ деревнѣ стоятъ французы, пѣхота и кавалерія. Они однакожь разсыпаны за плетнями, а позади церкви два орудія. Миѣ приказано взять деревню и выбить изъ нея непріятеля. По сю сторону рѣки ты изобрази нашихъ: батальонъ пѣхоты, дивизьонъ драгунъ, сотню донскихъ казаковъ и два легкія орудія. Впереди стою на боевомъ конѣ я въ полной драгунской формѣ. Я тогда былъ полковникомъ. Значить изобрази меня стоящимъ спиной къ деревнѣ, съ саблей въ рукѣ, то-есть я поворотился къ отряду и команду. Это впрочемъ далеко отъ деревни. Потомъ я дѣлаю распоряженіе: посылаю двѣ роты въ кустарники, спѣшиваю драгунъ, орудія въ середину и посылаю сперва ядра, а потомъ жарю непріятеля картечью. Стрѣлки въ это время производили ружейную пальбу. Изъ деревни тоже слышны выстрѣлы, но гораздо рѣже. Такимъ образомъ я соображаю, что перестрѣлкой возмешь не много, посылаю ординарца собрать двѣ роты въ рощѣ и иду на штурмъ. Подо мною убиваютъ лошадь. Миѣ подають казачьяго скакуна; я приказываю переправляться черезъ рѣчку, а орудія заставилъ поставить за мельницей, — я забылъ сказать, ты нарисуй тутъ же мельницу, — и обдавалъ французовъ хорошимъ гостинцемъ. Наши бросаются впередъ. Непріятель въ это время строится въ колонны и собирается отражать приступъ. Помню одно, что миѣ приказано взять Сент-Эшель, и хоть непріятель гораздо многочисленнѣе, однако я воодушевилъ своихъ молодцовъ. «Ребята, говорю, впереди смерть, но впереди и благодарность на-

чальства, позади, говорю, стыдъ. Ура!» И поднявъ саблю, первый бросаюсь въ рѣчку. Градъ пуль осыпаетъ насъ, но мы переходимъ бродъ, ударили въ штыки, опрокинули непріятеля и почти всю пѣхоту взяли въ плѣтъ. Конница вздумала было улепетнуть, но я съ дивизиономъ драгунъ и сотней казаковъ настигаю ее, крошу и разгоняю по полямъ, засѣянными пшеницей. Жители принимаютъ насъ какъ побѣдителей. Вотъ тебѣ исторія, и если ты не знаешь тогдашней формы, я раскажу тебѣ все до самой послѣдней гайки на мундштукѣ.

— Дѣло это дѣйствительно блестящее, и художнику можно воспользоваться многимъ, но только позвольте же узнать какой угодно будетъ в. п—ству выбрать моментъ: передъ штурмомъ, когда вы оборачиваетесь къ отряду, самый ли штурмъ, или наконецъ торжественное вступленіе въ Сент-Эшель.

— Какой тутъ моментъ, братецъ! Ты долженъ изобразить все, что я рассказывалъ.

— Это невозможно, в. п—ство, развѣ прикажете написать три, четыре картины.

— Не хочу я трехъ, четырехъ картинъ, а ты помѣсти на одной все это дѣло, какъ я передавалъ.

— Миѣ очень грустно несполнить велю в. п—ства, но я долженъ сказать, что у искусства есть свои законы и свое приличіе; истинный художникъ не переступитъ ни того, ни другого.

— Это что за дребедень?

— Я говорю въ томъ смыслѣ, в. п—ство, что требованіе ваше не можетъ быть исполнено художникомъ.

— Значитъ ты попросту ничего не смыслишь въ живописи. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и ѣхать.

— Я не подозрѣвалъ подобнаго требованія, в. п—ство. Двоюродный вашъ братъ, Семень Петровичъ, сказалъ только, что вамъ угодно заказать картину, но не предъявлялъ миѣ предложенныхъ вами условій. Иначе я, извините, не поѣхалъ бы.

— И прекрасно бы сдѣлалъ. Если не умѣешь исполнить требованія заказчика, нечего и браться; значить молодозелено.

— Не въ томъ дѣло, а в. п—ство изволите требовать невозможнаго.

— Прошу меня не учить, если не потому, что я имѣю честь состоять въ чинѣ генералъ-майора, но хоть изъ уваженія къ моимъ сѣдинамъ. Ты не можешь написать картину и баста, а я

за свои деньги всегда найду живописца. Но ты не думай, что я тебя выписалъ для твоего убытка. Ты вѣдь получалъ отъ Семена Петровича деньги на дорогу?

— Точно такъ.

— Я выдамъ тебѣ прогоны обратно до Петербурга, и суточные какъ оберъ-офицеру.

— Покорно благодарю, в. п—ство, но мнѣ очень прискорбно.

— Мнѣ братъ ни тепло ни холодно отъ твоего прискорбія. А если проѣздишь даромъ изъ Петербурга, вѣняй на себя. Учись, прилежай, слушайся старшихъ и современнѣ будешь порядочнымъ живописцемъ, не разбирая никакихъ тамъ моментовъ. Прощай! Переночуешь здѣсь, тебѣ завтра утромъ выдадутъ изъ канцеляріи деньги и отвезутъ въ уѣздный городъ. Тамъ уже твое дѣло.

И генералъ расстался съ живописцемъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

Верстахъ въ десяти отъ Переносовки лежало богатое село Кешарово — помѣстье отставного ротмистра Усольцова, нѣсколько уже намъ знакомаго по столкновеніямъ съ генераломъ Бобошнинымъ. Демьянъ Павлычъ Усольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гулякъ, которыхъ въ то время довольно было на матушкѣ Россіи, и который выражалъ собою именно типъ стариннаго гусара, неразъ описаннаго Д. Давыдовымъ. Какъ сынъ богатыхъ родителей, онъ даже получалъ недурное образованіе, любилъ приволонуться и женился въ чинѣ корнета, укравъ дочь у своего бригаднаго командира. Но узы Гименея не могли совладать съ широкой натурой Усольцова, и онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ холостыхъ кутежахъ и пирушкахъ. Усольцовъ тянулъ мертвую, но больше любилъ буянить или потѣшаться надъ кѣмъ бы то нибыло, кто подвертывался ему подъ руку, или какъ онъ выражался чье «мордаре» было ему не повкусу. Въ полку нѣсколько разъ его вызывали на дуэль, вследствие чего лицо Усольцова нашло на себѣ три или четыре перекрестныхъ рубца, однако онъ не упамался и чуть только встрѣчалъ неподходящую личность, тотчасъ же пускалъ въ ходъ самыя небыстрыя продѣлки. Несмотря однакоже на духъ времени, въ

которое гусары не отличались скромностью, чему доказательством творения все того же Д. Давыдова, полковая жизнь съсняла Усольцова и онъ кое-какъ перебивался до смерти отца, который не позволялъ ему выйти въ отставку и не прощалъ за самовольную женитьбу. Но едва старикъ отправился къ праотцамъ, какъ Усольцовъ поѣхалъ за ремонтомъ, а черезъ годъ рѣшился навсегда разетаться и съ любимымъ полкомъ, и съ шумными кутежами, и съ веселымъ скитаньемъ по походамъ, которые въ особенности давали обильную пищу изобрѣтательности Демьяна Павлыча. Его сманила совершенно независящая жизнь въ деревнѣ, гдѣ онъ могъ дѣлать что ему угодно, нестрашась уже ни суда товарищей, ни распекающаго начальства. Въ хозяйствѣ онъ ничего не смыслилъ, и хоть управляющій его обкрадывалъ порядочно, однако Усольцовъ, проживъ пять лѣтъ въ отставкѣ, не промоталъ имѣнья, а только значительно его перестроилъ. Сокращеніе доходовъ дошло уже до половины, когда умерла родная его тетка, жившая по сосѣдству съ Саввой Михайлычемъ Бобовихинымъ. Тетка же терпѣть не могла Усольцова, не принимала его и все грозилась лишить наслѣдства, однако такъ и скончалась, не сдѣлавъ никакого распоряженія. Изъ наслѣдниковъ у ней былъ не только ближайшимъ, но и единственнымъ Демьянъ Павлычъ. Кромѣ хорошаго имѣнья, старуха оставила ему богатый старинный домъ со всѣми принадлежностями, и Усольцовъ тотчасъ же переѣхалъ на новоселье, во первыхъ поближе познакомиться съ наслѣдствомъ, во вторыхъ — покутить въ другомъ уѣздѣ, славившемся своими отъѣзжими полями, куда при жизни тетки онъ изрѣдка появлялся на охоту и то въ отдаленномъ углу въ имѣніи пріятеля своего Контрапошкина.

Мы назвали Усольцова типомъ стариннаго гусара и это совершенная правда, потому что онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ необходимыя качества для олицетворенія и ёры и забіяки и дорогого собутыльника, и кромѣ того съ саблей въ рукѣ тоже выдѣлывалъ чудеса храбрости. Но съ другой стороны онъ былъ великолѣпный образчикъ самодура на томъ основаніи, что въ третьемъ видѣ могъ выкидывать уму непостижимыя штуки, неговоря уже о тѣхъ продѣлкахъ, какія выметывалъ онъ отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ. Тотчасъ по выходѣ въ отставку, почувавъ себя совершенно изабавленнымъ отъ всякой

оши. Усольцовъ началъ жить по весьма широкой програмѣ, не стѣнялся уже тѣми ограниченіями, какія въ службѣ налагались на него званіемъ офицера, честью мундира, наконецъ самою подчиненностью. Правда Демьянъ Павлычъ и въ полку иногда умѣлъ искусно обходить нѣкоторыя стѣснительныя для него условія, но тѣмъ не менѣе все-таки онъ чувствовалъ себя связаннымъ, потому что безобразное буйство не было безусловно терпимо въ арміи, и если порой сходило съ рукъ, то не иначе какъ вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, а Усольцовъ имѣлъ непреодолимую склонность побуянить при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ выходомъ въ отставку Демьянъ Павлычъ разомъ высказалъ главныя силы самодурства и изобрѣлъ много новыхъ, какъ онъ называлъ «штукантерій», непродумавшихся до него въ губерніи самыми отчаянными сорви-головами.

Женясь въ девятнадцать лѣтъ по любви, Усольцовъ дѣйствительно какихъ-нибудь полгода бѣшено любилъ жену и ревновалъ ее самымъ непростительнымъ образомъ. Жена его годкомъ или двумя старше мужа, была недурная собою женщина, безъ воспитанія, избалованная въ семействѣ. Она увлеклась молодымъ красивымъ корнетомъ и легко ушла съ нимъ отъ родителей, которые не желали этого брака, зная за Усольцовымъ много рѣзкія предѣлка еще въ юнкерскомъ чинѣ. Счастье молодой четы скоро нарушилось: старикъ Усольцовъ не прощалъ сыну житья бы и хоть бы уменьшалъ ему годового содержанія, однако того хватало обыкновенно и холостому, того безъ сомнѣнія мало было для женатаго, и потому молодой супругъ скоро пріѣхавъ разочароваться и пожалѣть о своемъ увлеченіи. Не успѣвъ у себя родиться первый ребенокъ, а уже Усольцовъ значительно охлаждалъ къ своей Антонинѣ и оставлялъ ее нерѣдко по цѣлымъ днямъ одну, порой безъ всякихъ средствъ существованія, — уѣзжая съ товарищами для кутежей и дебошей на ярманки въ дальнія окрестности. Разумѣется отецъ Антонины не скупился ни на заботы, ни на строгія внушенія, но какъ дѣло шло не о службѣ, то Усольцовъ на это мало обращалъ вниманія, тѣмъ болѣе, что бригадиръ любилъ свою дочь и помогалъ ей, несмотря на свои собственныя скудныя средства. Дѣйствовать энергически противъ отца генералъ не могъ: иначе, подвергая неприяностямъ Усольцова, ставилъ бы и дочь въ болѣе грустное положеніе.

Кромѣ ширины натуры относительно кутежей и всякаго подкѣдшаго безобразія, Демьянъ Павлычъ не прочь былъ и метнуть направо-налѣво, такъ что за частую молодая чета ежикивала безъ обѣда. Но къ счастью для жены Усольцова подскочила война, и она оставалась въ семействѣ генерала покрайней-мѣрѣ не голодная и хоть кое-какъ одѣтан. Въ походахъ Усольцовъ совершенно позабылъ о своей дражайшей половинѣ и жилъ на холостую ногу, а по возвращеніи домой отыскалъ ее и снова сдѣлалъ участницей разныхъ лишений и недостатковъ. Любовь съ его стороны исчезла безвозвратно, и онъ содержалъ жену уже на томъ только основаніи, что ея родители померли и ей негдѣ было преклонить голову, но онъ не скрывалъ, что она ему надобна. Антонина же Григорьевна все еще питала едвали не самую нѣжную страсть къ своему мужу и если не ревновала открыто, шибко передъ глазами десятки его невѣрностей, то все-таки не могла оставаться равнодушной и плакала втихомолку, но мужу неизмѣняла и въ то время, когда еще многіе за ней ухаживали. Отдохнула она немного съ выходомъ Усольцова въ отставку. Разумѣется забубенный ротмистръ не возвратился къ ней, но сталъ богатымъ помѣщикомъ, покупалъ ей наряды, давалъ средства роскошно жить въ хорошемъ помѣщеніи, и Антонину Григорьевну покрайней-мѣрѣ не убивала мысль что она будетъ и будетъ ли завтра обѣдать. Въ минуты особеннаго расположенія духа Усольцовъ дарилъ ей даже порядочные куши денегъ, которыхъ она могла тратить куда хотѣла, но бѣдная, забытая женщина не находила въ этомъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что при необиліи всего необходимаго и притомъ въ деревнѣ, она не имѣла возможности купить изъ прихоти какую-нибудь бездѣлку. Выѣзжала она очень рѣдко. Вообще Антонина Григорьевна была женщина безгласная, отвыкла отъ общества, и все что еще оставалось ей — это занятіе по хозяйству, которому училась она отъ нечего дѣлать.

Усольцовъ не любилъ сидѣть дома. Въ этомъ отношеніи онъ постоянно сохранялъ полковую привычку, которой неизмѣнилъ на какихъ-нибудь полгода послѣ женитьбы, а потомъ обыкновенно являлся домой только свать, да и то не всегда въ труппѣ видѣ. Выйдя въ отставку, онъ тотчасъ же освидомился — нѣтъ ли «теплыхъ ребятъ» въ уѣздѣ, и какъ этого сорта не заниматься стало было во время оно, то жизнь Усольцова пошла какъ по

малу въ кругу веселыхъ товарищей. Но не брезгая на первыхъ порахъ никакой веселой компаніей, Усольцовъ въслѣдствіи избралъ себѣ такъ-называемыхъ закадычныхъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ другой даже губерніи, и тогда только началъ считать себя счастливымъ. Выбравъ этотъ онъ сдѣлалъ на харьковской крещенской ярманкѣ. Друзья эти были все такія неугомонныя головы, и въ переѣздахъ отъ одного къ другому проходила шумная жизнь Демьяна Павлыча. Раза два въ годъ пріятели навѣщали и Усольцова и тогда разумеется онъ сидѣлъ уже дома, не развѣ въ первый день съѣзда Антонина Григорьевна видѣла мужа и друзей его, потомучто ихъ обычныя веселости были, какъ говоритъ Усольцовъ «безпорядочнаго свойства» и теплыя ребята требовали какъ безграничнаго простора, такъ и самой широкой распашки. Пребываніе закадычныхъ друзей въ домѣ Демьяна Павлыча заканчивалось обыкновенно какимъ-нибудь безобразіемъ, послѣ котораго разгульная компанія переносила куда-нибудь на другое мѣсто свою разгульную дѣятельность. Вырывалось впрочемъ время, когда Усольцовъ пріѣзжалъ домой и по двѣ недѣли сидѣлъ въ деревнѣ — это или въ глухую пору безденежья, или въ періодъ головныхъ болей, одолевавшихъ эту желѣзаную и неугомонную натуру. Демьянъ Павлычъ не имѣлъ впрочемъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ, и хотъ онъ въ кругу друзей пьянствовалъ по цѣлымъ днямъ безъ просыпу и могъ пить все, начиная отъ шампанскаго до самой скверной сивухи, однако немнѣе какъ въ товарищескѣ собутыльничковъ; а оставаясь одинъ, мезыказывалъ особливою склонности къ горячимъ напиткамъ. Зато у него были развиты двѣ неодолимыя страсти — къ собакамъ и женщинамъ. Овита его по многочисленности и породѣ борзыхъ могла считаться одной изъ лучшихъ въ губерніи, и были у него экземпляры по силѣ болѣе червонцевъ. Чтоже касается до прекраснаго пола, то Усольцовъ, стѣвленный врагъ однообразія, рыская по ярманкамъ, выбиралъ себѣ красивыхъ спутницъ по своему вкусу и любилъ чрезвычайно столкновенія національностей. Нерѣдко, двѣ-три компаньонки сопровождали его изъ Харькова или изъ Миты и поселялись въ большомъ флигелѣ, который назывался «квартирой для пріѣзжающихъ». Когда онъ переселился въ тетюшину деревню, то первой обязанностью считалъ построить большой флигель съ тѣмъ же назначеніемъ, и надо отдать ему справед-

ливость, что никогда своих оргій и египетских пирушек онъ не протѣлывалъ подъ одной кровлей съ женою, хотя въ себѣ имѣлъ помѣщеніи безобразничать со всеми перывами необузданной фантазіи: Выхватывались у него подъ очень пльмую руку попытки отправиться съ бушмой компаніей къ женѣ, собственно для показанія, что онъ имѣлъ полное право распорядиться какъ глава и повелитель, но всегда кто-нибудь изъ тельныхъ ребятъ умѣлъ его останавливать, представляя безрошотность и покорность Антонины Григорьевны.

— Да чего же она киснетъ, чего же она постоянно хнычетъ гваривалъ Демьянъ Павлычъ въ такихъ случаяхъ.

— А ты бы лучше хотѣлъ, чтобъ она злилась и ругалась!

— Желалъ бы, ейбогу! Я тогда показалъ бы ей что значить мужъ и какъ по закону она должна уважать меня.

— Оставь ее, Демьянъ: она тебѣ не мѣшаетъ веселиться, нетронь же и ты ее въ свою очередь.

— Эхъ, жизнь! скажетъ бывало Усольцовъ, ударить куломъ по столу и велить сыграть какую-нибудь забористую.

Во время оргій Усольцовъ очень любилъ пляску, разумѣется пляску, какъ говорилъ онъ, разнузданную, передъ которой блѣнѣли всѣ наши даже загородные канканы, и нервно самъ деказывалъ чудеса искусства. Танцы у него для мужчинъ не были обязательны вообще, каждый могъ оставаться и спокойнымъ зрителемъ, если на то была добрая воля; но если Усольцовъ приказывалъ играть «вдоль по улицѣ» никто не имѣлъ права не участвовать въ самой бѣшеной пляскѣ, представлявшей высшую степень разгула и безобразія. Въ дни трезвости Усольцовъ любилъ проводить вечера въ своемъ флигелѣ и истиннымъ наслажденіемъ для него было ссорить его обитательницъ, подразнивая ихъ. Женскія схватки, особенно на словахъ, тѣшили его чрезмерно, онъ допускалъ самую либеральную жестокость, но если дѣло доходило до рукопашнаго боя и миролюбивое посредничество ротмистра не имѣло успѣха, онъ обыкновенно сыпалъ острыми черкескую пльть и посредствомъ этого аргумента совершалъ соперницъ къ перемирію.

Интересны были въ домашней жизни отношенія Антонины Григорьевны къ обительницамъ флигеля и ихъ къ госпожѣ Усольцовой. Конечно и предполагать невозможно, чтобъ она вслѣдствіи присутствія въ домѣ песторощихъ женщинъ, не она, старавшаяся

меди-синамте не показать этого нѣкоторымъ инстинктомъ, навѣ-
 шившимъ ее, а если уже неизбежно приходилось ей говорить о
 гонимыхъ по Флигелю, то она выражалась о нихъ шепотомъ какъ о
 комедьянтеляхъ, приглашенныхъ мужемъ въ деревню для развлека-
 тельнаго. Подобнымъ названіемъ бѣдная женщина хотѣла какъ бы
 оправдать и собственное положеніе и поведеніе мужа, который,
 несмотря на разгулъ и буйство, доставлялъ ей роскош-
 ную жизнь въ матеріальномъ отношеніи. *Комедьянтки* при-
 встрѣчь, — а это дѣломъ на примѣръ случалось довольно ча-
 сто, — расклаивались съ нею, а она нехотя отдавая поклонъ, ста-
 ралась не уронить своего достоинства и спѣшила уйти, чтобы
 какъ-нибудь не заговорить съ ними что по ея мнѣнію могло
 компрометировать ее въ глазахъ прислуги. *Комедьянтки* у ру-
 жистра собирались иногда три или четыре, и такъ какъ онѣ всѣ
 блѣде или менѣе любили пощеголять, то необходимо было при-
 командировать къ нимъ нѣсколько горничныхъ, черезъ кото-
 рыхъ и всѣ скандалы передавались настоящей барыни. Анто-
 нина Григорьевна была посвящена во внутренній бытъ флигеля
 и знала до подробностей характеристику комедьянтокъ. Она
 впрочемъ давно уже привыкла переносить нравственное униже-
 ніе: — еще въ молодыхъ лѣтахъ Усольцовъ откровенно сказалъ
 ей, что она ему надѣла и даже предоставилъ полную свободу
 жить гдѣ и какъ угодно, лишь бы она не предъявляла ника-
 кихъ претензій на его особу и не стѣсняла его вкуса по сердеч-
 ной части. Въ первое время Антонина Григорьевна плакала, ре-
 вновала, дѣлала даже мужу сены, но слезы, ревность и сены
 дѣлали только одно дѣйствіе, именно доставили ей возможность
 поближе познакомиться съ черкеской плѣтью, оставивъ дѣло
 любви въ такомъ же положеніи, въ какомъ было оно и до этого
 знаменства. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Демьянъ Павлычъ
 очень хорошо обходился съ женою, и когда она, какъ натура
 совершенно неразвита, не зная чѣмъ наполнить жизнь, ударилась
 въ ханжество и начала водиться съ юродивыми, попрошай-
 ками и странницами, — припадки ревности начали оставлять ее
 мирно-спокойно и она востепенно шла по пути отупѣнія. Въ оди-
 нельную эпоху Антонина Григорьевна походила на какую-то
 мушкетершу: въ средѣ постоянного нравственнаго угнетенія, вліявшаго
 на нее дурное, она слушалась каждой проходивки и залагала
 нелепѣйшія строгія лишенія — не по убѣжденію, а единствен-

но по совѣтамъ страшиковъ и страшицъ, которыхъ и теперь еще довольно шляется по провинціи. Усольцова однакоже боялся этотъ народъ и нарвался посѣщать Антонину Григорьевну во время отсутствія ротмистра, при видѣ котораго самый левкій юродивый, подобравъ полы, удиралъ въ ближайшій лѣсъ, во избѣжаніе какой-нибудь весьма негуманной выходки.

Но годы брали свое, и привычка самодурствовать, входившая уже въ плоть и кровь Усольцова, начинала подкапывать дружественныя отношенія его къ Антонинѣ Григорьевнѣ. Упавшій долготѣвкою властью надъ всѣмъ окружающимъ, дойдя почти до абсолютнаго деспотизма надъ друзьями, которые по его мановенію готовы были на самое вопіющее безразсудство. Демьянъ Павлычъ иногда подумывалъ — какой же онъ мужъ, если не могъ жену «привести къ одному знаменателю.» Ему вдругъ ни съ сего, ни съ того приходило въ голову, что нечѣшало бы и Антонину Григорьевну сдѣлать участницей какой-нибудь оргіи и заставить ее вмѣстѣ съ нѣсколькими странницами и странницами, протанцовать трепака среди расхлывшихся гостей подъ зрые, отрывистые звуки балалайки. Но противъ этого восставали даже его гости, въ которыхъ все еще оставалось какое-то инстинктивное состраданіе къ женѣ Усольцова, вследствие чего Демьянъ Павлычъ иногда выходилъ изъ себя, а все-таки не рѣшался послать за барыней или ворваться къ ней со всею бушевавшей компаніей.

Последнее время однакоже отъ исполненія этого намѣренія его отвлекало столкновеніе съ Бобовихинымъ, котораго онъ не любилъ и которому задумалъ надѣлать штукъ, еще неслыханныхъ, собственно потому, что Савва Михайлычъ былъ гордъ и непремѣнно требовалъ отъ сосѣдей уваженія. Въ этомъ отношеніи Усольцовъ былъ одинаковъ и пьяный и трезвый, и жажда избѣжить Бобовихина овладѣла имъ до такой степени, что онъ смѣло шелъ даже до испрашиванья совѣта у своихъ приверженцевъ, чего прежде не дѣлалъ ни въ какомъ случаѣ. Появилась извѣдка на сѣздахъ сосѣдей, Усольцовъ вразу еще не встрѣчалъ Саввы Михайлыча, на что сперва онъ и не обращалъ особеннаго вниманья, но когда получалъ отъ генерала извѣстную строгую бумагу, у ротмистра возгорѣлось желаніе сойтись гдѣ-нибудь съ Бобовихинимъ и непремѣнно озадачить его превосходительствомъ. Въ сосѣдствѣ онъ встрѣчалъ разные отзывы о Саввѣ Михайлы-

тъ, но преимущественно о генералѣ отзывались съ уваженіемъ, и хоть въ некоторые находили въ немъ смѣшныя стороны, однако сѣяться позволяли себѣ не иначе какъ въ короткомъ кругу, да и то подъ веселую руку. Вообще же Бобовихина сосѣди уважали, подчинялись его вліянію и смотрѣли на него какъ на человека, оказавшаго важныя услуги отечеству. Мы уже видѣли, что Савва Михайлычъ самъ высокаго мнѣнія о своихъ подвигахъ, которые хотѣлъ увѣковѣчить, передавъ на полотно, и только упрямство художника лишило его исполненія этого намѣренія. Когда Усольцовъ вытопталъ генеральскую гречиху и получилъ извѣстное предписаніе, онъ поѣхалъ рассказать объ этомъ обстоятельстве ближайшимъ сосѣдямъ, разумеется выставляя всю комическую сторону подобной переписки. Но два-три ближайшихъ сосѣда нашли Савву Михайлыча правымъ, бывъ убѣждены, что генералъ вѣче и не могъ написать къ ротмистру, не уронивъ своего достоинства. Усольцовъ только пожалъ плечами и началъ сзывать своихъ собутыльниковъ на совѣтъ какъ быть въ данномъ случаѣ и какую «сморозить штукастерію?» Нѣсколько дней сряду собирались самые бурные мотивки, но оканчивались ничѣмъ, потому что всѣ продѣлки, какія только предлагались ротмистру, были ему давно извѣстны, и Усольцовъ своихъ совѣтниковъ обругалъ свиньями, которыя неспособны выручить изъ бѣды друга. Демьянъ Павлычъ рѣшился прѣбѣгнуть къ своей изобретательности, и въ ожиданіи счастливой мысли, вознамѣрился покостить генералу всевозможными средствами. Для этого онъ поставилъ на ноги всю свою огромную деревню и общалъ значительное вознагражденіе тому изъ крестьянъ, кто поймаетъ на раздольскихъ поляхъ какую-нибудь генеральскую ситицу или даже птицу на пашнѣ или сѣнокосѣ. Разумеется въ сообществѣ не безъ этихъ столкновеній, и хоть у генерала рабочіе и дворовые держали что-называется ухо остро, однако возможно ли, житье-бытье съ жемьею, поручиться за какое-нибудь животное, чтобы оно не перешло сосѣдской границы? Генералъ впрочемъ тщеславился порядкомъ своей администраціи и любилъ ставить себя въ обществѣ какъ помѣщика, на котораго сосѣдъ не смѣлъ поводить разговоры. Но Бобовихинъ не зналъ съ кѣмъ пришлось имѣть ему дѣло. Обыкновенно генеральскіе пастухи, изъ боязни ответственности, зорко слѣдили за стадами и дѣйствительно никогда даже ротатый снотъ въ лѣтнюю жару, когда онъ мечется

отъ нухъ словно шальной, не забѣгалъ въ чужія владѣнія. Хотя въ сосѣдскіе пастухи, по случаю строгостей переносовской экономіи, старались избѣгать впаденія въ чужія границы, однако не встрѣчая энергической настойчивости со стороны своихъ властей, они допускали порой различныя безпорядки, вслѣдствіе чего по генеральской границѣ разбѣжали ревизоры и захваты-вали чужихъ лошадей, скотъ и овецъ на мѣстѣ преступленія. Усольцовъ только дѣлалъ еще набѣги на сосѣдскія владѣнія во время охоты, въ чемъ онъ впрочемъ нигдѣ и никогда не стѣснялся, потомучто къ подобному образу дѣйствія привыкъ издавна; но теперь онъ выискивалъ всѣ средства задѣть за живое Бобовихина и независимо отъ извѣстнаго приказанія, отданнаго крестьянамъ, считалъ обязанностью, верхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ псарей, дѣлать пограничныя разбѣды съ цѣлью напасть на какую-нибудь добычу. При подобномъ положеніи вещей, случай незамедлялъ представиться къ завязкѣ весьма интереснаго дѣла.

Какъ-то разъ выпавшись хорошенько послѣ обѣда, Усольцовъ выѣхалъ на охоту, направивъ путь на генеральскія владѣнія. Съ нимъ рядомъ ѣхалъ любимецъ его Игнашка и главный дочий и главный камердинеръ и наконецъ главный повѣренный всѣхъ барскихъ тайнъ, вслѣдствіе чего пользовавшійся уваженіемъ не только дворовыхъ, но и управляющаго и всей вотчины; этотъ Игнашка огромный дѣтина съ серьгой въ ухѣ олицетворялъ типъ крѣпостнаго лакея прежнихъ временъ, но лакея безъ привязанности къ барину и надѣленнаго всѣми пороками разгульной и развратной двораши. Игнашка поступилъ къ Усольцову мальчикомъ и полюбился ему за красивую наружность и необыкновенную расторопность. Года три Усольцовъ школилъ его, верою съкъ раза три на день, пока довелъ до той степени, что Игнашка понималъ малѣйшее его движеніе. Наконецъ Демьянъ Павлычъ окончателно пристрастился къ расторопному мальчику, одѣвалъ его лучше всѣхъ, дарилъ вещи, но не пропускалъ ни малѣйшаго, по его мнѣнію, проступка и довольно часто посылалъ на конюшню съ приказаніемъ «всыпать» извѣстное количество. Игнашка выносилъ тяжелое обращеніе, восторыхъ потомучто не видѣлъ исхода, восторыхъ все-таки имѣлъ преимущество предъ другими, которымъ больше доставалось и которыхъ ниятъ не награждали, а вторыхъ имѣлъ возмож-

ность подчасъ таскать у барина порядочныя деньги, такъ какъ Усомьцовъ никогда не считалъ ихъ, да и заиралъ иногда не весьма акуратно. Притомъ же Игнашка былъ лакей по природѣ, кажется въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ и любилъ на сѣздахъ предъ прочею прислугой хвастать своей холопской генеалогіей.

— И дѣдъ, и прадѣдъ, и отецъ мой всегда служили въ лакеяхъ, говаривалъ онъ: — отецъ даже былъ буетчикомъ, а умеръ дворецкимъ.

Въ гостяхъ, гдѣ бывалъ Усомьцовъ, Игнашкѣ всегда предстоило множество интимныхъ и трудныхъ порученій, въ случаѣ исполненія которыхъ баринъ давалъ ему денегъ, и въ гостяхъ никогда не обходился съ нимъ дурно что Игнашкѣ подавало поводъ хвастать не только расположеніемъ барина, но и вообще безнаказанностью всѣхъ своихъ поступковъ. Хвастовство это придавало ему большую цѣну въ глазахъ всего лакейства.

На охотѣ какіе ни были бы гости, за Демьяномъ Павлычемъ на добромъ конѣ всегда ѣхалъ Игнашка, затянутый въ красивую черкеску съ дорожной флягой черезъ плечо и съ длиннымъ зрапникомъ. Обязанность его была набивать барину трубку и въ случаѣ неудовольствія Усомьцова отсчитывать удары бича какъ провинившемуся охотнику, такъ и путнику, моужѣвшему своротить съ дорога, и вообще всѣмъ, на кого бы ни указалъ Демьянъ Павлычъ.

— Игнашка! Жги его! бывало крикнетъ Усомьцовъ.

И проворный Игнашка немедленно сѣшитъ исполнить приказаніе барина со всѣмъ усердіемъ, какое чувствовалъ къ замѣтамъ подобнаго рода.

Въ описываемый день Усомьцовъ отправился на охоту безъ товарищей въ сопровожденіи достаточнаго количества псарей и доджачихъ. Подѣхавъ на рысяхъ къ генеральскимъ границамъ, Демьянъ Павлычъ замѣтилъ пару воловъ, которые паслись невдалекѣ отъ межи, но по генеральской землѣ, при которыхъ однакоже не было никакого пастуха. Усомьцовъ тотчасъ же хотѣлъ остановиться и послать Игнашку перегнать воловъ на свою землю. Не успѣвъ наперсникъ исполнить этого повелѣнія, какъ тотчасъ же, словно нарочно, изъ-за кургана показался генеральскій объѣздчикъ на доброй степной лошади. Когда послѣдній подѣхалъ на близкое разстояніе, Усомьцовъ подозвалъ его

къ себѣ. Унтеръ-офицеръ хотѣ и весьма не охотно, однако приблизился и проговорилъ обычное

— Здравія желаю, в. б—іе.

— Вдорово, братецъ! сказалъ Усольцовъ. Непризнаешь ли ты этихъ воловъ?

— Какъ не признать, в. б—іе! Волы нашего крестьянина Галюшкина. Да и онъ долженъ быть недалеко, — вѣрно заснулъ бѣдня.

— Для меня все равно заснулъ ли онъ, не заснулъ, пусть ля нарочно или печально, а ваши волы ходятъ по моей землѣ, и выбавь!

— Точно такъ, в. б—іе.

— Гей! Кто тамъ проворнѣе изъ добѣжачихъ, — гони воловъ во дворъ и прикани не отдавать безъ меня.

— Ошибьсь доложить, сказалъ унтеръ-офицеръ: — проститъ мужика, потому что его превосходительство осерчаютъ и больше накажутъ виновнаго.

— Ты задумалъ меня учить, чтоли?

— Сохрани-богъ, в. б—іе.

— Смотри, чортъ возьми! Ты тоже хорошъ гусь, исправно наблюдаешь. Какъ твои фамиліи?

— Демешовъ, в. б—іе.

— Хорошо. Ступай, докладывай генералу о происшествіи ха, ха, ха!

Добѣжачій погналъ воловъ по дорогѣ въ Разводовку, а Усольцовъ, скемандовалъ рысью, поштался вдоль своей границы и отъѣзжее поле.

Того же дня вечеромъ Демьянъ Павлычъ очень долго шлепуншъ для вдохновенія и сочинялъ письмо къ Бобовицкому пошлѣ воловъ. Нѣсколько почтовыхъ листовъ испортилъ еще, но она остался доволенъ своимъ краснорѣчіемъ, и велѣлъ перенести въ конторѣ слѣдующее:

Господину отставному генералъ-майору и кавалеру Бобовицкому.

Отставного же ротмистра и кавалера Усольцова.

Рапортъ.

«Имѣю честь почтительнѣйше донести в. п—ству, что въ минувшаго числа въ четыре часа и сорокъ двѣ минуты пошлѣ лично усмотрѣны ваши скоты на моей травѣ, которѣи

пали исправно. Хотя я не хочу видѣть съ вашей стороны такового имъ приказанія, которое было бы неумѣстно въ вашемъ хотѣ и отставномъ чинѣ, но полагаю, что каждый человекъ имѣетъ право стоять горой за свою собственность. При чемъ осмѣливаюсь присовокупить, что распушенные скоты ваши не только пожирали мою траву, а значительное количество оной и вытоптали, такъ что ущербъ мной понесенный оказывается не малъ. Въслѣдствіе такового имѣю честь покорнѣйше просить о распоряженіи выслать мнѣ 4 р. 83⁴/₁₀₀ копѣекъ во оцѣнкѣ всего общества моихъ крестьянъ по строгой справедливости. Въ случаѣ же съ вашей стороны не послѣдуетъ онаго приказанія, то вынужденъ наиглубочайше увѣдомить, что воли съ застрашняго же дня поступать на экономическую работу, при чемъ съ ними будутъ обходиться со всѣмъ приличіемъ, какое скотамъ вашего п—ва подобаеть. Повергнувъ сіе на благоусмотрѣніе вашего п—ва, имѣю честь испрашивать немедленнаго предписанія.»

Бобовикинъ только-что окончилъ вечерній чай и былъ въ отличномъ расположеніи духа, вотомуто мѣстный священникъ приискалъ ему живописца, который за дешовую цѣну брался изобразить на одной картинѣ всѣ его подвиги, уже извѣстные читателю. Но пріятныя мечты эти были прерваны дежурнымъ мальчикомъ, который доложилъ о приходѣ унтеръ-офицера Лешнова.

— Что же онъ не по командѣ? спросилъ генералъ недовольнымъ тономъ: — развѣ порядка не знаетъ! Эй, Лешновъ?

— Здравія желаю, в. п—ство.

— Ты, кажется, не рекрутъ и долженъ знать, что къ началу днѣ дорога: на бумагѣ черезъ канцелярію, словесно черезъ старшаго захмистра.

— Точно такъ, в. п—ство. Но осмѣлюсь доложить преисшествіе очень важное.

— Что такое?

— Ихъ благородіе ротмистръ Усольцовъ самолично засталъ на своей травѣ пару переносовскихъ воловъ.

Генералъ вскочилъ съ мѣста.

— Экономическихъ? спросилъ онъ грозно.

— Никакъ нѣтъ, в. п—ство, крестьянина первой сотни, третьяго десятка Семена Голоножки.

— А! произнесъ Бобовихинъ, садясь на свое кресло. Слѣдствіе произведено?

— Я былъ самъ на мѣстѣ.

— Какъ же это случилось?

— Не могу знать, в. п—ство, я прибылъ когда ротмистръ дозволилъ уже отдать приказъ объ угонѣ воловъ въ экономію.

— Гдѣ же была эта бестія? Какъ бишь его?

— Голоножка.

— Онъ вѣрно пьянъ.

— Никакъ нѣтъ. Голоножка прилегъ отдохнуть, а волы дожиго были самовольно отлучились.

Во всякомъ случаѣ безпорядокъ мнѣ непріятный. Кто былъ дежурнымъ развѣданнымъ?

— Я, в. п—ство.

— Подъ арестъ на три сутки. Голоножку допросить въ канцелярію. Но это не твое дѣло. Болванъ!

— Слушаю, в. п—ство!

— Ты долженъ зорко глядѣть за благодеиствіемъ вѣтчины. Служить весь вѣкъ въ таможенной стражѣ и неумѣешь оберегать границъ своего генерала. Въ другой разъ выгонию изъ службы.

— Помилосердуйте, в. п—ство.

— Неразсуждать! Маршъ!

По уходѣ Демешова Бобовихинъ нахмурилъ брови и задумался о фактѣ, повидимому пустомъ и обыкновенномъ, но который въ сущности произвелъ на генерала сильное впечатлѣніе. За все время управленія его Переносовкой это былъ еще первый случай, могшій подать сосѣдямъ поводъ заключить о слабости генеральской администраціи, объ отсутствіи дисциплины и т. п. обстоятельствъ, чего Савва Михайлычъ боялся вуще огня и дѣйствовалъ, какъ мы видѣли, довольно энергически въ духѣ чудовищной строгости. При томъ же онъ очень хорошо понималъ, что Усольцовъ, угоняя воловъ, имѣлъ въ виду не корысть, но какую-нибудь злонамѣренную выходку, что приводило генерала въ крайне дурное расположеніе. Не говоря уже, что ротмистръ могъ объ этомъ рассказать въ преувеличенномъ видѣ сосѣдямъ и былъ способенъ на дерзости, тѣмъ болѣе что теперь имѣлъ на своей сторонѣ право. Волы принадлежали крестьянину, слѣдовательно

казалось бы генералу нечего и беспокоиться, однако онъ понималъ вещи иначе и скорбѣлъ за свою репутацію. Напрасно онъ ломалъ голову какъ бы придумать подходящее соглашеніе: ни одна утѣшительная мысль не являлась Бобовихину кромѣ одной, — наказать какъ можно строже крестьянина Голоножку, причинившаго такой важный беспорядокъ.

Людмила, пользовавшаяся правомъ являться безъ доклада, тихо вошла въ кабинетъ и молча остановилась у письменнаго стола.

— А! Это ты.

— Вы кажется озабочены, а я полагала, что веселы, какъ были недавно, и хотѣла пригласить къ намъ на танцевальный урокъ.

— Не до урока. А впрочемъ приду; все-равно ничего не думаешь.

— Чтоже случилось?

— Прескверная исторія. Представь себѣ, мерзавецъ крестьянинъ первой сотни третьяго десятка, Голоножка, поймался съ волами на травѣ Усольцова.

— Волы экономическіе?

— Нѣтъ, крестьянскіе.

— О чемъ же беспокоиться? Мужикамъ не разъ было приказано, не разъ подтверждалось, а поймался, — самъ виновать.

— Ты рассуждаешь такъ, потомучто молодо-зелено.

— Виновата, — я иначе не понимаю.

— Потвоему если крестьянинъ поймался, его вздуть, заставить заплатить за поправу, и дѣло съ концомъ.

— Конечно.

— Вотъ у тебя и почеркъ очень хорошъ и предписаніе умѣешь составить, а соображенія нѣтъ. Ну, да ты женщина.

— Въ чемъ же тутъ главное?

— А отвѣтственность старшаго! Вѣдь Голоножка мой крестьянинъ, понимаешь?

— Теперь понимаю. Значитъ вы все-таки отвѣчаете?

— Иначе не будетъ субординаціи. Унтеръ-офицеръ Лемешинъ исправный служивый, онъ объѣзжалъ границы можетъ-быть верстахъ въ нѣсколькихъ отъ происшествія, а я все-таки посадилъ его подъ арестъ на три дня, и старшему вахмистру сдѣлалъ выговоръ. Нельзя, дисциплина.

— Все это хорошо, но неужели вы думаете, что Усольцов привяжется: ему все-равно, лишь бы уплатили деньги, потому что и мы взяли съ него недавно.

— Положимъ и не привяжется, вопервыхъ какъ младшій, вовторыхъ тотчасъ же получить удовлетвореніе; но онъ можетъ раструбить по всему уѣзду, что генераль Бобовихинъ мокрая курица, неумѣетъ держать подчиненныхъ въ рукахъ, и надѣлаетъ мнѣ сраму. Впрочемъ утро вечера мудренѣе. Я пойду къ вамъ на урокъ, а послѣ дѣло пообдумаемъ.

Утромъ рано однакоже посланный Усольцова привезъ извѣстный рапортъ и получалъ росписку въ канцеляріи. Самъ старшій писарь принесъ бумагу къ его превосходительству. Бобовихинъ слегка вздрогнулъ принимая запечатанный конвертъ и узнавъ, что посланный ждетъ отвѣта, приказалъ писарю идти въ канцелярію. Прежде всего онъ искоса посмотрѣлъ на конвертъ, не оскорбилъ ли его ротмистръ какою-нибудь выходкой, но генеральское чело вскорѣ прояснилось при видѣ приличной подписи въ формѣ правильнаго рапорта. Оставалось прочесть содержаніе. Какъ ни тупъ былъ генераль, какъ ни старался обмануть себя почтительными фразами, однако насмѣшливый тонъ оскорбилъ самолюбіе Саввы Михайлыча, тѣмъ болѣе что проникалъ не частное письмо, а форменную бумагу, за которую на службѣ могло достаться ротмистру. Отсылку денегъ Бобовихинъ рѣшилъ тотчасъ же, хотя и зналъ, что пара воловъ не могла причинить такого убытка, но какимъ образомъ сочинить отвѣтъ, который не роняя генеральскаго достоинства и показывая вольнодумцу-ротмистру все неприличіе его поступка, уколеть бы въ свою очередь Усольцова.

— Экая досада, говорилъ Савва Михайлычъ, бросая бумагу на столъ, что нѣтъ моего аудитора Клотокова. Силенъ былъ бѣстія въ кляузахъ всякаго рода и сумѣлъ отбрить кого угодно.

Онъ взялся было за колокольчикъ позвать дежурнаго, но раздумалъ, лѣниво потянулся за перомъ, придвинулъ листъ бумаги и началъ строчить предписаніе. Около получаса сидѣлъ генераль за етоломъ, выкурилъ двѣ или три трубки, а на бѣломъ листѣ бумаги появилось лишь нѣсколько перемаранныхъ строчекъ, которыя состояли изъ весьма обыкновенныхъ фразъ: «Вслѣдствіе рапорта в. б—ія», «Согласно рапорту в. б—ія», «такъ какъ въ рапортъ своемъ за № и т. д.» Дальше генераль

не могу ничего придумать. Наконецъ онъ велѣлъ кликнуть старшаго адъютанта.

— Что угодно, папенька? сказала Людмила, остановясь у среднего стола и открывъ чернильницу.

— Дѣло очень важное. Прочти-ка эту бумагу.

Людмила прочла внимательно.

— Ну, что?

— Я нахожу рапортъ довольно дерзкимъ.

— Гм! И я тоже думаю. — Надо бы отдѣдать этого мерзавца.

— Извольте диктовать — я готова.

— Диктовать! Я уже написалъ кое-что, да боюсь — не слишкомъ ли мягко. Попробуй-ка ты начернить предписание, а послѣ поправимъ.

— Я право, папенька, незнаю, я привыкла писать подъ вашу диктовку.

— Надо же привыкать и самой заниматься дѣломъ. Ты, слава-богу, не мадевка.

— Я боюсь...

— Бояться нечего, когда приказываютъ. Садись и пиши, а я доправаю.

Людмила долго нерѣшалась, но слыша безпрерывныя понуканья, набросала отвѣтъ Усольцову.

«За потравленную водами крестьянина моего Голоножки традъ, деньги столько-то при семъ къ в. б—ю препровождаю. Удительно мнѣ какъ вы, состряпавъ такомъ мадомъ чинѣ, осмѣливаетесь употреблять довольно дерзкія выраженія въ своемъ рапортѣ. Объявляя о семъ в. б—ю, я отношу оное деиначе какъ развѣ къ неурядному виду, въ которомъ вы часто упражняетесь и строжайше предписываю на будущее время быть осторожнѣе. Въ протдвномъ случаѣ вынужденъ буду представить в. б—ю по дѣлу, какъ беспокойнаго сосѣда въ неуваженіи къ стар...

Бобовихинъ не только одобрилъ написанное дочерью, но даже удивлялся способностямъ дѣвушки, которая неслуживъ ни разу получила такой навыкъ, что могла съ успѣхомъ написать на такую щекотливую бумагу, на какую нехватало силы у него, у старика посѣдѣшаго на службѣ. Ему просто сдѣлалось до-... и напиши это писарь или кто-нибудь посторонній, онъ

придрался бы, перемаралъ предписаніе и даже испортилъ бы разными неподходящими вставками. Между тѣмъ бумага вышла именно въ томъ духѣ, въ какомъ ему хотѣлось, и выраженія Людмилы словно прежде уложились въ его головѣ, только онъ неумѣлъ ихъ выразить.

— Прочти-ка еще разъ, только внятнѣе, сказалъ онъ.

Людмила исполнила приказаніе.

— Недурно. Я только думаю — слова «довольно дерзкія выраженія» зачеркнуть и написать «неумѣстные выраженія», потому что младшій не можетъ относиться съ дерзостями къ старшему. Въ концѣ тоже нужно прибавить «ибо отставка ни въ какомъ случаѣ не избавляетъ отъ чинопочитанія.»

— Миѣ кажется, папенька, что послѣдняя прибавка лишняя.

— Нехорошо, душа моя, что ты позволяешь себѣ разсужденіе: въ твои лѣта необходимо одно слѣпое повиновеніе начальству. Чтѣже ты находишь напримѣръ излишнимъ?

— Видите ли, папенька, Усольцовъ вразъ уже дѣлаетъ вамъ штуки.

— Поэтому-то и необходимо внушить ему.

— Но какъ видно, эти внушенія на него не дѣйствуютъ. Онъ думаетъ, что отставные чины...

— Ну?

— Онъ всѣхъ считаетъ въ отставкѣ равными.

— Ка-а-акъ? Всѣхъ равными? Это откуда ты понабралась масонскихъ, вольтерьянскихъ мыслей?

— Я папенька? Боже меня сохрани!

— То-то.

— Я говорю объ Усольцовѣ, и миѣ кажется лучше былобы рапортъ его представить губернатору.

— А ты думаешь я и не представляю! Я очень радъ, что Усольцовъ позволяетъ себѣ такія вещи: онъ тѣмъ самымъ у меня въ рукахъ, по пословицѣ «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ».

— Вы говорили, посланный ждетъ отвѣта.

— И по этому случаю садись и перепиши на форменномъ листкѣ предписаніе. Я нехочу, чтобы въ конторѣ знали содержаніе рапорта.

Но вѣроятно въ тотъ день Бобовихину суждено было испы-

тывать неприятности. Не успѣла Людмила перебѣлить предписаніе, какъ старшій писарь принесъ новый запечатанный конвертъ.

— Это что такое? спросилъ Савва Михайлычъ.

— Отъ ротмистра Усольцова, в. п—во. Просягъ отвѣта.

— Хорошо. Ступай!

Генеральскія брови сильно нахмурились, и Бобовихинъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ скомандовалъ себѣ трубку. Съ нимъ даже сдѣлалась маленькая дрожь, когда онъ распечатывалъ конвертъ своего неугомоннаго сосѣда. Заголовокъ однакоже попрежнему былъ почтительный, и генераль прочелъ слѣдующее:

«Въ дополненіе къ моему рапорту за № имѣю честь почтительнѣйше довести в. п—ву, что бывши я сегодня на своей степи, конный патруль донесъ мнѣ о чрезвычайномъ происшествіи. Значительное стадо вашихъ овецъ, перейдя самовольно мои границы, расположилось на моихъ лугахъ и будтобы съ вѣдома вашего жадно пожирало мою траву, не обращая вниманья, что самъ я имѣю не мало овецъ и прочей скотины. Случившіеся тутъ мои крестьяне, радѣя о пользѣ своего господина и во исполненіе моего приказанія захватывать чужой скоть на моихъ земляхъ, успѣли угнать вашихъ овецъ въ числѣ двухсотъ-семидесяти. Когда они исполняли барскую волю, то ваши пастухи, замѣтивъ оное, начали сопротивляться и вступили съ моими людьми въ рукопашный бой, который продолжался около получаса. Поле сраженія осталось за моими. Убитыхъ нѣтъ, раненыхъ двое; одинъ вашъ пастухъ съ перешибенной ногой, а одинъ мой крестьянинъ съ выбитымъ глазомъ. Такъ какъ бѣи велся людьми в. п—ва, то и отвѣтственность падаетъ на нихъ, а потому осмѣливаюсь испрашивать вашего начальческаго распоряженія — первое: принять моего раненаго крестьянина въ переносовскій госпиталь и лечить на свой счетъ, удовлетворивъ его потомъ за калѣчество; второе, присылать по двадцати копѣекъ за каждую овцу, безъ чего онѣ не будутъ выпущены, а третьихъ, приказать на будущее время не дѣлать мнѣ ущерба какъ рогатыми, такъ и безрогими скотами в. п—ва. Причемъ имѣю честь вижайше присовокупить, что на случай новаго вторженія на мои земли, я приказалъ уже безъ церемоніи стрѣлять все, за исключеніемъ людей и тѣхъ животныхъ, которыя за-

прягонныя, будутъ слѣдовать съ повозками. Вы же, в. п—во сами можете безпрепятственно ѣздить по моимъ владѣніямъ съ какой угодно охотой и топтать мою жатву. Въ этомъ случаѣ сосѣдъ весьма снисходительный и не позволю себѣ мѣшать охотиться не только вамъ, но и послѣдному цырульнику — было бы у него желаніе. До завтрашняго утра овцы ваши будутъ цѣлы невредимы, но потомъ, если не получу слѣдующихъ денегъ, то каждый день пара овецъ, въ вознагражденіе за ихъ содержаніе, пойдетъ на кормъ для моей псарни, которая у меня въ отличномъ порядкѣ. Изъ всего вышесказаннаго в. п—во изволите усмотрѣть, что не одинъ я бываю причиною сосѣдскихъ несогласій, и не оставите своимъ начальническимъ распоряженіемъ, дабы впредь не было нарушаемо спокойствіе мое и моего семейства.»

Надобно было видѣть генерала по прочтеніи этого рапорта; онъ бросилъ бумагу на полъ, схватился руками за волосы и началъ топтать ногами. Людмила испугалась, не смѣла подать голоса.

— Позвать мнѣ старшаго вахмистра! закричалъ наконецъ Бобовихинъ.

Старый, плотный утверъ-офицеръ вошелъ въ кабинетъ и остановился у двери.

— Здравія желаю, в. п—ство!

Савва Михайлычъ уже нѣсколько пришелъ въ себя.

— Что значать эти беспорядки, Агафоновъ! спросилъ онъ, сверкая глазами.

— Не могу знать какіе беспорядки, в. п—ство.

— Какъ не можешь знать? Кто же будетъ заботиться? Значить ты не годишься ни къ чорту, — распустилъ команду.

— Помилуйте, в. п—ство, денно и ночью соблюдаю дисциплину и вѣра службы.

— А какже наши овцы попались къ Усольцову?

— Еще не получено никакого допесенія.

— Кто дежурный по разъѣздамъ?

— Пѣтуховъ, в. п—ство!

— Вѣрно запьянствовался?

— Въ ротъ не беретъ хмѣльнаго, в. п—ство.

Въ это время явился писарь и доложилъ, что Усольцовъ при-

сласть еще одинъ рапортъ съ третьимъ нарочнымъ. Бобовихинъ выхватилъ конвертъ изъ рукъ писаря и прочелъ слѣдующее :

« Въ дополненіе къ рапорту за № имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія в. п.—ства, что развѣданный вашъ, оставшей рядовой Пѣтуховъ узналъ объ отбитіи овецъ моими крестьянами, бросился за ними въ погоню и силою хотѣлъ возвратити стадо. При этомъ насалив, которое означенный Пѣтуховъ производилъ побоями, люди мои связали его и представили на мое благоусмотрѣніе, какового держака буна я посадилъ подъ арестъ до поступления съ нимъ по законамъ. Но, понимая дисциплину, спѣшу увѣдомить в. п.—ство, что подчиненный вашъ наговорилъ мнѣ дерзостей, якобы я получилъ моихъ крестьянъ захватить нарочно овецъ на вашей землѣ и т. п. вздоры. Имѣю честь покорнѣйше просить о почтеніи меня предписаніемъ, какъ мнѣ въ семъ случаѣ дѣйствовать : самому ли выпоротъ грубіана или положиться на ваше милостивое распоряженіе. Въ такомъ случаѣ осмѣливаюсь утруждать, чтобы оный Пѣтуховъ наказанъ былъ на границѣ нашихъ владѣній при депутатѣ съ моей стороны, дабы не произошло какого-либо послабленія. Изъ всего этого в. п.—ство изволите усмотрѣть, что не я причиною различныхъ неудовольствій, ибо не я первый началъ взыскивать штрафы, а всегда былъ готовъ смотрѣть сквозь пальцы на мелочи, случающіяся въ сосѣдствѣ. »

Этотъ рапортъ привелъ окончательно Бобовихина въ бѣшенство. Онъ выгналъ изъ кабинета всѣхъ, неисключая Людмилы, и на первыхъ порахъ рѣшился было запрягать лошадей и ѣхать прямо къ губернатору, но успокоившись немного, отложилъ это намѣреніе. У него просто закружилась голова отъ столкновенія нѣсколькихъ разнообразныхъ происшествій, и если страдало самолюбіе отъ дерзостей ротмистра, то и денежный ущербъ игралъ не послѣднюю роль, потому что генералъ былъ акуратенъ и слѣдилъ за расходомъ каждой копейки. Онъ могъ бы протестовать противъ требованій Усольцова, оцѣнивавшего довольно дорого свои убытки, но нѣсколько дней передъ симъ взялъ съ него контрибуцію, которая была выплачена безъ отговорокъ. Осталось отвѣчать на всѣ три рапорта разомъ, отвѣчать съ достоинствомъ, а слѣдовательно надобно было хорошенько положить голову надъ сочиненіемъ такой дипломатической бумаги, гдѣ болѣе, что отвѣта ожидали три нарочныхъ и всякое про-

медленіе могло показатъ сосѣду несостоятельность не только генеральской канцеляріи, но и способностей самого его превосходительства. Бобовихинъ кончилъ тѣмъ, что снова кликнувъ Людмилу, передалъ всѣ рапорты и приказалъ изготovitъ соответствовавшее предписаніе. Дѣвушка внимательно прочла письмо Усольцова и приняла живое участіе въ оскорбленіи отца, потому что въ каждой строчкѣ ротмистра видѣла насмѣшку и смутно догадывалась, что вся эта переписка не болѣе какъ одна пустая комедія. Тѣмъ неменѣе, исполняя волю отца, надо было приготовить отвѣтъ, и Людмила рѣшалась еще разъ попробовать свое канцелярское краснорѣчіе. Плодомъ этой рѣшимости явилась коротенькая бумага, исправленная весьма впрочемъ незначительно. Вотъ что подписалъ Бобовихинъ къ своему сосѣду :

«Въ разрѣшеніе трехъ рапортовъ в. б—ія за №№ увѣдомляю, что слѣдующія деньги съ симъ вмѣстѣ посылаются, а рядовой Пѣтуховъ будетъ примѣрно наказанъ за буйство, если таковое подтвердится. При семъ строжайше предписываю в. б—ію не утруждать меня впредь вашею неприличною перепискою, какую буду сообщать губернатору для поступленія съ вами по законамъ. Что же касается сосѣдскихъ несогласій, то рекомендую вамъ наблюдать свой владѣнія; о пограничномъ же присмотрѣ моего имѣнія сдѣлано распоряженіе, дабы производимъ былъ строжайшій осмотръ ежедневно пѣшими и конными сторожами. Меня удивляетъ оплошность моихъ людей, которыми давно уже внушены правила субординаціи, но если съ вашей стороны употреблено было какое-либо насиліе, то сіе не останется безъ послѣдствій, такъ какъ я ожидаю пріѣзда губернатора и представляю ему обо всемъ на законномъ основаніи.»

Черезъ три дня однакожь послѣ этой бумаги Бобовихинъ снова получилъ рапортъ Усольцова, прочелъ его, плюнулъ и велѣлъ выгнать посланнаго въ шею, сказавъ, что впредь никакіе конверты отъ ротмистра принимаемы не будутъ. Рапортъ заключался въ слѣдующемъ :

«Въ предписаніе в. п—ства за № вложена была сумма за нанесенный мнѣ убытокъ, но оказалось $\frac{1}{4}$ копѣйки излишку. Не желая пользоваться вашею генеральскою казною и не думая, чтобъ вы умышленно желали оскорбить меня подаркомъ подобной бездѣлицы, имѣю честь препроводить при этомъ ке-

нѣту, изъ которой слѣдуетъ мнѣ только $\frac{3}{7}$. Въ денежныхъ дѣлахъ всегда необходима акуратность. Рядовой Пѣтуховъ выпущенъ изъ—подъ ареста; волы и овцы слѣдуютъ восвоены подъ присмотромъ моихъ собственныхъ людей до границъ вашихъ, гдѣ будутъ сданы кому слѣдуетъ, а въ случаѣ небытія никого оставятъ на произволъ на всѣ четыре стороны. Угрозы вашей жаловаться губернатору я не боюсь, потомучто всѣ неудовольствія происходятъ отъ генеральской гордости в. п—ства, о чемъ почитательнѣйше донести честь имѣю.»

Послѣ этого генералъ занялся строжайшимъ изслѣдованіемъ моихъ происшествій, и узналъ отъ рядового Пѣтухова, что не только овцы взяты были на генеральской землѣ силою, но по слѣдствіямъ, собраннымъ въ деревнѣ ротмистра, оказалось, что и крестьянскіе волы угнаны были самымъ коварнымъ образомъ. Тогда Бобовихинъ, подтвердивъ не принимать никакихъ посланникъ Усольцова и приказавъ удвоить бдительность на границѣ, далъ себѣ слово преслѣдовать судомъ ротмистерскія шалости. Спокойное состояніе продолжалось около мѣсяца, втеченіе котораго Усольцовъ отправлялся кутить куда—то къ своимъ друзьямъ.

Болѣе всѣхъ товарищей ротмистръ любилъ недоросля изъ деревни, помѣщика Ивана Алексѣича Контропошкина, жившаго на другомъ концѣ уѣзда. Это былъ типъ оригинальнаго естество, конечно невозможный въ нашу эпоху, но который казался по временамъ еще въ сороковыхъ годахъ, хотя и тогда уже на него указывали, какъ на нѣчто ненормальное. Контропошкинъ по метрикѣ перевалилъ уже за сорокъ, но болѣлся и увѣрялъ, что ему около тридцати—пяти, любилъ щеголять изысканнымъ туалетомъ, особенно въ дамскомъ обществѣ, всегда бывалъ не пьянъ, охотно танцевалъ съ хорошенькими. Наслѣдовавъ отъ отца въ раннемъ возрастѣ доходное имѣніе и значительный капиталъ, Иванъ Алексѣичъ не захотѣлъ окончить курса въ частномъ пансіонѣ, а приѣхалъ въ деревню жуировать и хозяйничать подъ присмотромъ довольно благоразумнаго помещика. Но какъ попечительство имѣло срокъ и разумѣется окончилось, то Контропошкинъ, очутясь на полной свободѣ, принялся жутить самымъ безразсуднымъ образомъ и лѣтъ въ

пять промоталъ большую часть своего капитала. Онъ можетъ быть сдѣлалъ бы тоже и съ имѣніемъ, но родъ Контропошкиныхъ по какому-то случаю владѣлъ майоратомъ, котораго ни продать, ни заложить юный самодуръ не имѣлъ права. Впрочемъ по какому-то странному стеченію обстоятельствъ Контропошкину попался весьма добросовѣстный управляющій, который несмотря на свою бѣдность, не только не обкрадывалъ помѣщика, а напротивъ сберегалъ хозяйское добро словно свое собственное. Контропошкинъ зналъ это, и въ припадкѣ самаго яраго самодурства, избѣгалъ дѣлать своему управляющему малѣйшую непріятность, наперстывая разумѣется это лишеніе въ ущербъ своимъ пріятелямъ. Управляющій, оригиналъ въ своемъ родѣ, умѣлъ держаться около двадцати лѣтъ въ имѣніи Контропошкина и оставилъ должность только собственно потому, что радѣя о хозяйской пользѣ, промокъ осенью на рыбныхъ ловляхъ, схватилъ горячку и отправился къ праотцамъ. Ему-то обязанъ былъ Контропошкинъ и порядкомъ въ имѣніи, и сбереженіемъ остальныхъ банковыхъ билетовъ, потому что управляющій ухитрился втолковать самодуру простую мысль, что если уже необходимо проживать доходы, то не слѣдуетъ тратить капитала, и всегда такъ ловко представлялъ ему картину промотавшагося кутилы, что Контропошкинъ свято исполнялъ его завѣты, транжирилъ только доходъ, а если и дѣлалъ небольшие долги, то боялся, чтобы непровѣдалъ управляющій. Въ этомъ случаѣ Контропошкину много помогало обстоятельство, что онъ не игралъ въ карты. Въ пылкой молодости, даже въ обществѣ самыхъ безпардонныхъ картежниковъ, онъ не поддавался обаянію игры, и хоть его за это иногда называли скрягой, свинтусомъ и даже подлецомъ, однако онъ выдерживалъ себя и не понималъ наслажденія банка, стося или гальбика (halb-zwölf, djabelek). Зато во всѣхъ прочихъ развлеченіяхъ Контропошкинъ не клалъ охулки на руку и не было ни на одной окрестной ярманкѣ мало-мальски значительнаго дебоша, въ которомъ бы онъ не принималъ дѣятельнаго участія. Пилъ онъ, какъ слѣдуетъ индивидууму его закала, но пилъ не просто какъ пьютъ даже самые записные аматеры, а съ какимъ-то особеннымъ шикомъ, возводя свое пьянство въ строгую и вмѣстѣ стройную систему. Онъ чрезвычайно въ этомъ случаѣ любилъ барскую обстановку, и потому самая буіная оргія подъ предводительствомъ

Контропошкина теряла весь кабацкій характеръ, принимая колоритъ какой-то утонченности, недопускавшей грязнаго безобразія. Контропошкинъ конечно пилъ все, что только изобрѣтено съ незапамятныхъ временъ для наслажденія смертныхъ: онъ могъ въ случаѣ надобности пить жерзкую, вонючую сивуху и въ количествѣ весьма почтенномъ, но чтобы эту сивуху ему подали на серебряномъ подносѣ, въ блестящемъ хрусталѣ. Шампанское напримѣръ не холодное и не въ бакалѣ онъ называлъ неприличнымъ пойломъ, и тѣхъ, кто употреблялъ его изъ стакана, считалъ грубыми пьяницами, которые рады, что дорвались до вина, бывшаго для нихъ рѣдкостью, и непонимали, что вкусъ шампанскаго и букетъ, тогда только естественны и законны, когда оно пѣнится въ узкогорломъ бокалѣ. Лафитъ пилъ онъ подогрѣтымъ, рейнвейнъ изъ зеленой рюмки, но во всякомъ случаѣ требовалъ самой щегольской изящной обстановки. Такъ уже сложилось въ немъ это пьянственное направленіе, удивительное тѣмъ болѣе, что во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ жизни Контропошкинъ обнаруживалъ особаго аристократизма и былъ напримѣръ совершеннымъ профаномъ въ гастрономіи, упивался съ удовольствіемъ простые щи, не могъ отличить хорошихъ трюфелей отъ дурныхъ, а главное — чувствовалъ отвращеніе къ лимбургскому сыру, этому краеугольному камню каждаго утонченнаго объѣдалы. Бѣлье и платье носилъ онъ дорожное, но сюртукъ на немъ зачастую былъ въ пятнахъ и не чищенъ, а рубашка иной разъ грязная. Разумѣется на балы Контропошкинъ одѣвался щеголемъ во всемъ новенькомъ, но собственно для себя не только что не соблюдалъ опрятности, а просто былъ веряхой и серьезно увѣрялъ, что мыться каждый день — для него сущее наказаніе. Въ домѣ у него тоже, несмотря на цѣнность мебели и украшеній, господствовалъ ералашъ и неопрятность, чему впрочемъ причиною были борзые и гончія собаки, которыя безнаказанно валялись па креслахъ и диванахъ, разрывая лапами и пачкая обивку, ссорясь другъ съ другомъ и вообще нестѣсняясь въ своихъ нравахъ и обычаяхъ. Но ни во всемъ этого Контропошкинъ не былъ ни безпробуднымъ пьяницей, ни записнымъ охотникомъ. Нужды вѣтъ, что у него уходило нѣсколько тысячъ въ годъ на вина и попойки, что содержаніе псарни обходилось очень дорого, Иванъ Алексѣичъ всю недѣлю не напиться пьянымъ и недѣли двѣ невы-

ѣзжать на охоту: то и другое зависѣло отъ преобладающаго характера компании, его посѣщавшей или имъ посѣщаемой. Если онъ попадалъ въ общество кутиль-картежниковъ, онъ пыпствуя безъ просыпу, торчалъ у стола въ качествѣ зрителя, и любилъ подавать мнѣніе въ случаѣ ссоры между картежниками; если съѣзжались истые охотники, онъ по цѣлымъ суткамъ пропадалъ въ отъѣзжемъ полѣ, но бывали времена, что Контропошкинъ два-три дня танцовалъ до упаду, и только не могъ воздержаться отъ какихъ-нибудь штукъ надъ тѣмъ или другимъ субъектомъ, которые повидимому рождены были служить предметомъ забавы для праздныхъ помѣщиковъ добраго стараго времени.

У Ивана Алексѣича съ юныхъ лѣтъ были двѣ преобладавшія равносильныя страсти, изъ которыхъ ни та, ни другая, по какой-то странной прихоти судьбы, не получили желаннаго исхода, хотя одна изъ нихъ погасла въ сердцѣ Контропошкина съ приближеніемъ почтеннаго возраста. Страсти эти были — гусарскій мундиръ и женитьба на красавицѣ; обѣ онѣ не только непротиворѣчили, а напротивъ совпадали съ его характеромъ, но Ивану Алексѣичу по волѣ судьбы не пришлось ни носить на лихомъ конѣ въ ментикѣ и доломанѣ, ни стать подъ вѣнецъ съ идеальной красавицей. Сперва эти страсти были вредны одна другой, такъ что если Контропошкинъ положимъ влюблялся и собирался жениться, ему вдругъ приспичивало поступить въ полкъ; онъ ѣхалъ опредѣляться въ гусары и раздумывалъ встрѣтить хорошенькую дѣвушку, за которой усердно принимался ухаживать. Нѣсколько разъ онъ почти опредѣлялся, нѣсколько разъ былъ почти сговоренъ, а все что-называется конувшись устами чаши наслажденія, невыпвалъ ее и оставался холостымъ недорослемъ изъ дворянъ для вящаго своего прискорбія и для соблазна сердобѣльныхъ матушекъ, у которыхъ находились на рукахъ перезрѣлыя невѣсты, разумѣется безъ приданнаго. Въ тотъ вѣкъ патріархальности и хваленной простоты нравовъ едва ли больше чѣмъ теперь, какъ почтеннѣйшіе родители, такъ и молодежь заботились о зашибаніи копѣйки посредствомъ восторженной любви и розовыхъ цѣпей супружества. Это можно, не погрѣшая противъ истины, примѣнить къ богатому и среднему класу помѣщиковъ, между которыми, несмотря на видимую простоту отношеній, искусство ловить жениховъ доведено

было до известной степени совершенства, и во многих домах, особенно на югѣ, существовали положительныя правила, одобрявшія искательство, или отымавшія надежду. Перечислять разныя надувательства и продѣлки для овладѣнія выгодной партіей, значило бы повторять высказанное не въ одной повѣсти или романѣ; но нельзя не замѣтить, что не только описываемое поколѣніе, но и болѣе отдаленные предки наши при заключеніи браковъ руководствовались корыстными видами и самыя дѣжныя матери не задумывались торговать дочерьми, разумѣется прикрывая эту торговлю благовиднымъ предлогомъ желанія счастья, упроченія будущности и т. п. Влѣдствіе подобнаго общественнаго настроенія Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ былъ сущимъ кладомъ для невѣстъ какъ своего уѣзда, такъ и нѣсколькихъ сосѣднихъ, и читателю легко вывести заключеніе, какими глазами смотрѣли на него батюшки и матушки, у которыхъ оставались дочери не пристроенными. Но что удивительнѣе всего, Контропошкинъ былъ влюбчивъ до крайности, и несмотря на приближеніе весьма почтеннаго возраста, не утратилъ этой способности. Страсти этой нельзя назвать вообще падкостью къ прекрасному полу, столь свойственной многимъ даже изношеннымъ старцамъ, напротивъ это была любовь въ нѣкоторомъ родѣ идеальная, та форменная любовь описываемой эпохи, которая проповѣдовалась и въ романахъ, и въ дѣйствительности по крайней-мѣрѣ при свидѣтеляхъ. При такомъ характерѣ, казалось бы, Ивану Алексѣичу слѣдовало бы жениться лѣтъ осьмнадцати отъ роду, тѣмъ болѣе, что отказа подобному жениху бояться было нечего, не говоря уже со стороны родителей, а и отъ самыхъ невѣстъ, которымъ кромѣ выгодной партіи предстоялъ и молодой мужъ красивой наружности. Но женитьба не давалась Контропошкину собственно по его привычному непостоянству, съ какимъ онъ измѣнялъ предмету самой пламенной и повидимому неугасимой страсти. Раза три или четыре его чуть не женили силою и только благодаря значительнымъ суммамъ онъ не вступалъ въ бракъ съ некрасивыми особами и удерживалъ свою свободу, которою однакоже тяготился, все мечтая принести ее въ жертву какой-нибудь значительной красавицѣ. Впослѣдствіи, когда Контропошкинъ прокутилъ молодость и поразтрясъ карманъ, если его и заискивали гдѣ-нибудь, то и родители и сами невѣсты, знавшія по преданіямъ всѣ его

похожденія, старались быть съ нимъ осторожнѣе и перѣрвали ни какимъ его божбамъ и клятвамъ. Болѣе практическіе люди требовали съ него на гербовой бумагѣ условія вступить въ бракъ съ дочерью и назначали неустойку. Притомъ же у него не было ни малѣйшей твердости характера: довольно было кому-нибудь изъ пріятелей посмѣяться надъ его волокитствомъ, намѣкнуть хоть о вымышленномъ недостаткѣ у особы, которая ему нравилась, Контропошкинымъ тотчасъ овладѣвало раскаянье, и онъ по его выраженію «поворачивалъ огдобли въ другую сторону». Гусарство сильно завлекало его въ свою очередь: даже послѣ двадцати-пяти лѣтъ онъ бредилъ конемъ-угоремъ, красивымъ ментикомъ, писацой ташкой и стоянкой въ Польшѣ — земномъ раѣ для волокитъ тогдашняго времени. Въ опредѣленіи въ полкъ ему неvezло и впоследствии Иванъ Алексѣичъ пришолъ къ убѣжденію, что его сглазилъ кто-нибудь по злобѣ или просто безъ всякой причины.

Года черезъ два послѣ смерти отца, пожуровавъ довольно на свободѣ и только-что раздѣлавшись съ одной невѣстой, Иванъ Алексѣичъ твердо рѣшился поступить въ гусары и поѣхалъ верстѣ за двѣсти въ штабъ одного извѣстнаго полка, съ цѣлью поступить на службу. Путь его лежалъ черезъ Кіевъ, въ которомъ какъ нарочно въ то самое время кипѣли въ полномъ разгарѣ знаменитые «контракты». Такъ называлась зимняя ярмапка, извѣстная далеко по огромности своихъ оборотовъ и по необыкновенно шумной жизни для провинціаловъ, стекавшихся туда тысячами. Сѣзжались преимущественно польскіе и малорусскіе помѣщики, и военныхъ всегда бывало множество. Это былъ первый шумный сѣздъ, видѣнный Контропошкинымъ, и когда молодой человекъ очутился среди ярмапочнаго гама, посмотрѣлъ на груды роскошныхъ товаровъ, а вечеромъ очутился на балѣ въ контрактномъ домѣ, онъ не могъ отдать себѣ отчета въ разнообразныхъ ощущеніяхъ, быстро въ немъ возникавшихъ и еще быстрѣе смѣнявшихъ другъ друга. Тутъ же на балѣ онъ познакомился съ нѣсколькими гусарами, изъ которыхъ одинъ самый отчаянный обратилъ на себя особенное его вниманіе. Контропошкинъ тотчасъ же сообщилъ новому пріятелю о своемъ намѣреніи поступить въ военную службу, и лихой гусарь тотчасъ же предложилъ вступить въ нхъ полкъ, обѣщая свести его послѣ контрактовъ. Послѣ ба-

ла гусаръ посвятилъ юношу во всѣ тайны ярманочныхъ развлеченій, и на другой день между ними завязалась самая тѣсная дружба: молодые люди были неразлучны и въ постоянномъ кутежѣ, и въ легкомъ буйствѣ, и въ учиненіи небольшихъ скандаловъ, и въ безразсудномъ разбрасываніи денегъ, потому что и тотъ и другой имѣли порядочные запасы въ карманѣ. Но Контропошкинъ хотя и всецѣло отдался бурнымъ наслажденіямъ и успѣлъ влюбиться въ дочь какого-то пріѣзжаго пана, однако его мучила мысль, что онъ долженъ являться въ общество «рябчикомъ», «штафиркой». Ему хотѣлось на балахъ рисоваться хоть въ юнкерскомъ ментикѣ, гремѣть саблей, бряцать шпорами и вообще представлять изъ себя нѣчто высшее нежели недоросли изъ дворянъ: однимъ словомъ онъ желалъ поскорѣе погусарить и именно на контрактахъ предъ красивыми поляками, которые въ то время, какъ и наши соотечественницы на челоуѣка въ кавалерійскомъ мундирѣ смотрѣли особенными глазами. Онъ рѣшился даже съѣздить въ полкъ, поскорѣе опредѣлиться, надѣть ментикъ и снова прилетѣть на контракты, чтобы хоть на послѣдяхъ блеснуть кавалерійской удачью, къ которой онъ чувствовалъ себя совершенно приготовленнымъ. Но мысль эта пришла ему въ голову тогда, какъ исполненіе ея представляло физическую невозможность. При видѣ неутихнущей горести Контропошкина, лихой гусаръ, изъ желанія оживить друга, предложилъ юношѣ безъ церемоніи облечься въ мундиръ ихъ полка, отпировать ярманку, и тогда уже ѣхать на службу, обѣщая уладить дѣло съ нѣсколькими своими офицерами, чтобы они смотрѣли сквозь пальцы на костюмъ будущаго товарища. Разуздается Контропошкинъ тотчасъ же заказалъ себѣ юнкерскую форму и на другой день появился на балѣ красивымъ, разбитымъ юнкеромъ. Пошло какъ нельзя лучше, и балъ окончился безъ для самозванца-гусара безъ особыхъ послѣдствій, еслибы Контропошкинъ, воспылавшій особеннымъ воинственнымъ жаромъ, не поссорился съ молодымъ полякомъ за даму своего сердца и не подрался съ нимъ въ самомъ разгарѣ мазурки. Будь онъ счастливъ, его вывели бы изъ собранія и дѣло съ концомъ, но скандалъ произведенъ юнкеромъ, а потому плацъ-адъютантъ доложилъ коменданту и завязалась исторія. Хотя офицеры уладили дѣло съ полякомъ, однако отъ Контропошкина потребовали объясненія, и самозванство его открылось. Контропош-

кину предстояло дорого поплатиться за удовольствіе надѣть нѣсколько часовъ гусарскую форму, тѣмъ болѣе что въ Кіевѣ пѣхалъ начальникъ гусарской дивизіи, который требовалъ примѣрнаго наказанія молодого человѣка. Въ Контропошкинѣ принялъ участіе губернаторъ, но не изъ сожалѣнія къ судьбѣ юноши, а просто по духу противорѣчія, и началъ дѣйствовать для смягченія генерала разными способами. Склонясь на просьбы одной дамы, начальникъ дивизіи подался и оставилъ дѣло безъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, но потребовалъ къ себѣ самозванца и распекъ его какъ подобало. Генералъ подковецъ рѣчи разгорячился и запретилъ Контропошкину не только подавать прошеніе въ какой бы то нибыло полкъ его дивизіи, но даже не смѣть появляться въ мѣстахъ расположенія войскъ, находившихся подъ его командой. Такимъ образомъ первая попытка вступить въ гусары, для Контропошкина окончилась едва не катастрофой, и онъ поѣхалъ домой въ грустномъ настроеніи духа, тѣмъ болѣе что не предвидѣлъ возможности опредѣлиться именно въ ту дивизію, въ которую ему хотѣлось. Отвѣдавъ однажды наслажденіе носиться на балѣ въ гусарскомъ мундирѣ, который по его мнѣнію, придалъ ему красоты, щикъ и важности; онъ не могъ уже примириться съ мыслью, носить статское платье. Тамъ же въ Кіевѣ запасся онъ парой венгерокъ съ шолковыми спурками, накупилъ шпоръ и рѣшился до опредѣленія на службу ходить хоть полувоеннымъ. Онъ могъ бы поступить въ драгуны, которые квартировали верстахъ въ семьдесятъ отъ его имѣнія, но въ то время въ кавалеріи драгуны считались чѣмъ-то вродѣ пѣхоты, да и кромѣ того Контропошкинъ только и бредилъ ментикомъ и доломаномъ. Надо было выбрать другую гусарскую дивизію. Между тѣмъ онъ влюбился въ хорошенькую барыню, молодую жену старика-сосѣда, которая сама привязалась къ пылкому Контропошкину. Влюбленные сперва мечтали о скорой смерти старика и дали слово вступить въ супружество, но старикъ жилъ отлично, пользовался здоровьемъ и не подавалъ надежды на переселеніе въ лучшій міръ. Интрига была слишкомъ соблазнительна, и хоть Контропошкинъ волочился на сторонѣ — безъ этого ужъ онъ не могъ обойтись, — однако дотога привыкъ къ прекрасной сосѣдкѣ, что его бросало въ дрожь при одной мысли о разлукѣ. Связь однакоже прервалась неожиданно: Контропошкинъ, по страстной натурѣ своей и по врожденной страсти человѣка къ

раснообразію, увлекся одною собственною крестьянскою что дошло до свѣдѣнія ревливой сосѣдки, и двухлѣтняя интрига разрушилась. Мечты о гусарствѣ снова вспыхнули въ головѣ Контропошкина, который онъ и началъ приводить въ исполненіе. Но уже въ это время у Контропошкина образовался тѣсный кружокъ пріятелей, изъ которыхъ нѣкоторые серьезно представляли молодому человѣку всю прелесть независимой деревенской жизни и всѣ невыгоды кочевого армейскаго быта, кромѣ котораго самая юнкерская служба въ нѣкоторыхъ полкахъ рисовалась въ довольно мрачномъ цвѣтѣ, особенно подъ начальствомъ строгихъ командировъ. Контропошкинъ долго прожилъ на свободѣ, началъ уже порядочно самодурствовать и порой склонялся на совѣты пріятелей записаться въ предводительскую канцелярію и жить въ полномъ удовольствіи жизнью независимаго барина, а все какъ припоминалъ три часа, проведенные на балѣ въ юнкерскомъ мундирѣ, его подмывала охота послужить въ гусарахъ. Когда его разобрали ненашутку облечься поскорѣй въ доломанъ и ментикъ, онъ считался еще женихомъ одной хорошенькой дѣвушки, и любовь къ невѣстѣ боролась въ немъ съ желаніемъ гремѣть саблею и бряцать шпорами. Какъ нарочно на именинахъ у одного сосѣда Контропошкинъ напился до положенія ризъ въ компаніи пошлицковъ и вслѣдствіе какой-то ссоры или недоразумѣнія далъ пощечину своему нареченному тестю. Тотъ вломился въ амбицію, и хоть Контропошкинъ былъ выгодный женихъ, хоть дочь чувствовала къ послѣднему расположеніе, оскорбленный родитель отказалъ Контропошкину отъ дому и подалъ жалобу.

Разжалованному жениху не оставалось другого утѣшенія, какъ опредѣлиться поскорѣе на службу, и онъ уѣхалъ искать какого-нибудь лихого гусарскаго полка, но непременно такого, чтобъ ментикъ или доломанъ были красные. Путь его снова лежалъ черезъ Кіевъ, столько ему памятный по контрактнымъ заключеніямъ. На послѣднемъ ночлегѣ къ этому городу съѣхался онъ съ однимъ забубенымъ уланскимъ корнетомъ, который въ качествѣ ремонтерскаго помощника рыскалъ рѣшительно безъ цѣли по всѣмъ губерніямъ россійской имперіи. Молодые люди разговорились; съ Контропошкинымъ былъ ромъ, они знакомились, и ремонтеръ началъ хвалить какъ общество своей дивизіи вообще, такъ и своего полка въ особенности. На заявле-

внѣ же Контропошкина, что ему непременно хотѣлось быть гусаромъ, сказалъ, что гусарская и уланская софѣсть одна и таже, кутялы—мученики есть всадъ, а относительно красоты формы — уланской отдавать предпочтеніе. Долго они спорили о преимуществѣ додомана и ментика передъ расписаннымъ уланскимъ колетомъ, у котораго вышущки не только на рукавахъ, но и на спицѣ, и если ремонтеръ соглашался, что положимъ гусарскій мундиръ наряднѣе, то требовалъ наконецъ и согласія Контропошкина въ томъ, что гусарскій киверъ смахивалъ на пѣхотный, а рогатая уланская шапка, надѣтая немного на бекрень, придавала чедовѣку вообще какую-то геройскую наружность. Контропошкинъ все-таки стоялъ за гусарскую форму. Тогда ремонтеръ кликнулъ денщика, велѣлъ распаковать чемоданы, достать всѣ принадлежности и облекся въ полную парадную форму. Щегольски сшитый колетъ съ красными отворотами и новенькимъ серебрянымъ приборомъ, красная шапка съ блестящимъ гербомъ, новая лядунка, свѣжая портупья и шарфъ съ блестками возымѣли свое дѣйствіе на Контропошкина. Онъ сразу согласился, что и уланскій костюмъ не лишонъ своей пріятности и попросилъ ремонтера позволить ему нарядиться въ его форму. Молодые люди не слишкомъ разошлись ни возрастомъ ни объемомъ, и потому ремонтерскій мундиръ и всѣ доспѣхи почти пришлись въ пору Контропошкину, который какъ взглянулъ на себя въ зеркало, просто ахнулъ отъ восхищенія. Онъ показался себѣ такимъ красавцемъ, что мысль о гусарствѣ тотчасъ же оставила его вѣтряную голову. Въ тотъ же вечеръ было рѣшено, поужиновавъ недѣлку въ Кіевѣ, ѣхать въ штабъ уланскаго полка, въ который ремонтеръ взялся отвезти его самъ и опредѣлить въ три дня и обѣщавъ представить на смотръ начальству. Восторгъ Контропошкина не имѣлъ границъ, когда ремонтеръ объявилъ ему, что уланскіе юнкера носятъ эполеты и упомянулъ объ обычаѣ дѣлать юнкерскіе эполеты больше форменныхъ, и потому въ особенности издали, походили на офицерскіе. Въ Кіевѣ новые пріатели кутянули порядкомъ, и хотъ Контропошкину страшно хотѣлось надѣть юнкерскій мундиръ, однако помня еще живо катастрофу, онъ этого не сдѣлалъ, а только заказавъ рѣшительно всю форму, по указанію ремонтера. Выѣхавъ однакоже изъ Кіева, онъ раза два въ дорогѣ облекался въ юнкерскій ко-

стоять, прицѣплялъ офицерскую саблю и на одной станціи побилъ писаря за какое-то двусмысленное, по его мнѣнію, выраженіе. Удаливость это впрочемъ стоило ему недорого. Полкъ, въ который съ такимъ жаромъ стремился вступить Контропошкинъ, стоялъ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, куда путешественники и прибыли около полудня. Дорогою ремонтеръ рассказывалъ своему спутнику о прелестяхъ юнкерской службы и увѣрялъ, что во всей дивизіи необходимы такъ, какъ у нихъ съ юнкерами, которые дѣлали что хотѣли и не только съ субалтернъ-офицерами, но и съ эскадронными командирами жили товарищески. Проѣзжая мимо манежа, они увидѣли однакоже зрѣлище, которое произвело на Контропошкина глубокое впечатлѣніе. У воротъ сидѣлъ юнкеръ и горько плакалъ. Ремонтеръ остановился, соскочилъ изъ экипажа, спутникъ его сдѣлалъ тоже и они подошли къ плакавшему. Оказалось, что начальникъ юнкерской команды ротмистръ Киргизцевъ за какую-то неисправность велѣлъ привѣсить юнкеру на шею торбу съ овсомъ и посадить наказаннаго у воротъ манежа на виду, какъ для вящаго огорченія виновнаго, такъ и для устрашенія его товарищей... Контропошкина это обезкуражило до такой степени, что онъ растерялся, а когда онъ узналъ, что юнкера собраны были въ штабъ и Киргизцевъ обращался съ ними хуже нежели съ солдатами, сажалъ ихъ верхомъ на коновязь, поминутно ставилъ на часы, распекалъ не стѣсняясь выраженіями и не пускалъ никуда за черту города, Контропошкину снова представилось прѣвосходство гусарской формы, и онъ, несмотря на слово, данное пріятелю своему ремонтеру, ночью потихоньку выѣхалъ изъ штаба полка и прежде чѣмъ опредѣлиться въ гусары, рѣшилъ еще завернуть домой мѣсяца на два, на три. Но тутъ уже онъ встрѣтилъ камень преткновенія, который окончательно помѣшалъ ему вступить въ военную службу. По дорогѣ, въ одномъ изъ городковъ своей губерніи остановился онъ взглянуть на ярмарку, гдѣ встрѣтилъ не только знакомыхъ, но и человѣка три пріятелей. Единственнымъ развлеченіемъ, кромѣ кукольной комедіи, была бродячая труппа волтижоровъ. Въ этомъ циркѣ отличалась красотой и граціей шестнадцатилѣтняя Тереза, дочь хозяина, которая успѣла свести съ ума какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ помѣщиковъ. По убѣжденію ли, изъ желанія ли, что-

бы обожатели дѣлали болѣе выгодныя предложенія , Тереза не оказывала никому особенной благосклонности , а любезничала со всѣми и принимала подарки. Съ перваго же момента какъ увидѣлъ красивую наѣздницу, Контропошкинъ далъ себѣ слово побѣдить ея холодность и похвалился передъ товарищами не только заслужить ея взаимность, но и увести ее въ свою деревню. Во время антрактовъ въ числѣ прочихъ аматеровъ и Контропошкинъ отправился за перегородку. Тамъ пѣнилось шампанское, еще больше пѣнились пламенные выраженія страсти, осыпавшія со всѣхъ сторонъ молоденькую Терезу. Первый приступъ Контропошкина не увѣнчался особеннымъ успѣхомъ, однако Тереза остановила на немъ внимательно свои большіе черные глаза. Послѣ представленія Контропошкинъ пригласилъ къ себѣ всю труппу, выдавъ за это хозяину порядочную сумму, и у него до утра происходила порядочная оргія, гдѣ наѣздницы, наѣздники и даже клоуны пировали въ кругу помѣщиковъ. Контропошкинъ явно и пристально ухаживалъ за Терезой. На другой день въ циркѣ не было красивой наѣздницы и разумѣется въ числѣ зрителей не видѣли Контропошкина, который, похитивъ Терезу, умчалъ ее въ свою Разводку и сдержалъ слово, данное пріятелямъ. Хозяинъ цирка пришолъ въ отчаяніе, но какъ всѣмъ было извѣстно куда скрылась Тереза, то и отыскивать ее было не затруднительно, а потому отецъ, неимѣя возможности продолжать безъ Терезы представленій, со всей труппой отправился прямо въ Разводку требовать своей дочери. Контропошкина это немало смутило; онъ даже хотѣлъ было прогнать въ три шена незваныхъ гостей, но случившійся тутъ сосѣдь-юристъ разъяснилъ ему, что дѣло можетъ окончиться весьма нехорошо, если пойдетъ формальнымъ порядкомъ. Завязались переговоры, и за три тысячи рублей оскорбленный отецъ рѣшился оставить Терезу у Контропошкина, выкаючивъ еще пару лошадей изъ новюшши молодого безобразника. Вскорѣ наѣздница приобрѣла такую власть надъ своимъ обожателемъ, что покупая ей дорогие подарки, Контропошкинъ, казалось, потерялъ всякую самостоятельность и не имѣлъ своей воли. Подобное ненормальное состояніе продолжалось для него около году, втеченіе котораго онъ почти измѣнился. Тереза повидимому любила его, и Контропошкинъ довольствовался этою любовью, изрѣдка уже

гусарствомъ и совершенно позабылъ о женитьбѣ. Подобная жизнь ему нравилась, и онъ признавался своимъ пріятелямъ, что никогда еще не встрѣчалъ женщины, которая могла бы сравниться съ Терезой. Но оказалось, что Тереза рѣшаясь на побѣгъ съ Контропошкинымъ, дала слово одному своему товарищу по цирку выйти замужъ за него, но не иначе какъ разбогатѣвъ на счетъ молодого помѣщика. Она успѣла добыть у Контропошкина порядочную сумму, и въ то время какъ счастливый Иванъ Алексѣвичъ отправился на ямьинныя къ сосѣду, Тереза, забравъ свои драгоценности, скрылась неизвѣстно куда, оставивъ записку весьма неопредѣленного содержания. Вскипѣлъ Контропошкинъ и хоть онъ чувствовалъ за собою грѣшокъ по случаю одного легкаго волокитства на ямьиннахъ, однако бѣгстве Терезы взволновало его до пробужденія самыхъ звѣрскихъ инстинктовъ. Тотчасъ же онъ снарядилъ погоню въ разныя мѣста, а самъ поскакалъ по направленію къ пограничной переправѣ черезъ большую рѣку, куда по его мнѣнію, должна была преимущественно устремиться бѣглянка. На несчастье Контропошкинъ настигъ Терезу, загнавъ свою лучшую тройку. Не описываемъ возмутительной сцены, но скажемъ, что дѣвушку едва живую отняли у Контропошкина крестьяне, случившіеся на постояломъ дворѣ. Разумѣется завязалось формальное дѣло, и хоть въ прежнія времена надобные факты покрывались зачастую, однако случились обстоятельства, которыхъ нельзя было поспѣшно привести къ благополучному окончанію. Расправа съ Терезой стоила Контропошкину нѣсколько десятковъ тысячъ и двухлѣтняго пребыванія въ урочномъ городѣ, изъ котораго онъ не смѣлъ отлучиться. Между тѣмъ Ивану Алексѣвичу исполнилось уже двадцать четыре года и ему было неловко, казалось даже страннымъ поступить въ юнкеромъ, бросить привольную жизнь для тяжолыхъ лишеній и подчиниться строгой дисциплинѣ. Но за то Контропошкинъ далъ себѣ честное слово не поступать ни въ какую канцелярію и лучше весь вѣкъ считаться недорослемъ изъ дворянъ, нежели, какъ онъ говорилъ «окунуться въ чернильницу.» И вотъ уже года черезъ два Контропошкинъ совершенно отказался отъ службы, хотя съ восторгомъ рассказывалъ свои юнкерскія походы, которыя разрастались у него съ каждымъ годомъ, и для непосвященныхъ, военная служба его могла не

подлежать сомнѣнію. Особенно любилъ онъ рассказывать разговоръ свой съ начальникомъ дивизіи, окончивъ который, онъ обыкновенно прибавлялъ, махнувъ рукою:

— Теперешніе юнкера и въ подметки не годятся противъ нашенскихъ.

Изъ этого очерка читателю легко убѣдиться, что характеръ Контропошкина имѣлъ много общаго съ характеромъ Усольцова, и потому оба эти «теплые ребята» сошлись и довольно скоро и довольно тѣсно. Въ одномъ только несходились они — это въ понятіяхъ о женщинѣ. Усольцовъ смотрѣлъ на нее чисто съ турецкой точки зрѣнія и не упускалъ случая безъ всякихъ вѣжностей достигать своей цѣли. Успѣхъ доставлялъ ему удовольствіе, неуспѣхъ не огорчалъ нисколько, и Демьянъ Павлычъ имѣлъ обыкновеніе говорить при подобныхъ обстоятельствахъ:

— Ну и чортъ съ нею! А все-таки бей сороку и ворону, авось попадешь на яснаго сокола.

Контропошкинъ дѣйствовалъ совершенно иначе. Разумѣется онъ не пропускалъ хорошенькихъ и въ низшемъ сословіи, но указивалъ привѣтливо за барынями и барышнями, потому что для него сдѣлалось необходимымъ быть влюблену, хоть для того, чтобъ похвастать въ кругу пріятелей своими побѣдами. Онъ и влюблялся дѣйствительно, все еще горя желаніемъ жениться на молоденькой красавицѣ, но съ тѣхъ поръ какъ завязалась у нихъ тѣсная дружба съ Усольцовымъ, ему уже было невозможно привести въ исполненіе свою завѣтную мечту о женитьбѣ. Демьянъ Павлычъ рѣшилъ положительно, что супружество вредно Контропошкину, что другъ его изъ теплаго, лихого шалаго сдѣлается нюней, попадетъ непременно подъ башмакъ жены и совершенно утратитъ характеръ веселаго, беззаботнаго кутяны. У нихъ происходили объ этомъ частые споры, и когда Усольцовъ убѣждался, что никакіе совѣты, никакія дружескія внушенія не оказывали вліянія на матримоніальныя наклонности Контропошкина, онъ перемѣнилъ систему насмѣшекъ и нападокъ и рѣшился дѣйствовать втихомолку. Каждую новую сардечную страсть своего друга Усольцовъ принималъ подъ свою опеку, и если замѣшана была барыня, онъ некровителествовалъ Контропошкину, если же дѣвица, то разными негласными пу-

тани старался помѣшать сватовству, хотя бы послѣ этого сѣдло-вала и небольшая размолвка съ влюбленнымъ пріятелемъ. Между тѣмъ Контропошкинъ до такой степени привалялся къ рѣшительству, что незадумавшись приносилъ ему въ жертву инныя свои привязанности, не догадываясь впрочемъ, что неуспѣхомъ общана былъ услужливости своего загадочнаго друга. Увольнивъ въ свою очередь до самозажертвованія, лишь бы по его мнѣнію спасти Контропошкина отъ угрожающей опасности. Такъ въ послѣднее время, когда Контропошкинъ началъ ухаживать за одной молоденькой дѣвушкой, которую родители мимо ея воли охотно отдали бы за богатаго холостяка, — когда успѣшное сватовство пошло уже въ ходъ, Усольцовъ рѣшился на довольно энергическую мѣру. Въ ту пору въ числѣ комедіантокъ у него жила хорошенькая полька, умѣвшая около полугода держать въ рукахъ сердце вѣтрянаго рѣшителя. Контропошкину она всегда нравилась, но по условію съ другомъ онъ не долженъ былъ напѣвать вѣжностей черноглазой Розаліи, хотя втихомолку и пробовалъ нарушать общаніе, перемигивался, впрочемъ безъ особаго успѣха съ красавицей. Могло-быть онъ и побѣждалъ бы непреклонную, но вѣрныхъ самъ Усольцовъ не спускалъ съ нее глазъ, восторгахъ прѣдъ комедіанткой, сердитымъ на Розалію за предпочтеніе, переставши бы рѣшительству малѣйшее съ ея стороны уклоненіе отъ своей обязанности. Видя однакоже серьезное сватовство Контропошкина, Усольцовъ началъ убѣждать друга не дѣлать окончательной, по его понятію, глупости, не губить молодецкой волюшки, и когда пріятели осушили большое количество бокаловъ, рѣшительствъ взявъ Розалію за руку, подвелъ ее къ тому, кто за полчасъ восторгался красотой своей невѣсты.

— Знаешь что, Ваня! сказалъ онъ : — мнѣ такъ жаль тебя, такъ не хочется видѣть тебя живымъ схороненнымъ, что если только мнѣ слово покинуть нечѣное сватовство, я уступлю тебѣ Розалію.

Раскраснѣвшаяся дѣвушка улыбалась, сидя въ легкомъ кофточкѣ и граціозной позѣ.

Глаза Контропошкина засверкали.

— Демьянъ! Ты не шутишь?

— Говорю безъ всякихъ шутокъ.

— Другъ!

И Контропошкинъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ вижу, что настоящій другъ! продолжалъ онъ.

— То-то видишь, и небось только въ первый разъ. Гей! по-
дать венгерскаго!

Розалія очутилась на колѣняхъ у Контропошкина и понятно, что въ тотъ же вечеръ дано было слово прекратить всякія стремленія къ сватовству на сосѣдкѣ.

— Къ черту женитьбу! воскликнулъ Контропошкинъ: — то-
ли-дѣло своя волюшка!

— Дурень ты, Ваня! Вѣдь самъ очень хорошо понимаешь въ какой бросался омутъ, а вѣтъ ни на-волосъ характера.

— У меня вѣтъ характера? Хочешь я невѣстѣ своей наплюю въ рожу, хочешь?

— Ужь и наплюешь!

— Подлецъ я буду, анафема, если не сдѣлаю! говорилъ расходившійся Контропошкинъ: — мнѣ нипочемъ. Когда я былъ гусарскимъ юнкеромъ...

— Ты, братъ, мнѣ не городи этой околесицы, а будь порядочнымъ человѣкомъ. Чего теперь тебѣ, рожна чтоли? Да есть ли во всемъ уѣздѣ такая красавица какъ Розалія!

— О, это золото, говорилъ Контропошкинъ, лаская дѣвушку: — и я, свинья, хотѣлъ жениться на какой-то карто-
фели!

И точно, Розалія долго удерживала Контропошкина отъ всякихъ помышленій о женитьбѣ, и хоть недоросль изъ дворянъ увлекался на балахъ хорошенькими дѣвушками, однако не доходилъ до такой степени, чтобы предлагать руку и сердце.

Контропошкинъ жилъ довольно далеко отъ Усольцова и когда у послѣдняго завязалась съ Бобовихинимъ извѣстная переписка, ротмистръ послалъ нарочнаго къ своему другу съ просьбой пріѣхать немедленно по весьма важному, экстренному дѣлу. Недоросль изъ дворянъ, какъ и ожидать слѣдовало, обѣщавъ явиться, давъ слово напередъ помогать закадычному другу и защищать его до послѣдней капли крови. Контропошкину уже представлялась катастрофа и онъ горѣлъ желаніемъ принять горячее участіе въ какомъ-нибудь вопіющемъ скандалѣ. Желаніе это было такъ велико, что Контропошкинъ явился къ Усоль-

нову ровно въ полночь, когда ротмистръ давно уже покоился послѣ утомительной и удачной охоты. Но прїѣздъ Контропошкина поднялъ весь домъ на ноги, потомучто недоросль изъ дворянъ ѣздилъ съ двумя, а иногда и съ тремя колокольчиками и приближаясь къ дому прїятеля, велѣлъ обыкновенно двумъ лакеямъ трубить тревогу, а самъ дѣлалъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, приговаривая:

— У насъ такъ погусарски!

Черезъ нѣсколько минутъ гаремъ освѣтился; заспанные одалиски поспѣшно привели свой туалетъ въ порядокъ; большой самоваръ кипѣлъ на столѣ, и Усольцовъ въ богатомъ халатѣ вышелъ навстрѣчу своему другу.

— Я зналъ, Ваня, что ты прїѣдешь, сказалъ онъ.

— Да за кого же ты меня принимаешь, Демьянъ; что я по-тосому, штафиръ какой, или мокрая курица? Другъ пишетъ «прїѣзжай!» и Контропошкинъ дуетъ во всю ивановскую. Говори, приказывай!

— Тутъ приказывать нечего. Пей чай прежде, а тамъ потолкуемъ.

— Да чтоже, Демьянъ! нужно ли кого отпороть или выкинуть замысловатую штукенцію.

— Все, братъ, съ этимъ Бобовихинимъ.

— А! Ну, дѣло. Я готовъ — ты меня знаешь: вѣдь у насъ погусарски.

Усольцовъ въ короткихъ словахъ передалъ послѣднія происшествія съ генераломъ и прочелъ Контропошкину всю переписку.

— Эхъ, Демьянъ, какая изъ тебя приказная строка вышла. И ты самъ сочинялъ всю эту сволочь.

— Ей-богу самъ! Чѣмъ — надо какъ-нибудь отписываться.

— Молодецъ! Хвалю, задалъ загвоздку. Ха, ха, ха! Теперь что?

— Въ томъ и штука, что надо придумать небывальщину.

— Давай, Демьянъ, придумаемъ. Я готовъ хоть ночь неспать. Нельзя ли подвести комедію.

— Да какую же, Ваня? разумѣется комедію не мѣшаешь.

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову: напасть на него гдѣ-нибудь на охотѣ и потравить какъ русака. А? Каково? *

— Чортъ знаетъ, что за штука, — вонервыхъ глупо, востерыхъ Бобовихинъ никогда не ѣздитъ на охоту.

— Жаль, а я вотъ какъ атукнулъ бы, Демьянъ, т. е. мое почтене.

— Ты если и выдумаешь, Ваня, то какую-нибудь глупость: съ тебя какъ съ козла — ни шерсти, ни молока.

— Шалишь, Демьянъ! Я не такіа дѣла обдѣлывалъ, я, братъ, и передъ начальникомъ дивизіи неробѣлъ.

— Ахъ, Ваня, охота тебѣ со мною бобы разводить.

— Ну, такъ знаешь ли, гдѣ-нибудь на именинахъ.

— Пошолъ свое городить! Нѣтъ, ужъ видно мнѣ самому придется придумать, а ты только помоги, да не выдай.

— Кто? Я? Да мнѣ наплевать, если и самъ чортъ подвернется. Не таковъ Контропошкинъ, чтобъ выдать товарища.

— Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. А каковы рапорты, Ваня, а?

— Что и говорить — ты, братъ Демьянъ, собаку съѣлъ. Ну, а какже насчетъ Бобовихина?

— Ужь ты молчи и не мѣшай — къ завтраму что-нибудь да придумаю.

— Значитъ сегодня мы какъ же?

— Шарахнемъ чтоли!

— Да ты хочешь пить?

— Я неслишкомъ. А ты?

— И я нельзя-сказать, чтобъ слишкомъ.

— Ну, и ладно. А впрочемъ, Ваня, по херсамъ проѣхать можно.

— Я непрочъ.

— Нѣтъ ужъ — хересь не ночное дѣло, — лучше владѣть клякко.

— И гораздо лучше. Только, братъ Демьянъ, ты знаешь — не могу...

— Иначе какъ въ бокалахъ?

— Это само собою. Нѣтъ, братъ, если ужъ пить, то душа требуетъ того — какъ-бишь его? Этакъ, знаешь,...

рвотъ тебѣ... Музыка нужна, дѣвки пусть пляшутъ, все чтобъ
вокругъ тебѣ ходуномъ ходило...

— Ха-ха-ха! Да за кого же ты меня принимаешь? Гей,
Игнашка!

Игнашка явился.

— Жги! подать сюда балалаешника и торбаниста! А вы,
мои красавицы, живо въ лучшія платья.

— Э, Демьянъ, да у тебя уже на мѣсто Розалин новенькая.

— А ты какъ думалъ.

— Подлецъ ты, братъ, какъ я тебя вижу: вѣдь это почище
будетъ Розальки.

— Небось хочешь подмаваться? Дудки!

— Полно! полно! Ну, вели убирать со стола эту скучную
чаевану, да поскорѣй бы музыку и пѣсни. Миѣ что-то спать не
хочется.

— Жаль, что нѣтъ никого изъ шутовъ гороховыхъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Ахъ какая досада. Да вѣдь мы долго
будемъ веселиться сегодня?

— Надѣюсь, что иначе не стоило бобовъ разводить.

— Такъ сдѣлай дружбу, пошли за тѣмъ, который тамъ
поближе.

— Игнашка! Отправить поскорѣе бѣговья дрожки за Куро-
паткой и велѣть ему чтобъ ѣхалъ немедленно. Пошли кого-ни-
будь порасторопѣе. Или лучше — жги самъ и тащи его безъ
перемонѣи.

Куропатка былъ пьянчужка — владѣлецъ пяти или шести
хатъ, хуторокъ котораго стоялъ недалеко отъ Комарова. Пьян-
чужка этотъ, отецъ многочисленнаго семейства, пробавлялся пре-
имущественно подачками богатыхъ сосѣдей, особенно съ тѣхъ
поръ какъ принялся за ремесло шута и исполнялъ его со всѣмъ
усердіемъ, а главное съ безотвѣтственностью предъ людьми до-
статочновыми. Это впрочемъ былъ типъ жалкаго шута, котораго
не весьма любилъ Усольцовъ, а если и посылалъ за нимъ, то
единственно изъ желанія доставить удовольствіе Контропошкину.
Съ Куропаткой Усольцовъ и не выдѣлывалъ даже ухорскихъ
штукъ, потому что Куропатка никогда не огрызался, исполнялъ
всякое приказаніе, безропотно пилъ и ѣлъ порою возмутитель-
ную мерзость, одѣвался во что угодно, а въ случаѣ какого-

нибудь насилія принимался плакать. Такихъ шутовъ терпѣть не могъ Усольцовъ и не гналъ его со двора на томъ основаніи, что онъ, какъ мы сказали, нравился Контропошкину и подчасъ доставлялъ развлеченіе гаремнымъ затворницамъ.

Куропатка пріѣхалъ въ то время, когда оба пріятеля порядочно натянулись, и Контропошкинъ принялъ на себя роль распорядителя различныхъ дивертисментовъ. Разумѣется всѣ проекты о штукантеріяхъ Бобовихину были забыты, и во флигелѣ до разсвѣта раздавались пѣсни, музыка, топотъ пляски, смѣхъ, дикія восклицанія, свистъ, плачь Куропатки и вой собакъ, которыя, какъ извѣстно, иной разъ не могутъ переносить музыку и громко протестуютъ противъ какой угодно мелодіи.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

РАСКАЗЫ ДВОРОВАГО

I

ПРИЖИВАЛКА

«Нѣтъ, что ужь за житье теперь?! не чета прежнему, и ровнять не приходится... Истинно, что люди-человѣки перерождаться, стали! Баре какіе-то все модные сдѣлались; хозяйство плохо, въ имѣньяхъ не живутъ, а все въ Питеръ или Москву наровятъ: вишь тамъ общество, говорятъ, лучше... А извѣсно ужь, какое тамъ общество: атрисы, да ахтерки, да нѣмцы; — а болѣ и нѣтъ никого... Эка важность ахтерки! и у нашего покойнаго Никиты Иваныча водились такія; даромъ что въ деревнѣ, а не въ Питерѣ жилъ! А по моему что Питеръ, али Москва — все тѣ же города, какъ и нашъ, напримѣръ, Нырковъ; ну, какимъ, скажешь, отличьемъ беруть?.. такъ, феферъ одинъ, шушера!..

«Я хоть тамъ и не бывалъ, да знаю; на то человѣкъ и созданъ, чтобъ все произойти... Вотъ что, судырь ты мой!

«Примѣрно взять покойнаго Никиту Иваныча, баринова отца, — вотъ такъ человѣкъ былъ! не чета сыну... этотъ что? форсомъ и беретъ только, а важнаго такого ничего и нѣтъ въ немъ... То ли дѣло, папенька! тотъ былъ видный такой, здоровенный: настоящій баринъ! и бывало чего захочеть, сейчасъ чтобъ и было; и дѣлали дѣло, не хуже васъ, теперешнихъ-то!..

«А ужь значить угостить кого, — такъ на этомъ они собаку съѣсть изводили, Никита-то Иванычъ; однихъ нахлѣбниковъ, да приживалокъ съ десятокъ было, поболѣ. Ну, и значить жили, да

еще какъ! пустяками не обижались никогда. — А баринъ покойный, царство ему небесное, крутенекъ таки былъ, нече сказать... Ну, да чтожь? хоть и такъ, да хорошо было.

«Коли что не по ндраву имъ придется, такъ призовуть виноватаго, да изъ собственной ручки и поколотятъ маненько; а все жили! — да оно, тово, и прїятность, значить, свою имѣеть: потому, самъ вѣдь, своеручно...

«Была у насъ, къ слову сказать, приживалка, нѣкая Авдотья Мїроновна; еще баринъ Авдотькой все звали... Пришла она къ намъ осенью; «съ Кіева», говорила; погостить хотѣла, да такъ и осталась, благо что баринъ добрый былъ...

«Ну, эфта самая Авдотька, презлющая была какая, упаси Боже; разъ даже котенку любимому ногу сломала... право, вотъ те Христость, не лгу!

«И эфтая Авдотька вздумала поперечить разъ барину, Никитѣ-то Иванычу, самому, слышь: «вы-съ, говорить, не такъ тутъ поступили, не по христіанскому обычаю; вамъ не такъ слѣдъ дѣлать!..» Не помню, что у нихъ за дѣло такое вышло... да, бишь... нѣтъ, запаматовалъ. — Ну, баринъ значить промолчалъ, слова не промолвилъ, а было это за обѣдомъ; они какъ покончили кушать, къ себѣ и изволили уйти...

«Только, значить, съ часъ эдакъ времени прошло, слышу: зоветъ! меня самово зоветъ... Я пошолъ; прихожу: они это на кровати изволятъ лежать, ножки задрали кверху, а ручной волоски перебирають... я ничего: стою.

«— Ты, спрашиваютъ, Кондрашка?

«— Я-съ!..

«— А! ну, и хорошо; позови-ка ко мнѣ Прошку!

«Я изъ спальни вышелъ тихохонько, потому: вижу, собой не довольны... Побѣгъ я къ Прохору, во флигели; а тотъ въ кучерахъ жить у насъ, и оченно баринъ ево любилъ: бывало, безъ него, ни на версту не выйдутъ...

«Пришолъ и говорю: «вставайте, Прохоръ Потапычъ, баринъ къ себѣ зовуть; немедленно, молъ, нужно!..»

«Онъ въ затылкѣ почесалъ; «сейчасъ», говорить; слѣзъ съ печи, одѣлся, и пошли мы съ нимъ.

«Приходимъ. А Никита Иванычъ все въ томъ же приложеніи лежать... Мы молчимъ.

«— Пришла? говорить, и грозно таково.

«— Пришла-съ!

«— Ну, ладно! иди же ты Кондрашка къ Авдотьѣ, и узнай: дома ли она?

«Само собой я пошолъ. А Прохору маказалъ онъ воды холодной и горячей приготовить, да розокъ побелѣ. И велѣлъ ему всю эту провизію сволочить въ баню...

«Баня то у насъ была новая, просторная! у ключа бѣма поставлена, въ лѣску. — Я значить сходилъ къ Авдотьѣ Мириновѣ, и великатнымъ манеромъ узналъ, что дома; да и уйти то ей некуда было, а все узнать лучше: на вѣрняка чтобы...

«Сходилъ я, и прихожу къ ему опять, значить.

«А онъ сердито таково по комнатѣ ходить изволить, и ножками потопываетъ... Я молчокъ.

«Увидалъ онъ меня и спрашиваетъ:

«— Ну что, узналъ?

«— Узналъ, говорю, батюшка: дома.

«Ааа!» закричалъ, и ручками радостно такъ по окну забарабанилъ.

«— Ну, говорить, возьми ты скамью изъ застойной, и въ баню носи не медля; да чтобъ никто не видалъ!.. А потомъ ко мнѣ придешь, на верхъ...

«Я скамелку стащилъ живо, да и прихожу на верѣхъ, во флигели, значить. А Прохоръ-Потапычъ ужъ тамъ. Какъ увидалъ меня баринъ, подскочилъ сейчасъ, да чуть было я не въ зубы: «зачѣмъ долго мѣшкался?» спрашиваетъ. — А чево долго? въ минуту сдѣлать. Ну, да Богъ съ нимъ!..

«— Идите вы, говорить, къ ней, къ Авдотьѣ и въ баню ее, да живо! слышали?

«— Слышали-съ! говоримъ и пошли; а онъ за нами въ баню пойти изволилъ...

«Только, приходимъ это мы къ ней, а она, голубушка, чулокъ вьетъ и кофъ окомя ея, — ногу то которому свередила...

«— Такъ и такъ, говоримъ, баринъ пригнать васъ велѣли...

«А она хоть бы словечко пикнула, — обомѣла только и сиять.

«Видно догадалась, что онъ затѣялъ сдѣлать.

«Мы опять говоримъ, что итти надо. — А она все сидитъ, словно

камень какой, прости Господи! — Ну, Прохоръ Петанычъ, шутиливо таково, взялъ ее подъ ручку и на руки потомъ.

«— Поддерживай! кричить. — Я тово, подошолъ и тоже подсобляю нести ее...

«Дошли мы до бани, слышимъ: свистить! А ужь коли свистать началъ, не въ терпѣжъ значить стало...

«Вотъ, какъ принесли мы её, Авдотку-то, онъ и кричитъ:

«— А! здравствуйте, сударыня! какъ здоровы?..

«А она, сердечная, все молчить. Да ужь тогда, какъ велѣлъ онъ ее раздѣвать, такъ какъ всплachtetся! и-и-и!

«А онъ: ничего, говорить, — что вы это? еще ничего вамъ не сдѣлали.

«И ужь жутко же ей пришлось въ тую пору! ухъ, какъ!..

«Вотъ какъ было дѣло: какъ раздѣли мы ее (въ рубашкѣ одной оставили), она и скажи барину:

«— Что это вы, Никита Иванычъ, изволите дѣлать? Я не простая какая-нибудь говорить, и забижать меня вамъ не слѣдъ!.. Не хотите, говорить, держать, такъ уйду, — а потѣшаться собой не позволю!..

«Право, такъ прямо и говорить. — Ну, а баринъ-то какъ заелосить, просто левъ какой, что ли!

«— А слова-то свои за объдомъ позабыла, поганица?! не простая, а?

«Авдотья Мироновна ему ни слова... молчить. Онъ ждалъ-ждалъ, да видить, что молчить, и приказалъ намъ:

«— Положите ее, говорить, на скамью; да привязать покрепче, чтобъ не соскочила! а потомъ и жарь ее въ мою голову!..

«Мы все, какъ слѣдуетъ, сполнили: разложили ее, катушку, и веревочкой, не само крѣпко, привязали...

«А Никита Иванычъ, какъ увидѣли, что готово, и говорить:

«— Валяй!.. да пошибче!

«Ужь мы драли ее, драли, — ажно потъ прошибъ! Что же дѣлать? велѣно...

«Мы деремъ, она вопить, а онъ кругомъ похаживаетъ, да жмуривается:

«— Лихо! говорить, — важно, молодцы!.. Что, будешь здравовученья давать, а? спрашиваетъ у Авдотьи Мироновны!

« — Во вѣки вѣковъ не буду! закричала, и дѣтямъ, и внукамъ закажу! Ой, ой, ой! больно, смерть моя!

« Вѣрно ужъ жарко пришлось, или показать хотѣла, что барской гнѣвъ и наказанье понимаетъ, — не знаю.

« А относительно дѣтей, что кричала, такъ это она солгать изволила... право, такъ! у нея и впоминокъ дѣтей никакихъ не бывало..., истинно! « Ну, тутъ мы ее и отпустили.

« — Довольно, закричалъ, — кинуть!..

« А самъ изъ бани вонъ, и домой отправился; въ рукахъ тросточка.

« Мы Авдотьку отвязали, и одѣться ей помогли, — не могла сама: разуважили! А впрочемъ... дворянка, вѣдь и то правда!

« Какъ мы понесли ее домой, она нивѣсть какъ, пытала отругивать насъ:

« — Изверги! говорить, -- орудія злобы демонской! и мало ли, чего ни говорила... Глупы вѣдь эти бабы, прости Господи!

« А у флигелей людскихъ дворовые собрались.

« Мионовну, кричать, несутъ! сѣбли ее!..

« (Всѣ у насъ дворовые Мионовной звали; а ужъ это если въ праздникъ, или въ другой разъ когда, такъ поименно и отечественно назовуть...)

« Ну, снесли мы ее, значитъ, уложили; и дверку въ ея спальню приперли...

« А въ домѣ, слышь, всѣ ходятъ носы повѣся; такъ они этому стѣнью спужались! Особливо еѣ братья-приживалки: такъ тѣ всѣ по своимъ каморкамъ позаперлись. Точно отъ непріятели осажденіе получили! хи, хи, хи!

« Только братецъ ты мой, баринъ, Никита Иванычъ, какъ всталъ на утро, и спрашиваетъ у меня (а я имъ сапожки чистилъ, да привнесъ):

« А что, говорить, Авдотька жива? — и самъ веселый такой.

« — Жива-съ! говорю, — и усмѣхнулся таки маленько...

« Подождалъ это онъ; да не подолгомъ времени и говорить:

« — Хорошо, говорить, вели же позвать ее послѣ чаю, — а теперь мыться!

« Я мыться подалъ ему, и онъ тутъ еще кой-что со мной поговорилъ, весело таковъ...

« Она какъ пришла, Никита Иванычъ успокоивать ее начали:

«— Ну, что жъ? говорить (я все за дверью слышалъ... онъ ее и на креслецо посадить извоили), что жъ за бѣда? извините меня, Авдотья! у меня демперламентъ такой ужь, говорить...

«И какъ сказалъ это, да и полѣзъ въ карманъ за деньгами... ка- жись, въ тѣ поры цѣлковыхъ 25 ей отсчитать извоили... ей-Богу! И намъ по рублю.

«Вотъ такъ господа! и въ страхъ держать умѣли и награждать за то; двадцать-пять рублей не шутка, поди ты!

«А нынче что?...»

II

О Х О Т А

«А то, скажу я тебѣ, судырь ты мой, какую штуку выкинулъ Никита Иванычъ на охотѣ, значить. Важную штуку извоили выки нуть!.. Ну, да и имъ не менѣ тово попало; можетъ и болѣ!..

«Охотился то онъ не то, чтобы часто, а такъ себѣ: когда, зна- чить, скука нападетъ.

«А только у насъ къ этому ремеслу было всего довольно: собакъ было много, и все большущія эдакія, злыя! Псарей тоже не мало и охотниковъ наберется человѣка три, четыре въ домъ; а оружія вся висѣла въ кабинетѣ у нево, — тоже было порядкомъ: и пристале- тики, и ружья, и ножи, и рога были; всего было много...

«Ну, да что объ этомъ толковать: сказъ впереди еще! было всего, — и конецъ!..

«Вотъ только разъ наѣхала къ Никитѣ Иванычу гостей нуча: всякіе были!

«А въ тѣ поры ужь іюнь былъ на половинѣ. — Теплень стояла такая, что ну!.. даже скотъ въ лѣсъ не хотѣлъ идти, а въ хлѣвъ наравить все: стало быть, жарко...

«День о ту пору вышелъ славный такой: ни облачка; чисте- хонько на небѣ....

«Ну, господа завтракать... — А пріѣхали они еще свечера: но- чись, значить. Онъ оповѣститъ прислалъ, чтобы собирались ..

«А на утро поднялъ всёх ранымъ рано!

«— Эхъ вы, охотники! кричить имъ; заспатьсь изволили, — а я за нимъ по комнатамъ ходилъ.

«Только, какъ повставали они, поодѣлись, да умылись, — онъ и погналъ всёхъ въ залу: къ завтраку, значить...

И долгонько они тамъ сидѣли: съ часъ; а можетъ и поболѣ; вина такъ выпили пропасть!

«Да онъ, надо сказать, не жалѣлъ этово никогда: хоть на полъ лей!..

«Ну, позавтракавши, поблагодарили его, значить, и на дворъ: а тамъ лошади ужъ готовыя стояли.

«И онъ, слышь, всёмъ своихъ коней осѣдлалъ!..

«Какъ поуѣлись этто они, онъ:

«— Маршъ! кричить, — съ Богомъ!

«Иии! какъ поскачемъ всё, — любо дорого! человекъ тридцать было, никакъ...

«А у насъ о ту пору подглавный псарь захворалъ; слегъ, значить: ѣхать ему не можно...

«Ну, вотъ Никита Иванычъ и зовутъ меня къ себѣ.

«Прихожу. — Они еще въ халатикъ, и трубочкой забавляются...

«— Здравствуй Кондратій! говорятъ.

«— Здравія желаю, батюшка, Никита Иванычъ! и поклонился, какъ слѣдуетъ.

«— Я, говорить, хочу тебя на мѣсто Трошки на севодня назначить, а?

«(А псаря-то больново Трошкой звали.)

«— Я, говорю, вашей милости, всегда готовъ волю сполнять! и опять поклонился...

«Ну, ну! закричалъ; это мы знаемъ: хорошо! пошолъ, одѣвайся!..

«Я ногами посеменялъ маленько, да опять говорю:

«— Только я, говорю, этому дѣлу совсѣмъ непривыченъ, говорю; снаровки у меня нѣту: въ первый разъ...

«— Ничего, ничего! говорить; иди, и снаровку получишь! — А самъ веселый такой...

«Нечего дѣлать! Пошолъ я къ Трофиму, и кустюмъ ево взялъ. — И какъ сталъ я въ него облекаться, а Трошка какъ захохочеть! даромъ что больной былъ...

«— Ха, ха, ха! говорить; чучело какое, — чистое чучело! Смотрите, кричить, ребята: Кондратій Павлыч чучеломъ одѣлся...

«Шутникъ онъ былъ, право? — Самъ ты посуди: какое я чучело?..

«А тѣ дураки, что во Флигеляхъ были, — и сбѣжались! — Глухой, значить, народъ: молоды! Да и я, сказать тебѣ надо, тоже молодъ былъ въ тѣ поры, — не то, что теперя...

«А все, значить, постарше ихъ былъ, — и камердинаръ притомъ: не шутка!..

«Ну, да ладно!

«Вотъ, какъ выѣхали мы, — и отправились сейчасъ къ Черному Овражку: славное тамъ мѣсто! И утки водятся, рѣка тамъ течетъ: тоже Овражкомъ прозывается, — потому, берега круты тамъ.

«Да баринъ, правда, утокъ-то не любилъ: никогда не кушалъ, «это, говорить, все одно, что галочье мясо»; поди ты...

«А за нами не медля телѣгу съ провизьей отправили: коли проголодаются въ лѣсу, такъ чтобы закусить чево было...

«А отъ нашево-то села до Чернаго Овражка версты три будетъ, поболѣ.

«Лѣсъ тамъ такой чудный, густой! — а въ лѣсу сухо, и трава большая; благодать, да и только! — Въ этакихъ мѣстахъ какъ не быть дичи, али звѣрю?..

«Приѣхали. — Антонъ Митрычъ (псаремъ старшимъ былъ) собакъ спустилъ; бере разѣхались и караулятъ...

«Любо посмотрѣть! Собаки какъ въ лѣсъ повбѣжали, — рыскаютъ и заливаются... чудо просто! голосистыя были! по лѣсу стонъ:

«— Ату ево! ату! ату! кричатъ псари, и бере подмогаютъ...

«И я съ ними туда же: реву во все горло, да и только!

«Знай нашихъ! — не страшно, значить...

«А это мы зайцевъ тамъ искали; и много ихъ тамъ было! — Бывало, пойдемъ за грибами, али за ягодами, — и собаку возьмемъ для случая. Только ты въ лѣсъ, — а она въ кусты: глядь-поглядь, и залаетъ! — нашла, значить...

«Минуты, этакъ, съ три прошло, — глядимъ: заяцъ! матерой такой, бестія!

«И сбѣжить это онъ въ баринову сторону... какъ поровнялся онъ, значить, съ нимъ, — баринъ и нацѣлился... анъ: пафъ!..

«Да не онъ только : съ гостей одинъ стрѣлялъ, — да не попалъ, вишь! — Баринъ на эту штуку ничево не сказалъ : только глаза такъ дивно свѣлъ, — внутрь совсѣмъ ушли...

«А выскочка-то эта, — что стрѣлялъ, — юнкать одинъ былъ. — У отца деревнюшка околъ насъ была ; такъ ёнъ на лѣто къ нему приѣхалъ, — къ отцу, значить. А тамъ, знамо, въ службѣ-то ему воли нѣту, такъ онъ тутъ и въ куражъ вошолъ... А важная ли птица? самъ посуды.

«И отецъ-то евоный тутъ же былъ ; вмѣстѣ и приѣхали...

«Да отецъ-то, — правду сказать, — совсѣмъ другой человекъ былъ : добрый, смиренный, тихій ; — просто, чудо баринъ!

«Чтобы это онъ ударилъ ково изъ мужиковъ своихъ? — ни за что, никогда не ударить!..

«А сынъ другое : тотъ такой озорникъ былъ, — упаси Боже! за дѣвками всегда гонялся ; да я слыхалъ, что отъ ево и отцу доставалось... вотъ что!

«Какъ увидѣлъ юнкать, что не попалъ, — и камфузно ему стало : на лошади такъ и завертѣлся...

«А другіе хохочуть ; и отецъ-то, бѣдный, съѣжился весь : сынъ вѣдь, все-таки!

«Только, не по долгомъ времени гонять еще... выбѣжалъ ; гляжу : русакъ здоровенный!..

«Метнулся это онъ, бѣдняга, въ сторону, да въ другую потомъ, да туда опять ; — что ты будешь дѣлать? не стоитъ на мѣстѣ, да и только!..

«А къ намъ капитанъ одинъ приѣхамши былъ :

«Сергей Матвѣичемъ звали ; такъ тотъ важно стрѣлялъ, — безъ промаху. Въ кавалеріи онъ и служилъ ; я и чинъ-то помнилъ, да... забылъ теперя : вормистъ, рофмистъ, — такъ какъ-то ; на нашево бурмистра схоже...

«Только, судырь ты мой, какъ заяцъ-то вильнулъ къ нему, — онъ и баць! да ловко какъ : съ разу угодилъ.

«Тутъ всѣ, кто поплоче умѣлъ, къ нему подѣхали, — къ капитану, и проздравлять его стали :

«— Ахъ! говорятъ, — какъ славно! очень хорошо, говорятъ, — вы вѣрно большой мастеръ? это видно...

«Капитанъ улыбается только ; извѣстно : ему не въ диковину

«А Никита Иванычъ и съ мѣста не двинулся : стоитъ себѣ, да въ дѣсь смотритъ ; и смурный самъ такой, — точно осень...

«Глядь-поглядъ : еще!.. всѣ зашевелились, да и сами, точно зайцы : туда, сюда ! а заяцъ къ барину ; прямо встрѣчу и бѣжитъ... ну, тотъ, сейчасъ ружье въ прикладъ и : баць!.. баць!

«И чтожь бы ты думалъ? опять не попалъ... А все тотъ же юнкарь помѣшалъ : какъ барину то стрѣлить, онъ чуточку раньше ево и пафъ!.. и съизнова не попалъ!

«Вѣрно хотѣлось ему поправиться передъ чужими-то : умѣю, вишь, стрѣлять, не думайте!..

«Да оказія-то вишь какая подошла!

«Никита Иванычъ какъ увидали, что юнкарь этотъ перебилъ ихъ да дѣло еще спортилъ, — и подѣхали къ нему. А онъ шагахъ въ тридцати, эдакъ, стоялъ, не болѣ...

«Подѣзжаетъ къ нему баринъ и говорить :

«— Коли вы, говорить, милостивой государь, стрѣлять не умѣете, такъ и не совались бы лучше... Да притомъ, видите, говорить, что я хотѣлъ бить, — я! Прошу васъ не мѣшать мнѣ, говорить, а то я васъ велю прогнать отсюда! говорить.

«Юнкарь все молчалъ ; да какъ баринъ стали говорить, да стращать, что прогнать велеть, — такъ онъ не вытерпѣлъ, да и говорить Никитѣ-то Иванычу :

«— Ну, говорить, это еще увидимъ! Если такъ, такъ зачѣмъ же звали?..

«Баринъ ни слова ; отѣхалъ и стоитъ.

«Ну, юнкарю-то надо бы прочь уйти послѣ такихъ словъ, а онъ остался ; и стыдно ему, стыдно передъ гостями!.. Потому, известно дѣло : распекли его!..

«Еще тутъ штуку убили, зайца-же ; да молоденькаво таково ; меня даже жалость взяла, какъ посмотрѣлъ на него, сердечнаво...

«Только убилъ его не баринъ и не юнкарь, а другой кто-то... а позабылъ.

«Поѣхали потомъ мы въ болото, версты двѣ въ сторону : на мошниковъ, да рябовъ значить.

«А ихъ вѣдь тамъ многое-множество!

«Ну, прѣехали. Вязко такъ, что быда просто! лошадь въ тину такъ и уходитъ... что дѣлать? — да что? лошадей отдали и человека

къ нимъ приставили, — а сами пѣшкомъ пошли ; потому : у всѣхъ высокіе сапоги были.

«И я за ними туда же.

«Баринъ, Нинита-то Иванычъ, идетъ впереди ; (сердитый такой и нагайка въ ручкѣ, а ружье за плечомъ ;) а гости за нимъ, толпой эдакой и говорить всѣ, точно пчелы !

«Только, вдругъ въ сторонкѣ собака : гамъ ! гамъ !

«Баринъ чутьчку постоялъ, послушалъ и шепчетъ : — «Есть!» да какъ сказалъ это и подралъ бѣгомъ по лаю, а гости за нимъ... Точно хвостъ какой ! да-это бы еще что ? а то бѣгутъ, шумять, — кричать нивые ; — срамъ ! что тутъ за охота ? точно барановъ стало, — право !

«Прибѣжали ; лаетъ Шарикъ (собака у насъ была) на ель ; а на ель-то, знаешь, тетера...

«Только что баринъ разглядѣли ее, да хотѣли стрѣлить, вдругъ... пашъ !

«А это юнкаръ опять ; кто его знаетъ, что это ему вздумалось ! Да хоть попалъ бы, добро, — а то, вишь, нѣтъ!..

«Ну, тутъ ужъ барина взорвало совѣмъ ! Да какже ? посуди ты самъ : онъ еще передъ тѣмъ, какъ нацѣлился, «подождите, господа!» сказалъ, «я хочу попробовать» ; а тутъ другой вдругъ стрѣляетъ...

«Подскочилъ это онъ тогда къ юнкарю, да какъ крикнетъ!..

«— Ты, мальчишка, дразнить меня вздумалъ, чтоли ? кричить ; говори, говорить, оселъ ! а ?

«А юнкаръ-то :

«— Самъ ты оселъ, говорить, — да еще старый ! и хотѣлъ это уйти, да баринъ не далъ ему, голубчику...

«— Какъ ? я... оселъ ? ! говорить ; да приподнял нагайку, да и хлысъ его по лицу ! юнкаря-то, а ?..

«Юнкаръ бѣдный побѣднѣлъ весь (вѣрво отъ злости), а по лицу-то кровь потекла, какъ баринъ ударилъ его : право !

«— Хорошо ! сказалъ и ушолъ ; и больше, слышь, ничего не промолвилъ !

«Гости въ тѣ поры всѣ присмирѣли ; носы повѣсили, — молчать ; ну, и охота сейчасъ кончилась, — и не нашли болѣ...

«А какъ стали, воротившись къ нему, развѣзжаться, онъ и говорить имъ, гостямъ-то :

«— Скажите, говорить, пожалуйста, мерзавцу тому, что если,

да поидеть онъ на меня жаловаться, такъ я ево, говорить, на конюшнѣ кнудомъ отстегаю !..

« Гости молчать.

« А отецъ-то юнкря тутъ же былъ : каково ему-то слышать ?..

« Да что возьмешь ? сила ! онъ заплакалъ, сердечный, да и пошолъ вонъ.

« Гости молчать ; мигаютъ промежъ себя, — а молчать.

« Ну, а тутъ Никита Иванычъ сталъ имъ говорить :

« До свиданья, госнода ! говорить, — я усталъ ! и ушолъ изъ за-мы ; даже и обѣдать никово не оставилъ.

« Постояли они, постояли маленько, да съ тѣмъ и уѣхали...

« Только, прошолъ день. Прошолъ и другой : объ юнкряѣ ничего не слышно...

« Только, значить, на третій ужъ день пришолъ онъ, въ ночь.

« Вотъ какъ было :

« Какъ поужинали Никита Иванычъ, такъ встали да и ушли къ себѣ : спать, значить. — Мы, люди, тоже поужинавши, улеглись.

« Въ домѣ я одинъ остался, да мальчикъ маленькой, — Гришей звали ; я уснулъ въ лакейской, околъ баринова кабинета, значить. А Гриша, — тожъ въ сѣняхъ легъ : потому лѣто, тепло.

« И ужъ поздненько таки это было...

« Только, въ ночь, проснулся я вдругъ и слышу будто кто изъ саду лѣзеть къ барину въ окно... Да тихо эдакъ...

« Я, знаешь, поднялся осторожно, осторожно, и вышелъ на дворъ босикомъ какъ спалъ ; а со двора шмыгнулъ въ садъ прямо, черезъ калитку...

« Только, знаешь, мнѣ и въ голову не пришло вовсе, что это юнкря лѣзъ ; думалъ : воръ, али другой кто, — только не бнъ.

« Подхожу я къ кабинетнымъ окнамъ : тихо, никово нѣту.

« А окно отворено...

« Подойти-то я боюсь : долго ль до бѣды ?.. а постоялъ маленько, да и слышу :

« Хлысь ! хлысь ! еще ! еще !.. Что такое ?

« А тутъ вдругъ собака на дворѣ залаяла ; я сейчасъ къ окну, — глядь : онъ оттуда (юнкря-то), и кнутъ въ рукѣ, — а баринъ за нимъ...

« Пролетѣлъ это онъ мимо меня, — я въ кусты, — а онъ черезъ

заборъ, да и былъ таковъ ! Тамъ ево лошади дожидались, — тройка ; сълъ, да только и видѣли... фю !

«А барица-то онъ раза четыре кнудомъ хватилъ ; сперва по лицу, а потомъ по спинѣ, да баринъ-то вскочилъ...

«На другой день, Никита Иванычъ самъ къ отцу махнулъ, къ юнкареву ; да ничево не сдѣлалъ этимъ :

«Отецъ-то ему сказалъ, что сынъ въ полкъ съ вечера укатилъ... далеко куда-то !

«Только мы ево и видѣли : пропалъ, какъ въ воду канулъ...

«Отцу же письмо оставилъ : вишетъ, что хочеть позоръ свой, какой-то, смыть... Богъ ево знаетъ !

«А должно быть молодецъ ; смѣлъ видно былъ : потому, въ чужой домъ-забраться, да барина побить !?..

«Я и фамилию ему помнилъ : да забылъ теперь . . . . .

Н. В—овскій

* * *

Послушай же — ну будь ко мнѣ добрый!
Вотъ видишь: я всегда такой бываю,
Вотъ видишь, быть и лучше и умвѣй
Могу ли я — я право самъ не знаю.

И для чего жъ меня такъ огорчать?
И безъ того мнѣ тяжело и больно,
И безъ того готовъ я зарыдать,
И полюбилъ вѣдь я тебя невольно.

Невольно, да. Вѣдь я и самъ не радъ.
Ты говоришь, что мы сойтись не можемъ,
Ты говоришь, что самъ я виноватъ;
Что мы себя все попусту тревожимъ, —

Не знаю я. Но лишь съ тобой сойдуся,
Мнѣ станетъ вдругъ легко и такъ пріятно!
Все на тебя гляжу и такъ боюсь
Я что-то все утратить невозвратно.

И счастливъ я, и грежу я тогда,
Какъ тотъ монахъ, что слушалъ птичку рая,
Минуты такъ проходятъ или года
Не знаю я, въ восторгъ замирая...

О. ВЕРГЪ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЬ

БѢГУНЫ

II

Въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пробирался по галицкимъ лѣсамъ костромской губернии трое бѣглыхъ: солдатъ съ крестьянкой и крестьянинъ. Идя по лѣсу, они толковали что-то о пришествіи и царствѣ антихриста, о гоненіи на христіанъ, о новой ревизіи 1782 года, о *спасеномъ пути*, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдатъ говорилъ, а спутники больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ пошехонскаго уѣзда. Его звали Егоромъ Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ шолъ въ лѣсъ этотъ солдатъ бѣглый, что за спутница съ нимъ шла и чему онъ представлялъ бѣглыхъ странниковъ? спросимъ старожиловъ-старовъровъ, и она скажутъ намъ.

То былъ основатель согласия *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ городахъ, мѣщанамъ, посадскимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было худое, трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣсненность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя мочи переносить это горе, чего-буду на свое жалкое, податное и цеховое устройство, мѣщане, вмѣстѣ съ крестьянами и купцами, тоже по большей части происхожденцами изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я, повелюль уклонились въ расколь, составляли помимо цеховъ свои свободныя, трудовыя, общинныя согласия. Дѣти ихъ съ равныхъ лѣтъ воспитывались такимъ образомъ ужь въ духѣ раскола, тѣмъ болѣе, что при

отсутствіи правительственныхъ училищъ и учителей для простаго народа, старообрядческіе граматники, наставники были почти единственными учителями молодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ потребностямъ и понятіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяславскаго мѣщанина, съ раннихъ лѣтъ научился безпоповщинскому толку отъ федосѣевскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грамотой, учеьемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на начаткахъ мысли, знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ непреодолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большой части русскихъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до Кольцова. Недаромъ и старообрядческой стихъ выражаетъ эту жажду удовлетворенія умственныхъ потребностей :

Душа своей пищи дожидается,
 Душѣ надо жажду утолить.
 Потщися душу свою гладну не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ вопросовъ, въ порывѣ пылливости, любознательности, въ молодомъ увлеченіи и экзальтаціи религіознаго энтузіазма, бѣжитъ изъ дома отеческаго, изъ Переяслава Зябѣскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у старцевъ филиповскаго согласья, въ то время только что появившагося въ Москвѣ. Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не молиться за государей, не повиноваться никакимъ властямъ, ни гражданскимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ гражданскую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евфимія поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество отдало его въ солдаты. Но солдатская служба была не только тягостна для Евфимія, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время уклонялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ и учеье такого раскольниковьяго согласья, которое основано было бѣглымъ солдатомъ, зналъ учеье филиповскаго толка, что солдатская служба — есть служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы, опять пришелъ къ своимъ въ Москву. Федосѣевская община преображенскаго кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой большой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, управлялась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ своихъ агентовъ—наставниковъ областныя, мѣстныя общины. Въ этой общинѣ Евфимій нашолъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ былъ наставникомъ въ поморской скитъ филипов-

скаго согласья. Здѣсь-то, въ Москвѣ онъ взялъ съ собою послѣдовательницу Филипповаго же толка, бѣглую крестьянку тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то была его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ. Здѣсь въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, нѣкто Адрианъ. Въ бытность свою въ Ярославль, онъ взятъ былъ полиціей, какъ безпашпортный, и лишонъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся отъ полиціи и пришолъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ неполадилъ и разсорился за то, что онъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай. Ссора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адриана жалобу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться Адриану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій ушолъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго объясненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь не нашолъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адрианѣ, крайне огорчился и отправился съ Ириной Федоровой въ ярославскую губернію. Въ это-то время, послѣ всѣхъ странническихъ переходовъ, въ душѣ Евфимія окончательно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою пропаганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣгствующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Онъ сталъ проповѣдывать, сначала въ самомъ городѣ Ярославль, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича зародился въ великороссійской землѣ антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный, послѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововводитель антихристовъ порядка: ревизіи душъ, раздѣленія людей на чины и сословія, неравнолѣтнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со второй ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣглыхъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, обладающіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ отсюда Евфимій, — вотъ одинъ спасенный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его властей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ не только отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ подданныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и сродниковъ! Такіе начала релігіозно-политическаго отрицанія, сѣмена новаго согласья, носилъ Евфимій въ городѣ Ярославль, въ деревнѣ Малышевой ярославскаго уѣзда, и особенно въ селѣ Сопѣлакахъ, въ четырехъ верстахъ отъ деревни Малышева. Такимъ образомъ положилъ начало пропаганды бѣгуновъ, приобрѣлъ нѣсколько странствующихъ наставниковъ, и самъ, съ крестьянкой Ириной Федоровой и

съ крестьяниномъ Егоромъ Егоровымъ, пошолъ показать на дѣлѣ примѣръ бѣгуинства, странства.

Вотъ кто былъ тотъ бѣглый солдатъ, что съ двумя спутниками пробирался по галицкимъ лѣсамъ костромской губерніи. Онъ шолъ съ странницей Ириной Федоровой, и съ пошехонскимъ крестьяниномъ въ галицкіе лѣса для того, чтобы тамъ основать скитъ, убѣжище для новаго согласія, и буде можно, положить начало прочному устройству общины бѣгуновъ. Тамъ они расчистили изъ-подъ лѣса мѣсто, поставили общую келью и поселились въ ней. Тамъ въ тиши Евфимій облумывалъ основныя мысли своего «лицевого анокалисиса» и «цвѣтника».

Такъ тихо, невѣдомо для правительства, для вельможества екатерининскаго времени, для архипастырей, желавшихъ уничтожить расколъ, для полиціи, жестоко и обирательно преслѣдовавшей его, такъ неслышно, невидимо возникали новыя и еще болѣе, чѣмъ прежде, демократически-оппозиціонныя согласія раскола. Въ глуши провинціальныхъ захолустьевъ, въ глуши лѣсовъ, бѣглые солдаты, крестьяне и крестьяне думали свою думу, по мѣрѣ, по кругозору своего практическаго и религіознаго смысла. Такъ возникало и согласіе бѣгуновъ. Сейчасъ мы изложимъ основныя начала ученья Евфимія, а затѣмъ — и всѣхъ бѣгуновъ. Но пока Евфимій пребываетъ въ лѣсу и облумываетъ свой «цвѣтникъ», дума наша невольно останавливается и углубляется въ общій смыслъ народныхъ событій, ознаменовавшихъ семидесятыя и восьмидесятыя годы прошлаго столѣтія.

Въ то время, какъ въ высшемъ, образованномъ класѣ народа, невѣдомо для крѣпостныхъ и податныхъ массъ, замышлялась аристократическая попытка Панина и Дашковой, и подготовлялась или начиналась уже борьба мистико-идеалистическаго направленія Нюкова и его общества съ матерьяльно-отрицательнымъ направленіемъ, въ то время и въ массахъ простого, податнаго народа виднѣтъ тоже двоякаго рода движенія. Одно движеніе, могучей физической силы, вышедшей изъ терпѣнья, непосредственно-натуральное буйное движеніе накипѣвшаго, наболѣвшаго въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства, — это просто рьяный, сбойчатый, илтежный порывъ несносно-сдержанныхъ могучихъ силъ народа къ выходу изъ-подъ вѣковаго гнета: это *пугачевщина*. Другое движеніе тихое, духовно-нравственное, мистико-идеалистическое. Это болѣзненное выраженіе угнетеннаго, наболѣвшаго сердца, духа народнаго, выраженіе страдальческихъ чувствъ народа крѣпостнаго поработеннаго, оставленнаго самому себѣ, безъ просвѣщенія, безъ цивилизаціи; экзальтація больныхъ сердець, мечтанія и грезы

больныхъ, разгоряченныхъ, экзальтированныхъ фантазій. Это общество людей *божскихъ, селивановщина*, и вообще всё такъ-называемыя мистическія *пророчествующія* секты.

Въ Петръ III, какъ мы уже сказали, крѣпостные крестьяне ждали почему-то своего искупителя, освободителя отъ крѣпостного ига. Разносились въ то время даже толки, будто Петръ III ужъ и далъ указъ о свободѣ, да его скрываютъ отъ народа, и что царь самъ долженъ начать дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Движенія и начались въ 1762 году. Но ничѣмъ и кончались. Послѣ Петра III вступила на престолъ Екатерина II, а манифеста о свободѣ крѣпостного народа не бывало. Въмѣсто того, вышла при Екатеринѣ жалованная грамота только о вольности одного дворянства. Надежды массъ народныхъ на Петра III, на свободу и льготы жестоко обманулись...

Но угнетенныя, крѣпостныя массы народа неутѣались въ своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Скоро явились между ними, подъ именемъ Петра III, свои, самозванныя провозвѣстники свободы. Одни мечемъ возвѣстили о народномъ ожиданіи воли и льготъ; другіе мистико-идеалистической пропагандой пророчили про искупленіе, освобожденіе народныхъ душъ. Пугачевъ, назвавшись Петромъ III, поднялъ общее движеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народныхъ. А рядомъ съ пугачевщиной, подъ тѣмъ же знаменемъ, совершалось другое движеніе къ искомой, вожделѣнной свободѣ, движеніе духовнонравственнаго. Кондратій Селивановъ, или по другимъ извѣстіямъ, Ивановъ, крестьянинъ орловской губерніи, также подъ именемъ Петра III шолъ за свободу, но не съ мечемъ, а съ пророчественной проповѣдью объ *искупленіи, освобожденіи душъ* народныхъ. Онъ не общалъ народу матеріальныхъ благъ, земель, водъ и т. д., не давалъ въ руки, какъ Пугачевъ, «пороху и свинцу», но призывалъ къ открытому возстанію. Отрицая церковно-библейскій буквализмъ и православно-восточную обрядность, онъ, сообразно съ естественно-философическою настроенностью народнаго мирозозерзанія, шолъ путемъ мифической мистико-идеалистической пропаганды, въ символическихъ образахъ возвѣщалъ свободу духа, совѣсти, человека, народа. Проповѣдуя о *воскресеніи душъ*, онъ ободрялъ духъ народный, забитый, деморализированный, — будущимъ оживленіемъ его во времена свободы, внушалъ вѣру въ это оживленіе, ожиданіе его, стремленіе къ нему. Возвѣщая *искупленіе, освобожденіе душъ*, Селивановъ внушалъ вѣру въ свободу, которая рано или поздно должна настать для рабскаго народа, возбуждалъ стремленіе къ ней. Въмѣсто вооруженной силы, вмѣсто «конныхъ и пѣшихъ полковъ», онъ

собиралъ по всѣмъ странамъ *кавалерію духовную*, общество его по-слѣдователей, готовившихся къ будущей свободѣ, воодушевлявшихся мистико-идеалистической экзальтаціей въ коммунистическихъ собраніяхъ, безотчетными, беззаботными, даже веселыми пророчесственными пѣснями объ искупленіи, освобожденіи и воскресеніи душъ. Самъ онъ считался *вожжевникомъ* этой духовной кавалеріи, которая иначе называлась *кораблемъ духовнымъ*, въ которомъ онъ былъ *кормильцемъ*. Въ мифическомъ образѣ богатыря или полковника силы духовной представляеть Селиванова пѣсня людей божіихъ:

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такіа чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужь на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремить,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ
Золотыми подковами подкованъ.
Ужь и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позволоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизаная.
Во очахъ его камень жоргарить,
Изъ-устъ его огонь-пламя горить.
Ужь на томъ ли на храбромъ на конѣ
Искупитель нашъ покатываетъ,
Онъ катаеть со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторовушкамъ,
По инымъ землямъ французскимъ,
Французскимъ и иркутскимъ.
Набиралъ полки премудрыя
Кавалерію духовную.
А теперь то, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во сѣверну сторовушку,
Во сѣверну, во питерскую.
При батюшкѣ *искупительъ*,
При второмъ спасителѣ
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужь сталъ нашъ батюшка родной
Государь нашъ полковникъ дорогой
Своими полками полковать, и проч.

.....
 Спѣшитъ батюшка, катаетъ
 Онъ со страшнымъ судомъ,
 Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
 Со златыми со трубами
 Съ богатырскими конями

.....
 Не помогутъ мои други
 Сего свѣту вамъ князья,
 И цари-то всѣ земные
 Пойдутъ они подъ землю,
 И накроетъ ихъ земля,
 Что горючія каменя
 За нихъ къ вѣрнымъ не радѣе
 Ваша воля, ваша власть,
 Что угодно, то устрой.

Глубоко задумаетесь, и разгадать не можете, что за тайна русскаго народа, судьбы народной высказалась въ этихъ странныхъ историческихъ метаморфозахъ или персонификаціяхъ народнаго духа: *Симзу, изъ массъ народныхъ, выходяши, цѣлѣя полтора столѣтій, самозванцы-цари*, по характеристическому выраженію лѣтописи XVII вѣка, *мирали царемъ*, и во имя свободы, льготъ материальныхъ, житейскихъ, магически увлекали массы, громко заявляли о массѣ народной передъ всею Россіей, будили, пугали всѣхъ, сильно занимали царей и правительство; податныя, крѣпостныя, служилыя массы крестьянства, которыхъ почти вовсе невидно, не слышно было въ исторіи со временъ Степки Разина, вдругъ и громко выступаютъ на сцену исторіи, ворочаютъ цѣлымъ краемъ имперіи, идутъ съ своимъ самозваннымъ царемъ — бѣглымъ казакомъ-раскольникомъ, и ужасаютъ правительство! Съ другой стороны, опять почти цѣлое столѣтіе, являютъ другіе самозванцы — христы, пророки, искупители, освободители, цастыри, учителя и проч., и отрицаютъ многія библейскія книги, византійскія или православно-восточныя преданія, отрицаютъ великороссійскую церковь съ ея іерархіей, священниками, съ таинствами, проповѣдуютъ свои свободныя религіозныя мнѣнія, распространяютъ демократизмъ и религіозный и гражданскій, подъ знаменемъ религіи христовой, православной и также сильно затрогиваютъ церковь православную и духовное правительство! Да, что-нибудь да значать въ исторіи народной, въ развитіи духа и міросозерцанія, стремленій и идеаловъ народныхъ что-нибудь значать такіа чудовищныя явленія, какъ пугачевщина, христовщина, селжановщина, самозванство политическое и самозванство религіозное...

Въ то время, какъ массы находились въ такомъ хаотическомъ движеніи, когда и пугачевщина не завоевала имъ воды, и мистико-идеалистическая, мифически-пророчесвенная селивановщина не облегчала земной, ежедневной, деннонощной, злой неволи, — въ это время возникло согласье бѣгуновъ. Оно не задумалось, какъ селивановщина, за седьмыя небеса, не носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таинственномъ воспресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророчесвенныя секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о *слабыхъ земляхъ, рѣками и усадьбами* — въ пользу народа. Оно указывало податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ масамъ путь спасенія не отвлеченный, не мистическій, а чисто земной, и притомъ ужъ указанный народной исторіей путь *бѣгства, странничества, скрытія*. Бѣгство и скрытіе было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ всякихъ сдержекъ и тягостей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ и не мистико-созерцательнымъ, а реальнымъ, практически-жизненнымъ, дѣятельнымъ, демократически-оппозиционнымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества, и ревизской и казенно-податной и дерковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самосилоченіемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, податныхъ и служилыхъ рабовъ имперіи и сыновъ церкви. Разнымъ образомъ, не надвѣсь, подобно пугачевщинѣ, разомъ трахнуть Москвою, воспроизвести неурядиціи политическія и церковныя, согласіе бѣгуновъ вознѣстило принципъ постепеннаго и постепеннаго, личнаго и обще-согласнаго отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовкѣ простаго народа къ политической борьбѣ, посредствомъ страстующей пронаганды, страстующихъ наставниковъ массъ народныхъ. «Братся подобаетъ съ антихристомъ, говорили бѣгуны, но до времени открытой брани съ нимъ братся нельзя, а подобаетъ только братся противленіемъ его волю и неисполненіемъ его законовъ; а когда придетъ время открытой брани, тогда всякъ, иже убиенъ будетъ, получить явнѣе, каковой не получалъ никто изъ мучениковъ.» Таковы главныя, общія стремленія бѣгуновъ.

Съ такимъ ученіемъ выступилъ на путь пронаганды и самъ Евфимій, основатель согласья бѣгуновъ. Своими сочиненіями онъ первый положилъ основаніе и догматыкъ ихъ. Черезъ два года, Евфимій съ Иринею Федоровой возвратился изъ кѣстремскихъ дѣлѣвъ въ Ярославль, и снова началъ распространять и утверждать свое ученіе и согласіе. Въ то же время, для руководства, изложилъ основные пункты своего ученія въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ

1784 г. онъ издаде *лицевой апокалипсисъ* съ картинами и съ своими толкованіями. Въ картинахъ этихъ онъ наглядно для простаго народа изобразилъ свое ученіе: *антихристъ съ короной* у него означалъ верховную власть, *лжепророки антихристовы*, изображенные въ лицахъ, означали духовную и гражданскую власть, служящую антихристу. Незадолго передъ смертью, Евфимій написалъ *Цѣлѣбникъ*. Здѣсь онъ довольно подробно изложилъ свое ученіе — сущность и основаніе согласья бѣгуновъ. Въ 1792 году Евфимій умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой, и похороненъ былъ по странническому обычаю, въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ, послѣдователи согласья бѣгуновъ, каждый годъ, въ день смерти Евфимія, служатъ панихиду за упокой его души.

Изложимъ теперь сущность ученія Евфимія, на основаніи его «Цѣлѣбника».

Съ 1666 года, училъ Евфимій, настало въ руссійскомъ государствѣ царство антихриста. Патриархъ Наконъ лжепророкъ антихриста, или его Накита, или по гречески *Никитос* (50, 8, 2, 8, 300, 10, 70, 200=666) ⁽¹⁾ означаетъ число звѣрино 666, знаменующее имя антихриста. Съ 1666 года, священнослужители суть демоны, демонскія тѣlesa, уста звѣрины; духовная власть служитъ антихристу; новопечатныя книги, какъ-то псалтырь, евангеліе, соборное дѣяніе, жезлъ, скрижаль, увѣтъ, пращица и другія, суть ученіе дьявольское.

«Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ далѣе Евфимій, былъ правымъ рогомъ двурожнаго звѣря, послѣднимъ же рогомъ былъ самъ его Петръ I.» На Петра I Евфимій, какъ и всѣ другіе расколотыя члѣды селостѣевскіе, филиповскіе и другіе, излилъ всю горечь своего недовольства и ученья. «Петръ I, пишетъ онъ, воцарился антихристомъ въ руссійскомъ государствѣ. На римскомъ языкѣ *императоръ* пишется *императоръ* и заключаетъ въ себѣ число звѣрино. Въ семь гордостномъ князѣ міра сего заключается быть первый тейтанъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ. Всѣ повинующіеся императору антихристу заклеяны его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. Всѣ его повелѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. Обложивъ денежнымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ еретикъ. Чувственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ окладомъ ⁽²⁾. Бѣсовскіе полки

(1) Вычислено по славянскому численному значенію буквъ.

(2) Указъ 1715, 16 и 18 гг. п. с. а. т. V, №№ 2889, 2991, 2996 и 3232.

воинскія и гражданскія власти исполнили царскіе указы отъ 8-го вѣраля 1716 и 2 марта 1718 годовъ.»

Особенно достойны вниманія нападки Евфимія на слѣдующія реформы и нововведенія Петра I. «Онъ, говоритъ Евфимій, уничтожилъ до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, возобновилъ, на мѣсто ихъ, языческіе поганскихъ вѣръ обычаи. канто: бритье бороды, народныя переписи, раздѣленіе человекъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадебъ, заставляя каждому наблюдать свою часть, а другому не давая ничего; учрежденіе цеховъ и гальдій и введеніе разныхъ богопротивныхъ изъ латинскихъ и нѣмецкихъ странъ странъ установленій, чѣмъ восстановилъ онъ междоусобную брань, сваръ и бой.

Со времени Петра I, учимъ далѣе Евфимій, царская власть — икона сатаны; всѣ, повинующіеся царской власти, кланяются иконѣ сатаны. Воинскія и гражданскія власти антихриста шестнадцатаго времени суть образъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами человѣческими, принуждающія въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего.»

Изъ всего этого взгляда и ученія Евфимій выводитъ своей основной, главный догматъ о необходимости спасаться бѣгствомъ отъ антихриста и всѣхъ его властей и порядковъ. Проклятіями грозилъ онъ тому, кто не будетъ противиться власти антихриста и спасаться отъ нея бѣгствомъ.

Малосодержательно, голословно и даже пустословно ученіе бѣгуна Евфимія, но и оно послужило плодотворнымъ семенемъ для слѣдующаго развитія историко-демократической догматики бѣгуновъ. Съ тѣхъ поръ оно породило нѣсколько релігіозно-подитцескихъ сочиненій бѣгуновъ, которыя далѣе будутъ рассмотрѣны по порядку. Какъ ни пустословно было ученіе Евфимія, но для массы народной оно было вполне достаточно, убѣдительно. Умъ и сердца народныя оно за живое затрогивало, Массѣ не дужно было многословное изложеніе близкихъ ся сердцу и опыту предметовъ, ненуженъ равнымъ-образомъ и тонкій, отвлеченно-теоретическій анализъ. Массѣ, въ насущныхъ вопросахъ въ жизни, нужны только положенія, указанія. Нужно только задѣть, указать, выставить на видъ тѣ вопросы или факты, которые народъ на себѣ испытываетъ, тяжело почувствовалъ, претерпѣлъ. — и этого достаточно, чтобъ увлечь массу народную. Таково было и ученіе Евфимія бѣгуна. Однимъ основнымъ догматомъ о бѣгствѣ отъ всего таготащаго въ государство, объ отреченіи отъ всѣхъ властей и ихъ предписаній и требованій, о самоисключеніи, самоосвобожденіи посредствомъ бѣгства изъ списка подданныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, слу-

жалить въперіа, — однимъ этимъ всеобъемлющимъ догматомъ Евфимій магически увлекалъ народъ, и безъ того склонный къ бѣгству отъ разныхъ тяготящихъ условій, замыкающихъ, удупливо-тѣснѣвшихъ обстановокъ горемычнаго быта.

Услышавъ такое, за-живое затрогивающее ученіе, крестьяне, мѣщане, купцы, солдаты, недовольные своимъ бѣдственнымъ угнетеннымъ положеніемъ, толпами устремились въ бѣгство, въ согласье бѣгуновъ. Горько-думная житейская искушенность, горько прочувствованныя, горько прожитыя тяготы, горе жизни, несвободнаго труда, труднаго семейнаго прокормленія, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйственной замкнутости, помѣщичьяго яга, чиновничьихъ нападковъ, обидъ и грабительствъ, цеховой и гильдейской закрѣпленности, безземельнаго тяжелаго приобрѣтенія средствъ жизни и казенныхъ уплатъ, — все это разомъ затронуто было ученіемъ Евфимія и согласья бѣгуновъ. Все это и прежде такъ и наводило само собою на мысль, что бѣгство, отрицаніе на дѣлѣ всего того, что тяготитъ жизнь, — единственный путь спасенія и свободы. Крестьянинъ, съ котораго вымучивали подушную подать, или котораго тѣснилъ помѣщикъ, становой, — шолъ въ бѣгуны. Сынъ крестьянина, молодой, работающій парень, только-что хотѣвшій жениться или ужъ и женившійся, только-что обзаведшійся избушкой, хозяйствомъ, и вдругъ, наѣздомъ военной команды, отторгнутый отъ дома, забритый въ рекруты, бѣжалъ въ бѣгуны. Мѣщанинъ, записной замкнутый рабъ цеха, едва кормившійся своимъ кругомъ стѣсненнымъ ремесломъ, только-что едва смогшій уплатить выдавленную подушную подать, и ждавшій рекрутчины, бѣжалъ въ бѣгуны. Купецъ, своимъ потовымъ трудомъ нажившій капиталецъ, изъ крестьянъ записавшійся въ купцы, въ гильдію, кругомъ испытывавшій придирчивое обирательство, сверхъ пошлякъ, придирчивое насильственное закрытіе лавокъ, торгова, безгласный въ шестигласной думѣ, рабъ гильдіи и чиновничества, до освобожденія кунечества отъ рекрутства долженствовавшій за себя поставять рекрута, терпѣвшій отъ начальниковъ и военнослужащихъ чиновъ ругательства, побой и проч., купецъ этотъ записывался въ бѣгуны *мирскіе жиливые* и становился самъ покровителемъ, *крестанодержателемъ* странствующихъ бѣгуновъ, помощникомъ ихъ пропаганды. Солдаты; оторванный отъ родины, отъ жены и дѣтей, изъ далекой губерніи, солдатъ бѣжалъ въ бѣгуны. Однимъ словомъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило, открыло широкій, просторный путь для всѣхъ угнетенныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, чернорабочихъ и служилыхъ классовъ народа.

А какой просторъ открыло согласье бѣгуновъ молодымъ кпну-

чьиъ натурамъ, удалымъ буйнымъ молодцамъ! Все, что свершивале
жизнь, давило широкую грудь молодца — все бѣгунство обрасы-
вало. Изъ душевной мастерской или фабричной, онъ бѣжалъ бѣгу-
номъ въ лѣсъ отдохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрами,
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный — воздухъ чистъ,
И услышу птицѣй смѣхъ.
Нѣжны вѣтры тамо дуютъ
И токи воды журчатъ.

Крушило горе, давила кручина молодца, — онъ бѣжалъ бѣгу-
номъ въ пустыню.

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынь.
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Прими меня пустыня
Со прегрѣшнн грѣхами,
Со горячими слезами...
Принимаетъ же пустыня
На свои-то бѣлы руки,
Яко мати свое чадо...
И отвѣщаетъ мать-пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
И охъ ты, гой еси, молодой юношь!
Тебѣ въ кельѣ не сожити,
Черна платья не сносить.
У меня же во пустынь
Нѣту сладкіе-то пища,
У меня же во пустынь
Нѣту питія медвяна,
У меня ли во пустынь
Нѣтъ свѣтнаго-то платья.
У меня ли во пустынь
Нѣту свѣтлыя палаты,
У меня ли во пустынь
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
У меня ли во пустынь
Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.
Что возговорить молодой юношь.
Охъ ты матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!

Прими меня къ себѣ жити
 Миѣ-ка сладкая-то пища
 Миѣ-ка гнилая-то колода,
 Миѣ-ка питія медвина
 Миѣ-горька вода болотная,
 Миѣ-ка цвѣтное-то платье
 Эта черна схима,
 Миѣ-ка свѣтлая палата
 Эта мала хата,
 Миѣ-ка слово-то прошептать
 Съ тобою же шустыня.
 Я пойду же, разгуляюся
 По зеленой по дубравѣ.
 Отвѣщаетъ мать-пустыня
 И архангельскимъ своимъ гласомъ:
 Ой, ты юношѣ, какъ стоскуешься, молодой,
 Придетъ тогда весна красна
 Налетятъ тогда съ моря пташки
 Горемычныя кукушки.
 И онѣ станутъ куковати,
 Жалобы стануть причитати,
 А ты станешь слезно плакать...

Не утѣшила юношу пустыня. Тяжело, несносно было молодому юношѣ сидѣть въ темной, душной кельѣ монастырской. Тяжолъ, противенъ былъ монашескій, послушничій подрясникъ. Несносенъ былъ отеческій деспотизмъ игумена. Молодой инокъ сбрасывалъ черныя подрясники, и бѣжалъ бѣгуномъ изъ монастыря.

Одна сосенка стоитъ,
 А подъ сосенкой при той
 Молодой инокъ дежитъ,
 Ничего не говоритъ.
 Токмо плачетъ какъ рѣка,
 Что пришла къ нему бѣда, бѣда не малая,
 Что игуменъ гнѣвъ имѣлъ,
 И соборомъ онъ смирялъ...
 Не нечаянно пришла
 Востерпимая бѣда.
 Куда же миѣ и дѣтися,
 Ой лучше разгулятися.
 Какъ, идти миѣ въ монастырь?
 И прощенія просить?
 На дочу а у нихъ жить...
 Пріѣржали къ судьямъ.
 Объявили мой побѣгъ,

Что я тайно у них убѣгъ.
 Вы прощайте, мои други,
 Пѣвцы славны-крылошане.
 Не хочу я у васъ жить,
 Со всѣми съ вами я прощусь
 И на вѣки разлучусь
 Прощай славный монастырь,
 Не хочу я въ тебѣ жить !..

Находился человекъ въ состояніи мистической экзальтаціи, чувилъ его страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи: онъ бѣгнувъ предавался подвигу странства. Онъ пѣлъ:

Ничто же можетъ воспретити,
 Отъ странства мя отлучити.
 Пищи тако не алкаю,
 Странствоваться повуждаюсь.
 Не такъ жаждуо смущаюсь
 Скитатися повуждаюсь.
 Всему міру въ смѣхъ явлюся,
 Токмо странства не мишуся.
 Бѣжи, душа, Вавилона,
 Постигай спѣшно Сіона,
 Тецы путемъ къ горню граду.
 Плачи, душе, о томъ времѣ,
 О грѣховномъ своемъ бремѣ,
 Како будешь отвѣщати,
 На судѣ страшномъ предстати.
 Уже часъ дне сокращается,
 Смертный часъ приближается...

И не только давало исходъ всѣмъ недовольнымъ согласно бѣгунствъ, но и возводило въ демократическій догматъ горьковатыя выводы народной горемычной жизни и вѣковой искушенности и практики. Подданныя, крѣпостныя, служилыя массы народа, горькимъ опытомъ своимъ, путемъ своей вѣковой жизненной практики невольно сами собой доходили до тѣхъ жизненныхъ выводовъ и ученій, до какихъ и лучшіе, просвѣщеннѣйшіе умы того времени доходили путемъ науки, теорій, рациональныхъ соображеній и идей. Такимъ практическимъ, саможизненнымъ путемъ, по непосредственному опыту, массы познавали многія политико-экономическія истины, и саможизненно, фактически, страдальческимъ исповѣдничествомъ, путемъ горькихъ протестовъ, выразили эти истины, основали особыя согласія, пронаганды для уясненія, дальнѣйшаго развитія и распространенія этихъ истинъ. Ихъ самородни-наставники, даровитые начитанные грамотники, только откликнулись

на горько-жизненный вопль и стонъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочихъ и служилыхъ массъ, и пещи проповѣдниками многихъ такихъ идей, которыя въ то время зрѣли и въ наукѣ, и въ лучшихъ государственныхъ умахъ. Укажемъ для примѣра двѣ-три такихъ идеѣ Евфимія бѣгуна.

Вотъ напримѣръ Евфимій возсталъ противъ *учрежденія цеховъ и гильдій*. А кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что противъ цеховъ вооружался и такой знаменитый государственный человѣкъ, какъ Тюрго! А у насъ невооружался ли противъ цеховъ и гильдій знаменитый Мордвиновъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ: «Узаконяемое гдѣ-либо отъ правительства раздѣленіе упражненій человѣческихъ во всѣ времена и отъ всѣхъ народовъ, опытами познаваемо было за главнѣйшую препону къ народному обогащенію, да и въ самомъ дѣлѣ дозволить одному промышлять тѣмъ, другому другимъ, не есть ли тоже самое, что предписывать прелѣлы уму и дѣятельности человѣческой; учреждать частную каждаго пользу, ему одному могущую быть извѣстною, тѣснясь волею, обстоятельствами измѣняемую и зависящую отъ обладаемыхъ каждымъ способомъ дѣйствія, содѣлывать постоянными частныя упражненія, когда все вокругъ человѣка измѣняется и неудерживается въ постоянствѣ ни естественнымъ ходомъ вещей, ни правительственными законоуслѣіями? Не есть ли тоже самое, что дозволить одному употреблять ноги свои, другому руки, третьему умъ, и подвергать наказанію за малѣйшее отступленіе отъ узаконеннаго разряда, сколько бы онъ ни стѣснителенъ былъ для личныхъ каждаго пользы. Въ Россіи раздѣленіе на гильдіи учреждено было между-прочимъ съ намѣреніемъ извлечь изъ того казенный доходъ; но какъ по приведеннымъ здѣсь основаніямъ, всякое раздѣленіе останавливаетъ успѣхи народнаго обогащенія, то можно утвердительно сказать, что доколѣ у насъ торговля и внутренняя промышленность не получаютъ совершенной свободы съ предоставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ народа, безъ всякаго различія и безъ всякаго со стороны правительства участія и притязанія, до тѣхъ поръ Россія не достигнетъ цвѣтущаго состоянія» и т. д. Мордвиновъ доказываетъ вредъ для торговли, промышленности раздѣленія на цехи и гильдіи торговцевъ и ремесленниковъ. Въ статистикѣ Кольба тоже справедливо сказано о нашихъ цехахъ и гильдіяхъ: «Цеховыя учрежденія въ Россіи обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ... Ремесленныя управы для усиленія ремесленныхъ сборовъ простирали свои требованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заве-

ленія, снабжонныя льготными свидѣтельствами и даже непризнанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нѣсколько несходныя производства ⁽¹⁾ не только ремесленныя, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерю времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ неудовольствіямъ и спорамъ... Гильдіи имѣютъ не только матерьяльно, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. Ограничивая размѣрами объявленнаго капитала дѣятельность каждаго торговца, опредѣляя ими ихъ право и значеніе, онѣ вопервѣхъ удаляютъ многихъ честныхъ и способныхъ людей съ торговаго поприща, закрывая напримѣръ для нихъ заграничную торговлю; вовторыхъ приучаютъ купца смотрѣть на свое ремесло только какъ на средство добывать всѣми возможными путями деньги; подрываютъ всякія нравственныя основы въ этомъ сословіи и всякую сословную гордость и честь; дѣлаютъ изъ купца, по выраженію «Вѣстника промышленности», «мѣшокъ съ золотомъ», которому воздаются почести до тѣхъ поръ, пока на немъ есть ярлыкъ, свидѣтельствующій о богатствѣ этого мѣшка; притомъ почести, сообразныя съ цифрою, выставленною на ярлыкѣ. Наконецъ, гильдіи, по крайней неравномѣрности налога, стѣсняють чрезмѣрно мелкихъ торговцевъ и чрезмѣрно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Отсюда происходитъ неравномѣрность: купецъ, торгующій по 3 гильдіи съ капиталомъ 3,000 р. и получающій на него 20% (600 р.), отдаетъ $\frac{1}{4}$ или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1 гильдіи, торгующій на 300,000 р. и получающій дохода 10% или 30,000 р. с., платитъ съ него только 2%.

Далѣе бѣгунъ Евфимій возстаетъ противъ *раздѣленія человека*

(1) Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при с. петербургской ремесленной управѣ, между прочимъ поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный, помадное, горчичное и ваксилное производства; въ цехъ шорный, ватное и прядильное. Подобное же причисленіе самыхъ разнородныхъ производствъ къ разнороднымъ цехамъ было въ Москвѣ, въ числѣ 24 цеховъ.

на равные чины. Это нападки на *табель о рангах* или на чиновную іерархическую градацию и раздѣленность народа, и вообще на *сословное раздѣленіе земства*. Если въ наше время начала гуманности и реформы уничтожили безконтрольность и самовластіе, то не такъ было въ то смутное время. Податныя, крѣпостныя и вообще простыя массы такъ называвшагося въ прошломъ столѣтіи *подлого народа*, испытали весь гнетъ, все стѣснительное преобладаніе надъ собой высшихъ сословій — военнаго офицерства и генералитета, духовнаго сословія — церковной іерархіи и чиновничества. Печальный результатъ сословнаго устройства — антагонизмъ сословный, въ эпоху Евфимія-бѣгуна, выразился болѣзненно и страшно въ пугачевщинѣ.

При Екатеринѣ II, въ то время когда жилъ бѣгунъ Евфимій, началось и генеральное размежеваніе земель, но производилось дурно и чрезвычайно медленно. Народу, нетерпѣвшему въ то время ревизіи душъ, народнаго описанія, и межеваніе, росписаніе русской земли казалось нарушеніемъ его изстаринныхъ земскихъ правъ.

Въ ревизіи душъ народъ сразу понялъ нарушеніе права общинъ въ дѣлѣ народныхъ переписей, прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ и общинъ не только къ государству, но и къ личности помѣщика, понялъ лишеніе крестьянъ воли (1). Въ старой Россіи, право землевладѣнія было общенародное, общинное и личное. Не только крестьяне и сельскія общины, служилые люди, но и гости или купцы и посадскіе, монастыри, церкви, владыки, священно и церковно-служители, всѣ имѣли право владѣть землею. Съ XVIII вѣка, когда земля окончательно обращена была въ крѣпостную собственность имперіи, короны и дворянства, для прочихъ классовъ народа чрезвычайно затруднено и даже невозможно стало землевладѣніе. И купцы земли не всѣ имѣли право. Отсюда произошли разные безземельные классы народа: мѣщане, литераторы, художники, ученые и т. п. Если они не принадлежали къ высшему дворянству и были безъ средствъ и связей, — имъ крайне трудно и даже невозможно было приобрѣсти землю, хотя бы они тоже были личные дворяне. Отсюда большая часть городскихъ жителей, неимѣя постоянного, вѣрнаго источника жизненныхъ средствъ, съ трудомъ могли приобрѣтать насущное обезпеченіе. Въ особенности, какъ мы видимъ, мѣщане страдали и донинѣ страдаютъ отъ безземелья. По-

(1) Бѣгунъ Евфимій въ своемъ «Цвѣтникѣ» отрицалъ и поголовныя народныя переписи или ревизіи душъ, такъ же какъ отрицаютъ и другіе старообрядцы. Объ этомъ будетъ рѣчь дальше, при разборѣ другихъ сочиненій бѣгуновъ.

видно послѣ этого, почему именно бѣглый мѣщанинъ Евфимій возсталъ противъ лишенія земли.

III

Основанное Евфиміемъ согласье бѣгуновъ быстро распространилось почти по всѣмъ великорусскимъ губерніямъ и въ Сибирь. Оно открыло податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ народа новый, широкій путь противъ-церковной и противъ-правительственной оппозиціи, стало своеобразнымъ и сложнымъ наростомъ и скоплениемъ новыхъ, народныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Перечисляя первыхъ послѣдователей согласья бѣгуновъ, мы видимъ въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ согласьяхъ раскола, опять все крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, преимущественно происшедшихъ изъ крестьянъ, или бывшихъ съ ними въ родственныхъ, либо торговыхъ связяхъ, и солдатъ-дезертировъ.

Исходными пунктами согласья бѣгуновъ были — село Сопелки, на берегу Волги, въ пятнадцать верстахъ отъ г. Ярославля (1), и деревня Мальшева, въ четырехъ верстахъ отъ Сопелокъ. По смерти старца Евфимія, ученица его Ирина Федорова поселилась въ Сопелкахъ, у крестьянина Петра Семенова Крайнева, и вмѣстѣ съ нимъ продолжала дѣло Евфимія. Сначала она окрестила въ странническое согласье самого Крайнева, переименовавъ его Свастьяномъ, и родственника его ярославскаго купца Полетаева, происшедшаго изъ крестьянъ села Сопелокъ и женившагося на дочери Крайнева. Потомъ окрещены были Ириной Федоровой жители села Сопелокъ — крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и купецъ Филиппъ Курочкинъ съ матерью и женой, проживавшій въ селѣ Сопелкахъ. Въ 1812 году бѣжалъ изъ Ярославля, по наученію Крайнева, мѣщанинъ Михайло Федоровъ Чагринъ, поселился въ селѣ Сопелкахъ у Край-

(1) Село Сопелки прежде принадлежало помѣщику фонъ-Мертенсъ. Теперь жители его свободные хлѣбопашцы и управляются выборными изъ своихъ крестьянъ. Промышленностью особенной они никакой не занимаются; только семейства Пановыхъ, Гурьяна Степанова и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ свои суда и торгуютъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Несмотря на то, всѣ крестьяне села Сопелокъ зажиточны. Двое изъ крестьянъ, Курочкинъ и Полетаевъ, записаны въ купечество и очень богаты. Жители Сопелокъ всѣ безъ исключенія придерживаются странническаго согласья, и всѣ занимаются пристаподержательствомъ. До 1850 года, т. е. до начала дѣйствій слѣдственной комиссіи о бѣгунахъ, скрывалось въ Сопелкахъ до ста человекъ бѣглыхъ раскольниковъ и въ томъ числѣ до двадцати военныхъ дезертировъ.

неза и былъ имъ перекрещенъ въ согласіе бѣгуновъ, подъ именемъ *Мокея*. Этотъ Чагринъ странствовалъ въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ, въ 1836 году былъ пойманъ въ деревнѣ Исакова, въ вотчинѣ графа Киселева, и по суду приговоренъ къ ссылке въ Закавказскій край за непризнаніе царя, за дерзкія выраженія противъ церкви и правительства и за бродяжничество. Но обманомъ вывернулся изъ острога, и снова сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ ученія *Евѳимія*. Онъ, Егоръ Егоровъ, ученикъ *Евѳимія*, в Севастьянъ Крайневъ стали главными распространителями толка бѣгуновъ въ ярославской губерніи. Скоро явилось и много другихъ наставниковъ на обѣимъ сторонамъ Волги.

Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ учителей, страннической толкъ распространился въ самой большой части ярославскихъ селъ. Напримеръ въ приходѣ села Сопелокъ это ученіе принято было въ деревнѣ *Ярецель* — вотчинѣ Кокочкина и въ деревнѣ *Алексѣевой* — Арнаутова. Изъ Сопелокъ, по правой сторонѣ Волги, ученіе бѣгуновъ распространилось преимущественно въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ Матлевой, что въ восьми верстахъ отъ села Сопелокъ, въ деревняхъ: *Големищевъ*, *Кочаевъ*, *Тимохинъ*, *Борисовъ*, и *Тельмищевъ*. гдѣ оно смѣшалось съ федосѣевскою сектою, во всемъ *красносельскомъ приходѣ*, въ которомъ господствующая секта — филиошиина. Село Красное находится близъ границъ костромского и нерехтскаго уѣздовъ, въ сорока-пяти верстахъ отъ г. Ярославля. Въ приходѣ этомъ, появились бѣгуны въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ графа Киселева — въ селѣ *Красномъ*, въ деревняхъ: *Искосель*, *Лобастовъ* и *Усковъ*, въ вотчинѣ графа Мамонова — въ деревняхъ: *Юрьевской*, *Петраковъ*, *Гридинъ*, *Миачевъ*; въ вотчинѣ Хомутова и Лукьянскаго, въ деревняхъ: *Ченцовъ*, *Кстовъ*, *Ивановской*, въ вотчинѣ Толбучина, въ деревнѣ *Мячковъ*, въ приходѣ села Новаго, въ вотчинѣ Ольхиной, въ деревняхъ: *Гашкахъ*, *Дубкакъ*, *Борисовъ*, *Тимоновъ*, и въ приходѣ села *Туношны* — въ вотчинѣ графа Воровцова. Група деревень, находящихся на правой сторонѣ отъ дороги изъ села Туношны въ городъ Нерехту, и составившихъ приходы селъ *Высоцкаго*, *Сеславина* и *Михайловскаго*, представляютъ особый пунктъ сопелковской пропаганды бѣгуновъ. Въ этой мѣстности странническое ученіе особенно распространено въ вотчинѣ генерала Кокочкина, въ деревнѣ *Торговцовой* и князя Юсупова, въ деревнѣ *Облезцовъ*, въ которомъ всѣ жители занимаются пристанодержательствомъ; точно также въ деревнѣ *Измайловъ*, вотчинѣ того же князя Юсупова, въ деревнѣ *Федоровой* — вотчинѣ Кокочкина, въ деревняхъ *Погорьлькъ* и *Мутковъ*, вотчинѣ Сарохтина, въ деревнѣ *Скородумкь*, вотчинѣ Хомутова, въ дерев-

и въ *Шарупиной*, вотчинѣ Осокина, въ селѣ *Сеславинь*, Кошаровскаго, въ селѣ *Бурмакинъ* и въ деревнѣ *Щипцовъ*, вотчинѣ Воронцова. Наконецъ, по тойже линіи, ученіе Евфимія распространилось въ казенной кобыльской волости, преимущественно въ деревняхъ: *Дудкинъ*, *Харловъ*, *Докукинъ*, *Жилинъ*, *Рыковъ*, въ селѣ *Вышеславскомъ*, въ деревнѣ *Прошкинъ* и др. — По лѣвой сторонѣ Волги ученіе сопелковской секты распространилось въ ярославскомъ уѣздѣ до самыхъ границъ даниловскаго и романо-борисоглѣбскаго уѣздовъ, въ деревняхъ прусовскаго прихода, находящихся противъ села Сопелокъ, на противоположномъ берегу Волги — въ деревнѣ *Филимоновъ*, вотчинѣ Перепелкина, въ деревнѣ *Терентьевской*, вотчинѣ Патрикѣева и *Семеновой*, вотчинѣ Ханыкова, въ вотчиняхъ Васильева и Власьева, въ деревняхъ прихода Городиць: *Боркавъ*, *Новгородъ*, *Ивановской* и *Бичетниковъ*, въ вотчинѣ Кутайсовой, въ приходѣ села Печелокъ, особенно въ деревняхъ *Вахрушовъ* и *Ананинъ*, наконецъ въ деревняхъ казенной григорьевской волости и въ вотчинѣ графа де-сантъ-Антуанъ-Обрѣзкова, преимущественно въ деревняхъ *Дудкинъ*, *Скомороховъ*, *Бычковъ*, *Островкавъ*, *Аграфинъ*, въ селѣ *Гавчинкавъ*, въ дер. *Юркинъ* и другихъ.

Такъ въ одномъ ярославскомъ уѣздѣ, въ первомъ станѣ до восьмидесяти-трехъ селъ и деревень стали пріютомъ согласья бѣгуновъ. Судя по этому, можно отчасти представить степень распространенія его и въ другихъ уѣздахъ и станахъ ярославской губерніи.

Изъ того же села Сопелокъ ученіе бѣгуновъ проникло въ костромскую губернію. Начатки его тамъ посѣяны были уже отчасти самимъ Евфиміемъ. Потомъ около 1812 г., прибыли въ село Сопелки изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, вотчины князя Вяземскаго, бѣглые раскольники филиповской секты — Родіонъ Михайловъ съ отцомъ своимъ Михайломъ Тихоновымъ, и были крещены и приняты въ согласье бѣгуновъ Мокшемъ Федоровымъ. Въ 1824 г. прибылъ въ Сопелки, изъ костромской губерніи, крестьянинъ села сидоровскаго, кинешемскаго уѣзда, по отцѣ Андриановъ, былъ крещенъ наставникомъ Родіономъ Михайловымъ и по начитанности, скоро самъ сдѣлался наставникомъ. Спустя нѣсколько времени, туда же прибыли изъ костромскаго села Краснаго двѣ женщины, Авдотья и Анна, для узнавія ученія Евфимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія съ сопелковскими старцами, онѣ пригласили къ себѣ въ костромскую губернію наставника Михайла Андреева. При помощи этого учителя, въ короткое время, онѣ увлекли въ странническое согласье много селеній около села Краснаго, что въ тридцати-пяти верстахъ отъ Костромы, и около заштатнаго города Плеся: цѣлыя семейства, поголовно, сманивали онѣ въ новое согласье. Такихъ

образомъ, ученіе Евфимія быстро распространилось по уѣздамъ костромскому, перехтскому и кинешемскому.

Изъ перехтскаго уѣзда согласно бѣгуновъ проложило себѣ дорогу во владимірскую губернію. Здѣсь оно преимущественно распространилось въ шуйскомъ уѣздѣ и дошло до знаменитаго села Иванова. Далѣе, ученіе Евфимія простерлось внизъ по Волгѣ, въ нижегородскую губернію, въ балахнинскій уѣздъ, въ Казань, въ Симбирскъ. Есть извѣстія, что сопелковская пропаганда приобрѣла послѣдователей въ алатырскомъ уѣздѣ симбирской губерніи, въ селѣ Іевлевомъ, въ которомъ расколъ въ высшей степени развитъ; въ селѣ удѣльнаго вѣдомства — Кладбищѣ, въ жигулевскихъ горахъ сызранскаго уѣзда. Далѣе ученіе бѣгуновъ простерлось въ Самару и въ Саратовъ. Усердный приверженецъ его, сопелковскій купецъ Курочкинъ и одинъ изъ сыновей купца Полетаева часто проживалъ въ городѣ Самарѣ; другой же сынъ Полетаева — на пристани села Майны. Купцы эти, крестьянинъ Гурьянъ Степановъ и другіе изъ жителей села Сопелокъ ежегодно отправляли свои суда въ тѣ губерніи за хлѣбомъ, и на этихъ судахъ, особенно на коноводныхъ машинахъ, перевозили бѣглыхъ раскольниковъ. Въ Саратовъ, впрочемъ, ученіе бѣгуновъ проникло еще до двадцатыхъ годовъ. Въ 1815 г. прибылъ изъ Саратова крестьянинъ ярославскаго уѣзда, деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ Шубникъ. Познакомившись съ сопелковскими бѣгунами, онъ сталъ имъ описывать всѣ удобства жизни въ Саратовѣ, возможность укрывательства въ садахъ, и предложилъ Иринѣ Федоровой, Доминикѣ Андреевой, дочери ярославскаго мѣщанина Душина, перекрещенной еще самимъ Евфиміемъ, Родіону Михайлову и его отцу Сергѣю Тихонову перейти на жительство въ саратовскіе сады. Тѣ согласились и ушли. Ирина Федорова и Доминика нашли пристанище въ саду купца Григорья Яковлева Крюкова, а Родіонъ Михайловъ и отецъ его скрывались въ бумракахъ у Филиповцевъ. Тамъ они скрывались восемь лѣтъ. Наконецъ, Ирина Федорова и Родіонъ Михайловъ рѣшились возвратиться въ Ярославль и вновь явились въ Сопелки; Доминика же и Симеонъ отправились изъ Саратова въ астраханскую губернію, гдѣ поселились въ камышахъ на берегу Каспійскаго моря. Тамъ они были пойманы: Симеонъ сосланъ въ Закавказскій край, а Доминика въ Сибирь на поселенье, гдѣ, по освобожденіи изъ тобольскаго острога, долго бродяжничала и наконецъ поселилась на жительство въ селѣ, въ кійской волости, въ томской губерніи. Всѣ эти бѣгуны внесли ученіе Евфимія въ понизовый, прикаспійскій край.

Въ области верхней Волги, въ тверской губерніи ученіе Евфиміа-бѣгуна распространилось преимущественно съ 1835 года. Пер-

вымъ проповѣдникомъ его злѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ кочевского уѣзда, деревни Завражя, вотчины васильчиковой, Степанъ, по перекрещеніи, Иванъ Кононовъ. Онъ, по возвращеніи изъ ярославской губерніи, проповѣдывалъ сопелковское ученіе въ казенныхъ деревняхъ калязинскаго уѣзда: Лебзинѣ, Клетинѣ, Костинѣ, селѣ Кириѣ, деревнѣ Луканинѣ, Бобакиной и другихъ. Кононову помогалъ въ распространеніи ученія крестьянинъ казенной деревни Клетина Осипъ Фелоровъ. Въ 1842 году тверскіе бѣгуны, крестьяне корчевскаго уѣзда, нарочно съѣздили въ Сопелки и пригласили къ себѣ въ наставники Ермогена Кузьмина, жившаго въ то время въ ярославскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кетовѣ, у крестьянина Якова Батыева. Ермогенъ Кузьминъ, сдѣлавшись наставникомъ тверской паствы, сталъ уже дѣйствовать систематически, приобрьлъ много приставей или *мѣстъ*, по выраженію бѣгуновъ, въ корчевскомъ и калязинскомъ уѣздахъ. Въ то же время, онъ распространялъ сопелковское согласье и въ московской губерніи. Сюда онъ приглашонъ былъ богатымъ крестьяниномъ дмитровскаго уѣзда, села Рогачева, Прохоромъ Григорьевымъ, который построилъ ему на свой счетъ двѣ кельи: одну въ своемъ домѣ, а другую въ деревнѣ Каменкахъ у знакомой женщины.

Въ Москвѣ ефимово или сопелковское ученіе распространилось съ самого начала его появленія въ ярославской губерніи. Въ Москвѣ преимущественно усвоилъ его тѣ купцы и мѣщане, которые происходили изъ крестьянъ ярославской губерніи, или были въ родственныхъ связяхъ съ ярославскими сектаторами. Вліятельныхъ пропагандистовъ согласья бѣгуновъ до 1850 г. въ Москвѣ было до двѣнадцати человекъ.

Въ области сѣверной рѣчной системы ученіе бѣгуновъ проникло въ первые годы настоящаго столѣтія, а быть можетъ и ранѣе, еще при Евфиміѣ. Въ новгородской губерніи оно распространилось въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія до 1808 года, и послѣ. Тамъ бѣгуны основали свою первую общину въ колотиловскомъ лѣсу, устюжскаго уѣзда. Наставникомъ ихъ былъ старецъ шестидесяти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, не объявлявшій своего рода. Отсюда они выходили на пропаганду по окрестностямъ. Въ ноябрѣ 1808 г. поймано было въ колотиловскомъ лѣсу двадцать-девять человекъ, скрывавшихся въ кельяхъ. Исключая шести покаявшихся и проченныхъ, всѣ прочіе вмѣстѣ съ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, послѣ заточенія въ устюжскомъ острогѣ, наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ на каторжную работу. Изъ устюжскаго уѣзда ученіе бѣгуновъ распространилось въ чаромскую волость череповецкаго уѣзда, въ деревню Назарово.

Около 1813 года, бѣглый раскольникъ филиповскаго согласия, изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, Василій Петровъ, перекрестивъ самъ себя и переименовавшись Ивановъ, пошолъ съ проповѣдью ученія о бѣгствѣ и странствѣ въ вологодскій уѣздъ. Здѣсь онъ успѣлъ основать общину бѣгуновъ въ домшинской волости. Именитый учитель бѣгуновъ, Никита Семеновъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ ярославской губерніи, не только утвердилъ и умножилъ общину домшинскую, но и распространилъ совелковское ученіе по всей окрестной вологодской сторонѣ. Преимущественно оно укоренилось здѣсь въ двухъ деревняхъ кавенной устиновской волости — Вахрушевой и Еланкахъ, и въ четырехъ деревняхъ домшинской волости, въ Вотеркахъ, Черновой, Матьковой и Микуняѣ.

Вслѣдствіе странствованія и проповѣди Никиты Семенова, ученіе ефиміево или совелковское перешло изъ вологодской губерніи въ олонекскую, въ каргопольскій уѣздъ, и въ архангельскіе предѣлы. Сюда это ученіе занесено было кѣмъ-то еще прежде. Потому что самъ Никита Семеновъ впервые усвоилъ его въ пустынь архангельской губерніи, на Тонь-озерѣ, гдѣ досталъ «цвѣтвикъ» Евфимій и самъ себя окрестилъ въ странство. Теперь, прибывши въ сѣверное поморье въ другой разъ, Никита Семеновъ самъ посѣлалъ здѣсь новыя семена согласия бѣгуновъ.

Въ Сибирь ефиміево ученіе внесено было ссыльными: новгородскимъ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ученицей Евфимія, ярославской мѣщанкой Доминикой Душиной и другими послѣдователями этого ученія. По водвореніи на поселеніе, ссыльные бѣгуны обыкновенно опять уходили въ странство, кельма вытравливали разными средствами, иногда высасывали ртомъ, и съ фальшивыми видами ходили по западной Сибири. Иногда еще на пути въ Сибирь, бѣгуны имѣли возможность разъяснять свой толкъ, какъ напримѣръ Яковъ Яковлевъ, который дорогой видѣлся и бесѣдовалъ съ ярославскими вождями согласия — Мокшемъ Федоровымъ и Иринею Федоровой. Кромѣ того, многіе бѣгуны и сами бѣжали въ привольную Сибирь и на дорогѣ устраивали пристани. Такимъ образомъ онъ посѣлалъ ученіе Евфимія и устроили пристани, напримѣръ въ Пермскій, пермской губерніи, въ Кунгурѣ и особенно въ Тюмени, тобольской губерніи, также на златоустовскихъ и томлинскихъ заводахъ. Тюмень стала даже исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ мѣждоудной, сибирской пропаганды согласия бѣгуновъ. Далѣе, въ западной Сибири, бѣгуны преимущественно распространялись въ томской губерніи, въ кійской, боготольской и дмитріевской волостяхъ. Здѣсь они строили кельи въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухихъ дѣсахъ или тайгахъ, и селились. Есть извѣстія, что бѣгуны

сибирскіе даже со всѣми удобствами устраиваютъ свои кельи въ лѣсу: имѣютъ свои поля, огороды, лошадей, однимъ словомъ полное хозяйство. Странствующие бѣгуны кормились и кормятся подавнѣями богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селъ и деревень, а лѣтомъ уходятъ на золотые крѣпки. По недостатку наставниковъ, сибирскіе странники часто перекрещиваются сами, почему въ народѣ называются *самокрещанцами* или *скрытными*, по главному догмату согласья, повелѣвающему скрываться.

Такъ изъ исходнаго пункта — села Сопелокъ, путемъ бѣгства и странства, распространилось ефиміево или сопелковское согласье бѣгуновъ по большей части великорусскихъ губерній и въ Сибири. Сообразно съ такимъ географическимъ распространеніемъ и съ основнымъ догматомъ согласья бѣгуновъ, развивалось его внутреннее устройство и опредѣлился внутренній составъ.

Существенный догматъ согласья бѣгуновъ — бѣгство, странство и скрытіе. Это по ихъ ученію единственный путь спасенія отъ антихриста, единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанья всякой государственной крѣпостности, крѣпостности правительственной, ревнзской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической. Отсюда первая обязанность всѣхъ пропагандистовъ, наставниковъ согласья бѣгуновъ, ходить, странствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и скрытію. Первая обязанность каждаго вступающаго въ согласье бѣгуновъ или странниковъ — обречься на странство. Эта обязанность такъ важна въ ученіи бѣгуновъ, что въ 1812—1813 г. между ними шли жаркіе споры о томъ, крестить ли вступающихъ въ ихъ согласье до выхода ихъ въ странство. Ревностные послѣдователи Евфимія упорно настаивали на томъ, что до выхода въ странство не должно крестить. При такой строгой обязательности странства и необходимости его для распространенія ученія бѣгуновъ, также обязательно и необходимо было, съ другой стороны, и скрытіе странствующихъ бѣгуновъ. Отсюда неминуемо вытекала необходимость убѣжищъ, пристаней для укрывательства странниковъ. И вотъ согласье странниковъ или бѣгуновъ раздѣлилось на два равно необходимые разряда: на странниковъ или бѣгуновъ *жиловыхъ, мірскихъ*, пристанодержателей, и на бѣгуновъ *странствующихъ*, бѣгствующихъ. Первые преимущественно выполняли обязанность *скрытія*, укрывательства и покровительства, вторые — обязанность *странства* и странствующей миссіи, пропаганды согласья бѣгуновъ.

Бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*, болѣею частію богатые купцы и зажиточные мѣщане и крестьяне, живутъ въ городахъ и селахъ,

вмѣстѣ съ православными въ своихъ домахъ. Для исполненія за-вѣтнаго догмата ефиміева о странствѣ, они или только съ самаго начала, до перекрещенія въ странническое согласіе, предаются недолговременному и недалекому странству, или на старости лѣтъ передъ смертью просто только переселяются изъ дома въ домъ. Странство, бродяжничество для нихъ — одна только формальность. Главную же, священную обязанность ихъ составляетъ скрытіе и пристанодержательство. Почти всѣ жилые или мірскіе бѣгуны — пристанодержатели странствующихъ бѣгуновъ, или бѣглыхъ странниковъ. Поэтому они особенно строятъ свои дома, приспособительно къ пристанодержательству. Сохраняя во всей наружности домовъ общій и старинный архитектурный типъ русскихъ построекъ, пристанодержатели бѣгуновъ обыкновенно устраиваютъ въ подвѣздкахъ, въ подпольяхъ, въ подклетахъ или подгорницахъ, подъ сѣнями, иногда на чердакѣ особыя кельи и клѣти, въ которыхъ и проживаютъ бѣглые раскольники, странствующіе бѣгуны. Для удобства укрывательства ихъ, въ домахъ сдѣлано нѣсколько тайныхъ входовъ, выходовъ, отверстій, лазеекъ, такъ что во время самаго обыска бѣгунъ можетъ незамѣтно увернуться, либо быстро перебѣгая изъ клѣти въ клѣтъ черезъ сокровенныя дверки въ заборатъ и стѣнахъ, либо живо приподнимая половицу и спускаясь подъ полъ. Иногда клѣтки устраиваются на дворѣ или въ огородѣ, или въ садахъ, какъ напримѣръ въ саратовскомъ и астраханскомъ-краю, а иногда и въ полѣ. Усердные и богатые пристанодержатели, занимающіе удобную, просторную усадьбу, настраиваютъ иногда по нѣскольку клѣтѣй въ своихъ домахъ или около нихъ. По старинному писцово-крестьянскому обычаю клѣтки эти называются *мѣстами*. Если странники говорятъ, что въ такомъ-то селеніи *есть мѣсто*, это значитъ незанятая келья или клѣтъ. Тѣ мѣстности, селенія или города, гдѣ жили извѣстные постоянные пристанодержатели, гдѣ находились средоточія мѣсть, называются *пристанями* или *станами*. Такихъ пристаней и пристанодержателей много на всѣхъ путяхъ странствованія бѣгуновъ. Мы могли бы исчислить большую часть и селъ и городовъ, гдѣ до 1852 года были пристани бѣгуновъ, могли бы исчислить много и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ пристанодержателей, но считаемъ это излишнимъ и утомительнымъ для читателей. Укажемъ общими цифрами число пристаней и пристанодержателей въ разныхъ мѣстахъ до 1852 года. Въ ярославскомъ уѣздѣ, въ 1-мъ станѣ, въ 83 селахъ и деревняхъ считалось до этого года 243 пристанодержателей; во 2-мъ станѣ, въ норскомъ посадѣ, въ 5 деревняхъ 9 пристанодержателей; въ г. Ярославлѣ 27; всего въ 80 поселеніяхъ въ ярославскомъ уѣздѣ, въ обоихъ станахъ 284 при-

станодержателя. Въ романо-борисогдѣбскомъ уѣздѣ, въ 29 деревняхъ 72 пристанодержателя, да въ самомъ городѣ Романовѣ 2. Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ 40 деревняхъ 74 пристанодержателя, да въ городѣ Пошехонѣ 3. Въ дапловскомъ уѣздѣ, въ 9 деревняхъ 17 пристанодержателей и 1 въ г. Даниловѣ. Въ рыбинскомъ уѣздѣ, въ г. Рыбинскѣ 3, въ одной деревнѣ (Кишкинѣ) 2. Въ г. Угличѣ 2, да въ селѣ Заозерьи 3 пристанодержателя. Въ ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Уголичи 1 крестьянинъ. Въ *костромской губерніи*, въ 96 поселеніяхъ 122 пристанодержателя. Именно: въ костромскомъ уѣздѣ, въ 16 деревняхъ 20 пристанодержателей; въ кинешемскомъ уѣздѣ, въ 31 деревнѣ 30 пристанодержателей; въ верехтскомъ уѣздѣ, въ Плесь, заштатномъ городѣ, 14 пристанодержателей, да въ 48 селахъ и деревняхъ 57; въ юрьевецкомъ уѣздѣ, въ ячменской казенной волости 1 извѣстный. Въ *владимірской губерніи*, въ шуискомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановѣ, извѣстно было до 1852 года 10 пристанодержателей. Въ *нижегородской губерніи*, въ балахнинскомъ уѣздѣ, въ 3 селахъ 7 пристанодержателей. Въ *московской губерніи*, въ самой Москвѣ извѣстно было 12 пристанодержателей — купцовъ и мѣщанъ; въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ 8 деревняхъ 17 пристанодержателей. Въ *тверской губерніи*, въ корчевскомъ уѣздѣ, въ 17 деревняхъ 25 пристанодержателей. Въ *вологодской губерніи*, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ 2 деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Еланцахъ 7 пристанодержателей; въ домшинской волости того же уѣзда, въ 4 деревняхъ до 5 пристанодержателей. Въ деревнѣ Вахрушевой главная пристань Никиты Симсонова. Въ *тобольской губерніи*, въ Тюмени 4 пристанодержателя: у купца Якова Михайлова Опрокидника, нынѣ умершаго, мѣсто для странниковъ устроено было при мыльномъ заводѣ, а у другого купца за городомъ въ полѣ выстроены особый флигель исключительно для странниковъ. Далѣе, въ западной Сибири пристанодержатели находились въ Томскѣ, въ бывшемъ селѣ Кій (нынѣ городѣ), гдѣ пристанодержателемъ былъ донской казакъ, тамошній поселенецъ; около села Кій по р. Кіѣ мѣса и въ нихъ кельи бѣгуновъ. Наконецъ есть пристанодержатели: 1) въ Дмитровской волости; 2) около златоустовскихъ заводовъ; 3) топлинскихъ заводовъ; 4) въ г. Красноярскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. На Алтайскихъ горахъ, на Камнѣ издавна селились бѣгуны всякаго рода и званія, извѣстные подъ названіемъ *каменьщиковъ*. Столько намъ извѣстно о пристанодержателяхъ до 1852 года; разумеется остается множество неизвѣстныхъ.

Бѣгствующие странники, или бѣгуны-бродяги имѣли свидѣнія о всѣхъ этихъ пристаняхъ и пристанодержателяхъ. У нихъ были

свои маршруты или путники. Приведемъ для образца одинъ маршрутъ по Сибири, въ какую-то азiятскую, невѣдомую страну, и при маршрутѣ пригласительное письмо (1): «На Екатонбурхъ, на Томскъ; на Барнауль, вверхъ по рѣкѣ Катуриѣ на красной Ярѣ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устаба. Во Устабѣ спросить страннопримца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Сивговья горы: оныя горы на 300 верстѣ, отъ Алана стоятъ во весь видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня; постоятель скимникъ инокъ Иоаннъ. Отъ той обителей есть ходъ 40 лдей съ роздыхомъ, чрезъ Кижискую землю, потомъ четыре дни ходу къ Татанію, тамъ востонско е государство; живутъ въ губѣ океана моря: мѣсто называемое бѣловодіе и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть .. верстѣ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ е Христѣ подражатели христовой церкви, православные христіане. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; прямымъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряю въ всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристѣ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, расцѣданы именны; а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіане, то бѣ и ни одна душа не погибла... Любители христовы, грядите вышеозначенною стезю!.. Отъ лава гоними изъ своея земли, отлучилася пать сотъ лѣтъ и приискивала имъ мѣсто два старца, церковей сирскихъ (асирскихъ) .. сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церковей 44, и христіанске у нихъ митрополиты занялис отъ сирскаго патриарха, и отлучилася отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никона патриарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватіа, святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ ледовое море. И такимъ образомъ, отцы

(1) Напередъ замѣтимъ, что этотъ маршрутъ какой-то странный, и указываетъ онъ дорогу въ какую-то мифическую, баснословную страну. Между тѣмъ у раскольниковъ есть маршруты другого рода, съ вѣрными топографическими указаниями, съ точными названіемъ городовъ и мѣстностей, съ подробнымъ адресомъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, живущихъ на дорогахъ, у которыхъ путникъ можетъ просить ночлега или пріюта. Таковъ напримѣръ находящійся у меня подробный маршрутъ, кажется бѣглопоповщинскій — дорога отъ г. Хвалыискъ (сарат. губ.) чрезъ Москву, чрезъ черниговскую губернію и т. д., чрезъ Днѣстръ, въ Молдавію, къ Некрасовцамъ. Любопытно какъ въ Россіи, въ эпоху распространенія и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, вѣдровъ дорогъ, указанныхъ въ раскольниковыхъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ-называемой *суртоской дороги*, предложенной въ XVIII вѣкѣ бѣглыми гонимыми старообрядцами по саратовской стѣнѣ къ Уралу.

посылаемы, проскивали отъ Изосимы и Савватія. Сей же намѣтникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное иное Михангъ своею рукою, и о Христвъ съ братією своею писалъ вамъ.»

Запасаясь на дорогу такими маршрутами, бѣгуны иногда запасаются и фальшивыми, самодѣльными паспортами. Нѣкоторые приставодержатели специально занимались составленіемъ поддѣльныхъ, своеобразныхъ бѣгунскихъ паспортовъ. Паспорты эти имѣютъ различныя формы, иногда даже исполнены фантастическаго и юмористическаго содержанія. Нѣкоторые бѣгуны имѣютъ паспорта, начинающіеся такъ: «Господь покровитель и спаситель мой, кого си убою? Давъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Бѣгуны собственно отрицаютъ паспорта и всякій письменный видъ, считая ихъ печатью антихристовою, но свои поддѣльные паспорта, составленные въ духѣ ихъ ученія, считаютъ необходимыми для безопасности странствованія, или для показанія земской полиціи въ случаѣ поимки, что они ее и ея паспортовъ и знать не хотятъ, а знаютъ только *вольную полицію сіонскаго правленія, и паспорта изъ града бога вышняго*, т. е. въ сущности никакой полиціи и никакихъ паспортовъ не признаютъ. Точно также для охраненія себя отъ всякихъ напастей на далекомъ пути-дорогѣ, бѣгуны иногда берутъ съ собою въ рукописныхъ тетрадкахъ, или заучиваютъ наизусть, по простонародному обычаю, особые народныя заговоры или молитвы *съ луть идущимъ и назадъ идущимъ*. Молитвы эти употребительны и у раскольниковъ и у православныхъ. За неизмѣнимъ подъ руками ижеическихкихъ путевыхъ заговоровъ, приведемъ для примѣра двѣ молитвы. Молитва *съ луть идущимъ*: «Господи Боже нашъ, въ нуть шествовати угоднику своему Якову устрои его, рабу своему (имя рекъ) :опутствуй, раба своего владыко изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творяща промыслъ по заповѣдемъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться благоволи: яко твое есть царство, сила и слава, отца и сына и святаго Духа. Аминь.» Молитва *назадъ идущимъ*: «Господи владыко, Боже отецъ нашихъ, ты просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взыти со угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтъ. Люди твоя избра, израильяне извѣда въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ, (имя рекъ), самъ, своихъ сохрани, ихъ день и ночь, якоже укрѣпилъ Исуса Навина, образомъ и крестомъ съ молитвою...»

Сообразно съ географическимъ распространеніемъ ученія бѣгу-

новъ и съ топографическимъ распредѣленіемъ ихъ главныхъ пристаней, развивалось внутреннее своеобразное, юридическое устройство ихъ согласья. Село Сопелки, какъ исходный пунктъ развитія всѣхъ областныхъ, мѣстныхъ пристаней бѣгуновъ, какъ средоточіе наибольшаго странническаго населенія, естественно образовало центръ, средоточіе всего союза, или согласья великорусскихъ и сибирскихъ пристаней. А совокупность всѣхъ этихъ областныхъ, мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію, или цѣлый союзъ согласья бѣгуновъ, концентрированный около села Сопелокъ. Вслѣдствіе такого союзнаго устройства, каждая областная пристань составляла самостоятельную, самоуправляемую паству или общину, имѣла свой *совѣтъ* и *судъ*. Такъ напримѣръ, особыя мѣстныя пристани представляли Москва, заштатный городъ Плесь въ костромской губерніи, деревня Вахрушева для вологодскаго сословья бѣгуновъ, Тюмень — для западно-сибирскихъ бѣгуновъ, и т. д. Всѣ вмѣстѣ областныя или мѣстныя пристани бѣгуновъ *платили* судомъ и совѣтомъ къ своему исходному пункту и центру — къ селу Сопелкамъ, такъ какъ изъ него онѣ были насаждены. Здѣсь былъ, въ случаяхъ нужныхъ, общій, главный сходъ, совѣтъ и судъ бѣгуновъ. Сюда сходились обыкновенно изъ всѣхъ мѣстныхъ пристаней для изученія подлиннаго ученія Евфимія и для перекрещенія. Здѣсь былъ общій судъ бѣгуновъ, когда кто-либо провинялся въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ противъ цѣлаго согласья. Сюда же стекались изъ разныхъ великорусскихъ и сибирскихъ пристаней главные наставники мѣстныхъ общинъ, для рѣшенія споровъ догматическихъ. Таковъ напримѣръ былъ сходъ и совѣтъ въ селѣ Сопелкахъ въ 1842 году, на который стеклось до пятнадцати мѣстныхъ, главныхъ учителей, и въ томъ числѣ изъ Тюмени. Нетолько такія ближнія паствы бѣгуновъ, какъ напримѣръ костромская или московская, но и отдаленная тюменская паства находилась въ непосредственныхъ и довольно частыхъ сношеніяхъ съ селомъ Сопелками. Наставники ея, вроде бѣглаго казака Овчинникова и Дементьяна Михайлова, ѣздили въ Сопелки для совѣщанія съ здѣшними старцами, вывозили съ собою много книгъ, въ томъ числѣ, для украшенія согласья и связи съ сопелковцами, брали у нихъ для руководства своей паствѣ *цѣлникъ* Евфимія.

Каждая областная группа пристаней или отдѣльная мѣстная паства бѣгуновъ имѣла своихъ выборныхъ наставниковъ и управителей. Такъ сопелковскою общиною управляли, до слѣдственной комиссіи 1850 года, слѣдующіе наставники: 1) Иванъ Степановъ, изъ крестьянъ мышкинскаго уѣзда; 2) Михайло Андреевъ Кувшиновъ,

ярославскій мѣщанинъ, съ фабрики Яковлевыхъ; 3) Семенъ Григорьевъ, бѣглый солдатъ, родомъ ярославскаго уѣзда, деревни Семеновою; 4) Яковъ, по перекрещеніи Фока Максимовъ, бѣглый солдатъ, родомъ борисоглабскаго уѣзда, деревни Ивановской. Кроме этихъ наставниковъ принимали участіе въ судѣ и въ совѣтѣ, въ качествѣ главнѣйшихъ сектаторовъ: 1) Иванъ, по перекрещенію Федоръ Ивановъ Кривой, бѣглый кантонистъ, родомъ костромскаго уѣзда, деревни Шелкова; 2) Алексѣй, по перекрещенію Василій Петровъ Горбунчикъ, изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, деревни Когаева, и еще девять человекъ, изъ которыхъ шесть были бѣглые солдаты, одинъ отставной унтеръ-офицеръ, и два крестьянина. Сѣверною группою пристаней или паствъ управлялъ главный наставникъ, наиболѣе почитаемый между учителями и управителями бѣгуновъ, Никита Семеновъ. Въ паствахъ пошехонскаго, романо-борисоглабскаго и даниловскаго уѣздовъ наставниками были: 1) Дмитрій Егоровъ, въ странствѣ Василій Яковлевъ, бѣглый солдатъ, родомъ даниловскаго уѣзда, изъ дворовыхъ людей; 2) Марко Яковлевъ Большой, изъ крестьянъ ярославской губерціи; 3) Петръ Тимофеевъ Чумакъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ пошехонскаго уѣзда, деревни Скрылева, и еще двое — одинъ изъ крестьянъ, другой неизвѣстнаго происхожденія. Точно также имѣли своихъ выборныхъ и управителей паствы и пристани: костромская, тверская, олонецкая, тюменская и другія.

Согласіе бѣгуновъ, какъ и нѣкоторыя другія безпоповщинскія общины, эманципировали простонародную женщину изъ рабскаго, замкнутаго, исключительно-рабочаго положенія. Бѣгуны уважали женщинъ начитанныхъ и возводили ихъ, наравнѣ съ мужчинами, въ достоинство наставницъ. Такъ изъ начитанныхъ странницъ сопелковскаго согласія слѣдующія женщины были болѣе уважаемы и около 1850 года выбраны для служенія въ малыхъ собраніяхъ! 1) Татьяна, по перекрещенію Марья Васильева, крестьянка ярославскаго уѣзда, деревни Вахрушевой; 2) Елизавета Алексѣева, крестьянка изъ деревни Борковъ, ярославскаго уѣзда; 3) Екатерина, по перекрещенію Фіонія Львова, крестьянка изъ деревни Дулкина, ярославскаго уѣзда; 4) Александра Ильина, ярославскаго уѣзда, деревни Голенищева; 5) Марья Ильина, изъ деревни Нещерки, ярославскаго уѣзда; 6) Елизавета, по перекрещенію Лукерья Васильева, изъ крѣпостныхъ крестьянокъ романо-борисоглабскаго уѣзда; 7) Авдотья Петрова, пошехонскаго уѣзда, деревни Рыжково; 8) Афанасія Фокіна, дочь наставника Фоки Максимовъ, романо-борисоглабскаго уѣзда, деревни Ивановской; 9) Варвара, по перекрещенію Меланья Васильева, изъ деревни Ивашева.

Изъ сочинителей и грамотниковъ—мужчинъ, болѣе начитанныхъ, занимавшихся перепиской книгъ, духовныхъ стиховъ и проч., была болѣе извѣстны, до слѣдственной комиссіи 1850 года: 1) Михаилъ Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ съ фабрики Яковлевыхъ, бывший однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей быстрого развитія сопелковскаго согласія, увлекшій въ него, кромѣ множества постороннихъ, свое семейство — мать, пять братьевъ, сестру и двухъ дочерей. 2) Василий Петровъ Горбунчикъ, крестьянинъ изъ деревни Когаева, ярославскаго уѣзда. По начитанности, этотъ наставникъ постоянно считался членомъ главнаго совѣта старцевъ сопелковскаго согласія. Онъ имѣлъ постоянную пристань и занимался книгами въ селѣ Сопелкахъ у крестьянина Федора Иванова Савелова, у котораго при обыскѣ лѣтомъ 1852 года найдены въ тайникахъ всѣ книги Василя Петрова, между прочимъ весьма любопытныя рукописи, и въ числѣ ихъ подлинныя сочиненія основателя согласія бѣгуновъ Евфимія; 3) Никита Семеновъ, изъ крестьянъ, ярославской губерніи, вотчины графа Мамонова. Сначала онъ обучался въ Москвѣ портному мастерству, но потомъ бросилъ это занятіе. Вудучи еще только шестнадцати лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Лариономъ Ивановымъ бѣжалъ и поселился въ пустынь архангельской губерніи, на Топь-озерѣ. Тамъ Никита досталъ «цвѣтникъ» Евфимія, основателя толка бѣгуновъ; рѣшился послѣдовать его ученію, самъ себя окрестилъ въ странствѣи и, прибывъ въ селѣ Сопелки, для знакомства и бесѣды съ ярославскими старцами, былъ принятъ ими въ согласіе. Потомъ онъ удалился въ романо-борисоглебскій уѣздъ, и, поселившись въ деревнѣ Голубенкахъ, любѣвской волости, у послѣдовательницы согласія бѣгуновъ, дѣвицы Варвары Дмитріевой, далъ ходъ своимъ дарованіямъ. Отселъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ сталъ онъ проповѣдывать сопелковское ученіе и писать въ пользу егѣ. Своими дарованіями, начитанностію, даромъ преподаванія и сочинительства онъ почти затмилъ память объ Евфиміѣ. Весьма замѣчательно его сочиненіе: «*На тридцать ересей*». Въ немъ Никита Семеновъ обличаетъ всѣ старообрядческія согласія, особенно поповщинскую общину, за тѣ уступки, какія она сдѣлала православнои церкви и православному правительству, поучаетъ ихъ строгой выдержанности религіозной и гражданской оппозиціи, увѣщиваетъ всѣ согласія раскола къ примиренію для дружнаго, совокупнаго противодѣйствія православнои церкви и православному правительству. Кромѣ исчисленныхъ нами сочинителей и наставниковъ бѣгунскихъ, еще извѣстны были до 1852 года: Федоръ Павловъ Кривой, Василий Яковлевъ, Кузьма Абрамовъ Бураковъ,

Афанасій Григорьевъ, Меркурій Григорьевъ, Иванъ Васильевъ Грозный изъ московскихъ мѣщанъ; Иванъ Васильевъ Шумиловъ изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, села Прусова; Агафонъ, по переименованію Савва, Степановъ, изъ крестьянъ, пошехонскаго уѣзда, деревни Телешина; Семень Григорьевъ, изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, деревни Терентьевской; Емельянъ Григорьевъ, по переименованію Мефодій изъ крестьянъ романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Киселева; Филипъ Никифоровъ изъ дворовыхъ людей, московской губерніи, броницкаго уѣзда.

Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, ученіе Евфонія развивалось и послѣ него. Въ существенныхъ догматахъ оно совершенно согласовалось съ общей безпоповщинской догматикой, особенно едосѣвской, и потому находило въ ней много готовыхъ, развитыхъ началъ. Попрежнему, камнемъ преткновенія для старообрядческаго общества были реформы Петра великаго, до самой сердцевинны коснувшіяся стариннаго, естественно-историческаго земскаго народнаго строевья. Потому, со второй половины XVIII вѣка, въ письменности старообрядческой, особенно въ безпоповщинской, усилилась историко-политическая протестація противъ преобразованій Петра, особенно тяжко налегавшихъ на бытъ народной массы. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка разносилась по городамъ и селамъ тетрадка, подъ заглавіемъ: *«челобитная объ антихристѣ ессе естъ Петрѣ I.»* Это всенародная, окружная протестація раскола противъ реформъ Петра I. *Челобитная* эта сочинена какъ бы въ ироническій укоръ Петру великому, который первый не сталъ лично принимать и слушать народныя челобитныя; уничтожилъ, вмѣстѣ съ челобитнымъ приказомъ, самый принципъ земской, общинно-областной, челобитной гласности и представительности народа предъ правительствомъ, какая была въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Мы смотряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріѣша пророчествія, а совершенное же вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступилъ отъ святой православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сиречь помазанниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови, уничтожи патриаршество, дабы ему единому владѣствовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судило

всей церкви, пріялъ на себя титулу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви російскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышася на всяка возобновленія; въ 1700 году собра весь свой свѣдѣль въ 1 день января мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! Отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повелѣъ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1 день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріялъ за императора августѣйшаго, спречь надъ всѣми областеля. Ое, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно коепразднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истреблени, а сатананы завѣщены; воистину исполнися здѣсь тайвозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. Удалятеса и бѣгати подобаеъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна богослова во главѣ 12 писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Почеже Петръ нача гонити и лѣстити и искореняти останогъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагаая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и уставля селати, и самъ бысть надъ ними главою и судьей главнѣйшимъ; тогда паче той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, исчисляя вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той императоръ или монаръ, спречь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя привали его за императора и за единовластнаго предтека, мы отъ Христа спаса научихомся законъ и заповѣди его соблюдать и вѣру святую блюсти, и такому же-Христу въ послушаніи отлатися не хожемъ и въ книги его законопреступныя писанія съ нечестивыми вькогда не будемъ, да и хотящимъ спастися широму несомнѣваемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есмьмы хри-

стіане единого исповѣданія у вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и мы держимся, и въ книга ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія занесаны есмы въ книга животныя у царя небеснаго, понеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывши въ Русіи благочестивые цари Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ и Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите челоуѣцы, и вонмите, и разсмотрите по святому писанію, въ кнѣхъ лѣтахъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами, ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: «кабинетъ Петра великаго», ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра великаго. Петръ великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ I, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, яко свидѣтельствуетъ книжка, «кабинетъ Петра»: овъ богъ твой, овъ богъ твой, о Россія! Тамъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безшолвіи и въ нустьникъ, яко господь чрезъ Іеремію пророка зываетъ: *изыдите, изыдите, люди моя изъ Вавилона.*»

По всѣмъ мыслямъ, и особенно по взгляду на бѣгство, какъ на спасительный путь, это сочиненіе «*объ антихриствѣ, како есть Петръ I*» едва ли не можетъ быть приписано бѣгунамъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ вполне выразилось основное ученіе бѣгуновъ. Поэтому мы рассмотримъ его здѣсь. Для того, чтобы понять взгляды всѣхъ безпоповцевъ и въ особенности бѣгуновъ на учрежденія Петра, нужно разсматривать ихъ съ народно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ расколъ держится между-прочимъ на стариннѣ народной.

Бѣгуны и вообще безпоповцы протестуютъ, во первыхъ, противъ того, что Петръ I «*императоръ наречеся, спречь монархъ или единовластитель, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакаго дѣла не творили, но имѣли бы его себѣ превысочайшею славою.*» Въ этомъ протестѣ ихъ выразилось изстаринное русское народное зрѣніе на елиподержавную власть царя. Вопросъ о самодержавіи сталъ сильно занимать мыслящихъ русскихъ людей съ того времени, когда московскіе цари стали называться самодержавцами; т. е.

съ XVI столѣтїа, когда «великій государь царь и великій князь Васильевъ Ивановичъ (отецъ Грознаго) повелѣлъ писать себя *самодержавцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и въ исторїяхъ.» Дѣйствию отъ этого, какъ фактъ, знаменательный въ народной исторїи. И вотъ, вследствие историческаго развитїа такого образа мыслей о самодержавїи, когда Петръ I не только не призналъ народосоветїа, но и *наречеся императоромъ* и издалъ *правду воли монаршей*, расколъ грянулъ проклятіемъ: «антихристъ!» И съ тѣхъ поръ стало развиваться въ расколѣ, и у бѣгуновъ достигло высшаго развитїа историко-демократическое ученїе объ антихриствѣ, еже есть Петръ I. Съ тѣхъ поръ, многїа безпоповщинскїа согласїа, и въ томъ числѣ бѣгуны, стали вовсе отрицать и отрицаютъ императорскую власть, находя въ самыхъ именахъ императоровъ со времени Петра I звѣрство число 666. Нѣкоторые, впрочемъ, царей благовѣрныхъ признаютъ, а императоровъ не признаютъ. Напримѣръ, одна безпоповщинская раскольница-странница въ показанїи своемъ говорила: «за благовѣрнаго царя, который дѣлаеть благїа дѣла Богу, молюсь, но за императора и весь императорскїй домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не упоминаю.» Другїе бѣгуны въ показанїяхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе отрицаютъ и царскую и императорскую власть. Мало того, они возстаютъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто молится за царя, «собираются, говорятъ бѣгуны, въ свое богомерзкое собранїе, за него Бога молити, и молятъ за богоотступника, антихриста молебны и читаютъ тропарь: «Господи, спаси державнаго царя нашего, и подаждь ему побѣду на сопротивныхъ.» Зрите, богоотчужденцы! о какой побѣдѣ молитесь!.. На тѣхъ, кои, по св. писанїю, кроются въ горахъ, въ вертевахъ и земляныхъ пропастяхъ отъ лица его, и *неидутъ къ нему подѣ приславу*, и недаютъ ему *своемъ души и душевный окладъ* и оброкъ въ смущенную, живодскую церковь. О нихъ вы и молитесь, чтобы ихъ побѣдилъ, плѣнилъ и вл. свою область присовокупилъ къ вашему богоотчужденному собранїю.» (Разглагольствованїе тюменскаго странника, и объ антихриствѣ еже есть Петръ I).

Далѣе бѣгуны и всѣ раскольники протестуютъ противъ того, что Петръ *устави семать и символъ*. Это протестъ противъ централизациї народныхъ дѣлъ, гражданскихъ и церковныхъ. Русскїе *честїе люди*, старши привыкшіе *жить на всей своей прежней волѣ, по старинѣ и по волюдинѣ*, вѣрные отеческимъ преданїямъ старши, хотѣли мѣстнаго, земскаго самоуправленїа и *самосуда межъ собою*, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ религіозныхъ. Старши, коренные, *прирожденцы* русскїе люди, приверженцы *отчей вѣднѣй старинѣ*, старообрядцы поминки, по преданїямъ отцовъ и:

дѣловъ, и читали въ старыхъ лѣтописяхъ про старинныя юридиче-скіе земскіе обычаи, про мірскіе сходы и согласья въ волостяхъ, про городскія людскія собранья или сходы на думу на вѣча, про сохранившіеся еще въ первой половинѣ XVII вѣка областныя земскіе сходы и совѣты, наконецъ про московскіе земскіе соборы. Помнили и въ старыхъ лѣтописяхъ читали они, какъ предки ихъ, или старинныя городовыя вѣча, напримѣръ псковское и новгородское; и сельскіе мірскіе сходы сами рѣшали даже дѣла церковныя, релігіозныя. Помнили они, какъ прежде посадскіе и крестьяне судили сами межъ собой. И вотъ, когда въ Петербургѣ устроены были сенатъ и синодъ, когда часто стали тянуть ихъ сюда по разнымъ дѣламъ, они возопили противъ Петра за то, что *устави сенатъ и синодъ*. Тяжкія истязанія, какія претерпѣвали старообрядцы въ сенатѣ и синодѣ, по дѣламъ старовѣрства и по дѣламъ житейскимъ, особенно укрѣпили въ нихъ предубѣжденіе и протестацію противъ обоихъ высшихъ, центральныхъ правительствующихъ вѣдомствъ. Недаромъ даже солдаты при Петрѣ великомъ протестовали противъ сената и его злоупотребленій. «Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, — роптали они въ своемъ подметномъ письмѣ, — учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокично, прямо, да съскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ». Безпорядки, какіе господствовали во внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ сената и синода въ XVIII вѣкѣ, также усиливали въ расколѣ чувство оппозиціи противъ нихъ. Недостатки эти громко высказывались просвѣщенными людьми второй половинѣ XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Напримѣръ кн. Щербатовъ о сенатѣ писалъ: «почтеніе къ сенату упадаетъ, да и полниво пристрастія и пороки въ сенаторахъ есть, но недовольно, что ихъ охуляютъ за оное, надлежало бы проникнуть ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ столь узкихъ границахъ, властью генераль-прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для государственнаго управленія надлежащую. Симъ самымъ показуется, что сіе высшее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; сенаторы впадаютъ въ пристрастія и неправосудіе, и тако можно сказать, что сенаторы повреждаютъ сенатъ, а сенатъ повреждаетъ сенаторовъ.» О синодѣ XVIII вѣка Щербатовъ писалъ: «равное сѣнату правительство есть синодъ для духовныхъ дѣлъ. Но разсмотримъ и сіе самос, такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемого конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтеннѣе ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между

собой, яко безпрестанно борющійся для приобретенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человекъ небольшого чина и по большей части не случайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться?» Точно также императрица Екатерина II, а при Александрѣ I Сперанскій, Мордвиновъ и графъ А. Воронцовъ, изображали неустройство и беспорядки сената. Последний даже пришелъ къ такому заключенію о сенатѣ: «ежели сенатъ оставить такъ, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется понапрасну и имѣть оный, и чинить на него издержки». (Прим. на вѣк. ст. кас. до Россіи.) Если государственные умы, во своимъ просвѣщеннымъ юридическимъ и административнымъ идеямъ и наблюденіямъ, создавали недостатки высшихъ, центральныхъ вѣдѣтельныхъ учреждений, то простые люди, старобрядцы доходили до предубѣжденія противъ сената и синода путемъ горькаго опыта и разорительно-страдальческаго дѣлоходенія.

Потомъ безпоповцы и бѣгуны возстанутъ противъ новыхъ законоположеній Петра, противъ составленія «многихъ регламентовъ» по духовному и по гражданскому расположенію, и противъ многихъ указовъ, разосланныхъ по всей Россіи, «съ великимъ угроженіемъ о неисполненіи оныхъ». Это прежде всего протестъ народный противъ строгой обязательности и санкціи самодержавныхъ императорскихъ указовъ. Встарину, до уложенія 1649 года, не разсматривались вдругъ по всей Россіи общіе, строго-обязательные нововодительные законы, указы и уставы, а отдавались только царскіе указы и грамоты мѣстныя, по мѣстнымъ нуждамъ. И притомъ эти указы и грамоты не навязывались областнымъ общинамъ насильно, противъ воли народа, а всегда вздавались и присылались въ области, вслѣдствіе мѣстныхъ, общинно-областныхъ народныхъ челобитныхъ. Народъ такимъ образомъ посредствомъ общинно-областного челобитнаго представленія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, какъ бы участвовалъ въ изданіи указовъ и грамотъ. Это участіе особенно замѣтно было въ изданіи напимѣръ уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ самоуправленіи. Теперь же, при Петрѣ, было совершенно иначе. Вдругъ и строго предписываются народу до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, болѣе 2,900 указовъ съ 1700 по 1725 годъ. И всѣ эти регламенты и указы вдругъ радикально измѣняютъ на совершенно новый, искусственно-чуждый ладъ все естественно-историческое, вольно-народное земское строеніе, весь вѣковой, самобытный, обычный складъ народной жизни. И система регламентація потомъ растетъ до чрезмѣр-

ности, до крайняго стѣсненія народной дѣятельности и производи- тельности многосложными кодексами регуль. Въ XVIII вѣкѣ только старообрядцы протестовали противъ регламентаціи Петра великаго. А въ первой четверти XIX столѣтія, и такой просвѣщенный и знаменитый государственный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, та- кимъ образомъ писалъ объ излишествѣ регламентаціи: «Еще въ правительствѣ нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воз- дѣйствовалъ духъ предрасужденія, что можно чистую пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой при- роды, никакой торгъ, никакое ремесло, ни искусство не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода един- ственное есть достовѣрное и надежное руководство къ успѣхамъ дѣятельности народной. Уставы, нерѣдко содержа въ себѣ противорѣчія и недоразумѣнія, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коими и самое основаніе учрежденія часто совѣмъ исцеревер- гается; вообще же, они множествомъ и обширностью своею слу- жать не къ сокращенію, а къ умноженію поводовъ къ злоупотреб- леніямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производствамъ частныхъ людей, ибо сіе значило бы тоже, что и принимать на себя учреждать не- объятность видовъ частной пользы», и проч. (О причин. разстр. финанс. въ Россіи).

Еще бѣгунны и другіе безценовцы протестуютъ противъ цего- ловнаго народнаго описанія или *ревизіи душъ*. Народъ сразу и очемъ хорошо понялъ значеніе нововведенной Петромъ подушной пере- писи. Онъ искони не любилъ поголовнаго числа, какъ знака дани. При главномъ, преобладающемъ значеніи въ древнемъ быту на- родномъ земли, *земскаго строенія*, при всенародной и общинной принадлежности земли, какъ самаго перваго и общаго, естествен- наго даннаго источника *животовъ* и *промысловъ*, въ старой, до-пет- ровской Россіи народъ выработалъ поземельную писцовую пере- пись и окладную систему, и привыкъ къ поземельной цѣнности и дани. Потомъ онъ привыкъ и къ подворной переписи, все-таки не касавшейся собственно личности и неварушавшей общины. Но ко- гда Петръ I ввелъ подушную перепись, народъ возопилъ. Онъ до- сталъ противъ ревизіи душъ, во первыхъ потому, что она, взявъ каждую душу, каждую личность въ «*переписную книгу*», прикре- дила такимъ образомъ каждую душу, каждую личность къ государ- ству; во вторыхъ, на земляхъ служило-вотчинныхъ прикредила каждую душу, каждую личность къ власти помещика, и такимъ образомъ завязывала крѣпкій узелъ крѣпостнаго права; и третьихъ, росписывая души или личности по родамъ ихъ службы и занятій.

систематически дробила народъ на сословія и закрѣпляла ихъ внутрѣннюю, корпоративную, или кастальную раздѣльность подушнымъ, поголовнымъ росписаніямъ. Притомъ ревизія душъ производилась не общинами, не выборными отъ народа, а исключительно приказными чиновниками съ военными командами. Наконецъ подушная перепись или ревизія душъ несогласна была съ народнымъ понятіемъ потому, что брала критеріумомъ податной оцѣнки не сбора души, вѣнодлежащую цѣнь. Вотъ причины, по которымъ не только старообрядцы, но и старообрядцы протестовали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ писалъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быть; душа — вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣны немущая: надлежитъ цѣнить вещи груатованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны чаю тысичъ десятка два-три нестошилось; обаче чаю я, что она вся пропала». Вольинскій, въ инструкціи данной крестьянамъ въ 1724 году, также возстаетъ противъ *поголовщины*, отсганная систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ. Бѣгуны возстаютъ противъ подушной переписи, какъ знака приписи или прикрѣпленности къ государству или «къ смущенной иудовской церкви антихриста», какъ они выражаются.

Точно въ такомъ же смыслѣ бѣгуны и другіе безноповцы возставали и возстаютъ противъ *подушной подати и даней жюкихъ*. Разумѣется одною изъ главныхъ причинъ этого протеста была тяжесть для податного народа подушныхъ податей и сборовъ, особенно при Петрѣ и въ XVIII вѣкѣ. И теперь сплошь и рядомъ можно слышать вопль о тяжести податей и разныхъ земскихъ сборовъ, особенно отъ бѣдныхъ крестьянъ и безземельныхъ мѣщанъ. Но бѣгуны главнымъ образомъ возстаютъ противъ подушной подати опять, какъ противъ явнаго знака подданства, порабощенія души антихристу. «Антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ», говорятъ они. Ропотъ ихъ на то, что и *съ мертвыхъ данн востребова*, намекаетъ кажется на существующій и доселѣ платежъ подати живыми членами податного семейства за умершихъ, до новой ревизіи.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сочинено бѣгуномъ Василіемъ Москвинымъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Въ этомъ сочиненіи изложены тѣже основные догматы, что и въ «Цвѣтникѣ» Евфимія, и въ рукописи «Объ антихристѣ, еси есть Петръ I». Весь міръ, по ученію тюменскаго странника, раздѣляется на два царства: на *міръ божій* и *міръ сатанинъ* или *жидановъ*. Въ первомъ господствуетъ духъ божій, истинный, животворящій, во второмъ — духъ ложный, противный и убиватель-

мый. Въ міръ божіемъ находится градъ небесный, Сіонъ, гдѣ пребываютъ бѣгуны; въ міръ сатаниномъ — великій градъ темный Вавилонъ, гдѣ обрѣтаются зловѣрныя, злочинные, пустовоны, коши сатанины; въ первомъ праздникѣ торжественные, во второмъ праздникѣ табельные, табачные.

Въ «Вавилонѣ» (т. е. въ Россіи) по личному мѣванію тюменскаго странника, управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господствуетъ не духовно, а тѣлесно и видимо, а именно съ 1666 года, когда исполнилось число имени его, или 666. Воплотился антихристъ въ началѣ въ образѣ беззаконной троицы: царя Алексѣя Михайловича, и Никона и справщика книгъ Арсенія Грека. Послеъ того антихристъ постоянно обновляется въ верховныхъ властяхъ. Русское правительство, по ученію тюменскаго странника, есть собраніе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ обновленіи (въ лицѣ Петра I) устроилъ *москазательный духовный судъ*, и въ немъ поставилъ «богоотчужденное вѣкое зеркало», а въ зеркалѣ написалъ богопротивный человекъ, сирѣчь Петръ I, или законовѣдецъ и пастырь, и новый Христось, сирѣчь антихристъ. «Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, — говоритъ тюменскій странникъ, — судятъ и распоряжаются по своей похоти, по злату и серебру, по мышамъ и по штофамъ, и между судей пребываютъ и распоряжаются противникъ божій, отецъ ихъ дьяволъ».

Русскіе законы тюменскій странникъ называетъ *кривосказательными книгами* (1), святѣйшій синодъ — *жидовскимъ санедриономъ*, правительствующій сенатъ — *антихристовымъ совѣтомъ*. Въ словѣ *сенаторы* бѣгуны усмиваются отыскать число звѣрино 666, почему пишутъ не сенаторы, а *сенатри*, и такъ вычисляютъ: $c=200 + k=5 + n=50 + a=1 + t=300 + p=100 + i=10 = 666$.

Все ученіе бѣгуновъ есть всецѣлое, рѣшительное, дѣятельное или фактическое отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учреждений имперіи, всей государственной системы. Такъ тюменскій странникъ, какъ и всѣ бѣгуны, отрицаетъ *прислу*, отвергаетъ *расноіе душъ*, отвергаетъ *подати и оброки*: «ибо антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ». Укоряя раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ государственныя подати, тюменскій странникъ пишетъ: «мятся службу приносить Богу, а сами не зрятъ, кое время достигли, у кого во области находятся, в-свми

(1) Это сознавала сама великая законодательница Екатерина II, когда, говоря вообще недостатки законовъ XVIII вѣка, между прочимъ, замѣтила въ манифестѣ 1766 года: «страстные толки часто затмевали прямой разумъ законовъ» и проч. Щербатовъ также *озулялъ* законы, (Оправд. monkъ мыслей и проч. Библиогр. Зап. за 1859 г. № 13).

себѣ въ область предаша, клятвою и присягою обложившася и дунн свои отдаша, сирѣчь душевный окладъ и оброкъ въ смущенную жидовскую церковь: овъ тридесять рублей, овъ 60 рублей, овъ 100 рублей». Противъ присяги бѣгуны и вообще непризнающіе верховной власти раскольники тѣмъ болѣе протестовали, что ихъ часто несильно принуждали присягать. Такая присяга сама себя уничтожила, неимѣя нравственнаго основанія въ совѣсти, въ убѣжденіяхъ присягавшаго принужденно. *Паспорты* и всякій письменный *свидѣ* странникъ считаетъ печатью антихриста, толкуя по своему слова апокалипсиса: «дасть имъ начертаніе на деснѣи руцѣ ихъ или на челохъ ихъ, да никтоже возможесть ни купити, ни продати, тоиже иже имать начертаніе, или имя звѣра, или число ижеже его» (апок. XII, 16, 17). Подъ числомъ имени его бѣгуны разумѣють императорскій титулъ, употребляемый въ плакатныхъ *паспортахъ*; начертаніе видятъ въ государственномъ гербѣ. Изображеніе государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла съ распущенными крыльями и лавровыми вѣтвями въ лапахъ, толкують такъ: «Орелъ отъ тяжкихъ людскихъ беззаконовъ крылья свои опустилъ, и держитъ онъ не скипетръ и державу, крестами увеличенную, какъ прежде, во времена благочестія, а змѣи антихристовыхъ». Апокалипсическое выраженіе, что безъ начертанія никто не возможесть ни купити, ни продати, странникъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что безъ мучческаго свидѣтельства, безъ свидѣтельствъ гильдейскаго и цеховаго и безъ паспорта нельзя торговать, ни продавать, ни покупать (1). Стѣснительность паспортной системы, а равно и гильдейско-цеховыхъ свидѣтельствъ теперь чувствуется всѣми. Отрицая всѣ атрибуты или условія государственнаго вѣрноподданства, странникъ отвергаетъ и рекрутскую повинность, и военную службу. Въ защиту бѣгства изъ солдатской службы, странникъ приводитъ слова писавія: «на немъ же еще мѣстѣ вой соберутъ, не тамъ тамо, уклонися же и замѣни, не уснуть бо еще зла не сотворитъ; отъимется сонъ отъ нихъ, и не спать» и проч. (Притч. IV, 13—17). Поэтому бѣгуны охотно принимали въ свое общество бѣглыхъ солдатъ, да и согласно ихъ основано бѣглымъ солдатомъ, и вѣдущу наставниками ихъ много бѣглыхъ солдатъ. Рекрутскій наборъ тѣмновѣскій странникъ также отвергаетъ. Укоряя раскольниковъ другъ другу согласій, онъ говорить: «дѣтей ему своихъ въ полки бѣсов-

(1) Въ этомъ образѣ мыслей бѣгуны тѣмъ болѣе утверждались, что начальство, особенно въ прошломъ столѣтіи, часто притѣсняло купцовъ, мѣщанъ и ремесленнъ въ выдачѣ имъ паспортовъ на отпускъ для торговли и промысловъ. См. напр. донесеніе Державина, въ Архивѣ Калачова, 1859 г. кн. 2, XIV, 21—22.

скіе провожаютъ и сваряжаютъ, какъ и прежде языки, незнающіе Бога». И практическимъ путемъ горькаго опыта податвѣй народъ дознавалъ, ощущалъ, тягостно переносилъ зло рекрутскаго набора.

Наконецъ тюменскій странникъ, согласно съ Евангемъ, говорить, что слѣдуетъ или брань творить съ антихристомъ (апок. XII, 7), или бѣжать въ горы и пустыни отъ него (Мате. XXIV, 16; апок. XII, 14), и пророчить про открытую борьбу съ антихристомъ. «Братся съ антихристомъ открытою силою, — говоритъ странникъ, — до времени нельзя; но когда придетъ время, тогда всякой, записанный въ книги животныя, долженъ ополчиться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ убитъ, тотъ получить такой мученическій вѣнецъ, какого еще никто изъ христовыхъ мучениковъ не получалъ». Въ ожиданіи этой борьбы, бѣгуны утверждаютъ, что скоро спаситель придетъ съ неба на бѣломъ конѣ, сотворитъ брань съ антихристомъ, что тогда всѣ бѣгуны будутъ въ рядахъ воинства его, и затѣмъ наступитъ царство ихъ, откроется для нихъ давно искомый или грядущій городъ, новый Іерусалимъ при каспійскомъ морѣ. Оттого-то бѣгуны туда, въ астраханскую губернію и другія прикаспійскія мѣста и стремились преимущественно.

Таковы существенные, общіе догматы бѣгуновъ. Кромѣ этихъ основныхъ началъ, проявлялись и проявляются нѣкоторые отбѣнки и особенности въ ученіи частныхъ наставниковъ. Напримѣръ Василій, по перекрещеніи Иванъ Петровъ, крестьянинъ изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, учившій въ домшинской волости вологодскаго уѣзда и въ пошехонскомъ уѣздѣ проповѣдывалъ своеобразный социализмъ: воспрещалъ собственность и обращалъ личное имущество странниковъ въ пользу всей общины. Кромѣ того онъ запрещалъ принятіе денегъ, какъ заклепанныхъ антихристовою печатью. Другіе учителя нападали на греко-россійскую вѣру. Напримѣръ очень даровитый и начитанный ярославскій мѣщанинъ Мокей Федоровъ говорилъ: «Греко-россійская вѣра есть вѣра гражданская, мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, но служащая правительству для поддержанія порядка и богочтенія къ земной власти».

Нравственный характеръ и бытъ бѣгуновъ вполне сообразенъ съ ихъ ученіемъ. Основной догматъ ихъ о спасительности странства, бѣгства совершенно расторгаетъ между ними семейную замкнутость, возвѣщаетъ эманципацію членовъ семейства и свободный выходъ изъ дома на всѣ четыре стороны. Тогда какъ въ православномъ купечествѣ напримѣръ, по домостроевскимъ понятіямъ и обычаямъ, господствуетъ крѣпкая семейная заключенность, и

дѣла находятся почти въ крѣпостной зависимости отъ деспотической власти отцовъ, у бѣгуновъ напротивъ свободно расторгается связь: не только сынъ, но и дочь уходитъ съ любимымъ бѣгуномъ куда угодно. Примеры бѣгства дочерей изъ отеческихъ домовъ съ бѣгунами-любовниками въ исторіи странниковъ повторялись нередко. Напримеръ съ бѣгуномъ сибирскимъ, бѣглымъ казакомъ Очтинниковымъ, находилась въ странствѣ дочь тюменскаго купца Опркиданкова, Надежда Яковлева. Въ него же влюбилась и съ нимъ странствовала дочь сопелковскаго крестьянина Ивана Егорова Иванова, Марья. Вообще рѣдкій наставникъ бродяжничалъ безъ любовницы. Намъ доводилось читать любопытную исповѣдь одного наставника бѣгуновъ, какъ онъ съ своей любовницей наслаждался воздѣйствіемъ любви въ лѣсахъ, полѣ тѣнью деревъ и проч. Иногда эти любовницы проявляли рыцарскій героизмъ. Напримеръ въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстный наставникъ бѣгуновъ, Василій Горбунчикъ, былъ пойманъ въ Ярославлѣ и по судебному рѣшенію сосланъ въ закавказскій край. Любовница его, странница Марья Васильева, съ соучастіемъ бѣглаго раскольника Афанасія Григорьева, освободила его съ немовѣрною смѣлостью. На парѣ лошадей она довела этапъ, въ которомъ шолъ Василій Петровъ Горбунчикъ, близъ Переяслава. Марья Васильева пѣшкомъ провожала Горбунчика. Они отстали отъ этапа, оставаясь полѣ надзоромъ одного конвойнаго, не подозревавшаго злонамѣренности со стороны добродушныхъ, повидимому сострадательныхъ людей. Марья Васильева и Афанасій Григорьевъ воспользовались беспечностью конвойнаго, выхватили у него ружье, бѣглецы съ арестантомъ бросились въ тѣлгу, и хотя за ними погнались верховые, но смѣлые раскольники успѣли ускакать и спрятаться въ лѣсу. Тамъ они переодѣлись и, бросивъ лошадей, возвратились къ своимъ пристанодержателямъ.

Многое можно бы сказать о замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ избранныхъ бѣгуновъ. Эта необыкновенная смѣлость, энергія, удаля, нередко богатырская, эта хитрая, ловкая вывертливость и находчивость въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, эта изумительная смѣтливость, изобрѣтательность и удаля, съ какою бѣгуны освобождаются изъ остроговъ и тюремъ, изъ походовъ, исполненныхъ борьбы и разнообразныхъ приключеній: все это могло бы составить сборникъ любопытнѣйшихъ и характеристическихъ былей и народно-физиологическихъ очерковъ. Для этого нужны особые изысканія и очерки. Въ настоящемъ очеркѣ, мы отмѣтимъ два-три факта, изображающихъ нравственный характеръ бѣгуновъ. Въ высшей степени поразительна эта за-

населенна, твердая, уперная въмержанность отрицанья, которую обнаруживали бѣгуны на судѣ. Напримѣръ бѣгунъ крестьянинъ Емельявъ, по перекрещенію Мефодій, Герасимовъ, на допросѣ передъ слѣдователями, такъ смѣло и прямо говорилъ въ своемъ показаніи: «Отъ лѣтъ Никона патріарха, царя за благочестивые помыслы, а за богоотступниши, сопротивниши, антихристы; гражданская власть — такожде антихриста служи; духовная власть — ложные пророки и еретики; за царя я Бога не молю и молать не буду, и власть его надъ собою не почитаю, но токмо надъ собою къ душевному спасенію власть признаю царя небеснаго; и церковь великороссійскую за святую не признаю, и у еретиковъ на дуку отъ роду не бывалъ, потому я не почитаю за святое.» Содержавшійся въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ въ 1840 году, бѣгунъ, крестьянинъ тверской губерніи, корчевскаго уѣзда, деревни Заважья, Степанъ, по перекрещеніи Иванъ Кононовъ, по манифесту, составленному въ 1841 году, былъ освобожденъ; потомъ, послѣ вторичнаго побѣга, опять былъ пойманъ, и при слѣдствіи объявлялъ, что онъ христіанскаго исповѣданія, государя и всѣ установленныя имъ власти считаетъ раскольниками, что хотя онъ освобожденъ по манифесту, но манифестъ этотъ за милость не признаетъ, потому что благодѣяніе дано государемъ не по душѣ, а по влети.» Въ 1841 году былъ пойманъ въ Нижнемъ-Новгородѣ бѣгунъ, крестьянинъ кинешемскаго уѣзда, села Вичуги, Прокофей Васильевъ Царевъ. При допросѣ онъ объявлялъ, что государя императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ и гражданскихъ, судебныхъ мѣстъ и самыхъ номѣщиковъ не признаетъ и не повируется имъ, объясняя при этомъ, что на небеси есть царь царствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей.» Бѣгунъ Демантій Петровъ, выдерживая твердость подобныхъ отвѣтовъ передъ судомъ, отвергалъ всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. А вотъ показаніе женщины, бѣгунши, хотя я не отличающегося рѣзкостью отрицанья, но также достойно вниманія не премотѣ отнѣта и для дополненія характеристики женщинъ-странницъ или бѣгуншъ: «Матрена (а по христіанскому наименованію Улита) Тимофеева Шарлева, отъ роду имѣю сорокъ лѣтъ, грамотна, христіанка; на исповѣди и у святого причастія не бывала, что такое оначитъ исповѣдь и святое причастіе — поватія не имѣю; церковь божію признаю за истинную, православную, но молиться въ оную нехожу, потому что служители ея крестное знаменіе теорятъ шепетью, несоблюдая святой троицы, а богослуженіе производять противъ солнца; за благовѣрнаго царя, который дѣласть божіа дѣла, Богу молюсь; но за императора и весь императорскій дворъ

Богу, не молюсь, и въ молитвахъ своихъ не упоминаю; мощи святыхъ угодниковъ не признаю; что такое именуется мощами — не знаю: ни гдѣ о таковыхъ въ книгахъ исповѣдываемой мною христіанской вѣры не читывала; христіанкою себя именую потому что Христосъ пострадалъ за родъ человѣческій и умеръ на крестѣ... Навальт тому лѣтъ двѣнадцать была судима за семилѣтній побѣгъ изъ мѣстожительства своего для богомолья въ лѣса и уклоненіе въ поморскую секту; но по данной правительству подпискѣ быть по прошенію въ православіи — оставаема отъ дѣла свободною. Послѣ освобожденія изъ жузеурскаго тюремнаго замка за первый побѣгъ, и проживала семь лѣтъ въ домѣ родителей своихъ, когда въ православную церковь молитесь Богу; но святыхъ гавимъ не являлась и побуждаема къ тому не была, а какъ знала, что истинная христіанская вѣра соблюдается въ лѣсахъ, и исполнители оной отъ міра бѣжать, то назадъ тому три года, передъ праздникомъ Ильи пророка, изъ дому отца своего скрылась вторично; сидѣла во лѣсу, пришла на ключъ, впадающій въ рѣку Березовку, и отыскавши удобное мѣсто, основала земляную келью... куда пришла во мнѣ дѣвица Марфа Маракулма; по окончаніи кельи мы именовавши себя христіанскими именами: я называлась Улитой, а дѣвица Марфа — Анной... Обратиться попрежнему въ православіе не желаю, потому что, свращаясь дважды въ расколъ, не смѣю надѣяться болѣе на покровительство закона. На всѣ данные мнѣ вопросы отвѣтствую по частой совѣсти, справедливо, въ томъ собственноручно и подписуюсь. Къ этимъ отвѣтамъ крестьянская дѣвка Матреша Ширяева по урамству своему руки не приложила и приложила такую нѣкому на доверіе.»

Въ заключеніе, для дополненія характеристикки ученія и религіозно-политическаго характера бѣгуновъ, приведемъ *полемическое сочиненіе противъ странничества*, неизвестно кѣмъ написанное — православнымъ или бѣглополовцемъ. Сочинитель пишетъ: «Можетъ быть съжасть намъ странникъ, что отъ царей тогда такъ (христіанамъ странники) названы были, однако сего утвердить не можно, чтобы и сами такъ никогда не нарицались... Мы не дерзаемъ воставлять кресту на властей, якоже странники... Отъ того, еже зовѣются нынѣ христіаномъ раскольниками, яко отъ небывалаго и вѣснаго и вѣчнаго кляча ужасены будучи странники, нарушили святое благочиніе и вѣчный законъ христовой церкви, и поставили довольною причиною нечестію неповоренія властемъ, но единственною виною погибела христовой церкви, и составили новый бѣганщескій сомнѣ, все растерзали и перервали въ церкви. Сія дѣлъ саранка зловредящая и верхъ всякаго иль законоположенія со-

верпенно ихъ отчуждали отъ всякаго вѣрныхъ присоединенія... Я незнаю, претерпѣвала ли когда церковь отъ хулителей своихъ такихъ хулы и укоризны, каковыя сѣмъ ея терпѣть нынѣ отъ сихъ христіанско-хулителей — странниковъ. Не вѣмъ, тщался ли кто такъ отъ еретиковъ расвѣщать свою ярелость, какъ сіи. Они враздѣхъ будучи и бездѣльны и невосягнуты никакими законами, уславно исполняютъ, какъ мнѣтъ, дѣло проповѣданія истины. И въ малое, какъ извѣстно намъ, время, отъ лѣта 7332, аки вины преткновенія ихъ, день отъ дня выще и выще умножаются въ количествѣ. Яко болѣе 500 вынѣ быти числу ихъ какъ сами сказываютъ...

Странники не только что отвергають *повиновеніе свѣтской власти, но и оупъ окомъ повинованіюся, аще и въ тѣлесныхъ, облазаетъ судомъ отступничества и помбѣлю...* Вопроси странника: кто основалъ вашу церковь? Недолжны ли будутъ рещи, яко отецъ Евфимій? Странники церкви и истинному крещенію ругаются, перекрещиваются, ибо прежде начальникъ ихъ Евфимій крещенъ былъ истиннымъ крещеніемъ, но потомъ наругался тому самокрещеніемъ и прочимъ показалъ примѣръ». Далѣе обличитель называетъ странниковъ разбойниками: «разбойники суть, понеже виновны бываютъ погибели не только душевной, но и тѣлесной, за непризнание надъ собою человѣческой власти и за непокорство въ тѣлесныхъ; крамольники суть, понеже крамолу на властей выдвизаютъ; отступники суть, понеже отступили отъ православной христовой церкви, и нехотятъ выдавать власти даней, уроковъ, чести и страха, якоже и ересеначальникъ ихъ; ибо не только странники удаляются, отступаютъ мѣста отечества ихъ, елико отеческаго права, ибо во всѣ времена никто не узаконивалъ, чтобъ всѣмъ бѣгать и удалаться домовъ своихъ... Развѣ токмо самая праздность учитъ ихъ обходить всюду грады и веси и всѣхъ развращать своимъ ученіемъ. Самъ Христосъ нижайшее состояніе рабства себѣ избра: отъ самаго рожденія своего вписанъ рабъ быти и данникъ Кесаря; власти Кесаря и Пилата ни въ чемъ не противился. Развѣ только скажутъ на сіе странники, что не своею волею Христосъ въ рабѣхъ кесаревыхъ записася, а по силѣ повелѣнія, но и сіе мнѣніе несогласно евангелію... Наши же изумленные странники обвиняють насъ и всю церковь, которая во всѣ гонительныя времена не отверглась ярма рабства, даней и властей мірскихъ... Какой извѣтъ непослушанія своего дадутъ странники? Если скажутъ, что власти тогда были не таковы, какъ нынѣ; но властей въ то время, когда апостолы поучали повиноваться властямъ предержащимъ, во всемъ мірѣ не бѣ православныхъ, во вси идолослужители, даже до Константина великаго... «По ученію странническому нигдѣ же нѣтъ въ мірѣ *исподлѣемой* цер-

ки, повсюду то ересями, то гоненіями есть одолѣна, даже и въ самой Россіи, отъ временъ Петра I и бывшей отъ него второй ревизіи и записанія ради въ расколъ одолена и погибла, якоже увѣряютъ они насъ въ томъ своими тетрадами; наипаче же и самымъ дѣломъ доказалъ то начальникъ ихъ Евфимій: основалъ на себѣ новую бѣгствующую церковь. И если о себѣ скажутъ, что они потомки древнихъ російскихъ христіанъ, неписавшихся въ ревизіи, то и сіе лжа есть, ибо Евфимій нигдѣ не нашолъ незаписанныхъ въ расколъ по 2-й и по 3-й ревизіи; а если же кто и былъ отъ укрывающихся, то отъ записанныхъ не раскальвались. Бѣгунъ говорятъ, что погибла церковь во вторую ревизію, бывшую въ 1744 году, и что до 1782 года, втеченіи 38 лѣтъ, отъ второй ревизіи до самокрещенія евфиміева, церковь укрывалась гдѣ-нибудь.»

А. ЩАЦОВЪ

БѢЛАЯ НОЧЬ

Дымъ потянуло вдаль, повѣяло прохладой.
Безъ тѣни, безъ огней, надъ блѣдною Невой
Идетъ ночь блѣдная — лишь куполъ золотой
Изъ-за свѣдыхъ дворцовъ, надъ круглой колонадой,
Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
Скажи, куда ити за счастьемъ, за отрадой,
Скажи, на что ты золь, товарищъ бѣдный мой?!
Вотъ темный монументъ вознесся надъ гранитомъ,
Иль мысль стѣсненная твоя,
Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
Какъ эта мѣдная змѣя
Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
Его несущаго коня...

Я. ПОЛОНСКІЙ

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ

РАСКАЗЪ

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъ-этажномъ домѣ на петербургской сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ-же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти-пяти, праздновалъ свое новоселье въ только-что купленномъ домѣ, а кстати ужъ и день своего рожденія, который тутъ-же прихотился и который онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли было только двое гостей, оба прежніе сослуживцы г. Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Шипуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Правинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушали чай, потомъ принялись

за вино и знали, что ровно въ половину двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ: началъ онъ свою карьеру мелкимъ, необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ—пять сряду, очень хорошо зналъ до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже лѣтъ, и особенно не любилъ высказывать по какому—бы—то ни было поводу свое собственное личное мнѣнiе. Былъ онъ и честенъ, то есть ему не пришлось сдѣлать чегонибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая еѣ неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой—то сладкій, лѣнивый комфортъ и въ систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей прiятнее, но еще смолodu терпѣть не могъ гостей у себя, а въ послѣднее время, если не раскладывалъ грань—пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремя въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самаго строгаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ—то засѣдалъ и что—то подписывалъ. Однимъ словомъ его считали превосходнѣйшимъ человекомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать одно горячее желанье: это — имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желанье его наконецъ осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на петербургской сторонѣ, правда далеко, но домъ съ садомъ и притомъ домъ изящный. Новый хозяинъ разсуждалъ что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ комунибудь или въ должность, на—то была у него прекрасная двухѣстная карета шоколаднаго цвѣту, кучеръ Михай и двѣ маленькiя, но крѣпкiя и красивыя лошадки. Все это было благопробрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономiей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, приобретя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ

даже гостей на свое рожденіе, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особыя виды. Самъ онъ въ домѣ занималъ верхній этажъ, а въ нижній, точно также выстроенный и расположенный, надобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и рассчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семенъ Ивановичъ на этотъ счетъ отмащивался. Это былъ человекъ тоже туго и долго-временно пробивавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бибенбардами и съ оттѣнкомъ постоянного разлитія жолчи въ физиономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ до чего онъ дойдетъ и еще лучше до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемъ мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новыя порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ жолчи, но особенно не тревожился : онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагомяствія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снисходительнѣе до г. Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ и о его превосходительствѣ г. Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ былъ генералъ молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностію въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глушь. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и барючка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатѣ и башкетѣ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хоть именьность изъ него немного познаній, но на службѣ успѣлъ и дота-

пуль до генеральства. Начальство считало его человекомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, модъ началомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человека весьма дѣловитаго и надеждъ на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣеть состояніе, то есть большой капитальный домъ съ управителемъ, среди не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осянкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили привадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянія. Съ горечью и съ тайной заносой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его гоморой, называлъ свою жизнь или existence manque, переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называлъ себя парламентомъ, фразеромъ и хотя все это конечно приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упрямѣе, тѣмъ заносчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только совѣтникомъ, но даже государственнѣйшмъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ таялъ про себя свои неопредѣленные шесты и надежды. Однимъ словомъ человекъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы, болѣзненные минуты разочарованья стали-было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителемъ, мнителемъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія воздала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорить на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему льстило. Въ этотъ-же вечеръ, выпивъ бокала четыре, онъ

особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался. Онъ почему-то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горчился и въ жару воображаемаго спора, чаще чѣмъ-бы слѣдовало пробовалъ изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ-же добавлялъ его бокалъ, что неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе что Семень Ивановичъ Шипуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цимизмъ и за злость его, тутъ-же съ боку прековарно молчалъ и чаще чѣмъ-бы слѣдовало улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку» мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность, гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, чинятя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все выведетъ...

— Хи-хи-хи-хи! слышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что-же однакожъ вы насъ такъ распекаете, возразилъ наконецъ Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь. — Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могу взять въ толкъ, что вы изволили объяснять. Вы выставляете гуманность. Это значитъ члвчкѣлюбіе, что-ли?

— Да, пожалуй хотъ и члвчкѣлюбіе. Я...

— Позвольте-съ. Сколько могу судить, дѣло не въ отношѣ Нотъ. Члвчкѣлюбіе всегда слѣдовало. Реформа-же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, ~~чиновничьи~~ чиновничьи, отиушныя, нравственныя и... и... и безъ конца ~~этихъ~~ этихъ вопросовъ, и все вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить болшія такъ-сказать колебанья. Вотъ ны прочто онасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже съ, замѣтилъ Семень Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣтить Семень Ивановичъ, что я отиудя не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, язвительно и черезъ-чуръ рѣже замѣтилъ

Иванъ Ильичъ : — но однакожъ все-таки возьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня вовсе не поняли...

— Непонялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до двороваго слуги, отъ слуги до мужика, — гуманность, говорю я, можетъ послужить такъ-сказать краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силогизмъ : я гуманенъ, слѣдовательно меня любятъ. Меня любятъ, стало-быть чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало-быть вѣруютъ; вѣруютъ стало-быть любятъ, ... т. е. нѣтъ, я хочу сказать если вѣруютъ, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ такъ-сказать самую суть дѣла, такъ-сказать обвинутся нравственно и рѣшать все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣтаетесь Семенъ Ивановичъ? не понятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Миѣ кажется я немного лишнее выщелъ, замѣтилъ, ядовито Семенъ Иванычъ : — а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затмѣніе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ послѣ легкаго раздумья.

— То-есть какъ это не выдержимъ? спросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанью Степана Никифоровича.

— Такъ, не выдержимъ. Степанъ Никифоровичъ очевидно не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужъ не на счетъ ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? не безъ ироніи возразилъ Иванъ Ильичъ. — Ну, нѣтъ-съ; за себя-то ужъ я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ-сидятъ да и вѣдутъ, сказалъ Семенъ Ивановичъ приготавливаясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ каминна своей соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какже, Семенъ Ивановичъ, подумаете? сvezалъ Степанъ Никифорычъ, провожая гостей.

— На счетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? любезно замѣтилъ г. Пралинскій съ вѣкторымъ завскиваніемъ и повгрывая своей шапкой. Ему показалося, что его какъ-будто забываютъ.

Степанъ Никифорычъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семенъ Ивановичъ торопливо откланялся.

— А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности, рѣшилъ просебя г. Пралинскій и какъ-то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифорычу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорожную шубу, стараясь для чего-то не замѣчать истасканнаго евота Семена Ивановича и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ-будто обидился, сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семени Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

— Холопъ! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сосли на крыльцо. Семени Ивановичу подали его сани, съ сѣрныиъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой-чортъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда-сюда, — кареты не было. Человѣкъ Степана Никифорыча не имѣлъ объ ней понятія. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! произнесъ г. Шипуленко: — хотите доведзу?

— Подлецъ-народъ! съ бѣшенствомъ закричалъ г. Пралинскій. — Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на петербургской, какая-то кума замужъ идетъ, чортъ ее дери. Я строго запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что она туда уѣхалъ!

— Онъ дѣлствительно, замѣтилъ Варламъ, поѣхалъ туда-съ; да обѣщала въ одну минутую обернуться, къ самому то-есть времени быть.

— Ну такъ! я какъ-будто предчувствовалъ! ужъ я-жь его!

— А вы лучше поспѣйте его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять приказанья, сказалъ Семенъ Ивановичъ, уже закрываясь полостью.

— Пожалуста не беспокойтесь, Семенъ Ивановичъ!

— Такъ не хотите, довезу.

— Счастливый путь, мерсі.

Семенъ Ивановичъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

— Нѣтъ ужъ, я-жъ тебя теперь мошеника! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаетъ, что баринъ пѣшкомъ пошелъ... мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ очень онъ былъ разбѣшонъ и въ добавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ непьющій, и потому какія-нибудь пять-шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ пройдя шаговъ пятьдесятъ почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Ктому же люди подъ хмѣлкомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

— А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошелъ, думалъ онъ про себя: и Трифону урокъ, да и миѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Чтожъ? на большомъ проспектѣ я тотчасъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно быть мелкота живетъ, чиновники... купцы можетъ-быть... этотъ Степанъ Никифорычъ! и какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, c'est le mot. Впрочемъ онъ умный человѣкъ; есть этотъ bon-sens, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но за то старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его! — Ну да чего-то нѣтъ... Невыдержимъ! что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ впрочемъ меня совсѣмъ не понималъ. А и какъ бы не понять? Трудяге не понять, чѣмъ понимать. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуман-

неса... человеколюбие. Возвратить человека самому себе... возродить его собственное достоинство и тогда... съ готовымъ матеріаломъ приступайте къ дѣлу. Кажется ясно! Да-съ! Ужь это позволите ваше превосходительство, возьмите силогизмъ: мы встрѣчаемъ напимѣръ съ вами чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; да-во: Какой ты чиновникъ? отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ. — Служишь? Служу! — Хочешь быть счастливъ? Хочу. — Что надобно для счастья? То-то и то-то. — Почему? потому... И вотъ человекъ меня понимаетъ съ двухъ словъ: человекъ мой, человекъ уловленъ такъ-сказать сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ все что хочу, то-есть для его же блага. Скверный человекъ этотъ Семенъ Иванычъ! и какая у него скверная рожа... Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Нѣтъ врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифова словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ онъ и будетъ чувствовать. Насчетъ розогъ, гм... вопросъ вершоновый, гм... А не захать ли къ Эмеравсъ? Фу ты чортъ, провалыте мостки! вскрикнулъ онъ, вдругъ оступившись. И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм. Ненавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной лаяла хихикалъ, когда я сказалъ: обвинутся правственно. Ну я обвинутся, а тебѣ что за дѣло? Ужь тебя-то не обвину; скорѣй мужика... Мужикъ встрѣтится и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ я былъ пьянъ и можетъ-быть не такъ выражался. Я и теперь можетъ-быть не такъ выражаюсь... Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а на завтра раскаеваешься. Чтожь, я ~~не~~ не шатаюсь иду... А впрочемъ всѣ они мошенники!

Такъ рассуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывочно и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и такъ-сказать раскочалъ его. Минуть черезъ пять онъ бы усвоился и захотѣлъ свать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большого проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглянулся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрицѣлъ контръ-басъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрилиный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салопахъ, и въ платкахъ на головахъ; онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь скверное щелъ ставенъ. Видно весело было. Гулъ отъ топота тая-

пущихъ достигалъ другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ не вдалекѣ отъ себя замѣтилъ городского и подошелъ къ нему.

— Чей это братецъ, домъ? спросилъ онъ, немного распахивая свою дорогую шубу, ровно на стелѣ, чтобы городской могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, регистратора, отвѣчалъ выпрямившись городской, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличіе.

— Пселдонимова? ба! Пселдонимова!... Чтожъ онъ? женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ ухватѣ служилъ. Этотъ домъ за вѣвстой ихней идетъ—съ.

— Такъ-что теперь ужъ это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генералъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служить.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Городовой вытнулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ-будто задумался. Онъ стоялъ и соображалъ...

Да, дѣйствительно Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припоминалъ это. Это былъ маленькой чиновникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованія. Такъ какъ т. Празицкій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и непомнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же полюбобытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человека, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ блѣдыми и клочковатыми волосами, худосочнаго и худовыкоряченнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприліи невыразимыхъ. Онъ помнилъ, какъ у него тогда же мелькнула мысль: не опредѣлить ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне несимпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ

то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своей просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о сватъбѣ рѣшено было слегка, наскоро. Но все-таки онъ съ точностію припоминалъ, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами; это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка съостригъ надъ столкновеніемъ фамилій Пселдонимова и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумываясь. Извѣстно, что дѣлыя разсужденія проходятъ ивогда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараямся перевести всѣ эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать то, что было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкповенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

— Что же! мелькало въ его головѣ: — вотъ мы всѣ говоримъ, говоримъ, а коснется до дѣла и только шишъ выходить. Вотъ примѣръ, хоть бы этотъ самый Пселдонимовъ: онъ приѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пирь — скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что жъ еслибъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ нимъ было? Нѣтъ, чтобы съ нимъ было, еслибъ я теперь же вдругъ взялъ и вошелъ? гм... Разумѣется сначала онъ испугался бы, онѣмѣлъ бы отъ замѣшательства. Я воиѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы можетъ быть все... Да, такъ и было бы, еслибъ вошелъ всякій другой генералъ; не во я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

Да-съ. Мы всё кричимъ о гуманности, но героизма, подвига, мы сдѣлать не въ состояніи.

Какого героизма? такого. Разсудите-ка: при теперешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго, регистратора, на десяти рубляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращеніе идей, послѣдній день Помпей, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умереть — не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: невыдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я, я вы-дер-жу! Я обращу послѣдній день Помпей въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій — въ нормальный, патриархальный, высокій и нравственный. Какъ? такъ. Извольте прислушать...

Ну... вотъ я положимъ вхожу: — они изумляются, прерываютъ танцы, смотрятъ дико, пятятся. Такъ-съ, но тутъ-то я и выказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю знаешь, злѣсь, по соѣдству...» Ну, тутъ слегка въ смѣшномъ этакъ видѣ рассказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошолъ пѣшкомъ... «Ну — слышу музыку, любопытствую у городского и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, зайду къ подчиненному, посмотрю какъ мои чиновники веселятся и... желятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю! Прогонишь! Каково словечко, для подчиненнаго. Какой ужъ тутъ чортъ прогонишь! Я думаю онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кивнется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенія, не сообразится даже на первый разъ!..

Ну что можетъ быть проще, изящнѣе такого поступка! Зачѣмъ я вошолъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

Ги... Объ чемъ бишь я думалъ? да!

Ну ужъ конечно они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный, или родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ... Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь разу-

вѣтся съ молодой, хвалю ее, ободрю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы, остроу, смѣюсь, однимъ словомъ — я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой... Гм .. то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того... т. е. не цыль, а такъ...

... Разумѣется я, какъ джентльменъ, на равной съ ними ногѣ и отнюдь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно дѣло другое: они поймутъ и оцѣнить... Мой постунокъ воскреситъ въ нихъ все благородство... Ну в спѣху полчаса... Даже часъ. Уйду разумѣется передъ самымъ ужиномъ, а ужъ они-то захопочутъ, напекутъ, нажарятъ, въ воясъ кланятся будутъ, но я только выпью бокалъ, поздравляю, а отъ ужина откажусь. Скажу: — дѣла. И ужъ только что я произнесу «дѣла», у всѣхъ тотчасъ же станутъ почтительно строгія лица. Этимъ я деликатно напомию, что они и я, это разница-съ. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ это внушать, но надо же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужъ тамъ ни говори. Впрочемъ я тотчасъ же улыбаюсь, даже посмѣюсь пожалуй и мигомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой; гм... даже вотъ что: намекну, что вѣду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родитъ къ тому времени. Вѣдь они плодятся какъ кролики. Ну и всѣ захопочутъ, молодая покраснѣетъ; я съ чувствомъ поцалую ее въ лобъ, даже благословлю ее и... и на завтра, въ канцелярїи мой подвигъ уже извѣстенъ. На завтра я опять строгъ, на завтра я опять взыскательнъ, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: «Онъ строгъ какъ начальникъ, но какъ человекъ — онъ ангелъ!» И вотъ я побѣдилъ; я удовольствіемъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ постукомъ, котораго мнѣ и въ голову не придетъ; они ужъ мои; я отецъ, они дѣти... Ну-ка, ваше превосходительство, Степанъ Шикифоровичъ, подите-ка сдѣлайте такъ...

... Да знаете ли вы, понимаете ли, что Пселдонимовъ будетъ дѣтиемъ своимъ поминать, какъ самъ генералъ пировалъ и даже циль на его свадьбѣ! Да вѣдь эти дѣти, будутъ своимъ дѣтиемъ, а тѣ своимъ внукамъ рассказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ мнѣ къ тому времени буду) удостоилъ ихъ... и т. д. и т. д. Да

вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣстную популярность приобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то!..

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ — (господа, мало ли что человѣкъ говоритъ иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты и, конечно, онъ можетъ и ограничился бы этими мечтаньями и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славно бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ, въ это самое мгновеніе въ настроенномъ воображеніи его, нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! повторялъ Степанъ Никифоровичъ съ сока улыбаясь.

— Хи-хи-хи! вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, своей самой прескверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ какъ не выдержимъ! рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу, въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Певдонимова.

Звѣзда увлекла его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣніемъ оттолкнулъ ногой маленькую, лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличія, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ дошелъ онъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ газъ-то въ углу салыный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ калошахъ, опастъ лѣвой ногой въ галантиръ, выставленный для остуженія.

Иванъ Ильичъ нагнулся и посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы очевидно съ бламанже. Разлавленный галантиръ его было сконфузилъ и на одно самое маленькое мгновеніе у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе оберъ калешу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половинна ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салонами, капорами, шарфами и калошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрбасъ, всего четыре человѣка, взятые разумѣется съ улицы. Они сидѣли за некрашенымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую допиливали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ открытой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали какъ эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ соломомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вфронтно чрезвычайно развязного и даже растегнувшагося человѣка: «Кавалеры впередъ, шепъ де дамъ, балансес!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ некоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ онъ ужъ и не разсуждалъ...

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кочившійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушонный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ светло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшій его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медвѣнскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, ошцерь какой-то команды. Кто-то неестественно-визгливымъ голосомъ прекричалъ пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: «д-э-э-э-э Пселдонимуска!» Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно полъ навощили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ не очень малой, было человѣкъ до тридцати гостей.

Но через минуту кадрили кончилась и почти тотчас же произошло тоже самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. По гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обернуть съ лица ногъ, прошелъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шопотъ. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро оборачиваться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали понемногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, усыпанное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папирсъ. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человекъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобъ дать ей пинка.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ тоже мгновеніе почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ; онъ почувствовалъ тоже, что можетъ быть дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше прево-сходительство!... пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну то-то. Я братъ къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить...

Но Пселдонимовъ очевидно ничего не могъ представить. Онъ стоялъ выпучивъ глаза въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не проговоришь же ты меня, полагаю... Радъ же радъ, а гости принимай!.. продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ умыться, но уже не можетъ; что юмористическій расказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужь не пошѣшалъ ли чему... я уйду! едва выговорилъ онъ и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Пселдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ... Честь... бороталъ онъ, уторопленно кланаясь: — удостойте присѣсть-съ... И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ...

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятились, а передъ нимъ скрючившись стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что дѣйствительно-его гарунъ-аль-рашидское нашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почестся подвигомъ. Но вдругъ какая-то ошурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акіма Петровича Зубикова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акіму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генералъ торжествовать; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ такъ сказать не второе, а уже третье лицо. Съ рассказомъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А рассказъ былъ необходимъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ; онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ ладьядцы и чуть не взлѣзаютъ другъ на друга, чтобъ его поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ по лютости своей все еще не садился.

— Что же вы! проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванъ,

— Помилуйте-съ... я и здѣсь-съ... и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно оставшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивала и раздѣляла слова, ударялъ на слоги, букву *а* сталъ выговаривать какъ-то на э, однимъ словомъ самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ; дѣйствовала какая-то виѣщняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только-что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали можетъ-быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комиссіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слышать-съ.»

— Онъ теперь твой сосѣдъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ на одинъ мигъ для приличія и для непринужденности обращаясь къ Пселдонимову, но быстро отворотился увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, я вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже далъ отъ насъ и отнѣкивался по скупости, хе-хе! а теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столонначальникъ пожалуй догадывается, что онъ, въ эту минуту необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семъ... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ этомъ. Прощаюсь съ нимъ наконецъ, старикъ акуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... нѣтъ моего Трифона! Тревожусь, спрашиваю: Куда дѣвалъ Трифонъ карету? Открывается, что онъ, надеясь, что я

засвижусь, отправился на сватьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужь Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на петербургской. Да в карету ужь кстати съ собою захватилъ. — Генераль опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ какъ надобно было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ» промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошолъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ). Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю до Большого проспекта, да и найду какого-нибудь ваньку... хе-хе!

— Хи-хи-хи! почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошолъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся, и строго посмотрѣлъ на лампу, но генераль даже не обратилъ вниманія и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топотъ, танцуютъ. Любопытствую у городского: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю петербургскую сторону балы задаешь? ха-ха, вдругъ обратился онъ опять къ Пселдонимову.

— Хи-хи-хи! да-съ... отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глупѣе было то, что Пселдонимовъ хоть и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно онъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, чтоли!» подумалъ Иванъ Ильичъ, «тутъ-то бы и улыбаться ослу, и все бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ. «Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогнать же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуста извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду... Я вѣдь только зашелъ посмотрѣть...»

Но мало-помалу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ услащеннымъ видомъ: «Дескать можете ли ваше превосходительство помѣшать?» Всѣ гости пошевеливались и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлки изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ восторгѣ бархатномъ платьѣ что-то нарочно громко прогово-

рила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и дватри студента, переглядывались, какбы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и даже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ понемногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить какъ твое имя и отчество? спрашивалъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ выпуча глаза, отрывисто, точно на смотру.

— Познакомь же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой... Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но только-что услышала, что объ ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться, произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ: — и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прековарно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцать, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ смотрѣли пристально и даже съ оттѣнкомъ какой-то злости. Очевидно Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кашеиное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыпляче, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не сдумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, продолжалъ онъ, являю-

леся, какъ-будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ; особенное, злокачественное. И однакожъ, во чтобы то ни стало, надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

— Однако парочка! подумалъ онъ. Впрочемъ...

И онъ снова обратился къ молодой, помѣстившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получалъ опять только да и нѣтъ, да и тѣхъ правда полною не получалъ.

«Хоть бы она поконфузилась, продолжалъ онъ про себя. Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное.» И Акимъ Петровичъ какъ нарочно тоже молчалъ, хоть и по глупости, но все же было неизвинительно. «Господа! ужъ я не помѣшалъ ли вашимъ удовольствіямъ?» обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ... Не беспокойтесь ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохлаждаемся-съ, отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ, и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшись впередъ и казалось еще болѣе тѣмъ прежде выставляя свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терлся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и привирадившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, зашпиленномъ у горла и къ запячкѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ее была небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непотатая, не уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бока-

ла, ни больше, ни меньше. Бутылка очевидно назначалась только для двух гостей.

Пожилая женщина прямо приблизилась къ генералу.

— Ужь не взыщите, ваше превосходительство, сказала она кланяясь, а ужь коль не погнушались нами, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужь просимъ милости проздратьте виномъ молодыхъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пяти или шести не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ра-ди-тель-ница вашего сы-на, сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, проямляя Пселдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставяя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскочившій Пселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокалъ.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... началъ онъ, что могу... при семь засвидѣтельствовать... Однимъ словомъ какъ начальникъ... желаю вамъ сударыня (онъ обратился въ новобрачной) и тебѣ мой другъ Порфирій — желаю полнога, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокалъ, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Пселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ начиналъ мучительно его ненавидѣть.

— Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчить. Ну, чтобы хоть ему прокричать: Ура! И пошло бы, и пошло бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и проздратьте, прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человекъ.

— А вѣдь какія славились эти русскія старухи! подумалъ Иванъ Ильичъ. Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще поднось. Несла дѣвка, въ шуршащемъ, еще невытомкѣ отпечемѣ платьѣ и въ криволиней. Она едва обхватывала поднось руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч. и проч. Поднось стоялъ до сѣхъ-пора въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не пренебрегайте, ваше превосходительство, нашими яствами. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, повторила кланясь старуха.

— Помилуйте... сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ началъ враздвигать между пальцами одну грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

— Между тѣмъ молодежь вдругъ захихикала:

— Что-съ? спросилъ Иванъ Ильичъ, съ улыбкой обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Костелькичъ съѣздить-съ, отвѣчала она потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго мшшу, очень педурного собой, саргатавилаго на стулѣ, съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго ш-ше Псевдонимной. Юноша всталъ. Онъ повидному былъ очень застѣнчивъ, и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, прерывалъ онъ какъ-будто извиняясь.

— Про какой же это сонникъ? спросилъ Иванъ Ильичъ серьезно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если г. Панаева во снѣ увидѣть-съ, то это значить кососъ малявину зѣлать-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со влобою Иванъ Ильичъ. Молодой человекъ хотъ и очень разумянился говоря это, но до нестроятности былъ радъ, что рассказалъ про г. Панаева.

— Ну да, да, я слышалъ... отозвался его превосходительство.

— Нуъ, вотъ еще лучше есть, проговорилъ другой голосъ воли самого Ивана Ильича: — новый лексиконъ издается, такъ

говорить г. Краевскій будетъ писать статьи, Алферкии... и обличительная литература...

Проговорилъ это молодой человекъ, но уже не конфузливый, а довольно развязный. Онъ былъ въ портняжкахъ; бѣлошвейки жилетъ и держа въ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцовалъ; смотрѣлъ высокошевро, потому что былъ олимпъ изъ сотрудниковъ казеннаго журнала «Головешки», задавалъ тонъ и посылалъ на сватбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Пселдонимовъ, съ которыми былъ на ты и съ которыми, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной шибки «въ углахъ». Видно онъ однакожь шилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну упрямую заднюю комнату, куда всѣ знали «де-ропу». Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это, вѣсному свидѣнію съ, съ радостно перебилъ вдругъ блондуристый юноша, развязавшій проминивку, и на котораго сотрудникъ въ бѣлошвейки посмотрѣлъ за это съ невольностью: — потому свидѣнію, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается будто г. Краевскій правоповѣстию неимаети? думаетъ что «обличительную литературу» подобно писать обличительная литература...

Но бѣдный юноша едва докончилъ. Онъ по глазамъ увидѣлъ что генералъ давно уже это знаетъ, потому что самъ повторилъ тоже какъ будто смущенный и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человеку стало до извѣрженности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе ступешаться и потомъ все оставшее время былъ очень грустенъ. Взявши тогда развязный сотрудникъ «Головешки» подошелъ еще ближе и заисовъ нахвѣрнулся гдѣ-нибудь во близости отъ. Такая развязность показала Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! слышишь помянутого Перфирій, началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить: — почему — я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Пселдонимовъ, а не Пселдонимовъ? Вѣдь ты навѣрно Пселдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пселдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу съ, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшали съ, такъ что онъ и остался теперь Пселдонимовъ; отозвался Акимъ Петровичъ. Это бываетъ съ.

— Непремѣнно, съ жаромъ подхватилъ генералъ! — непремѣнно,

иногда, потому сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это проше-
доть отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну а Псевдонимовъ,
ничего же означаетъ.

— Но глупости-съ, прибавилъ Ильичъ Петропчъ.

— То есть: собственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ; по глупости измѣняетъ иногда ле-
теры-съ и выговариваетъ иногда по своему-съ. Напримеръ го-
варитъ невалядь, а надо бы сказать ивалядь-съ.

— Ну да... невалядь, хе-хе-хе...

— Нумера-томе говорятъ, ваше превосходительство, брак-
нулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже увидѣло, чтобъ какъ-
нибудь отлечься.

— Томестъ какъ это нумера?

— Нумера, вмѣсто нумера, ваше превосходительство.

— Ахъ да, нумера... вмѣсто нумера... Ну да, да... хе, хе,
хе!.. Назвъ Ильичъ принужденъ былъ: хихикать и для офи-
цера.

Федоръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нима, вывился было сотру-
дникъ «Головешка». Не его превосходительство постарался этого
ужь переосмыслить. Не для воѣхъ же было хихикать.

— Нима вмѣсто нима, приставалъ «сотрудникъ», съ види-
мымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что присталъ? Шепнулъ Псевдонимовъ «сотруд-
нику».

— Да чтожъ это, я разговариваю. Нельзя чтоль и говорить,
заговорилъ было тотъ шепотомъ, но однакожъ замолчалъ, и съ
тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо яврался въ привлекательную ванную комнату,
гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще сначала вечера, постав-
лена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярславскою скъ-
тертью, водка двухъ сортовъ, селедка, кра лѣтчиками и бу-
тылка аръчайшаго хересу изъ національнаго погребка. Съ
злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ
вбѣжалъ медикинскій студентъ, съ растрепанными волосами,
верный тандоръ и катканеръ на балѣ Псевдонимова. Онъ съ то-
ропшею жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начать! проговорилъ онъ: какоро распоря-

жаясь. — Приходи смотреть: слою одъезду верхъ ногами, а послѣ ужина риску рыбку. Это будетъ даже нати изъ сватьбъ-то. Такъ сказать дружескій намекъ Пселдонимову... Славная эта Клеопатра Семановна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, мрачно отвѣчала сотрудникъ вынывая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа-то, жаралъ которой частыиу востанчалъ. Ретроградъ! я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! приобриталъ студентъ и бросилъ зонъ изъ комнаты, услышавъ ритуриаль кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ себѣ еще, для большаго куража и независимости, выпилъ, закурилъ и никогда еще дѣйствительный стаскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не приобриталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе наумомагнаго метателя, какъ зренебреженый имъ сотрудникъ «Головастики», особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного наивнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на всѣ дальнѣйшія главныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хоть и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на сватьбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перекинулось какъ волшебствомъ; всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно также, какъ еслибы неопладаннаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной-тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшіеся слухъ, шопоть, извѣстіе, что гость-то кажется того... подъ-шаво. И хоть дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужааснѣйшей клеветы, но мало-помалу стало какъ-будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадрили, послѣдняя передъ ужинкомъ, на которую такъ жарпался медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новобрачной, мытаясь въ этотъ разъ думать ее канинъ-то каламбуромъ, какъ вдругъ къ ней надскочилъ высокій офицеръ, и съ размаху сталъ на одно колено. Она тотчасъ же отвѣчала съ

дизана и упорхнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ-будто рада была, что избавилась.

— Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, подумалъ Иванъ Ильичъ: — да и приличій они не знаютъ. Гм... ты бы, братъ, Порфирій, не церемонился, обратился онъ къ Пселдонимову. Можетъ у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распоряженій... или тамъ что-нибудь... пожалуйста не стѣсняйся. — Что онъ сторожить чтоли меня? прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ все это было не то, обвесить не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство, спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь наливать въ бокалъ его превосходительства.

— Я... я право не знаю, если...

Но ужь Акимъ Петровичъ съ благоговѣнно-сіяющими лицами наливать шампанское. Наливъ бокалъ онъ какъ-будто украдкой, какъ-будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась взглянулъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый палець не дозволя, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ въ самомъ дѣлѣ заговорить? а развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужь онъ выигралъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было что тотъ налилъ, — не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

— Старикъ самому хочется выпить, подумалъ Иванъ Ильичъ, — и безъ меня не смѣетъ. Не задерживать же... Да и смѣшно, если бутылка такъ простоятъ между нами.

Онъ прихлебнулъ и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, началъ онъ съ разстановками и удареніями

ми: — я вѣдь здѣсь такъ-сказать случайно и конечно не могу быть нѣмѣ найдуть... что мнѣ... такъ сказать не-примѣнно быть на такомъ... собраніи.

Акимъ Петровичъ молчалъ и вслушивался съ робкою любовью.

— Но я надѣюсь вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь все равно же въ самомъ дѣлѣ я нить пришелъ. Хе, хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ было возникать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осякся и опять не отвѣтилъ равно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы такъ сказать ободрить... показать такъ сказать нравственную, такъ сказать, цѣль, продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акіма Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генералъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ-будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и поднимъ снова.

— А немного-жъ у тебя ресурсовъ, подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акіма Петровича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глаза неподымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненные минуты для Акіма Петровича.

Два слова объ Акімѣ Петровичѣ. Это былъ человѣкъ смирный какъ курица, самаго стараго закала, валежливый въ доблестности и между тѣмъ человѣкъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то-есть и отецъ и дѣдъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выбажили изъ Петербурга. Это совершенно особенный типъ русскихъ людей. Объ Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ суженъ Петербургомъ, и главное мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копейчаго просерванша, лавочки и мѣсячнаго жалованья. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русскаго пѣсни, кромѣ случившихся, да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ есть два существенные и незыблемые признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго

русские. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ : « Петербургскіи вѣдомости » а всегда говорятъ : « Академическіа вѣдомости ». Второй, одинаково существующій признакъ, состоитъ въ томъ, что петербургскій русский никогда не употребляетъ слово : « застрѣкъ », а всегда говоритъ : « фрынтникъ », особенно на-передъ на звукъ *фр*. По этимъ двумъ корыннымъ и отличительнымъ признакамъ вы икъ всегда различите ; однимъ словомъ это тѣмъ смѣреннымъ и окончательнѣе выработаннымъ въ послѣдніе тридцать-пять лѣтъ. Впрочемъ Анниъ Петровичъ была вовсе не дурань. Сиречь ея генералъ объ чемъ—нибудь подходящемъ къ нему, она бы и отвѣтила и поддержала разговоръ, а то кѣдъ не прілично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы ; хотя Анниъ Петровичъ умарала отъ любовнаго, узнать что—нибудь подробнѣе о настоящихъ нацѣреніяхъ его превосходительства...

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье, и въ какое-то коловращеніе идей ; въ разсѣянности онъ невниматно, но нечаянно прихлебывалъ изъ бокала. Анниъ Петровичъ тотчасъ же и усерднѣйше ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ было смотрѣть на танцы и вскорѣ онъ нѣсколько привлекли его вниманіе. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцовалось въ простотѣ сердца, чтобъ веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ левкикъ было очень немного ; но неловкіе такъ сильно притомывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отставался, впервахъ офицеръ : онъ особенно любилъ фигуры, гдѣ оставался одинъ, вродѣ соло. Тутъ онъ удивительно нагабалонъ, а именно : вась, пржей какъ верота, онъ вдругъ склонился на бокъ, такъ что воть думаешь упадетъ ; но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонился въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же носомъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ остронѣйшее и танцовалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со второй фигурой заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварителенно еще до кадрыа, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ, отпласывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадрыахъ,

которыя протанцовали были въ этотъ вечеръ, выказывали все одну и ту же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставала отъ своей дамы, подхватывала кончикъ ея шарфа, и малюту, при переходѣ визави, успѣвала влѣзать въ этотъ кончикъ десятка два пецѣлуевъ. Дама же впереди его, шлепала какъ-будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ дѣйствительно сдѣлалъ соло вверхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, топотъ и восторги удовольствія. Однимъ словомъ непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вѣрно подѣйствовало, сначала было улыбающійся, но мало-помалу какое-то горькое гниющее начало закрадывалось въ его душу: конечно онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно завидовалъ ей, эту развязность, когда они всѣ потанцуютъ; а вотъ теперь эта развязность уже стала выходить въ границы. Одна дама впрямь, въ восторгѣ сниметъ бархатномъ платьѣ, перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ зашнуровала свое платье булавками, такъ что выходило какъ-будто она въ шпаловыхъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть; но выраженію ея заволера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Феккивъ. Какже это? Те пыталась, а тутъ вдругъ такъ споре эманципировалась! Какже бы: в ничего, но какъ-то странно былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщала. Точно совсѣмъ они и мозабыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется онъ хотѣлъ первый, и даже рискнулъ аплорировать. Анимъ Петровичъ почтительно тихикалъ ему въ унисонъ, хотя впрочемъ съ виднымъ удовольствіемъ; и неподозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человекъ, тѣпуете, принужденно была Иванъ Ильичъ сказать студенту, продолжившему шло, только что кончилась кадрили.

Студентъ врото повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу, и приблизивъ свое лицо къ его превосходительству настолько до неприличія разстояніе, во все горло прокричалъ пѣтукомъ. Этого уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ вскалъ вѣтъ за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залвъ неудержимаго хотю, потому что крикъ пѣтука былъ удивительно натураленъ; а вол гриндаса совершеннѣе неожиданна. Иванъ Ильичъ сѣлъ стомаъ

въ недоумѣніи, какъ вдругъ явился самъ Пселдонимовъ, и кланяясь сталъ просить къ ужину. Волѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, говорила она кланяясь: — омажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я прavo не знаю... началъ было Иванъ Ильичъ: — я вѣдь не для того .. я... хотѣлъ было ужъ идти...

Дѣйствительно онъ ужъ держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ же, въ это же самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, вѣчто бы то ни стало уйти и никакъ не оставаться и... и остался. Черезъ минуту онъ открылъ шестіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто за столъ: непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ-будто катится съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентрическимъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ богъ-знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ такъ сказать простиравъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми болами своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Пселдонимова, проклинаетъ его, жену его и сватъбу его. Мало того: онъ по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Пселдонимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ чуть-чуть не говоря: «А чтобъ ты провалился, проклятый! Навязался на шею!..» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

... Конечно Иванъ Ильичъ, даже и теперь, садясь за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это дѣйствительно точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то вневременное балагане. Но сердца, серд-

ца... оно надо! оно произошло на волю, на воядухъ, на отдынь.
Вѣдь слышимъ ужъ добрый человекъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно надо было уйти, и не только уйти, но даже опасаться. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось лавеча на мосткахъ.

— Я вѣдь зачѣмъ пришелъ? Я развѣ за тѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь ѣсть и пить? спрашивалъ онъ себя, закусывая следку. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилась мгновеніями пронія на собственный поденгъ. Онъ начиналъ даже самъ непонимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ пошелъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, недокончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ, что я по неоправданнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ напримѣръ завтра же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифоровичъ, Семенъ Ивановичъ, въ канцелярію, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти, чтобы они всё поняли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную цѣль обнаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважаютъ меня, продолжалъ онъ. Чему они смѣются? они такъ развязны, какъ-будто безчувственные... Да, я давно подозрѣвалъ все мелодее покатаніе въ безчувственности! Надо остаться, во что бы то ни стало!.. Теперь она танцовала, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ. Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величии Россіи... я ихъ еще увлеку! Да! можетъ быть еще совершенно ничего не потеряю... Можетъ быть такъ и всегда бываетъ въ действительности. Съ чего бы только съ ними пачать, чтобы ихъ протолка? Какой бы это такой приѣмъ наобрѣсть! теряюсь, просто теряюсь... И чего имъ надо, чего они требуютъ?.. Я вижу, они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной ли, господи-боже! Да чего мнѣ надо... я-то чего здѣсь, чего я-то на ухому, чего добиваюсь?.. Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глупой, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надиривалъ его сердце.

Но все ужъ такъ и шло, одно къ одному.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, т. е. не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ, и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что самъ бѣговъ окончательно. Конечно куражу прибавилось много, но сознание не оставляло его и кричало ему: «нехорошо, очень нехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!» Конечно неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ немъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, желаніе побѣды, неслыханное пренебреженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ вѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на серцахъ: «Что скажутъ? чѣмъ это кончится? что завтра-то будетъ, завтра, завтра!..»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. «Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣньемъ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннымъ признакамъ увѣрился теперь, что за столомъ дѣйствительно были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться.

— И зачто! зачто! думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстившись всѣ человѣкъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вали себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью, кричали, говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, порострѣливались съ дамами ялѣбными шарашань. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленномъ сюртукѣ, ушалъ со стула какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина. Другой кутѣлъ непроницаемо выгнѣвъ на столъ и провозгласить тостъ, и только обервъ, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный воисторжъ его. Ужинъ былъ совершенно разночливый, хотя и начинался для него новаръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала: былъ галантерѣ, былъ языкъ подѣ картофелемъ, были кетлетки съ зелеными горошкомъ, былъ наконецъ гусь, и подѣ-

конецъ всего бламанже. Изъ винъ было: пиво, водка и херѣсъ. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственной своей инициативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для тостовъ же прочимъ гостямъ предназначалось горское, или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ поволя даже ломберный. Накрытъ онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли въ перемежку съ дамами. Родительница Пселдонимова сидѣть за столомъ не захотѣла; она хлопотала и распорядилась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, непоказывавшаяся прежде, въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти наконецъ изъ задней комнаты къ ужину. До-сихъ-поръ она не выходила по причинѣ непрямимой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и очевидно не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны, и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что она въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. Покрайней-мѣрѣ ему самому такъ казалось, и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему наптыывалъ. Другой, изъ учащихъ, былъ правда совершенно ужъ пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ тоже и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ несовсѣмъ благонадеженъ. Но особенно и видимою неавистью сіялъ сотрудникъ Головешки: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть протѣ гости и не обращали никакого особеннаго вниманья на сотрудника, написавшаго въ Головешкѣ только четыре стихика и охладившагося оттого либераломъ, даже видимо не любилъ его; но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, оче-

шавъ назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ не кто другой, какъ сотрудникъ Головешки.

Все это конечно дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюдение: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ-будто сталъ забываться и главное, ни съ того ни съ сего вдругъ охрипелъ и засмѣется, тогда какъ вовсе нечому было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хоть и напилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить, и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему сразу послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувствовалъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника Головешки. Ему захотѣлось сразу обняться съ ними со всѣми, забыть все и пошариться. Мало того: рассказать имъ все откровенно, все, все, то-есть какой-онъ добрый и славный человекъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ увидѣть смѣшить дамскій полъ, и главное какой, онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ свисойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и наконецъ, въ заключеніе, откровенно рассказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного, явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

— Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, я вижу ясно; они даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорю неотразимо. Они наполнять рюмки и съ кривомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже еслибъ покачать вздумали погусарски, и бы в этому не противилса, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я вволаю въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человекъ. Пселдонимовъ конечно впоследствии исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтлаго лоску... И хотя конечно нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого

незаго доколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всё они будутъ любить меня и я выйду со славою!..

Эти мечты конечно были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно: шептаться. По крайней-мѣрѣ слюна вдругъ начала высккивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгала щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому дотога великимъ, дотога влѣ всего здраваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и вывилъ, но все-таки сидѣлъ какъ обжаренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ слушая его, не только какъ-будто конфузился, но даже чего-то боялся. Пселдонниковъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ дѣйствительно какъ-будто стережилъ его. Окнинувъ глазами гостей онъ увидалъ, что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышанье началъ говорить.

— Я сказалъ уже! началъ онъ какъ можно громче: — я сказалъ уже господа сейчасъ Акимъ Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ вы понимаете, что я хочу ска-ка-зать... Россія переживаетъ по моему глубочайшему убѣжденію гу-гуманность...

— Гу-гуманность! раздалось на другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонниковъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачивалъ головою, какъ бы усовѣщая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! уверенно продолжалъ онъ: — и лавеча... и внешне лавеча и говорилъ Стевану... Ники-ки-Форовичу... да... что... что обновление, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! громно раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? отсталъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я улелся; — продолжайте! пра-дал-жайте! послышался опять голосъ.

Ивана Ильича перодернуло.

— Обновление, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей...

— Ваше превосходительство! крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ иерушителю перядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно напьюкавшийся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно бралъ и даже разбилъ стаканы и двѣ тарелки, утверждая, что на свадьбѣ будто-бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекать крикуна:

— Что ты, чего орешь? вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! продолжайте! кричалъ развеселившійся школьникъ, развалился на стулѣ: — продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! шопотомъ подсказалъ Цеселовичъ.

— Вижу что пьяный, но...

— Это я рассказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! началъ офицеръ: — про одного поручика нашей команды, который точно также разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвально, па-хвально! Его еще десять лѣтъ назадъ за это изъ службы выключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! семошь съ

ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подь арестъ... Начальникъ родительскимъ образомъ усовѣщевалъ; а тотъ ему: па-хвально, па-ахвально! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подь судъ отдать, но замѣтили что помѣшанный.

— Значить... школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго... Я съ своей стороны готовъ простить...

— Медициной смидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! ана-то-мировали?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ.

Громкій и почти всеобщій заливъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! закричалъ онъ, на первое время даже почти не завнаясь: — я очень хорошо въ состояннн различить, что живого не анатомируютъ. Я полагаю, что онъ въ помѣдѣтельности былъ уже не живой... то-есть умеръ... то-есть я хотчу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ... да, я люблю Пор... порфирія... Я унижаю себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива дилетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто. Пселдонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! прокричалъ онъ въ отчаяннн.

— Пьяный человекъ, ваше превосходительство, снова-было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унижалъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи: если я пришолюмъ, да... да на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчанье, да еще на такой категорическій вопросъ. «Ну что бы имъ, что бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!» подькнуло

въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, а Пселдонимовъ, нѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся :

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ ?

Вдругъ сотрудникъ Головешки, уже сильно пьяный, но сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился прямо къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества :

— Да-съ! закричалъ онъ громовымъ голосомъ : — да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Рет-ра-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами и восторыхъ я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это! вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился какъ столбъ и совершенно не зналъ, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали браво, браво!

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью :

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы помѣшали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозреваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ жонъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кивжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться! энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ

задалъ ему нѣсколько тумаковъ въ спиву, и вытолкнулъ его въ двери.

— Всѣ вы подлецы! кричалъ сотрудникъ: — я васъ всѣхъ завтра же въ Головешкѣ окарикатурю!..

Всѣ повскакали съ мѣтѣ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала: — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ генералъ: — я уничтоженъ... я пришолъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно желая уйти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенья сохраняютъ они сознание и потомъ вдругъ падаютъ какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознание. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый по своему толкуя о прошедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покаместъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ, избранное нами теченіе рассказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріѣ Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяцъ до своего брака, онъ побалъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи,

гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получилъ свое десятирублевое мѣсто, онъ былъ воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять прикидываясь обетонелъствами. На семь свѣтъ Пселдонимовыхъ оставалось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ потихоньку влезали на пороги и патались сомнительными матерьялами. Бывали дни что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на фонтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто онъ кое-какъ устроился мѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинелишку. И сколько бѣдстей онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросами: давно ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заволатаются клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ в смирень и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговоръ отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ ли онъ, соиздалъ ли планы и системы, мечталъ ли объ чемъ-нибудь? Но взамѣнъ того въ немъ ирработорывалась какая-то истинитивная, кривевая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо и они тотчасъ же вновь начнутъ соиздывать его, разорите другой разъ и другой разъ начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительнаго и домовитого. На лбу его было видно, что онъ добьется дороги, устроитъ гнѣздо и икономитъ—быть даже скопить и про-запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женищина она была твердая, неустанная, работающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы и жили они въ своихъ углахъ икономитъ—быть еще лѣтъ пять или шесть, до перемѣны обстоятельствъ, еслибъ не столкнулись они съ оставшимъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ последнее же время основавшимся в устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то, когда-то обяванъ. Деньжонки у него водились, конечно, неболь-

шя, но они были; сколько их дѣйствительно было, — про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того больной человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: «я дескать знаю его, отецъ его былъ хорошій человѣкъ и сынъ будетъ хорошій человѣкъ.» Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ; сказано, сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большою частію онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однакожъ пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непремѣнно кого-нибудь и непрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея рассказывать ему сказки изъ тысячи одной ночи. Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбниками, ругать ихъ поминутно и на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, не исключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли перелъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ онѣ чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдовавшая гдѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ своимъ мужемъ и наконецъ овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими большими дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не любилъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и большихъ дѣтей, виѣствъ съ ихъ мучителемъ, тѣснилась въ деревянномъ домѣ на петербургской, недоѣдала, потому что старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ копейками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потому что старикъ страдалъ бессоницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ все это бѣдствовало и проклинало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и

смирненнымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семьнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую шѣлу, но изъ нея почти ничего, кромя азовъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ кестылемъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетней, шпионствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, воалѣ шавышки и приживалокъ, зла и сверлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленье. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстиво ния записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки чего-нибудь стоявшій. Сверхъ того давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то напоишь! «Я вѣдь къ чему беру въ домъ челоуѣка? кричалъ пьяный самодуръ. Вопервыхъ, для того, что всѣ вы бабье, а мнѣ надоѣло одно бабье. Я хочу чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Воторыхъ вотому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Поронрка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидитъ. Всѣхъ изгоми и кляюку изготовлю»...

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужь рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до сватьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на сватьбу. Старикъ ихъ покровительствовалъ, можетъ-быть именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ самого Пселдонимова заставлялъ еще за недѣлю до сватьбы проплясать передъ собой казачка. — Ну довольно, я хотѣлъ только видѣть не забываешься ли ты передо мной, сказалъ онъ по окончаніи танца. Денегъ онъ далъ на сватьбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ «Головешки» и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ,

что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень барзотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужъ та-кой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скварными словами и пьянствовалъ: Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ, и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать неаждана, особенно залившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась переимѣнить гнѣвъ на милость и выйти къ балу и къ ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться зачѣмъ ее не предупредили, что звали самого генерала. Ее утѣряли, ибо онъ пришелъ самъ, незванный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Пселдонимова нашлось одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копѣйки. Надо было кланяться алой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовершенствовали. Она дала наконецъ собственные деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу жолчи и оцта, что онъ уже неоднократно вбѣгая въ комнату, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ чего стоили двѣ бутылки джансона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Какимъ же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и можетъ-быть на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, упоры безтолковой невѣстной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застидали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было нестать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой, и непременно карету, потому что на ваяхъ въ такомъ видѣ, и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева, вбѣшпанная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни копѣйки. Можеть-

быть и въ самомъ дѣлѣ не было ни копѣйки. Гдѣ взять? Что сдѣлать? Да, было отчего теробить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣсть перенесли на маленькій кожаный диванъ, стоявшій тутъ же въ столовой. Покамѣсть убирали со столовъ и разбирали ихъ, Пселдонимовъ бросался во всѣ углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побезнечить Акима Петровича, остававшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть и добрый человекъ, услышавъ о деньгахъ, пришелъ въ такое недоумѣнье и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни :

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, бормоталъ онъ : — а теперь... право меня извините...

И взявъ шапку поскорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, рассказывавшій про сонникъ еще приведенъ на что-нибудь, да и то некстати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Пселдонимова. Наконецъ Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покамѣсть, до кареты, испробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на петербургской даже и вандекъ въ этогъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извозчикамъ куда-то далеко на подвое, разбудить кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились однако жъ на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибѣлъ въ нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перешляпилось рѣшенье. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который бѣжалъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой, стало совершенно невозможнымъ и даже рискованнымъ. «Еще что изъ этого выйдетъ?» говорили совершенно обезкураженныи Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ :

Если ужь оставить больного дома, то куда же перенести его, и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопятаевъ съ супругою, и другая, новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели или лучше сказать обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушонныхъ, то-есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было равно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить больного? Перина-то бы еще пожалуй и нашлась, — можно было вытащить изъ подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлать. Оказалось, что постлать надо въ залѣ, такъ-какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ нѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлать? неужели на стульяхъ? Извѣстно что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимнастамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой; а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было бы очень неуважительно. Что сказалъ бы онъ на завтра, увидя себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнатѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновленный, новокупленный матрасъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ каленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узорами. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ все было, какъ слѣдуетъ и гости, почти всѣ перебывавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Пселдонимова, но въ продолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотрѣть. Каково же было ея негодованіе, злоба, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то вроде холерныя. Дѣвушка новобрачной вступилась было за нее, бранилась, заплакала, назавтра же жаловаться мужу; но Пселдонимовъ заставилъ себя и настоялъ: Ивана Ильича перенесли, а новобрачнымъ послали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была щипаться, но послушаться не посмѣла: у папаша былъ костью, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непременно

завтра потребуетъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже ненужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривеника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявилъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно не знаю. Кажется юноша отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшего у своихъ знакомыхъ, и попытаться: нѣтъ ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она приютилась на полу, на коврикѣ, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потомучто принуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ какъ за роднымъ сыномъ и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однако жъ несчастья этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло десяти минутъ, послѣ того какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздражающій крикъ, не-отрадный крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ-будто паденіе стульевъ, и въ мигъ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ всевозможныхъ дезабілье. Эти женщины были: мать новобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ больныхъ детей, три ея тетки, припелась даже и та, у которой было самое слабое ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже проживалка-буфетчица, рассказывавшая сказки, изъ подъ которой вытащили силой для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, припелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины, уже съ четверть часа,

какъ пробрались изъ кухни, черезъ коридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемая самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ кто-то враскорѣ зажогъ свѣчку и вслѣдъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, невыдержавшіе двойной тяжести и поднаравшіе широкую перину только съ краевъ, развѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до-сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Совсѣхъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но машина повобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тѣму: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ этаго? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее, и наконецъ взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя всю отвѣтственность на завтра передъ грознымъ отцомъ, требующимъ отчета. За нею убрались и всѣ, ахая и покрывая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его, и попробовала его утѣшать. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьи, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ бы машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣснлись танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папиросный дымъ. Окурки папирозъ и конфетныя бумажки все еще валялись на залитомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутыя стулья свидѣтельствовали о брешности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаний. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжелыя мысли, какъ наирѣмнѣе: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? онъ мучительно сознавалъ, что надо переимѣнить мѣсто службы, во чтобы ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего что случилось въ сей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который пожалуй завтра же заставитъ его опять плясать козачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хоть и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный

день, которые всё ушли до копѣйки, но четыреста рублей приданныхъ и не думалъ еще отдавать, даже и помину о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, ставившемся на одно колѣно передъ его женой. Онъ это уже успѣлъ забыть; думалъ онъ о семи бѣсахъ сидѣвшихъ въ женѣ его, во собственному свидѣтельству ея родителя, и о клокѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перевести, но судьба подпускала наконецъ такіе спорышки, что можно было наконецъ и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Пселдонимовъ. Между тѣмъ огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, навадшій прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колосальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ когда уже повѣяло украиней свѣжестью, онъ всталъ, издрогшій и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями и не повараля ничего, не потушивъ огарка, даже не положивъ подъ голову подушки, всползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свиновымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ должно-быть спать ирговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться и съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложкѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе невріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія страшныя и отвратительныя картины, что лучше еслибы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ наиримѣрь мать Пселдонимова, — слышалъ ея незлобивыя увѣщанія вродѣ: «потерпи мой голубчикъ, потерпи батюшка, стерпится—слюбится», узнавалъ, и не могъ однако дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему:

чаще всѣхъ представлялся ему Семень Иванычъ; но взглядываясь пристальнѣе онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семень Иванычъ, а постъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ и старуха съ подвязанной щекой. Больше всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были заповѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату и все добивался мысленно: къ чему служить это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проспалъ около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаньи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставень узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Иванычъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужиномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ наконецъ до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнувъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяннѣе бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на стулѣ свое платье, въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его, и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шапкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомойникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомойникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непременно.

— Какже, батюшка, умойся, нельзя же не умывшись—то...

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, котораго онъ бы могъ теперь не стыдѣться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжолыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызеній совѣсти и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукояйникомъ, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, копѣекъ въ пятнадцать цѣною, очевидно купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плеча шубу, поданную ему Пселдонимовой и черезъ коридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжалъ на дворъ, на улицу и бросился къ проезжавшему извозчику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще домъ и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднималъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно, чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выживалъ цѣлый адъ и должно быть они зачлись ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣнье, отверзтый гробъ, житѣ въ уединенной кельи, лѣса и пещеры; но очнувшись онъ почти тотчасъ-же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные припадки, имѣвшіе въ виду его existence шапқее. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его, разомъ овладе-

валъ ея и все выжигалъ и разтравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шепотъ его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ-же ѣхать къ Есемею Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ удивленіи посвятить себя счастью человечества. Во всякомъ случаѣ надо было непременно перемѣнить всѣхъ знакомыхъ и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потому ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усилевающей строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободряться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвѣстности и *in bono matris* рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома, въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непременно услышать за собою двусмысленный шепотъ, увидить двусмысленныя лица, пожмуть злокачественнѣйшія улыбки. Каково-же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почтительно; ему клапались; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пребрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ-же и пресерьозно занялся дѣломъ, выслушавъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не рассуждалъ, и нервшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ вводилъ, что имѣли вольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла-бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ явился и Акимъ Петровичъ, съ ~~каким-то сум-гамъ~~. При появленіи его, что-то какъ будто ~~Ильича~~ Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ ~~замыслилъ~~

съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему какъ надо сдѣлать и разъяснял. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ-будто избѣгаетъ слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича, или лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боится глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, началъ онъ какъ можно суше: — чиновника Пселдонимова о переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семенъ Ивановичъ Шипуленко обѣщали ему мѣсто. Просить вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Чтожъ, я съ моей стороны... я употребляю, отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю!.. Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ оскѣся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, невзвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то уторопленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣтиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или лучше сказать, добратся поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! шепталъ онъ почти бессознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все

его лицо. Ему стало вдруг до того стыдно, до того тяжело, как не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — «Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

НА МЫЗЪ

(В. А. Шт. к. н. шн. д. р.)

Ползеть ночная тишина
Подслушивать ночные звуки...
Травой пахнет и влажна
Въ саду скамья твоя... Больна,
На книжку уронивши руки,
Сидишь ты въ тѣнь погружена,
И говоришь о дняхъ грлущихъ,
Объ угнетенныхъ, о гнетущихъ,
О роковой растратѣ силъ,
Которыхъ ключъ едва пробилъ
Кору тупаго закоснѣнья,
О всемъ, что губить вдохновенье,
Чѣмъ такъ униженъ человекъ
И что великаго презрѣнья
Достойно въ нашъ великій вѣкъ.

▲ тамъ — сквозь тѣнь — огни за чаемъ,
Сквозь окна — музыка... Серпомъ
Блещитъ луна, и лѣсъ кругомъ,
Съ его росой и соловьемъ,
И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ и этотъ домъ.

Страну волковъ преображая
Въ подобіе земнаго рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ,
На тундрахъ домъ возникъ — и вотъ
Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило : неожиданнымъ

Паденьемъ безмятежныхъ водъ
 Возмущены ночныя тѣни,
 И усыпительно для лѣни,
 Однообразно жернова
 Шумять, — и лодка у плотины,
 И Термуса изъ бѣлой глины
 Вдали мелькаетъ голова...

Здѣсь точно рай, и ты привыкла
 Къ благополучью своему.
 Здѣсь рай. Зачѣмъ же ты поникла,
 И вновь задумалась к чему?
 Иль поняла, что рай твой тѣсенъ
 Для гражданина и для пѣсенъ,
 Что мысли здѣсь займутъ луна,
 Цвѣты, грибы, прогулки лѣтомъ,
 И новой жизни семена
 Взойдутъ быть-можетъ пустоцвѣтомъ;
 Что въ этомъ маленькомъ раю
 Все измельчаетъ понемногу.
 Иные скажутъ: «слава-богу!»
 А ты, — ты голову свою
 Повѣсивъ, будешь какъ нѣмая
 Сидѣть и думать: «Боже мой!
 Какъ хорошо бѣжать изъ рая
 И окунуться съ головой,
 Въ жизнь, поднимающую вой,
 Какъ злое море подъ грозой...»

Я. ГОЛОМСКИЙ

КЪ ВОПРОСУ О ПОСТРОЙКѢ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ НА ЮГѢ РОССИИ

I

Конечно никто теперь не сомнѣвается, что польза отъ возможнаго увеличенія въ Россіи количества желѣзныхъ дорогъ, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайняя необходимость ихъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ нашего общества. Едвали сдѣлаемъ мы какое-либо преувеличеніе, если скажемъ, что убѣжденіе въ необходимости такихъ дорогъ для Россіи столь же прочно и сильно въ умахъ образованныхъ людей, какъ и убѣжденіе въ необходимости совершеннаго уже улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и уничтоженія откупной системы. Причина тому понятна. Несмотря на ограниченность сферы нашей гласности, общество наше въ послѣднее время все-таки имѣетъ несравненно болѣе возможности, чѣмъ въ прежніе годы, слѣдить за развитіемъ и состояніемъ между прочимъ и нашего экономическаго быта; вмѣстѣ съ этимъ оно можетъ лучше прежняго слѣдить за состояніемъ и развитіемъ экономическаго быта другихъ народовъ, преимущественно передовыхъ, а потому оно и въ состояніи вѣрнѣе сравнивать свои успѣхи и неудачи въ этомъ отношеніи съ успѣхами и неудачами другихъ народовъ. Такое сравненіе конечно не можетъ не имѣть благотворнаго вліянія на умы и не вести ихъ между прочимъ къ тому заключенію, что несмотря на благотворность совершаемыхъ нынѣ у насъ реформъ, Россія далеко еще не догнала запада какъ во многихъ другихъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Такое убѣжденіе имѣетъ тѣмъ болѣе силы и значенія и становится съ каждымъ днемъ тѣмъ глубже, что общество наше въ высокой степени *чувствуетъ* (ибо выносить на себѣ) тяжесть тѣхъ затрудненій, которыя порождены неразвитостью нашего экономическаго быта. Эта тяжесть выражается конечно въ

возрастающей ежедневно дороговизнѣ предметовъ потребления, почти нисколько неумѣремой въ общей сложности (такъ по крайней мѣрѣ кажется большинству нашего городского населенія) увеличеніемъ количества средствъ къ жизни (т. е. доходами, заработной, платой, жалованьемъ и проч.); она выражается также въ безденежьи, на которое, какъ извѣстно, постоянно жалуются теперь почти всѣ, въ недостатокѣ кредита, въ уменьшеніи количества производства нѣкоторыхъ важныхъ статей производительности страны, въ недостаточномъ развитіи, даже въ застоѣ торговли и проч. и проч. Продолжая свое сравненіе, образованные классы нашего общества приходятъ и къ тому заключенію, что Россія не только не догнала запада, но и отстаетъ не только отъ него, но и отъ себя въ важнѣйшихъ для нея статьяхъ торговли съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, если и не уменьшаются, а напротивъ увеличиваются вообще, по мѣрѣ возможности, наши торговые сношенія съ другими государствами, тѣмъ не менѣе изъ Россіи вывозится теперь за границу менѣе изъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ статей ея производства, чѣмъ въ прежніе годы, и это въ то время, когда значительно увеличивается вывозъ тѣхъ же статей производства изъ другихъ странъ, конкурирующихъ въ торговлѣ съ Россіей этими статьями.

Прійдя къ такому заключенію, т. е. убѣдясь, что если мы страдаемъ отъ безденежья, что если торговля наша съ иностранными государствами находится въ стѣсненномъ состояніи, то все это между прочимъ происходитъ отъ того, что значительно уменьшается вывозъ за границу нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ статей нашего производства, — убѣдясь въ этомъ, а не убѣдиться въ этомъ нельзя, ибо факты на лицо, — понятно, что общество наше не удовольствовалося подобной находкой, а пошло далѣе, т. е. начало отыскивать причины такого знаменательнаго факта, какъ уменьшеніе вывоза нашихъ произведеній за границу. Конечно уже давно знали у насъ многіе, какія вообще препятствія существуютъ въ Россіи къ развитію промышленности вообще; но знать, даже вполнѣ сознавая и глубоко чувствовать, — не одно и то же, а потому и знаніе это не имѣло ни значенія народнаго сознанія, ни мощи болѣе или менѣе громко кричащей о себѣ народной нужды. Потому-то это знаніе, даже подчасъ полное сознаніе положенія, оставалось какъ бы дѣломъ только кабинетнымъ, и притомъ не министерски-кабинетнымъ. конечно, а только учено-кабинетнымъ, такъ что, какъ извѣстно, лѣтъ съ десять-пятнадцать тому назадъ, даже менѣе, нѣкоторымъ *практикамъ* нашимъ — высшаго полета разумѣется, а не изъ тѣхъ, которые по собственному опыту знали Россію и ея нужды, — наши пути сообщенія вообще казались до-

статочно-хорошими, и Россія по ихъ понятіямъ не нуждалась и надолго немогла нуждаться въ болѣе совершенныхъ путяхъ сообщенія, въ особенности въ желѣзныхъ дорогахъ. Но настало наконецъ другое время, — и учено-кабинетское знаніе сдѣлалось значіемъ болѣе или менѣе общественнымъ, ибо фактъ сдѣлался осознательнымъ для всего нашего общества, сдѣлался его нуждой. Въ подобныхъ случаяхъ общество поступаетъ и у насъ по возможности такъ же, какъ и вездѣ, а именно оно хочетъ знать, отыскиваетъ, и потому и находитъ причину зла, которое дѣйствуетъ неблагоприятно и враждебно на его благосостояніе. Благодаря наукѣ и журналистикѣ, въ которыхъ и въ этомъ отношеніи не могли не принять большаго или меньшаго участія всѣ болѣе или менѣе образованныя сословія наши, а также и многіе въ полномъ смыслѣ слова практическіе люди, — благодаря наукѣ и журналистикѣ, говоримъ мы, общество наше легко разъяснило себѣ, если быть-можетъ еще и не всѣ, то многія важнѣйшія причины подобнаго зла, т. е. уменьшенія вывоза нашихъ естественныхъ произведеній за границу, и нашла одну изъ такихъ причинъ, въ несовершенствѣ нашихъ путей сообщенія вообще, и въ недостаткѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ въ особенности. Оно и немогло не прійти къ такому выводу, вѣрность котораго лишній разъ подтверждаетъ истину, что каждое общество рано или поздно лучше кого бы то нибыло сознаетъ свои потребности, и притомъ тѣмъ скорѣй и лучше, тѣмъ заблаговременнѣе, чѣмъ менѣе тому естественныхъ и въ особенности искусственныхъ препятствій.

Вѣрность такого вывода бросается въ глаза и подкрѣпляется самыми основательными соображеніями и несомнѣнными фактами. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ уменьшать, при настоящихъ обстоятельствахъ, отпускъ нашихъ произведеній за границу къ то время, когда отпускъ тѣхъ же произведеній изъ другихъ странъ не только не уменьшается, а даже увеличивается? Конечно *дороговизна* нашихъ произведеній. Торговля не разбираетъ, или по меньшей мѣрѣ не очень-то увлекается ни національностями, ни политическими вообщими соображеніями, ни чѣмъ другимъ, кромѣ своихъ интересовъ. Покупщикъ, — а каждый народъ есть и покупатель и продавецъ, — покупщикъ, а потому и каждый купецъ, промышленникъ и кооператоръ, покупаетъ по возможности только тамъ, гдѣ можетъ купить товаръ дешевле, точно также, какъ и продаетъ онъ свои произведенія и товары по возможности только тому, кто дастъ за нихъ высшую цѣну. Наши произведенія вздорожали въ сравненіи съ такими же произведеніями другихъ странъ, — у насъ и перестали они стали менѣе покупать, чѣмъ у другихъ. Уменьшеніе нашего

сбыта происходитъ стало-быть отъ дороговизны нашихъ произведеній. Откуда же такая дороговизна?

Правильная (обычная) цѣна произведеній зависитъ отъ *стоимости* (или цѣны) *производства* ихъ и *количества* существующихъ на нихъ *требованій*. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только весьма рѣдкія случайности. Въ вопросѣ о томъ, почему уменьшается сбытъ нашихъ произведеній за границу, *количество требованій* на нихъ не имѣетъ важнаго значенія, ибо требованія на нихъ, какъ напримѣръ на пшеницу для Англіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, продолжаютъ по прежнему, но не по прежнему, а въ меньшей противъ прежняго степени удовлетворяются эти требованія отпускомъ пшеницы изъ Россіи и въ болѣе въ то же время степени, чѣмъ въ прежніе годы, отпускомъ изъ другихъ странъ, какъ напримѣръ изъ Венгріи, турецкихъ владѣній, Пруссіи. Такимъ образомъ цѣны нашихъ отпускныхъ произведеній, по отношенію къ цѣнамъ тѣхъ же произведеній нѣкоторыхъ другихъ странъ, зависятъ исключительно отъ стоимости производства этихъ произведеній, а въ томъ числѣ разумѣется и доставки ихъ какъ на *рынокъ* (городъ, портъ, ярмарку и проч., т. п.), гдѣ они могутъ найти покупателей, такъ и на *рынокъ*, на которомъ они могутъ быть перепроданы потребителямъ. Такимъ образомъ произведеніе, стоящее въ Петербургѣ и Парижѣ рубль, будетъ конечно покупаться для Англіи или для Германіи не непременно въ Парижѣ и Петербургѣ, а или въ Петербургѣ, или въ Парижѣ, смотря по тому, откуда, при тождествѣ другихъ условій и обстоятельствъ, провозъ этого произведенія въ Англію или Германію обойдется дешевле покупателямъ, ибо въ такомъ случаѣ отъ провоза только будетъ зависѣть разниця въ цѣнахъ произведенія, происходящая отъ покупки его въ этихъ городахъ.

Россія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу странъ, изъ которыхъ вывозится множество сырыхъ, преимущественно льняныхъ и земледѣльческихъ вообще произведеній. Главный предметъ нашего вывоза — пшеница. До послѣднихъ годовъ Россія была самымъ опаснымъ и могущественнымъ соперникомъ въ заграничной торговлѣ пшеницей для всѣхъ странъ, производящихъ пшеницу; въ послѣднее же время эти страны, какъ напримѣръ Венгрія, все болѣе и болѣе увеличивали въ этомъ отношеніи свое значеніе, а Россія утрачивала свое, т. е. ихъ сбытъ увеличивается, а нашъ уменьшается, и такимъ образомъ соперничество этихъ странъ становится опаснымъ для Россіи. Откуда такая перемѣна? Почему наши произведенія, напримѣръ хоть наша пшеница, не могутъ, по цѣнѣ, въ той степени конкурировать съ подобными произведеніями дру-

гихъ странъ , въ какой конкурировали прежде? Вѣдь неизмѣнились ни географическія условія мѣстностей , ни даже политическія въ той мѣрѣ , чтобъ очень вліять на цѣны такихъ произведеній. Что же измѣнилось? Въ чемъ перемѣна?

Измѣнились условія производства , имѣющія главнѣйшее вліаніе на цѣны произведеній ; измѣнились въ особенности условія перемѣщенія , провоза произведеній.

Сравнивая Россію съ другими странами по отношенію къ отпуску ея произведеній на западъ , остающійся до сихъ поръ главнѣйшимъ потребителемъ нашихъ произведеній , нельзя не видѣть , что на ея сторонѣ не много выгодныхъ условій ; напимѣръ она болѣе другихъ странъ , съ которыми соперничаетъ по предметамъ своей отпускнуой торговли , удалена отъ важнѣйшихъ европейскихъ рынковъ. Кромѣ того она мало населена , мало развита и въ экономическомъ отношеніи , такъ - что не можетъ производить *трудома* столь же дешево , какъ другія , болѣе ея образованныя страны ; въ ней мало , относительно , природныхъ и въ особенности искусственныхъ путей сообщенія ; въ ней , относительно , мало рукъ и капиталовъ ; крѣпостное право не менѣе , какъ на половину , уменьшало производительность народнаго труда и при этомъ не менѣе , какъ вѣе увеличивало расходы природныхъ силъ страны ; а между тѣмъ до послѣдняго времени регламентація даже промышленности считалась у насъ чѣмъ-то особенно выгоднымъ и необходимымъ для края ; но тяжелымъ бременемъ , гнетущимъ тормазомъ была она для развитія нашихъ экономическихъ силъ и т. п. Несмотря однако на все это , природа столь щедро надѣлила Россію своими дарами , что отъ продажи одного избытка естественныхъ и земледѣльческихъ произведеній края , Россія долгое время , какъ *казалось* покрайней мѣрѣ многимъ , богатѣла между прочимъ отъ значительнаго торгоа съ западомъ и была опасной соперницей , преимущественно своими земледѣльческими произведеніями , для странъ , находящихся въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ для сбыта такихъ же произведеній , въ особенности важнѣйшихъ изъ нихъ , какъ напимѣръ пшеницы).

Всѣ почти выгодныя и невыгодныя условія для такой торговли у насъ сохранились въ большей или меньшей степени. Напимѣръ уничтоженіе крѣпостнаго права и другія благодѣтельныя реформы еще , по недавности своей , не могли выказать всего своего благотворнаго вліанія на нашу заграничную торговлю , тѣмъ болѣе , что благотворность этого вліанія значительно парализируется другими неблагопріятными для производительности страны обстоятельствами , какъ-то : дороговизной и болѣею противъ прежняго времени

рѣдкостію свободныхъ капиталовъ, уменьшеніемъ размѣра кредита и проч. Стало быть, въ этомъ отношеніи степень возможности для Россіи конкурировать въ торговлѣ своими произведеніями съ странами, съ которыми она соперничаетъ, покуда еще не увеличилась, да и не могла, по обстоятельствамъ, увеличиться.

Напротивъ она къ сожалѣнію уменьшилась и должна была, по обстоятельствамъ, уменьшиться, ибо увеличилась степень возможности другихъ странъ конкурировать съ Россіей. Покуда мы вели крымскую войну, покуда у насъ совершались между прочимъ безспорно благотѣльные, но тѣмъ не менѣе такія реформы, которыя требовали немало умственныхъ напряженій и матерьяльныхъ затратъ до своего осуществленія, — соперничающія съ нами по заграничной торговлѣ страны совершенствовались свое производство и свой экономическій бытъ вообще, улучшали у себя пути сообщенія, строили желѣзныя дороги, и это, конечно, несмотря на то, что несравненно менѣе Россіи нуждались въ такихъ улучшеніяхъ и дорогахъ.

Конечно и у насъ строились желѣзныя дороги и улучшались пути сообщенія вообще въ послѣднее время; но количество такихъ построекъ и улучшеній далеко не соответствовало потребностямъ въ нихъ страны, особенно при той спѣшности, съ какою это дѣлалось въ соперничающихъ съ нами въ промышленномъ отношеніи государствахъ.

Венгрія напирѣтъ изобилуетъ естественными водяными сообщеніями, рѣками. Дунай соединяетъ ее съ нѣсколькими государствами Германіи, а притока его — съ внутренними венгерскими житницами и рынками. Дунай же соединяетъ ее съ Чернымъ моремъ; да притомъ же она гораздо ближе чѣмъ Россія къ Средиземному морю. Несмотря на такія благопріятныя для торговли естественныя удобства, несмотря на каналы и болѣе или менѣе хорошія шоссевыя дороги, въ Венгріи построено уже нѣсколько значительныхъ ливій желѣзныхъ дорогъ и употребляются всѣ средства, чтобъ увеличить ихъ количество. Вотъ почему отпускъ хлѣба напирѣтъ изъ этой страны быстро растетъ съ каждымъ годомъ, и отъ двухъ до трехъ миліоновъ центнеровъ въ 1855—1859 годахъ возросъ безъ малаго до семи миліоновъ въ 1860 году. Кромѣ того, земледѣліе и сельское хозяйство вообще значительно улучшаются въ Венгріи, чего нельзя еще сказать конечно о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, ибо оно находится еще только на пути къ улучшеніямъ. Такимъ образомъ, если и въ прежніе годы Венгрія могла иногда съ успѣхомъ конкурировать съ Россіей въ торговлѣ хлѣбомъ, то конечно сдѣлавъ значительные успѣхи въ своемъ экономическомъ бытѣ, при неизбѣж-

ной повуда недостаточности такихъ успѣховъ въ Россіи, Венгріи должна была сдѣлаться для насъ болѣе или менѣе опасной соперницей въ торговлѣ хлѣбомъ, а частію и другими сельскими произведеніями.

Тоже самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Такимъ образомъ торговля Россіи хлѣбомъ начала утрачивать свое прежнее значеніе. Нашъ промышленный міръ, а за нимъ и все русское общество не могли конечно не открыть рано или поздно такой причины уменьшенія отпуски русскихъ произведеній, составляющей въ тоже время и одну изъ причинъ какъ нашего безденежья, такъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій въ нашей современной жизни.

Сознавъ эту причину, у насъ заговорили о крайней необходимости желѣзныхъ дорогъ для Россіи, особенно южной дороги, долженствующей соединить внутреннія, хлѣбородныя мѣстности страны и ея внутренніе хлѣбные рынки съ Чернымъ моремъ.

Какъ извѣстно, существуетъ уже нѣсколько проектовъ и предположеній о постройкѣ южныхъ линій желѣзныхъ дорогъ. Одни требуютъ соединенія Кіева, Харькова, Воронежа, Москвы съ Одессой, другіе такъ-называемую Феодоссійскую дорогу.

Есть и еще одна просктъ, неизвѣстный еще публикѣ, именно харьковско-тагаврогской желѣзной дороги. Много есть проектовъ.

II

Считая, подобно многимъ другимъ, вопросъ о необходимости постройки южной дороги рѣшаннымъ, но въ тоже время не имѣя достаточно свѣдѣній, чтобъ разбирать достоинства и недостатки извѣстныхъ намъ проектовъ и соображеній касательно направленія предполагаемыхъ линій, мы понеобходимости должны предоставить такой разборъ специалистамъ и вообще людямъ болѣе насъ состоятельнымъ въ этомъ отношеніи. Да и не съ цѣлью подобнаго разбора пишемъ мы эту статью. Цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобъ послышно содѣйствовать къ разрѣшенію уже поднятаго въ нашей литературѣ вопроса, а именно: какъ ни необходима та или другая южная линія, имѣетъ ли Россія въ настоящее время возможность и средства построить ее? Другими словами: гдѣ взять денегъ на проведеніе новой линіи желѣзныхъ дорогъ? Немало ли на то у насъ теперь свободныхъ капиталовъ? Можемъ ли мы обойтись безъ капиталовъ иностранныхъ и возможно ли намъ въ настоящее время приобрести ихъ на спосныхъ условіяхъ? Кро- мѣ того сюда же отвѣсится и вопросъ: кому строить дорогу, —

правительству ли на общественные капиталы или на казенныя средства, или же частной компаніи, русской или иностранной, на частныя, русскіе или иностранныя капиталы?

Такіе вопросы неизбѣжны при современномъ состояніи нашего денежнаго рынка, равно какъ и при другихъ текущихъ обстоятельствахъ, которыми обуславливаются средства Россіи для важныхъ и необходимыхъ общественныхъ построекъ.

Займемся сначала вопросомъ: есть ли у насъ *денги* на постройку желѣзныхъ дорогъ или покуда *одной* только южной дороги? При этомъ прежде всего необходимо знать, во что можетъ обойтись такая дорога. Судя по предположеніямъ одного проектора (г. Джурича), дорога отъ Харькова до Таганрога (*главнаго* южнаго порта нашего, ибо онъ, благодаря Волгѣ и Дону съ ихъ притоками, лучше другихъ черноморскихъ портовъ соединяетъ сѣверо-восточную, юго-восточную, среднюю и южную полосы Россіи съ Чернымъ моремъ) должна стоить не дороже 20 миліоновъ руб. (400 верстъ по 50,000), но можетъ, въ случаѣ крайности стоить и несравненно менѣе. Судя же по предположеніямъ другихъ лицъ, совѣтующихъ вести дорогу напримѣръ на Одессу и Феодосію, она должна обойтись несравненно дороже, а именно отъ 60 до 80 и болѣе миліоновъ. Возьмемъ среднюю между нами цифру въ 40 миліоновъ, ибо на первые два, три или четыре года, пока строится дорога, и эта цифра должна быть во всякомъ случаѣ достаточна, хотя бы проведеніе всей линіи и стоило отъ 80 до 100 миліоновъ. Гдѣ же намъ взять 40 миліоновъ, предполагая, что будетъ отдано предпочтеніе какой-либо наиболѣе длинной и дорогой линіи?

Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о состояніи нашего денежнаго рынка, нашей монетной системы и нашихъ государственныхъ финансовъ вообще, и потому болѣе подробное рѣшеніе его мы должны отложить до другого раза, а теперь заняться имъ лишь настолько, насколько это крайне-необходимо для предмета настоящей статьи, а именно о средствахъ добыть 20 или въ случаѣ необходимости 40 или нѣсколько болѣе миліоновъ рублей на постройку одной какой-либо южной желѣзной дороги. Россія конечно нуждается не въ одной, а въ нѣсколькихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, на проведеніе которыхъ потребуется не 20, 40, а 200, 300 и можетъ-быть значительно болѣе миліоновъ, которые также конечно могутъ, *должны* быть и будутъ добыты, ибо желѣзныя дороги необходимы и полезны во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Но покуда, какъ мы сказали, мы ограничимся разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ средствъ для постройки одной южной дороги:

Итакъ *есть* ли у насъ 20 или 40 свободныхъ миліоновъ на по-

стройку одной южной дороги? Есть! Они едва ли не вовсе праздно и бесполезно для страны лежатъ въ нашемъ государственномъ банкѣ, за покойное и благополучное пребываніе въ которомъ это учрежденіе обязано платить въ общей сложности не менѣе четырехъ процентовъ вкладчикамъ, которые одни только и выигрываютъ отъ такого для нихъ благополучія, за что конечно ихъ не слѣдуетъ осуждать, ибо при другихъ, болѣе нормальныхъ обстоятельствахъ они вѣроятно пользовались бы еще высшимъ благополучіемъ, и притомъ съ болѣею пользою для народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ оказывается, что нашъ государственный банкъ повидимому *можетъ* или *могъ бы* находящіяся въ немъ вклады употребить или ссудить на постройку южной линіи, и это съ пользою для себя и государства, а также и съ пользою для своихъ вкладчиковъ. Однако какъ ни просто повидимому такое употребленіе капиталовъ, праздно лежащихъ въ кладовыхъ банка, тѣмъ не менѣе оно представляетъ собою довольно сложный и запутанный вопросъ, вслѣдствіе образа дѣйствій и положенія нашего банка въ государствѣ. Напримѣръ онъ по назначенію своему есть *государственное* кредитное учрежденіе и потому обязанъ содѣйствовать какъ дѣлу улучшенія нашей денежной системы, такъ и дѣлу промышленнаго и экономическаго вообще развитія Россіи, т. е. обязанъ стремиться къ достиженію *чисто-государственныхъ*, общепользующихъ цѣлей; но по устройству своему нашъ государственный банкъ есть только частію государственное учрежденіе, ибо онъ устроенъ *преимущественно* на *комерческихъ* основаніяхъ, а потому и долженъ по необходимости болѣе всего дѣйствовать на *комерческихъ* основаніяхъ, т. е. по образу дѣйствій *частныхъ* банковъ, хотя весь капиталъ его, по крайней-мѣрѣ судя по его уставу, есть капиталъ *государственный*, а не *частный*. Вотъ почему банкъ всегда можетъ оправдать образъ своихъ дѣйствій (какими бы ни представлялись они съ истинно-государственной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія общественной пользы) своими *комерческими* основаніями и интересами. Вотъ почему также государственный банкъ *всегда* можетъ казаться почти всегда и правымъ и виноватымъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія, государственной или частно-комерческой, смотрѣть на его операціи и вообще на его образъ дѣйствій. Вотъ почему и несмотря на то, что банкъ располагаетъ капиталами на постройку южной дороги, изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ ни то, что онъ употребитъ, ни то даже, что онъ *можетъ* или *долженъ* употребить эти капиталы на такое предпріятіе. Для того, чтобъ звать: употребитъ ли, можетъ ли и долженъ ли онъ употребить располагаемые имъ свободные капиталы на устройство южной

или какой-либо другой желѣзной дороги, необходимо знать всѣ тайныя и явныя пружины его дѣйствій, видовъ, намѣреній, цѣлей; необходимо также знать состояніе располагаемыхъ имъ денежныхъ средствъ со всѣми ихъ тончайшими свойствами и качествами, а этого никакъ не узнаешь изъ однихъ хотя и довольно часто публикуемыхъ имъ отчетовъ, даже и при увѣренности, что эти отчеты въ общей сложности математически точны. Напримѣръ, что такое означаютъ въ балансахъ нашего государственнаго банка, въ отдѣлѣ актива, 12,000,000 государственныхъ фондовъ? Иностранные ли это фонды, могущіе быть реализованы и замѣнены звонкою монетою или слитками, или же это неотвержденный или отвержденный долгъ нашей казны, и потому если и видно, что эта сумма входитъ и должна входить въ отдѣлъ актива государственнаго банка, то никакъ не видать изъ балансовъ банка принадлежитъ ли она къ активу или къ пассиву нашей казны? Въ одномъ изъ нашихъ періодическихкихъ изданій было объявлено, что эти 12 миліоновъ — долгъ нашей казны; но такъ ли это? или правильнѣе, можно ли это вывести изъ балансовъ государственнаго банка? Конечно нѣтъ.

По всему этому, какъ правительство, представитель общественныхъ интересовъ, такъ и общество наше могутъ имѣть свои виды и цѣли между прочимъ и по отношенію къ операціямъ нашего государственнаго банка, но банкъ можетъ имѣть и свои собственные, которые могутъ иногда далеко не вполне согласоваться съ видами и цѣлями какъ правительства, такъ и общества, ибо будучи государственнымъ учрежденіемъ, онъ въ тоже время есть и учрежденіе коммерческое, частное, хотя и устроенное насчетъ казны, и за состоятельность котораго ручается казна. Онъ не то что французскій и англійскій банки. Эти банки — чисто-коммерческія, частныя, а не государственныя учрежденія, созданы на частныя средства, даже кредитуютъ правительствамъ, и потому-то между прочимъ пользуются отъ нихъ извѣстными привилегіями. У насъ же выходитъ наоборотъ: не государственный банкъ ссужаетъ правительство или казну, а напротивъ только благодаря казнѣ пользуется нашъ банкъ извѣстнымъ довѣріемъ публики; только благодаря капиталамъ и средствамъ казны существуетъ онъ, и потому конечно онъ ей не въ помощь и въ случаѣ нужды никакъ не выручитъ ее, — онъ не то что французскій и англійскій банки, которые, благодаря своимъ значительнымъ средствамъ и образу своихъ дѣйствій, не разъ помогали англійской и французской казнамъ своими капиталами и довѣріемъ къ нимъ публики.

По всему этому нельзя также ни требовать, ни ожидать, чтобы государственный банкъ употребилъ тѣ вклады, которые безъ поль-

за даже для него самого лежать въ его кладовыхъ, на построение крайне-необходимой для Россіи южной желѣзной дороги. Банкъ *можетъ* опасаться, что эти вклады могутъ быть у него потребованы, и въ такомъ случаѣ не только овъ, но и казна — такъ по крайней-мѣрѣ кажется нѣкоторымъ лицамъ — можетъ быть поставлена въ затрудненіе. Такое опасеніе банка при его организаціи, при настоящемъ вообще устояствѣ нашей денежной системы и т. п., такое опасеніе банка *можетъ* быть основательнымъ, хотя бы въ тоже время и не безосновательно, а напротивъ весьма основательно было высказанное въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника») мнѣніе, что слѣдовало бы употребить болѣе или менѣе обременительное для банка значительное количество частныхъ вкладовъ на проведеніе необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ, или по меньшей мѣрѣ, на содѣйствіе этому дѣлу такими вкладами. Противъ такого мнѣнія можно сказать только то, что и промышленность и недвижимая собственность крайне нуждаются у насъ въ кредитѣ, и потому заботясь о желѣзныхъ дорогахъ, не слѣдуетъ терять изъ виду интересовъ недвижимой собственности и промышленности вообще. Но съ другой стороны и недвижимая собственность и промышленность могутъ только выиграть отъ постройки желѣзныхъ дорогъ, такъ что такой выигрышъ отчасти вознаградитъ ихъ за недостатокъ въ кредитѣ и въ оборотныхъ капиталахъ. Словомъ, при настоящемъ устройствѣ нашего банка и при настоящемъ направленіи, или правильнѣе, характерѣ нашей финансовой администраціи, невозможно предрѣшить этотъ вопросъ частнымъ лицамъ, ибо и самое правильное рѣшеніе его можетъ несогласоваться не только съ нѣкоторыми видами и цѣлями, но даже и съ извѣстными только немногимъ лицамъ, но тѣмъ неменѣе существующими обстоятельствами. Напримѣръ банкъ, при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, и на такихъ-то и такихъ-то основаніяхъ, могъ бы конечно съ значительной пользой и для него самого и для всей Россіи употребить частныя вклады на постройку желѣзныхъ дорогъ; но если эти вклады уже получили назначеніе, или если банкъ и даже министерство финансовъ уже имѣютъ въ виду *избавить* банкъ отъ прилива вкладовъ, къ чему въ такомъ случаѣ поведутъ и самыя правильныя соображенія и предположенія касательно такихъ вкладовъ?! Конечно ровно ни къ чему... Каждый родъ капиталовъ, даже каждый видъ ихъ долженъ имѣть свое назначеніе и употребленіе, и имѣть его конечно тамъ, гдѣ есть полвал и вполне сформировавшаяся денежная и финансовая система; тамъ только и можно съ основательностью и толкомъ располагать такимъ назначеніемъ и употребленіемъ, а также и судить о нихъ.

По всему этому заслуживаетъ полнаго вниманія и мнѣнїе, что на постройку желѣзныхъ дорогъ намъ безусловно необходимо значительное содѣйствіе иностранныхъ капиталовъ, даже и на постройку одной южной дороги. Мы думаемъ однако, что Россія можетъ рѣшительно обойтись безъ займовъ, т. е. безъ иностранныхъ капиталовъ, при постройкѣ одной только южной дороги, въ особенности харьковско-таганрогской; если же строить нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, примѣрно миліоновъ на 200, а тѣмъ болѣе на 300, то конечно при нынѣшней финансовой и денежной системѣ нашей, а также и при современномъ состояніи нашего денежнаго рынка, Россія никакимъ образомъ не можетъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ, т. е. займовъ. Конечно отъ такихъ займовъ немногимъ улучшится состояніе русскихъ финансовъ, наше денежное обращеніе, и даже нашъ денежный рынокъ, что видно уже изъ того, что у насъ есть, можетъ и должно быть въ этомъ отношеніи при настоящемъ характерѣ нашей финансовой администраціи. При такихъ обстоятельствахъ займы болѣе или менѣе необходимы, или правильнѣе неизбежны, а тѣмъ болѣе въ случаѣ постройки нѣсколькихъ линій желѣзныхъ дорогъ, предполагая въ особенности, что ихъ будетъ строить правительство или иностранная компанія. Конечно и мы бы обошлись безъ иностранныхъ капиталовъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не только на 200, но и на 300, а можетъ-быть и болѣе миліоновъ, потому что количество свободныхъ у насъ капиталовъ никакимъ образомъ не ограничивается тѣми вкладами, которыми тяготится нашъ государственный банкъ. Россія болѣе богата свободными капиталами, нежели это кажется людямъ очень небогатымъ своими государственно-финансовыми способностями и знаніемъ Россіи. Россіи нужны, необходимы и полезны желѣзныя дороги, а потому Россія имѣетъ въ самой себѣ и средства надѣлать себя ими, точно также, какъ каждый человекъ, маломальски не инвалидъ и не страдающій какой-либо особенной болѣзنیю, имѣя потребность въ пищѣ, одеждѣ, всегда имѣетъ и возможность, при отсутствіи лишнихъ, искусственныхъ препятствій, добыть себѣ трудомъ, т. е. своими силами, и пищу, и одежду и т. п. Русскій Кольбергъ, Тюрго, Ревентловъ, Брукъ или Кавуръ *впродолжѣ бы* непремѣнно, и притомъ сознательно въ Россію, ибо зналъ бы ея нужды и средства, а потому-то непремѣнно, *и* пошелъ бы въ ней и капиталы, и все нужное на необходимыя для нея линіи желѣзныхъ дорогъ. Да онъ бы и не могъ ихъ не *идти*: они есть, они разбросаны по всей Россіи, но почти всѣ *идутъ* втуль, не только празднымъ, но отчасти и гнѣющимъ капиталомъ. Да и какъ не вѣрвать въ сплы Россіи, въ особенности въ *идутъ*

щее время, когда, несмотря на свое тысячелѣтнее существованіе, она по своему развитію, едва достигаетъ совершеннolѣтія и избавляется отъ власти надъ собою крѣпостного права и отъ болѣе или менѣе подобныхъ ему, по вредности, стѣснительныхъ и уже совершенно неумѣстныхъ пелень и оковъ? Такъ можетъ ли не быть въ такой странѣ средствъ для ея безбѣднаго существованія, въ особенности, когда все то, что наиболѣе до сихъ поръ противоdѣйствовало производительности народнаго труда и вообще развитію благосостоянія страны, все то или окончательно устранивается или значительно парализируется благими реформами и сознаниемъ народа?

Мы сказали выше, что по нашему мнѣнію, если при современной финансово-администраціи у насъ и неизбѣжны займы на постройку нѣсколькихъ линій желѣзныхъ дорогъ, то во всякомъ случаѣ можно бы было обойтись безъ займа въ случаѣ постройки одной только южной желѣзной дороги, въ особенности харьковско-тагаурогской. Гдѣ же и какъ добыть деньги на эту дорогу?

До рѣшенія этого вопроса необходимо рѣшить вопросъ: кому строить, или кто будетъ строить дорогу? Строить ее, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, слѣдуетъ правительству, ибо, говорятъ они: наше правительство прекрасно построило николаевскую желѣзную дорогу, а частныя лица, главное общество напр. построили извѣстныя линіи далеко не такъ хорошо, да притомъ же и не слишкомъ дешево, и прочее тому подобное.

Такое доказательство, по нашему мнѣнію, не довольно убѣдительно. Французское общество могло дѣйствовать и хуже того, чѣмъ оно дѣйствовало, а все-таки это нисколько не свидѣтельствовало бы въ пользу постройки дорогъ правительствомъ, ибо англичане, бельгійцы, нѣмцы, шведы, даже русскіе, по всей вѣроятности, построили бы дороги лучше французовъ, въ особенности еслибъ всѣ основныя условія постройки были бы опредѣлены надлежащимъ образомъ, и еслибъ во главѣ управленія этого дѣла стояли не чьи-либо кліенты или протеже, а люди способные. Не французы дурны, а дурны, покрайней-мѣрѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ, въ особенности въ Россіи или напримѣръ Турціи, французы вѣка Людовика-Наполеона, восниывающіеся на безотчетности, произволѣ и тому подобныхъ правлахъ.

Мы думаемъ, что слѣдовало бы дорогу строить не правительству, а компаніи частныхъ лицъ, если не русской, такъ хоть иностранной, даже французской, но безъ содѣйствія конечно нынѣшняго французскаго правительства или, что иногда тоже, гг. Перейра и Шульда. Правительство конечно можетъ построить дорогу хорошо,

прекрасно (доказательство николаевская дорога); но дешево, дешево частных лиц оно строить *не может*, что уже известно всему образованному миру. Вот почему желательно было бы, чтобъ правительство, какъ наше, такъ и всякое другое, никогда, кромѣ крайней необходимости, не занималось подобнымъ дѣломъ, даже и тогда, когда у него денегъ много, ибо лишние денегъ ни у кого нѣтъ и никогда не бываетъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которые не знаютъ цѣны деньгамъ, а потому и не способны употреблять ихъ съ толкомъ, здраво-экономически. Кромѣ того такое дѣло было бы противорѣчіемъ болѣе или менѣе общему и благому характеру и направленію нашей государственной администраціи въ настоящее время, которая старается не усложнять, а упрощать свой механизмъ и не увеличивать, а по возможности уменьшать служебный персоналъ, что разумѣется въ высшей степени рационально. Назначеніе правительства по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ состоитъ не въ постройкѣ ихъ своими чинами и средствами, а въ *необходимомъ* содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ частнымъ компаниямъ, сообразно требованіямъ государственныхъ интересовъ. Такое содѣйствіе можетъ выражаться конечно какъ и некоторыми необходимыми привилегіями, гарантіями, ссудами или субсидіями, такъ и дозволеніемъ между-прочимъ состоящимъ въ государственной службѣ лицамъ вступать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ на служеніе компаниямъ, подобно тому, на примѣръ, какъ это уже у насъ дѣлается морскимъ министерствомъ и т. п.

Но если будетъ строить южную дорогу правительство, то гдѣ добыть ему денегъ, предполагая, что государственный бюджетъ не представляетъ излишка?

Правительство можетъ добыть такіе капиталы различными способами. Оно можетъ во первыхъ заключить новый заемъ на иностранныхъ рынкахъ; но это средство далеко не выгодное для Россіи, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ и тѣмъ болѣе при постройкѣ дороги правительствомъ. Вообще всегда легче занимать, чѣмъ уплачивать долги, даже и такіе, которые дѣлаются на производительныя и выгодныя промышленныя предпріятія, къ которымъ принадлежитъ и постройка желѣзныхъ дорогъ. Во вторыхъ правительство можетъ увеличить налоги; но такимъ образомъ польза отъ постройки желѣзной дороги будетъ значительно, а можетъ быть и до того парализована зломъ, что уничтожить все значеніе такой пользы. Въ дѣлѣ налоговъ, для блага страны и пользы казны, намъ необходимо не увеличеніе, а правильное распредѣленіе ихъ, т. е. новую финансовую систему, но не такую конечно, какую готовы надѣлить Россію, по иностран-

нѣмъ примѣрамъ и въ особенности учебникамъ, нѣкоторые изъ явнѣе извѣстныхъ ученыхъ финансистовъ, вся экономическая и финансовая ученость которыхъ ограничивается одними вершками науки, какъ видно изъ ихъ дѣлъ и мнѣній. Въ третьихъ правительство можетъ заключить внутренній заемъ; но опять, при современной намъ финансовой системѣ и при другихъ текущихъ обстоятельствахъ, такая мѣра, рациональная въ другое время, неудобна и невыгодна въ настоящую минуту ни для казны, ни для страны, не изобилующей свободными капиталами. Въ четвертыхъ правительство можетъ воспользоваться праздно-лежащими въ государственномъ банкѣ капиталами и употребляя ихъ на устройство южной напримѣръ дороги, воспользоваться ими лучше, чѣмъ пользуется банкъ. Оно можетъ это сдѣлать, потому что, ввѣряя банку свои выгоды, капиталисты ввѣряютъ ихъ собственно не банку, а правительству, государственной казнѣ, которую считаютъ, и весьма основательно, вполнѣ состоятельной. Да и странно было бы не считать казны нашей даже богатой, когда она могла бы создать безъ малѣйшей затраты своихъ капиталовъ и съ значительной для себя выгодой, громаднѣйшей и прочнѣйшей въ мірѣ банкъ, и когда она на свои собственные, значительныя средства (до 15 миллионовъ), создала нашъ государственный банкъ и своей самостоятельностью обезпечиваетъ его вкладчиковъ. Такъ покрайней-мѣрѣ должно предполагать между-прочимъ на основаніи устава и балансовъ государственнаго банка.

По всему этому правительство имѣетъ полное право воспользоваться частными вкладами банка и употребляя ихъ производительно и экономно на устройство желѣзныхъ дорогъ, дать имъ назначеніе, при которомъ частные капиталы вкладчиковъ банка будутъ употреблены лучше, чѣмъ употребляются они банкомъ. Притомъ такая затрата ихъ, выгодная для всей Россіи, доставитъ нашей казнѣ меньше риска или невыгодъ и больше пользы, чѣмъ при настоящемъ ихъ употребленіи или неупотребленіи банкомъ.

Вѣроятно отъ того выиграетъ и самый банкъ. Опасеніе, что капиталы будутъ потребованы вкладчиками, въ особенности когда на желѣзную дорогу затрачено будетъ въ первые годы не болѣе 40 миллионовъ — такое опасеніе едва ли основательно, да притомъ же и въ случаѣ отлива вкладовъ изъ банка, вкладчики могутъ быть удовлетворены другими средствами казны, а не банка конечно. Но опять такая мѣра можетъ не согласоваться съ нѣкоторыми видами и дѣлами, чего въ настоящее время невозможно съ точностью опредѣлить и трудно избѣгать. Въ такомъ случаѣ правительство

может воспользоваться еще однимъ способомъ : оно можетъ сдѣлать *новый выпускъ кредитныхъ билетовъ*.

Мы очень хорошо знаемъ что хорошаго и что дурного въ системѣ кредитныхъ билетовъ. Мы неразъ печатно опредѣляли ихъ свойства, и неразъ писали противъ произвольныхъ выпусковъ ихъ на произвольныя употребленія. Мы бы и теперь также возставали противъ выпуска кредитныхъ билетовъ, на какое бы то ни было по пользѣ и произволительности употребленіе, еслибы обстоятельства не вполнѣ оправдывали такого выпуска. Мы попрежнему убѣждены, что Россіи необходимы не кредитные, а банковые ⁽¹⁾ билеты, за отсутствіемъ которыхъ первые частью, но только частью и вовсе не вполнѣ, по своему достоинству, замѣняютъ послѣднихъ. Попрежнему же мы убѣждены, что какъ наша финансовая, такъ и наша денежная система нуждаются въ коренномъ преобразованіи. Но принимая въ соображеніе всѣ современныя обстоятельства и условія благосостоянія нашего отечества, мы, *за отсутствіемъ болѣе рациональныхъ средствъ и мѣръ*, вслѣдствіе существующихъ противодѣйствій и препятствій такимъ мѣрамъ, допускаемъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на дѣлю-болѣе чѣмъ произволительное, на дѣлю крайне необходимое — устройства желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что сдѣланный съ такою цѣлью и эконоимически употребленный, согласно своему назначенію, выпускъ кредитныхъ билетовъ принесетъ несравненно болѣе пользы, нежели вреда всему и всѣмъ въ государствѣ. Притомъ же возможное зло отъ такого выпуска можетъ быть не только значительно парализовано, но даже и вполнѣ устранено постройкой желѣзной дороги по возможности исключительно на капиталы и вообще промышленныя средства и силы Россіи ⁽²⁾.

Есть конечно и другіе способы добыть капиталы на постройку

(1) Не наши 4 или 5 процентные банковые, а такіе, каковы билеты напримѣръ французскаго и англійскаго банковъ.

(2) Рельсы положительно могутъ и по требованію здоровой экономіи *должны* быть изготовляемы въ Россіи, изъ русскаго метала, русскимъ топливомъ и русскими руками. Для этого между-прочимъ стонитъ только нѣкоторые, малопроизводительные казенные на югѣ Россіи заводы передать въ частныя руки, съ тѣмъ между-прочимъ, чтобъ на этихъ заводахъ изготовлялись рельсы и проч. Лocomотивы тоже едва ли не выгоднѣе было бы строить у насъ въ Россіи, чѣмъ за границей, ибо намъ нужно же когда-нибудь выучиться практической механикѣ, а не все только платить за свое ученье. Не бросаясь въ воду, не выучившись плавать; такъ точно не пробуя своихъ силъ въ механическомъ (свойственномъ и необходимомъ для Россіи) дѣлѣ, мы никогда не будемъ имѣть механиковъ, и вся наша промышленность будетъ оттого всегда терпѣть.

заключить договоръ, но мы считаемъ лишнимъ теперь разсуждать о нихъ.

Если же будетъ рѣшено, чего и слѣдуетъ по нашему убѣжденію желать, что ли правительство, а частная компанія должна строить южную дорогу, то спрашивается: какая лучше, русская или иностранная, на русскіе или иностранные капиталы?

Наука отвѣчаетъ: та, которая можетъ исполнить свое назначеніе и скорѣе, и лучше, и дешевле. При равенствѣ условій, русскій патриотизмъ даетъ конечно преимущество русской компаніи и постарается употребить въ пользу предложеніе иностранныхъ капиталовъ на какое-либо другое, полезное для Россіи дѣло. Но допуская и требуя свободной конкуренціи, политическая экономія, подобно здравому уму и разуму, научаетъ насъ не увлекаться тѣмъ, что видно, но совѣтуетъ не забывать и того, что невидать. Вотъ почему и при равенствѣ условій и основаній русской и иностранной компаніи никакъ не противорѣчатъ, а вполне согласуются съ требованіями политической экономіи, обсужденіе вопроса: не выгоднѣе ли отдать преимущество русской компаніи только при равенствѣ, но даже и при неравенствѣ условій, если она возьмется и способна построить дорогу безъ содѣйствія не только иностранныхъ капиталовъ, но и иностранныхъ механиковъ, заводчиковъ и проч.? Въ такомъ случаѣ будетъ бросаться въ глаза очевидная невыгодность такого предпочтенія, но слѣдуетъ ли терять при этомъ изъ виду ту пользу, которую принесутъ Россіи, русскимъ рабочимъ, заводчикамъ, механикамъ, инженерамъ, — ученіе и знаніе устройства желѣзныхъ дорогъ и всего для нихъ необходимаго?

Читатели поймутъ, что мы не имѣемъ права предпрѣшать вопросъ: какой, русской или иностранной компаніи, слѣдуетъ дать преимущество? ибо для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, въ особенности въ настоящее время, необходимо имѣть, кромѣ надлежащаго авторитета, множество такихъ свѣдѣній, которыя намъ недоступны. Мы имѣемъ право только высказать свое желаніе, чтобы преимущество было дано, по возможности, русской компаніи. Это потому, что польза отъ иностранной компаніи будетъ всегда значительно парализироваться невыгодами отъ нея, — при тѣхъ обстоятельствахъ; разумѣется, которыми обусловливается въ настоящее время благосостояніе Россіи. Наше желаніе оправдывается и тѣмъ, что въ случаѣ постройки южной дороги на исключительно русскія средства, всѣми выгодами отъ нея воспользуются одни русскіе люди; — капиталысты; землевладѣльцы, рабочіе, заводчики и фабриканты; техники и проч., а съ ними и наша казна, которой при

этомъ условіи, будетъ легче воспользоваться предоставленными Россіи иностранными капиталами для улучшенія нашей денежной системы и проч. Кроме того, дѣло постройкіи желѣзныя дороги у насъ только-что начинается; оно непростительно разосеяно, а потому, и вѣрнѣе не желать, чтобы у насъ были сѣдлающіе по этой части люди. Наконецъ очень много русскихъ людей всѣхъ классовъ пристрастны въ зацѣпкахъ, въ честной заработкѣ насущнаго хлѣба. Очевидно-жесть быть, что количество такихъ людей даже увеличится въ скоромъ времени между-прочимъ отъ резервъ въ нашей промышленности. Конечно правительство не оставитъ такихъ людей и участіи безъ строгого надзора; тѣмъ неменѣе всѣ-таки желать не было бы, чтобы они какъ можно скорѣй находили для себя занятія, между прочимъ, и въ промышленномъ мірѣ. Чѣмъ меньше людей, принадлежащихъ въ обществѣ, хотя бы вричина ихъ страданій заключалась въ самыхъ благихъ для государства реформахъ и обстоятельствахъ, тѣмъ лучше для всѣхъ и для всего въ государствѣ.

Если преимущество будетъ дано какой-либо иностранной компаніи, то конечно дорога будетъ строиться, по всей дѣятельности, если не вполнѣ, то преимущественно на иностранныя капиталы. Въ такомъ случаѣ въ капиталахъ недостатка не будетъ. Цѣлѣбнейшій міръ можно будетъ устранить такой недостаткомъ весьма легко, особенно если міръ Европы не будетъ въ это время нарушенъ какими-либо новыми подвигами Людовика-Наполеона и проч. Война же, конечно, можетъ значительно затруднить, даже и вовсе приостановить постройку дороги иностранцами и на иностранныя капиталы.

Если же постройка дороги будетъ предоставлена русской компаніи, то спрашивается: гдѣ и какъ такая компанія добудетъ капиталы въ настоящее время? Какъ извѣстно, почти всѣ наши промышленныя предпріятія, даже самыя основательныя и прочныя изъ нихъ, страдаютъ отъ недостатка въ оборотныхъ капиталахъ. Кредитисты наши предпочитаютъ 5% банковые билеты и иныя срочныя цѣнности едвали не всѣмъ акціямъ и облигациямъ. Какое такое положеніе будетъ продолжаться не вѣчно; тѣмъ не менѣе въ настоящее время, оно одно изъ главныхъ препятствій и тормозовъ, противодействующихъ развитію у насъ промышленныхъ предпріятій. Какъ однако ни затруднительно въ настоящее время добывать капиталы, какъ ни кажутся они рѣдкими, тѣмъ не менѣе добывать можно, и притомъ не только 20, 40, но и значительно болѣе процентовъ. Для этого необходимы два условія: 1) прочность ихъ цѣнности, гарантированная по возможности, для правительственныхъ, а также болѣе солидностью и свойствами вообще предпріятія, и 2) на

предоставленъ, а еще лучше и правительствомъ и самимъ предпріимъ; 2) *ономожность* предпріятія для капиталистовъ, также гарантированная правительствомъ. Покрайней-мѣрѣ такіа условия необходимы для привлеченія капиталовъ большинства капиталистовъ.

Доказаніе капиталовъ въ акціи и облигаціи желѣзныхъ дорогъ, по сущности своей, принадлежитъ всегда къ самымъ прочнымъ, если и не всегда къ самымъ выгоднымъ помѣщеніямъ. Потери акціонеровъ и владельцевъ облигацій возможны здѣсь только отъ дурной администраціи, общественной и частной. При хорошей же администраціи, вополь знакомой съ дѣломъ, такіа потери едва ли возможны. Южная дорога представлятъ капиталистамъ одне изъ танихъ помѣщеній, и если при образованіи и устройствѣ компаніи будутъ приняты надлежашіа мѣры къ устраненію возможныхъ въ администраціи танихъ компаній злоупотребленій, то конечно эта дорога представлятъ собой не только прочное, но и выгодное помѣщеніе для капиталовъ.

Но наши капиталисты вообще, кромѣ исключеній, откажутся отъ такого помѣщенія своихъ капиталовъ, если съ нимъ будетъ связана бѣльшая или меньшая необходимость слѣдить за образомъ дѣйствій администраціи компаніи. Вотъ почему, для привлеченія капиталовъ, необходима гарантіа правительства, и вромѣ съ точностью формулированная, причемъ необходимо принять въ соображеніе и то количество капиталовъ, которое можетъ быть въ настоящее время привлечено къ такому предпріятію. Какъ весьма основательно было замѣчено въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника») громкая гарантіа правительства (напримѣръ въ 6 и болѣе процентовъ) была бы подрывомъ для акціонеровъ другихъ компаній, а потому была бы несправедливостью. Дѣйствительно, самый лучший способъ содѣйствія компаніямъ желѣзныхъ дорогъ со стороны правительства заключается въ достаточныхъ субсидіяхъ, которыа бы обезпечивали и своевременное окончаніе дорогъ, и доходы акціонеровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мѣстные землевладельцы окажутъ вседѣльное содѣйствіе и со своей стороны компаніи и не откажутся употребить въ дѣло всѣ зависящіа отъ нихъ средства, чтобъ обезпечить капиталистовъ. Еслибъ у насъ существовали еще прежніа кредитныа установленія или были ипотечныа банки, то конечно мѣстные землевладельцы въ случаѣ надобности воспользовались бы ими, чтобъ заложить свои имущества и употребить капиталы на желѣзную дорогу. Въ настоящее же время они, *въ случаѣ надобности*, могутъ гарантировать доходы капиталистовъ своими имуще-

ствами, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что предавши доходность предпріятія, многіе изъ нихъ не откажутся отъ такого обязательства, въ особенности если съ нимъ будетъ сопряжено и право пользоваться извѣстнымъ процентомъ изъ тѣхъ доходовъ желѣзной дороги, которые будутъ превышать всѣ необходимые расходы; а въ томъ числѣ и гарантированный правительствомъ и землевладельцами процентъ капиталистамъ.

По нашему крайнему убѣжденію, и правительство, въ случаѣ содѣйствія компаніи или компаніямъ субсидіями⁽¹⁾, ссудами капиталовъ, кромѣ права на возвращеніе ихъ при извѣстныхъ условіяхъ, имѣетъ основаніе выговаривать себѣ также и право на участіе въ превышающихъ извѣстный процентъ доходахъ компаніи. Современемъ подобная мѣра доставила бы нашей казнѣ не незначительные доходы.

Успѣшность подыски на акціи южной желѣзной дороги можетъ быть значительно обезпечена цѣкоторыми мѣрами, которыя побудятъ нашихъ коммерсантовъ, располагающихъ свободными капиталами, приобрести эти акціи. Одна изъ такихъ мѣръ состоитъ въ томъ, чтобъ государственнй банкъ или казначейства вылавали шоль залогъ этихъ акцій *кредитные билеты*, сто за сто. Выпущенные такимъ образомъ кредитные билеты не будутъ конечно безпроцентнымъ долгомъ государственнаго казначейства, а будутъ только своего рода *банковыми билетами*, въ особенности когда обмѣнѣ ихъ на монету будетъ исполнѣ свободенъ и курсъ ихъ возвысится до *at par*. Выпускъ кредитныхъ билетовъ съ такою цѣлью будетъ безвреденъ во всѣхъ отношеніяхъ и не повизитъ курса кредитныхъ билетовъ вообще, въ особенности если все необходимое для желѣзныхъ дорогъ будетъ снабжено Россіей и не потребуетъ вывоза нашей монеты за границу.

Вообще, было бы только желанье да умѣнье, а за средствами, впритомъ рациональными, дѣло не станеть. Россія относительно небогата денежными капиталами, нето что Англія напимѣръ; тѣмъ неменѣе у насъ есть и достанеть ихъ покрайней-мѣрѣ на то, чтобы удовлетворить нашимъ насущнымъ потребностямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ проведеніе линій желѣзныхъ дорогъ, въ особенности южной дороги. Если наша недвижимая собственность и промышленность вообще нуждаются въ капиталахъ, то это не столько происходитъ отъ недостатка ихъ, сколько отъ другихъ причинъ.

(1) Субсидіи могутъ быть не только денежныя, но между-прочимъ и имуществоныя. Напимѣръ правительство можетъ въ случаѣ *необходимости* надѣлать компанію поземельными угодьями, каменноугольными копями и т. п.

Вотъ почему, если промышленность и собственность у насъ нуждаются въ капиталахъ, то вѣдь и капиталы у насъ нуждаются въ помѣщеняхъ, ибо многіе изъ нашихъ капиталистовъ вносятъ ихъ въ государственнѣй банкъ на примѣръ только потому, что не знаютъ другихъ достаточно прочныхъ и удобныхъ помѣщеній. Никто не имѣетъ права осуждать за это капиталистовъ. Осторожность ихъ куплена ими очень дорогою цѣною, благодаря разнѣмъ ложнымъ теоретическимъ увлеченіямъ нашего общества въ послѣдніе годы. Только теорія, даже истинная, но ложно-применяемая нашими мнимо-передовыми людьми, могутъ задержать у насъ дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ, точно такъ же, какъ задерживаютъ овѣ и многое другое, необходимое и полезное. По понятіямъ нѣкоторыхъ нашихъ финансистовъ на примѣръ намъ и шагу не ступить на иностранныхъ рынкахъ безъ помощи дома Ротшильдовъ, а между тѣмъ Россіи стоитъ только пожелать — и иностранные капиталы явятся къ ея услугамъ, что весьма понятно кажется, ибо какъ извѣстно, «есть вѣкто побогаче (а мы прибавимъ: и подешевле) Ротшильдовъ: это — всѣ.» Одна Россія, относительно богатая денежными капиталами, въ случаѣ дѣйствительной необходимости и при небольшомъ хотя умѣньи распорядителей дѣла, можетъ доставить болѣе свободныхъ капиталовъ, даже въ монетѣ, чѣмъ дошъ Ротшильдовъ. Но, разумѣется, дѣло мастера боится.

III

Успѣхъ постройки южной желѣзной дороги и вообще дѣло построенія у насъ желѣзныхъ дорогъ въ значительной степени обусловливается тѣми мѣрами и способами, отъ которыхъ можетъ въ большей или меньшей степени зависѣть возможная дешевизна такихъ построекъ, съ наименьшимъ убыткомъ для нашего народнаго хозяйства, а потому и съ устраненіемъ, по возможности всего, того, что можетъ стѣснять какія-либо отрасли нашей промышленности, въ обширномъ значеніи этого слова.

Къ числу такихъ мѣръ принадлежатъ слѣдующія двѣ: а) наибольшее употребленіе въ дѣло отечественныхъ матерьяловъ, русскихъ заводовъ и фабрикъ, русскихъ техниковъ, рабочихъ и т. п., б) содѣйствіе войска въ производствѣ работъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, мѣръ, о которой уже заявлено въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника»).

Каждый здравомыслящій человекъ согласится, что Россіи не для чего, что не экономно, безрасчетно покупать, во что бы то ни стало,

за границей желѣзо и другіе материалы, когда они у насъ, такъ сказать, валяются или гниютъ дома безъ употребленія и пользы. Не можетъ быть для народнаго хозяйства особенно выгоднаго отпущенія или продажа напримѣръ чугуна и желѣза, когда они должны обращаться къ намъ въ передѣланномъ видѣ и въ особенностн, когда такая передѣлка возможна внутри Россіи, выгодна для отечественной промышленности и уступается иностранной промышленности только вслѣдствіе какой-то безрасчетности или изъ причиною какихъ-либо неумѣстныхъ регламентацій. Производящая съ злобною цѣлію передѣлка такихъ материаловъ за границей рѣдко, очевидно можетъ быть для Россіи выгодной и обходиться ей дешевле передѣлки у себя дома, ибо одишь провозъ туда и обратно стоитъ конечно не дешево. Недостатокъ рукъ для земледѣлія напримѣръ, которымъ обыкновенно оправдывается, во имя свободы торговли, подобное предпочтеніе заграничнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ ущербъ отечественнымъ, представляетъ собою крайне недостаточное оправданіе подобнаго образа дѣйствій. Наше земледѣліе напримѣръ терпитъ или терпѣло до сихъ поръ не отъ недостатка рукъ, а между-прочимъ отъ недостатка рукъ, свободныхъ отъ крѣпостного и ему подобнаго правъ, отъ неумѣнья или невозможности вести сельское хозяйство на болѣе рациональныхъ основаніяхъ и т. п. Довказательствомъ этому служитъ то, что въ настоящее время нѣкоторыя лучшіе сельскіе хозяйства обрабатываютъ уже меньшее противъ прежняго количество земли и съ меньшимъ числомъ рабочихъ, а между-тѣмъ производятъ значительно болѣе прежняго. Соответственное физическимъ и другимъ средствамъ Россіи развитіе у насъ мануфактурной и заводской промышленности никакъ не можетъ повредить, а напротивъ, по здравому смыслу, опыту и здраво-понимаемымъ экономическимъ законамъ, должно содѣйствовать процвѣтанію у насъ между-прочимъ и земледѣльческихъ отраслей промышленности. Процвѣтаніемъ у насъ всѣхъ родовъ промышленности обуславливается между-прочимъ и процвѣтаніе заграничныхъ отраслей промышленности. Между-тѣмъ только въ исключительную пользу этихъ послѣднихъ и въ ущербъ отечественнымъ, ратуютъ повидимому (впрочемъ добросовѣстно въ невинности души) наши мнимые, но тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе знаменитые у насъ авторитеты-экономисты. Благодаря знакомству своему съ двумя-тремя иностранными политико-экономическими учебниками, схвативши такимъ образомъ одни только вершки науки, большинство нашихъ экономистовъ, по экономическому закону, что *рѣдкостью* между прочимъ обуславливается дороговизна, т. е. болѣе или менѣе высокая цѣна предметовъ, приобрѣло себѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ кружковъ нашего

объекта анализа, которое несколько не соответствует *экспортному* действительному стану вещей и объясняется одною лишь *рыцарскою* у насъ дѣлою поверхностнаго званія политическихъ наукъ. Присобрать себѣ такіея способствіи и такъ дешево извѣстность, даже нѣчто существеннѣйшее, чѣмъ извѣстность, и не придавая при этомъ надлежащаго значенія смыслу русской поговорки: *дешево, да жалея*, а для скороспѣлки-экономисты легко вообразили, что и все иностранное должно тоже скоро, выгодно и дешево доставаться Россіи; а потому, съ свойственною имъ благопріобрѣтению при пошлостносправныхъ учебникахъ мудростью, рѣшили, что стоитъ только такъ можно болѣе понизить таможенные пошлины на иностранные товары, въ ущербъ русской промышленности, и Россія будетъ имѣть однимъ изъ величайшихъ и действительнѣйшихъ благъ — свободой торговли. И нечего сказать, сослужили же она такимъ образомъ службу русскому прогрессу. Наши *юноши-экономисты* забыли наприимѣръ, что если начало свободы торговли вѣрно, то вѣрно именно потому, что оно основано на непреложной правдѣ и справедливости; а правда и справедливость требуютъ свободной конкуренціи, требуютъ полного равенства правъ и обязанностей для конкурирующихъ между собой промышленностей. Кто же изъ здравомыслящихъ людей не согласится, что если промышленность какой-либо страны связана какими-либо законодательными узлами, то правда и справедливость, основной элементъ всѣхъ истинныхъ экономическихъ, равно какъ и другихъ законовъ и началъ, требуютъ или освобожденія промышленности отъ противодействующихъ ей развитію узъ, или же ограниченія ихъ, въ вознагражденіе за нихъ, какими-либо льготами, наприимѣръ таможенными пошлинами, чтобы она могла, сообразно естественнымъ силамъ своимъ и по требованію правды и справедливости, на болѣе или менѣе одинаковыхъ правахъ конкурировать съ действительно свободными отъ регламентацій промышленностями. Наши экономисты забыли, что свобода торговли не возможна безъ свободы промышленности вообще, ибо безъ нея такая свобода превращается въ торговое крѣпостное право, даже въ своего рода рабство или, иначе, въ неравную, но не по естественнымъ, а по искусственнымъ силамъ, часто убійственную для связанной регламентативными узлами промышленности борьбу. Они забыли, что свобода торговли вовсе не обуславливается однимъ размѣромъ таможенныхъ пошлинъ. И при самыхъ высокихъ охранительныхъ пошлинахъ внутренняя конкуренція можетъ создать, что и бываетъ на дѣлѣ, возможную дешевизну предметовъ внутренняго производства, дешевизну, которая однако нигда бы не была возможна, даже при полномъ отсутствіи таможенныхъ сборовъ, если бы внутреннія ре-

главнѣйшья мѣры (или все то, что подобно имъ дѣйствительно въ промышленности, какъ даиримѣръ отсутствіе дѣйствительнаго правосудія) вездѣ противодействовали дешовизмѣ производства и торговли. Ясно, что наши экономисты и въ этомъ отношеніи упустились тѣмъ что видно, и не подумали о томъ, чтоо невидано.

Не въ одной экономической свободѣ, не въ одномъ освобожденіи отъ крѣпостнаго права нуждаются наши крестьяне. Для благосостоянія ихъ нужно еще, между прочимъ, чтобъ они могли еще можно болѣе случаевъ къ заработкамъ. Земледѣліе не можетъ, да и не должно быть, во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества, единственнѣйшимъ средствомъ къ жизни и къ благосостоянію нашихъ сельскихъ жителей уже потому, что не вездѣ земледѣльческія работы могутъ продолжаться круглый годъ. Наши крестьяне сами прекрасно сознаютъ это, что лучше всего доказывается ихъ различными промыслами въ зимнее и вообще въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Сама природа нашего отечества вознаграждаетъ его обитателей между прочимъ за долгую зиму самыми разнообразными средствами къ существованію. Еслибъ все рабочія силы нашихъ крестьянъ, или иначе, все руки ихъ были заняты однимъ ремесленничествомъ, къ которому неслашкомъ-то и благосклонна, во многихъ мѣстностяхъ, природа нашего отечества, то бытъ нашихъ крестьянъ былъ бы не лучше, а хуже настоящаго ума потому, что въ случаѣ неурожаевъ, имъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ только умирать съ голоду или жить на счетъ Россіи, ибо промышленность, въ особенности фабричная, не создается мгновенно по шучьему мѣльнику. Неосновательно и мнѣніе, что на фабрикахъ развивается безразличность рабочихъ классовъ. Безразличность развивается не отъ фабрикъ и честныхъ промысловъ, а отъ невѣжества, празности и разнообразнаго гнета. Чѣмъ шире и свободнѣе область труда, тѣмъ менѣе поводовъ къ празности, тѣмъ болѣе и средствъ у рабочихъ выйти изъ гнетущаго положенія, тѣмъ ближе они и къ нравственности, ибо тѣмъ короче и легче для нихъ путь къ нему. Это потому конечно, что чѣмъ болѣе требованій на трудъ, тѣмъ выше и плата за него, тѣмъ легче трудящимся, тѣмъ лучше участь ихъ. Всякій честный, по достоинству вознаграждаемый трудъ только облагораживаетъ человѣка между прочимъ потому, что спасаетъ его отъ празности, а потому и никакъ не можетъ вести его къ разврату и безразличности. Въ этомъ отношеніи онъ также благотворно дѣйствуетъ на человѣка и на душу его, какъ чистая и честная любовь: она одна спасаетъ его отъ любви нечестной и нечистой, притомъ же и не отъ одной подобной любви.

Но если таково слѣдствіе труда, если отъ расширенія области

не от России можно только эмигрировать въ просвѣщеніи, нравственности и благообразіи вообще наиболѣе многочисленный и повсюду самый сильный классъ нашего народонаселенія, и еслибъ это обусловливалось несомненно, во всякомъ случаѣ, принятіемъ за предельно излюбленнаго преимущественно наиболѣе развитыхъ и благомыслящихъ классовъ нашего общества, то не стоить ли принести такую жертву въ многочисленную пользу для многихъ, т. е. для всей части народонаселенія? «Дорого стоить намъ наша конституція», говорятъ практическіе и заравномыслящіе англичане, «но она такая хорошая для насъ вещь, что стоить платить за нее — да не дорого!»

Притомъ не правильное, естественное, но предрименныя условія края, развитіе нашей фабричной и заводской промышленности исключаютъ возможность не имѣть ни вѣсти къ дороговизнѣ, ни протекціонировать развитію нашего земледѣлія. Напротивъ. Кромѣ того наша заводская и фабричная промышленность нуждается не въ какихъ-либо исключительныхъ привилегіяхъ, а въ прежде, т. е. въ устраненіи искусственныхъ препятствій къ развитію ихъ принятостей или же вознагражденіи ихъ за такіа препятствія, ибо безъ того нигдѣ инымъ образомъ нельзя ни конкурировать съ промышленностью другихъ народовъ, ни даже существовать.

Безъ такого устраненія препятствій или безъ вознагражденія еднѣмъ, наравнѣрь таможенными пошлинами, для нѣтъ будеть только ущемленіе, своеобразна крѣпостное право, а для промышленности другихъ странъ экономическая свобода. Нѣтъ, даже не свобода, а привилегія, т. е. такъ для одной, такъ и для другой стороны — отсутствіе свободы, значага въ видимый ущербъ для одной только стороны, и потому и въ ущербъ для всѣхъ сторонъ, къ чему и ведетъ всегда отсутствіе свободы, или правнорѣвнот конкуренціи.

Что касается употребленія въ дѣло части нашего войска для производства въ некоторыхъ, возможныхъ для нижнихъ воинскихъ чинехъ работъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, то, какъ намъ кажется, это нѣтъ представляетъ только выгоды стороны, или крайней мѣрѣ болѣе выгодныхъ, нежели невыгодныхъ сторонъ. Непотомъ иностранцевъ, но и у насъ очень недавно слѣдуетъ, какъ известно, удачный и притомъ въ довольно большомъ размѣрѣ опытъ тому, а именно участіемъ на работахъ двухъ полковъ гренадерской дивизіи по линіи московско-нижегородской желѣзной дороги.

Мы впрочемъ далеко не вполне раздѣляемъ высказанное подале въ нашей, какъ прежде въ другихъ литературахъ, мнѣніе, будто употребленіе военныхъ рабочихъ на постройку желѣзныхъ дорогъ

ду прочтаетъ и этого закона, съ одной стороны уменьшается количество войска, а съ другой — значительно улучшаетъ его составъ; отъ чего наши военные чины постепенно не уменьшаются, а напротивъ; значительно увеличиваются, ибо и военныя науки стрелки остаются же, если только не болѣе, обуславливаются ихъ качествомъ, сколько и количествомъ. Понятно, что отъ подобной мѣры правительства точно выигрываетъ государство, чему и слѣдуетъ быть; но эта мѣра вполнѣ согласуется съ вышеприведенными экономическими законами, подтвержденными какъ военныя добытими чуждой побѣдами, такъ и опытомъ.

Но результируетъ никакое рациональное преобразование историческое вѣдуче, безъ необходимой послѣдовательности: пригодно политическое состояніе шира, да и нѣкоторые другія обстоятельства не позволяютъ покуда еще болѣе уменьшить нашу армию и улучшить положеніе всѣхъ нашихъ военныхъ чиновъ до того, чтобы они не были ни лишняго времени для нашихъ-либо иностранныхъ и чуждыхъ ихъ званію занятій, ни въ особенностяхъ шумахъ въ такія занятія. По этому-то и желательное, чтобы войска наши между прочимъ находили дѣла для себя и въ общественныхъ работахъ вообще, особенно тогда и тамъ, гдѣ можетъ возникнуть потребность въ рабочихъ. Такія работы, а въ томъ числѣ конечно и работы по устройству желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе полезны и удобны для нашего войска или по крайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ частей его, что и теперь едва ли не во всѣхъ войскахъ у насъ отлучаются болѣе или менѣе постоянно нижшіе чины на вольныя работы, съ цѣлю улучшения ихъ хозяйственнаго быта. Такимъ образомъ наряды войскъ на работы по желѣзнымъ дорогамъ будутъ только, а во вѣдшихъ понятіямъ и должны только быть своего рода отлучками на вольныя работы, съ тѣмъ единственнымъ отличіемъ отъ этихъ послѣднихъ, что наряды войскъ на постройку желѣзныхъ дорогъ будутъ длѣться массами и на болѣе продолжительное время, чѣмъ обыкновенныя, существующіе отпуски на вольныя работы. Ставить же обязывать съ обязанностью заниматься работами, которыя не соответствуютъ ихъ назначенію, ремеслу солдата, а иногда и противны ихъ естественнымъ наклонностямъ, — не правомѣрно, да и не выгодно. Вотъ почему мы и не раздѣляемъ вѣдшихъ, будто наряды войскъ исполнять съ болышею выгодною для казны или частныхъ лицъ работы, нежели вольныя рабочіе. Солдаты въ такомъ только случаѣ исполнять дѣло не хуже вольныхъ рабочихъ, когда они будутъ на этихъ работахъ не противъ своей воли, а охотно, и когда они будутъ получать такую плату, которая будетъ соответствовать ихъ трудамъ. Этого требуетъ правда и совѣсть; этого же

требуетъ математическая способность; наконецъ это оправдывается и опытомъ, о чемъ и скажемъ мы ниже.

Военный прежде всего такой же человекъ, какъ и все люди, а потому и долженъ прежде всего поступать съ нимъ по-человѣчески, — воздавать ему должное, помнить, что онъ, подобно каждому человѣку, живетъ своимъ наклонностямъ, свои способности, а потому и можетъ между прочимъ *лучше всего и дешевле всего* исполнять только тѣ работы, которыя соответствуютъ его наклонностямъ и способностямъ. Военныхъ, солдатъ, какъ солдатъ, нѣтъ свои права и въ особенности обязанности. Неполненіе имъ обязанностей болѣе или менѣе *невозможнаго или опаснаго* для него, ибо онъ подъ отрядами артиллеріи. Права же его какъ сословныя, такъ и вообще человѣческія должны быть тѣмъ священнѣе для его охраняема, что несовершеннѣе-то легки его обязанности и далеко не всегда достаточно вознаграждаются труды его. Вотъ почему когда артиллеріи предоставляется солдату право и возможность заниматься военными работами, когда онъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть солдатомъ и дѣлается просто человѣкомъ, рабочимъ, то въ это время даже и при общественныхъ работахъ слѣдуетъ вести съ нимъ дѣло и поступать съ нимъ какъ съ человѣкомъ вольнымъ, рабочимъ, а не солдатомъ, котораго можно приневолить въ работѣ, къ которой онъ неспособенъ или которой не любитъ. Этого требуетъ *свобода и правда*; этого требуетъ и ясно сознаваемыи *интересъ*, ибо свободный и добровольный трудъ не только лучше какъ *любой* трудъ крѣпостнаго и рабаго, но и дешевле ихъ, хотя бы дневная плата рабу или крѣпостному человѣку была значительно ниже платы вольному рабочему. По этой же причинѣ желательно было бы, чтобы въ случаѣ наряда войскъ на работы по желѣзнымъ дорогамъ вызывались охотники и чтобы не требовалось напирать отъ сапожниковъ, слесарей и портныхъ, чтобы они немедленно превращались въ землекопавъ. Хорошо было бы также, чтобы дневная плата солдатамъ была не возможно-низкою, произвольна, а такая, которая бы вполне соответствовала цѣнности ихъ работъ и была пропорціональна платѣ вольнымъ рабочимъ, ибо въ противномъ случаѣ будетъ *дешево да много*, отчего потеряютъ и солдаты, и самое дѣло. Конечно въ большей части случаевъ плата солдатамъ будетъ и должна быть ниже платы вольнымъ рабочимъ (если только не будетъ за дѣльной платы), ибо работѣ солдатъ, временно и случайно занимающихся землею работой, будетъ вообще уступать въ количествѣ и качествѣ работѣ привыкшихъ къ ней людей. Но и изъ этого обстоятельства не слѣдуетъ выводить; чтобы солдаты должны были получать воз-

ленно-нужную силу. Цѣта имъ должна вполнѣ по возможности соответствовать ихъ труду и постоянно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ будутъ количественно и качественно совершенствоваться ихъ работы. Качественное же и количественное улучшение работы солдатъ будетъ непрѣмнымъ слѣдствіемъ справедливаго вознагражденія за ихъ труды. Безъ такого вознагражденія улучшение не мыслимо. Словомъ, и на общественныхъ работахъ солдаты должны работать на правахъ вольныхъ рабочихъ, на условіяхъ добровольнаго найма. Выгода отъ наряда войскъ будетъ уже и оттого значительна, что такимъ образомъ восполнится недостатокъ въ рабочихъ и войско по мѣрѣ возможности и надобности изъ непроизводительной силы превратится въ производительную или правительственно-отрицательно-производительной превратится въ положительно-производительную силу.

Все здѣсь нами сказанное оправдывается какъ требованіями политической экономіи и конечно человѣколюбіемъ, такъ и опытами, произведенными въ другихъ государствахъ.

Извѣстно напримѣръ, что во Франціи нѣсколько разъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ (въ первомъ случаѣ по поводу наряда войскъ на проведение и улучшение государственныхъ дорогъ, а во второмъ по поводу сооруже- нія парижскихъ стѣнъ) поднимался вопросъ о нарядѣ войскъ на подобныя работы. Всѣ экономическія, инженерныя и военныя авторитеты того времени принимали участіе въ разрѣшеніи этого вопроса, и если далеко не всѣ, то тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ говорили и писали въ пользу производства такихъ работъ войсками. По крайней-мѣрѣ восторжествовало мнѣніе, что необходимо предоставлять арміи возможность быть не только военной, но насколько позволяютъ обстоятельства и производительной силой. Въ припадѣ такихъ бойцовъ за употребленіе войскъ на общественныя работы ценою извѣстнаго генерала Ронья (Rogniat). Сторонники этого мнѣнія находили почти только одніи выгодныя стороны употребленія войскъ на общественныя работы. Во время мира, утверждали они, назначеніе солдатъ состоитъ въ томъ, чтобъ оны были не угрозой для мирныхъ гражданъ, а вмѣстѣ съ ними содѣйствовало развитію общественнаго благосостоянія. Кроме того они утверждали, что наряды войскъ на общественныя работы полезны и для самаго воинскаго дѣла, ибо солдаты привыкаютъ на нихъ къ тѣмъ же трудамъ и непогодѣ, крѣпнуть тѣломъ и душою. Для солдатъ подобныя работы полезны и потому, что на нихъ они участвуютъ къ такого рода труду, который можетъ дать имъ болѣе или менѣе вѣрный кусокъ хлѣба по выходѣ ихъ въ отставку. Въ годѣ

экономическое значение всего этого привелись примеры как из древней, так и новой истории. Действительно Ю. Цезарь, например и многие другие римские императоры и полководцы часто заставляли войска свои производить различные работы, иногда колоссальныя, и это дѣлалось ими какъ потому, что такія работы были необходимы для достиженія военныхъ цѣлей, такъ и потому, чтобъ войско было постоянно занято и не предавалось праздности. А между-тѣмъ какъ известно, войско римское было почти всегда значительно малочисленнѣе армій современныхъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Въ царствованіе Гейнриха IV во Франціи до 6,000 солдатъ работала малъ прорытіемъ бріарсаго канала. При Людовикѣ XIV дозволено часто употреблялись войска для подобныхъ работъ, что оправдывали эти монархи, равно какъ и Людовикъ XVI, тѣмъ, что страна нуждается въ рабочихъ рукахъ.

Въ 1835 и 1836 годахъ французскія войска участвовали въ работахъ по проведенію такъ-называемыхъ ессонскихъ спиритическихъ дорогъ. Этотъ новѣйшій въ то время опытъ оказался весьма неудачнымъ, или какъ-нибудь невыгоднымъ для французской государственной казны, что повидимому и оправдало мнѣнія тѣхъ, которые были противъ употребленія войскъ на общественномъ работѣ. Но подробнѣе послѣдованіе дѣла свидѣтельствуетъ противъ основательности такого мнѣнія и вполне опровергаетъ его. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ дурны были нѣкоторыя распоряженія французскаго правительства и работы производились противно правиламъ и требованіямъ политической экономіи. Такъ напримеръ, войска отправлялись на работы цѣлыми батальонами и ротами въ полномъ ихъ составѣ, съ здоровыми и больными, съ способными и неспособными къ такимъ работамъ людьми и т. п., а между тѣмъ всѣмъ дѣмъ назначена была и раздавалась одинаковая полковая плата, не соответствовавшая вообще достоинству работъ выполняемыхъ къ нимъ солдатъ. Кромѣ того, надзоръ за работами былъ порученъ гражданскимъ чиновникамъ, приказанія которыхъ мало уважались воинскими чинами, вѣсто того, чтобъ поручить его напримеръ инженеру, которымъ солдаты обыкновенно охотно повинуются, какъ лицамъ, принадлежащимъ, хотя бы иногда и по мундиру только, къ военному сословію.

Въ 1837 и 1838 годахъ опытъ былъ повторенъ, и онъ былъ несравненно удачнѣе предыдущаго, а именно при постройкѣ одного моста въ морбиганскомъ департаментѣ. Успѣхность этого опыта обуславливалась именно тѣмъ, что строителъ моста, инженеръ Лобланъ (Loblanc) не только хотѣлъ пользоваться работою военныхъ командъ, какъ только съ условіемъ, чтобъ на работѣ ходили люди

не обязательно, а добровольно и въ большей или меньшей степени на правахъ «вольныхъ рабочихъ».

Еще успѣшнѣе во всѣхъ отношеніяхъ производились войсками работы при возведеніи парижскихъ стѣнъ; но и здѣсь причина успѣха, какъ видно изъ донесеній начальниковъ войскъ и производителей работъ, состояла въ томъ, что на работы вызывались охотливы и плата имъ назначалась соотвѣтственно качеству ихъ работъ.

По всему вышезложенному, если мы глубоко сочувствуемъ и у насъ въ Россіи возможному и полезному наряду войскъ на общественныя работы, особенно на проведеніе линий желѣзныхъ дорогъ, то это не потому, что можно заставить солдатъ работать за самую ничтожную плату, а потому что, съ одной стороны, увеличеніе производительныхъ силъ страны и особенно обращеніе непроизводительныхъ силъ въ производительныя всегда полезно для государства, а съ другой стороны, если страна нуждается въ работѣ солдатъ, то и солдаты, особенно армейскіе, нуждаются въ своей отчужденности отъ работъ, благодаря которой они могутъ улучшить свой экономическій бытъ. Но повторяемъ, на работѣхъ и для работъ, не исключая въ область воинскихъ обязанностей, солдатъ должны быть самыми рабочими, а не солдатами, иначе трудъ стоить обидно весьма дорого, хотя и будетъ пометъ—быть издѣею очень дешевою. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ гнаться за двумя зайцами.

І. ПИИЛЬ

ДЬЮПРОИЗВОДСТВО ВЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ

Нисколько лѣтъ тому назадъ издана была презабавная распороченная таблица, показывавшая путешествіе и судьбу бумаги отъ пишущей машинки и судобной машинки до самой вершины, и объяснявшая нагляднымъ образомъ, сколько потереть должна пройти несчастная, сколько личностей, облеченныхъ бльшаво или меншею властью, должно она встрѣтить, какіе эвгггга и криволинейные пути придется ей описать вверхъ и внизъ, какое неопредѣленное количество времени съдвоало ей употребить на путешествіе отъ университета и замкаго упрещенія до палаты, отъ палаты до учрежденія государственнаго и обратно, чтобы достичь наконецъ до терминальнаго престолоприсноіе или только нѣкоторый результатъ, шерлокъ въ высшей степени другую бумагу на такое же нескончаемое путешествіе, оканчивающееся такимъ же грустнымъ исходомъ. Впрочемъ многимъ случилось видеть эту таблицу, на которой мѣста и учрежденія были подвижны и хитро соединялись безчисленными перепутанными нитями, сходящимися къ одному приводу, который стоило немножко потянуть у того или другого учрежденія, чтобы весь механизмъ пришолъ въ движеніе, и стоило опустить, чтобы обозначилось движеніе обратное. Если механизмъ достигалъ своей цѣли и показывалъ нагляднымъ образомъ соотвѣтствіе и связь между всеми своими частями, то главная, передаваемая имъ идея была невѣрна въ основаніи, что такой наглядный опытъ не давалъ никакого понятія о времени пришествія бумаги, о задержкахъ, ею встрѣчаемыхъ, и совершенно противорѣчилъ дѣйствительности. Представляя превосходно устроенный механизмъ, который весь приходилъ въ движеніе отъ одного прикосновенія къ приводу, онъ производилъ впечатлѣніе противоположное намереніямъ изобрѣтателя, ибо какъ бы сложна ни была машина, она не представляетъ особенныхъ неудобствъ, если легко приходитъ въ дѣйствіе и достигаетъ предполагаемой цѣли безъ особенной траты силъ и времени. Напротивъ

тѣмъ, какой сложный механизмъ и такъ легко возмущающійся при-
воду, такъ быстро передающій движенье до отдаленнѣйшихъ сферъ
отъ просителя, былъ бы чудомъ, совершенствомъ своего рода и
ничего лучшаго и большаго не можетъ пожелать самый требова-
тельный проситель. Противъ такого сложнаго, хотя и совершеннаго
механизма, мы можемъ сказать только то, что чѣмъ сложнее ме-
ханизмъ, тѣмъ онъ дороже стоитъ и что его слѣдуетъ непременно
связывать простѣйшимъ и дешевѣйшимъ, если послѣдній достигаетъ
тѣхъ же цѣлей и даетъ тѣ же результаты.

Вотъ почему простая, раскрытая таблица съ обозначеніемъ
только путей, тоже раскрытыхъ и съ указаніемъ, что красный
цѣль означаетъ, что дѣло принимаетъ такъ-сказать кровавый ха-
рактеръ, а непростѣнно требуетъ расходовъ на его веденіе, — несрав-
ненно ближе къ жизни и дѣйствительности. Несмотря на несомнѣн-
ныя достоинства этой таблицы, въ ней есть недостатокъ, пробѣлъ,
неполноцѣнное котораго необходимо придастъ ей особенный характеръ,
и общее впечатлѣніе, ею производимое, возведеть въ квадратъ, если
не въ кубъ: въ таблицѣ опущено путешествіе бумаги въ каждомъ
изъ обозначенныхъ учрежденій, путешествіе, реально дорисовы-
вающее общую картину. Въ последнее время, какъ всѣмъ извѣстно,
ужасъ претупило было въ преобразованіяхъ во всѣхъ отрасляхъ
управленія; всюду только и слышится объ ограниченіи расходовъ,
объ учрежденіи дѣлопроизводства, о сокращеніи переписки, объ
уменьшеніи штатовъ. Самыя дѣятельныя, самыя энергическія мѣры
для усовершенствованія бюрократіи предприняты были особенно въ
персоналѣ министерствъ. Къ сожалѣнію, обществу остались неиз-
вѣстны результаты, которые достигли на этомъ пути и насколько
они соответствовали цѣлямъ, къ достиженію которыхъ стремились;
неудивительнѣе мѣры никакихъ отчетовъ, никакихъ разсужденій или
прощей по этому поводу не было заявлено нашей журналистикой;
если же вопросъ этотъ и разрабатывался, то въ сферахъ недоступ-
ныхъ для большинства читающихъ, въ сферахъ слишкомъ ограни-
ченныхъ и специальныхъ. Между-тѣмъ литература могла бы прине-
сти не малую долю пользы разработкою этого вопроса. Мы скажемъ
свое слово объ этомъ важномъ предметѣ, вовсе не считая его по-
слѣднимъ и окончательнымъ безъ всякой претензіи, что захватили
предметъ во всей его совокупности или подобрали къ нему со всѣхъ
сторонъ.

Предполагаемъ нашему разсужденію нѣсколько теоретическихъ
соображеній. Прежде всего письмоводство, канцлара, бюро, письмен-
ное дѣлопроизводство есть средство въ высшей степени полезное и
необходимое для веденія дѣла. Главная его цѣль — выиграть время

и сократить расходы. Только въ самомъ широкомъ смысле обществѣ, занимающемъ самую незначительную по пространству территорию, можно обойтись безъ переписки во какому бы то ни было дѣлу, будетъ ли оно законодательное, судебное, административное. Если же общество многолюдно, занимаетъ обширное пространство земли, то обойтись безъ переписки, следовательно безъ письменводства, невозможно. Къ сожалѣнію отчасти вследствие своего знаменитого письменнаго дѣлопроизводства, отчасти вследствие размѣщенныхъ злоупотребленій и несовершенствъ чловѣческаго организма, письменводство, необходимое и полезное средство для веденія дѣлъ въ случаѣ невозможности веденія устного, затмило самое дѣло, отодвинуло его на задній планъ и заставило его дѣлать: отсюда все злоупотребленія и несовершенство бюрократіи, обратившія письменное дѣлопроизводство изъ средства въ цѣль, а самое дѣло въ второстепенное; вотъ почему за бумагой мы обыкновенно не видимъ дѣла. Если можно въ этомъ случаѣ сдѣлать естественное изреченіе, то вообразите, что вы укололи ногу и вамъ слышутъ шалеть завозу и привести для этого въ дѣятельность мускулы руки, а вы между-тѣмъ заняли особаго рода перовиску между нервами и мускулами, которая поглощаетъ все ваше вниманіе, между-тѣмъ какъ нога все болѣе цухнетъ. Ковачный и единственый результатъ всякой переписки, всякаго дѣлопроизводства есть выраженіе воли, приказаніе имѣющаго власть, которое слѣдуетъ исполнить, привести въ исполненіе лицу, получившему его. Письменводство стало быть есть орудіе, посредствующій механизмъ для передачи воли. Чемъ, что чѣмъ лучше, чѣмъ совершеннѣе этотъ механизмъ, тѣмъ лучше, тѣмъ совершеннѣе будутъ отираженія воли. Идеаль бытъ бы достигнуть, еслибы проситель и исполнитель были налицо протъ властью: проситель просить, власть немедленно поручаетъ исполнителю привести свое рѣшеніе (согласно съ просьбой просителя или нѣтъ) въ исполненіе — и дѣло кончено. Такое простое отношеніе къ сожалѣнію невозможно, и невозможно тѣмъ болѣе, чѣмъ сосредоточеніе власти исключительнѣе. Вслѣдствіе непотрѣбнаго увеличенія числа прошеній и желаній, вследствие удаленія ихъ отъ центра разрѣшающей власти, сама власть необходимо раздробляется, она требуетъ болѣе и болѣе посредствующихъ степеней и посредниковъ, докладчиковъ. Все же главная задача остается таже: чтобы дѣйствія и распоряженія шли быстро и безостановочно. Лицо, облеченное властью, не въ состояніи принять на себя исполненія всѣхъ дѣлъ и поручаетъ часть ихъ товарищу или подчиненному, возлагая на нихъ вмѣстѣ съ нимъ и отвѣтственность за точность и добросовѣстность исполненія и во всякомъ случаѣ наблюдая за нѣмъ

дѣлѣнія. Вотъ теоретическое объясненіе я водожилъ на каждой бумагѣ, и скрѣпилъ ее секретаремъ или дѣлопроизводителемъ.

Предпославъ эти немногія мысли, я могу уже сказать, насколько соответствуетъ наше дѣлопроизводство начерченному идеалу и въ чемъ состоитъ его неудобства и несовершенство, но для большаго разъясненія дѣла, я долженъ рассказать что происходитъ съ каждой бумагой съ поступленія ее въ правительственное или судебное мѣсто до ее выхода; какія она испытываетъ судьбы, чтобы дополнить общую картину, представляемую упомянутой мною выше таблицей. Для полной и всесторонней характеристики я избираю высшее центральное управленіе — министерство. Бумаги получаютъ съ почты въ канцеляріи министерства и распределяются по его департаментамъ и канцеляріи; адресованныя на имя министра вскрываются и по содержанію своему тоже распределяются по департаментамъ и канцеляріи, ибо дѣло адресованное къ министру никакъ не можетъ быть ведомо никакъ въ одномъ изъ его департаментовъ или въ канцеляріи. Изъ этого уже ясно, что большинство бумагъ, адресованныхъ на имя министра, слѣдуетъ обращать прямо въ соответствующіе дѣла департаменты, ибо если исполненіе по нимъ и зависить отъ министра, то ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ махнуть его, а значеніе это уже сократило бы переписку на нѣсколько дней по значительному количеству дѣлъ.

Но насъ занимаетъ не этотъ вопросъ. Бумаги, полученные въ департаментъ, распечатываетъ (или долженъ распечатать) директоръ департамента. Онъ ихъ читаетъ и владеть на нихъ свою революцію, которую слѣдуетъ исполнить дѣлопроизводителю. Далѣе бумаги поступаютъ къ журналисту, который долженъ переписать ихъ содержаніе и номера во входящій журналъ, а потомъ распределять ихъ продать по отдѣленіямъ и канцеляріи департамента. Начальники отдѣленій и правители канцелярій, получивъ бумаги, распределяютъ ихъ и раздаютъ по столамъ столоначальникамъ, помощникамъ столоначальниковъ или дѣлопроизводителямъ. Назначеніе начальниковъ отдѣленій состоитъ въ томъ, чтобы дать должное направленіе бумагамъ, которая должна составляться подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Они скрѣпляютъ изготовленные столоначальникомъ бумаги своей подписью и несутъ за нихъ отвѣтственность передъ закономъ, какъ официальные дѣлопроизводители, секретари и клерки.

Къ дѣятельности ихъ мы вернемся ниже, а теперь будемъ продолжать наше наблюденіе за поступившей бумагой.

По второй бумагѣ надобно сдѣлать распоряженія, выражаясь чиновничьимъ языкомъ, слѣдуетъ исполнить бумагу. По одной изъ

нихъ исполненіе зависитъ отъ директора департамента, но другіе исполненіе превышаетъ закономъ опредѣленную власть директора и принадлежитъ или министру, или высочайшей волѣ. Въ первомъ случаѣ столоначальникомъ по резолюціи директора и подъ наблюденіемъ начальника отдѣленія дѣлается справка, соображеніе и составляется черновой проектъ отвѣта или исполнительной бумаги.

Проектъ переписывается писаремъ и снова пречитывается и сверяется съ черновымъ — столоначальникомъ, чтобы не вырвалось ни одного пропуски, бессмысленности, грамматическія ошибки. Переписанный проектъ поступаетъ къ подписи начальника отдѣленія, который наблюдаетъ за направленіемъ и сущностью изложенія, слѣдитъ за логическою и грамматическою правильностью бумаги и проч.

Въ случаѣ еслибы оказались какія ошибки, а это случается нередко, бумага снова исходитъ до столоначальника и тѣмъ же порядкомъ снова восходитъ до начальника отдѣленія, къ его подписи или скрѣпѣ. Подписавши бумагу, начальникъ отдѣленія идетъ доложить ее къ директору, который требуетъ объясненій, словеснаго изложенія всего дѣла и подписываетъ ее, если проектированное исполненіе согласно съ его мнѣніемъ; въ противномъ случаѣ онъ не соглашается приложить свою подпись, требуетъ измѣненій въ сущности или содержаніи, исправляетъ логическія и грамматическія погрѣшности въ нее вкравшіяся, и тогда бумага снова исходитъ до столоначальника для исправленія и снова восходитъ тѣмъ же путемъ къ подписи директора. Бумага, подписанная директоромъ департамента (замѣтимъ, что директоромъ же выставляется число мѣсяца на бумагѣ), поступаетъ къ журналисту, который вписываетъ ее въ исходящій журналъ и выставляетъ на ней номеръ. Отъ журналиста она идетъ обратно къ писарю, который ее переписывалъ, чтобы сшить съ нея копію, такъ-называемый *отпускъ*, всегда необходимый при дѣлопроизводствѣ для свѣдѣній и справки. Копію съ бумаги для отпуску свѣряетъ съ подлинникомъ тотъ же столоначальникъ, который составлялъ бумагу и скрѣпляетъ ихъ (съ подлиннымъ върво). Когда снимутъ копію, бумага поступаетъ къ чиновнику или писарю, обязанность котораго вложить ее въ конвертъ и запечатать, а потомъ вписать адресъ ея и номеръ въ разсыльную книгу и сдать на руки разсылному или курьеру, который выноситъ ее наконецъ въ другое учрежденіе, гдѣ съ нею повторится таже описанная мною судьба.

Во второмъ случаѣ, когда исполненіе по бумагѣ зависитъ отъ министра или отъ высочайшей воли, то поступается двоякимъ образомъ. Впервыхъ тѣмъ же столоначальникомъ, подъ руководствомъ начальника отдѣленія, пишется докладъ, то-есть особая

бухгалтеръ въ подписью директора, въ которой излагается содержаніе дѣла, справка съ закономъ или съ другими дѣломъ, мнѣніе директора департамента и испрашивается согласіе министра поступить такимъ образомъ, какъ предполагаетъ директоръ. Въ случаѣ его согласія прилагается къ подписи одна или нѣсколько бумагъ исполнительныхъ, скрѣпляемыхъ подписью директора. Если директору согласенъ съ докладомъ и съ исполнительными бумагами (и тотъ и другія подносятся ему начальникомъ отдѣленія), то подписываетъ докладъ и скрѣпляетъ исполнительныя бумаги; въ противномъ же случаѣ все возвращается внизъ до столоначальника, исправляется, передѣлывается и тѣмъ же путемъ восходитъ снова къ директору. Подписанный имъ докладъ и скрѣпленныя исполнительныя бумаги идутъ уже описаннымъ путемъ къ журналисту (который вписываетъ въ журналъ содержаніе доклада и выставляетъ на немъ номеръ), запечатываются и отправляются къ министру. Последний или соглашается съ доводами, представленными въ докладѣ и подписываетъ исполнительныя бумаги, или не соглашается и кладетъ свою резолюцію; исправляетъ докладъ и бумаги, и въ такомъ случаѣ все дѣло снова спускается до столоначальника, передѣлывается имъ; снова переписывается и тѣмъ же путемъ идетъ къ подписи министра. Если подпись положена, дѣло съ бумагами возвращается въ тотъ департаментъ, изъ котораго оно вышло, и поступаетъ къ директору, отъ него къ журналисту, который теперь вписываетъ въ исходящій журналъ содержаніе исполнительныхъ бумагъ и выставляетъ на нихъ номеръ, потомъ уже съ этихъ бумагъ снимается отпечатокъ и т. д. Чтобы избѣжать излишняго переписыванья исполнительныхъ бумагъ въ томъ случаѣ, когда министр не согласенъ съ ними, въ нѣкоторыхъ департаментахъ заведено посылать къ министру одинъ докладъ безъ исполнительныхъ бумагъ. На докладѣ кладется министромъ резолюція и докладъ возвращается въ департаментъ все къ тому же столоначальнику, который изготовляетъ исполнительныя бумаги согласно съ положенною на докладѣ резолюціей, и онѣ идутъ съ тѣмъ же докладомъ и тѣмъ же путемъ, претерпѣвая ту же судьбу, до министра и снова возвращаются въ департаментъ къ журналисту и для снятія копій. Безъ всякаго сомнѣнія, что такимъ путемъ избѣгается переписываніе лишній разъ бумагъ, если не согласенъ съ нею министръ, но зато докладъ два раза проходитъ всю іерархическую лѣстницу и теряется значительное количество времени.

Я ограничусь тѣмъ, что сказалъ о путешествіи бумаги по департаменту. Замѣчу, что все сказанное мною объ отдѣленіи и его начальникѣ относится прямо до канцеляріи и ея правителя. Если же

я вдумалъ бы описать дальнѣйшее движеніе нѣкоторыхъ бумагъ, то употребилъ бы на это еще нѣсколько сучныхъ своимъ однеобразіемъ странникъ и въ настоящемъ случаѣ бесполезныхъ. *

Отъ описанія перейду теперь къ разсужденію. Я не стану говорить о коренныхъ и рациональныхъ измѣненіяхъ всей системы дѣлопроизводства, о приведеніи его въ простѣйшій видъ, оказавшіеся самымъ удобнымъ и принятымъ во всѣхъ торговыхъ конторахъ. Я не скажу ни одного слова противъ самой системы, я намеренъ сказать только нѣсколько словъ о возможности ея усовершенствованія, упрощенія, сокращенія переписки, уменьшенія расходовъ на такую сложную организацію.

При внимательномъ разсмотрѣніи описанной мною системы уже всякому смѣлнвому человѣку бросятся въ глаза три несовершенства ея, которыя могли бы быть отстранены или измѣнены, чрезъ что весь механизмъ значительно бы упростился: 1) непонятная роль начальника отдѣленія, какъ человѣка, не несущаго de facto обязанности дѣлопроизводителя, но скрѣпляющаго бумаги подписью и несущаго за нихъ отвѣтственность, и раздѣленіе обязанностей дѣлопроизводителя отъ обязанностей докладчика по существу своему нераздѣлимыхъ; 2) непонятные доклады, принимающіе итѣку же иногда громадные размѣры, представляющіе часто замѣчательный, капитальный трудъ и остающіеся совершенно бесполезными послѣ поднеси по нимъ исполнительныхъ бумагъ, и 3) снятіе копій и отпусковъ, когда существуютъ черновые проекты дѣлопроизводителя и когда съ помощью механическихъ пособій, принятыхъ во всѣхъ конторахъ, есть возможность сохранить силу, трудъ и выиграть значительное количество времени.

Скажемъ о трехъ этихъ неудобствахъ нѣсколько словъ, — можетъ быть слова наши принесутъ какую-нибудь пользу и мы достигнемъ хотя отчасти цѣли, ради которой мы рѣшились пронаести свое слово.

Припомнимъ, что для правильнаго и успѣшнаго дѣлопроизводства по наложенной нами системѣ существенно необходимы: лицо разрѣшающее, облеченное властью для извѣстнаго круга дѣйствій и подписывающее бумагу; секретарь, докладчикъ или дѣлопроизводитель, исполняющій его приказанія, работающій по его указаніямъ, составляющій бумагу и скрѣпляющій ее и наконецъ чернорабочій, писарь, переписывающій бумагу на-бѣло, котораго при разсматриваемой нами системѣ, какъ видно, обойти было невозможно. Начнемъ сначала съ поступленія бумаги въ департаментъ. Во распечатывается, какъ мы сказали, директоръ, прочитывается и кладется резолюцію. Понятно, что можетъ встрѣтиться бумага, требующая

особенныхъ соображеній, справокъ, ссылки на законъ, на которую онъ не можетъ подождать немедленно резолюцію. Прекрасно: онъ приказываетъ положить бумагу, если исполненіе не встрѣчаетъ затрудненій. Дѣло ему хорошо извѣстно и не требуетъ разъясненій; въ противномъ случаѣ онъ приказываетъ навести справку, отыскать законъ, разъяснить обстоятельства, объясняющія дѣло и проч. и дѣлаетъ въ такомъ смыслѣ помѣтку. Перваго рода бумаги просто и немедленно исполняются согласно положенной на нихъ резолюціи; по вторымъ необходимъ докладъ, ибо по докладу на нихъ должна быть предложена резолюція, которая и направитъ бы дѣло съ извѣстной стороны; только директоръ и никто кромѣ него не имѣетъ права и не облеченъ властью давать извѣстный ходъ, то или другое направленіе дѣлу.

Въ такомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ поступаютъ бумаги къ начальнику отдѣленія, который de jure есть офиціальныи дѣлопроизводитель и докладчикъ. Посмотримъ на его дѣятельность въ настоящемъ случаѣ. Если онъ докладчикъ и дѣлопроизводитель, если онъ держитъ бумагу и несетъ за нее часть отвѣтственности, то ясно, что онъ долженъ изготовить бумагу. Между-тѣмъ обязанности его въ существующей системѣ раздѣлены: онъ удерживаетъ за собою обязанности докладчика, а часть дѣлопроизводительную поручаетъ столоначальнику, который работаетъ подъ его наблюденіемъ. Это противорѣчитъ логикѣ и влечетъ за собою многія неудобства. Получивъ бумагу съ резолюціей и помѣтками директора, начальникъ отдѣленія первый долженъ просто исполнить согласно положенному на нихъ приказанію, второй долженъ разработать, отыскать законъ, навести справку и доложить директору, чтобы получить разрѣшеніе дать извѣстное направленіе бумагѣ. Легче всего исполнить бумагу ему, такъ какъ онъ хорошо ознакомился съ нею, отвѣтъ созрѣлъ въ головѣ его и его слѣдуетъ только написать. Для чего же поручать это готовое уже дѣло другой головѣ, другимъ рукамъ? Не значить ли это потерять понапрасну время?

Начальникъ отдѣленія de jure не имѣетъ права давать направленіе дѣлу; право это принадлежитъ высшей іерархической власти; да еслибы онъ и имѣлъ это право, то не для чего поручать дѣло столоначальнику, обращать его въ дѣлопроизводителя de facto, которому придется совершенно бесполезно во второй разъ наводить справку, отыскивать законъ и проч., когда все это уже извѣстно начальнику отдѣленія.

Навести справку, отыскать законъ, разъяснить обстоятельство — это тоже что исполнить бумагу; написать ее недолго, когда всѣ данныя извѣстны, факты собраны. Итакъ начальникъ отдѣле-

нѣя въпервыхъ не имѣеть права направлять дѣла въ ту или другую сторону: онъ можетъ только доложить директору, что такое его личное мнѣніе; онъ не можетъ направлять и работу столоначальника, ибо для этого онъ долженъ изучить дѣло, совершенно съ нимъ ознакомиться, а это, какъ сказали, тоже что исполнить бумагу; если же наконецъ послѣднее и возможно, то нечего даромъ терять время, объяснить дѣло столоначальнику, послѣднему снова наводить справку, отыскивать законъ и проч., чтобы составить бумагу, однимъ словомъ два раза дѣлать одно и тоже дѣло.

Всѣ эти неудобства легко объясняются практикой. Еслибы обязанности начальника отдѣленія ограничивались бы направлениемъ дѣла, то это значило бы, что онъ имѣеть полное право ничего не дѣлать, и только долженъ раздать поступившія къ нему въ отдѣленіе бумаги по столамъ, съ новою надписью исполнить или навести справку, ибо еслибы онъ занялся разъясненіемъ какой-нибудь бумаги, то это бы было все равно, что онъ исполняетъ ее.

На дѣлѣ начальникъ отдѣленія и раздаетъ только бумаги по столамъ, оставляя себѣ, чтобы не сдѣлать сложа руки, болѣе важныя и серьезныя, сколько успѣеть исполнить; то-есть сама практика показываетъ, что въ сущности онъ лишнее посредствующее лицо, а такой же дѣлопроизводитель, какъ его столоначальникъ, да кромѣ того еще онъ и офиціальнѣй докладчикъ. О послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Между-тѣмъ какъ обязанности докладчика остались за начальникомъ отдѣленія, характеръ его дѣятельности, какъ дѣлопроизводителя, измѣнился вслѣдствіе огромной массы дѣлъ и бумагъ, проходящихъ черезъ его руки. Въмѣсто того, чтобы увеличить поэтому число дѣлопроизводителей de jure или число начальниковъ отдѣленій, предоставляя имъ работу по силамъ, увеличивали число столоначальниковъ, дѣлопроизводителей de facto, такъ какъ содержаніе первыхъ обходится казнѣ несравненно дороже содержанія вторыхъ. Посему и результатъ выщелъ противоположный. Настоящій дѣлопроизводитель — столоначальникъ, занимаясь порученной бумагой, изучая дѣло въ возможной подробности, справляясь съ законами, наводя справки, разумѣется знаетъ или долженъ знать его до малѣйшихъ подробностей — онъ положительно и лучшій, и законнѣйшій докладчикъ дѣла до той самой минуты, пока оно не будетъ рѣшено высшею іерархической властью, которая по закону имѣеть право порѣшить его. Что же выходитъ на дѣлѣ? Столоначальникъ, дѣлопроизводитель de facto объясняетъ дѣло, насколько случится, начальнику отдѣленія, дѣлопроизводителю и докладчику de jure, который положительно не можетъ знать его въ такой же подробности,

тѣмъ какъ не занимался имъ, и этотъ уже съ выполненными обязанностями идетъ съ докладомъ къ директору департамента. Въ этомъ обстоятельствѣ, по крайнему моему разумѣнію и наблюденію за практическими холостыми дѣлами, заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему при существующей системѣ дѣлопроизводства теряется повсюду столько труда и времени и почему столько докладовъ возвращается назадъ для переписки и передѣлки. Еще разъ повторю: *лучшій докладчикъ есть дѣлопроизводитель*. А то что же выходитъ уже помимо описанныхъ неудобствъ? Хорошо пошла бумага — честь и слава начальнику отдѣленія, загребавшему въ этотъ случаѣ жаръ чужими руками; возвращена назадъ — вся вина падаетъ на столоначальника. Одно изъ двухъ: или столоначальникъ лишнее лицо и мѣсто его слѣдуетъ упразднить, замѣнить его дешевымъ чернорабочимъ, пиаремъ, и увеличить въ должномъ количествѣ начальниковъ отдѣленій; или уничтожить мѣста послѣднихъ, и въ такомъ случаѣ можно обойтись безъ увеличенія числа столоначальниковъ; столоначальниковъ же, какъ дѣйствительныхъ дѣлопроизводителей, слѣдуетъ и докладывать. Дѣло выиграетъ много чрезъ это замѣненіе даже при востоящей системѣ письменоводства, не говоря о возможныхъ сбереженіяхъ и выгодахъ казны. Что мѣшаетъ подобному преобразованію? рутинна? но противъ нея такъ много говорилось въ послѣднее время; неохотность оставить безъ мѣстъ начальниковъ отдѣленій? но преобразование можетъ быть слѣдано исподволь, по мѣрѣ открытія и упраздненія вакансій. Возраженіе, что такимъ образомъ расплодилось бы число докладчиковъ и обременило бы директоровъ департаментовъ, падаетъ само собою предъ тѣмъ доводомъ, что необходимое для выслушанія докладчиковъ время рассчитывается директоромъ не по числу докладчиковъ, а по числу докладовъ и бумагъ; и количество тѣхъ и другихъ останется неизмѣненнымъ при обращеніи дѣлопроизводителей *de facto* въ докладчиковъ.

Обратимся теперь къ выгодамъ и удобствамъ, представляемымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣлопроизводитель и докладчикъ необходимо одно лицо, и оставимъ въ сторонѣ вопросъ о сбереженіи расходовъ и выгодѣ казначейства. Прежде всего докладчикъ будетъ звать совершенно лучше докладываемое дѣло, бумаги рѣже будутъ возвращаться назадъ: онъ обстоятельнѣе будетъ объясняться начальнику; за непредвидѣнною начальникомъ отдѣленія справкою не зѣтитъ: будетъ возвращаться къ столоначальнику или затѣннать для червилья попавшимся объясненіемъ, чтобы самому вырваться изъ непріятнаго положенія посредствомъ понятнаго и легко объяснимаго извѣстія какой-либо подробности, такъ какъ надъ дѣломъ работала другой, а между-тѣмъ эта подробность часто можетъ

быть причиною возвращенія назаль докладов и его порядковъ вопреки истины и справедливости; выиграется время, соблюдется справедливость относительно труда мелкаго теперь чиновника, работающаго до поту безъ надежды на сколько-нибудь достойное его трудовъ вознагражденіе.

Съ другой стороны число докладчиковъ умножится; директора департаментовъ и министры придутъ въ соприкосновеніе съ большимъ числомъ личностей, что не можетъ не дать благодѣтельныхъ результатовъ. Выборъ для порученій, для особенныхъ работъ не можетъ встрѣтить затрудненій, ибо вмѣсто трехъ или четырехъ личностей начальникъ ознакомится съ пятнадцатью и двадцатью. При настоящей системѣ директору департамента, не говоря уже о министрѣ, положительно нѣтъ возможности знать в половинѣ работающихъ у него чиновниковъ. Сколько молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, съ юношескою пламенною готовностью служить обществу сидятъ столоначальниками или ихъ помощниками въ совершенной и несправедливой неизвѣстности, чернорабочими дѣлопроизводства, между-тѣмъ какъ ими и исполняются всѣ дѣла, за которыя только не имѣтъ слѣдуютъ награды! Они должны быть докладчиками по праву, потому что они дѣлопроизводители на дѣлѣ. Мы твердо увѣрены, что если вообще настоящая система дѣлопроизводства удержится, то преобразование ея въ обозначенномъ нами направленіи принесетъ огромныя пользы, не говоря о сбереженіяхъ. Лучше имѣть нѣсколько дѣльных, работающихъ дѣлопроизводителей и обезпечить имъ существованіе безобиднымъ содержаніемъ, чѣмъ держать сонмы бесполезныхъ чиновниковъ, да еще не окупающихъ своею службою стоимости ихъ содержанія для казначейства. Намъ не безъизвѣстно, что проектъ нашъ найдутъ зараженнымъ демократическимъ духомъ, — мы настаиваемъ на несомнѣнной его пользѣ.

Вмѣстѣ властямъ не придется сѣтовать, что при такомъ порядкѣ у нихъ недостатокъ времени выслушивать большее число докладчиковъ. Мы уже упоминали, что количество докладовъ останется тоже и нѣтъ причинъ думать, что человѣку, которому хорошо извѣстно дѣло, понадобится бы на изложеніе его болѣе времени, чѣмъ человѣку мѣтѣ съ нимъ знакомому или знакомому съ нимъ по сообщенію дѣлопроизводителя. Намъ даже кажется, что дѣлопроизводителю было бы весьма полезно находиться в при дальнейшихъ докладахъ производимаго имъ дѣла, ибо весьма легко можетъ случиться, что опущенное имъ обстоятельство въ докладѣ, которое онъ считалъ не заслуживающимъ вниманія, будетъ поднято при докладѣ; потребуются справки, а если дѣлопроизводитель не знаетъ, то

одного слова можетъ разъяснить обстоятельства и рѣшить дѣло, т. е. повести къ подовен исполнительной бумага, тогда даже при его отсутствіи все дѣло будетъ возвращено назадъ, часто вслѣдствіе самаго ничтожнаго недоразумѣнія, которое не могъ объяснить официальный докладчикъ. Мы ничего не можемъ сказать противъ докладчика (будь это хоть самъ директоръ департамента на докладѣ министру), если онъ очутится въ невозможности объяснить какого-либо обстоятельства: въдъ положительно нѣтъ никакой человеческой возможности знать ему дѣло до такой подробности, какъ оно извѣстно дѣлопроизводителю, копавшемуся надъ нимъ дни и часто недѣли, — да это не всегда бываетъ и нужно, — а между-тѣмъ понятно недовольное его положеніе, если онъ не въ состояніи дать положительнаго и удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ министра. Что же выходить? Онъ не можетъ же сказать: «не знаю этого обстоятельства», но вѣроятно оно не могло ускользнуть отъ вниманія дѣлопроизводителя и что-нибудь напутаетъ болѣе или менѣе правдоподобное. Докладъ возвращается, исполнительныя бумаги не подписаны, время потеряно. Еще хорошо, если его замѣшательство и объясненіе не повлекутъ за собой болѣе печальныхъ послѣдствій. Чтобы поддержать авторитетъ директора, можетъ придется передѣлывать докладъ вопреки чувству справедливости и здравому смыслу. Все это пагубно отражается на характеръ дѣятельности дѣлопроизводителя. Съ энергіей, достойной лучшей участи, съ любовью къ дѣлу начиняетъ онъ свое служебное поприще, посвящаетъ ему лучшія свои силы, кладетъ въ него часть души своей. Мало-помалу иллюзіи его разлетаются какъ дымъ, доклады по разнымъ причинамъ возвращаются назадъ, перѣдко съ выговоромъ за небрежность, за отступленіе отъ формы, за неумѣнье докладчика выказать дѣло съ надлежащей стороны и проч.

Энергія его упадаетъ, вниманія надъ дѣломъ вытѣсняется любовью къ нему, безразличіе овладѣваетъ имъ все болѣе и разрывается волѣнншимъ индифферентизмомъ, апатіей, кончающающае извѣстннмъ у насъ и получившимъ права гражданства: лишь бы сбыть съ рукъ дѣло, отнестися, или фантосовннмъ «подписано, такъ съ плечъ делой!»

Сколько хорошихъ, свѣтлыхъ личностей, благородныхъ и энергическихъ, могущихъ быть весьма полезными своею дѣятельностью, погубила формализтика, рутина и индифферентизмъ нашей канцелярской службы! Человѣкъ надюбленннй неправдами и несообразностями бюрократическихъ требованій, четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ недослужившійся до знака отличія за безпорочную службу, перешолъ въ литературу, сдѣлался однимъ изъ ее любимыхъ ти-

пост. Это что-нибудь некаромъ. Разушется легко: потушимъ насъ его бесполезною, донкихотскою рѣшимою, да къ чему же поведетъ насъ въшиха и много ли она разъяснитъ и поправитъ дѣло?

Я упомянулъ о веловкомъ положеніи докладчика, вызванномъ пріятнымъ и легко оправдываемымъ замѣшательствомъ и неувереніемъ разъяснить какое-либо обстоятельство доклада, надъ которымъ работалъ другой. Это веловкое положеніе вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, болѣе личнаго и независающаго отъ службы свойства, породило другое неудобство нашего дѣлопроизводства, залутовавшее письмоводство и вызвавшее особенно тягостное увеличеніе переписки — это письменные доклады, къ которымъ я и перейду теперь. Я не говорю о докладахъ самостоятельныхъ, въ формѣ записокъ, мнѣній, составляющихъ спеціальныя работы по вопросамъ административнымъ или по преобразованіямъ. Такіе доклады будутъ всегда необходимы. Отличительная черта ихъ — это то, что они не сопровождаются исполнительными бумагами и исполняются по окончательному ихъ рѣшенію въ совѣтахъ, комитетахъ или высочайшей волей. Докладъ, о которомъ я говорю, имѣетъ цѣлю изложеніе дѣла, подлежащаго рѣшенію; подносится онъ собственно для того, чтобы прочитавши его, лицо, облеченное властью, подписало исполнительныя бумаги. Онъ служитъ только для разъясненія, почему то а не другое распоряженіе слѣдуетъ сдѣлать, чтобы достигнуть лучшей и полезнѣйшей цѣли. Докладъ, по прочтеніи его и подписаніи бумагъ, возвращается въ то мѣсто, гдѣ онъ составлялся, и хранится при дѣлахъ, то-есть при отпускахъ посланныхъ по немъ бумагъ въ отвѣтъ на бумагу, его породившую. Хотя для справокъ докладъ и бываетъ нуженъ, но легко обойтись и безъ него, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ докладѣ излагается прежде всего сущность бумаги, сущность его, за тѣмъ помѣщается справка (съ закономъ или съ бумагами, производившимися по этому же дѣлу), потомъ производится соображеніе, высказывается мнѣніе, какъ слѣдовало бы поступить въ данномъ случаѣ и наконецъ испрашивается согласіе на это мнѣніе, я въ такомъ случаѣ подносится къ подписи проектъ исполнительнаго документа. Не проще ли было бы на той же бумагѣ, сопровождающей докладъ, въ которой стало-быть уже изложено сущность дѣла, коротко привести справку, помѣтить число и номеръ бумаги, статью закона за подписью дѣлопроизводителя, все остальное: мнѣніе, испрашиваніе согласія и разрѣшеніе помѣстить известнымъ образомъ, высказать устно при докладѣ, тѣмъ образомъ, что сущность всего изложеннаго помѣщена въ проектѣ документа.

цельной бумаги? Все въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность при справкахъ, останется въ департаментѣ налицо, на входящей бумагѣ, хранящейся при дѣлахъ. Дѣло ничего не проиграло бы, напротивъ въ барышахъ остались бы сбереженный трудъ, и время и всѣ выгоды, представляемыя устнымъ докладомъ. Я привелъ лишь неумѣнный законъ правильно и рационально-организованнаго дѣлопроизводства, что дѣлопроизводитель и докладчикъ должны быть одно лицо, ибо дѣлопроизводитель есть несомнѣнно лучший, единственно возможный хороший докладчикъ; теперь присоединимъ второе правило, нарушение котораго ведетъ къ печальнымъ результатамъ бюрократіи, порождаетъ безплодную переписку и отстраняетъ дѣло на задній планъ, выдвигая впередъ переписку: *если доклады по возможности должны быть устными; всѣ же письменныя должны быть отстранены, за весьма немногими исключеніями, когда дѣло выходитъ изъ тѣсной сферы спеціальнаго вѣдомства, въ которомъ оно рѣшается и переходитъ на разсмотрѣніе въ другія, постороннія учрежденія.* Уничтоженіе письменныхъ докладовъ, мы утверждаемъ съилою, сократить ненужную переписку некрайней-мѣрѣ на сорокъ процентовъ.

Разудите хорошенько что такое письменный докладъ, при которомъ посылается исполнительная бумага? это не документъ, который слѣдуетъ хранить, въ которомъ можетъ встрѣтиться надобность въ будущемъ; это не распоряженіе, ибо распоряженіе есть исполнительная бумага — это просто записка для памяти докладчика, записка нерѣдко на десяткахъ листовъ, порожденная тѣмъ обстоятельствомъ, что обязанности докладчика и дѣлопроизводителя раздѣлены, когда онѣ по сущности своей раздѣлены быть не могутъ. Не показывается ли онѣ наглядно, что докладчикъ не имѣетъ возможности сохранить въ своей памяти всѣ обстоятельства дѣла? И это весьма понятно: такъ какъ не имѣ производилось оно, не онѣ работалъ надъ нимъ, и такъ какъ при устномъ докладѣ онѣ могъ бы напутать и не объяснить могущаго встрѣтиться обстоятельства, то докладъ посылается писанный, когда по здравому смыслу онѣ долженъ быть личный и устный. Мы не забываемъ возраженія, которое намъ могутъ сдѣлать, что докладчикъ можетъ быть обремененъ такимъ количествомъ занятій, что прибѣгаетъ къ письменному докладу, чтобы выиграть время. Но лицо облеченное властью, къ которому постунаетъ письменный докладъ, непремѣнно обремененъ еще болѣе дѣлами, а при настоящемъ порядкѣ оно обязано же читать докладъ и убивать на это ровно въ два раза больше времени, чѣмъ потребовалъ бы докладъ устный? а тѣ дѣлопроизводители, на обязанности которыхъ возложена вся черная работа, требуютъ

щая по преимуществу большого количества времени, развѣ обрѣ-
нены меньше официальнаго докладчика?

Безъ всякаго сомнѣнія тѣмъ лучше влѣтъ всякая часть адми-
нистративнаго управленія, чѣмъ меньше посредствующихъ степеней,
задерживающихъ быстрое рѣшеніе дѣла: чѣмъ ближе власть
къ непосредственному исполнителю, тѣмъ скорѣе рѣшеніе приво-
дится въ исполненіе. Но высшая іерархическая власть по возможности
не въ состояніи рѣшать всѣ дѣла по ея вѣдомству; вотъ почему
законъ облекъ частью ея лицо посредствующее, которое въ огра-
дѣнной оферѣ можетъ дѣйствовать самостоятельно, отъ своего иже-
на и подъ личною отвѣтственностью. Въ такомъ положеніи нахо-
дится директоръ департамента, какъ помощникъ министра, и тогда
по дѣламъ высшаго управленія онъ есть его дѣлопроизводитель и
докладчикъ, иже своего официальнаго дѣлопроизводителя и доклад-
чика въ начальникъ отдѣленія. Все бымо бы хороше, еслибы бю-
рократическая іерархія *de facto*, какъ и *de jure* остановилась
на этомъ послѣднемъ дѣлопроизводителѣ и докладчикѣ. На дѣлѣ
этаго нѣтъ. Существуетъ еще настоящій, но не официальный дѣло-
производитель, вошедшій помимо законовъ въ обычаи бюрократіи,
служащій впрочемъ не по найму, не на торговель, свободномъ
правѣ, а числящійся на службѣ, получающій отъ казны жалованье,
чины и знаки отличія, это — столоначальникъ и его помощникъ;
такъ что начальникъ отдѣленія является тоже какъ особая посред-
ствующая ступень, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ не облеченъ
никакою властью, никакою самостоятельностью для рѣшенія
хотя самаго незначительнаго дѣла. И съ этой точки зрѣнія намъ еще
лице лишнее, ненужное, или какъ мы уже говорили, ненуженъ сто-
лоначальникъ; то-есть слѣдовало бы: или уничтожить столоначаль-
никовъ, увеличивъ число начальниковъ отдѣленій соответственно
дѣйствительной надобности, или уничтожить начальниковъ отдѣ-
леній, обративъ въ докладчиковъ дѣлопроизводителей, и такъ какъ
первое преобразование сопряжено съ большими расходами, то слѣ-
довало бы остановиться на второмъ и хорошенъко его разработать.
Мы увѣрены, что при рациональномъ преобразованіи дѣлопроиз-
водства можно бы было сократить и число самихъ дѣлопроизводи-
телей, увеличивъ ихъ содержаніе изъ остаточныхъ суммъ и иже-
щихъ открыться вслѣдствіе упраздненія мѣстъ начальниковъ отдѣ-
леній.

Изложивъ главнымъ образомъ сущность дѣлопроизводства при
настоящей системѣ, прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ на бумагѣ
при упрощенномъ канцелярскомъ механизмѣ. Дѣлопроизводитель
получаетъ двоякаго рода бумаги, помѣченныя директоромъ депар-

твенствъ: одинъ, не представляя никакихъ затрудненій, не требуя никакихъ справокъ, подлежитъ немедленному исполненію въ смыслъ, обозначенномъ резолюціей директора, другія для исполненія требуютъ особой разработкы, справокъ и проч. По первымъ тотчасъ готовятся исполнительныя бумаги и подносятся къ подписанію директора департамента; на вторыхъ съ боку на поляхъ помѣщается справка, ссылка на статью закона и въ такомъ видѣ докладываются устно директору департамента. Зависитъ ли теперь исполненіе бумагъ отъ власти директора или бумага должна идти къ подписи министра, директоръ согласно съ своимъ мнѣніемъ и наведеніемъ справокъ, закономъ, приказываетъ приготовить исполнительную бумагу, изготовивши которую, дѣлопроизводитель подноситъ ее къ подписанію, и если разрѣшеніе дѣла зависитъ отъ власти министра, то непременно присутствуетъ при докладѣ директора, которому можетъ встрѣтиться въ немъ надобность при разъясненіи какого либо вопроса. Такъ какъ такихъ докладовъ встрѣчается сравнительно гораздо меньше, а письменное ихъ изготовленіе требуетъ наибольшаго времени, то этихъ-то и сохранится болѣе всего переписка и выиграется время. Этотъ порядокъ представляетъ еще ту выгоду, что теперь извѣстны будутъ не только способности дѣлопроизводителей, но и количество несомнѣннаго ими труда, что необходимо повлечь за собою и основное правило вознагражденія: à chacun selon ses capacités, à chaque capacité selon ses oeuvres.

Мы не можемъ окончить нашего краткаго и по необходимости слишкомъ спеціальнаго изложенія, не сказавъ въ заключеніе нѣсколько словъ о чернорабочихъ канцеляріи, о поденщикахъ бюрократіи, о писаряхъ. Уже почти на половину былъ бы сокращенъ ихъ безспорно тяжелый трудъ уничтоженіемъ такъ-называемыхъ отпусковъ, копій со всѣхъ исходящихъ бумагъ. Мы рѣшительно не понимаемъ къ чему эти отпуска, требующіе огромнаго чернаго труда и еще большаго количества времени, задерживающіе отправленіе часто весьма спѣшной бумаги, пока съ нея не будетъ снята копія? Мы не можемъ также объяснить себѣ, почему черновые проекты бумагъ дѣлопроизводителя не могутъ замѣнить ихъ и служить руководствомъ для наведенія справокъ? Въдъ если проставить на нихъ номеръ ихъ исходящаго журнала и число мѣсяца, то кромѣ болѣе или менѣе разборчиваго почерка, они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ копій, такъ какъ они служили оригиналами для исполнительной бумаги. Въ торговыхъ конторахъ тоже оставляются копія съ исходящихъ бумагъ и писемъ. Но для этого употребляется не дорогой и кропотливый трудъ переписчика, а копировальныя прессы. Если уже необходимо снимать копія съ бѣловыхъ бумагъ, то почему бы

не завести такихъ прессовъ (и стоять-то она отъ 15 до 25 руб.) въ канцеляріяхъ? Правда, что этими прессами возможно снять копию только въ первые часы по написаніи бумаги, пока чернила не совсемъ засохла, а бумага съ надписью можетъ вернуться и черезъ нѣсколько дней, но чтоже нѣшало бы сдѣлать копию немедленно послѣ переписки бумаги, а еслибы она возвратилась назадъ для перекрѣпки, какъ негодная, то перекрѣчивать копию и снимать новую со вновь изготовленной бумаги? Но повторимъ, это дѣло лишнее, потому что вмѣсто копій, или отпуска, можетъ служить черновалъ дѣлопроизводителя, сберегая на половину трудъ писарей.

Все сказанное нами далеко не захватываетъ глубь самого предмета, неуклоняется нисколько отъ существующей системы дѣлопроизводства и не противорѣчитъ главнымъ ея основаніямъ; именно поэтому-то мы и рѣшились сказать свое слово; нѣтъ, предлагаемыя нами, можетъ-быть даже и не новы, тѣмъ не менѣе мы подвергаемъ ихъ общему обсужденію, такъ какъ вопросъ объ уменьшеніи переписки, объ упрощеніи формъ дѣлопроизводства, о сокращеніи штатовъ и расходовъ казны, если и рѣшался въ специальныхъ административныхъ сферахъ, то литературой почти не затрагивался.

Н. МЕНШКОВЪ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАГО ВЗГЛЯДА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

IV

ЗАКОННЫЯ СТОРОНЫ РОМАНТИЗМА

Поэтъ скорбей и страданій того поколѣнія, которое поэтически-буйствовало и вмѣстѣ стесало съ Полежаевымъ, которое думало заезить въ гордости отчаянія съ Лермонтовымъ и между тѣмъ дошло только до поворотной грани къ комизму въ лицѣ его Печорина, поэтъ отпѣлъ ему грустную и искреннюю панихиду въ своемъ посланіи къ «Друзьямъ»:

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили...
Но мы вокругъ не встрѣтили участія
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты.
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли сердцу скажетъ дерзкій умъ?

Кл. XI. — Отд. II.

Къ чему упрекъ? *Смиренье* въ душу вложивъ
И въ ней затворимся — безъ жолчи, если можемъ!..

Сбпоставьте съ этой дышащей искренностью панихидою лермонтовскую «думу», и вы поразитесь очевидною разницею результатовъ, добытыхъ, очевидно страдапіями, тѣмъ и другимъ поэтомъ. Разумѣется о сопоставленіи по отношенію къ формѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи: свистащій какъ бичь и стальной стихъ Лермонтова, энергическая сжатость его формъ, выпуклость его поэтической манеры, нейдутъ въ параллель съ небрежною формою поэта «монологовъ», но дѣло не въ сравненіи ихъ талантовъ... Поэтъ «монологовъ» самъ лучше другихъ сознавалъ силу и могучесть Лермонтова; самъ онъ говорилъ о немъ разъ:

Нѣтъ!.. есть поэтъ
Хоть онъ и офицеръ армейскій...

Сила въ томъ, что въ лермонтовской «думѣ», столь безпощадной въ отношеніи къ тому поколѣнію, которое бичуя воспѣвалъ онъ въ ней, въ поколѣніи, которое приравнялъ онъ къ «плоду до времени созрѣлому», которое пройдетъ

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
Ни гевіемъ зачатого плода;

въ этихъ «дубовыхъ листахъ», «оторвавшихся отъ вѣтки радимой», въ поколѣніи, котораго прахъ

Со строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обмавутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...

Сила въ томъ, говорю я, что въ этой безпощадной, мрачно-про-нической «думѣ» гораздо больше гордости и самообольщенія, чѣмъ въ панихидѣ поэта «монологовъ» по бесплодной борьбѣ и погибшимъ надеждамъ своего поколѣнія... Ну чтожь?.. какъ будто говорить Лермонтовъ: да! мы таковы, да! въ насъ

И радость и горе и все такъ ничтожно...

да! мы сознали мелочность и ничтожность нашей радости и горя... но въ этомъ сознаніи — наша сила, и мы гордимся этою силою. Пусть грядущее наше и «пусто и темно», пускай безвременно состарилась мы «подъ бременемъ страданья и сомнѣнья», нужды нѣтъ! Мы купили опытомъ жизни холодъ самообладанія.

И вотъ, вслѣдствіе такого нравственнаго процесса, является у поэта образъ Печорина, котораго комическія стороны едва ли и самому ему были ясны, и который долго дѣйствовалъ обаятельно на другихъ.

Какъ задатки комическаго въ образѣ Печорина, задатки обозначающіеся рѣзко какъ только этотъ образъ наивно повторился въ Тамиринѣ, такъ и обаятельныя, могущественно дѣйствовавшія на его воображеніе черты его — несомнѣнны. Разсмотрѣть тѣ и другія, дѣло далеко не бесполезное, даже и въ настоящую минуту...

Но обаятельныя стороны печоринскаго образа, какъ типа чело-вѣка *хищнаго*, въ противоположность чело-вѣку *смирному*, представителя тревожныхъ началъ «необъятныхъ силъ» по его собственному выраженію — въ связи съ тѣмъ же самымъ русскимъ романтизмомъ, о которомъ уже говорилъ я. Вѣдь когда обаятеленъ Печеринъ?.. Неужели тогда, когда онъ *боится* обнять Максима Максимыча и вообще фарсится великосвѣтскостью... Иначе будетъ обаятеленъ и Тамиринъ, когда онъ фарсится передъ степенными помѣщиками тѣмъ, что завтракаетъ по утрамъ вѣсто того, чтобы чай пить. Печоринъ влекъ насъ всѣхъ неотразимо и до сихъ поръ еще можетъ увлекать, и вѣроятно всегда будетъ увлекать тѣмъ что въ немъ есть фзіологически нашего, а именно — броженіемъ необъятныхъ силъ съ одной стороны и срединеніемъ съ этимъ виѣстѣ сѣверной сдержанности черезъ присутствіе въ себѣ почти демонскаго холода самообладанія. Вѣдь можетъ-быть, этотъ какъ женщина перенный господинъ способенъ былъ бы умирать съ холоднымъ спокойствіемъ Стеньки Разина въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Отвратительныя и смѣшныя стороны Печорина, въ немъ нѣчто наускное, нѣчто мнражное, какъ вообще вса наша великосвѣтскость... основы же его характера трагичны, пожалуй страшны, но никакъ уже не смѣшны... Какъ онъ ни изѣденъ анализомъ и какъ ни безпокаленъ онъ въ своемъ критическомъ отрицаніи, звѣрство Мцыри прорывается въ рыдавіяхъ по уѣхавшей Вѣрѣ; чуются люди иной титанической эпохи, готовые играть жизнию при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, затѣмъ ли, чтобы оставить по себѣ страничку въ исторіи, или просто такъ, изъ удачи, въ его похожденияхъ съ контрабандисткой и въ его фаталистической игрѣ, которою кончается романъ... Вотъ этими-то своими сторонами Печоринъ не только былъ героемъ своего времени, но едва ли не одинъ изъ нашихъ органическихъ типовъ героическаго.

О законности этого типа въ нашей литературѣ, о законности столь же несомнѣнной, какъ и законность другого нашего типа, типа смирнаго чело-вѣка, я поднимаю вопросъ довольно часто, но,

съ опасностью наскучить читателямъ, долженъ поднять его еще неразъ: въ отношеніи же къ Лермонтову и къ его представленію о героическомъ онъ неизбѣженъ.

Около десяти лѣтъ, литература наша ведетъ и глухую и открытую, и болѣзненную и здоровую борьбу съ этимъ хищнымъ гяпомъ, съ легкой руки Ивана Петровича Бѣлкина.

Но Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ былъ человекъ съ собою на умѣ, несмотря на свою кажущуюся простоту; онъ отшатнулся отъ мрачнаго и сосредоточеннаго Сильвіо, засвидѣтельствовавъ только, что вотъ дескать какой странный человекъ мнѣ встрѣтился. Мы пошли дальше. Мы заподозрили съ самихъ себя и стало-быть въ нашихъ герояхъ начала тревоги и страстности, мы начали обвинять ихъ въ неискренности, въ «приподнятости» и «подогрѣтости» чувствъ, не подозревая того, что сами готовы впасть въ другого рода неискренность, въ вѣкторую мономанію искренности.

Быть искреннимъ! Да! Искренность дѣйствительно слово огромной важности, но подвергая критикѣ все, должно и самое это слово, т. е. понятіе, замыкающееся въ словѣ, подвергнуть критикѣ.

Есть люди, которые весьма искренно не понимаютъ Шекспира и весьма искренно въ этомъ сознаются; знавалъ я даже такихъ, которые весьма искренно ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые по ихъ мнѣнію неискренно восторгались Шекспиромъ. Знавалъ я также одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность. Дѣлая величайшія несообразности и даже мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти повторяемымъ ею на каждомъ шагѣ восклицаніемъ Марьи Андреевны Островскаго: «зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?» Чтожъ, вѣдь она въ самомъ дѣлѣ была очень искренна! Она очень искренно, несмотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными, искренно мотала икру, т. е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце, если сердце у нея было, — именно вѣтромъ, потому что своихъ собственныхъ мыслей или чувства у нея никогда не зарождалось; — но при всей этой искренности вѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива, чуть ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя алейки сада лѣтнихъ раскрасовъ, представлялись *мерцающими звѣздочками*, которая закатывала глаза подъ лобъ, и несмотря на глубочайшее невѣжество, говорила въ тонѣ героини Марлинскаго.

Впрочемъ обѣ барыни были одинаково постыдно невѣжествен-

ны, равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случилось слышать искреннюю хулу на Шекспира.

Виновать, — впрочемъ въ господахъ можно было различить нѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество «замагорѣвшее во днѣхъ», невѣжество русскаго помѣщика, 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши; 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно или отрицательно эрготировать о вопросѣ: An non spiritus exsunt, школьника воспитавшагося въ безплодной діалектической словобитвѣ и нестряхнувшего съ себя чувства злобы, развиваемаго тяжелымъ гнетомъ бурсы; 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество специалиста, который искренно считаетъ все вздоромъ, кромѣ предмета, который онъ удостоилъ избрать, и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее къ несчастію, что оно умно.

Все это, говорю я вамъ, очень искренно, будетъ не понимать многого и очень искренно заподозрить въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ оно окажется совершенно право. Вѣдь вѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности, и нѣтъ ничего вреднѣе, ибо ничто неспособно такъ поддержать застоя понятій, какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ, т. е. ложныхъ душевныхъ движеній, держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы приучили сперва нѣсколько насильственно, а потомъ уже очень легко и свободно отзываться струны этого диковиннаго, безконечно сложнаго и вмѣстѣ дѣльнаго инструмента, называемаго душою человѣческою.

Когда-то покойный К. С. Аксаковъ, анализируя характеръ Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ которому принадлежалъ онъ, вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣщценосца къ числу художественныхъ натуръ, которыми правда жизни уразумѣвается только черезъ образъ, въ который она облекается и только по степени того, прекрасенъ ли и эффектенъ ли образъ или нѣтъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажущеюся глубиною, еще и прежде меня долго мучила, но болѣе или менѣе превращалась всегда въ одинъ и тотъ же результатъ,

т. е. въ то, что всѣмъ, а не одной категоріи людей правдѣ дается красотою, образомъ, что разумѣніе истинны обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею. Бываетъ только красота истинная и красота фальшивая, но отзывъ на правду пробуждается въ нашей душѣ *непрѣмьно* красотою. Красота одна можетъ воплотить правду и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность «въ бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ» правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процессомъ, однимъ логическимъ путемъ, т. е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ.

Истинная истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что тѣмъ разумѣтся, которые «могутъ пріяти», истина бываетъ очевидна съ перваго же раза и дается не по частно, а всецѣло, какъ вообще все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не по частно, а всецѣло, или вовсе не дается. По частно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины, отъ которыхъ мнѣ ни тепло ни холодно. За логическій выводъ мы не пожертвуемъ жизнью, ни даже благосостояніемъ, а если и пожертвуемъ, то пожертвуемъ не собственно за него, а за подкладку живыхъ душевныхъ образованій, съ которыми онъ связанъ, за правду собственной природы или за смутное предчувствіе живого будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почтительно двери.

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ, и все дѣло въ томъ, какъ сложились эти типы, когда, изъ чего, и наконецъ точно ли они сложились и образовали живые органическіе образы или засорили душу, какъ наносные пласты?.. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣримъ ли мы въ эти типы или готовые данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно — это тоже очень важно) хотимъ въ нихъ вѣрить, или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія, укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно вѣшнымъ и уже не естественно, искусственно, а напротивъ насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпость простого, неразложимаго типа, и здоровая красота его, въ особенности когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою безцвѣтностью, какую представляютъ типы вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ образованій, населяющихъ голову многихъ, весьма впрочемъ образованныхъ господъ, — эти-то прекрасныя качества типа *цѣльнаго*, выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ владѣть въ

наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая натура познается потому, какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ, есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застою, жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т. е. дѣльнаго человѣка, и погибъ въ безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная гдѣ его искать (ибо малороссы Гоголь не зналъ великой Россіи, пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличныя, сухіе, непривлекательныя, почти что служащіе оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего Павла Ивановича Чичикова.

Дѣло въ томъ, что процесъ исканія въ себѣ и въ жизни простого и непосредственнаго завелъ насъ на первый разъ въ неминуемую односторонность. За простое и непосредственное, за чистотиповое, мы на первый разъ приняли тѣ свойства души, которыя сами по себѣ суть отрицательныя а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чистовещаннической.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ угонченными и искусственными феноменами въ организаціи человѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ, явилось стремленіе къ непосредственному, непочатому, свѣжему и органически дѣльному. Существенное въ таковыхъ стремленіяхъ одного изъ великихъ поэтовъ нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей, (а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательныя, какъ авторъ «Деревенскихъ рассказовъ» Ауэрбахъ) — было именно это стремленіе, порожденное анализомъ съ одной стороны и пресыщеніемъ съ другой.

То же самое стремленіе, но закону отраженія, которому мы подверглись съ петровской реформы, двинувшей насъ хоть и напряженно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни, явилось и въ нашей литературѣ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно таково происхожденіе той школы писателей простого, непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, но вѣншимъ, чисто-рефлективнымъ процесомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы «Дерзана», «Антонъ Горемыка». Всѣ они не болѣе какъ мозаика,

составная работа. Какъ-будто даровитый, но завязый изъ чужихъ краевъ путешественникъ подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальные обороты рѣчи, и складываетъ потомъ съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ свою мозаичскую, миниатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо идиллическій характеръ...

Но кромѣ этого часто-механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ органическій, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани — въ нашемъ величайшемъ, единственно полномъ представителѣ художественномъ, Пушкинѣ; процессъ борьбы скудной, еще не воздѣланной почвы съ громадными и воспринимчивыми силами.

Исходною точкою этого процесса была наша критическая, анализирующая и повѣряющая жизнь способность.

Эту способность мы довели однако до крайности.

Всѣ люди, сколько-нибудь мыслящіе, знаютъ вѣроятно по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспринятія впечатлѣній, это мы сами, это — наше я. Оно становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не даетъ намъ ни удержать, ни даже уловить его, набрасывая на все внѣшнее колоритъ различныхъ душевныхъ нашихъ состояній, или, что еще хуже того и что часто бывало вѣроятно съ каждымъ изъ насъ, не даетъ ни о чемъ думать, кромѣ самого себя, приѣшывая ко всему новому ржавчину, часто ядовитую, стараго и прожитаго. Или наконецъ, что тоже нередко бывало вѣроятно со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы, это я заставляетъ при воспринятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе нецеремонными словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ, на дѣлѣ такъ-сказать совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами какъ заидевскій Орасъ, то передъ самимъ собою, т. е. передъ тѣмъ я, которое судить другого себя, т. е. позирующаго, льбуется красотою его позъ и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія и зарождаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною, позирующимъ, по сличенію представится мнѣ, судящему, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною или даже (что надобно отличать) во мнѣ самомъ созданною искусственно, вытасченною изъ стараго запаса и

васильственно повторенною, тогда образуется къ 3-ей позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя — ибо оно не свободное, а родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности) стало-быть по необходимости есть состояніе необходимой обороны противъ уирека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ прокъ, въ запасъ на будущее время: ампутація, нѣсколько конечно болѣзненная, вытерпливается героически — и избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ погрѣшеніи, мы готовы довести себя до состоянія нуля, чистой *tabula rasa*, *стусшеваться*, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть нечто иное какъ оборонительное положеніе, т. е. новая, если не красивая, то по крайней-мѣрѣ прочная поза, принятая въ конечное обезпеченіе своей личности. Этотъ процессъ столь обыкновененъ, что совершается даже и во внутреннемъ мірѣ лицъ, которыя вовсе не занимаютъ душевнымъ рудокопствомъ. Какое бываетъ напримѣръ первое отношеніе *благоразумнаго* большинства людей или собственно того, что можетъ быть названо умственно-православнымъ мѣщанствомъ, ко всему новому или ко всему вообще неслѣдственному, необычному во внѣшней или внутренней жизни? (я не говорю о толпѣ или о верхахъ, но о моральномъ и общественномъ мѣщанствѣ). Непремѣнно недовѣрчивость, т. е. желаніе видѣть единственно невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому-что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое *statu quo* опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще болѣе — осмѣянія. Первый пріемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано, общее свойство человѣческой природы, вслѣдствіе котораго преслѣдовали галилеевъ и смѣялись надъ колумбами и вслѣдствіе котораго точно также все, мало-мальски галилеевское или колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недовѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей нравѣ дикаго энтузіазма, который именно только въ одно новое и небывалое вѣрится, одному новому и небывалому служить; такъ какъ большая часть галилеевскаго и колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками морганы, то оправданное недовѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправления. Бѣда только въ томъ, что точку отправления многіе въ наше время такъ-сказать останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль и это называютъ критическимъ отношеніемъ, когда съ нея, какъ съ

исходной точки только—что начинается настоящее, совершенно свободное критическое отношеніе нашего я къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса. Посмѣялся, значить отрѣшился отъ него. Хорошо! Какое же отношеніе къ извѣстному внѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустого пространства быть между душой и жизнью не можетъ, — деревяшка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что—нибудь да я поставилъ. Чтоже именно?..

Возьмемъ какой—нибудь фактъ внутренней жизни, — оно будетъ видѣе.

Положимъ, я заподозрилъ въ себѣ и заподозрилъ совершенно основательно романтическое чувство любви или лучше сказать чувство любви въ его романтическихъ формахъ, съ романтическими движеніями. Беру поле всѣмъ доступное «идѣе прѣсть ни мужескъ полъ, ни женскій, ни іудей, ни еллинъ.» Найдется ли кто, на кого бы именно то что называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало *когда—нибудь*; скажу болѣе, на кого бы оно совершенно *утратило* свои дѣйствія.

Всякій чувствующій человекъ нашей эпохи понималъ же хотя разъ, какъ иапримѣръ сладко — больно тревожить себя цѣлый день обаяніемъ страстной и манищей женской рѣчи, слышанной накануне, какъ отраднo быть больнымъ нравственной лихорадкой, какъ хорошо, мучительно—хорошо

Шептать и повѣрять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты.

Какъ можно доходить до того, чтобы

...въ опьяненіи, нанерекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить nocturno—тму...

что такое однимъ словомъ

Блаженство ночь не спать и днемъ бродить во снѣ...

и тому подобныя душевныя настрoйства.

Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно. Прекрасно! Романтическое чувство признано зашедшимъ откуда—то, или блuдомъ нѣтъ подогрѣтыхъ отсаdkoвъ. Еще лучше! Значить, названіе впечатлѣ-

ни признано на правдивомъ судѣ незаконнымъ. А что-то вѣдь было однако? Недобросовѣстно же сказать, что ничего не было! А какъ только мы назвали это странное *что-то* какимъ-нибудь именемъ, такъ и отнесли къ извѣстному роду и приковали къ извѣстному типу.

Назовемъ ли мы впечатлѣніе просто кипѣніемъ крови; т. е. одну физическую сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею права на имя, а всю романтическую его оболочку — незаконною, фальшивой, или назовемъ это именемъ моральной симпатіи, или именемъ сентиментальнаго баловства: въ томъ, и другомъ, в третьемъ случаѣ мы стараемся дать настоящее имя впечатлѣнію или чувству, вмѣсто того, которое мы нашли фальшивымъ.

Такъ у Писемскаго въ «Бракъ по страсти», чувство Мари Ступицкой къ Хазарову (не Хазарова къ ней, ибо тутъ ни на какое чувство и не посягалось) изъ романтическаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую, — равно какъ романтическимъ чувствованіемъ м-ше Мамшиловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, нравственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость натуры мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго «Фразы», сведена съ романтическихъ Ходуль, объяснена, растолкована, обличена въ ея эффектныхъ позѣхъ и ея эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю степень типа, къ которому принадлежитъ м-ше Мамшилова. Но тутъ же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія. Кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я по крайней-мѣрѣ не скажу этого въ отношеніи къ м-ше Мамшиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лицо на автора «Брака по страсти».

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти «Фразы». Я же лично разсердился, конечно не на разоблаченіе лица энциклопедической барыни, а за недостатокъ глубины и за грубую рѣзкость разоблаченія. Стоитъ только сличить два этихъ образа: «м-ше Мамшилову» и героиню повѣсти «Фразы», чтобы понять — какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право, и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эниграфъ *indignatio fecit versum*, которыя будучи порожденіемъ однихъ только

• Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ, •

имѣютъ странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣьте между прочимъ, что г. Крестовскій знаетъ свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣетъ говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку, а Писемскій вовсе въ этомъ не силенъ, но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи, соединенныя съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще, даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ, и съ другой стороны извиняютъ даже малевку того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное, если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣетъ право искусство, т. е. воплощеніе мысли, на то не все имѣетъ право. Голый анализъ еще не господствитъ, а такой же рабъ, какъ безразличный синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь, только лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сердитъ, и сердитъ справедливо, когда явленію разоблаченному имъ, т. е. лишонному незаконнаго имени, придаетъ первое попавшееся, ибо тогда онъ становится неправъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сердитъ потому, что самъ сердится, ибо сердится на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣлитъ ему въ душѣ мѣста и не назоветъ его по имени. За симъ его казнятъ, оправдываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая ли ложь, и притомъ злая ли ложь, или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть «Фразы» разсердила лично меня когда-то, именно тѣмъ, что она сама сердится и бьетъ сплеча во что ниопало.

Авторъ казнитъ афектацію чувства, безнравственность отчужденій, называющихъ себя тонкими и особенными, и чтоже противопоставляетъ этому? Деревяную ограниченность чувства, швейцарскую добродѣтель, узенькія понятія губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ онъ рубитъ сплеча не только мишурную одежду, т. е. фразы, но и живое тѣло, т. е. тревожное, страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась бы въ губернскій муравейникъ.

Не таково истинное искусство. Своимъ правдивымъ отношеніемъ къ фальши жизни, оно не сердитъ, а «обращаетъ его внутрь души», выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное искусство даже не дѣйствуетъ прямо на то, что повидимому казнить. Въ этомъ заключается его высокая бесполезность. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ, по до-

воду «Доходнаго мѣста», Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ сидѣть въ театрѣ въ представленіе пьесы (а представленія-то между-прочимъ по неизвѣстнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не воспослѣдовало), вынесутъ изъ представленія *правила для жизни*, т. е. они взгляды на жизнь Юсова и заботы Кукушкиной о воспитаніи дочерей и о домашнемъ порядкѣ примутъ вовсе не съ комической стороны; а за настоящее дѣло. Замѣчаніе въ высочайшей степени вѣрное, въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь: Сколько настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицѣ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали глубинѣ юсовскаго широзерцанія насчетъ колеса фортуны.

Оскорбляются за разоблаченіе «всякой неправды» не тѣ, въ комъ неправда «весьма застарѣла», по выраженію старика-Посошкова. Наши подъячіе (я еще это помню), сами подъ гитару пѣвали остроумные и злые куплеты бывалаго времени насчетъ взяточничества, тотчасъ же вслѣдъ за романсомъ «Подъ вечеръ осенью ненастной» и подививали даже такъ плутовски, что радовались какъ-будто этому остроумію въ полномъ убѣжденіи, что дескать, «толкуй себѣ, толкуй, а ужъ это изпоконь-вѣка заведено: не нами началось, не нами и кончится.» Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію, съ нѣсколько аристофановскою свободою приѣма, выразилъ Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей первой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. Эту же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ, да ѣстъ...

Только совѣтъ, который даетъ онъ повару, полезенъ для повара, но нестучитъ Ваську отъ лакомаго куска, равно какъ и то, что Гоголь называетъ «страхомъ идущаго вдали закона», весьма мало измѣнить нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Духановскаго... ибо все это есть только голое отрицаніе извѣстнаго нравственнаго факта, только снятіе съ него фальшиваго имени безъ заглавленія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ бы онъ въ душѣ получилъ опредѣленное мѣсто въ числѣ фактовъ, или совершенно незаконныхъ, по душевному, внутреннему, а не вѣшному, только извнѣ пришедшему убѣжденію, или законныхъ въ основахъ, но не законныхъ въ приложеніяхъ къ дѣльнымъ обстоятельствамъ. Пустого мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало — не значитъ уничтожить фактъ, но заставить его только на время *притвориться* несуществующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ

же фактомъ, т. е. фактомъ, составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому за что я стою, и что я называю *романтическимъ* въ мірѣ нашей души, я скажу тоже самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара, а впродолженіи его проповѣдей, романтической Васька слушалъ да ѣлъ. Обличители принимали обглоданный кусокъ, но Васька красть другой, можетъ быть по той простой причинѣ, что Васька ѣсть хотѣлъ, а пищу ему не давали, т. е. что *силы* чувствовали себя «необъятными». Ктѣ говорить, что котъ Васька — котъ нравственный и хорошо дѣлалъ, что красть; ктѣ говорить, что Печоринъ, «чувствуя въ себѣ силы необъятныя, занимался специально «высасываньемъ аромата сѣжей, благоухающей души», что Арбенинъ сдѣлался картежникомъ потому только, что

Чинъ я не хотѣлъ, а славы не добился,

что Веретьевъ тургеневскаго «Затишья» съ его даровитостью *идеализировалъ*, шатался и безобразничалъ, что Хорьковъ запилъ наѣвъ, а Тюфякъ умеръ отъ запоя; ктѣ говорить, что они правы? — но не на нихъ же однихъ взложить всю вину безумной растраты силъ даромъ, растраты на мелочи или даже на зло... Изъ всѣхъ этихъ романтиковъ, такъ или иначе себя стубившихъ, такъ или иначе попавшихъ въ бездны — одинъ только Любимъ Торцовъ, несмотря на безумную трату данныхъ ему силъ, не сдѣлался котомъ-Васькой; для него одного, «воровство», т. е. вообще нарушеніе порядка природнаго и общественнаго, не стало чѣмъ-то нормальнымъ, чѣмъ стало оно и для Арбенина и для Печорина, и для Владиміра Дубровскаго, и поэтому — то онъ въ своемъ родѣ совершенно правъ, говоря: «Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ всѣхъ... Всѣ другіе — общественные отщепенцы, которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправления, отъ исканія простора своей силѣ пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ конечно принадлежитъ не имъ, а тѣмъ силамъ, которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ, или нелѣпно извращаютъ, но во всякомъ случаѣ, оно есть истинно-трагическое. Едвали даже не приходится сознаться, что всѣ «необъятныя» силы нашего духа покажутся выражались въ типѣ, одно изъ самыхъ яркихъ отраженій котораго выражаетъ собою лермонтовскій Печоринъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа, отъ образовъ созданныхъ Пушкинымъ до гениальныхъ началъ Лермонтова, до *двухъ* постоянно мучившихъ и едвали еще переставшихъ мучить Тургенева, отъ гордой, вольнолюбивой, и вѣстѣ «каждъ птичка», *бесса-*

ботной, и виѣсть восточно-эгоистической и ревнивой натуры Алеко, дотого демонски-унылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окружаль Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова; взгляните въ этотъ же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ, общественныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ Островскимъ — Любимъ Торцовъ и Петръ Ильичъ, или Писемскимъ его «Тюфякъ», вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши положительныя качества, наши высшія стихіи, и въ артистически-тонкую, мирскую жажду наслажденія пушкинскаго Жуана, и въ притическую послѣдовательность печоринскаго цинизма, и въ холодное, сѣверное самообладаніе при бѣшеннѣйшій южной страстности Василья Лучинова, и въ «прожиганіе жизни» Веретьева, и въ загулъ Любима Торцова. Только стихіи эти находятся въ состояніи необузданности. Ихъ «турманомъ кружить», говоря языкомъ драмъ Островскаго, и происходитъ это отъ того, что, какъ замѣчаетъ Бородинъ, «основательности нѣтъ...» къ жизни, т. е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независящимъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко какъ центръ, овѣ сіяли бы какъ наши блестящія типовыя достоинства.

Мерзавно замучанные крайними послѣдствіями логической мысли, ставшей въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и въ почвѣ ненависти ей отвѣта, мы впадали и въ уныніе и даже въ глубокое отчаяніе, мы скорбно стѣнали съ поэтомъ монологовъ:

Отъ старыхъ истинъ я отрекся правды ради,
 Для призраковъ давно я заперъ дверь;
 Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради
 И все, и все изорвано теперь...

и въ сознаніи собственного безсилія на борьбу, говорили съ нимъ же, вашимъ искреннѣйшимъ исповѣданникомъ идеализма:

Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
 И видѣть вокругъ себя безсиліе людей;

и дѣйствительно или смѣялись надъ собою съ Тургеневымъ судорожнымъ смѣхомъ «Гамлета шигровскаго увѣзда», издѣвались съ нимъ же болѣзненно надъ «Дневникомъ лишняго человѣка...» Но именно Тургеневъ, который хотѣлъ быть искреннимъ въ казни несостоятельной личности передъ судомъ жизни и дѣйствительности, писатель наиболѣе добросовѣстный изъ всѣхъ осужденныхъ какимъ-то роковымъ проклятіемъ добиваться отъ самихъ себя искренности, разоблачавшій самъ для себя и на глазахъ своихъ читателей и поклонниковъ различныя искусственно-сложившіеся идеалы, занимав-

шіе въ душахъ людей современнаго ему по развитію поколѣнія незаконное мѣсто, — Тургеневъ самъ между тѣмъ борьба, и борьба болѣзненная. Слѣды этой борьбы поэта, безпощадно разоблачавшаго, на примѣръ въ грубыхъ чертахъ своего «Бреттера», одну сторону Печорина, и во множествѣ другихъ своихъ произведеній иныя фальшивыя стороны обаятельнаго образа, видны на всей его дѣятельности, чѣмъ можетъ быть онъ намъ всѣмъ и дорогъ въ особенности.

Когда утомленный горькимъ в тяжеломъ обличеніемъ несостоятельности личности, Тургеневъ, отдавая душою всѣмъ вліяніямъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, органически-типовомъ, непосредственномъ, онъ нежданно удивилъ въ ту пору всѣхъ идилическими изображеніями Хоря и Калиныча, но въ тоже самое время, — и это фактъ въ высшей степени знаменательный, — старый обаятельный типъ вновь поднялся у нашего поэта блистательнымъ очеркомъ лица Василья Лучинова, въ повѣсти «Три портрета», къ немалому оскорбленію исключительныхъ поклонниковъ смирнаго типа, сразу же назвавшихъ Василья Лучинова «гнилымъ человѣкомъ.» А что ни говорите о безиравственности Василья Лучинова, но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе, въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе нѣкоторымъ образомъ, это обаяніе даже сильнѣе и значительнѣе обаянія лермонтовскаго Печорина, какъ у самого Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеневъ, поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочнаго Печорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе, Тургеневъ пытается нѣсколько разъ и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ... То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважною безпечностью и вѣрою въ минуту и создавалъ Веретьева въ «Затишьѣ», придумывая и сочиняя достойное наказаніе его бесплодному существованію — и что же? Бесплодное существованіе точно являлось бесплоднымъ, но созданное поэтомъ лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало незольно, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтического колорита. Безиравственность Василья Лучинова вы, разумѣется моральнымъ судомъ, казнили, но то грозное, то страстное до безумія и вышотъ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли и внутри вашей души никакъ не могли согласиться съ Аксаковымъ, назвавшимъ Василья Лучинова гнилымъ человѣкомъ. Василій Лучининъ, помылуй

не только-что гниль, — онъ гнусенъ, но сила его, эта страстность почти что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексіи, или рефлексія пламенности, есть типовая особенность. Типовую же особенность вы не сдвинете въ душѣ вашей съ мѣста, если таковое она въ ней занимаетъ, однимъ логическимъ судомъ надъ нею; докажите что она нетиповая особенность, или лучше скажите докажите, т. е. покажите, что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ же поръ, вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными, т. е. жизненными сторонами. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ и въ особенности этого типа. Василью Лучинову Тургеневу я придаю особенную важность, потому что въ этомъ лицѣ старый тивъ донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы, формы нашего русскаго XVIII вѣка.

Но донъ-жуановское или ловласовское начало неистощиваетъ еще всего содержанія типа, съ которымъ литература вступала въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ же читателей помѣриться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретьевѣ, или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо увлекающія, обаятельныя, то тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ «Рудинѣ», человѣкѣ исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, человѣкѣ, по даннымъ натуры котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти, хотя эпилогъ и выходитъ апотеозомъ Рудина. Къ повѣсти «Рудинъ» у меня, какою въ этомъ, есть особенная слабость, и именно вотъ за что. Въ ней, въ этой повѣсти, совершается передъ глазами читателей явленіе наивно-искреннее и совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ и наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго сочувствія, снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ рассказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апотеозу: такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ. Такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, до той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, приемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, покойнаго Гра-

повскаго, что кромѣ этого, говорю я, все остальное *сдѣлаю*, а не рождено, сдѣлаю искусственно, хоть и несомнѣнъ искусно, вымучено изъ души насильственно... Тутъ однимъ словомъ обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да выстъ съ тѣмъ и въ отношеніяхъ тѣхъ изъ насъ, кто только полобросовѣстѣе, замѣчательная путаница... Что такое Рудвинъ въ повѣсти? Фразеръ, — но откуда же у Фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? человекъ слабый и безхарактерный, «куцый» по выраженію Пигасова, — но отчего же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ подмѣтилъ его кудымъ и отчего Лежневъ, знающій его вволю и поверегъ боится его вліянія на другихъ? Отчего *благородный малый* Волинскій такъ «скорбенъ головой» при своемъ благородствѣ и отчего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева, быть подъ башмакомъ у Натальи? что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они тѣни, или ихъ быть. Право такъ.

Въ литературѣ у насъ или лучше сказать на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользующаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія мнѣ случилось выдержать долгій и серьезный споръ въ одномъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей на счетъ въ ней выведеннаго типа. Въ комедіи, авторъ видимо имѣлъ задачей анализировать и казнить лицо одного изъ отверженниковъ и отщепенцевъ общества, Ферагусовъ и Монришо, поколику Ферагусы и Монришо, смягченные и разжиженные, являются въ нашей жизни. Несмотря на видимую казнь, всякому чувствуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужь по крайней-мѣрѣ далеко несвободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по сознанію самого спорившаго со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера, — игра казалась намъ довольно слабою и мы оба хотѣли бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова и оба были убѣждены, что смѣшной и до дикости странный, какъ свѣтскій человекъ, въ первомъ актѣ, онъ былъ бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія и его окружала извѣстнаго рода ореола.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенца общественномъ были обаятельныя стороны, способныя прельстить и увлечь: симпатическое или по крайней-мѣрѣ весьма несвободное отношеніе къ нему автора проглядывало и въ явномъ стараніи, съ которыми выставлялись блестящія свойства его натуры, и въ во-

двѣиціи его моральной смѣлѣ всего окружающаго и въ томъ, что честный человѣкъ, благородный малый, безъуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то мѣіотомъ и поставленъ хоть и разъ правда, но разъ несмыслиаемый, разъ неизгладимый, поставленъ не то что въ комическое, въ безвыходно-срамное положеніе и наковнець въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти что мирять съ нимъ и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ срод обаятельными стороны.

Пріятель мой возставалъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгая болѣе къ аргументамъ *ad hominem*, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ, т. е. самаго меня укоряя какъ всегда въ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ убѣжденій. Я же собственно ничего не слѣбалъ иного, какъ добросовѣстно и смѣло называлъ по имени то чувство или то впечатлѣніе, которое какъ онъ, такъ и я испытывали равно, съ тѣмъ различіемъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

Пріятеля моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эманципированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба и я это совершенно понимаю. Что же въ самомъ дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Сабакевичъ, да и то въ юридическомъ казусѣ почелъ нужнымъ замѣнить имя: «Елисавета Воробей», именемъ «Елисаветъ Воробей», чтобы придать существу, носящему это имя, ревижскій характеръ, — но вѣдь область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

На сколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю рѣшить читателямъ. Дѣло же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны какого-либо типа не перешли въ область комическаго, до тѣхъ поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ есть единственная смерть для типа или лучше сказать для извѣстныхъ его сторонъ, — но надобно, чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо мало-мальски онъ насильственъ — онъ цѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ напрямѣръ убилъ вѣшнія стороны Печорина, но зато рельефно отгѣнилъ его внутреннія. Батмазовъ Цисемскаго — эта грубая, но все-таки живая, художническая малевка, для его же болѣе удачный образъ Бахтіарова въ «Тюфякѣ» — цѣли своей не достигли, можетъ-быть именно по

тому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ известную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самого начала. «Меричъ» Островскаго, этотъ замоскворѣцкій фравтъ, съ претензіями на Чайльд-Гарольда, лицо блѣдное, но полно очерченное, убиваетъ только мелочныя стороны Печорина. Наконецъ лица, съ которыми ведетъ наивнѣйшую борьбу Тургеневъ, или бьютъ мимо цѣли, какъ «Бреттеръ» или дразнятъ обаятельными сторонами типа какъ Веретевъ, или наконецъ поднимаютъ типъ до патетическаго въ «Рудинѣ» — представляющемъ другую его сторону. Въ этомъ лицѣ захвачены глубоко и стремленія и самыя формы, колоритъ стремленій цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая только на своей родинѣ въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокіе, жизненные корни, съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало-быть органически, а у насъ, благодаря независимымъ отъ нея, философіи, обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила у насъ въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ умственной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ наиримѣръ натура Бѣлинскаго, конечные результаты гегелизма, она даже гениально-безхарактернаго самоучку Полевого ставила сознаниемъ выше Кузена, изъ котораго почерпалъ онъ когда-то всю свою премудрость, а главное дѣло, что мысль, разъ сознательная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вѣяніе переходило такъ-сказать въ религію, т. е. въ связанное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторяю вѣроятно еще нѣсколько разъ, наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра... Поэтому-то самому всякое идеальное вѣяніе, переходя у насъ непосредственно въ вѣчто реальное, сообщало доселѣ умственнымъ эпохамъ нашего развитія особый цвѣтъ и запахъ. По этому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое безсознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мысле-боязни; во слѣдая отсталость, нравственное и умственное мѣщанство не видятъ по ограниченности своей, что старающіяся мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами были виною того, что мысль ломается, со-

крушаетъ факты вмѣсто того, чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ водобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Опять обращаюсь я къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи, и укажу вамъ на двіе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежасва; на страшную и холодно-безпощадную послѣдовательность Лермонтова; на мучительныя «Думы» самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія на натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика; на глубокую религиозность поэзіи Тютчева, на скорбные стоны поэта, которые невольно цитуешь безпрестанно, какъ только заговоришь о дѣйствіи мысли на жизнь:

И ночь и мракъ! какъ все томительно пустынно!

Бессонный дождь стучитъ въ мое окно,

Блуждаетъ лучъ свѣча, мѣняясь съ тѣнью длинной,

И на сердцѣ печально и темно.

Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;

Еще ловлю я призраки вдали,

Еще желаніе въ груди кипитъ невольно!

Но жизнь и мысль убили сны мои...

Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,

Страшна твоя тяжолая борьба,

Грозный небесныхъ буръ несешь ты разрушеніе,

Неумолима какъ сама судьба!

Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,

Меня навѣкъ въ броженіе вовлекла,

За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,

Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и безъискусственномъ стои́тъ душевная исповѣдь цѣлой эпохи, стои́тъ цѣлаго поколѣнія... Въ былые, блаженные дни юности, оно, это беззавѣтно отлававшееся мысли поколѣніе, толкуя какъ кружокъ «Гамлета шигровскаго уѣзда» о вѣчномъ солнцѣ духа «перехоля in's Unendliche» съ Гете и сливаясь съ жизнью *des absoluten Geistes*, ликовало, торжествовало младенчески, трепетало отъ восторга въ сознаніи, что жизнь есть великое таинство... «Было время — говорило оно тогда устами Бѣлинскаго, одного изъ высшихъ и гениальнѣйшихъ своихъ представителей, относясь съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ неопитизма къ XVIII вѣку, своему великому предшественнику, котораго оно еще не понимало въ чаду упоенія символами и мистеріями, — было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть сча-

стіе. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока жилось и наслаждаться жизнью во что бы то ни стало. Разумѣется всякій по своему понималъ и толковалъ счастье жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачныя контракты, совершали брачныя обряды и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія, знали вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо и приваровали религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастьи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословій судьбѣ ударъ
 . . . . .
 . . . . .
 Пой, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
 На свѣтъ жить намъ время срочно;
 Веселье то лишь непорочно
 Раскаянья за коимъ нѣтъ.

«Это была еще самая высочайшая нравственность: самые лучшие люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели — нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышерѣченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ вѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: донъ-Кихоть XIX вѣка — этомъ истинномъ chef d'œuvre русской литературы, и которыхъ наконецъ недавно убилъ наповалъ «Библиотека для Чтенія». Эти новые надуватели съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ будто бы не въ счастьи, не въ наслажде-

вѣдахъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость жалкихъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишений и страданій, можетъ назваться жизнью человѣческою, а всякая другая, есть большее или меньшее приближеніе къ жизни животной. Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто бы по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то: что человѣкъ непремѣнно долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего человѣческаго бытія, если не всѣ, т. е. или дѣйствовать прантически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію, или отдать всего себя знанію для самого званія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звѣньевъ, соединяющихъ землю съ небомъ, или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствителя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, но не признаніе кармана, или любить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила :

Я на землѣ любила и жила ,

или наконецъ просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческій интересъ въ жизни, только не наслажденіе, не объяденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческій стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право незнаю въ правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими, между тѣми и другимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ...» (Сочин. В. Бѣлинскаго томъ I, стр. 382).

... Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, переходили въ жизнь, въ плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой собственный хвостъ, нужды нѣтъ, что въ концѣ концовъ, идеализмъ XIX вѣка, гордо встававшій на XVIII вѣкъ, сошолся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ, дѣло въ процессѣ, который

приводить къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей феноменологiи...

И вотъ почему всё, и здоровыя, и болѣзненныя попытки наши насмѣяться надъ нашимъ броженiемъ, окончательно побѣднть обяательный типъ слагавшiйся передъ нами, типъ, который въ лицѣ Печорина сознаетъ въ себѣ «силы необъятныя», растратываемыя имъ на мелочи, типъ сильнаго страстнаго человѣка, оказались тщетными. Комизмомъ мы убили только фальшивыя, условныя его стороны.

Еще болѣе оказались мыльными пузырями попытки наши замѣнить этотъ типъ другимъ, выдвинуть на его мѣсто типъ положительно-дѣятельный. Увы! дальше героевъ, недослуживающихъ четырнадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ до пряжки, мы пока неходили. Положительно-дѣятельный типъ только-что опозоренъ и промахомъ великаго Гоголя въ его Констанжогло и промахомъ даровитаго Писемскаго въ герою его «Тысяча душъ», и повѣстями г. Дружинина, съ его докторами Армигольдами и другими господами, дѣйствующими благородно и ревностно въ какихъ-то никому невѣдомыхъ областяхъ и окончательно напавалъ убить этотъ типъ Штольцомъ, идеаломъ г. Гончарова.

Путемъ анализа и разоблаченiя мы добрались пожалуй до того, что героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что кажется героическимъ, то въ сущности — тамаринское или даже хлестаковское. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, какого именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ, и въ какой натурѣ его нѣтъ?.. Предпочли нѣкоторые или стоять за героическое уже осмѣянное (и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе наклонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ), — или стоять за натуру.

Не обратили вниманiя на обстоятельство весьма простое. Со временъ Петра великаго народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали переважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ, и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣркѣ толщины и роста, а вовсе не то, чтобы совсѣмъ остаться безъ кафтана, или продолжать плыть на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ: Гоголь выказалъ передъ сложеными вѣками идеаломъ героическаго несостоятельность

только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что на себя идеаль примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ было еще нѣчто такое, что жило по своимъ собственнымъ началамъ и жило гораздо сильнѣе чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ, что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ самыя сочувствія, разъ возбужденныя, умереть не могли, — идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему же эти сочувствія въ основахъ своихъ были незаконны?

Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что нехорошо сочувствовать Печорину, такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были «ротиться и кляться» въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т. е. стихіямъ природы до извращенія ихъ. Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ герои. Максимъ Максимычъ, конечно очень хорошій человѣкъ, и конечно правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ Печоринъ, но гдѣ онъ тупоуменъ и по простой натурѣ своей даже и не могъ знать въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть конечно прекрасный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закъсъ, моральное мѣщанство.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

МИРОВОЙ СУДЪ

ПО СМЫСЛУ «ГЛАВНИХЪ ОСНОВАНІЙ ДЛЯ ПРОЕКТОВЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА И СУДОУСТРОЙСТВА»

Нѣсколько времени тому назадъ , приблизительно съ 1861 года, начались у насъ, и въ обществѣ и въ литературѣ, толки о мировыхъ судахъ и судьяхъ, поднялся *мировой вопросъ*.

Каждый хотѣлъ сказать *свое* слово, представить *свой* проектъ. И какихъ только не составлялось проектовъ! Проекты эти не блжстали разумѣется новизною: всѣ они были по большей части сколки, переделки, болѣе или менѣе неудачныя, съ существующихъ уже мировыхъ учрежденій на западѣ. Одни напримѣръ хотѣли ввести въ нашъ будущій мировой судъ французское, бюрократическое начало; другіе, англомены — англійское, аристократическое; третьи, и это были самые остроумные, — хотѣли слить оба начала во единое; и на этой-то неблагоприятной смѣси аристократизма съ бюрократизмомъ построить нашъ мировой судъ. Но были также и такіе, которые замѣчая, что ни французскія, ни англійскія учрежденія, ни безалаберное соединеніе тѣхъ и другихъ, не могутъ быть совершенно примѣнимы къ намъ, русскимъ; понимая, что насъ въ настоящее время не могутъ вполне удовлетворить ни *только* аристократическія, ни *только* бюрократическія, ни *только* бюрократо-аристократическія начала, — вводятъ въ него новое начало, *земское*, вносятъ въ него новый элементъ, *простонародный*. Но, боже мой, какую жалкую роль давали они этому *новому* началу! Въ ихъ проектахъ земство является не болѣе какъ для виду; на самомъ же дѣлѣ вліяніе его совершенно парализируется вліяніемъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Впрочемъ о проектахъ этого сорта мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ, написанной по поводу «Деревенскихъ писемъ» г. Сумарокова. Тогда мы ихъ назвали «двуличными, псевдо-либерально-помѣщичьими». Мнѣніе наше о нихъ я теперь

не измѣнилось: господа, писавшіе подобные проекты были, извините за рѣзкость выраженія, самые уклончивые, виляющіе господа. Бюрократы и помѣщики-англоманы говорили по крайней-мѣрѣ прямо *чего* они хотятъ, они не прикрывались фразами о земствѣ и его интересахъ, они не воодушевлялись мнимымъ сочувствіемъ его нуждамъ, мнимымъ движеніемъ къ его правамъ. И за то имъ слаба!

И вотъ среди хаоса всевозможныхъ противорѣчивыхъ мнѣній всё съ нетерпѣніемъ ждали «слова» отъ правительства. Какъ оно откликнется на этотъ вопросъ, какъ оно рѣшитъ его? И вотъ это давножданное слово сказано.

Въ первыхъ числахъ октября опубликованы были во всѣхъ газетахъ «главныя основанія для проектовъ гражданскаго и уголовного судопроизводства и судоустройства». Мы высказали уже наше мнѣніе касательно благодѣтельной важности этой реформы для Россіи («Время», октябрь, Наши дом. дѣла). Изъ этихъ «главныхъ основаній» мы узнаемъ начала, на которыхъ долженъ создаться нашъ будущій мировой судъ.

Какія же это начала? На сколько они благотворны для народа? Какъ отвѣтило самой жизненной потребности народа, какъ повяло еѣ правительство?

Вопросы эти стоятъ того, чтобы подумать о нихъ обстоятельно, серьезно; отдѣлываться пустыми фразами, да восклицаніями, какъ это уже и было сдѣлано при настоящемъ случаѣ нашими многими псевдо-публицистами, мы считаемъ здѣсь въ высшей степени неумѣстнымъ. Это значило бы слишкомъ поверхностно и въ этомъ отношеніи слишкомъ неуважительно относиться къ реформамъ правительства. А относясь къ нимъ поверхностно, наши публицисты впадаютъ въ страшную непослѣдовательность.

Сами же они кричатъ, что эти реформы важны и радикальны; а если онѣ дѣйствительно важны и радикальны, то зачѣмъ же не остановиться на нихъ повнимательнѣе, не растолковать ихъ публикѣ со всевозможною точностью? Неужели оныя восклицанія, неужели оныя патріотическія изліянія *умиленныхъ* публицистовъ могутъ принести хоть кому-нибудь, хоть какую-нибудь пользу?..

Что касается до насъ, то мы по мѣрѣ силъ своихъ постараемся со всѣмъ уваженіемъ, т. е. какъ можно серьезно отнестись къ правительственной реформѣ; обстоятельнѣе, всестороннѣе, *на сколько это только возможно*, разсмотримъ данныя основанія. Быть-можетъ нѣкоторыя изъ нашихъ замѣчаній и пригодятся при дальнѣйшемъ развитіи этихъ основаній.

Главныя основанія проектируемаго мирового суда мы изложимъ

какъ можно кратче; въ послѣднее время о судебной реформѣ такъ уже много говорили, что мы право боимся наскучить читателю частымъ повтореніемъ одного и того же.

Каждый уѣздъ со всѣми своими городами составляетъ *мировой округъ*. Мировой округъ можетъ имѣть нѣсколькихъ мировыхъ судей: каждому изъ этихъ судей подвѣдомственъ извѣстный участокъ; оттого и судья получаетъ названіе *участковымъ*. Кромѣ дѣйствительныхъ, участковыхъ мировыхъ судей, будутъ еще *почетные* мировые судьи. Почетные мировые судьи пользуются всѣми правами и преимуществами дѣйствительныхъ, во многихъ случаяхъ даже замѣняютъ ихъ, и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что не получаютъ, какъ дѣйствительные судьи, отъ общества вознагражденія. Единичный судъ мирового судьи составляетъ первую мировую инстанцію, съѣздъ всѣхъ (въ томъ числѣ и почетныхъ) окружныхъ мировыхъ судей составляетъ вторую, высшую инстанцію; сюда приносится апеллія на единичный мировой судъ. О томъ, какія дѣла подлежатъ этой инстанціи и какъ великъ вообще кругъ дѣятельности мирового судьи мы скажемъ ниже; посмотримъ теперь кто составляетъ *среду*, изъ которой будутъ выбираться мировые судьи. «Мировымъ судьей можетъ быть всякій, удовлетворяющій слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣющій гдѣ-нибудь, какую-нибудь недвижимую собственность, приносящую извѣстный доходъ (величина дохода опредѣлится впоследствии); 2) окончившій курсъ наукъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи. Также всякій, прослужившій пять лѣтъ по судебной части имѣетъ право быть мировымъ судьей.» Къ несчастію, а можетъ-быть и къ счастью, по этому опредѣленію еще ничего нельзя сказать положительнаго о той средѣ, изъ которой будутъ выходить мировые судьи. Приблизительно можно конечно и теперь сказать, что она будетъ состоять главнымъ образомъ изъ такъ-называемыхъ «благородныхъ», дворянъ; что вся масса, или почти вся, крестьянъ будетъ удалена отъ отправленія должностей мировыхъ судей; можно ли въ самомъ дѣлѣ думать, что «въ потѣ лица трудящейся» крестьянинъ, не говоря уже при вынѣшней, но даже и при лучшей обстановкѣ станетъ серьезно мечтать о высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, будетъ въ состояніи окончить въ нихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ. Право, ему теперь не до того: и радъ бы былъ да... жена, дѣти, оброкъ помѣщику, государева повинность и многое еще множество другихъ прямыхъ и не прямыхъ поборовъ — одному никакъ не свернуться; дѣти подростаютъ — они должны помочь, въ работу ихъ, скорѣй въ работу! Какаа ужъ тутъ гимназія, какой ужъ тутъ университетъ! Такъ что если и будетъ когда-нибудь, что вдругъ «всѣ мужики полѣзутъ въ университетъ»,

то это будетъ еще въ очень и очень далекомъ будущемъ. А теперь мы довольны бы были и тѣмъ, что крестьянинъ знаетъ хотя и грамоту, учился хотя и въ приходскомъ училищѣ.

Но даже и это приблизительное опредѣленіе «среды», изъ которой будутъ выбираться мировые судьи, несовсѣмъ точно. Мы назвали ее средою, состоящею изъ *благородныхъ*; но это въ высшей степени неопредѣленное названіе невѣрно. Купцы, мѣщане, городскіе обыватели и т. п., хотя и не составляютъ въ сущности тотъ классъ, который мы привыкли называть *благороднымъ*, могутъ и будутъ во многихъ случаяхъ удовлетворять условіямъ, требующимся отъ мирового судьи: имѣть недвижимую собственность (домъ напримеръ) и окончить образованіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи. Такъ что если мы хотимъ по сословіямъ перечислить приблизительно лица, которыя могутъ удовлетворять этимъ неяснымъ требованіямъ, то мы должны сказать, что это будутъ: 1) всѣ помѣщики, большинство чиновниковъ и вообще дворянъ; 2) большинство купцовъ; 3) большинство состоятельныхъ мѣщанъ и 4) очень небольшой процентъ, богатые крестьяне — собственники.

Слѣдовательно среда, изъ которой будутъ братья наши будущіе мировые судьи, *можетъ быть* довольно обширна, чужда аристократической замкнутости, имѣть характеръ не исключительно *дворянскій*, а *дворяно-мѣщанскій*, приправленный нѣкоторою дозою демократизма; но она также можетъ получить и *исключительно-дворянскій* характеръ, замкнуться въ тѣсный кругъ многоземельныхъ помѣщиковъ — все будетъ зависѣть отъ размѣра ценза: если цензъ будетъ великъ, среда приметъ узкій, исключительный, аристократическій (на сколько это у насъ возможно) характеръ; если цензъ будетъ незначителенъ — *фактическое* право быть мировымъ судьей распространится почти на всю массу дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и на нѣкоторыхъ крестьянъ.

Ни мѣнѣйшимъ, ни махѣйшимъ ценза не опредѣленъ, слѣдовательно коммиссія, которой поручено составленіе полныхъ проектовъ по судебной части, имѣетъ передъ собою обширное поле дѣятельности: она ничѣмъ не стѣснена, такъ что она можетъ вли влить струю земства (принимая это слово въ самомъ обширномъ значеніи) въ наши мировыя учрежденія, или наложить на нихъ печать строгаго аристократизма, т. е. правильнѣе *печать помѣщичества*, придать этимъ учрежденіямъ чисто-помѣщичій характеръ; разумѣется, *первое* гораздо лучше *второго*. Допустить до избранія въ мировые судьи только, или по крайней мѣрѣ почти только однихъ помѣщиковъ, да еще притомъ многоземельныхъ, значитъ убить въ началѣ, въ са-

момъ зародышѣ наши мировыя учрежденія, слѣдуетъ мировой судъ непопулярнымъ, ненавистнымъ для народа, уничтожить въ народѣ всякое къ нему довѣріе, а мировой судъ безъ довѣрія, опять повторю, худшая пелѣность изъ всѣхъ пелѣностей!

Съ точки зрѣнія *чистаго* права такой мировой судъ покажется также бессмысленнымъ. Какое право имѣеть одно, сравнительно малочисленнѣйшее сословіе присвоить себѣ судъ надъ другимъ сословіемъ, сравнительно многочисленнѣйшимъ.

Нѣтъ, такой судъ не согласенъ съ духомъ *данныхъ основаній*. Основанія эти не должны быть искажены, они должны быть развиты не въ духѣ одной какой-нибудь касты, а въ духѣ, въ интересѣ всего народа, всего земства, всего *міра*; только тогда это будетъ *дѣйствительно мировой судъ*, только тогда принесетъ онъ намъ *дѣйствительную* пользу.

Примѣромъ Англіи, этой классической страны аристократизма, намъ нечего увлекаться. Тамъ, благодаря особенному ходу исторической жизни, сложился экономическій бытъ въ высшей степени неблагоприятный для *массъ*, для простого, трудящагося народа, и въ высшей степени благоприятный для меньшинства, счастливецъ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатирующихъ трудъ большинства. Поземельная и промышленная аристократія, развившаяся тамъ до чудовищныхъ размѣровъ, заслоняетъ собою массу *чернаго* народа, массу пролетаріата; и вотъ почему долгое время намъ казалось, что государственное устройство въ Англіи есть идеалъ государственнаго устройства. Для аристократіи, для богачей, банкаровъ, для *имущихъ* оно дѣйствительно чрезвычайно удобно, выгодно, а мы, принимая эту аристократію, этихъ фабрикантовъ-эксплуататоровъ, этихъ гордыхъ денди, этихъ изящныхъ джентльменовъ за англійскій народъ, наивно восхищались англійскими учрежденіями! Выдать опять въ эту ошибку, начать теперь намъ, русскимъ, при нашемъ экономическомъ бытѣ, рабски подражать Англіи въ одномъ изъ ея самыхъ аристократическихъ учрежденій — мировомъ институтѣ, — будетъ непростительною виною. Но довольно объ этомъ.

Какъ великъ будетъ объемъ власти будущаго мирового суда? «Вѣдомству мирового суда подлежать:

1) Дѣла о менѣе важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которыя въ законѣ опредѣляются слѣдующія наказанія:

- а) выговоры и замѣчанія;
- б) денежные взысканія на сумму до 300 руб.;
- в) аресты до трехъ мѣсяцевъ или замѣняющія оныя наказанія.

2) Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, по которымъ производится, начинаясь не иначе какъ по жалобамъ лицъ, потерѣв-

нихъ убытковъ или обиженныхъ, можетъ быть превращено прии-
решеніемъ.

3) Дѣла о кражѣ, мошенничествѣ, дѣсныхъ порубкахъ, присво-
еніи себѣ найденныхъ вещей и другихъ преступленій сего рода, со-
вершенныхъ лицами, подлежащими за эти противозаконныя дѣйствія
заключенію въ смирительномъ домѣ».

«Для дознанія истины судья можетъ призывать свидѣтелей и
дѣлать обыски».

Всѣ дѣла онъ долженъ рѣшать по закону, причемъ ему дозво-
ляется уменьшать наказаніе на цѣлыхъ двѣ степени. На рѣшеніе
мирового судьи апеллія допускается только для дѣлъ, стоимость
которыхъ превышаетъ пятнадцать рублей. Вотъ все что мы знаемъ
объ объемѣ власти и о характерѣ мирового суда.

Остановимся прежде всего на чертѣ, общей всѣмъ вообще миро-
вымъ учрежденіямъ. Важность дѣла опредѣляется не потому, какъ
глядятъ на него сами тяжущіеся, а потому, какъ велика его *денеж-
ная стоимость*, его *цѣнность*. А эта стоимость, эта цѣнность опре-
дѣляются заранѣе, *по предположенію*; предполагается напри-
мѣръ, что всѣ тяжбы на сумму, непревышающую трехсотъ рублей, не мо-
гутъ тяжущихся, кто бы ни были эти тяжущіеся, слишкомъ сильно
интересовать, настолько по крайней-мѣрѣ, чтобы они захотѣли пе-
рenessить ихъ въ высшую инстанцію, гдѣ гарантій для правильныхъ
рѣшеній всегда болѣе, чѣмъ въ мировомъ судѣ. Или напри-
мѣръ, что кража, на сумму непревышающую тридцати рублей, не можетъ про-
нестись слишкомъ большого разстройтва въ имѣніи пострадав-
шаго, кто бы ни былъ этотъ пострадавшій, а потому и не стоитъ
о ней много беспокоиться; тяжущихся разсудить и помирить одинъ
мировой судья безо всякихъ ненужныхъ формальностей и излиш-
нихъ гарантій суда второй инстанціи.

Конечно подобныя предположенія могутъ быть весьма справед-
ливы для многихъ случаевъ, особенно если процессъ въ судѣ второй
инстанціи сопряженъ со многими издержками да со многими про-
волочками, но все-таки законодатель, расчитывая а priori, можетъ
часто и очень даже часто ошибаться. Тяжба въ триста рублей и
кража въ тридцать рублей для многихъ бѣдненькихъ тоже, что для бо-
гачей процессъ въ 30,000 или кража въ 3,000 рублей. Впрочемъ объ
этомъ мы уже имѣли случай разъ говорить во «Времени» (кн. VII):
тогда мы сказали, что не слѣдуетъ проводить рѣзкую черту между
мировымъ и обыкновеннымъ судомъ; что не слѣдуетъ говорить:
такія-то и такія-то дѣла подвѣдомственны суду мировому, и такія-
то и такія-то общему суду; пусть самымъ тяжущимся будетъ предо-
стательно рѣшить: въ какомъ судѣ, у какого судьи хотятъ они су-

даться? Свобода ихъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не должна быть стѣснена. И эта мысль, мысль о томъ, какъ нераціонально важность дѣла опредѣлять его цѣнностью, была гораздо прежде высказана знаменитымъ Бентамомъ; однако нѣтъ и не было до сихъ поръ ни одного мирового учрежденія, гдѣ бы она прилагалась къ практикѣ, гдѣ бы отъ произвола тяжущихся зависѣло подвергнуться или обыкновенному суду, или же удовольствоваться мировымъ.

Принципъ Бентама совершенно рационаленъ, неоспоримъ; отчего же происходитъ, чѣмъ объясняется эта упорная во всѣхъ государствахъ рутиня? Вопросъ этотъ такъ интересенъ, что нельзя не остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не чуждъ нашему предмету, и останавливаясь на немъ, мы ни на волосъ не отвлекаемся отъ цѣли. Итакъ, чѣмъ же объяснить это странное явленіе? Объясняется оно очень просто. Если размѣры власти мирового судьи не будутъ тѣсно ограничены, кругъ дѣятельности мирового суда не будетъ строго отдѣленъ отъ вѣдомства общихъ судовъ, то случаи вторженія мировой власти въ сферу обыкновенныхъ судовъ *могутъ и будутъ* повторяться очень часто; эта власть будетъ все болѣе и болѣе втѣсняться и усиливаться насчетъ власти общихъ судовъ. А это чрезвычайно губительно для общества. Мировой судъ по самой своей сущности не можетъ дать обществу тѣхъ гарантій, которыя даетъ ему судъ высшей инстанціи; онъ производится быстро, сокращеннымъ порядкомъ, безъ присяжныхъ и безъ адвокатовъ — судьба подсудимаго вѣрится почти вполнѣ *одному человеку*; потому-то прибѣгать къ такому суду часто, а главное, въ важныхъ случаяхъ, невыгодно и опасно для общества. Вотъ отсюда и является необходимость ограничить кругъ дѣятельности мирового суда, поставить рѣзкую границу между нимъ и обыкновеннымъ судомъ, границу, которую бы ни тотъ, ни другой не могъ беззаконно переходить. Иными словами, это вотъ что значитъ: единственный мировой судъ представляетъ очень мало гарантій въ правильности, въ непокупной истинности своихъ рѣшеній, а потому пусть онъ будетъ вѣчнымъ достояніемъ бѣдняковъ «съ ихъ грошовыми тяжбами, съ ихъ мелочными раздорами», намъ же съ нашими тысячными тяжбами, съ нашими громадными процессами, намъ нуженъ судъ *самый* правильный, *самый* истинный, намъ нужны положительныя гарантіи въ правильности его приговоровъ, намъ нужны присяжные, адвокаты и т. п.!

«Ну такъ чтоже», скажутъ люди, доказывающіе необходимость рѣзкой границы между мировыми и обыкновенными судами, — «допустимъ, что это объясненіе справедливо; изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее: или власть мирового суда слѣдуетъ заключить

въ тѣсныя границы, или же общество подвергнется существенной опасности потерять все то, что оно привыкло считать за основныя гарантіи права».

Неспорно; при нынѣшнемъ состояніи мировой и *немировой* юстиціи въ Европѣ, такая альтернатива существуетъ; при нынѣшнемъ устройствѣ мировыхъ и общихъ судовъ дѣйствительно опасно прилагать къ практикѣ принципъ Бентама; но вѣдь это все-таки происходитъ не отъ состоятельности принципа, а отъ несостоятельности судебныхъ учреждений, отъ ихъ фальшиваго положенія. Имѣютъ ли основаніе думать, что власть мирового суда, при уничтоженіи раздѣляющей черты, увеличится въ ущербъ власти общихъ судовъ? Разумѣется имѣютъ; но какое? А вотъ какое: процессъ въ обыкновенныхъ судахъ съ адвокатами и присяжными сопряжонъ съ большими денежными издержками, — издержками, которыя бываютъ часто очень чувствительны и для богатыхъ людей (напримѣръ какъ въ Англіи) и съ большими проволочкамп. Издержки же и проволочки — вещи очень неприятныя. Чтобы избѣжать ихъ, тяжущіеся нерѣдко готовы пожертвовать всѣми гарантіями судовъ высшихъ инстанцій — слишкомъ онѣ уже дороги. Пока *перегородки* существуютъ, такая возможность тяжущихся не имѣетъ разумѣется никакого значенія; но уничтожьте перегородки — и дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ: скажи въ судахъ высшихъ инстанцій чаще обыкновеннаго будутъ оставаться пустыми, дѣла у судей убавится на половину, зато у мировыхъ судей вдвое прибавится. Есть значитъ основаніе боѣться уничтоженія *перегородокъ*, основаніе очень вѣрное, тѣмъ болѣе что примѣръ у насъ передъ глазами. Въ Англіи, гдѣ кругъ власти мировыхъ судей очень властичевъ, и гдѣ процессъ въ обыкновенныхъ судахъ очень дорогъ, сопряжонъ съ большими проволочками, тамъ въ настоящее время значеніе мировой юстиціи все болѣе и болѣе возрастаетъ, и власть мирового судьи все болѣе и болѣе втѣсняется въ сферу дѣятельности общихъ судовъ.

Причина боязни слѣдовательно найдена: она заключается во внутренней несостоятельности самого суда. Доведите издержки и проволочки, съ которыми онъ неразлученъ, до *minimum'a* — и бояться будетъ нечего. Кто пойдетъ тогда въ мировой судъ, когда и въ обыкновенномъ судѣ, со всѣми его гарантіями, дѣло будетъ рѣшаться скоро, не будетъ стоить большихъ издержекъ? Если же и тогда вы не перестанете бояться слишкомъ большого расширенія мировой власти, то прибѣгните къ послѣднему, спасительному лекарству. Лекарство очень не мудрое. Поставьте мирового судью подъ всеглашній и непосредственный контроль общества, сдѣлайте такъ, чтобы ему было *выгодно, въ денежномъ, въ чисто-матерьяль-*

номъ отношеіи выгодно постановлять правильныя рѣшенія, — и власть его, если она даже и усилится (чего мы впрочемъ не ду- маемъ), рѣшительно перестанетъ быть опасною.

Полная независимость выборовъ, особенный способъ вознагражде- нія, до которой судья вознаграждался бы по своимъ заслугамъ, т. е. пропорціонально числу верховныхъ или дѣлъ (отчего заслуга судьи можно намѣрять числомъ верховныхъ дѣлъ? объ этомъ мы скажемъ ниже), *неслѣшкомъ долій срокъ службы* — вотъ что дастъ обществу возможность постоянно контролировать своихъ судей, а судей заставило бы быть возможностямъ правдивыми, осторож- ными и осмотрительными въ своихъ приговорахъ.⁽¹⁾

Изъ предыдущаго мы могли видѣть, что кругъ дѣятельности на- шихъ будущаго мировыхъ судей будетъ очень значителенъ: всѣ пре- ступленія и проступки, влекущіе за собою трагическое тюремное за- ключеніе, или заключеніе въ смиренномъ домѣ, а также всѣ спо- ры и тяжбы стоимостью въ 300 руб., подлежатъ вѣдомству мирового суда. Мировой судья можетъ дѣлать обыски, смягчать наказаніе на двѣ степени — власть обширна! Но она можетъ слѣдствіемъ еще об- щиріе. Для того, чтобы кругъ мировой власти былъ постояненъ, не могъ бы ни сдвигаться, ни растягиваться во времени, и необ- ходимо, чтобы заранѣе съ возможною точностію были перечисле- ны всѣ случаи ея примѣненія. А это трудъ невозможный. Воздвигнуть стѣну между мировымъ и обыкновеннымъ судомъ, можетъ быть и можно по теоріи, но на практикѣ рѣшительно выше силъ человѣческихъ. Вспомнимъ при этомъ, что процветъ въ общахъ су- дахъ, особенно въ первое время будетъ требовать и денежныхъ издержекъ и проволочекъ времени, ни чуть не меньшихъ, чѣмъ на- цимѣръ, во Франціи или въ Англіи, а по всей вѣроятности и боль- шихъ; что, какъ все новое и незнакомое, наши переформированныя суды не сразу приобретутъ себѣ любовь и довѣріе въ народѣ, тогда какъ напротивъ мировой судъ, простой, короткій, безъ всякихъ формальностей и торжественности (чего такъ не любитъ и боится нашъ народъ) и теперь уже отчасти знакомъ народу по сходству своему съ третейскимъ судомъ, пользовавшимся всегда его симпа-

(1) Жалованье мирового судьи пропорціонально числу верховныхъ дѣлъ: чѣмъ больше слѣдовательно дѣлъ у судьи, и чѣмъ скорѣе вершить онъ эти дѣла, тѣмъ ему лучше. Выгода его требуетъ привлечь къ себѣ какъ можно болѣе тяжущихся, внушить имъ къ себѣ какъ можно болѣе довѣрія. А чѣмъ онъ можетъ привлечь ихъ къ себѣ, заставить ихъ довѣрять себѣ, какъ не постоянной честностью, неподкупностью, правдивостью и осмотрительностью въ своихъ при- говорахъ? Итакъ чѣмъ правдивѣе и скорѣе будетъ рѣшать онъ тяжбы, тѣмъ ему *выгоднѣе*. Это такъ просто, что и распространяться объ этомъ много не стоить.

тіей, гораздо большею, чѣмъ общій судъ, который только выгнать и отталкивать его, и что много времени пройдетъ, пока народъ пойметъ существенную разницу между этимъ судомъ и судомъ новыиъ; вспоминая все это, я говорю, и мы легко поймемъ почему мировая власть не удержится въ назначенныхъ ей предѣлахъ (какъ бы ни были обширны эти предѣлы), почему она будетъ постоянно стремиться и вытѣсниться въ сферу общихъ судовъ, будетъ имѣть постоянно тенденцію все разширяться, разширяться... и наконецъ можетъ дойти до такой разширенности, что сдѣлается опасною для общества. А потому намъ кажется, что общество всегда должно имѣть подъ рукою всевозможныя средства для постоянного контроля надъ мировымъ судомъ. Это совершенно необходимо при такомъ положении мировой власти. Намъ только же удовлетворяютъ начала, данныя следующими основаніями для проектовъ» и т. д. этой потребности, и, въ необходимости, мы вкратчѣ здѣсь и наизрѣныи рассмотримъ. Чтобы сдѣлать контроль общества надъ своимъ судомъ действительнымъ и постояннымъ, слѣдуетъ удовлетворить слѣдующимъ тремъ условіямъ:

1. *Избраніе*, избраніе мирового суда должно зависеть только отъ міра, и отъ всего міра, а не отъ какой-нибудь одной его части: всѣхъ *намірскія* влияния здѣсь положительно вредны: какъ только судъ узнаетъ, что онъ избранъ и держится на своемъ мѣстѣ не *силою* міра, а *какимъ-нибудь* другимъ постороннимъ *силами*, онъ тотчасъ же перестанетъ обращать вниманіе на волю, *мнѣнія*, желанія міра, перестанетъ служить ему «вѣрою и правдою», не будетъ стараться *честностью* своихъ приговоровъ приобретать себѣ у него довѣріе, *подвластна* работъ той силы, которая избрала и поддерживаетъ его.

2. *Важность*, необходимъ короткий срокъ службы, въ противномъ случаѣ міръ будетъ часто вынужденъ держать у себя слишкомъ *долго* судью, который *нелюбъ* ему. Судья, при короткомъ срокѣ службы, будетъ чувствовать себя болѣе подъ контролемъ общества, чѣмъ при *долгомъ*; это такъ ясно, что и говорить объ этомъ не *слѣдуетъ*: всякому понятно и безъ объясненія.

3. *Вознагражденіе* (¹), назначаемое отъ міра мировому судѣ, должно быть пропорціонально его заслугамъ. А такъ, какъ его заслуги измѣряются числомъ вершоновыхъ *имѣть дѣлъ*, то очевидно, что *оказаніе* мирового суда должно быть пропорціонально *чи-*

¹ Подъ словомъ «вознагражденія» я здѣсь разумѣю только жалованье, платимое судѣ за его личныя заслуги; деньги проѣздныя, и деньги на канцелярскіе расходы, въ расчетъ разумѣется не входятъ: количество ихъ не можетъ *сравнительно* соизмѣряться заслугами и вообще личными качествами судьи

слу вершителей или дѣлъ. Первое уравненіе — вознагражденіе по заслугамъ, такъ безспорно очевидно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Такъ ли же точно второе уравненіе: заслуги по числу вершителей дѣлъ? Можно ли заслуги судьи измѣрять *только* количествомъ, а не *качествомъ* порѣшителей или дѣлъ? Можно, и вотъ почему:

1) дѣла, подлежащія вѣдомству мирового суда, почти все *одинаково* просты, незапутаны, не головоломны, т. е. по своему качеству они почти все равны, следовательно при оцѣнкѣ заслугъ судьи, *количество* дѣла не можетъ играть никакой роли;

2) допустимъ однако, что различіе въ свойствахъ дѣлъ, подчиненныхъ мировой юстиціи существуетъ, что изъ этого выйдетъ? А вотъ что: чѣмъ правдивѣе и скорѣе рѣшить судья запутанное, важное дѣло, тѣмъ больше ему чести, тѣмъ больше известности приобрететъ онъ въ округѣ, тѣмъ обширнѣе будетъ его практика, следовательно все-таки увеличится *количество* дѣлъ; но развѣрнуть его увеличенія мы можемъ судить, почти безошибочно, и о самомъ *качестве* дѣлъ. Судья, который все только рѣшаетъ *маловажные, пустыя, незапутанныя* дѣла, никогда не приобрететъ себѣ такой практики, какъ судья, уже прославившійся рѣшеніемъ трудныхъ, *важныхъ* тажебъ.

Такъ что, при опредѣленіи заслугъ судьи количествомъ вершителей дѣлъ, ничуть не упускается изъ виду и *качество* этихъ дѣлъ. Итакъ уравненіе вѣрно.

А если вѣрны оба эти уравненія, первое и второе, то должно быть вѣрно и третье, т. е. вознагражденіе мирового судьи относится къ его заслугамъ равно какъ заслуги къ числу вершителей или дѣлъ.

Или: вознагражденіе мирового судьи равно числу вершителей или дѣлъ.

Посмотримъ же теперь насколько удовлетворяютъ данныя «составленія» этимъ тремъ условіямъ?

Выборы въ мировые судьи производятся слѣдующимъ образомъ: Въ каждомъ округѣ составляются списки лицъ, могущихъ занять должность мирового судьи. Списки эти *проверяются* губернаторами, и изъ нихъ послѣ *всѣми сословіями совокупно* избираются мировые судьи.

Слово *проверяется* здѣсь очевидно только значитъ, что губернаторъ просто просматриваетъ списки, нѣтъ ли въ нихъ какихъ пропусковъ, недосмотровъ и т. п. Вычеркивать же изъ нихъ тѣхъ лицъ, которыя *по его мнѣнію* (безъ подкрѣпленія этого мнѣнія очевидными фактами) не годятся быть мировыми судьями, *хотя бы* въ сущности они и удовлетворяли *всѣмъ* требуемымъ условіямъ,

судьи вносить въ списки лица, которые *только по его милости* гонятся, для должности: все это разумѣется не можетъ имѣть никакого мѣста. Въдѣ сказано: *просвѣряется*, а не *испраляется*; слову же *просвѣряется* дать другое толкованіе, чѣмъ мы ему дали, невозможно. Итакъ, насколько мы можемъ судить по «общимъ основаніямъ», исполнительная власть не должна имѣть никакого значенія, никакого вліянія на ходъ избранія мирового судьи. Иначе это будетъ несогласно съ духомъ «данныхъ началъ». Мировой судья избирается *всѣмъ земствомъ, всѣмъ миромъ, всѣми сословіями совокупно*. Фактъ въ высшей степени утѣшительный. Сословныя *переходки* начинаютъ ломаться, къ великой скорби гг. Бориса Чичерина, Сумарокова и всей братіи. Жалко только, что такъ мало говорится въ «общихъ основаніяхъ» о томъ, *какимъ образомъ* будетъ производиться это совокупное избраніе. Каждое ли сословіе будетъ имѣть одинаковое число голосовъ (депутатовъ), или число голосовъ будетъ пропорціонально численности каждаго сословія? Въ первомъ случаѣ выигрываютъ разумѣется помѣщики, дворяне, во второмъ — крестьяне. Въ первомъ случаѣ выборы будутъ производиться преимущественно подъ вліяніемъ дворянства, во второмъ — крестьянства. Во второмъ случаѣ выбранный судья можетъ разумѣется съ большею справедливостью назваться «мировымъ» земскимъ судьей, чѣмъ въ первомъ. Тамъ онъ зависить почти исключительно отъ крестьянства, здѣсь почти исключительно отъ дворянства. Интересно знать, какъ рѣшится этотъ важный вопросъ; все конечно будетъ зависѣть отъ комиссіи; въ «основаніяхъ» глухо сказано: «выбираются совокупно всѣми сословіями», но какъ совокупно? Вотъ обширное поле для всевозможныхъ толкованій.

Второе условіе — недолгій срокъ службы — вполне удовлетворено въ «основаніяхъ». Трехлѣтній срокъ службы избранъ необыкновенно удачно. Этотъ срокъ не слишкомъ коротокъ, такъ что судья будетъ имѣть достаточно времени ознакомиться и свыкнуться съ своею обязанностию; онъ и не слишкомъ дологъ, такъ что общество не можетъ потерять свой контроль надъ судьей; самъ судья, изъ простаго страха, чтобы не лишиться черезъ три года мѣста, будетъ стараться быть въ своихъ приговорахъ честнымъ, скорымъ, правдивымъ и осторожнымъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о вознагражденіи.

Въ «основаніяхъ» сказано просто, что «дѣйствительные мировые судьи будутъ получать *опредѣленное вознагражденіе*». Но какимъ образомъ будетъ производиться это вознагражденіе, этого не сказано. Изъ предьдущаго намъ однако извѣстно, что мировой

округъ раздѣляется на участки, что каждый участокъ будетъ имѣть своего мирового судью, что этому судья будутъ подвѣдомственны всѣ жители участка, во всѣхъ дѣлахъ и тяжбахъ, подлежащихъ мировому суду. Следовательно могутъ ли живущіеся, подвѣдомственные одному участковому судья, судиться у другого? Въ рѣшеніи этого вопроса заключается и рѣшеніе вопроса о способѣ вознагражденія. Если свобода тяжущихся выбирать себѣ судью не будетъ стѣснена, если они будутъ пользоваться правомъ судиться у судьи, потому что онъ имъ любъ, потому что они ему довѣряютъ, а не потому, что живутъ въ его участкѣ, не потому только, что они по закону подвѣдомственны ему, то мы не видимъ почему бы всѣхъ нельзя приложить предлагаемаго нами способа вознагражденія. Другое дѣло, если *есть* жителямъ одного участка будущимъ обязанъ судиться именно у своего судьи, если переходъ отъ одного судьи къ другому будетъ строго воспрещенъ, тогда конечно невозможно будетъ измѣрять заслуги судьи числомъ верховныхъ или дѣлъ. Хорошъ ли судья, худъ ли онъ, довѣряютъ ли ему или нѣ довѣряютъ, у него все-таки будутъ дѣла, и количество этихъ дѣлъ будетъ зависѣть не отъ личныхъ достоинствъ судьи, а просто отъ большей или меньшей склонности жителей участка къ спорамъ и тяжбамъ. Если нравственность жителей, если ихъ умственное развитіе стоять на низкой ступени, если экономическій бытъ ихъ устроенъ фальшиво, односторонне, способствуетъ развитію бѣдности, крайней нищеты, то очевидно въ этомъ участкѣ будетъ болѣе поводовъ ко всевозможнымъ нарушеніямъ права, ко всякаго рода процесамъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, съ болѣе благопріятной обстановкой, и вотъ потому-то измѣрять достоинства и заслуги мировыхъ судей двухъ разныхъ участковъ, числомъ верховныхъ или дѣлъ, было бы высшею несправедливостью. Такъ что если тяжущимся не будетъ вполне обезпечено право свободного выбора судьи изъ всѣхъ судей округа, то подъ словомъ «опредѣленное вознагражденіе» слѣдуетъ понимать, что мировой судья будетъ получать отъ своего участка *заранѣе назначенное, неизмѣняемое* годовое содержаніе. И въ этомъ случаѣ одно изъ могучихъ средствъ контроля будетъ отнято у общества, судья будетъ получать жезованіе за *предполагаемыя*, а не за *дѣйствительныя* заслуги, за то только, что онъ судья, а не за то, что онъ *хорошій* судья, т. е. за свою *должность*, за свое *мѣсто*, а не за свои личные *достоинства*. Не думаемъ, чтобы такой порядокъ вещей можно было назвать *рациональнымъ*, справедливымъ порядкомъ. Не думаемъ, чтобы могло выйти что-нибудь хорошее изъ стѣсненія свободы тяжущихся судиться *идеи* они хотѣтъ и у *кого* они хотѣтъ.

На *делопроизводитель* въ мировомъ судѣ мы здѣсь не будемъ останавливаться. Позволимъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ только одно замѣчаніе, или лучше сказать одинъ вопросъ: почему бы въ дѣлахъ сомнительныхъ, важныхъ (относительно разумѣется), запутанныхъ, *темныхъ* (если только это прилагательное можетъ быть примѣнено къ дѣламъ, подлежащимъ мировому суду) не дозволить мировому судѣ по собственному желанію, или по требованію тяжущихся, призывать «къ слушанію дѣла и къ совѣту» лицъ, пользующихся и доверіемъ судьи, и доверіемъ обѣихъ сторонъ (этотъ призывъ, или лучше сказать это приглашеніе можетъ быть или обязательнымъ или необязательнымъ)? это было бы впервыхъ значительнымъ облегченіемъ тяжелой обязанности судьи, во вторыхъ *тѣснѣ* бы скрѣпило миръ съ его судомъ; въ третьихъ было бы новымъ, могущественною гарантіею для общества.

Этимъ мы и окончимъ нашу записку.

Въ началѣ ея мы говорили, что постараемся *насколько это возможно* разсмотрѣть *подробно, всесторонне, обстоятельно* данныя *основанія* проектируемаго мирового суда. Не едва принялись мы за дѣло, нашъ увидѣли невозможность исполнить обѣщаніе. *Основанія* эти, какъ и вообще всѣ основанія, всѣ проекты, такъ неопредѣлены, допускаютъ такое множество истолкованій, что изъ нихъ можно вывести самыя противурѣчивыя слѣдствія, потому намъ приходилось только указывать на эти слѣдствія, болѣе спрашивать, чѣмъ *дѣлать* замѣчанія.

Выходя изъ однихъ и тѣхъ же началъ, мировой судъ нашъ однако можетъ придти къ совершенно противоположнымъ результатамъ, — все будетъ зависѣть отъ рѣшенія этихъ трехъ вопросовъ:

- 1) Какъ великъ будетъ цензъ?
- 2) Какимъ образомъ будутъ производиться выборы судей?
- 3) Будетъ ли, или не будетъ дава свобода тяжущимся судаться *себе и у кого они хотять*, и отсюда прямо вытекаетъ вопросъ: какими способами будетъ производиться вознагражденіе мировымъ судьямъ?

Только съ окончаніемъ трудовъ комиссія, на эти вопросы будутъ ясно, категорически отвѣчено, и только тогда мы можемъ сказать: «вопросъ о мировыхъ судахъ» рѣшонъ окончательно.

Будемъ ждать и надѣяться.

И. ТКАЧЕНЪ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Буда мы идемъ? — Журнальныя объявленія. — Загадка мирового съѣзда. — Загадка статистическая. — Первобытныи помѣщики. — Г. фонъ-Укке и новорѣльскіе мужики. — Какимъ образомъ доходятъ до острога. — Мировая да случаю кражи 3,000 рублей. — Недосмотры политической экономіи. — Нѣчто о политической экономіи, заграничной торговлѣ и о желѣзныхъ дорогахъ съ русской точки зрѣнія. — Пристань Екатериновка и торговля хлѣбомъ. — Выкупныя операціи. — Гомеопатія для народа. — Помѣщенія для нуждающагося населенія. — Пересмотръ горнаго устава. — Вызовъ комиссіи по преобразованію судебной части.

Прежде всего, надо какъ можно яснѣе поставить вопросъ. Безъ этого нѣтъ никакой возможности договориться до чего бы то нибыло, кромѣ вопіющихъ противорѣчій. Всѣ безконечныя и ни къ чему неведущіе споры происходятъ именно отъ не ясно поставленнаго вопроса, и нѣрѣдко двѣ спорящія стороны, потерявъ много времени, разсыпавъ множество цвѣтовъ краснорѣчія, доходятъ до того, что рѣшаются поточнѣе опредѣлить, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь. Такъ напримѣръ: какъ намъ быть съ постройкою новыхъ желѣзныхъ дорогъ? Вопросъ чрезвычайно неясный и можно говорить о немъ безконечно, нѣсколько лѣтъ сряду, въ разныя стороны. Но о чемъ именно рѣчь? О деньгахъ? или о направленіи посылки денегъ? или о довѣрціи къ тѣмъ, кто будетъ собирать подписку на желѣзныя дороги? Но для отвѣтовъ на эти вопросы, нужно рѣшить еще нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, важнѣйшихъ, основныхъ.

Стоять ли наша свеклосахарная промышленность мраморнаго памятника въ видѣ колоссальной сахарной головы, какой хотятъ поставить въ Кіевѣ? Опять неясно. По отношенію къ кому эта промышленность можетъ стоять памятника? По отношенію къ заводчи-

кактъ? или къ потребителямъ? или къ крестьянамъ, которые съѣли всеяду вмѣсто пищенцы? И что за памятникъ? триумфальный, или надгробный?

Или еще вопросъ, возбужденный одною почтенною газетою, которая при этомъ сама съ собою спорить: что важнѣе, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости или преобразование судебной части? Не говоря уже о томъ, что безплоднѣе этого вопроса ничего нельзя выдумать, потому что обѣ эти мѣры были съ одинаковою радостью принѣствованы всѣми честными людьми, — все-таки вопросъ поставленъ неясно. Въ какомъ смыслѣ важнѣе? По отношенію къ материальному благосостоянію? По отношенію къ будущему, болѣе или менѣе отдаленному? Въ смыслѣ нравственнаго преуспеянія? Или въ смыслѣ политическаго значенія нашего отечества? Или въ отношеніи къ удовлетворенію насущнѣйшихъ потребностей нашихъ. Но тутъ, для рѣшенія основнаго вопроса слѣдуетъ рѣшить, куда же мы идемъ? къ чему стремимся? Къ какимъ поблудствіямъ или результатамъ слѣдуетъ желать прійти. Нуженъ идеалъ, и прежде всего идеалъ. А послѣ, когда идеалъ уясненъ, по крайней мѣрѣ насколько идеалъ уясненъ быть можетъ, не трудно уже отдать отчетъ о каждомъ шагѣ: ведетъ ли онъ прямо къ цѣли, или сворачиваетъ въ сторону; не трудно сравнить и два шага: который изъ двухъ составляетъ болѣе близкій переходъ, при помощи котораго мы дальнѣе отодвигаемся отъ прошедшаго и ближе подходимъ къ идеалу, иначе сказать, который изъ двухъ имѣетъ болѣе революціонное значеніе. Революція, какъ всякому извѣстно, значить переворотъ, перемѣна, преобразование, и революція въ бытѣ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ есть безъ сомнѣнія не исключительная, не одиночная мѣра: она есть только начало, краеугольный камень будущаго зданія, приближающагося къ идеалу. Преобразование судебной части есть прямое продолженіе, и дѣло на этомъ не остановится. Впередъ, впередъ! — есть девизъ нашего правительства.

Тотъ же самый девизъ имѣетъ и вся наша литература, за нѣкоторыми траурными исключеніями, о которыхъ нечего говорить. Даже «Слово» г. Краевского утверждаетъ, что у него будетъ стремленіе къ прогрессу: стало-быть о направленіи нашего движенія говорить нечего. Но съ разрѣшенія цензуры и въ предѣлахъ этого разрѣшенія есть отбѣнки чрезвычайно тонкіе, даже совершенно невидимые. Въ надпискахъ объявленійхъ о подпискѣ на слѣдующій годъ каждый журналъ старается опредѣлить и обозначить свое направленіе со своими особенными отбѣнками. Въ итогъ выходитъ, что всѣ стремятся впередъ: всѣ чувствуютъ потребность улучшеній, всѣ собираются зара-

во обсуживать современными насущными потребностями нашего общества; всё стремится къ переворотамъ и къ реформамъ; всё влечетъ върять прогрессивнымъ стремленіямъ и не върять въ реакцію. Но при большомъ вниманіи можно отыскать различіе отъѣсковъ; которыхъ сущности мы не беремся пояснить. Есть либеральныя прогрессисты, есть прогрессисты умѣренные, есть умѣренные либералы, есть либеральныя консерваторы, прогрессивныя консерваторы, умѣренныя консерваторы. Всѣмъ этимъ и многимъ другимъ еще больше тонкимъ отъѣскамъ нельзя придавать особеннаго значенія, потому что все это происходитъ въ предѣлахъ цензурнаго разсудка и разрѣшенія. Всѣ безъ исключенія частные люди чистосердечно радуются всѣмъ преобразованіямъ, которыя совершаются, предпринимаются и предпринимаются правительствомъ. Всѣ до одного періодическия изданія стоятъ на сторонѣ прогресса, т. е. движутся впередъ. Но куда же это впередъ? Гдѣ идеалъ? Гдѣ планъ, по которому возведется окончательное зданіе нашего благосостоянія, могущества и величія нашего отечества? Безъ плана, хотя бы самого легкаго, хотя бы набросаннаго отъ руки, нѣтъ возможности предпринять никакой передѣлки или перестройки, и только видъ плана можно съ большою или меньшею основательностью связать въ какой мѣрѣ данный положенный въ стѣну камня цѣлесообразно, или въ какой мѣрѣ теперь строящіеся дѣла будутъ пригодны для будущаго величественнаго зданія. Удовлетвореніе насущныхъ потребностей нашего общества, какъ выражаются въкоторыя программы нашихъ періодическихъ изданій, дѣло конечно хорошее; но этимъ окончательно удовлетвориться нельзя, потому что иногда полезное, даже необходимое удовлетвореніе насущныхъ потребностей не ведетъ къ главной, основной цѣли, къ идеалу. Иногда необходимо бываетъ подпереть ветхую, ненадежную стѣну зданія, воступившаго въ передѣлку, и подпорку сдѣлать истинно полезную, фундаментальную, такъ что въ домѣ можно будетъ еще вѣкъ прожить. Но и подпорка пойдетъ въ домъ, когда дойдетъ до нея очередь по общему плану работъ, согласно съ планомъ возводимаго зданія. Стало-быть иногда насущная потребность есть не болѣе, какъ переходная мѣра, какъ подпорка, которая впоследствии будетъ затруднительна. Стало-быть удовлетвореніе насущныхъ потребностей — само по себѣ, а планъ, идеалъ — самъ по себѣ, и за насущными потребностями забывать его нельзя.

Правительство предприняло преобразованія по всѣмъ частямъ, и теперь нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, въ которой не происходило бы или не подготовлялось бы перемѣны, преобразованій. Изъ всѣхъ этихъ преобразованій, Россія выдѣлала

выидеть обновленною, свѣжею, могучею, исполненною умышленныхъ и матеріальныхъ богатствъ. Но какой именно она приметъ видъ? Гдѣ тотъ идеалъ, къ которому она стремится?

Одинъ почтенный журналъ увѣряетъ, будто такъ-называемая наука, политическая экономія, несомнѣнно показываетъ эту цѣль. Другой почтенный журналъ говоритъ, что для насъ всего выгоднѣе хотѣ понемногу, а какъ можно постепеннѣе приближаться къ Англіи. Третьему можетъ-быть болѣе нравится Франція, четвертый можетъ быть предпочитать Гессенъ-Кассель или Шварцбургъ-Мейнингенъ-Гальдбурггаузенъ. Наконецъ нынѣ могутъ полагать, что конечная цѣль развитія не можетъ быть предугадываема никѣмъ, что народъ долженъ свободно развиваться въ томъ направленіи, какое ему будетъ его гениемъ и сообразно съ будущими обстоятельствами, для чего нужно только, чтобы ему предоставлена была какъ можно большая свобода, чтобы онъ избавленъ былъ отъ всевозможныхъ насильственныхъ и искусственныхъ вліяній.

Но такъ-называемая наука, политическая экономія, есть только зародышъ науки. Очень можетъ быть, что при дальнѣйшей разработкѣ она въ самомъ дѣлѣ и сдѣлается наукой; но до сихъ поръ она еще не подозреваетъ своего истиннаго призванія. Точно такъ же, какъ существуетъ общая патологія и частная патологія, общая терапія и частная терапія, такъ должна существовать общая и частная политическая экономія. Да сверхъ того, соображаясь съ организмомъ и исторіей каждаго паціента, приходится принимать различныя мѣры и прилагать правила частной терапіи не безъ разбора къ всякому лицу и во всякомъ его возрастѣ, а съ нѣкимъ больнымъ держаться выжидательнаго способа, другому давать энергическія средства, третьему слабодѣйствующія. Точно такъ же и въ политической экономіи, которая относится къ весьма ограниченному числу вѣдѣній. Для каждаго государства необходимо должны существовать особыя, отдѣльныя законы политической экономіи, и общіе законы, еслибы даже они были несомнѣны и неоспоримы, должны прилагаться къ отдѣльнымъ народамъ съ большою осмотрительностію. При дальнѣйшей разработкѣ «науки» окажется, что правды тамъ гораздо меньше, нежели исключеній, точно такъ же, какъ было въ алхіміи, когда она стала переходить въ химию.

Такимъ образомъ алхимія или политическая экономія никакъ не можетъ сказать намъ, куда мы идемъ: она сама еще не рѣшила совершенно, куда она идетъ и откуда. Она сама еще не сказала, что это такое: народъ? что такое государство? Составляетъ ли народъ что-нибудь особое отъ другихъ народовъ, нѣчто вроде недѣлннаго. Можетъ быть каждый народъ есть особенный, отдѣльный орга-

цвѣтъ, который болѣе или менѣе нуждается въ другихъ подобныхъ ему организахъ и долженъ составлять съ ними общество. Разсматривая народы, политическая экономія, конечно сдѣлаетъ различіе между государствомъ и народомъ и постановитъ, что Вальденъ-Пирмонтъ или Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ хотя и отдѣльные государства, но вовсе не отдѣльные народы и каждое изъ нихъ не составляетъ особеннаго организма. Она найдетъ, что и Пруссія съ своими двумя большими землями и пятнадцатью или двадцатью череполесными малыми участками не составляетъ отдѣльнаго народа, хотя и принадлежитъ къ числу великихъ державъ, и что прусскій патриотизмъ такая же забавная вещь, какъ патриотизмъ костромской или смоленскій. Потомъ политическая экономія постарается опредѣлить внутреннюю дѣятельность каждаго отдѣльнаго политическаго организма и указать что именно совершенно необходимо для того, чтобы организмъ не разрушился, не пересталъ быть организмомъ, при чемъ окажется, что не всякому организму необходимы одинакія учрежденія, законы, и что у всякаго есть свои потребности, кромѣ тѣхъ, которыя общи всѣмъ. Потомъ наука постарается хорошенько, повнимательнѣе взлѣдовать одну изъ такъ-называемыхъ истинъ, будто бы выработанныхъ ею: *laissez faire, laissez passer*. Ирокезы и Могиканы держались тоже этого правила, когда давали волю и дорогу различнымъ пришлецамъ изъ цивилизованной Европы. Поэтому отъ нихъ осталось очень немного на этомъ свѣтѣ: пара хорошихъ романовъ, да нѣсколько названій урочищъ въ Америкѣ. Но по извѣстному глубокомысленному правилу: *regat mundus, fiat justicia*, политическая экономія говоритъ, что такъ имъ и надо было, что ежели ирокезы и могиканы не выдержали напора цивилизованныхъ варваровъ, то значить ихъ не нужно было на свѣтѣ, они напрасно тяготили землю. Также самое можно сказать о челоѣкѣ, который не выдержитъ напора падающаго снега. Падаетъ, такъ *laissez faire*, не дѣлай подпорку, выноси на своей головѣ, а не выдержимъ, такъ значить, не нужно тебя на свѣтѣ. Вообще политической экономіи надо будетъ нѣсколько воздержаться отъ своихъ людобдныхъ наклонностей. Да если потому эта наука перераберетъ всѣ свои такъ-называемыя истины, то окажется, что большая часть изъ нихъ пойдетъ въ ломъ. А впоследствии, когда политическая экономія по справедливости будетъ называться наукой, она и будетъ въ состояніи указать идеалъ, къ которому каждый народъ долженъ стремиться, и для каждаго народа окажется свой путь къ своей особой цѣли.

При этомъ окажется совершенно несомнѣннымъ, что для насъ вовсе не годятся ни французскіе, ни англійскіе, ни нѣмецкіе, ни

шведскіе идеалы. Начать съ того, что надо опредѣлять съ точностью, что мы такое, — земледѣльческій народъ, или какой другой; опредѣлять отношеніе между собою различныхъ слоевъ общества, опредѣлять наши свойства, наклонности, стремленія, воспріимчивость къ преобразованіямъ т. е. революціонную способность, опредѣлять нашу способность къ городской и сельской жизни, и т. д. Еслибы кто-нибудь, вовсе не зная Россіи, вздумалъ искать этихъ опредѣленій въ газетахъ, отыскивая тамъ нашего быта такъ какъ онъ есть, то онъ былъ бы поставленъ въ тупикъ, въ безвыходное неудовѣреніе и отиравился бы искать разрѣшенія куда-нибудь на площадь, на покость, на постоялый дворъ, въ присутственное мѣсто — куда угодно, но уже никакъ не положился бы на газеты или на журналы.

Вотъ напримѣръ что нашолъ бы въ газетахъ за прошлый мѣсяцъ любознательный читатель.

Одинъ мировой съѣздъ разсматривалъ отвѣтъ одного помѣщичьяго управленія посреднику и нашолъ въ этомъ отвѣтѣ слѣдующую фразу: «Мировой съѣздъ не можетъ измѣнить ни одной юты въ высочайше утвержденномъ положеніи — неопровержимая истина, извѣстная съѣзду вѣроятно не менѣе подписавшаго бумагу?» Съѣздъ заключилъ, что отвѣтъ «неумѣстенъ и дерзокъ» и постановилъ: «сдѣлать подписавшему отвѣтъ выговоръ, а за повтореніе того же предать его суду.» — Что за странная власть мировой съѣздъ, полагаетъ читатель, вовсе не знающій Россіи. Это что-нибудь громадное, вродѣ съѣзда юристовъ въ Вѣнѣ, и что-нибудь преувеличенно-щекотливое, нетерпящее неопровержимыхъ истинъ. А «предать суду», конечно, что-нибудь особенное, неизвѣстное въ Европѣ, потому что какъ это судить человѣка за то, что онъ сказалъ такую неоспоримую истину, что дважды два четыре?

Въ четвертой московской гимназіи какъ-то не топили печей и въ класѣ было холодно. Напечатано объ этомъ въ газетахъ, да не одна, а нѣсколько статей. О чемъ же это они хлопочутъ? о визанкѣ дровъ? Да неужели же учитель не могъ просто приказать сторожу истопить печку, а ежели не имѣлъ права распорядиться самостоятельно, то развѣ не могъ сказать объ этомъ кому слѣдуетъ? Или ужъ такъ сильна субординація, какъ бывало при Фридрихѣ великомъ между солдатами, когда ни одинъ рядовой ни въ какомъ случаѣ не могъ заявить своего желанія или своихъ нуждъ?

Въ разныхъ мѣстахъ газетъ видно, что въ Россіи есть губернскіе статистическіе комитеты, и въ газетахъ же есть примѣръ, какія собираются статистическія цифры. Хлѣба въ одной волости собрано среднимъ счетомъ полчетверти съ десятныи, а рядомъ семь

четвертей. Еще въ одной волости сѣна собрано съ десятины все-таки среднимъ счетомъ $3\frac{1}{2}$ пуда, а въ другой, рядомъ 110 пудъ. Въ одной волости при урожаѣ $1\frac{1}{2}$ четверти на душу, хлѣба будто бы не покупають, а въ другой волости, при урожаѣ $4\frac{1}{2}$ четверти хлѣба цѣну платитъ каждая душа на семь рублей. Одна волость собрала 81 пудъ соломы на каждую четверть хлѣба, а другая на тоже количество хлѣба только $2\frac{1}{2}$ пуда соломы. И много такихъ цифровыхъ показаній. И въ этомъ—то заключается русская статистика? На такихъ—то данныхъ правительство обязано основывать свои распоряженія? Какая же тутъ есть возможность распорядиться? Кому или чему повѣрить? на чемъ остановиться?

Помѣщикъ пишетъ между прочимъ мировому посреднику: «Хотя сосѣди мои капитальные люди и уже имѣють нанятыхъ сторожей, но наемщикъ, яко наемщикъ, не всегда можетъ быть надежнымъ сторожемъ, потомучто въ наемъ идущіе люди не изъ добрыхъ земель, а изъ какой-либо сволочи и пьяницъ. Докладывая мнѣ сельскій староста Федоръ Омельниченко, что недавно устрашались ночью какимъ—то страшнымъ явленіемъ; то я ему растолковалъ, что подлѣ часа устрашающее явленіе видѣніе почное есть нечто иное, какъ переодѣтый воръ, мошенникъ, что подчасъ видѣніе духа тьмы можетъ быть переодѣтый, суеумренный духъ западлага просвѣщенія, и что если староста будетъ съ помощію креста и съ молитвою на устахъ: съ нами Богъ! то англичанамъ не доведется похвадить перваго своего министра Пальмерстона за его респекціонные планы... И посему, по требованію вашему, я даю отвѣтъ на жалобу Макара Самоботченка, а ваше высокоблагородіе, яко избраннаго и поставленнаго между потомками Сима и Азета и между ослободеннымъ племенемъ Хама, почтительнѣйше прошу имѣю право: повелѣть удержать въ порядкѣ Макара Самоботченка, равно и его сына Виктора. Макаръ Самоботченко, еще въ прошломъ году, кричалъ на меня изъ своей избы, что якобы его Викторъ перовался со мною, что онъ теперь такой же панъ, какъ и я, то въ этомъ речѣ растолковать ему, что дворянинъ не можетъ быть равенъ нужнику и что по новымъ положеніямъ, всякій потомственный дворянинъ въ званіи высокородія, а не дворянинъ не можетъ быть дворяниномъ, не выслуживши «стадкаго» совѣтника. Это твердить нужно не только моему Макару Самоботченку, но и всѣмъ простолюдиномъ, какъ полагать должно — обоняють уже духъ западной цивилизаціи, масипаціи и либерализаціи.» — Ну, здѣсь что-нибудь не такъ, подумаетъ любознательный читатель, мало знакомый съ Россіей. Почтенный помѣщикъ мало знакомъ съ виконтомъ Пальмерстономъ, который меньше всего способенъ на революціонные планы,

и англичанамъ не доведется похвалить его за это даже и безъ креста и молитвы старосты. Что же касается до того, что почтенный помѣщикъ приходитъ въ негодованіе противъ того, что простолюдины будто бы «обнимаютъ духъ» западной «цивилизациі», «масшиациі» и «либерализациі», то пусть спроситъ того же виконта Пальмерстона. Онъ себя со своимъ лордствомъ считаетъ выше всѣхъ остальныхъ единицъ соотечественниковъ и лордовъ и очень твердо знаетъ (и вовсе не ошибается въ этомъ случаѣ), что и всѣ остальные англичане видятъ въ немъ не простого человека, не такого же смертного, какъ всѣ прочіе, а существо, стоящее выше обыкновеннаго человеческого уровня. Лордъ Пальмерстонъ утверждаетъ, что ни одному изъ его соотечественниковъ-простолюдиновъ никакъ не можетъ прийти въ голову, что обыкновенный смертный могъ поровняться съ лордомъ, даже при помощи выслуги «стацкаго» советника. Въ западныхъ простолюдинахъ такой развратной мысли нѣтъ и не будетъ, конечно, еще нѣсколько столѣтій, пока они въ самомъ дѣлѣ не начнутъ «обнимать духъ» истинной цивилизациі. Если же въ самомъ дѣлѣ русскіе простолюдины не считаютъ лордовъ полубогами, то это показываетъ, что у нихъ есть врожденный или исторически выработанный, но совершенно здравый взглядъ на различія сословій; значить, у нихъ однимъ предразсудкомъ или однимъ терминомъ меньше. По отношенію къ «цивилизациі» и грамотности самъ помѣщикъ, любознательный читатель не слышитъ никакого заключенія, такъ какъ данное письмо могло быть исключеніемъ, болѣе или менѣе рѣкимъ.

Далѣе читаетъ и изучается любознательный читатель.

Въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи въ селѣ Барановкѣ, имѣнія баронессы Буа-Романъ-Кайсаровой случился пожаръ въ то время, какъ крестьяне были въ полѣ на барщинной работѣ у своей владѣлицы. Сгорѣло 34 двора со всѣмъ имуществомъ, съ платьемъ, обувью, хлѣбомъ, съ лошадьми, съ утварью и съ хозяйственными орудіями. Мировой посредникъ г. Фохтъ (познающій Россію читатель подумаетъ, что саратовская губернія въ остзейскомъ краю) просилъ управляющаго имѣніемъ баронессы дать погорѣвшимъ крестьянамъ нѣкоторыя льготы. Но управляющій, г. Укке (любознательный читатель начинаетъ приходитъ къ полному убѣжденію, что дѣйствіе происходитъ въ остзейскомъ краю) несогласенъ дать несчастнымъ никакой льготы. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе постановило ходатайствовать о выданіи погорѣвшимъ особаго вспоможенія, сверхъ 45 рублей, которая обыкновенно выдается на каждый сгорѣвшій дворъ.

Любознательный читатель становится втупикъ, и не знаетъ,

не находить никакой нити, чтобы выйти из недоумѣнія. Все газеты — думаетъ онъ — наполнены подпискою въ пользу червогорцевъ, петербургскихъ лавочниковъ и финляндцевъ. Это прекрасно, великодушно, величественно. Первые пострадали въ нынѣшнюю войну, вторые въ нынѣшніе пожары, третьи въ нынѣшній неврожай. Но чѣмъ же всѣ эти счастливицы лучше жителей сельца Барановки, у которыхъ зима на носу, голову преклонить негдѣ, и надо еще ходить на барщину. Положимъ, что подписка въ пользу червогорцевъ есть вѣчто вроде политическаго митинга, демонстраціи противъ Европы, угнетающей нашихъ соплеменниковъ посредствомъ блистательной Порты; финляндцы хоть и совершенно чужой для насъ народъ, но въ самомъ дѣлѣ имъ грозитъ голодная смерть; если не будетъ полана дѣлательная помощь, а лавочники потеряли все, что наторговала въ нѣсколько лѣтъ. Но жители Барановки еще несравненно ближе: потеряли все, что заработали во вѣсь вѣкъ кровавымъ потомъ, и уже если пошло на демонстраціи, то подписка въ пользу погорѣлыхъ жителей Барановки была бы прекрасною демонстраціей противъ разныхъ господъ фонъ-Укке, которые не соглашаются дать бѣднымъ крестьянамъ никакой льготы, чтобы оставить имъ время построить себѣ хоть какія-нибудь хаты на зиму. Господина фонъ-Укке правъ, совершенно правъ съ западной точки зрѣнія. Лордъ Пальмерстонъ, котораго почтенный помѣщикъ такъ несправедливо упрекаетъ въ революціонныхъ замыслахъ, никогда не даетъ льготы своимъ фермерамъ, это правда, и господа фонъ-Укке дѣйствуютъ совершенно на основаніи западной «цивилизациі», но собственно говоря, это дикій эгоизмъ въ соединеніи съ гнуснѣйшимъ уваженіемъ правъ.

«Академія наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія; что выпуска въ ся музеи, открытые въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ 9 октября прекращены.»

Любознательный читатель, не зная устройства академіи наукъ, подумаетъ непремѣнно, что это странное заведеніе учреждено какъ-нибудь частнымъ лицомъ, очень капризнымъ, которое то позвонитъ входъ въ свои музеи, то запретитъ, какъ вздумается, и не заботясь о пользѣ общей, исполняетъ только свои прихоти: Почему же почему бы запретить входъ въ музеи осенью, зимою и весною? Въ это время музеи особенно были бы полезны, какъ учащимся, которые на лѣто разбѣгаются въ разные стороны, такъ и публикѣ, живущей лѣтомъ на дачахъ. Для кого же существуютъ музеи? Для рабочихъ, которые лѣтомъ стекаются въ Петербургъ въ огромныхъ количествахъ? Но имъ не до музеевъ, и почтенные труженики работаютъ лѣтомъ для того, чтобы быть сытыми зимою. Стало-

быть, заключаетъ читатель, музеи академіи существуютъ преимущественно для академиковъ. Но въ газетахъ не оказывается слѣда пользы академіи, и читатель остается въ недоумѣніи касательно значенія академіи наукъ въ Россіи.

Далѣе по газетамъ оказывается, что уѣздныя аптеки наши находятся въ печальномъ состояніи. Въ Глуховѣ (болѣе 10,000 жителей) аптека находится въ завѣдываніи неэкзаменованнаго ученика и беретъ съ своихъ потребителей непомянутыя цѣны за лекарства. Жители не ропщутъ, потому что ропотъ вообще показывается безпокойный характеръ, къ тому же аптекарь вѣроятно есть начальство надъ всѣми пациентами, которые вынуждены къ нему обращаться. Стало-быть какъ же можно роптать? У аптеки есть свой чиновникъ особыхъ порученій студентъ Бродовскій, высланный изъ кievскаго университета будто бы по политическимъ дѣламъ. Этотъ г. Бродовскій лечилъ глуховскую публику съ большимъ успѣхомъ, но по какому-то случаю не поладилъ съ городовымъ врачомъ, и уѣхалъ, а мѣсто его занялъ другой господинъ К—въ. Но тутъ вышелъ опять странный случай. Одинъ больной солдатъ показалъ, что это не лекарь К—въ, а фельдшеръ Гиря, за какое-то преступленіе лишонный правъ состоянія и сосланный, но потомъ убѣжавшій съ дороги. Другой солдатъ показалъ тоже самое, и не смотря на то, что документы г. К—ва были въ порядкѣ, его арестовали. Городничій предписалъ городовому врачу проэкзаменовать арестованнаго, и акзаменъ оказался неудовлетворительнымъ. Сверхъ того слѣдователь (вѣроятно не врачъ) спрашивалъ его между прочимъ, что такое литотомія, и отвѣтъ оказался неудовлетворительнымъ. Ко всему этому прибавилось отсутствіе всякаго самолюбія у К—ва, его кротость и терпѣніе при всякаго рода поруганіяхъ. Г. К—ва посадили въ острогъ, до полученія справокъ, и почти черезъ мѣсяцъ выпустили. Все это напечатано въ журналѣ «Современная Медицина» за подписью г. Ивана Пантюхова, и любознательный читатель вовсе отказывается понимать.

Въ городѣ Глуховѣ черниговской губерніи образуется экзаменационная коммиссія для того, чтобы убѣдиться въ степени знаній доктора или лекаря. Эта коммиссія-факультетъ состоитъ изъ городского врача и судебного слѣдователя. Лекарь-арестантъ, подвергаемый всякаго рода поруганіямъ (мы ничего не прибавляемъ и не выдумываемъ) отвѣчаетъ неудовлетворительно, какъ-будто человѣкъ, которому посредствомъ самоуправства, насилія и всякаго рода поруганій производятъ цефалотомію, можетъ во время операціи отвѣчать, что значить литотомія. Къ тому же г. К—въ переносилъ всякаго рода поруганія съ кротостью и терпѣніемъ, стало-быть онъ

человѣкъ не безпокойный, не высланный по какимъ-нибудь политическимъ дѣламъ. Что же все это значить? Никой не всели въ этомъ смыслъ. Не любознательный читатель дѣлаетъ такой выводъ. Степень образованности въ Россіи такъ высока, что въ любомъ городѣ въ 10,000 жителей съ большимъ удобствомъ образуется медицинскій факультетъ, получающій предписанія отъ городничаго. Экзамену подвергается всякій, кто имѣетъ документы въ порядкѣ, но заподозрѣвъ болынымъ солдатомъ. Въ случаѣ, если экзаменуемый терпѣливо и кротко переноситъ всякаго рода поруганія, то его сажаютъ и держатъ вмѣстѣ съ разными ворами и разбойниками мѣсяцъ, до полученія справокъ, а потомъ (такъ развито чувство справедливости!) если окажется, что онъ дѣйствительно кончилъ медицинскій курсъ, въ самомъ дѣлѣ г. К—въ, а не бѣглый военный фельдшеръ Гиря, то его изъ острога выпускаютъ. Между тѣмъ изъ другихъ фактовъ, тоже обнаруженныхъ въ газетахъ, оказывается, что если человѣкъ не кротко и не съ терпѣніемъ переноситъ всякаго рода поруганія, то его тоже сажаютъ въ острогъ, изъ чего незнакомый съ Россією читатель и можетъ заключить, что острогъ есть въ Россіи нѣчто индифферентное, вродѣ кристальнаго дворца, или нѣчто похожее на справочное мѣсто для опредѣленія званія врачей, или наконецъ обычное послѣдствіе докторскаго экзамена, или что-то непонятное, непостижимое.

Но теперь становится до послѣдней очевидности ясно, что мало знающій съ Россією читатель не въ состояніи будетъ вывести изъ нашихъ газетъ правильнаго заключенія, ничего ровно не пойметъ, потому что не совѣтъ понятны газетныя статьи и для коренныхъ жителей, вмѣющихъ претензію очень хорошо знать свое отечество. Дѣло въ томъ, что плохо мы сами знаемъ Россію, свидѣнія о ней иочерпаемъ нерѣдко изъ иностранныхъ сочиненій, смотримъ на себя сквозь очки англійской политической экономіи и гораздо больше обращаемъ вниманіе на черногорцевъ и финляндцевъ, нежели на погорѣлыхъ жителей селца Барановки, блаженствующихъ подъ управленіемъ господина фонъ-Уика.

Дѣло въ томъ, что ни французскій, ни англійскій, ни шведскій, никакой другой идеалъ къ намъ никакъ не подходитъ. Климатическія, географическія и историческія условія сдѣлали изъ насъ нѣчто до такой степени отдѣльное, особенное, что къ намъ не подойдетъ никакая иностранная мѣрка. Вотъ маленькій примѣръ.

Въ вѣдомостяхъ московской городской полиціи сказано, что 13 октября вечеромъ, городской части 4 квартала, изъ номера кирсановскаго мѣщанина Дубоголова, украдена шкатулка съ деньгами 1,500 руб. и вензеломъ на такую же сумму, выданнымъ московскимъ

ищущимъ Казариновымъ; въ кражѣ коей Дуботолковъ подозрѣваетъ живущаго съ нимъ по сосѣдству крестьянина Кондакова. При дознаніи полиціи Кондаковъ сначала въ кражѣ не сознался, но потомъ объявилъ, что укралъ шкатулку по просьбѣ Казаринова и передалъ ему такую; но Казариновъ въ этомъ не сознавался и по обыску шкатулки у него не найдено. Послѣ чего Казариновъ, сознавая свою неосторожность въ томъ, что бывши въ номерѣ у Кондакова 13 октября, ушелъ оттуда, не показавшись никому, чѣмъ и можетъ навлечь на себя подозрѣніе, обязался удовлетворить Дуботолкова за покраденное, съ тѣмъ, что если шкатулка съ деньгами будетъ найдена, то уже должна принадлежать ему, на что и Дуботолковъ изъявлялъ свое согласіе. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ну гдѣ въ Европѣ можно встрѣтить такое прелестное оковчаніе дѣла? Гдѣ-нибудь во Франціи, гдѣ совершенно возможенъ Жанъ Вальжанъ, сосланный на галеры, за покушеніе украсть кусокъ хлѣба, сейчасъ принялись бы, въ интересахъ закона, раскапывать истину, засадили бы Казаринова и Кондакова въ тюрьму, какъ соучастниковъ; они выбрали бы себѣ адвокатовъ; доказано было бы, что Казариновъ имѣлъ выгоду въ произведенной кражѣ, что Кондаковъ не могъ на себя визачто-нипрочно взвести напраслину, что вынужденный дознаніемъ вернуть покраденнаго не покрываетъ совершоннаго преступленія, что наконецъ въ интересахъ закона, ради торжества юстиціи, не могутъ быть допущены никакія сдѣлки между преступникомъ и его жертвой. А тутъ дѣло кончилось полюбовно. Человѣкъ попался, но не признается, хотя улики противъ него, и чтобъ не растревать юстиціи и не выносить изъ избы сору, онъ соглашается отдать украденныя деньги. Обвиняютъ русскихъ въ подражательности. Но тутъ, въ этой драгоценной, невыдуманной, официально засвидѣтельствованной, неподражаемой чертѣ нравовъ кому они подражаютъ? И что здѣсь пойметъ мало знакомый съ Россіей, хотя и любознательный читатель?

Можно бы привести еще множество подобныхъ происшествій, изъ которыхъ несомнѣнно окажется наша нравственная своеобразность. Но не въ этомъ покаместъ наша дѣль. Главный, насущный и действительно чрезвычайно важный вопросъ теперь — экономическія отношенія, вещественная сторона жизни, матеріальное благосостояніе, которое составляетъ необходимое условіе успѣховъ въ нравственной и умственной жизни. Казалось бы, что тутъ всего лучше, всего удобнѣе слѣпо предоставить себя предписаніямъ той государственной гігіены, которая выработана въ политической экономіи. Но кромѣ того, что эта наука выработала лишь небольшое количество безспорныхъ общенародныхъ истинъ, а всѣ остальные

весьма еще спорны, она до сихъ поръ еще не затронула вопроса о различной приложимости своихъ гигиеническихъ правилъ къ различнымъ политическимъ организмамъ, что конечно показываетъ еще весьма раннее младенчество науки и лишаетъ ее въ данномъ случаѣ довѣрія. А вопросъ въ высшей степени серьезный, потому что идти впередъ безъ яснаго сознанія куда именно идешь, не зная напередъ условій очень большого количества будущихъ шаговъ, дѣло довольно рискованное. Здѣсь будущее больше всего похоже на сонника, который задаетъ загадку и говоритъ: «Угадай, а не то съѣмъ.»

Разсматривать вопросъ о томъ, куда мы идемъ, мы здѣсь не станемъ по многимъ причинамъ, и только коснемся нѣкоторыхъ недосмотровъ политической экономіи по отношенію къ намъ. Эти недосмотры въ вину такъ называемой наукѣ мы ставить не будемъ. Она родилась на чужой намъ почвѣ, насъ не знала, а наши политико-экономы по большей часта, не всѣ конечно, занимаются только переводами «съ иностраннаго».

Въ послѣднее время стали особенно рѣшительно говорить о крайней необходимости устроить южную желѣзную дорогу, изъ Москвы въ Феодосію. «Московскія Вѣдомости» нерѣдко помѣщаютъ статьи въ этомъ смыслѣ; «Современная Лѣтопись» предлагаетъ разныя мѣры для постройки этой дороги, напримѣръ употребить на нее срочные вклады государственнаго банка и нарядать на земляныя работы войска вмѣсто вольнонаемныхъ рабочихъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» увѣряетъ, будто теперь то и есть самое настоящее, удобное время для совершенія внутренняго займа на постройку 5,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ отъ Москвы до Перми, до Риги, до Одессы и до Феодосіи. «Русскій Вѣстникъ» убѣдительношимъ образомъ доказывалъ необходимость въ дорогѣ отъ Одессы до Кіева. Слова нѣтъ, очень бы хорошо имѣть желѣзныя дороги по этимъ и еще по многимъ другимъ направленіямъ; но зачѣмъ же такая непроходимая наивность? Какимъ образомъ для перевозки сырыхъ продуктовъ рассчитывать на тысячеверстные желѣзные пути, какъ-будто хлѣбъ въ обыкновенный средне-урожайный годъ можетъ вывезти такую перевозку безъ убытка? Какъ рассчитывать на вѣчную отправку за границу хлѣба, льну, лѣсу, поташу, костей, тряпья? Это все равно какъ-будто для частнаго человѣка, напримѣръ, возможно вѣчно разоряться, и не дойти наконецъ до того, чтобы самая возможность разоренія прекратилась? Какъ прибѣгать къ такого рода наивностямъ, для подтвержденія пользы новыхъ дорогъ, будто у насъ явятся десятки новыхъ торговыхъ мѣстъ такихъ, какъ Петербургъ, Рига

и Одесса? Будто во многихъ губернскихъ городахъ поселатся просвѣщенные торговые дѣятели, которые принесутъ странѣ громадную пользу? Какъ рѣшаться увѣрять, будто отъ постройки кievо-одесской желѣзной дороги хлѣбъ въ Одессѣ подешевѣетъ, такъ что будетъ въ состояніи выдержать соперничество съ венгерскимъ хлѣбомъ? Зачѣмъ же не заняться хорошенько изученіемъ сельскаго хозяйства въ Европѣ, чтобы потомъ сравнить его съ нашими и съ какою-нибудь основательностью заключить о надеждахъ на соперничество? Какъ же не обратить вниманія на наши климатическія и географическія условія? Какъ не дойти до убѣжденія, что страна, приговоренная къ вѣчному отпуску за границу сырыхъ продуктовъ и вѣчному полученію фабрикатовъ изъ-за границы, этимъ самымъ приговорена къ вѣчному первобытному состоянію и къ роли черно-рабочаго по отношенію къ фабрикующимъ странамъ? Можно такимъ образомъ навивчатъ только при одномъ условіи, при взглядѣ на Россію сквозь очки англійскаго политико-экономическаго ученія, да еще при извѣстномъ научномъ стеницизмѣ, который утверждаетъ, что если при невыгодныхъ условіяхъ страна не можетъ выйти изъ первобытнаго, варварскаго состоянія, изъ роли черно-рабочаго, такъ стало-быть и не надо ей выходить, туда ей и дорога. Точно такъ же рассуждалъ бы врачъ, давая своему пациѣнту невѣроятный пріемъ сильнаго лекарства: не поправится, такъ туда ему и дорога. Не мѣшаетъ однако же спросить пациѣнта, согласенъ ли онъ на эту дорогу?

Никто не сомнѣвается въ великой выгодѣ хорошихъ, удобныхъ и быстрыхъ путей сообщенія. Они сближаютъ между собою производителей, при помощи ихъ населеніе страны становится какъ-будто гуще и такимъ образомъ мѣна облегчается. Еслибы для общества не нужна была мѣна, то не было бы никакой надобности и въ дорогахъ. Мѣна въ обширномъ смыслѣ есть душа общества, первое и высшее слово цивилизаціи.

Мѣна происходитъ отъ раздѣленія труда. Только что люди пришли до умѣнья запащать себя и свои жатвы отъ дикихъ звѣрей, какъ земледѣіе начало давать излишекъ противъ того, что необходимо для существованія земледѣла. Тогда часть общины оставляетъ обработку земли и принимается за ремесла. Кузнецъ и ткачъ получаютъ свое продовольствіе, обмѣниваясь услугами и продуктами съ пахаремъ. Даже еще раньше этой стенини общиннаго развитія мѣна услугъ происходитъ въ семействѣ. Дикарь доставляетъ пищу, женщина ее готовить; онъ убиваетъ звѣрей, она дѣлаетъ изъ шкуръ одежду. Домашняя мѣна началась съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ сталъ воздѣлывать землю, а Ева прастъ.

Чтобы произошла мѣна, необходимо нужны два продукта, два производителя, да еще надобно производителямъ войти въ сношеніе между собою. Въ дѣйствительности они обмѣниваются только взаимными услугами, т. е. услуга одного обмѣнивается на услугу другого. Эта истина несомѣнна, когда обмѣниваются личныя услуги, напримѣръ въ семействѣ или въ крестьянской помощи во время уборки хлѣба. Имѣется безчисленное множество формъ взаимныхъ услугъ людей, составляющихъ общину, и выгоды этого очевидны, потому что сообща можно сдѣлать то, чего одинъ человекъ никогда не сдѣлаетъ безъ помощи машинъ, напримѣръ выстроить домъ. Въ обмѣнѣ услугъ, заключающихся въ предметахъ вещественныхъ, этотъ фактъ нѣсколько затемняетъ. Дѣйствительные производители рѣдко входятъ въ личныя сношенія, и продукты, которыми они мѣняются, почти никогда не сравниваются между собою непосредственно. Новгородскій крестьянинъ привозитъ въ Петербургъ возъ сѣна и продаетъ на наличныя деньги, потомъ на эти деньги онъ покупаетъ самоваръ, сдѣланный въ Тулѣ изъ уральской мѣди и фунтъ чаю, выращеннаго и собраннаго въ Китаѣ. Производство сѣна было необходимымъ условіемъ продажи мѣди, самовара и чаю, а производство самовара и чаю необходимое условіе продажи сѣна. Производство одного зависѣло отъ производства другого, потому что рабочіе производили обмѣненные тутъ предметы не для личнаго своего употребленія. Если производители мѣди, самовара и чаю не получаютъ прямо новгородскаго сѣна за свою работу, то сѣно здѣсь замѣняетъ другіе продукты, которые были имъ выданы, и пока эти продукты не замѣнены сѣномъ, самоваръ и фунтъ чаю только занимаютъ мѣсто на рынкѣ, въ ожиданіи воза сѣна, мѣняютъ новому производству сырого матерьяла, изъ котораго они сдѣланы и приложенію труда, необходимаго на фабрикацію окончательныхъ предметовъ новой мѣны. Всего важнѣе при этомъ замѣтить, что люди, предлагающіе сбытъ продуктовъ и дающіе поводъ къ ихъ производству — вовсе не тѣ, которые перевозятъ ихъ и торгуютъ ими, а тѣ, кто потребляетъ ихъ окончательно для удовлетворенія своихъ нуждъ и производитъ новые продукты или услуги для мѣны. Только трудъ создаетъ запросъ на трудъ, и именно трудъ, посылаемый на производство, а не тотъ, который посвященъ только производству мѣны. Этотъ послѣдній только возвышаетъ цѣнность продуктовъ, не увеличивая ихъ количества.

Милль, знаменитый англійскій политико-экономъ, стадо-быть пристрастный поклонникъ капитала, постановляетъ основное ученіе свое о капиталѣ. «Если что платитъ и производителю употребляетъ трудъ, такъ это капиталъ, истраченный на то, чтобы задать

знать трудъ, а не запросъ со стороны потребителей окончанныхъ продуктовъ труда. Спросъ продуктовъ не есть спросъ труда. Запросъ на продукты опредѣляетъ только, къ какой особенной отрасли производства будутъ направлены капиталъ и трудъ. Запросъ опредѣляетъ *направление* труда, а вовсе не большее или меньшее количество самого труда или его вознагражденіе.» Знаменитый поклонникъ капитала объявляетъ, что эта истина можетъ казаться парадоксомъ для умовъ обыкновенныхъ, и что только Рикардо и Сей постоянно имѣли это въ виду. Но тутъ понятно само собою, сколько лжи можно подстроить на ложномъ основаніи. Это основаніе подстроено въ особенности затѣмъ, чтобы на немъ возвести ученіе будто бы, съ точки зрѣнія народнаго труда, все равно какъ потребитель тратитъ деньги для удовлетворенія своихъ нуждъ: обращается ли онъ къ національной промышленности, или къ иностранной. Но мы покажемъ останавливаться на этомъ не будемъ. Когда-нибудь мы подробно разберемъ эту основную теорему капитала и докажемъ, какъ она далека отъ истины. Но отсюда, въ этомъ вопросѣ и въ его развитіи мы идемъ въ другую сторону отъ Милля.

Однаго только физическаго сближенія не довольно для установленія правильной мѣны. Никто не оставитъ и на нѣкоторое время работы, доставляющей ему пищу и одежду безъ твердой увѣренности, что одна изъ этихъ потребностей удовлетворена будетъ кѣмъ-либо другимъ, въ обмѣнъ на подобную же съ его стороны услугу. Такихъ образомъ имѣется настоящій, хотя и безмолвный контрактъ, къ силу котораго земледѣль, собирающій болѣе хлѣба, чѣмъ ему нужно, можетъ обмѣниваться на работу человѣка, приготовляющаго тоже лишнее количество одежды.

Въ первыя же времена общества люди должны были замѣтить, что раздѣленіе труда представляетъ значительныя выгоды. Они должны были замѣтить, что отъ раздѣленія труда увеличивается производительная его сила по многимъ причинамъ, прекрасно развитымъ и доказаннымъ въ политической экономіи. Повторять ихъ здѣсь мы не будемъ.

Мѣна и раздѣленіе труда имѣютъ одинаковый объемъ и взаимно зависятъ другъ отъ друга. Мѣна бываетъ выгодна челоѣку или его общинѣ на столько, на сколько увеличивается производительность отъ раздѣленія труда. Положимъ, что двумъ людямъ А и В необходимо имѣть по одной шляпѣ и по парѣ сапогъ; можно кстатн предположить, что сдѣлать шляпу можно ровно во столько же времени, во сколько сапоги. Чтобы примѣръ вышелъ яснѣе, положимъ также, что А дѣлаетъ одиѣ только шляпы и такъ набилъ себѣ руку тѣмъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать шляпу въ три дня, и ровно во

столько же времени В сошьетъ пару сапогъ, тоже вслѣдствіе привычки. Если же каждый изъ нихъ будетъ самъ дѣлать и шляпы, и сапоги, и телѣги, и печки, и еще нѣсколько другихъ вещей, то безъ преувеличенія можно сказать, что имъ нужно было бы, безъ привычки къ одной работѣ, цѣлые шесть дней на производство шляпы и ровно столько же на производство пары сапогъ. Тутъ при раздѣленіи труда три дня дають такой же результатъ, какъ шесть дней безъ этого раздѣленія. Въ три дня шляпочникъ дѣлаетъ шляпу себѣ, а въ три слѣдующіе дня, дѣлая шляпу для своего сосѣда-сапожника, онъ зарабатываетъ себѣ пару сапогъ. И сапожникъ дѣлаетъ тоже самое. Въ шесть дней у каждаго явилось по шляпѣ и по парѣ сапогъ, тогда какъ безъ раздѣленія труда и безъ мѣны у одного не было бы сапогъ, а другой ходилъ бы безъ шляпы. До-сихъ-поръ выгода ограничивается только двумя лицами. Но если они будутъ продолжать работать еще недѣлю, община обогатится еще двумя парами сапогъ и двумя новыми шляпами, для двухъ другихъ лицъ, которыя безъ сообщества производителей не имѣли бы этихъ вещей, необходимыхъ для ихъ здоровья или удобства, стало-бытъ для увеличенія ихъ производительныхъ силъ. Выигрышъ производящихъ и мѣняющихся лицъ есть выигрышъ ихъ общины. Что тутъ выигралъ сапожникъ? — Время, оставшееся у него въ экономіи, три дня, которые не пропали у него на дѣланье половинъ шляпы и въ которые онъ могъ прибавить къ общему богатству новую пару сапогъ. Подобнаго же рода выигрышъ на сторонѣ шляпочника. Ихъ община выиграла одну шляпу и одну пару сапогъ, которыхъ бы безъ раздѣленія труда и безъ мѣны вовсе бы не было.

Но положимъ, что оба эти лица не члены одной общины, а сапожникъ живетъ въ Москвѣ, а шляпочникъ въ Парижѣ, и предположимъ, что какимъ-нибудь образомъ мѣна ихъ продуктовъ произойдетъ безъ расходовъ на перевозку и безъ внимательства купцовъ. Что же выйдетъ? Русскій сапожникъ точно такъ же выиграетъ время на производство новой пары сапогъ, или просто новые сапоги; это будетъ въ барышахъ для его страны; но страна ничего не выиграетъ отъ лишней шляпы, которую, благодаря мѣнѣ, успѣетъ сдѣлать французскій шляпочникъ. Эта лишняя шляпа — потеряна для Россіи, и становится барышомъ Франціи. Имѣетъ ли конечно выгода для обѣихъ странъ (оставляя пока всторонѣ перевозку, купцовъ и пр.); но эта выгода составляетъ ровно половину той, которая была бы въ случаѣ принадлежности обѣихъ мѣняющихся къ одной общинѣ. Еслибы можно было уговорить французскаго шляпочника переѣхать въ Москву и сдѣлаться русскимъ

понятно, что его мѣна съ сапожникомъ доставить странѣ двойную выгоду. Увеличеніе дѣйствительности его труда (вслѣдствіе возможности мѣнять свои продукты на трудъ своихъ соотечественниковъ) составитъ прибыль страны въ видѣ большого запаса шляпъ.

Какъ бы ни опредѣлялась цѣнность мѣняемыхъ продуктовъ, кака бы ни была разница въ цѣнѣ шляпъ русскихъ и французскихъ, это не измѣняетъ силы великаго закона о болѣе выгодности внутренней мѣны противъ заграничной, но разсужденіе, основанное на цѣнности и цѣнахъ можетъ нѣсколько затемнить дѣло, нѣсколько впрочемъ не взмѣняя его сущности. Цѣнность и цѣна, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, могутъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить предѣлъ, до котораго внутренняя мѣна выгодна для общины; но это нѣсколько не ослабляетъ заключенія, что внутренняя мѣна, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, и принимая въ соображеніе только существенныя основанія всякой мѣны, выгоднѣе иностранной торговли.

Ад. Смитъ съ этимъ совершенно согласенъ, но затемняетъ дѣло вторымъ обстоятельствомъ, именно капиталомъ, который служитъ орудіемъ мѣны. На конечный результатъ, на сущность, на смыслъ дѣла капиталъ не имѣетъ никакого вліянія, кромѣ того, что онъ требуетъ платы за свои услуги и такимъ образомъ беретъ на свою долю часть продуктовъ у производителей, отнимаетъ часть ихъ выгоды. Не прибавляя ничего къ количеству продуктовъ, капиталъ отнимаетъ у обѣихъ сторонъ по нѣкоторой части, которая досталась бы на долю производителей, еслибы они стали въ непосредственныя между собою сношенія, безъ его помощи. Изъ этого не слѣдуетъ, что услуги капитала въ этомъ случаѣ бесполезны для общины. Напротивъ, нѣкоторое количество капиталовъ, посвященныхъ мѣнѣ совершенно необходимо, по тому же закону раздѣленія труда. Но понятно, что чѣмъ относительно менѣе нужно капитала и труда для удовлетворительнаго движенія мѣны въ данной общинѣ, тѣмъ болѣе останется капитала и труда на дѣла производительныя. Въ этомъ случаѣ Россія находится въ исключительномъ положеніи, о которомъ рѣчь впереди.

Фикардо и другіе поклонники капитала несогласны съ этимъ закономъ о выгоды внутренней мѣны, и оставляя въ сторонѣ производителей, истинныхъ и конечныхъ дѣйствующихъ лицъ всякой мѣны, ставятъ на ихъ мѣсто купцовъ, которыхъ выгоды зависятъ просто отъ цѣны, по которой они могутъ продать товаръ свой за границей, тогда какъ по отношенію къ внутренней мѣнѣ важно количество продуктовъ, а вовсе не ихъ цѣна, которая никогда почти не соответствуетъ цѣнности. По отношенію къ выгодамъ народа,

цѣна и цѣнность находятся въ правильномъ отношеніи между собою только тогда, когда *дѣйствительный* трудъ общины равняется *ей нарицательному* труду, когда вся производительная способность общины находится въ полной дѣятельности и трудъ раздѣляется выгоднѣйшимъ образомъ. Все, что имѣетъ община, идетъ на содержаніе членовъ этой общины, несмотря на то, могутъ они или хотѣть они работать, или не могутъ и не хотѣть. И въ этомъ случаѣ Россія находится въ исключительномъ положеніи, о которомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить. Вспомнимъ только по крайней мѣрѣ, что нашъ дѣйствительный трудъ вдвое меньше нарицательнаго по одному уже тому, что климатъ мѣшаетъ намъ работать половину года, не считая другихъ невыгодныхъ для нашего труда усладій, изъ которыхъ нѣкоторыя перестали существовать съ 19 февраля прошлаго года, а другія и до сихъ поръ еще существуютъ. Частному торговцу до всего этого нѣтъ дѣла. Барышомъ въ рубляхъ и въ копѣйкахъ для него рѣшаются и заканчиваются всѣ его операціи, а тамъ — хоть трава въ полѣ не рости. Какъ только цѣна купеческихъ барышей примѣшается къ нашимъ соображеніямъ, тогдѣчасъ является нѣкоторая сбивчивость, и надо постоянно быть осторожнѣе, чтобы не впасть въ ошибку. Такъ не воздержался Робертъ Пиль въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, когда хотѣлъ примѣромъ подтвердить ученіе Рикардо и другихъ новѣйшихъ английскихъ экономистовъ.

«Положимъ — говорилъ онъ — что въ одномъ городѣ живутъ два ремесленника или два купца: одинъ сапожникъ, а другой портной. Этому нужны сапоги, а тому платье. Имъ кажется, буди они обязаны поддерживать промышленность своего города и торговать другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы мѣняться съ иностранцами. За нѣкоторое количество платья сапожникъ платитъ портному десять шиллинговъ, тогда какъ въ сосѣднемъ городѣ могъ бы имѣть тоже самое за семь шиллинговъ. Портной точно также платитъ десять шиллинговъ за сапоги, которые могъ бы имѣть въ другомъ городѣ за семь. Развѣ въ этомъ городѣ не произошло такимъ образомъ убытку шесть шиллинговъ?»

Замѣчательно, что умному человѣку представилось, будто бы за этотъ вопросъ можно отвѣчать иначе, какъ отрицательно. Вся эта операція есть обмѣнъ сапогъ на платье, и больше ничего. Чѣмъ же за дѣло городу, высока цѣна или низка, когда она одна является въ обмѣнъ сторонѣ? Пусть даже часть платья стоитъ тысячу рублей, и сапожникъ занимаетъ эту сумму у банкира, чтобы платье купить. На другой день портной покупаетъ пару сапогъ за ту же сумму, которую вчера получилъ отъ сапожника, который и отдаетъ ей

мѣсяцъ боджину въ уплату своего долга. До мѣны городъ имѣлъ сапожнѣ, платяе д тысячу рублей, послѣ мѣны осталось тоже самое. Что справедливо о городѣ, то одинаково справедливо и о гораздо большаеъ простраствѣ, объ огромной общинѣ. Для тѣхъ, кто мѣняется своей работой, совершенно все равно, какая цѣна показана на ярлычкахъ, прилѣпленныхъ къ товару, высокая или низкая, лишь бы въ обоихъ случаяхъ они заработали, т. е. вымѣняли одно и тоже.

Робертъ Циль объясняетъ свою фразу предположеніемъ, будто каждый шиллингъ соответствуетъ часу работы и говоритъ, что въ нѣдѣ между портнымъ и сапожникомъ каждый отдалъ десять часовъ труда за вещь, которую могъ бы приобрести за семь часовъ, и имѣть три часа въ своемъ распоряженіи. Весь вопросъ значить къ томъ, чтобы въ случаѣ заграничной мѣны нашлась работа. Подождемъ, что сапожникъ могъ бы купить нужное ему платье заграницей, но въ такомъ случаѣ онъ приговорилъ бы портного къ десятичасовому бездѣйствію. Тоже самое могъ бы сдѣлать портной относительно сапогъ и сапожника. Стало-быть задача въ томъ, какимъ образомъ человекъ можетъ получить семь шиллинговъ за десять часовъ бездѣйствія? Конечно легче заработать семь шиллинговъ, чѣмъ десять, работая по шиллингу за часъ, но когда нѣтъ работы, точно также невозможно добыть семь шиллинговъ, какъ и десять.

Но примѣръ Роберта Циля, ничего не доказывающій въ томъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ, наводитъ однакоже на весьма важный вопросъ касательно весьма низкаго заработка, дающаго только дѣлобъ насущный. Два работника, которыхъ трудъ только что ихъ прокармливаетъ, прибавляютъ къ народному капиталу не болѣе того, что прибавляетъ одинъ. Все равно, одинъ ли человекъ добываетъ себѣ пропитаніе безъ всякихъ остатковъ, или два, капиталъ общины остается неподвижнымъ. Еслибы они оба умерли, то народъ нисколько не сдѣлался бы бѣднѣе прежняго. Но если кромѣ пропитанія они производятъ излишекъ, то, какъ бы онъ малъ ни былъ, народное богатство увеличивается, и смерть одного изъ нихъ была бы истинною потерей. Внутренняя торговля въ сравненіи съ иностранной оживляетъ большее количество труда, это несомнѣнно. Если же къ тому можно доказать, что она дѣлаетъ данный трудъ производительнѣе, то преимущества ея будутъ несомнѣнны, и самые ученики англійскихъ экономистовъ согласны будутъ въ томъ, что, правда, ихъ ученіе весьма выгодно, представителю наибольшее ручательство успѣшнаго хода дѣлъ, но для одной только Англій.

Итакъ выгода мѣны внутренней или заграничной заключается въ увеличеніи производства вслѣдствіе раздѣленія труда. Мы говорили все о трудѣ, приспособляющемъ предметы къ непосредственному употребленію. Шляпочникъ, сапожникъ, портной берутъ шерсть, шолкъ, кожу или мѣха, измѣняютъ ихъ первоначальную форму и превращаютъ ихъ въ издѣлія, ожидающія только потребителя. Ежели обѣ системы мѣны дѣлаютъ трудъ болѣе производительнымъ, то или доставляютъ сбереженіе сырого продукта, т. е. дозволяютъ производить тоже количество и тоже качество фабрикатовъ изъ меньшаго количества сырыхъ матерьяловъ, или даютъ той же суммѣ труда силу измѣнять и превращать въ окончательный видъ большее количество сырья. Но это послѣднее условіе выгодно только тогда, когда ведетъ къ производству большаго количества матерьяловъ. Если не является большее противъ прежняго количество шерсти, льну или хлопки, то умѣнше превращать ихъ въ одежду съ сбереженіемъ труда становится совершенно бесполезнымъ. Надо чтобы трудъ, сберегаемый въ окончательной обработкѣ, былъ обращенъ на производство обрабатываемыхъ матерьяловъ. Въ другомъ случаѣ, когда выгода заключается въ сбереженіи матерьяловъ, въ результатѣ выходитъ тоже самое. Во всякомъ случаѣ выгода состоитъ въ производствѣ даннаго предмета съ остаткомъ матерьяловъ на новый предметъ.

Стало-быть вопросъ въ томъ, какая система болѣе благоприятствуетъ производству сырыхъ продуктовъ, та ли, при которой сырые продукты перерабатываются по близости производителей, или та, которая вывозитъ сырье за границу, для употребленія другихъ народовъ? Иначе сказать, надо рассмотреть, какое вліяніе имѣетъ близость или дальность потребителей на выгоды земледѣльческой промышленности. Поэтому надо рассмотреть препятствія къ мѣнѣ, то есть то, во что мѣна обходится. Разстояніе между производителемъ и потребителемъ есть великое препятствіе; цѣна провоза составляетъ для нихъ великую тягость, и въ этомъ случаѣ согласны всѣ экономисты.

Четыре тысячи четвертей хлѣба стоятъ гдѣ-нибудь въ хлѣбородной губерніи положимъ четыре тысячи рублей. За провозъ ихъ до Москвы надо заплатить тысячу, что и составитъ четвертую часть всего количества, или 1000 четвертей только за провозъ товара на рынокъ. Хозяинъ отправился съ мѣста имѣя 4,000 четвертей; цѣна мѣстѣ у него оказывается всего только 3,000. Результатъ одинъ и тотъ же, удерживаютъ ли перевозчики хлѣбъ натурой за свои личные услуги и въ видѣ процентовъ на капиталъ, заключающійся въ ихъ лошадяхъ и баркахъ, или производитель хлѣба платитъ за ихъ

услуга деньгами. Во всякомъ случаѣ у производителей останется три тысячи четвертей или цѣна трехъ тысячъ четвертей на покупку необходимыхъ для него продуктовъ. Если однакоже онъ тратитъ эти три тысячи четвертей на покупку московскихъ фабричныхъ издѣлій на продажу или для собственнаго употребленія, эти товары должны еще сдѣлать весь обратный путь, на мѣсто производства хлѣба, гдѣ они и будутъ потреблены окончательно. Стало-быть надо сберечь еще достаточно хлѣба или цѣны хлѣба, чтобы заплатить за ихъ провозъ. Къ счастью мануфактурныя издѣлія въ меньшемъ объемѣ заключаютъ болѣе цѣнности, чѣмъ земледѣльческіе продукты, и слѣдовательно провозъ ихъ дешевле. Двухъ сотъ четвертей хлѣба или даже меньше достаточно для перевозки мануфактурныхъ издѣлій, замѣняющихъ такое количество хлѣба, котораго провозъ обошелся въ тысячу четвертей. И тутъ результатъ одинъ и тотъ же, заплатится ли провозъ мануфактурныхъ издѣлій хлѣбомъ, или самыми издѣліями, или деньгами отъ продажи нѣкоторой части этихъ издѣлій, все равно. Производители хлѣба получаютъ ихъ меньшее количество, и какія бы ни были приняты мѣры для уплаты, во что бы ни обошлись купленные товары, все-таки провозъ въ оба пути ложится весь на производителя хлѣба.

Еслибы это не было понятно само собою, то можно въ этомъ удостовѣриться, разсмотрѣвъ цѣны хлѣба на разныхъ разстояніяхъ отъ большаго рынка, напримѣръ въ Оренбургѣ, въ Самарѣ, въ Казани, въ Нижнемѣ, въ Ярославлѣ, въ Рыбинскѣ, въ Питерѣ и въ Лондонѣ. Разницы въ цѣнахъ довольно вѣрно соотвѣтствуютъ цѣнамъ провоза отъ мѣста до мѣста.

По отношенію къ цѣнности труда все это точно такъ же справедливо. Понятно само собою, что за извѣстное количество хлѣба можно получить столько труда, сколько это количество, пройдя сквозь человеческое тѣло, можетъ поддержать мускульной дѣятельности; очевидно точно такъ же, что хлѣбъ не приобретаетъ большей питательной силы отъ перемѣны мѣста. Четверть хлѣба возстановитъ такое же количество потерянной мускульной силы въ курской губерніи, какъ и въ англійской мастерской, и посредствомъ животной химіи можетъ быть обращена тамъ и здѣсь въ одинаковое количество механической силы. Ремесленникъ, потребляющій этотъ хлѣбъ въ Англии не можетъ ни въ какомъ случаѣ сдѣлать больше дѣла, чѣмъ сколько онъ слѣлалъ бы, еслибы работалъ близъ самаго того мѣста, гдѣ растетъ этотъ хлѣбъ. Тоже самое можно сказать о сыромъ матеріалѣ для фабрикъ. Все, что можно получить въ обмѣнъ на берковецъ льну, это кусокъ ткани, которая изъ него выйдетъ безъ того, что стоило спрядеть его и соткать. Но это можно бы полу-

чить ряломъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лёнъ растетъ. Но если ~~забрана~~ въ Голландію, то земледѣлецъ долженъ еще потерять все то, что стоитъ провозъ льну изъ ярославской губерніи въ Голландію и провозъ ткани обратно. Кстати замѣтить, что провозъ льну стоитъ почти тоже, что передѣлка его въ ткань. Гораздо дешевле обошлось бы соткать полотно на мѣстѣ, свозить его въ Голландію и привести обратно, чѣмъ везти туда лёнъ и привезти полотно, потому что послѣднее занимаетъ меньше мѣста.

Всякое улучшение въ средствахъ перевозки, ведущее къ удешевленію провоза, производитъ такое же дѣйствіе, какъ уменьшеніе разстоянія. Замѣна луговой дороги шоссейною, замѣна шоссейной дороги желѣзною или еще лучше каналомъ уменьшаетъ цѣну провоза земледѣльческихъ продуктовъ на рынки, и вся разница въ цѣнѣ немаленно прибавляется къ цѣнности продуктовъ на мѣстѣ ихъ производства. Это обстоятельство вмѣстѣ съ своимъ результатомъ, который состоитъ въ сбереженіи производителю всѣхъ расходовъ перевозки, повторяется такъ часто, что доказывать его нечего.

Еслибы цѣны земледѣльческихъ продуктовъ были неподвижны, то очевидно, что можно отыскать такое разстояніе отъ рынка, на которомъ вся цѣнность этихъ продуктовъ будетъ вполнѣ поглощена провозомъ. А провозъ обходится дороже или дешевле, смотря по объему и вѣсу продуктовъ и по способу перевозки. Изъ обнаруженныхъ отчетовъ, о дѣйствіяхъ провіантскаго вѣдомства во время крымской войны видно, что бывали иногда приказанія отправить для потребностей арміи сѣно изъ екатеринославской губерніи въ Севастополь на волахъ. Случалось, что дорогою вола съѣдали все сѣно, которое везли, и являлись въ дѣйствующую армію вовсе безъ сѣна, такъ что приходилось еще имъ же выдавать кое-что на обратный путь, или покупать воловъ на убой, а сѣна все-таки не было. Тутъ осязательно продуктъ поглощался сплошн перевозкой. Въ Самарѣ бывали случаи, что пшеница бѣлокурка, привезенная на волахъ съ Урала, вся безъ остатка отлавалась возчиками за провозъ. Будь это не пшеница, а рожь, то при болѣе низкой своей цѣнѣ она не доѣхала бы до Самары. Картофель, имѣющій объемъ еще болѣе большой, не имѣетъ никакой цѣны еще на меньшемъ разстояніи. Другіе продукты, какъ напримѣръ персики, малина, не могутъ выносить значительной перевозки, такъ какъ они очень вѣжны. Молоко можетъ перевозиться лишь на небольшое разстояніе; масло можетъ ѣхать нѣсколько далѣе, сыръ еще далѣе. Соображаясь съ этимъ, производитель можетъ разнообразить свою промышленность, и ежели отъ него рынокъ такъ далекъ, что напримѣръ цѣнность

рѣзвѣ поглощается провозомъ, онъ можетъ обойти затрудненіе, превративъ это роже въ свиное мясо. Семь фунтовъ зерна, при хорошихъ уходѣ за домашнимъ скотомъ, превращаются въ фунтъ свиного мяса, перевозка котораго обходится въ семь разъ дешевле, нежели семь фунтовъ зерна. На извѣстномъ разстояніи поглощается и цѣнность мяса. Въ Бразиліи и въ южной Россіи убивается несчитанное множество животныхъ ради только кожъ и сала, а мясо остается безъ употребленія. И вездѣ, въ цѣломъ свѣтѣ земледѣльцы обязаны приспособлять свои приемы не только къ свойствамъ своей почвы, но и къ разстоянію своему отъ потребителей. Въ свѣжихъ посѣвахъ, сѣвооборотахъ и въ уходѣ за скотомъ онъ вынужденъ сообразоваться не съ количествомъ, которое онъ можетъ получить въ отвѣтъ на данное количество труда, но съ тѣми жертвами, которыя онъ долженъ принести для доставленія своихъ продуктовъ потребителямъ.

Такимъ образомъ иностранная торговля, отвлекая трудъ отъ производства и обращая его на перевозку продуктовъ, влечетъ за собою необходимо, въ сравненіи съ внутренней торговлей, значительную потерю силы. Чѣмъ ближе другъ къ другу мѣняющіеся между собою, тѣмъ большее количество продуктовъ они могутъ провозить на рынокъ и взаимно предлагать, и тѣмъ больше слѣдовательно будетъ цѣнность и итогъ происходящей между ними мѣны. Ясно, что близость ихъ между собою будетъ пропорціональна числу жителей страны. Когда въ Россіи будетъ вмѣсто нынѣшнихъ шестидесяти-пяти — сто тридцать миллионовъ жителей, разстоянія между жителями будутъ вдвое менѣе. Перевозочныя средства всей торговли ста-тридцати миллионовъ не должны будутъ превышать тѣхъ, которыя достаточны для шестидесяти-пяти миллионовъ. А между тѣмъ количество ихъ продуктовъ, по естественному ходу дѣлъ, болѣе нежели удвоится, потому что меньшее количество труда будетъ отпущено отъ производства и сверхъ того производство будетъ обильнѣе вслѣдствіе большаго раздѣленія труда.

Внѣшняя торговля необходимо ведетъ къ обдѣленію почвы, къ уменьшенію ея производительныхъ силъ или, что тоже самое, требуетъ все большаго количества труда и капитала для поддержанія одинаковой степени ея плодородія. Нѣтъ на свѣтѣ неисчерпаемой почвы. Если изъ почвы извлекается извѣстная составная часть ея, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ, то продуктъ, которому эта часть необходима, наконецъ перестанетъ образовываться. Когда на извѣстномъ пространствѣ земли пасутся животные, то производительность почвы повидимому не уменьшается. Но если это коровы, то въ ихъ молокѣ заключается значительное ко-

личество фосфорнокислой извести, и если постоянно отсылать его на рынокъ, то почва перестанетъ наконецъ рано или поздно давать траву, годную на производство молока. Честшарскіи пастбища, въ Англіи, знаменитыя огромнымъ количествомъ производимагося на нихъ масла и сыру, обдѣляти такимъ образомъ. Плодородіе возстановилось отъ обильной посыпки молотыми костями, которыя были привезены большею частію изъ Ватерлоо и съ другихъ мѣстъ сраженій на материка. Всякая жатна безъ исключенія извлекаетъ изъ почвы какую-нибудь существенную составную часть, и въ какой бы формѣ эта часть ни была вывезена, въ мускулахъ и костяхъ животныхъ, въ видѣ льнянаго волокна или въ видѣ руна, сколько бы передѣлокъ ни прошла она, но только-что она вывезена, земля столько именно потеряла. Природа есть очень добродушный кредиторъ, который вовсе не требуетъ процентовъ и убытковъ за истощеніе своей производительности. Но капиталъ ей слѣдуетъ возвращать неуремѣнно въ видѣ удобренія, иначе она не въ состояніи будетъ давать. У насъ не въ обычаѣ считать, сколько мы должны землѣ, а стоило бы объ этомъ подумать. Въ 1850 году считано, во что обходится удобреніе, ежегодно возвращаемое почвѣ въ Великобританіи. Выходить, что удобреніе это стоитъ ежегодно 103,369,139 фунтовъ стерлинговъ, т. е. немного менѣе той суммы, которая составляетъ въ годъ изъ примоза всѣхъ въ Великобританію товаровъ изъ всѣхъ частей свѣта. (Въ 1858 году эта сумма была 116,414,331 ф. ст.).

Такимъ образомъ торговля внутренняя или домашняя содержитъ покрайней-мѣрѣ двойное количество производителей, нежели могла бы содержать торговля внѣшняя; она стремится къ увеличенію производительной силы всѣхъ рабочихъ, тогда какъ внѣшняя торговля похищаетъ изъ земли важнѣйшія для плодородія составныя части. Это особенно вѣрно по отношенію къ тому виду торговли, который стараются навязать другимъ народамъ англійскіе экономисты и настоячивая политика англійскаго правительства. Имъ хочется, чтобы всѣ страны производили сырые продукты, которые вывозились бы въ Англію для переработки и потомъ снова привозились бы для употребленія первыми производителями. Ад. Смитъ сильно возставалъ противъ распоряженій правительства, стѣснявшихъ производство въ американскихъ колоніяхъ, когда онѣ еще не освободились. Между прочимъ онъ замѣчаетъ:

«Англія покровительствуетъ въ Америкѣ производство сырого желѣза въ брускахъ, избавляя его отъ пошлины при ввозѣ въ Великобританію, а между тѣмъ безусловно запрещаетъ устройство въ Америкѣ мануфактуръ стальныхъ. Она не хочетъ, чтобы колоніи фабриковали эти болѣе тонкія издѣлія даже для своего собствен-

того употребленія, но требуетъ, чтобы онѣ покупали всё необходимое для нихъ вещи у ея купцовъ и заводчиковъ. Она безусловно запрещаетъ перевозъ изъ одной американской провинціи въ другую сухою путемъ и водою, на лошади или на телегѣ шляпъ, шерсти и шерстяныхъ издѣлій американскихъ мануфактуръ; отъ этого никакъ тамъ не могли устроиться большія мануфактуры для тонкихъ издѣлій, такъ какъ не было выгоды прилагать слишкомъ большія стораціи для каждой маленькой провинціи отдѣльно.»

Англійская политика и до сихъ поръ держится тѣхъ же самыхъ правилъ всадѣ, гдѣ только можетъ, во всѣхъ странахъ земного шара, гдѣ можно, а гдѣ и убѣжденіемъ. Главная забота ея — заставить народъ производить сырые продукты, въ самой необработанной формѣ и посредствомъ машинъ обращать эти продукты въ окончанный видъ на англійскихъ фабрикахъ и заводахъ. Соединенные Штаты сами дѣлаютъ великую цѣну, чтобы освободиться отъ такого стѣсненія. Когда новые штаты освободились, то у нихъ вовсе не было промышленнаго развитія, которое адресовалось у нихъ метрополіей, и запрещеніе это продолжалось косвенно, посредствомъ остановки высылки ремесленниковъ и вывоза машинъ изъ Англіи. Съ тѣми выгодами, которыя были на ее сторонѣ, съ монополіей машинъ и искусныхъ и опытныхъ, привычныхъ рабочихъ, ея мануфактуры продавали свои продукты такъ дешево, что въ концѣ разорили предпріимчивыхъ ремесленниковъ, которые въ другихъ странахъ вздумали имитировать ея машинамъ и привыкать къ ихъ употребленію.

Понятно само собою, что монополія фабричнаго, оказывающаго труда имѣетъ точно такое же дѣйствіе на народы, которые ей покоряются, чѣмъ она ни поддерживается, умѣньшеніемъ ли, ловкостью, талантомъ или силою оружія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ народы вынуждены производить мѣну такъ, что она тратитъ и истощаетъ самые источники производства, похищая у труда его законное вознагражденіе. Если народы свободны, если они не связаны какими-нибудь дипломатическими обстоятельствами или силою оружія, то они могутъ выбирать и рѣшать, что имъ выгодноѣе. Неизгоды внутренней торговли, по свойству своему, постоянны. Выгоды внутренней производствъ и внутренней торговли постоянны точно также, и сверхъ того постоянно возрастаютъ. Возрастающее разнообразіе работъ, и стало-быть талантовъ и способностей, увеличеніе количества всѣхъ дѣйствіе возрастанія плодородія земли и сокращенія бесполезныхъ тратъ на перевозку, естественнымъ образомъ увеличиваютъ еще большее возрастаніе способностей и капиталовъ на будущее время. Народъ, однажды начавшій увеличивать свою производительную силу, находитъ, что каждый шагъ его впередъ легче предъидущаго;

тогда какъ если онъ дастъ себя увлечь назадъ, съ каждымъ шагомъ становится труднѣе остановиться на стремнинѣ. Съ другой стороны въ сопротивленіи заключается осязательная и непосредственная невыгода. Она заключается въ видимомъ пожертвованіи, въ покупкѣ за высшую цѣну, деньгами, продуктовъ, слѣданныхъ дома въ сравненіи съ тѣми, которые предлагаются другими народами. Такое по крайней-мѣрѣ временное слѣдствіе сопротивленія. Но еслибы можно было доказать, что это слѣдствіе постоянное и вѣчное, и что цѣна на деньги есть истинный указатель траты труда, посредствомъ котораго можно добыть иностранный продуктъ, тогда конечно придется согласиться, что кто хотѣлъ бы замѣнить иностранную торговлю внутреннею, тотъ долженъ опираться на какіе-нибудь другія соображенія, а не на одни чисто экономическіе доводы. А другія соображенія тоже есть, и не такого рода, чтобы можно было ими все пренебречь; но о нихъ приходится отложить рѣчь до другого раза.

Въ исковской губерніи растетъ на одномъ полѣ ленъ, а на другомъ, рядомъ, рожь. Всѣ рѣчки и ручьи, текущіе теперь безъ пользы, имѣютъ всѣ условія хорошей двигательной силы для машинъ. Еслибы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что исковскій земледѣлецъ, отправляя въ Англію свой ленъ, чтобы его тамъ спрели и соткали, и отправляя также рожь, чтобы ею поддерживать механическую мускульную силу прядильщиковъ и ткачей, можетъ получить ткань дешевле, чѣмъ если онъ заставитъ прейсъ и ткать свой ленъ у себя дома или у сосѣда, причемъ работники будутъ потреблять его рожь, то сказать это легко, а доказать нѣтъ возможности. Мы говоримъ о ржи и льнѣ только для ясности, хотя англійскій работникъ ржи не ѣсть, предпочитая откармливать этихъ хлѣбцовъ своихъ свиней, а самъ ѣсть пшееницу, тогда какъ въ чисто земледѣльской, по увѣренію англійскихъ экономистовъ, странѣ и себя-то часто недостаетъ ржи, такъ что приходится вѣшать ее съ машиной. Но особенно ощутительной разницы въ результатѣ не будетъ, если ленъ привезется въ Англію изъ Ярославля, а пшееница изъ Одессы. Если намъ покажутъ прейсъ-курать такъ-называемой послѣдней распродажи голандскаго и ирландскаго полотна, привезеннаго изъ-заграницы, въ доказательство того, что ярославское полотно того же достоинства дороже, то можно будетъ подумать, что цѣна на деньги не обозначаетъ настоящаго положенія вещей. Во-первыхъ земледѣлецъ долженъ заплатить за провозъ своего льна до англійскихъ фабрикъ; можетъ быть нужна пятая доля всего количества льну, чтобы окупить провозъ. Можетъ быть такое же количество останется въ видѣ оческовъ. Потомъ онъ заплатитъ за

провозъ пшеницы, служащей для прокормленія прядильщиковъ, и этотъ расходъ поглощаетъ двѣ трети цѣнности пшеницы, которая въ Манчестерѣ стоитъ втрое дороже, чѣмъ въ Харьковѣ, а иногда и болѣе чѣмъ втрое. Прядильщики и ткачи покупаютъ ее по этой возвышенной цѣнѣ, и такъ-какъ эта цѣна составляетъ значительную часть ихъ заработка, то пшеница входитъ въ цѣнность полотна по англійской цѣнѣ. Земледѣлецъ (или весь земледѣльческій край) продаетъ пшеницу по пяти рублей за четверть, а выкупаетъ ее обратно въ видѣ полотна по пятнадцати. Сверхъ того часть льну идетъ фабриканту въ вознагражденіе за употребленіе его машинъ и работниковъ въ прибавку къ тому, что они употребляютъ на поунку пшеницы. Наконецъ земледѣль платитъ за провозъ ткани изъ Англии обратно въ Россію, и потопъ по Россіи до мѣста производства льну. Въ такой громадной странѣ, какъ наша, это тоже чего-нибудь да стоитъ. Изъ всѣхъ исчисляемыхъ издержекъ, внутреннему производству и внѣшнему общи только заработная плата рабочихъ и прибыль фабриканта на машины. Все остальное чистѣйшая потеря, не приносящая выгодъ ни той, ни другой странѣ. Если можно привести иностранный продуктъ дешевле, нежели можно произвести его дома, тамъ гдѣ производится сырой для него матерьялъ, то это вѣроятно потому, что иностранный производитель имѣетъ преимущества въ дешевизнѣ капитала и въ дешевизнѣ труда, до такой степени, что эти преимущества перевѣшиваютъ потерю, происходящую отъ всѣхъ остальныхъ частей операціи. О дешевизнѣ труда и капитала здѣсь говорить не мѣсто; во развѣ нековскому земледѣлю не все равно, заплатитъ ли живущему рядомъ съ нимъ прядильщику пудъ хлѣба, или заплатитъ англійскому такому же работнику только пятнадцать фунтовъ, употребивъ остальные двадцать-пять на провозъ хлѣба туда и фабрикованнаго товара отсюда? А если уже держаться только счета на деньги, то не все ли равно: заплатитъ ли четвертакъ за поленную работу, заключенную въ извѣстномъ кускѣ полотна и продать свой хлѣбъ по четвертаку за пудъ (потомучто цѣна его опредѣляется весьма отдаленнымъ рынкомъ) — или заплатитъ рубль за поленную работу и продать пудъ ржи за рубль (потомучто рынокъ рядомъ). Что справедливо о хлѣбѣ, точно такъ же справедливо и о другихъ земледѣльческихъ продуктахъ, которые надо вывозить, если вѣтъ имъ сбыта внутри страны. Стало-быть внутреннія, туземныя мануфактуры идутъ къ тому, чтобы уменьшить стоимость мануфактурныхъ произведеній посредствомъ возвышенія цѣнности сырыхъ продуктовъ и хлѣба, на которыхъ они вымѣниваются, и труда который они представляютъ. Если правннать въ соображеніе только денежные цѣны, то всѣ эти

соображенія ускользають. Тоже самое надо сказать и объ уменьшеніи производительности почвы вслѣдствіе постояннаго вывоза продуктовъ. По этому насчетъ обѣднѣнія почвы слѣдовало бы къ номинальной цѣнѣ всякаго привознаго фабрикованнаго продукта, привозимаго въ обитѣнѣ на отпускаемое сырье, прибавлять еще нѣкоторую сумму, достаточно представляющую это обѣднѣніе.

Сверхъ того внутренній рынокъ представляетъ такую правильность въ спросѣ и въ сбытѣ, какой напрасно стали бы мы ожидать отъ иностраннаго. А всякій производитель очень хорошо знаетъ какую важность имѣетъ правильный, обеспеченный сбытъ не только на выгоды, но и на самую возможность производства. А сбытъ сырья, сбытъ хлѣба меньше всего правиломъ, потому что онъ зависитъ отъ урожая, стало-быть частію отъ погоды, не говоря уже о весьма возможныхъ политическихъ причинахъ, которыя могутъ вовсе остановить всякій сбытъ. Къ тому же еще наши доморощенные политико-экономы знать не хотятъ, что нашъ сбытъ находится въ зависимости отъ просвѣщенія Франціи такимъ образомъ, что мы вынуждены желать ей всяческихъ политическихъ а стало-быть и умственныхъ бѣдъ для сбыта нашего хлѣба. По самому точному вычисленію оказывается, что въ нынѣшнемъ году при рациональномъ хозяйствѣ, четверть пшеницы на образцовыхъ формахъ обошлась въ четыре рубля девять гривенъ четверть, и это безъ крѣпостного труда, безъ казенной приплаты, а совсѣмъ, съ процентами на покупку земли и съ жалованьемъ директорамъ. Вотъ тутъ-то какъ намъ быть? Если народное развитіе дойдетъ до такого совершенства въ хозяйствѣ, то Франція будетъ вывозить хлѣбъ въ Англію, какъ теперь уже вывозитъ Бельгія, даже въ годы посредственныхъ урожаяевъ, несмотря на то, что народонаселеніе въ ней относительно гораздо плотнѣе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи, и хлѣбъ этотъ будетъ ей обходиться безъ малаго по пяти рублей четверть на мѣстѣ, а провозъ до Англіи — только черезъ проливъ. Соревничать съ такимъ хлѣбомъ и по такой дешевой цѣнѣ возможности не будетъ — это лице солнца, — и тогда намъ придется вывозить одно сало, да шкуры, стало-быть обратиться въ пастушеское состояніе и вдостоль одичать. Можетъ быть съ англійской точки зрѣнія это и хорошо, только не совсѣмъ выгодно для насъ.

А между тѣмъ каждая четверть хлѣба, ускользнувшая отъ вывоза за границу, всякая четверть, происходящая отъ увеличенія производства вслѣдствіе сохраненія удобренія, которое иначе было бы выслано за границу въ видѣ хлѣба и сырыхъ продуктовъ, увеличиваетъ всю свою цѣнностью покупательскую силу земледѣльской половины народа и открываетъ для туземныхъ мануфактуръ

сбытъ, котораго бы не было и не могло бы быть по случаю иностраннаго соперничества.

Въ случаѣ, еслибы туземные фабриканты, пользуясь отсутствіемъ иностраннаго соперничества, брали слишкомъ большіе барыши, глгестные для потребителей, то это возможно лишь на самое короткое время, потому что немедленно явится внутреннее соперничество, которое не замедлитъ извести выгоды новой промышленности къ обыкновенному уровню.

Такимъ образомъ мы стоимъ для Россіи за покровительственную систему. Большая часть новѣйшихъ экономистовъ держится противоположнаго мнѣнія; ихъ главный доводъ состоитъ въ томъ, что для народа, съ точки зрѣнія выгоды, нѣтъ никакой разницы между внутреннею торговлею и ввѣшнею. Но всѣ они допускаютъ однакоже исключеніе, чрезвычайно широкое, покрывающее чуть ли не все правило.

Милль говорить: «Превосходство одной страны надъ другою въ известной отрасли промышленности весьма часто происходитъ лишь оттого, что одна страна раньше другой занялась этою отраслью. Можетъ не быть никакой существенной выгоды съ одной стороны и никакой невыгоды съ другою, кромѣ дѣйствительнаго превосходства опытности и приобретеннаго умѣнья. Страна, которой приходится приобрести недостающую опытность и умѣнье, можетъ быть въ другихъ отношеніяхъ еще способнѣе къ производству чѣмъ та, которая раньше занялась этимъ производствомъ; сверхъ того справедливость требуетъ замѣтить, что почти всякая отрасль производства приобретаетъ особенную склонность къ успѣху, ежели испытывать ее въ благопріятныхъ новыхъ условіяхъ. Но нельзя ожидать, чтобы отдѣльныя лица захотѣли вводить новую отрасль промышленности на свой собственный счетъ и рискъ, или, вѣрнѣе сказать, съ вѣрнымъ убыткомъ и взять на себя заботу развивать ее до тѣхъ поръ, пока новые производители стануть въ уровень съ тѣми, которые знакомы съ приемами уже очень давно. *Покровительственная пошлина* въ продолженіи благоразумнаго срока есть иногда удобнѣйшій способъ, посредствомъ котораго страна можетъ подлержать полезный опытъ.»

Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой весьма широкой уступкѣ неупоминуты облегчающія обстоятельства, которыя съ самаго начала опыта уменьшаютъ, если не совершенно уравниваютъ временное возвышеніе цѣны покровительствуемаго продукта. Обладаніе почвы, потеря вслѣдствіе переноски землѣдѣльческихъ продуктовъ на весьма удаленные рынки и тѣ продукты, которые тоже надо вывезти для покрытія цѣны фабрикаціи, всѣ эти и другія пожертво-

ванія считаются у Милля и его послѣдователей ничто. Они не хотятъ подумать, что во всякой безъ исключенія странѣ имѣется бѣдѣ выгода для переработки сырыхъ матерьяловъ, *кажекаждыи изъ ея собственной почвы*, чѣмъ со всякой другой, потому что сберегается цѣна провоза этихъ матерьяловъ и предметовъ, на которые они обильваются. Свеклосахарные заводы показываютъ намъ между прочимъ какъ иногда эти выгоды перевѣшиваютъ даже казначественскія преимущества. Во Франціи эта промышленность началась тогда, когда блокада закрыла тропическому сахару входъ въ порты европейскаго материка. Сначала она обходилась дорого, равнялась медленю, подъ покровительствомъ пошлины, взимаемой съ тропическаго сахара для покрытія нуждъ казначейства, до тѣхъ поръ, пока наконецъ производство свекольнаго сахара стало значительно убавлять таможенный доходъ. Въ 1837 году внутренній сахаръ обложенъ былъ пошлиной, которая тогда считалась достаточною для ограниченія его фабрикаціи до одной трети всего потребленія, съ тѣмъ чтобы двѣ остальные трети дополнялись сахаромъ колониальнымъ. Но свекольный сахаръ продолжалъ вытѣснять своего соперника. Съ 1847 года свекольный сахаръ внутреннего приготавленія платилъ совершенно одинаковую пошлину съ колониальнымъ. Но фабрикація продолжала увеличиваться, и стало быть подрывать таможенный сборъ. Тогда положено было, что съ 1851 года сахаръ, привозимый изъ французскихъ колоній будетъ платить цѣлымъ рублемъ съ пуда меньше пошлины, чѣмъ свекольный. Но фабрикація все-таки усиливалась, такъ-что въ 1850 году приготавлено было 62 миліона килограмовъ, а въ слѣдующемъ году 76 миліоновъ. А между тѣмъ доказано, что десятина сахарнаго тростника дастъ гораздо больше сбора, чѣмъ десятина свеклы, и въ тростникѣ заключается сахару гораздо больше. Въ земляхъ германскаго союза добыча свекольнаго сахару шла еще быстрѣе: съ 1844 года до 1851 она увеличилась въ четыре раза.

Всякая страна можетъ приняться за передѣлку своихъ сырыхъ продуктовъ съ несомнѣнною выгодою, если только жители способны возвыситься до той степени умѣнья и ловкости, которыми обладаютъ иностраннныя рабочіе, и если они могутъ добыть такихъ же хорошихъ машинъ. Если только страна не хочетъ признать, что ея ремесленники отъ природы тупы, глуны и не способны ни къ какому усовершенствованію, то нѣтъ поводовъ не стремиться къ этой цѣли. А потомъ, какъ только приобрѣтено умѣнье, касательно капитала не можетъ быть никакого затрудненія. Цѣлительные продукты и сырой матерьялъ есть вездѣ, матерьялы для постройки здацій и машинъ, дерево, желѣзо тоже имѣются въ каждой странѣ, они

идуть только образованнаго ума, который поставить нѣтъ между собою въ подлежащія отношенія и пустить въ холъ мертвыя силы, лежащія непроизводительно въ лѣсахъ и рудникахъ. А такъ какъ ума русскому человѣку не занимать стать, то опять—таки всего нужна образованность, наука, университеты. Да еще не менѣе того нужны: всевозможныя канцелярскія облегченія, полная свобода внутренней промышленности и торговли. Возьмемъ хотя одинъ только примѣръ.

Вы знаете, что олошская губернія чрезвычайно богата минерами и всѣми условіями, при которыхъ въ Америкѣ или въ Англии она завала бы жѣлезомъ и идѣла всѣ внутренніе рынки. Вы хотите употребить свой капиталъ на разработку тамошнихъ богатствъ и дѣлаете внимательный обзоръ мѣстности. Оказывается, что въ губерніи: увидѣть наполнить быстро-текущими рѣчками и каскадами, иногда не сажерающими, которые волюнѣ удобно могутъ быть съ пользою употреблены какъ движительная сила. Оказывается, что лѣса тамъ почетныя, но тамъ государственныхъ имуществъ продается нѣтъ казенныхъ дачъ по 60 коп. сер. за кубическую сажень, а подлѣземлю, на глубинѣ какой-нибудь сажени кругомъ неадѣ — немисчерпаемый слой жѣлѣза, изъ котораго безъ переплава въ чугуны туземцы кууютъ молотки и топоры. Въ добавокъ ко всѣмъ этигъ благамъ, тутъ же, на глубинѣ, толстый пластъ богатѣйшаго каменнаго угля. Чего же лучше? Прямо за работу, за дѣло. Жѣлѣзо намъ теперь всего нужнѣе, кому же тамъ драгоценная маринская система съ аэликопльнѣйшими сооруженіями. Доставка 3½ копейки до Питера и сверхъ того рукой-подать Волга. Но какъ быть? Прежде всего нужно разрѣшеніе, нужно стало быть писать бумагу на листѣ надлежащаго достоинства. Вы рѣшили устроить заводъ именно на такомъ-то мѣстѣ, готовы, разумѣется, платить подлежащую цѣну за пользованіе народнымъ богатствомъ, и подаете прошеніе; положили въ министерство финансовъ, такъ какъ оно заведуетъ дѣлами, по части рудниковъ и металлическихъ заводовъ. Надо замѣтить, что: мы расскажемъ те, чего вовсе не было, мы говоримъ только о верали, неизбѣжномъ въ данномъ случаѣ. Производствъ спрашка. Избранное вами мѣсто находится въ странныхъ обстоятельствахъ. Руда состоитъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, надъ нею растущій лѣсъ — въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, лѣсной департаментъ; по соеѣдству шнующіе казенныя протѣканіе, двора четыре, въ вѣдомствѣ другого департамента, да самое выбранное участкѣ шѣется нѣсколько маточныхъ доросель, те одѣло по справедливости участвуетъ морское министерство. Въ видѣ вѣдомства очень естественно, чтобы не противорѣчить

другъ другу, должны снискаться, а это не дѣлается и не поспѣетъ дѣлаться скоро. Послѣ многихъ просьбъ, справокъ, ходатайствъ, дѣло наконецъ налаживается, пошлдинному просьба будетъ исполнена, кинѣ въ виду съ одной стороны приращеніе казенныхъ доходовъ отъ предлагаемой таканъ-то арендной платы, а съ другой развитіе столь полезной и во всѣхъ отношеніяхъ выгодной для страны промышленности... Вдругъ открывается новое обетательство. Избранное мѣсто находится еще подъ вѣдомствомъ военнаго министерства, такъ какъ оно находится по прямому направленію мѣсте чѣмъ на 150 верстѣ отъ Петрозаводска, и стало быть все руды, лежащія на этомъ разстояніи, приписаны къ одному заводу каиничь-то старшиннымъ распоряженіемъ, несмотря на то, что желѣза въ землѣ доставитъ на пятьсотъ неудобныхъ заводовъ, если они будутъ съ утроенною дѣятельностью работать сто тысячъ лѣтъ. Тамъ благополучно налаженное дѣло окончательно разотрѣивается, при чемъ вы уже истратили весьма замѣтную долю своего капитала и потеряли нѣсколько лѣтъ времени. Понятно, что при неудобныхъ порядкахъ промышленности несдишникомъ теропится въ своемъ развитіи. Не это маленькая заводная рѣчь. Дѣлая свои предположенія о нашей энееминисконой будущности, мы прямо рассчитываемъ, что промышленность наша будетъ въ скоромъ времени освобождена отъ канцелярской зависимости. Это такое условіе, безъ котораго все остальные рѣчи и соображенія суть нечто иное, какъ бесполезнѣйшее словомазверженіе. Но дайте.

Нельзя не замѣтить, что механизмъ мѣны съ чужими странами точно также дорогъ, какъ и фабрикація внутри страны. Работа и материалъ, употребленные на постройку корабля для перевозки желѣза изъ Англіи и для вывоза туда хлѣба, совершенно достаточны для возведенія хорошаго завода, который преломитъ геразде долѣе корабля и превратитъ руду въ такую массу желѣза, какой не перевезетъ корабль въ тройной свой вѣкъ. Не въ томъ дѣле, кто составляетъ механизмъ заграничной мѣны, это все равно; дѣло въ томъ, что надо заматитъ за употребленіе этого механизма, и не менѣе того, сколько нужно для его возобновленія къ тасой периодъ времени, когда онъ при обыкновенной работѣ заносится. Да къ этому еще надо прибавить барыши зазѣдлающихъ мѣноментамъ лезанцизмомъ.

Человѣкъ, котораго существованіе коретко и способности ограничены, можетъ находить иногда совершенно необходимыми чучелгреблять болѣе дорогой способъ иностранной торговлѣмъ того, чтобы наѣзались подъ рукою материаламъ дать болѣе пречтута и томъже послѣдствіа болѣе выгодную форму промышленности меза-

ища. Но община вѣчна, ея именно общинная сила довольно велика для совершенія всѣхъ плановъ предосмотровательной беряжливости. Такъ какъ она существуетъ вѣчно и члены ея обмѣняются безъ перерыва, то она никакъ не должна позволять себѣ жертвовать вѣстопытными выгодами безграничнаго будущаго удобству настоящаго времени, которое короче мгновенія.

Говорятъ, что покровительственная политика вредитъ торговлѣ, что различныя народы, по различію климатовъ, по необходимости производятъ неодинакіе продукты, что ихъ взаимныя выгоды требуютъ мѣны. Въ Россіи не растетъ хлопна; чтобы ее имѣть, она обманена отнестись другіе товары, для производства которыхъ она имѣетъ особенныя удобства. Сама природа назначила то, что называется «поземельнымъ раздѣленіемъ труда», которое можетъ быть поддержано только международною мѣною. Все это совершенно правда. Само собою разумѣется, что не садить же намъ хлопна въ тульской губерніи, не разводить же намъ винограду въ Архангельскѣ. Но все это нисколько не противорѣчитъ вышесказаннымъ соображеніямъ. Вопросъ не о томъ, должны ли народы мѣняться между собою своими продуктами, но о томъ, въ какомъ видѣ эти продукты должны быть размѣнены. Разумѣется каждый народъ долженъ, по удовлетворенію своихъ потребностей, продать излишекъ своихъ продуктовъ на излишекъ другихъ продуктовъ, предлагаемыхъ другими народами. Но это долженъ дѣлать это съ возможно меньшими расходами. Въ дѣйствительности мѣняется трудъ, заключенный съ каждой стороны въ продуктахъ, цѣнность происходящая отъ труда и представляющая главнѣйшимъ образомъ пищу, служившую для поддержанія этого труда. При равномъ разстояніи между обѣими сторонами, желающими мѣняться, предметами мѣны измѣряются объемомъ продуктовъ каждой изъ сторонъ в пропорцію произведеннаго ихъ труда. Каждая сторона больше вымѣняетъ и больше возьметъ въ обмѣнъ, если большую цѣнность заключитъ въ меньшемъ объемѣ. Понятное дѣло, что можно размѣнять большее количество желѣза въ брускахъ на большее количество свинцу въ свинкахъ; тѣмъ тогда, когда бы эта мѣна происходила въ видѣ руды съ обѣихъ сторонъ.

Концы концовъ, люди мѣняются между собою только хлѣбомъ и убоями. Верна иная разъ нельзя увезти въ его первобытной формѣ. Тогда чужары ищутъ или скотъ и увезать мясо. А еще выгоды дать его рабочимъ, заставить ихъ посредствомъ ума произвести фабричныя издѣлія, и зерно, въ видѣ фабриката, можетъ вывезти перевозку на край свѣта.

Такииъ образомъ выходитъ, что можно увеличить и расширить

важнымъ торговлю только однимъ способомъ, именно развить сначала торговлю внутреннюю. Идящая сырыхъ произведений всего удобнѣе войдетъ съ рукъ, когда получить форму, удобную для дальней перевозки. Такъ дѣйствуетъ Англія; в ней весьма справедливо выразился одинъ изъ членовъ парламента, жаркій поборникъ вышней торговли, что «Великобританія больше всѣхъ странъ на свѣтѣ вывозитъ зерноваго хлѣба, потому что ея хлѣбъ, переработанный человеческою лабораторіей въ сукно, каленкоръ и проч. проложилъ себѣ дорогу во всѣ концы свѣта». Что же касается до денегъ, то конечно въ цѣнѣ фабрикованнаго продукта, кромѣ расходовъ на фабрикаціи, заключается еще плата за уиъ. Это особенно выгодно, потому что въ сыромъ продуктѣ этой платы не возлагается: неважно.

Итакъ отправную сырью за границу мы постепенно понижаемъ плодородіе нашихъ почвъ. Этого надо болыше пуще всего, а то придется выписывать кости изъ-за границы.

Чтобы не отправлять сырье, намъ нужны фабрики для обработки нашихъ собственныхъ продуктовъ, а хлопчатую бумагу и т. п. намъ могутъ обрабатывать и другіе.

Чтобы наши фабрики могли существовать, нужны удобныя внутреннія, хотя мѣстами и перекіе пути сообщенія, которые потому пожалуй могутъ протянуться до границъ имперіи, но не для вывоза сырыхъ продуктовъ (этотъ вывозъ во всякомъ случаѣ разорителенъ) а уже для другихъ цѣлей.

Чтобы явились внутренніе пути сообщенія, нужна возможно достаточная самостоятельность общинъ, потому что проведеніе дорогъ административнымъ порядкомъ неудобно и невыгодно.

И разумеется само собою нужна образованность, которая открестъ намъ глаза не на оліѣ обыкновенныя, насущныя потребности, которыя чувствуются ошупью, а на отдаленное будущее.

Она же вѣсь забавитъ и отъ мечтателей, вроде автора статьи «Московскія Вѣдомости», который уверяетъ, будто теперь-то и есть самое удобное время для займа 300 милліоновъ на постройку 5,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

И вѣдь непрониѣвно какъ можно больше; такая ужъ широкая матура; меньше пяти тысячъ верстъ не надо, а кака-нибудь дорога въ 25, 50 или 100 верстъ — нечего и начинать изъ-за такого вадору, какъ почтеннѣйшій Михаилъ Ивановичъ Собакинъ, которому ужь если барада, то всего барава подлавай.

Каметда, что намъ тутъ до нѣкоторой степени полезности примѣръ Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ дороги строились на ужасномъ протяженіи, часто по пространствамъ, едва населеннымъ, какъ

наши, причѣмъ имѣлось въ виду, что переселенцы скоро вассалы пустыни, и если дорогу вести не до города, то все-равно городъ самъ станетъ на концѣ дороги. Но тамъ — дѣло другое: туда все всѣхъ переполненныхъ народомъ странъ Европы народъ идетъ искать простора и благоприятнаго климата. У насъ этого долго еще не будетъ. На что лучше климатъ и почва, какъ въ таврической губерціи, и на что хуже житье славянъ, какъ не въ Турціи. И то съ начала нынѣшняго года до половинны-юля обратно выселилось за границу 7,268 душъ обоого пола вѣдинскихъ болгаръ, которые было водворились у насъ въ бердянскомъ, милитопольскомъ и днѣпровскомъ уѣздахъ и въ Крыму. Конечно, значительное число ихъ осталось, потому что втеченіе прошлаго года и въ первую половину нынѣшняго водворено всего 5,986 семействъ въ числѣ 24,196 душъ обоого пола, почти все славянъ. Если предположить, что семь тысячъ душъ выселилось обратно въ Турцію въ нынѣшнемъ году, десятисади двѣ въ прошломъ, то все-таки мы обогатились почти пятнадцатью тысячами душъ новыхъ соотечественниковъ. Но это весьма немного.

Мы можемъ рассчитывать стало-быть почти исключительно на естественное размноженіе числа жителей безо всякаго притока иностранныхъ поселенцевъ. А при нашемъ нынѣшнемъ числѣ жителей, при существующемъ запросѣ на передвиженіе пассажировъ и товаровъ, при нынѣшней степени развитія промышленности, при самомъ свойствѣ нашихъ товаровъ намъ положительно еще рано строить колесальные желѣзные пути вродѣ московско-северодвинскаго или московско-одесскаго. Рано не потому, чтобы мы не созрѣли для такихъ дорогъ, или не потому, чтобы мы не нашли на эти дороги машинистовъ и механиковъ, не потому рано, чтобы намъ не нужно было быстрыхъ, удобныхъ и дешовыхъ путей сообщенія; напротивъ, они намъ нужнѣе нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ онѣ сблизили бы слишкомъ разсѣянное населеніе, убавили бы чрезмѣрное разстояніе, облегчили бы внутреннее движеніе продуктовъ земледѣлія и фабрикъ. Но рано ихъ намъ имѣть потому, что онѣ облегчили бы разорительную отправку за границу сырыхъ продуктовъ, стало-быть въ этомъ смыслѣ помогали бы нашему разоренію; во вторыхъ рано потому, что если даже согласиться на разорительную внѣшнюю торговлю, то все-равно, хлѣбъ и другое сырье слишкомъ тяжело, чтобы выдерживать тысячевверстную перевозку по желѣзной дорогѣ, и можетъ превзойти оное въ двухъ или въ андѣтъ фшнбочнаго воспращенія отправки сыра въ портанъ, отправки весьма спрочемъ выгодной для иностранныхъ negociантовъ, торгующихъ въ Одессѣ, мы самымъ удешевимъ провозъ

по южной желѣзной дорогѣ, такъ что издержки провоза намъ не будутъ окупаться; или напротивъ, назначимъ за провозъ настоящую цѣну, способную покрыть всякій разъ какъ издержки самой операціи перевозки такъ и принести хотя два-три процента на капиталъ, употребляемый на содержаніе самаго пути и подвижного состава его въ надлежащей исправности, такъ наконецъ сверхъ того и принести семь, восемь или десять процентовъ для уплаты по займу на постройку дороги; въ такомъ случаѣ провозъ хлѣба будетъ такъ дорогъ, что возить не будутъ, и дорога будетъ служить только для стратегическихъ цѣлей. Выходитъ, что въ томъ и въ другомъ случаѣ, то-есть при слишкомъ дешевой перевозкѣ сырыхъ продуктовъ и при назначеніи за эту перевозку ни слишкомъ дорогой, ни слишкомъ дешевой, а справедливой цѣны, — дорога не будетъ достигать своей цѣли и за нее проценты будутъ платить не тѣ, кому она станетъ приносить выгоды, такъ какъ небольшія, незначительныя мѣстныя выгоды все-таки будутъ.

Изъ Одессы пишутъ, что цѣны на хлѣбъ тамъ, вслѣдствіе издержекъ провоза, выше тѣхъ, которыя стоятъ на рынкахъ западной Европы. Такимъ образомъ землевладѣльцамъ будтобы остается или держать хлѣбъ, какъ мертвый капиталъ, въ рукахъ, выжидая голоднаго года въ западной Европѣ и высокихъ цѣнъ, или продавать свой товаръ въ убытокъ. «И такъ (прибавляетъ «Сѣверная Ночта», говоря о желѣзныхъ нашихъ дорогахъ) въ настоятельной необходимости какъ можно скорѣйшей постройки желѣзныхъ дорогъ, южной и сибирской, а особенно первой, согласны всѣ люди высвѣдѣніе и практичныя.»

«Но — прибавляютъ «Биржевыя Вѣдомости» — намъ кажется, что послѣ тѣхъ радикальныхъ преобразованій, которыми ознаменованы послѣдніе годы, не мѣшало бы приостановиться навремя и присмотрѣться къ тѣмъ явленіямъ, которыми отразилась они въ народной жизни.»

Все это совершенно справедливо. Какъ не желать желѣзныхъ дорогъ? Мы сами въ этой же книгѣ помѣщаемъ статью г. Шалля о «Южной желѣзной дорогѣ» и нашими замѣчаніями несколько не противорѣчимъ ей. Все дѣло въ деньгахъ, которыхъ у насъ не много, и въ томъ, на что лучше употребить ихъ. И еслибы съѣтъ ихъ длиною въ какія-нибудь двадцать или тридцать тысячъ верстъ свалился къ намъ съ неба, мы были бы въ восторгѣ. Но ради блага Россіи строить ихъ теперь не нужно, по крайней-мѣрѣ въ томъ объемѣ и въ тѣхъ направленіяхъ, какія теперь предлагаются мечтателями, и если строить, то только тѣ и только такія, которыя несомнѣнно должны быть выгодны, и именно для внутренней

промышленности. Надо приглядѣться къ результатамъ совершенныхъ радикальныхъ преобразованій, — говорятъ «Биржевыя Вѣдомости». Слѣдуетъ прибавить, что еще и еще ожидаются преобразованія. Во очю совершается громаднѣйшій переворотъ. Все до одной отрасли управленія пересматриваются. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преобразованія совершаются въ смыслѣ большой свободы и большого обезпеченія личности отъ административнаго произвола. Что изъ этого выйдетъ? Куда обратится промышленность? Какое направленіе приметъ наша экономическая дѣятельность — можно только догадываться. Да къ тому же снѣшится нѣтъ никакой возможности, потому что нѣтъ денегъ. А на нѣтъ и суда нѣтъ. Мечтатели совѣтуютъ заемъ; но онъ невозможенъ рѣшительно. Внутренній заемъ стѣснилъ бы наши рынки до послѣдней степени, производство окончательно должно бы остановиться, торговля пришла бы въ полный застой. О вѣншемъ займѣ на постройку желѣзныхъ дорогъ нечего и думать, по крайней-мѣрѣ на столько процентовъ, сколько можно ожидать отъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ продолженія многихъ лѣтъ. Но о займахъ какъ внутреннихъ, такъ и вѣншихъ, мы поговоримъ въ другой разъ.

Повидимому, страннымъ можетъ показаться, что въ наше время желѣзныхъ дорогъ могутъ раздаваться голоса именно противъ желѣзныхъ дорогъ. Но мы отнюдь не говоримъ противъ желѣзныхъ дорогъ вообще; мы только утверждаемъ, что по одежкѣ слѣдуетъ претягивать ножи, и больше ничего. Желѣзная дорога отъ Анадырскаго острога до Нижнекамчатска или до Авачинской губы могла бы принести пользу: оживила бы край, способствовала бы развитію промышленности, пробудила бы вѣковой застой тамошнихъ дикихъ странъ, и т. д.; можно бы наговорить объ этомъ еще разные пріятности, вродѣ моста черезъ вудъ, по обѣимъ сторонамъ лаки, а въ нихъ сидятъ куницы и продаютъ разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Желѣзная дорога есть одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ результатовъ и одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ раздѣленія труда. Но во всѣхъ промышленныхъ и механическихъ производствахъ раздѣленіе труда можетъ быть довольно лишь до извѣстной степени, только до той степени, пока оно выгодно. Это доказываетъ Милль слѣдующимъ при-
и́ромъ:

«Раздѣленіе труда ограничивается размѣромъ продажъ. Если на булавочной фабрикѣ каждая булавка проходитъ черезъ десять отдѣльныхъ и различныхъ операций, и при этомъ можно слѣлать въ день 48,000 булавокъ, то подобное раздѣленіе можетъ быть выгодно только тогда, когда число потребителей достаточно велико для

истребленія вслѣдъ день 48,000 булавокъ. Но если нѣтъ ежедневный запросъ только на 24,000, то раздѣленіе труда можетъ быть съ выгодною доведено только до возможности производства въ день именно этого количества. Объемъ сбыта можетъ быть ограниченъ различными причинами: слишкомъ малымъ населеніемъ, слишкомъ далеко разсѣяннымъ населеніемъ, отсутствіемъ дорогъ и водныхъ сообщеній, и наконецъ слишкомъ большою бѣдностью населенія, когда его трудъ недовольно производителенъ, чтобы дозволить ему значительное потребленіе.»

Тѣ же самыя причины ограничиваютъ выгодность желѣзныхъ дорогъ. Слишкомъ длинныя пути по малонаселеннымъ и не промышленнымъ, а только земледѣльческимъ странамъ невозможны, потому что не только процентъ на капиталъ не окупается, но могутъ не окупиться и самыя издержки эксплуатаціи. Читая смѣту расходовъ и доходовъ рижско-двинбургской желѣзной дороги въ этомъ нелзя не убѣдиться. Но общему мнѣнію эта дорога построена очень расчетливо и ее эксплуатація производится весьма осмотрительно, умѣренно и аккуратно, а между тѣмъ, не говоря уже о чистой прибыли, расходъ покрывается только исключительно посредствомъ пособія отъ правительства. Мы не можемъ ничего сказать противъ того, что процентъ на заемъ, сдѣланный рижско-двинбургскую желѣзную дорогу, вносимымъ можетъ окупиться, но теперь пока нѣтъ этого не видно.

Дѣятельность желѣзной дороги въ полномъ объемѣ есть не причина, а результатъ значительнаго развитія разнообразныхъ потребностей, результатъ населенности, развитой промышленности, быстрого оборота торговли и т. д. Только въ одной странѣ, оставленной въ исключительное положеніе несмѣтнымъ приливомъ населенцевъ, желѣзная дорога до нѣкоторой степени можетъ быть если не вполне причиною всего этого, то по крайней-мѣрѣ этому способствовать. Это въ Соединенныхъ Штатахъ, и то только до извѣстной несчастной войны. Въ другихъ странахъ она едва только можетъ ускорить всѣ эти явленія, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Какъ всякая усиленная дѣятельность, она точно такъ же какъ усиленное производство булавокъ, приводимое въ прихѣръ Миллемъ, можетъ быть и выгодно и полезна только при соответственномъ усиленіи дѣятельности во всѣхъ прочихъ отрасляхъ, при достаточной производительности другихъ отраслей труда. Иначе выйдетъ весьма убыточная несообразность, насиліе, за которое должна будетъ заплатить все-таки община.

Еслибы кто-нибудь вздумалъ въ оренбургской губерніи обрабатывать землю точно такъ же, какъ она обрабатывается въ Бельгіи,

это была бы точно такая же несообразность, какъ анальпско-авачинская желѣзная дорога, потому что всякое усиленіе производства точно такъ же, какъ и всякое усиленіе перевозочныхъ средствъ должно быть вызываемо только потребностью. Никакіе на свѣтѣ приказы, никакія распоряженія не въ силахъ разомъ превратить край лѣсной въ край скотоводственный, этотъ послѣдній въ край широкаго, захватывающаго земледѣлія, а этотъ послѣдній въ край усиленнаго, сосредоточеннаго хозяйства. Для этого необходимо такое увеличеніе населенія, а вмѣстѣ съ нимъ и запроса, чтобы эти переходы совершились естественно; необходимы города, но не простые административные центры и центрики, а города естественныя, то есть промышленныя центры. Но разсмотрѣніе законовъ этихъ переходовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; отложимъ это до другаго раза.

Чтоже касается до нашихъ городовъ, то вотъ маленькій образецъ: Енисей, тульской губерніи, съ 2,934 жителей. Эта цифра относится къ 1858 году и взята изъ свѣдѣній центрального статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Изъ свѣдѣній расходовъ и доходовъ этого города на 1862 годъ видно въ какомъ смыслѣ это городъ. Расходовъ предполагается 3,433 рубля, цифра весьма значительная, такъ какъ надо предположить изъ 2,934 жителей никакъ не болѣе 719 или 720 взрослыхъ мужчинъ, считая тутъ же и городскія, и уѣздныя, и всякія чиновныя власти, но платящихъ въ доходъ города конечно не болѣе 700 человѣкъ. Выходить, что они платятъ каждый кругомъ по 4 руб. 93 коп. въ годъ. Но въ этотъ доходъ входятъ 827 руб. съ городскихъ имуществъ, 746 руб. съ промышленниковъ, 532 руб. съ контрактовъ, договоровъ и векселей; но главный доходъ получается по добровольной раскладкѣ съ купцовъ и мѣщанъ 1,026 руб. 60 коп. Стало-быть около третьей доли всего городского дохода не составляетъ обыкновеннаго, нормальнаго поступленія, а происходитъ изъ налога на доходы, своего рода income-tax. Но расходъ этихъ 3,433 рублей несравненно замѣчательнѣе источниковъ, изъ которыхъ они собираются. Двѣ трети этой суммы 2,253 руб. идетъ на содержаніе лицъ городского управленія, а на варужное благоустройство города, на ремонтъ городскихъ зданій и заведеній назначается не болѣе семнадцати рублей двадцати-восьми копѣекъ. Не говоря объ этой комической суммѣ, потому что на семнадцать рублей едва поправится порядочно двѣ печки, первая расходная статья 2,253 рубля ясно показываетъ, для кого и для чего существуетъ городъ. Дальнѣйшіе расходы: приходскому училищу 142 руб., городской больницѣ 37 руб., акушеркѣ 30 руб., и енисейскому городничему за двѣ

сажени осиновыхъ дровъ 27 руб. Эти 27 руб. едвали не комичнѣе 17 руб. на ремонтъ городскихъ зданій и на наружное благоустройство города, а были бы совсѣмъ невѣроятны, могли бы быть признаны нелѣпою клеветою съ нашей стороны, еслибы это не было напечатано въ официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вѣдаетъ дѣла по городскому хозяйству. «Сѣверная Почта» однако замѣтила, что это обстоятельство довольно нелѣпое». Не стоило бы говорить объ этихъ осиновыхъ дровахъ и доказывать, что городничій не имѣлъ никакого права продавать городу дрова, что онъ самъ ихъ получаетъ отъ города, еслибы всѣ остальные или почти всѣ городскіе расходы Елифани не были такъ воистинѣ безполезны. И этотъ любопытный городъ показываетъ положеніе и значеніе всѣхъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, за весьма немногими исключеніями.

Городскія общества до сихъ поръ пользовались такими незначительными правами, такъ много власти имѣлось у лицъ весьма незначительныхъ, но стоящихъ внѣ городского общества, такъ эти лица произвольно распоряжались всѣмъ, до чего только могли подъ какимъ-нибудь предлогомъ добраться, что городскія общества теперь не только не имѣютъ никакой самостоятельности, но въ строгомъ смыслѣ даже и обществами назваться не могутъ. Привыкнувъ съ похвадною безропотностью переносить административный произволъ, они не вѣрятъ возможности той тѣни самостоятельности, какая теперь предоставляется имъ въ устройствѣ сначала пожарныхъ командъ, а потомъ и прочихъ отраслей городского управленія. Имъ не вѣрится, и едвали можно ихъ за это винить. Напримѣръ въ пензенской губерніи «вопросъ объ устройствѣ пожарныхъ учреждений на началахъ, указанныхъ министерствомъ еще въ 1860 году не достигъ практическаго примѣненія, сколько по недостатку должной дѣятельности городскихъ управленій, столько же и по уклончивости городскихъ сословныхъ обществъ отъ дѣлъ общественно-городского интереса.» (Сѣв. Поч. № 223). Это въ высшей степени справедливое замѣчаніе. Но чѣмъ объяснить это странное повидимому явленіе, что городскія общества уклоняются отъ устройства своихъ собственныхъ дѣлъ по городскому общественному хозяйству. Чѣмъ объяснить эту повидимому неостыжливую, туую, упрямую, бессмысленную холодность людей къ своему собственному карману, къ своему имуществу, которое съ устройствомъ общественной пожарной команды было бы подъ ихъ собственною охраной. Губернскія начальства, исполняя циркуляръ господина министра, *распоряжаются* по этой части весьма дѣлательно, но распоряженія недостаточно *понимаются* городскими мѣстными управ-

люди. По большей части въ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе не всѣ сословія, а преимущественно только тѣ, которыя болѣе привыкли къ покорности, именно сословія податныя, купцы, мѣщане, цеховые, а неподатныя лица, чиновники, дворяне, духовенство, хотя тоже домовладѣльцы, но уклоняются. Губернское начальство, очень хорошо понимающее намѣренія правительства, недовольно такою вялостью хода дѣлъ. Въ городѣ Керенскѣ мѣщане и цеховые востановили, что «они согласны принять на себя устройство пожарной команды, если въ томъ примутъ участіе прочія сословія.» Въ Наровчатѣ купцы и мѣщане «принимаютъ на себя выборъ изъ среды своей, по очереди, извѣстнаго числа лицъ для дѣйствія на пожарѣ, но желаютъ оставить на прежнемъ основаніи расходы на поставку лошадей, содержаніе и ремонтъ пожарныхъ инструментовъ.» Губернское начальство недовольно, вновь *подтверждаетъ* о безотлагательномъ обсужденіи этого вопроса, говоря, что въ Керенскѣ городское управленіе должно было *вызвать участіе* къ этому предмету прочихъ сословій.

Мы останавливаемся тамъ долго на пензенской губерніи, потому что пензенскихъ сословія пожарнаго вопроса въ этой губерніи обнародовано, а въ другихъ она можетъ служить образчикомъ того, что неареніио должно происходить и въ прочихъ губерніяхъ. Всѣ части нашего отечества, если не развивались, то стояли въ послѣднее время въ такихъ одинаковыхъ условіяхъ, что нѣтъ никакого повода полагать, чтобы отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ рѣшались въ различныхъ мѣстностяхъ различно.

Губернское начальство имѣетъ совершенно достаточные поводы быть недовольнымъ, но оно упускаетъ изъ виду, что приказать, предписать и потомъ подтвердитъ о безотлагательствѣ добровольнаго участія — по меньшей мѣрѣ нелогично, точно также, какъ нельзя приказывать радоваться или веселиться. Если обществу или известной части общества предоставляется известная доля самоуправления, то нѣтъ возможности поступить иначе, какъ *обезпечить* эту долю навсегда. Не только русскій, но и всякій безъ исключенія человѣкъ, для проявленія свободной дѣятельности своей, требуетъ прежде всего ея обезпеченія. Еслибы дано было право, но вѣчное и неотъемлемое право, съ несомнѣннымъ завѣщеніемъ о его вѣчности и неотъемлемости, то ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что люди немедленно бы имъ воспользовались. Но обычному недовѣрью нашему, или по недовѣрчивости, мы скептически принимаемъ призываніе произвольно распорядиться пожарною командою уже въ своемъ городѣ. Какъ бы на первыхъ порахъ не потерпѣть убытка,

Кн. XI. — Отд. II.

повторяемъ мы съ помѣщицей Коробочкой. И скептицизмъ нашъ идетъ далеко. Хорошо, думается намъ, положимъ, что мы поѣдимъ, да и накупимъ и лошадей, и пожарныхъ трубъ, и сблещемъ даже (какъ намѣрены сблещать въ Пензѣ) водопроводъ для пожарныхъ случаевъ. А какъ устроимъ все какъ сблещеть въ лучшемъ видѣ, вдругъ все и поступитъ въ казну. Знаемъ мы твердо, что въ предписаніи его превосходительства сказано несомнѣнъ ясно, а секретарь думы или магистрата все подтверждаетъ, что это все будетъ наше, общественное. Положимъ, что мы и поѣдимъ, сблещемъ его превосходительства, но куда же мы и не сблещемъ сблещенія. Вдругъ его преемникъ задумаетъ распорядиться иначе, вотъ и прощай и лошади, и трубы, да съ ними пожалуй и насъ слышатъ въ пожарную команду съ жалованьемъ 2 р. 12 коп. въ годъ и жилищнымъ чайкомъ. Съ другой стороны и то надо подуматъ, что мы выберемъ себѣ пожарнаго старосту, который и будетъ распорядиться на пожарѣ, и все мы уже станемъ тогда его слушаться. Не понятное дѣло, что выше его, надъ нимъ будетъ не начальство, городничій, частный, брантъ-мейстеръ или кого поставятъ. Ну на пожарѣ извѣстное дѣло народъ въ попыткахъ, хлопотѣхъ, суетѣхъ. Пожарный староста означаетъ: лодка, ребята, стога дровишекъ! А начальство скажетъ: отстанай! пальцемъ не тронь! Конечно, начальство у насъ доброе, но въ попыткахъ всяко бываетъ, можетъ и разгорячиться, да захватить... Нѣтъ ужъ лучше все по старому, пусть будетъ на прежнемъ основаніи. По крайности заглянуть что знаю, а съ начальствомъ ни-ни, чтобъ никакой встрѣчи не было, особенно въ жаркое время. Опять же и охотники наберутся: много найдется изъ мастеровыхъ народу ловнаго, растерянаго, будутъ дѣйствовать не такъ, какъ наши пожарные пивалды. Да еще бѣда. Чуть что начальству не понравилось, — одного въ рыле, другого въ режу, третьяго въ зубецъ, противиться не смѣй. Народу то, помилуй Богъ, и разбѣжится. И пошло въ Фивтеръ доиссѣніе, что по случаю грубости и неуваженія къ начальству, упущена пожаръ на большое разстояніе, и вышло разореніе на многи тысячи; тогда пожалуй и угодишь въ острогъ... Не то, чтобы начальство было недоброе, нѣтъ, начальство какъ быть, да вѣдь пожарный случай пуше всего крозь кипятить, и опять же усердіе надо показать, награду получить... Нѣтъ, ужъ лучше мы какъ-нибудь такъ промаячимъ, а съ начальствомъ сталкиваться и грубить не желаемъ.

Читатель, сколько-нибудь знакомый съ Россіей, огласится, что мы насколько не преувеличиваемъ. У насъ нѣтъ добрія, и не

принимая на себя труда наследовать, въ какой мѣрѣ это основательно, мы выставляемъ только фактъ. Для жителя Наровчата или Керенска весьма недостаточно одного только циркулярнаго предписанія губернскаго правленія, чтобы развязать свою болѣе или менѣе законнаполненную кошну. Что по закону слѣдуетъ, заплатилъ, сверхъ того обычнаго приношенія совершилъ. Чего же еще надо? Чтобы намъ лучше было? Да развѣ можно приказать, чтобы было лучше? и развѣ лучше будетъ, какъ по приказу больше тратить денегъ спадемъ? На своей на всей волѣ мы истратимъ сколько угодно, въ свое удовольствіе. Слышали мы, что въ сѣверной Америкѣ богатые жители щеголяютъ пожарными трубами своими и выхваляются съ ними по праздникамъ промять лошадей и людямъ наказывать нарочно заказанную новую трубу, а отчасти тоже и просто выхвастать, какъ мы хвастаемъ своими рысаками. Пожалуй завелась бы это и у насъ, потому что и у насъ есть люди капитальные. Пожалуй г. Голомузиковъ и г. Краснобрюшкинъ стали бы тегаться, кто лучше завелъ трубу, у кого она будетъ исправнѣе и дальше быть, но для этой полезной и выгодной для общества ватѣи нужно какъ можно большее самоуправленіе общинъ и какъ можно большее свобода отъ административнаго произвола. Поэтому смѣемъ можно сказать, что добросовѣстные, усердные усилія губернскаго начальства будутъ безплодны, потому что встрѣчаются съ недѣлѣніемъ. А это неблагоприятнѣйшая въ мѣрѣ почва, на которой не взойдетъ никакое зерно. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что пока нѣтъ не будетъ обезпечено полнѣйшее и главное всегласное безотмѣнное самоуправленіе обществъ по части пожарныхъ командъ, пока общества не будутъ такимъ образомъ застрахованы отъ административнаго произвола, до тѣхъ поръ всѣ усилія губернскихъ начальствъ будутъ также точно безплодны, какъ въ пензенской губерніи, или будутъ приносить недоношенные плоды вродѣ тѣхъ предположеній по устройству пожарной части, какія составлялись въ самой Пензѣ. Они еще не утверждены и вѣроятно не утвердятся, какъ начальное порожденіе канцелярскихъ внушеній въ совокупленіи съ возрожденнымъ одностороннимъ самоуправленіемъ.

Вопросъ о взаимномъ застрахованіи, возбужденный вмѣстѣ съ вопросомъ о добровольныхъ пожарныхъ командахъ, по неизмѣннѣю мѣста отложимъ до другого раза.

Вослѣдствіи можетъ быть у насъ будутъ являться города тамъ, гдѣ укажетъ на это сила обстоятельствъ, помимо административныхъ соображеній, и гдѣ устроены будутъ нѣкоторые нестожажи-

мыя пренятствія, какъ напримѣръ въ селѣ Промзинѣ или въ селѣ Екатериновкѣ. Это послѣднее село стоитъ на правой сторонѣ Волги, въ семидесяти верстахъ ниже губернскаго города Самары, и находится въ удѣльномъ вѣдомствѣ. До сихъ поръ въ этомъ селѣ производилась большая торговля хлѣбомъ. Окрестности Екатериновки — гладкая степь, превосходный черноземъ двухъ вѣдомствъ, удѣльнаго и казеннаго, и далѣе нѣсколько частныхъ громаднѣхъ и весьма хлѣбородныхъ пространствъ. Тамошняя пшеница—облотурка славится и достоинствомъ зерна и урожайностью. Въ Екатериновкѣ живутъ нѣсколько купцовъ и крестьянъ, скупающихъ окрестную пшеницу, какъ водится, по необыкновенно дешовымъ цѣнамъ, такъ какъ оная—таки смыслъ торговой операціи частнаго челоука заключается барышомъ въ рубляхъ и копѣйкахъ. Окрестныя и туземныя крестьяне, а съ ними и вся Россія, которая весьма нуждается въ пшеницѣ, жестоко страдаютъ отъ этихъ скупщиковъ—кулаковъ. Послѣднее слово техническое, его изъ пѣсенъ не выкинешь. Кулаковъ тамъ мало, и потому между ними нѣтъ даже шестодневная стачка относительно цѣнъ, а мало ихъ потому, что кромѣ удѣльныхъ крестьянъ никто не имѣлъ права строить амбары на пристаняхъ, стало—быть вездѣ было складывать огромнаго количества привозимаго хлѣба, а туземные монополисты по части амбаровъ разумѣется не упускали случая пользоваться своимъ правомъ и брали за складъ что хотѣли. Вотъ съ краю села далеко по степи видно, какъ тянется обозъ. Кулаки, очень пріятно и дружно проводящіе время, оставляютъ картишки, шашины и пуншикъ и расходятся по разнымъ избамъ, чтобы сдѣлать видъ, будто она имъ всѣ принадлежать къ одной шайкѣ, а напротивъ стараются другъ у друга перекуштить. Мужики знаютъ очень хорошо, что между кулаками существуетъ стачка; съ своей стороны кулаки тоже знаютъ очень хорошо, что мужикамъ это извѣстно, однако комедія акуратно повторяется каждый разъ. Обозъ безостановочно переходитъ мимо первыхъ избъ, направляясь на базарную площадь. Съ шумомъ отворается калитка, выходитъ кулакъ на улицу, дѣлаетъ видъ, будто лѣнливо зѣваетъ, потягивается, и будто случайно замѣчаетъ обозъ. Медленно, съ переваломъ подходитъ, сирашиваетъ еще, не пшеницу ли везутъ мужички—голубчики (тогда какъ никогда въ Екатериновку ничего другого они не провозятъ сухимъ путемъ), и медленно запускаетъ руку въ тщательно окутанный толстымъ рядкомъ возъ. Опытная рука знаетъ способъ этого укутыванья и никакъ не ошибется, не задумается какъ добратъса до зерна. Обозъ останавливается. Кулакъ вытаскиваетъ горсть зерна,

разсматриваетъ его, одно или два зерна ловко кидаетъ себѣ въ ротъ и наконецъ съ сожалѣніемъ и ласково говоритъ :

— Нѣтъ, любезный, такого товару не требуется! и сыпаетъ горсточку себѣ въ карманъ.

Мужикъ уже знаетъ этотъ приемъ, но все-таки чувствуетъ себя нѣсколько оскорбленнымъ.

— Какого еще товару тебѣ надо? Весь какъ есть зерно къ зерну подобрано! отвѣчаетъ онъ обиженнымъ тономъ, завертывая раскряшавшеся мѣсто на своемъ возу.

— Не требуется такого, не требуется! продолжаетъ небрежно кулакъ, идя къ другому возу.

Между тѣмъ выполняють изъ другихъ сирпучихъ кавитокъ еще кулаки, и подходятъ къ другимъ возамъ. Начинается комерція. Кулаки увѣряють, что товаръ никуда не годится; мужики увѣряють, что зерно первое, лучше не наобно. Сначала дѣло идетъ вполголоса или не громче обыкновеннаго разговора, но мало-помалу обѣ стороны одушевляються, споръ становится шумнѣе; кулаки набавляютъ въ своей цѣнѣ по четверть-копѣйкѣ, разумѣется асигнаціями, мужики съ своей цѣвы уступаютъ по копѣйкѣ. По мѣрѣ того, какъ обѣ стороны сближаются къ соглашенію, пафосъ доходитъ до высшей степени. Прежде закутанные возы растрепаны, голоса охрипли; покупатели и продавцы уже ругаются по-стѣлашійшимъ образомъ.

— Ну, какого ты чорта продаешь! кричитъ озлобленный кулакъ: — вишь какую пшеницу вывезъ! При этомъ онъ схватываетъ горсть пшеницы и тычетъ ее подъ носъ мужику. — Развѣ это пшевица, посконное твое рыло! Это горохъ, а не пшевица.

— А ты чего лаешься-то? Кулакъ, право, ейбогу, кулакъ и есть. Извѣстно, зерно крупное, какъ быть.

— Крупное! Видали мы не элатое крупное! Куда намъ его? Намъ за границу требуется, въ Англію, понимаешь? Глупая голова! Тула гороху твоего не надо, туда мелкое надо зерно, чистое.

— Коли это еще не хлѣбъ, такъ сыты вы, черти элатіе, пра черти. Никуда не надо лучше этого хлѣба.

— Никуда! азвительно замѣчаетъ кулакъ. Ворона ты заморская! Видишь, знаетъ что въ Англіи требуется, значить бывалый, образованный, баринъ, чортъ! Провались ты съ своимъ зерномъ, коли мало тебѣ восьмидесяти-четырехъ! И разсвирѣпѣвшій кулакъ бросаетъ горсть драгоценнаго хлѣба на возъ, и пшевица летитъ во всѣ стороны на землю.

Но комерція наконецъ слаживается. Мужики знаютъ очень хо-

рошо, что съ хлѣбомъ некуда нѣтъ дѣваться. Ѣхать въ Самару? Тамъ дадутъ подороже, но вѣдь это семьдесятъ верстъ въ одинъ конецъ да семьдесятъ обратно: прибавкой цѣны и не окупили бы пожалуй поѣздка. И отдаютъ они хлѣбъ по той цѣнѣ, выше которой кулаки положили не платить, и везутъ ссыпать. При ссыпкѣ обѣлы торгуются изъ-за каждой горсточки, и обобранные мужики, получая деньги, еще благодарятъ своихъ грабителей и, закуливъ кое-какой мелочи у тѣхъ же кулаковъ, торопятся домой къ новизнѣ уютительнымъ, изнуряющимъ трудамъ. Видя такую коммерцію позволительно подумать о крайней необходимости для насъ свободы торговли, но сначала внутренней торговли.

Теперь сдѣлать огромный шагъ впередъ: по ходатайству управляющаго удѣльною конторой свято запрещеніе постороннимъ лицамъ строить амбары въ Екатериновкѣ. Теперь всякій желающій можетъ строить амбары, но все-таки «всиначе», какъ съ дозволенія удѣльной конторы, и съ платою въ доходъ удѣла: за первую путину по 2½ копѣйки съ четверти хлѣба по вместимости амбара, а за вторую путину тотъ же сборъ полагается по количеству действительно ссыпаннаго въ амбаръ хлѣба. Въ какой мѣрѣ благотворно подействуетъ эта мѣра на развитіе торговли края, видно ужъ изъ того, что цѣны эти ничуть не дешевле петербургскихъ. Удобно устроенный амбаръ длиною одинацать, а шириною пять сажень легко вмѣститъ въ себѣ 2,200 четвертей хлѣба, за что удѣльная контора получитъ 55 рублей серебромъ, или ровно по рублю въ годъ за квадратную сажень голой земли, на которой наниматель на свой счетъ выстроитъ амбаръ. Въ случаѣ же, если ему удастся на вторую путину ссыпать, хотя половинное противъ этого количество, то онъ заплатитъ по полтора рубля въ годъ за квадратную сажень, кромѣ того, что ему придется перешѣривать ссыпанный на вторую путину хлѣбъ при чиновникахъ, которые обязаны будутъ брать за наемъ земли подъ амбаръ по количеству хлѣба. Правда, что число скупщиковъ хлѣба въ Екатериновкѣ можетъ вслѣдствіе новой мѣры до нѣкоторой степени увеличиться, стало-быть стачна между ними можетъ сдѣлаться нѣсколько затруднительнѣе.

Но довольно о такихъ прискорбныхъ предметахъ. У насъ есть еще въ запасѣ нѣсколько пріятныхъ явленій, которыя должны быть занесены въ нашу лѣтопись.

По цѣлой Россіи въ разныхъ мѣстахъ множество открываются школы; часто попадаетъ въ газетахъ сравненіе количества школъ въ разныхъ мѣстахъ до освобожденія крестьянъ и послѣ освобожденія. Въ послѣднее время этѣ 19 февраля 1861 года, почти въ полтора

года додѣлается школа и тѣмъ же удовлетворюсь, и тѣмъ же даже болѣе доволенъ удовлетворюсь, тогда какъ до того десяти лѣтъ стояло все въ одномъ положеніи.

Выкупная операція совершается надлежащимъ порядкомъ. Крестьяне освобождаясь окончательно отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помещику посредствомъ выдачи помещику части выкупной суммы государственными пятипроцентными банковыми билетами, а остальной части назначается помещику непрерывный доходъ изъ казны въ размѣрѣ $5\frac{1}{2}$ процентовъ. Въ этихъ процентахъ не закладывается погашеніе самого капитала; этотъ доходъ въ полномъ размѣрѣ будетъ производиться постоянно, до тѣхъ поръ, пока правительство не найдетъ возможнымъ и нужнымъ удовлетворять получателямъ непрерывнаго дохода самый капиталъ, доходу этому соответствующій. До истеченія десяти лѣтъ правительство предоставляетъ себѣ объявить о способѣ и порядкѣ погашенія той части выкупной суммы, которая обращается въ непрерывный доходъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобной операціи.

У г. Кочубея въ черниговской губерніи, козелецкаго уѣзда, было имѣніе съ 963 ревизскими душами. Мировыя учрежденія законнымъ порядкомъ удостовѣрили въ состоятельности крестьянъ къ взносу выкупныхъ платежей. Выкупаютъ они свой полный надѣлъ, 1,761 десятину съ сажеными, за 58,720 руб. 26 к., слѣдовательно по 33 руб. 34 коп. за десятину. Правительство беретъ на себя эту уплату, удерживая конечно лежащій на имѣніи банковый долгъ. Въ этомъ случаѣ долгу было 47,368 руб. 50 коп., стало-быть осталось выдать помещику 11,351 руб. 76 коп. Дѣйствительно выдано 2,900 руб. пятипроцентными билетами, наличными 1 руб. 75 коп., а выкупное свидетельство въ 8,450 руб., по которому бывшій помещикъ будетъ получать по $5\frac{1}{2}$ процентовъ, впродъ до окончательнаго полученія этой суммы. Такимъ образомъ бывшій помещикъ получитъ 609 руб. 75 коп. доходу изъ казны, а крестьяне будутъ выплачивать въ казну 58,730 руб. 26 коп., въ теченіе опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ малыми суммами, съ приращеніемъ шести процентовъ.

Подобныхъ выкупныхъ операцій произведено въ три мѣсяца (май, июнь, июль выкупнаго года) шесть сотъ тринадцать, на 76,792 ревиз. души, выкупающихъ 266,466 десятинъ земель. Такимъ образомъ выдано, такъ сказать, крестьянамъ займы 8,307,134 рубля. Несколько меньше выдано этой суммы 4,121,118 руб. казенныхъ денегъ, остальная выдана выкупными ($5\frac{1}{2}\%$) свидетельствами

3,269,570 руб., пятипроцентными билетами 907,750 руб. и шалашными дсвѣгами 8,696 руб. Каждая десятина удобной и неудобной земли обошлась крестьянамъ кругомъ по 31 р. 17 к. Это довольно дорого; но если принять въ соображеніе, что уплата разложена на продолжительный срокъ, и что въ прѣлачу къ землѣ получаются за тѣже деньги и воля, то оказывается, что совсѣмъ не дорого. Но на каждую душу приходится кругомъ довольно мало земли, немногимъ болѣе $3\frac{1}{2}$ десятинъ. Въ августѣ и въ сентябрѣ утверждены еще 474 выкупныя сдѣлки, но подробности ихъ еще не обнародованы, а считая и тѣ сдѣлки, которыя до 1 августа поступили въ губернскія присутствія, но по разнымъ причинамъ еще не были представлены въ главное выкупное учрежденіе, оказывается, что число ихъ доходитъ до 1,518, для 173,013 душъ. Это составляетъ вѣскольке болѣе одной пятьдесятъ-седьмой доли всѣхъ душъ бывшихъ крѣпостныхъ. Изъ 57 человекъ одинъ попомнилъ теперь всѣ счета съ своимъ прежнимъ владѣльцемъ, а остальные 56 приходятъ еще если не въ завѣсности, то покрайней-мѣрѣ въ отношеніи болѣе или менѣе обязательныхъ, начиная отъ оброка до надѣльной повинности натурой.

Но этотъ одинъ изъ 57 теперь землевладѣлецъ, такой же точно, какъ бывший его помѣщикъ, но владѣющій небольшимъ количествомъ земли, около $3\frac{1}{2}$ десятинъ, которыя заложены въ казну за 108 рублей, съ расплатою въ теченіе продолжительнаго срока, рублей по семи въ годъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ «Сѣверной Почты», въ неэгоистичномъ отявлѣнн этой газеты, горько и весьма справедливо сѣдуетъ, что большинство нашего народа родится, живетъ и умираетъ безъ всякой медицинскон помощи. У насъ приходится кругомъ по одному врачу на $7\frac{1}{2}$ тысячъ жителей, и такъ какъ львъ трети всего числа врачей заняты своей службой, гражданской и военной, то одинъ на двадцать тысячъ сельскаго населенія приходится одинъ медикъ. Все это совершенно справедливо, и съ точно такою же справедливостію сотрудникъ «Сѣверной Почты» продолжаетъ, что по огромности узловъ нашихъ, врачъ, живущій въ узловой городѣ, никакъ не можетъ полагать помощь всѣмъ живущимъ въ уѣздѣ. Поэтому необходимо распространить въ массѣ народа вѣрныя понятія о сохраненіи здоровья и развить домашнюю медицину. Заняться же леченіемъ всего удобнѣе сельскимъ овраженнмъ и всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ народу, особенно же землевладѣльцамъ, чтобы заслужить любовь и расположеніе народа. Это все

тоже, но замѣчательно всего, что даже сочитается гомеопатическая метода леченія, какъ наиболѣ легкая, безопасная и безвредная, лекарства предписанныя по этой методѣ будтобы дѣйствуютъ только въ такихъ случаяхъ, когда соответствуютъ болѣзни: и дешево и торжко. Ктому же «Народная Бесѣда» предполагаетъ издать въ 1866 году «Народный гомеопатическій лечебникъ», а центральная гомеопатическая аптека, по соглашенію съ редакціей, беретса доставлять необходимыя при лечебникѣ лекарства: по возможно дешевой цѣнѣ. То-есть иначе сказать: пожалуйста, сейчасъ начинайте, для васъ только, товаръ первѣйшаго сорта, отдадите съ усумночкѣй. Пожалуйста, честные господа.

Хвалебное слово гомеопатіи напечатано было въ «Сѣв. Почтѣ», и возбудило сердце всѣхъ россійскихъ гомеопатовъ. Ура! наша зима! Вотъ болѣе медицины! Да процвѣтаетъ гомеопатія. Одинъ изъ ревностныхъ поклонниковъ Ганемана продолжалъ хвалебный гимнъ гомеопатіи въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ что составлялся пошнему до боли до слезный и пріятный хоръ. «Эта великая, неопровержимая истина (о преимуществѣ гомеопатіи) — говорить статьи «Сѣверной Пчелы» — выскочила здѣсь въ официальной газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, заведывающаго медицинскою частью въ Россіи. Честь ему и слава, что оно, въ видахъ пользы человечества, въ видахъ государственнаго блага, признало вѣрность и благодѣтельность важнѣйшаго открытія новыхъ временъ, которое въ другихъ (даже просвѣщенныхъ) странахъ томится подъ гнетомъ предрасудка и педантскаго упрямства, непреодолимыхъ и для самаго благонамѣреннаго правительства...» То-есть иначе сказать медицина есть предрасудокъ, педантское упрямство, которое управляетъ правительствомъ не только у насъ, но даже въ просвѣщенныхъ странахъ, а гомеопатія есть важнѣйшее открытіе новыхъ временъ. Не почтенная «Пчела» нѣсколько потерялась: въ неофициальномъ отъѣздѣ «Почты» часто помѣщаются статьи частныхъ лицъ, имѣющихъ право выразить свои мнѣнія независимо отъ воли и соображеній министерства, на общахъ литературныхъ основаніяхъ: А директоръ медицинскаго департамента напечаталъ въ «Сѣверной Почтѣ» не основанъ пріятное для гомеопатовъ замечаніе, что леченіе больныхъ по гомеопатическому способу: никогда до сихъ поръ ни въ Россіи, ни въ образованныхъ европейскихъ государствахъ: официально рекомендуемо со стороны медицинскою администраціи не было и что напротивъ того, если у насъ и было доуславлено и торжко это леченіе, болѣе закъ усумна настоятельному желанію со стороны публики, такъ не имѣло однако это леченіе со-

стоитъ подъ особевнымъ надзоромъ и контролемъ медицинскаго начальства.

Такъ нарушилась великая радость гомеопатовъ, и «важнѣйшее открытіе новыхъ временъ» осталось попрежнему безъ официальной поддержки. А жаль. Это такой дешовый, безопасный, безарамный, по научный способъ леченія, такъ онъ въ существѣ своемъ правду ворѣчьтъ всѣмъ, даннымъ естественныхъ наукъ, составляющимъ единственное прочное основаніе медицины, что для своихъ мелководныхъ, уфадныхъ печмейстеровъ, мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и отставныхъ кавалеристовъ онъ въ высшей степени удобенъ. Эпидій никакихъ не требуется: маленькая книжечка, да аптечка цѣною въ три рубля, и того за четыре рубля можно прикинуть къ «важнѣйшему открытію новыхъ временъ» и сдѣлаться такимъ же отличившимъ гомеопатомъ, какъ первѣйшій гомеопатъ на свѣтѣ. Да за ту же цѣну можно еще надыхать о «гнетѣ предрасудка и медантскаго управленія, непреодолимыхъ и для самого благонамѣреннаго правительства.» Дешевые свѣтъ возможности добыть себѣ удовольствіе на цѣлую жизнь, повсучуто трель рублевой аптеки и рублевой книжечки достануть на весь вѣкъ, да въ добавокъ подобная аптека вмѣстѣ еще возможное свойство того нестойкаго комелька, изъ котораго спешила ни барань, все въ немъ остается больше прежняго. Извѣстно, что чѣмъ больше разбавить гомеопатическое лекарство, тѣмъ оно сильнѣе дѣйствуетъ. А тѣ-то, угнетатели, люди предрасудка и медантскаго управленія, учатся, учатся цѣлые годы, лучшие годы своей жизни и потомъ всю жизнь отдають наукѣ, добываются степеней, и все изъ-за чего же? Чтобы угнетать «важнѣйшее открытіе новыхъ временъ», и все угнетеніе состоитъ въ нападкѣ гомеопатіи официальной покровительства, въ предпочтеніи науки нечѣстоству. Все это пустяки. Маленькая книжечка и маленькая аптека въ форматѣ книжечки, такъ что все мило и уютно укладывается въ карманъ. Вотъ и вся наука, въ собственномъ смыслѣ парвенальная или портативная наука, отрицающая всѣя авторитеты кромѣ дѣхъ, которые въ карманѣ. Можно бы привести нѣсколько курьезнѣйшихъ примѣровъ изъ этой карманной науки; но мы вообще не любимъ вещей вопиющихъ, скандализирующихъ здравый смыслъ, и потому оставляемъ гомеопатию въ сторонѣ.

Но дѣлать нечего, надо оказать нѣсколько словъ объ обществѣ для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщичьей рабочей и трудящагося населенія и объ образцовомъ его дѣлѣ. О важности дѣловыхъ и удобныхъ помѣщичьихъ говоритъ нечего; она понятна каждому, даже поклоннику «важнѣйшаго открытія новыхъ временъ.» Общество

побуждало себя задушею устроить въ Петербургѣ дома, приспособленные къ потребностямъ недостаточныхъ обывателей, съ обеспеченіемъ здоровья и удобства живущихъ. Положено ограничиться незначительнымъ дивидендомъ на складочный капиталъ, съ тѣмъ чтобы, какъ можно болѣе понижать наемную плату. Былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проектовъ, и тутъ произошло то, чего обыкновенно въ Европѣ не бываетъ. Гг. Меркуловъ и Гинлицъ представили лучшіе проекты, и получили за нихъ премію, а исполнителемъ выбранъ г. Ганъ, тоже архитекторъ. Почему же исполнителемъ не назначить г. Меркулова, — покровство врагомъ неизвестности. После смерти г. Гана, окончаніе постройки поручено было г. Жиберу. Выстроили домъ въ шесть этажей. Вся квартира девяносто восемь, цѣна за наибольшую (кроме магазиновъ пятого этажа) 162 рубля въ годъ, а за наименьшую, въ одну крошечную комнату 48 рублей. Цѣна очень дешовая, конечно. Но надо знать размѣръ комнатокъ. Вся наибольшая квартира, семейная, заключаетъ въ себя вышестности неполныхъ одинадцать кубическихъ сажень. Это значить, что при вышнѣ въ четыре аршина, вся квартира съ кухней, переднею, и прочими необходимостями не болѣе восьми аршинъ ширины и девять аршинъ длины, то-есть столько; сколько занимаетъ обыкновенная крестьянская изба. Квартирка въ одну комнату занимаетъ пространство по полузамени въ ширину и двѣ сажени въ длину, при высотѣ въ сажень съ вершкомъ. Такимъ образомъ за кубическую сажень вышестности квартиры «будующійся» жилецъ платитъ 22 рубля въ годъ. Цѣна громадная! Но за то во всемъ домѣ большая чистота, порядокъ, тепло и сухо. Жильцы высоко цѣнятъ это благополучіе и дорожатъ квартирами. Всѣ заняты, и имѣется столько кандидатовъ, что большая половина ихъ перемретъ, не дождавшася благополучія пожить въ «образцовомъ» домѣ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что въ кандидаты на занятіе квартиры можно попасть только по большой протекціи; по рекомендаціи важныхъ лицъ, составляющихъ общество, которое тѣмъ же не менѣе получаетъ за свои благодѣянія тѣсноту дохода 7,817 рублей или около четырехъ процентовъ на затраченный капиталъ! Такимъ образомъ это общество по справедливости можетъ называться обществомъ взаимнаго одолженія. Его акции выкупаютъ многихъ другихъ, а капиталъ его тратится точно такъ же какъ и въ другихъ, безъ скупости, размашкету, порусски, безъ жесткой расчётливости.

Изъ многихъ облегчительныхъ вѣрь, приговорившихъ протекціонному; нѣльзя не упомянуть о пересмотрѣ уставовъ о акціяхъ.

Новый уставъ уже составленъ и разсматривается въ высшей инстанціи.

Пересматривается уставъ горный. Говорятъ, что въ новомъ уставѣ горная промышленность получитъ весьма большую свободу. Вліяніе горнаго управленія ограничится только общимъ надзоромъ, для охраненія безопасности рабочихъ, для собиранія налоговъ, какими эта промышленность будетъ обложена и для собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ. Налогъ на частную горную промышленность будетъ распределятъ равномерно, чѣмъ до-сихъ-поръ. Наконецъ, главная и самая интересная черта въ этихъ надеждахъ состоитъ въ томъ, что будетеы проектъ новаго устава, до его утвержденія, будетъ обнародованъ и предоставлятъ общему обсужденію.

Эта склонность къ разрѣшенію всего и каждому смѣтъ свое сужденіе имѣтъ является и въ объявленіи отъ комиссіи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части. Эта комиссія признала не только возможнымъ, но *существенно-необходимымъ*, для успѣшнаго совершенія предстоящихъ ей работъ, смѣтъ въ виду всѣ тѣ практическія и теоретическія свѣдѣнія и соображенія относительно развитія преобладающихъ въ руководствѣ комиссіи основныхъ началъ означеннаго преобразованія, которые негдѣ бы были доставлены изъ разныхъ мѣстностей Россіи лицами, знакомыми съ судебною частью вообще и съ особыми условіями разныхъ губерній. Въслѣдствіе сего, согласно съ заключеніями комиссіи, слѣдуютъ распоряженія о приглашеніи должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, а также профессоровъ юридическихъ наукъ въ университетахъ, лицехъ и училищъ правовѣдѣнія, которые пожелають содѣйствовать успѣху этого общаго для всей Россіи дѣла, доставить въ государственную канцелярію свои замѣчанія и соображенія, относительно способствъ развитія обнародованныхъ уже основныхъ положеній. Независимо отъ сего комиссія проситъ *если возможно* оказать ей свое содѣйствіе, доставлять въ государственную канцелярію замѣчанія и предположенія о наиболее соответствующемъ требованіямъ науки и практики развитіи и примѣненіи основныхъ положеній преобразованія судебной у насъ части какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ ихъ предметамъ. Вся подобнаго рода свѣдѣнія и предположенія комиссія будетъ принимать съ особенною признательностью и воспользуется ими при окончательномъ составленіи проектовъ, уставовъ и законоположеній по преобразованію судебной у насъ части.»

Нельзя не замѣтить, что это въ высшей степени рациональное

обращеніе комиссіи къ сотрудничеству всѣхъ знающихъ и опытныхъ людей въ Россіи принесетъ великолѣпные плоды. Умъ хорошо, а сто лучше. Триста или четыреста умовъ даже образуютъ прекрасное, плотное, здоровое ядро общественнаго мнѣнія. Но если уже нельзя собрать треста или четыреста умовъ, то можно покрайней-мѣрѣ замѣтить, что комиссіи возложила на себя такимъ образомъ непрообразимо громадную работу. Она обратилась къ сотрудничеству *всѣхъ желающихъ*. Это масса ужасающая. У насъ великое множество охотниковъ писать. Чтобы убѣдиться въ этомъ, отойти только спросить редакторовъ журналовъ, которые не знаютъ куда дѣваться отъ множества поступающихъ къ нимъ «сообщеній» по всѣмъ частямъ. Къ счастью еще журналовъ довольно много, и *всѣ желающіе* раздѣлятся. Но комиссіи одна, она одна и будетъ цѣлымъ невѣроятно плодовитыхъ присылокъ со всѣхъ концовъ Россіи. Произойдетъ бомбардировка комиссіи, и конечно, среди множества непроходимаго вздору, будутъ перлы, которыми справедливость требуетъ воспользоваться. Но какъ же отыскать эти перлы? Перечестъ все не будетъ никакой возможности. Поэтому не было ли бы несравненно выгоднѣе предоставить печати разработку вопроса. Печать имѣетъ то удобство, что профильтрованное сначала сквозь редакціи, а потомъ сквозь мнѣнія читателей — статьи очищаются великолѣпно, такъ что комиссіи останется только еще разъ пересмотрѣть не готовые, а подготовленные результаты и свести ихъ въ одно цѣлое. Былобыдесятеро меньше труда; но еслибы даже комиссіи не боялась ужасающей работы, то былобы и несравненно больше пользы. Печать точно также какъ в рукописи, съ которыми придется возиться комиссіи, наговоритъ пропасть вздору; но это обстоятельство не важное: вздоръ какъ-то самъ собою отваливается, отпадаетъ, и остается дѣло. Затѣмъ остается еще другое, не менѣе важное и совершенно неотъемлемое преимущество на сторонѣ печати. Она одна можетъ подготовить далеко не приготовленную публику къ принятію новаго преобразования. Теперь печать только извѣстила о готовящемся преобразованіи, отнеслась къ нему съ глубокимъ сочувствіемъ, потому что нельзя же не сочувствовать такому благому дѣлу, и потомъ замолкла, за немнѣніемъ права говорить подробнѣе, развивать основныя положенія, толковать о ихъ примѣненіи и т. д. Печать, въ особенности наша, русская, всегда вѣрой и правдой служила либеральнымъ намѣреніямъ нашего правительства. Сошлемся въ этомъ случаѣ на крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что былъ у насъ «Журналъ землевладѣльцевъ». Еслибы населенія не были подготовлены къ его разрѣшенію печатью, та-

кого рода явленія, какъ въ казанской губерніи повторились бы не-
 жетъ-быть въ каждой волости. Вопросъ о преобразованіи судебной
 части конечно относится къ другой сферѣ: даже тѣмъ волненіямъ ожи-
 дать нельзя, развѣ это будетъ волненіе восторга, огромное ура! по
 всей Россіи. Но несомнѣнно также, что чѣмъ болѣе народъ будетъ
 подготовленъ къ новой мѣрѣ, тѣмъ самая мѣра легче, свободнѣе,
 непринужденнѣе будетъ дѣйствовать. Изъ запроса министерства, по
 губерніямъ, въ какой мѣрѣ будущіе мировые судьи въ составѣ
 будутъ къ концу 1863 или къ началу 1864 замѣнить выѣзжавшихъ
 мировыхъ посредниковъ, оказывается, что окончательнаго преобра-
 зованія судебной части можно ожидать черезъ годъ и даже черезъ
 полтора. Это большое время, и нечѣтъ успѣть договориться вде-
 воль и договориться кое-де-чего хорошаго.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ» (1)

по поводу статьи : «Пъвецъ Кубры»

Et voilà comme on écrit l'histoire.

М. г. Какъ жена покойнаго князя Петра Ивановича Шаликова, котораго вѣроятно вы не знали ни лично, ни по репутаціи, человека много лѣтъ уважаемаго и любимаго въ московскомъ обществѣ, я позволила себѣ нѣсколько замѣчаній на статью Е. Колбасина «Пъвецъ Кубры», гдѣ я нашла нѣкоторыя невѣрные черты характеристики моего мужа, и прошу васъ покорнѣйше, милостивый государь, дать мѣсто моимъ замѣткамъ въ ближайшемъ вами журналѣ.

Признаюсь вамъ, не только я сама, но и всѣ знавшіе лично покойнаго моего мужа, едва вѣрили глазамъ своимъ, читая истинно-забавныя... я бы сказала клеветы г. Колбасина, еслибъ могла предлагать въ человекѣ совершенно постороннемъ какой-нибудь умыселъ бросить тѣнь на его память. Г. Колбасинъ можетъ-быть и самъ непрочъ отъ того, чтобъ узнать нѣкоторыя болѣе точныя подробности о личности, которой онъ коснулся въ своемъ психологическомъ очеркѣ.

Усиливаясь доказать, что кн. Шаликовъ былъ «интриганъ и

---

(1) Редакція печатаетъ это письмо единственно изъ принципа справедливости. Оцѣнка дѣятельности и самаго характера лицъ, сошедшихъ съ общественной сцены, есть несомнѣнная принадлежность литературы, и оспаривать у нея это право въ наше время немислимо. Г. Колбасинъ, авторъ статьи «Пъвецъ Кубры» выводилъ свои заключенія основываясь на фактахъ и на подлинныхъ письмахъ. Верны ли его выводы, онъ предоставляетъ судить читателямъ. Факты и письма на лицо. Но еслибъ онъ въ чемъ и ошибся, то это будетъ только ошибка, и подозрѣвать его въ клеветѣ на человека давно уже умершаго, мы не могли и не имѣли на то права. Это искреннее мнѣніе редакціи. Письмо это мы печатаемъ безъ малѣйшихъ переменъ и выпусковъ. *Ред.*

низкопоклонникъ», авторъ статьи: «Пѣвецъ Кубры» до такой степени не попалъ на настоящій его недостатокъ, что заставилъ всѣхъ невольно улыбнуться. Крайняя вспыльчивость моего мужа, мешавшая никакое лицо, вошла даже въ поговорку въ кругу нашихъ знакомыхъ; а рѣкая правдивость, возставившая противъ него многихъ, въ глазахъ друзей его извинялась только рѣдкою добротою сердца и совершенно дѣтскою нерасчетливостію. Довѣрчивый до наивности, онъ даже въ другихъ недоумивалъ духа интриги; взглядъ его на жизнь былъ взглядомъ поэта и философа, а денегъ считать онъ никогда не умѣлъ. Такимъ представлялся онъ каждому, кто видѣлъ его мелькомъ раза два; такимъ знали его тѣ, которые были сближены съ нимъ съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости. Никто менѣе его не измѣнялся съ лѣтами. Этотъ недостатокъ практичности, эта неукротимость избалованной природы, составлявшіе главную черту его характера, могутъ служить истолкованіемъ многихъ его странностей. Кто не зналъ его за неисправимаго оригинала. Кто не помнить, какъ онъ, не только въ салонахъ, но и во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ, свободно и открыто говорилъ о происшествіяхъ и лицахъ, возмущался крѣпостными правами, и не стѣсняясь ничѣмъ, высказывалъ среди собравшагося вокругъ него публики самыя смѣлыя идеи. Кому не приходилось удивляться тому, что не разъ самыя почтенныя дамы, которымъ случалось ему поговорить всорацахъ протестъ коммюностей, прибѣжали первыми мириться съ нимъ? На него нельзя было сердиться: живая, пылкая натура этого человека, всегда юная и увлекающаяся, всегда впадавшая въ крайности, съ ироническимъ складомъ ума, съ большою ничитавностію, съ южнымъ воображеніемъ и съ женскою, неиритворною добротою, обаятельно дѣйствовала на все окружающее, и ему все прощалось. Да, это была не пошленькая личность, косою выставилъ ее г. Е. Колбасинъ, скорбя о патубномъ вліаніи, како будто бы нѣтъ князь Шаликовъ на стихотворное развитіе графа Хвостова.

Въ тридцатыхъ годахъ (эпоха, въ которую упоминаеть о себѣ мужъ г. Е. Колбасинъ), ему было уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но несмотря на эти преклонныя лѣта, его всюду желали видѣть, какъ человека пріятнаго, всегда принадлежавшаго къ образованному, лучшему обществу. Будучи крайне разборчивъ въ знакомствѣ съ свѣтскими людьми, и передавъ это свойство своему семейству, онъ для иныхъ литераторовъ дѣлалъ исключенія; принимая ихъ во имя литературы, а съ другими былъ друженъ съ молодыхъ лѣтъ, какъ на примѣръ съ В. А. Пушкинымъ, Батюшковымъ и другими; былъ всегда дружески принятъ у княгини

Зеневды Волконской. Прочитавъ статью г. Е. Колбасина «Пѣвецъ Кубры», право можно подумать, что князь Шаликовъ былъ нѣчто вродеъ высланнаго изъ бурсы семинариста, или вольноотпущеннаго лакея, пробившаго себѣ дорогу интригами, сплетнями, угодливостью и всякими подобными средствами.

Видно, что г. Е. Колбасинъ вообще мало знакомъ съ преданьями московскихъ салоновъ того времени, когда еще существовало общественное мнѣніе въ аристократическомъ кругу, и любезность французскаго ума: *l'urbanité française*, была сильно въ ходу. Иначе онъ не рѣшился бы дѣлать заключенія о человѣкѣ по выхваченному наудачу письму.

Семейство наше никогда ничѣмъ не пользовалось отъ графа Хвостова, и если мужъ мой, равный ему по рожденію и воспитанію, писалъ лестные отзывы о его сочиненіяхъ, то это дѣлалось съ добродушіемъ, чтобъ потѣшить добраго старика, считая стихотворство его вполне невинною забавою, и притомъ высоко цѣня его нравственныя качества и эту любовь къ литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ онъ находилъ все свое утѣшеніе. И вправду, кому могъ повредить почтенный гр. Хвостовъ, воспѣвая Кубру?

Мужъ мой, прожившій болѣе восьмидесяти-трехъ лѣтъ⁽¹⁾, можно сказать не зналъ старости. За годъ до своей кончины, онъ читалъ очень много, писалъ твердымъ и красивымъ почеркомъ, ѣздилъ верхомъ; за два мѣсяца цитировалъ Вольтера и Монтескье, разбиралъ «*Contrat Social*», съ любовью говорилъ о Ж. Ж. Руссо, которому всегда пламенно сочувствовалъ. О евангеліи онъ однако постоянно относился какъ о высшемъ произведеніи истинной мудрости и за четыре года до смерти, вполне выскнувъ въ духъ евангельскаго ученія, онъ пожелалъ приобщиться св. таинъ, чего прежде не дѣлалъ нѣсколько лѣтъ. О кончинѣ его можно сказать, что она была проста и естественна какъ и вся жизнь его. Онъ безъ болѣзни уснулъ вѣчнымъ сномъ, какъ младенецъ, угасъ какъ лампада.

Не такова была старость графа Д. И. Хвостова. Когда мужъ мой началъ издавать «Дамскій журналъ», графъ былъ уже дряхлѣ и слѣпъ, и вмѣсто своего имени, ставилъ чрезвычайно смѣшную каракую, которая очень потѣшала моихъ маленькихъ дѣтей. По словамъ же г. Е. Колбасина иной право подумалъ бы, что графъ Хвостовъ былъ пылкій юноша, котораго сблея съ толку и погубили коварныя льстецы и интриганы, во главѣ которыхъ стоялъ князь

(1) Онъ скончался въ 1852 г.

Шаликовъ. Да это до крайности забавно всѣмъ, кто зналъ не только лично, но даже и понаслышкѣ, того и другого.

Г. Колбасина приводитъ въ страшное недоумѣніе вопросъ: Отчего графъ Хвостовъ писалъ стихи? Онъ убѣжденъ, что все это потому, что кн. Шаликовъ и Щедрицкій надули ему въ уши о какомъ-то безсмертіи, ожидающемъ поэтовъ за гробомъ.

Но это предположеніе такъ смѣшно, что объ немъ не стоитъ много толковать. Взглянемъ лучше на эпоху Екатерины. Сама великая монархиня занимается литературой, пишетъ для театра, слушаетъ съ наслажденіемъ оды Державина, осыпаетъ милостями и вниманьемъ Фонтъ-Визина, переписывается съ Вольтеромъ, который говоритъ:

c'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière,

и плеяда поэтовъ, окружавшая ее, такъ возвеличена и прославлена въ глазахъ цѣлой Россіи, что каждый, кропя стихи, мечтаетъ заимствовать хоть одинъ лучъ отъ этого ослѣпительнаго свѣта. Хвостовъ, жившій въ кругу министровъ-писателей, увлекается блескомъ поэтической славы ихъ, и подобравъ нѣсколько рифмъ, называетъ себя пѣвцомъ Кубры, маленькой рѣчки, протекавшей въ его имѣніи, которую онъ и желаетъ обезсмертить.

Александръ Пушкинъ, родившійся 50 лѣтъ спустя послѣ Хвостова, подшучиваетъ надъ нимъ подъ рукою, но какъ человѣкъ гениальный и образованный вмѣстѣ съ тѣмъ, не позволяетъ себѣ открыто смѣяться надъ почтеннымъ старикомъ.

Очень вѣроятно, что умный, достойный всякаго уваженія гр. Д. И. Хвостовъ не писалъ бы стиховъ, еслибъ родился въ наше время; онъ можетъ-быть и литераторовъ бы не сталъ принимать у себя въ домъ, и еслибы провѣдалъ, что въ вотчинѣ его протекаетъ Кубра, то это для того, чтобъ поставить на ней мельницу.

Сверхъ того, едвали кому-нибудь покажется вѣроятнымъ, чтобъ единственной причиною раззоренія гр. Хвостова могло быть печатаніе его срочницъ, какъ увѣряетъ въ томъ публику г. Колбасинъ.

Ковечно очень естественно, что человѣкъ, мечтающій о царнаскихъ богахъ, въ житейскихъ дѣлахъ бываетъ очень непрактиченъ. Но еслибъ это было и такъ, то мужъ ли мой виновать въ этомъ, онъ, который и самъ страдалъ, увы! тѣмъ же самымъ недугомъ. Грустную обстановку одинокой старости графа Хвостова согрѣвала литература, и этому-то и сочувствовалъ мой мужъ, какъ душа любящая. О состояніи дѣлъ и доховъ графа мы никогда не

чего не знали и о нихъ не справлялись. Графъ жилъ постоянно въ Петербургѣ, а мужъ мой въ Москвѣ; для свиданій съ графомъ онъ въ Петербургъ не ѣздилъ, не пилъ на его счетъ шампанскаго, не обыгрывалъ его въ карты, не занималъ у него денегъ (да и ни у кого никогда не занималъ, слава-богу!). Все, что можно допустить, это то, что графу посылались можетъ быть пять или шесть билетовъ на «Дамскій журналъ», который самъ же графъ просилъ иногда прислать ему для раздачи знакомымъ. Этимъ трудно было привести въ бѣдственное состояніе богатаго человѣка. Это были просто литературныя отношенія, безъ всякаго значенія для семейства.

Намекъ г. Е. Колбасина, который говорятъ, что будтобы «хвалители графа Хвостова взяли съ него что могли», можетъ заставить думать, что литературные друзья графа жили на его счетъ. Смѣло скажу, это чистая клевета, по крайней мѣрѣ касательно моего мужа и гг. Щедрицкаго и Макарова. О петербургскихъ господахъ я ничего не знаю, но за этихъ многіе готовы поручиться. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, что мнѣ извѣстно о графѣ Хвостовѣ и объ отношеніяхъ этихъ господъ къ нему.

Отецъ его, И. М. Хвостовъ, былъ довольно богатый переяславльскій помѣщикъ, а г. А. Щедрицкій (отецъ профессора московскаго университета, о которомъ идетъ рѣчь) занималъ должность учителя въ Переяславлѣ и былъ всегда радушно принятъ у старика Хвостова. М. Н. Макаровъ имѣлъ также помѣстье въ томъ уѣздѣ, и знакомство ихъ обоихъ съ гр. Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ относится ко времени ихъ молодости. Измаилъ Алексѣевичъ Щедрицкій помнитъ какъ онъ еще ребенкомъ бывалъ въ пышныхъ налатахъ И. М. Хвостова, и какъ тотъ всегда ласкалъ его. Сынъ Хвостова, гр. Дмитрій Ивановичъ, впоследствии женился на племянницѣ Суворова, княжнѣ А. И. Горчаковой и получилъ титулъ сардинскаго графа. Братъ графини, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ въ то время былъ министромъ. Эти родственныя связи и вообще жизнь при дворѣ требовали разумѣется самой блестящей обстановки, и весьма вѣроятно, что расходы графа Хвостова постоянно превышали его средства. Графиня, какъ и всѣ знатныя дамы того времени, конечно не занималась хозяйственными расчетами, да и самъ графъ не слылъ практичнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи.

Нетолько въ Петербургѣ, но даже и въ нѣмѣнн своемъ, они давали балы и обѣды, на которые съѣзжалось до двухъ-сотъ человѣкъ, конечно не литераторовъ. При такомъ образѣ жизни мудрено ли было разстроить свое состояніе и безъ литературной слабости,

безъ всякихъ издержекъ на печатаніе стихотворныхъ произведеній? У графа былъ только одинъ сынъ, и онъ, какъ говорили, мало заботился о его будущности. На самого же графа Дмитрія Ивановича сыпались всѣ почести современіи его женитьбы. Императрица Екатерина II, когда ей намекнули, что надо бы пожаловать Хвостова въ камергеры, сказала: «Для Суворова я и въ статсъ-дамы его произведу, если нужно», давая этой шуткою понять, что для Суворова у ней нѣтъ ничего невозможнаго. Къ чести графа Хвостова, надо прибавить, что онъ не былъ ослѣпленъ всѣмъ этимъ блескомъ, и остался простымъ, добрымъ человѣкомъ, до конца жизни, предпочитая рифмы чинамъ и почестямъ. Правда, онъ нерѣдко *зачитывалъ*, какъ говорится, *на-смерть* попавшагося ему слушателя (1); но кто не былъ снисходителемъ къ этой слабости, особенно когда графъ сталъ уже очень старъ? Всѣ эти господа, будучи несравненно моложе его, не могли же читать ему наставленій и отечески говорить, какъ говорилъ Суворовъ: «не пиши, любезный другъ, стиховъ — это пустяки! займись лучше хозяйствомъ!» Но Макаровъ, Щедрицкій и Волковъ, точно также какъ и мужъ мой, ограничивались литературными сношеніями съ графомъ, и тѣми же лестными фразами, и комплиментами, въ которыхъ не отказывали ему ни Карамзинъ, ни Державинъ, поддерживали знакомство съ почтеннымъ старикомъ. Когда и гдѣ этого не дѣлалось? Щедрицкій отъ души расхохотался, когда узналъ къ какой категоріи причислилъ его Е. Колбасинъ, котораго онъ неизмѣтъ чести знаетъ и считаетъ псевдонимомъ. «Ни копѣйки никогда не видалъ отъ графа, да и не просилъ!» воскликнулъ онъ съ добродушіемъ безукоризненнаго человѣка. Занимая кафедру статистики при московскомъ университетѣ, онъ давалъ частныя уроки въ лучшихъ домахъ (жена поэта Пушкина одна изъ его ученицъ) и такимъ образомъ трудомъ составилъ себѣ обезпеченное состояніе и донынѣ безбѣдно живетъ съ семействомъ, пользуясь заслужоннымъ уваженіемъ.

Начиная съ того, что письма графа къ моему мужу были тоже наполнены комплиментами и разными вѣжностями, которыя были въ духѣ того времени, я замѣчу біографу и психологу Е. Колбасину, что желая безпристрастно описать какую-либо эпоху, надо схватить всѣ ея оттѣнки и особенности и не забывать напримѣръ, говоря о людяхъ образованныхъ екатерининскаго времени, что

(1) Чего никогда не дѣлалъ мой мужъ. Это чистая выдумка со стороны не помню кого-то, и желаніе сдѣлать его смѣшнымъ, рассказавъ будто онъ читалъ свои стихи дворовому мальчишкѣ. Онъ даже и въ засѣданіяхъ любителей русской словесности никогда самъ не читалъ своихъ произведеній, признаваясь, что слишкомъ робеть.

учтивость ихъ доходила до крайнихъ предѣловъ и впадала нерѣдко въ фразерство. Теперь конечно не то: теперь хвастаются тѣмъ, что готовы всячески насолить человѣку, оказавшему имъ услугу; но въ то время считалось признакомъ хорошаго воспитанія преувеличить сдѣланное одоженіе и восхвалять за малѣйшую услугу. Autre temps, autres mœurs. Можеть статься, что въ будущемъ столѣтіи формула нашихъ писемъ: *милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга*, будетъ казаться верхомъ негѣпости; но воля ваша, не могу предполагать, чтобъ потомство всѣхъ насъ осудило за это, какъ тупицы и льстецовъ. Г. Колбасинъ, надо признаться, взглянулъ съ своей точки зрѣнія на отдаленную эпоху и выпустилъ все это изъ виду. Добросовѣстный биографъ долженъ справиться путемъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ при жизни человѣкъ, о которомъ онъ пишетъ. Литераторы стараго времени заслуживаютъ, чтобы о нравственныхъ качествахъ ихъ говорили осторожнѣе нынѣшніе жрецы науки. Между первыми не существовало никогда корыстныхъ связей; они не обирали другъ друга, не подставляли ноги собрату въ надеждѣ уронить его, напротивъ поддерживали другъ друга побратски — честно и добросовѣстно. Если мужъ мой не любилъ Н. А. Полевого, такъ это именно потому, что считалъ его меркантильное направленіе весьма вреднымъ въ дѣлѣ литературы; тогда какъ никто изъ старинныхъ литераторовъ, такъ вѣрно не цѣнилъ, такъ горячо не сочувствовалъ А. С. Пушкину, какъ мужъ мой.

Въ жизни и характерѣ моего мужа преобладалъ поэтической элементъ; изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ былъ писать прекрасные стихи, но прямо истекаетъ то, что онъ не былъ черненькою личностью, съ которой знакомить г. Колбасинъ своихъ читателей, навязывая этой личности, созданной его воображеніемъ, имя князя Шалыкова.

Одинадцати лѣтъ отъ роду, еще будучи въ благородномъ пансіонѣ, мужъ мой получилъ офицерскій чинъ и служилъ въ военной службѣ при Екатеринѣ, большею частью въ Варшавѣ; но былъ прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ, хотя и собиралъ библіотеку классиковъ. Какъ на легка и пріятна была его адъютантская должность, однако онъ, по смерти отца своего, премьеръ-майора Сумскаго гусарскаго полка, поспѣшилъ выйти въ отставку, предпочитая всему на свѣтѣ свободу и покой. Въ это время явился на сцену Карамзинъ, съ которымъ онъ скоро сблизился. Блескъ Карамзина, его привлекательная личность, новые элементы, которые онъ внесъ въ нашу литературу, увлекъ многихъ, въ томъ числѣ и моего мужа, слогъ котораго былъ тогда замѣченъ и расхваленъ. Онъ сталъ печатать свои статьи, издавать журналы: «Аглаю» и «Зрителя». Со-

чиненія его расходились хорошо, онъ имѣлъ успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ; романсы его перекладывались на музыку и пѣлись въ салонахъ, самъ онъ имѣлъ очень пріятный теноръ, выразительную, южную фязіономію, зналъ иностранные языки, говорилъ бойко и складно, словомъ считался однимъ изъ блестящихъ людей своего времени. Старинныя связи съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ, съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ и Иваномъ Ивановичемъ Амтріевымъ незамѣтно ввинули его въ литературную колею. Вся эта сфера была возвышенная и благородная, которой много обязано нынѣшнее просвѣщеніе. Но вотъ бѣда, что у насъ на Руси все слишкомъ скоро забывается.

Что мужъ мой о чинахъ не думалъ, доказательствомъ тому служить то, что будучи близокъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, онъ жилъ въ отставкѣ около двадцати лѣтъ. Уже послѣ двѣнадцати года, женившись и разстроивъ дѣла своею непрактичностью (не желая отыскивать крѣпостныхъ крестьянъ, пожалованныхъ дѣду его въ волтавской губерніи, онъ продалъ за безцѣнокъ имѣніе) онъ по ходатайству Карамзина, получилъ должность при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и скоро сталъ издателемъ ихъ. Еслибъ даже онъ и былъ очень честолюбивъ, то имѣя титулъ, онъ могъ бы неслишкомъ заботиться о чинѣ. Дѣло въ томъ, что ему уже не хотѣлось, въ силу новаго указа императора Николая, держать экзаменъ на чинъ коллежскаго асесора и онъ можетъ-быть просилъ графа Хвостова напомнить министру о его представленіи, которое очень долго лежало подъ сукномъ, какъ говорится. Скажу къ слову: могъ ли Хвостовъ раздавать чины служившимъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія? Не думаю. Притомъ же съ чинемъ коллежскаго асесора не было сопряжено для моего мужа ни особаго блеска, ни особыхъ выгодъ; этотъ несчастный чинъ я едва затвердила и то только тогда, какъ овдовѣвъ, стала подписывать дѣловыя бумаги.

Право, въ Москвѣ насъ принимали не по чину коллежскаго асесора.

Кто знаетъ Москву, тотъ скажетъ что здѣсь о чинахъ въ хорошемъ обществѣ и не говорятъ. Жаль, что г. Колбасинъ этого не зналъ, писавши свой психологическій очеркъ. Если и дѣйствительно въ письмѣ моего мужа къ графу Хвостову и говорилось: «жена моя проситъ васъ . . . о чинѣ» то самыя точки показываютъ что тутъ было намѣреніе вызвать улыбку на лицѣ старика. Мужъ мой любилъ употреблять шутовскій тонъ и верѣдко говаривалъ, желая охарактеризовать какого-нибудь господина: онъ такъ глумъ, что шутки не понимаетъ. Нынѣ въ самомъ дѣлѣ, всѣ такъ глубокомы-

сленно погружены въ свои интересы, что не достигаютъ смысла той шгривости, которая проявляется у людей ребячески чистыхъ душою. Говоря откровенно, ни портрета графа, ни просьбы нашей о чинѣ я не помню; все это были такими незначительными событіями въ моей жизни. Я знаю одно, что мужъ мой отъ всей души любилъ графа. Удивляться ли этому, когда самъ біографъ признаетъ за нимъ много прекрасныхъ душевныхъ качествъ?

Что сказать послѣ того о людяхъ, которые льстятъ какому-нибудь безграмотному превосходительству? Что сказать о тѣхъ, которые преднамѣренно и дерзко бросаютъ тѣмъ клеветы на человѣка, основывая свое право только на томъ, что встрѣчали шмя его подъ печатною статьею?

Къ счастью есть еще люди, которые хорошо помнятъ моего мужа, и знали его любовь къ правдѣ, его пылкую благородную душу. Алексѣй Алексѣевичъ Писаревъ, бывшій попечитель московскаго университета, никогда не пользовался репутаціею блестящаго человѣка, но былъ человѣкъ хорошій. Онъ не важничалъ, не заносился, бывалъ у насъ за-просто, принималъ у себя радушно, равно какъ и жена его, замѣчательно умная женщина. Стихи свои онъ неоднократно печаталъ въ «Дамскомъ журналѣ».

Не знаю на какомъ основаніи Е. Колбасинъ увѣрляетъ, что Раячъ, въ засѣданіи общества любителей россійской словесности, назвалъ моего мужа взяточникомъ и Булгариннымъ. Намъ позволено думать, что это импровизація, дѣлающая честь воображенію автора, но ни съ чѣмъ несообразная. Объявивъ, что Мерзляковъ, Качевоускій, Волковъ и Загоскинъ желали выжить князя Шаликова изъ общества любителей россійской словесности, Е. Колбасинъ не подумалъ, что безчеловѣчно чернить память этихъ покойниковъ, потому что незналъ вѣроятно, что истолъко сами они, но и семейства ихъ были хорошо знакомы съ нами. За что же? Колбасинъ выставляетъ ихъ людьми двуличными? Да и на чемъ основано его мнѣніе, что они не знали какъ отдѣлаться отъ него? Сцена съ М. А. Дмитриевымъ была несколько не подготовлена. Мужъ мой вспылалъ и на дерзость отвѣчалъ можетъ быть слишкомъ рѣзко. Его надобно было буквально за руки держать изъ боязни, чтобы онъ по окончаніи засѣданія, не бросился душиить человѣка, сказавшаго ему, будто онъ взял у графа Хвостова какихъ-то пятсотъ рублей. Самая эта исторія показываетъ, что моему мужу во первыхъ была несвойственна и ненавистна двуличность, во вторыхъ, что онъ ничѣмъ не пользовался отъ графа. Все это ясно доказываетъ, что такой человѣкъ въ Булгаринны не годится. Его можно было упрекнуть въ раздражительность, въ неуиѣніи подлаживаться къ людямъ и обстоятельствамъ, чѣмъ

онъ и не нравился многимъ. Надо замѣтить, что многіе и ему не нравились и онъ этого не скрывалъ. Это была конечно большая ошибка съ его стороны: ему не доставало іезуитской уклончивости.

Когда произошелъ такимъ образомъ скандалъ въ засѣданіи общества, то мужъ мой поспѣшилъ выйти изъ него, и искренно жалѣлъ, что такъ случилось. Дѣло состояло въ одномъ М. А. Дмитріевѣ; всѣ же другіе старались примирить ихъ, зная азіатскую испальчивость моего мужа. Какъ всѣ добряки, онъ нерѣдко впадалъ въ чрезмѣрную запальчивость; несмотря на это, сколько друзей у него было! Это доказываетъ, что въ характеръ его не было ничего ложнаго, искаженнаго и низкаго. Все въ немъ было до того естественно, такъ прямо вытекало изъ особенностей его природы, что ему надѣвать маску было положительно невозможно. Манеры его между тѣмъ напоминали маркизовъ стариннаго вѣка и многое въ убѣжденіяхъ его отзывалось блестящимъ временемъ энциклопедистовъ: всѣ образованные русскіе той эпохи смахивали болѣе или менѣе на этотъ типъ; но богатая натура моего мужа вносила въ него много своего, оригинальнаго что бросалось въ глаза каждому. Иные можетъ-быть тайнѣ и въ одиночку не любили его, но открыто противъ него никогда не могли бы ополчиться цѣлой толпою: общественное мнѣніе было за него. Вотъ поэтому-то и не вѣренъ очеркъ Колбасина. Мужъ мой пользовался большою популярностью, даже между купцами; его бывало заютчуютъ они, какъ встрѣтатъ гдѣ-нибудь, и большою частью люди, которыхъ онъ не зналъ по имени назвать. Никогда «Московскія вѣдомостя» не были такъ распространены до редакторства моего мужа. Его имя сдѣлалось извѣстно повсемѣстно. Статьи его о бѣдныхъ, печатавшіяся въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» и въ его журналѣ, сближали его со множествомъ людей разнаго класса. И теперь еще помнятъ добро, которое онъ дѣлалъ. У него была рука легка. Его бѣдные богатѣли. Отраднo было для насъ приближеніе пасхи, рождества христева или новаго года. Со всѣхъ концовъ Россіи посылались отъ неизвѣстныхъ лицъ деньги для вспомошествованія немущимъ, о которыхъ писалъ онъ; нерѣдко изъ дальнихъ губерній писали ему незнакомыя дѣти, что откладывали нѣсколько мѣсяцевъ денегъ отъ лакомства и тому подобнаго съ тѣмъ, чтобъ скопить нѣкоторую сумму и отправить на помощь такому-то семейству. Ни концерты, ни спектакли не устраивались на эти деньги... никто не веселился, не вальсировалъ, костюмовъ себѣ не шилъ, а между тѣмъ находились люди и во множествѣ, которые дѣлали добрыя дѣла, скрывали свои имена и отъ души благодарили мужа, что доставлялъ имъ случай быть полезными. Успѣхъ этого дѣла былъ значителенъ и

радовалъ насъ , потомучто мы видѣли , что цѣлыя семьи извлечены изъ нищеты и устроены . Многіе помнятъ , съ какой горячностью мужъ мой дѣлалъ добро , какъ неостанавливаясь ни передъ какимъ затрудненіемъ , доставлялъ мѣста , обращаясь для этого иногда къ вовсе незнакомымъ людямъ , словомъ дѣлательно хлопоталъ о меньшихъ братьяхъ , ссорясь верѣяко за это съ богачомъ и подвергаясь истиннымъ непріятностямъ . Это была потребность его души . Онъ отыскивалъ несчастныхъ по черлакамъ и трущобамъ и любилъ , чтобъ дѣти его видѣли что такое нужда и приучались бы отыскивать средства облегчать страданья ближнихъ . Безпечный во всемъ другомъ , тутъ онъ былъ неутомимо дѣятельнъ , терпѣливъ и практиченъ гораздо болѣе , чѣмъ въ дѣлахъ собственнаго своего семейства . Степанъ Степановичъ Апраксинъ , Александръ Ивановичъ Бахметевъ , князь Андрей Петровичъ Оболенскій , эти добродѣтельные люди своего вѣка , образцы какихъ становятся очень , очень рѣдки въ нашемъ обществѣ , любили его , считая добрѣйшею душою . Оно такъ и было . Тщеславія и подмалевки не было и тѣни въ его заботахъ о бѣдныхъ . Любви его не было конца .

Ничто необличаетъ въ мужѣ моемъ « мелкую , подозрительную , витригантскую натуру » , какую ему навязываетъ г . психологъ . Прибавлю къ характеристикѣ мужа , что онъ не побоялся написать эпигрामу на важное административное лицо , противорѣчилъ начальнику , шолъ наперекоръ ему и рисковалъ потерять мѣсто . Правда , что съ лѣтами онъ сдѣлался нѣсколько страненъ , рѣзокъ , взыскателенъ , но тѣмъ не менѣе глубокая честность и безкорыстіе , которыя лежали въ основаніи его натуры , чувствовалось всеми . Самый взглядъ его на образованіе женщинъ показываетъ въ немъ не дюжннаго человека . Онъ высоко ставилъ всегда свободу женщины , полагая ее конечно не въ куреніи папирось и не въ студенческой беззащитности молодыхъ дѣвушекъ ; онъ говорилъ : честь женщины должна быть охраняема ею самою , а не другими , и всегда предпочиталъ англійское воспитаніе французскому , которое дѣлаетъ изъ женщины лицемѣрную куклу . Его недостатки , можно смѣло сказать , происходили по прямой линіи отъ его достоинствъ , и носили на себѣ характеръ той эпохи , неустановившейся , но широкой и благородной , недопускавшей мелкихъ пороковъ и мелкихъ дразгъ .

Карамзинъ , Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ , Жуковскій , князь Вяземскій , Вас . и Ал . Пушкины конечно не Булгарина видѣли въ немъ , бывши съ нимъ постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ ; а предполагать , чтобъ въ комъ-либо можно было ошибаться впродолженіи шестидесяти лѣтъ почти несбыточно . Въ одинъ изъ тяжкихъ годовъ , когда Россія переживала жестокое испытаніе , Карамзинъ

писалъ мужу: «Добрый князь, молитесь за Россію!» Жуковскій въ бытность свою въ Москвѣ, увидя нашу меньшую дочь, уговорилъ отдать ее въ институтъ, и она вовсе неожиданно была принята на счетъ императрицы. А. С. Пушкинъ всегда присылалъ мужу свои сочиненія, едва появившіяся въ свѣтъ, съ самою лестною надписью и никогда не забывалъ захватить къ намъ, будучи въ Москвѣ. Василій Львовичъ Пушкинъ говорилъ ему въ стихахъ: «Я эгоистъ — твое здоровье берегу...» Большая пачка писемъ отъ всѣхъ этихъ людей хранится у меня въ портфель. Но мнѣ право странно и смѣшно выставлѣть все это на видъ публики, какъ бы хвастая простыми отношеніями, на которыя привыкло мое семейство смотрѣть какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но г. Колбасинъ вызвалъ меня на это объясненіе, и всякій пойметъ чувство, которое овладѣло мною при чтеніи его статьи.

Еслибъ мужъ мой былъ интриганъ, то вмѣсто того, чтобъ заискивать въ графѣ Хвостовѣ, онъ бы поддѣлывался къ своимъ богатымъ родственникамъ: двоюродная сестра его, графиня Завадовская имѣла огромное состояніе; несмотря на это родныя тетки ихъ жили у моего мужа, и изъ-за нихъ-то онъ и ссорился съ нею постоянно. Единственный сынъ ея графъ Иванъ Яковлевичъ Завадовскій умеръ бездѣтно; мужъ былъ друженъ съ нимъ въ молодости (они были почти однихъ лѣтъ), но впоследствии разошелся и съ нимъ послѣ того, какъ окончательно разсорился съ его матерью. Графиня умерла, оставивъ сыну большіе капиталы и нѣсколько тысячъ душъ (1). Графъ жилъ въ Петербургѣ; мужъ мой и несправлялся о немъ никогда. Но князь Кочубей, пріятель Завадовскаго, встрѣтившись съ мужемъ моимъ, объявилъ ему, что графъ Иванъ Яковлевичъ въ безнадежномъ состояніи и совѣтовалъ ему съѣздить къ нему въ Петербургъ, прибавивъ, что бѣдный Завадовскій умираетъ на чужихъ рукахъ. «Чтобъ я поѣхалъ къ умирающему богачу за духовной! воскликнулъ мужъ мой: — да сохрани меня Богъ! Подать ему мысль, что я подличаю передъ нимъ, занскиваю его шлостей — никогда!» Такъ и не поѣхалъ, не написалъ даже Завадовскому! Завадовскій умеръ, вспомнивъ однако передъ смертью о моемъ мужѣ, которому по духовному завѣщанію отказалъ двадцать пять тысячъ асигнаціями наравнѣ съ камердинеромъ, съ докторомъ и духовникомъ, прибавивъ, что князь П. И. Шаликовъ «ближайшій родственникъ мой со стороны родительницы моей.» — «И за то спасибо! сказалъ мужъ мой: — его воля была отдать кому взду-

(1) Двѣ тысячи душъ выморочнаго имѣнія поступило въ казну по смерти ея сына.

мается!» А отдалъ графъ Иванъ Яковлевичъ огромную сумму денегъ совершенно посторонней особѣ.

Прилагаю при этомъ письмо, писанное ко мнѣ Из. Ал. Щедритскимъ, которое и прошу васъ, г. редакторъ, помѣстить въ концѣ моей статьи, если вы желаете показать безпристрастіе въ этомъ дѣлѣ. Вотъ оно:

письмо г. щедритскаго (1)

Милостивая государыня!

Прочитавши статью: «Пѣвецъ Кубры», составленную Е. Колбасиннымъ, нахожу, сколько могу припомнить, что дѣйствительно были писаны мною письма къ гр. Хвостову, но въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и все ли писалъ то что напечатано — не помню. Вѣроятно также, что я упомянулъ въ письмѣ и о сестрѣ своей, ибо какъ я узналъ отъ нея, она, живши еще въ Переяславлѣ, подавала просьбу императору чрезъ министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи ей пенсіона покойнаго отца нашего въ знакъ особенной, исключительной милости государя, — но не получила пенсіона. Изъ этого видно, какъ равно изъ содержанія самыхъ писемъ заключить можно, что она писаны были не изъ полкушной обязанности непременно хвалить и льстить, но писаны были къ человѣку давно знакомому, земляку, знавшему положеніе семейной нашей жизни и принимавшему въ своихъ единоземцахъ живое, сердечное участіе. Одины только злонамѣренный Колбасинъ хочетъ дать превратный толкъ нашимъ письмамъ, то-есть, что мы будтобы умышленно напередъ расточаемъ похвалы гр. Хвостову, какъ бы желая размягчить его сердце, а потомъ уже просимъ о своихъ надобностяхъ. Такой черныи взглядъ выражаетъ только худое воспитаніе Колбасина, низкую среду, въ которой онъ родился, выросъ и изъ которой выползъ на свѣтъ божій для того, чтобы злорѣчить о другихъ своимъ гусинымъ перомъ. Похвалы, которыя помѣщались въ письмахъ къ гр.

(1) Помѣщаемъ это письмо г. Щедритскаго безъ всякихъ переиънъ и выпусковъ, впервые по просьбѣ княгини Шаликовой, признавшей его удобнымъ къ печати и полезнымъ для своей статьи, а воторыхъ какъ образецъ полемики хвостовскаго времени. Мы просимъ извиненія у г. Колбасина за тѣ личныя, невозможныя ни въ какой литературѣ ругательства, которыя онъ встрѣтитъ въ этомъ письмѣ. Впрочемъ мы не помѣстили бы его низачто, еслибъ не были увѣрены, что письмо это и особенно его неопозволительный тонъ послужатъ скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію г. Колбасина. Такія письма не оскорбляютъ.

Ред.

Хвостову, всегда были слѣдствіемъ дѣйствія, произведеннаго самимъ графомъ, или присылкою сочиненія, представляемаго благосклонному вниманію, или жалобою на несправедливость людей. Какъ же бы поступить тутъ по мнѣнію Колбасина? Отослать назадъ сочиненіе къ графу и написать: мнѣ ненадобно твоихъ сочиненій; ты пишешь худо; ты дуракъ, какъ величаетъ его Колбасинъ, шутъ-скоморохъ. Колбасинъ невѣжда, онъ не знаетъ и не понимаетъ условій общественной жизни. Когда и кто неблагодарилъ графа и нехвалилъ его сочиненій? Цари, вельможи, академіи, университеты, писатели... самъ превозносимый Колбасинымъ Пушкинъ, называетъ графа своимъ славнымъ и любезнымъ патріархомъ, стихи его — пѣснями лиры заслуживной и вѣчно-юной; поэтъ Шатровъ пишетъ ему въ стихахъ похвальное слово, называя графа по уму и сердцу гениемъ—и все это позволительно; а намъ, такъ названнымъ хвалителямъ графа, нельзя уже назвать его маститымъ пѣвцомъ, старѣйшимъ членомъ русскаго парнаса, — все это ставить намъ въ укоръ, стыдъ, поношеніе, недобросовѣстность, безнравственность. Что за нападка! Что за гнусное злорѣчіе? Что за кривой судъ? Чѣмъ же представляетъ себѣ пошлый Колбасинъ почтеннаго, добраго графа? Извергомъ, чудовищемъ, азвою, чумою, къ которому нельзя прикоснуться и письмомъ, ибо и это дѣйствіе считается позоромъ или подкупомъ. Безуміе психолога Колбасина, относительно гр. Хвостова и насъ, его хвалителей, доходитъ до того, что онъ, посредствомъ насъ, хочетъ объяснить психологическую задачу: отчего графъ не покидалъ писать стихи, несмотря на всѣ насмѣшки, злыя эпиграмы, совѣты умирающаго Суворова — не писать стиховъ, несмотря на то, что онъ былъ образецъ сенаторовъ, умный, образованный, честный, добрый человекъ. Были люди, говоритъ Колбасинъ, говорившіе Хвостову, что имя его бессмертно, и что онъ не умретъ въ потомствѣ, и что не признаютъ его изъ одной зависти — это мы, его хвалители, то-есть кн. Шаликовъ, я, Лялинъ, Макаровъ и другіе. Скажите, есть ли тутъ какой-нибудь здравый смыслъ и не ребяческое ли это сужденіе? Я началъ переписку съ графомъ, современникомъ, по Колбасину, фонъ-Визина, Державина и др. съ 1827 года; мои письма, приводимыя Колбасинымъ, относятся къ 1827 году; графу Хвостову было тогда уже семьдесятъ лѣтъ и писать стихи вѣроятно началъ онъ уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: какъ же я могъ увѣрять въ бессмертіи графа, когда меня не было еще и на свѣтѣ, и что значило мое, молодого человека, увѣреніе послѣ совѣтовъ умирающаго Суворова, почти боготворимаго Хвостовымъ. Не галиматію ли пишетъ Колбасинъ? и такою галиматіею хочетъ онъ разрѣшать психологическія явленія? Колбасинъ

не имѣеть понятія о *душѣ*. Онъ плететь только ложь и хочетъ очернить ближняго! Далѣе Колбасинъ увѣряетъ, что мы, хвалители, дали названіе Пѣвца Кубры графу, послѣ чего будто бы и самъ Хвостовъ сталъ величать себя такимъ. Это суцая ложь! Давнымъ-давно Хвостовъ самъ наввалъ себя Пѣвцомъ Кубры — и повторяли ему это названіе, потому что знали, что это ему нравилось. Но всего забавнѣе увѣреніе Колбасина, будтобы графъ Хвостовъ такъ переполненъ былъ нашими похвалами, что ни на минуту не забывалъ о нихъ. «Кланяясь Пушкиву и Баратынскому, пишетъ Колбасинъ, онъ невольно припоминалъ фразы своихъ хвалителей вродѣ знаменитой фразы Щедритскаго: вы безсмертный писатель, вы гражданинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.» Полно, такъ ли? Думалъ ли такъ графъ Хвостовъ? Не самага ли себя описываетъ Колбасинъ, самолюбивое твореніе? И для чего эти общія мысли, общее разсужденіе привѣнилъ онъ къ графу Хвостову, хотя онѣ и были помѣщены въ письмѣ къ нему? Эти мысли могли бы относиться къ самому Колбасину, еслибы онъ заключалъ въ себѣ тѣ достоинства, за которыя награждаютъ подобными фразами. Но довольно: я усталъ; у меня болитъ голова. Прощайте! Будьте здоровы и благополучны!

Вашъ покорный слуга

Измаилъ Щедритскій.

Р. S. Весьма любопытно бы знать, кто и что такое Колбасинъ? Какъ равно любопытно знать, имѣеть ли право журналистика обнародывать переписку лицъ, которые еще не перешли въ міръ историческій.

КН. АЛЕКСАНДРА ШАЛКОВА

Москва.

ДУРНЫЕ ПРИЗНАКИ

O quam contempta res est Homo, nisi supra
humana se erexerit! Линней.

On the origin of species by Ch. Darwin. 1859.

Charles Darwin, über die Entstehung der Arten im Thier-
und Pflanzenreich durch natürliche Züchtigung. Uebers. und
mit Anmerk. v. Dr. H. G. Bronn. Stutt. 1860.

De l'origine des espèces, ou des lois du progrès chez
les êtres organisés par Ch. Darwin. Trad. par Clémence-Aug.
Royer, avec préf. et notes du traducteur. Paris 1862.

Настоящее время, во всякомъ случаѣ загадочное, и можетъ быть болѣе загадочное чѣмъ всякое другое, перѣдко сравниваютъ съ эпохою упадка древняго міра; говорятъ, что мы переживаемъ періодъ такого же всеобщаго одряхленія, такого же постепеннаго и безвыходнаго разрушенія всѣхъ формъ, въ которыхъ жизнь до сихъ поръ выражалась. Гдѣ и какъ возникаетъ новая жизнь, какія формы она приметъ, неизвѣстно.

Судить основательно и точно о вопросахъ такого широкаго объема, конечно, очень трудно. Духъ исторіи, совершающейся вокругъ насъ, та глубокая жизнь, которая движетъ развитіемъ человечества, есть безъ сомнѣнія величайшая тайна для ума. Мы сами погружены въ потокъ этой жизни, сами увлечены ходомъ этого развитія; слѣдовательно не можемъ глядѣть на это движеніе со стороны, какъ наблюдатель, имѣющій твердую точку опоры. Болѣе или менѣе ясно, но мы чувствуемъ, что въ насъ дѣйствуетъ эта сила, для которой мы сами не составляемъ полного и совершеннаго проявленія; слѣдовательно мы не можемъ признать себя вполнѣ точнымъ ея мѣриломъ.

Но мысль, какъ извѣстно, старается отрѣшиться отъ временныхъ и частныхъ условій. Она, по самой своей природѣ, считаетъ возможнымъ найти въ себѣ самой ту неподвижную точку, то начало координатъ, отъ котораго измѣряются всѣ явленія, всѣ разстоянія и направленія. Поэтому мысль не можетъ отказаться отъ права измѣрять даже ходъ современнаго ей историческаго развитія.

Итакъ положимъ, что мы будемъ стараться выикнуть въ ходѣ этого развитія. Для этой цѣли замѣтимъ, что изъ всѣхъ областей человѣческой дѣятельности самая ясная, наиболѣе доступная для пониманія и оцѣнки, есть область умственной дѣятельности. Такъ что изъ всѣхъ сферъ развитія, въ этой сферѣ всего прямѣе и отчетливѣе могутъ для насъ обнаружиться и черты, зависящія отъ духа эпохи; но этимъ чертамъ можетъ-быть возможно составить понятіе и о состояніи цѣлой жизни человѣчества.

Что же мы находимъ въ современной умственной дѣятельности? Повидимому едва ли кто рѣшится сказать, чтобы въ этой дѣятельности замѣтенъ былъ упадокъ или дряхлость. Безъ сомнѣнія никогда еще на земномъ шарѣ науки не процвѣтали такъ, какъ процвѣтаютъ нынѣ: ученая дѣятельность кипитъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Притомъ успѣхи, дѣлаемые науками, не ограничиваютъ самыхъ наукъ, не указываютъ имъ предѣловъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширяютъ ихъ горизонтъ и открываютъ поприще для новыхъ успѣховъ.

Таково покрайней-мѣрѣ обыкновенное наше понятіе о ходѣ и движеніи наукъ. Но умы скептическіе и тоскующіе, какъ извѣстно, смотрятъ на это иначе. Въ этомъ движеніи, столь быстромъ и разительномъ, они находятъ коренную фальшь. Они думаютъ, что наука во многихъ и именно въ важнѣйшихъ случаяхъ дошла до внутренняго противорѣчія съ самой собою, до отрицанія самой себя. Они утверждаютъ поэтому, что наука въ этихъ случаяхъ держится и движется только рутинною, но что въ ней нѣтъ уже живой вѣры въ себя, и что слѣдовательно раньше или позже ей неминуемо грозитъ катастрофа.

Мы говоримъ здѣсь о глубокомъ скептицизмѣ и глубокой тоскѣ. Сюда однако же примыкаетъ и тотъ деповый и легкій скептицизмъ, который въ большомъ ходу кажется во всѣ времена. По мнѣнію многихъ, обыкновенно незнакомыхъ близко съ науками, умъ человѣческой повторяетъ одно и то же, только въ различныхъ формахъ; каждый вопросъ имъ кажется спорнымъ, и въ умноженіи, изысканіи и книгѣ они видятъ только умноженіе разнорѣчій. Въ исторіи они находятъ одну путаницу лицъ и событій, въ философіи — одинъ туманъ, въ занятіяхъ древними — пустую забаву, пу-

стю трату времени, вездѣ бесплодное круженіе ума, обманчивый, ни къ чему неведущій трудъ.

Есть однако же науки, передъ которыми умолкаетъ всякій скептицизмъ, какъ поверхностный, такъ и глубокій, которыхъ успѣхи никто не рѣшится отвергать, которыхъ польза и плодотворность ясны до несомнѣнной очевидности. Это — науки естественныя, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя уже издавна пользуются почетнымъ названіемъ *точныхъ* наукъ. Если въ настоящее время эти науки приобретаютъ все больше и больше приверженцевъ и сотрудниковъ, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ этой ихъ *несомнѣнности*, ставящей ихъ выше всякаго подозрѣнія и отъ болѣе или менѣе ясно чувствуемаго скептическаго отношенія къ другимъ наукамъ. Умъ необходимо требуетъ дѣятельности и ищетъ спасенія тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполне самоувѣреннымъ, гдѣ у него твердая почва подъ ногами.

Въ этомъ отношеніи естественныя науки дѣйствительно имѣютъ явное преимущество передъ всѣми другими. Предметъ ихъ такъ очевидно-ясенъ, методы такъ просты и элементарны, что твердость приобретаемыхъ познаній не можетъ казаться подлежать никакому сомнѣнію. Нужно быть повидимому или крайне-тупымъ, или крайне-легкомысленнымъ для того, чтобы значительно отступить отъ истины въ изслѣдованіи по предмету естественныхъ наукъ. Поэтому натуралисты всѣ составляютъ одну школу, безъ раздѣленій, безъ сектъ; покрайней-мѣрѣ у нихъ такъ много общаго, что небольшія разногласія ничего не значатъ въ сравненіи съ общепринятыми познаніями. Философія вѣчно дѣлится на разногласныя школы; историческіе взгляды могутъ быть весьма различны; между тѣмъ точно такъ, какъ существуетъ только *одна* математика, такъ существуетъ только *одна* физика, одна химія, одна физиологія и проч. Служить другимъ наукамъ, не входящимъ въ кругъ естественныхъ, трудно: въ нихъ значительная часть дѣятельности пропадаетъ даромъ, то-есть оказывается трудами, не приносящими самой наукѣ никакой пользы. Извѣстно, что книга съ историческимъ содержаніемъ можетъ не имѣть никакого значенія для исторіи; большая часть книгъ, по заглавію философскихъ, представляютъ мертворожденныхъ уродовъ и ничего не значатъ для философій. Между тѣмъ, если кто станетъ самостоятельно изучать природу, то передъ нимъ прямо открывается твердый путь; каждое наблюденіе, ничтожный фактъ — все это годится, все быстро и правильно примыкаетъ къ цѣлому науки; ошибки, недосмотры исчезаютъ и исправляются съ величайшею легкостію и очевид-

васію, такъ что не представляютъ никакой задержки общему теченію науки впередъ.

Эта твердость пути, эта несомнѣнная правильность приѣмовъ доказывается и самими результатами, до которыхъ достигаютъ естественныя науки. Нельзя вообразить себѣ успѣховъ болѣе блестящихъ, болѣе многообъемлющихъ и многообщиющихъ. Эти успѣхи всѣми признаны, но настоящую ихъ важность и цѣну знаютъ только одни натуралисты. Тотъ, кто незнакомъ съ естественными науками, никогда не представитъ себѣ, какъ арки, какъ широки бываютъ эти новые потоки свѣта, вдругъ озаряющіе цѣлыя области міраданія, которымъ до тѣхъ поръ были какъ хаосъ покрыты мракомъ и недоступны для ума. Въ два-три десятка лѣтъ возмужаютъ цѣлыя науки поразительной стройности и глубины; таковы напримѣръ — палеонтологія, органическая химія.

Послѣ этого понятно, что естественныя науки вѣрятъ въ себя, что они волны жизни, радости, и что умы, расположенные къ теснѣ и сомнѣнію вступятъ себѣ отрапы въ этой свѣтлой области знанія. Вотъ одна изъ чертъ современнаго умственнаго настроенія. Какъ бы мы ни смотрѣли на ходъ другихъ проявленій ума, въ наукахъ о природѣ невозможно видѣть признаковъ умаденія, а необходимо признать полную живучесть, свѣжую и здоровую силу.

Естественнознаніе вообще есть нѣчто новое. Въ немъ можно видѣть одну изъ живыхъ струй, отличающихъ нашъ новый міръ отъ древняго міра. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, если мы вспомнимъ, что древніе были люди высоко-развитые, обладавшіе глубокою умственною дѣятельностью. Ихъ философія, ихъ поэзія — вѣчные образцы для насъ. Между тѣмъ ихъ познанія о природѣ были въ полномъ смыслѣ слова ничтожны въ сравненіи съ нашими. Объяснить это можно только однимъ, именно особеннымъ, *древнимъ* отношеніемъ ихъ ума къ природѣ. Для насъ удивительно, какъ они не замѣчали самыхъ простыхъ, ежедневно повторяющихся законовъ и явленій. Очевидно въ новое время духъ человѣческой сталъ въ особенное, *новое* положеніе въ отношеніи къ природѣ и вотъ почему быстро и успѣшно пошла эта новая умственная дѣятельность.

Такимъ образомъ нѣкоторыя успѣхи естественныхъ наукъ необходимо предполагаютъ нѣкоторый великій переноротъ въ умственное настроеніе человечества. Обыкновенно этого не замѣчаютъ и не признаютъ. Въ приѣмахъ изученія природы не умѣютъ видѣть никакой особенной глубины, никакого особеннаго достоинства. Даже наоборотъ извѣстно, что ученые нерѣдко смотрятъ свысока на дѣятельность натуралистовъ: она кажется имъ слишкомъ мелкою, слишкомъ простою и грубою. Насмѣшки, дѣлаемыя въ

этомъ смыслѣ надъ натуралистами, очень обыкновенны. Какъ интересный примѣръ, доказывающій между прочимъ ихъ лѣзность, приведу здѣсь слова Малербранша, который, какъ извѣстно, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи философіи. Эти слова сказаны были двѣсти лѣтъ назадъ, но уже въ то время, когда естественныя науки заявили себя первыми благодѣтельными успѣхами, такъ называемою эпохою великихъ открытій. «Люди», говоритъ онъ въ своей книгѣ объ изысканіи истины, «не созданы для того, чтобы всю свою жизнь изслѣдовать морскихъ и насекомыхъ; польза состоитъ одобрить трудомъ, подъятымъ въ некоторымъ господамъ для того, чтобы изучать, какъ устроены вещи у каждаго рода животныхъ и какъ разныя червы превращаются въ мухъ и мотыльковъ. Такими вещами позволительно развѣ забавляться для развлечения, когда нечего дѣлать.»

Философъ обнаруживаетъ здѣсь очевидное непониманіе. Изученіе природы все еще кажется ему въ извѣстной степени загадкою. Для него страшно, какъ можно серьезно заниматься такими пустяками какъ червы и букашки; онъ находитъ, что гораздо лучше разсуждать о Богѣ. Но натуралистъ имѣетъ полное право смѣяться надъ философомъ, какъ скоро свое замѣчаніе букашками онъ успѣлъ превратить въ научный, полезный мысленный трудъ. Въ такомъ случаѣ онъ совершаетъ извѣстную умственную дѣятельность, которой философъ не понимаетъ и потому не умѣетъ цѣнить. Еще болѣе натуралистъ имѣетъ право смѣяться, если эта дѣятельность даетъ ему точныя, строгіе результаты, и ведетъ его шагъ за шагомъ впередъ, между тѣмъ какъ философъ, разсуждая о Богѣ, долго можетъ остаться при одной заслугѣ *доброй намеренія*.

Слова Малербранша червѣе повторятся, и нынѣ. Очевидно есть некоторая трудность въ томъ, чтобы какъ слѣдуетъ понимать и цѣнить изученіе природы. Конечно въ настоящее время, когда дѣятельность этого изученія очень развита, она передается и поддѣрживается однимъ поколѣніемъ въ другое. Но Малербраншу, или какому-нибудь ученому среднихъ вѣковъ, или древнему греку дѣятельно могло бы показаться чѣмъ-то мучительно-смѣшнымъ, неразумнымъ то вниманіе и усердіе, съ какимъ натуралистъ нѣсколько годовъ занимается анатоміею ничтожнаго животнаго или предается мельчайшему и простѣйшему анализу нашихъ-нибудь власнѣй, и съ вѣнстоющимъ терпѣніемъ повторять и повторять извѣстныя опыты. Натуралисты усердно работаютъ, потому что вѣне видѣть или твердо убѣждены, что дѣлаютъ дѣло. Пока это дѣло не было яснымъ, понятнымъ, до тѣхъ поръ за него и не думали вникать и не придавали ему никакого важнаго значенія.

Ничего въ современной умственной дѣятельности повидному существуетъ элементъ дѣйствительно крѣпкій, дѣйствительно новый, дѣйствительно плодотворный, именно изученіе природы. Оно составляетъ лучшій и несомнѣнный признакъ живности современного развитія. И вотъ почему изученіе природы въ настоящее время окружено такимъ свѣтлымъ ореоломъ надеждъ и вѣрованій. Отъ него многіе всего ожидаютъ, въ него вѣрятъ, какъ въ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, какъ въ источникъ всякой мудрости. На естественныя науки безпрестанно ссылаются, какъ на непроложнѣйшій авторитетъ; ихъ метода, ихъ приемы переносятся въ другія науки, дѣлаются правиломъ для тѣхъ областей знаній, которыя повидному всего дальше отстоятъ отъ нихъ по своему предмету, напримеръ для исторіи, для философіи.

Безъ сомнѣнія все это составляетъ очень хорошіе признаки настоящаго времени: все это свидѣтельствуетъ о живомъ, сильномъ развитіи, о глубокомъ прогрессѣ. Такъ что, кто будетъ судить о состояніи человѣческаго духа по той жизни, какую обнаруживаютъ естественныя науки, тотъ никакъ не согласится съ мыслью о паденіи этого духа, о разрушеніи современной цивилизаціи.

Сомнѣніе однако же все-таки возможно; въ самомъ дѣдѣ дѣйствительно ли можно судить о современной жизни человѣческаго духа по естественнымъ наукамъ? Эти науки во всякомъ случаѣ есть частный фактъ, частная область умственной дѣятельности. Дѣйствительно ли можно искать въ нихъ спасенія, найти въ нихъ ту твердую точку опоры, на которой можно крѣпко держаться среди окружающаго разрушенія?

Нужно многое для того, чтобы рѣшиться отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Вообще говоря, мы знаемъ, что главный центръ тяжести историческаго движенія не совпадаетъ съ областью естествознанія. Жизнь человѣческая руководится и направляется другими, болѣе глубокими основаніями. Если мы обратимся къ исторіи естественныхъ наукъ, то легко убѣдимся, что они сами никогда не были совершенно самостоятельны. Легко было бы доказать многочисленными примѣрами, что въ своихъ изгладѣхъ и стремленіяхъ она обыкновенно получивалась другими, болѣе сильными вліяніями, что не отъ нихъ зависѣлъ духъ времени, а скорѣе наоборотъ они отъ духа времени. Ишѣ въ себѣ зачатки самостоятельнаго развитія, они постепенно освобождались отъ постороннихъ вліяній; постепенно сбрасывали съ себя слѣды чуждаго имъ духа, но однакоже никогда не были во главѣ движенія, никогда не руководили общимъ настроеніемъ умовъ. Тѣ, которые надѣются, что

это будет со временемъ, во всякомъ случаѣ должны признати, что этого до сихъ поръ не было.

Если мы такимъ образомъ предположимъ, что изученіе природы не составляетъ главнаго русла человѣческаго ума, то должны будемъ признать, что оно не спасетъ насъ, когда обмелѣетъ главное русло, когда иссякнутъ главные источники. Въ настоящее время естественныя науки часто заявляютъ притязаніе на господство, на руководящее значеніе. Въ этихъ случаяхъ всего легче судить о томъ, справедливы ли ихъ притязанія и надежды. Кто борется за дѣло, превышающее его силы, тотъ сейчасъ же обнаруживаетъ слабость своихъ силъ.

Въ недавнее время намъ встрѣтился любопытный случай именно такого рода. Мы изложимъ его читателямъ, такъ какъ, намъ кажется, въ немъ можно найти ясныя черты и современнаго состоянія европейской жизни, и отношенія къ нему естественныхъ наукъ.

Въ послѣдніе годы въ ученіи объ организмахъ, то-есть о животныхъ и растеніяхъ, совершился великій переворотъ. Этотъ переворотъ произвела книга *Дарвина о происхожденіи видовъ*, которой заглавіе, также какъ и заглавіе ея переводовъ, стоитъ въ началѣ нашей статьи. Она кореннымъ образомъ измѣнила самыя главныя, самыя существенныя понятія, которыхъ до сихъ поръ держалась относительно организмовъ. Чтобы получить нѣкоторое понятіе о важности этого переворота, припомнимъ тотъ взглядъ на вещи, то міросозерцаніе, которое крѣпко стояло въ прежнее время и отъ котораго мы конечно не вполне освободились и до сихъ поръ. Предполагалось, что всѣ вещи имѣютъ опредѣленные, неизмѣнныя свойства, что эти свойства нераздѣльны съ ихъ существомъ и принадлежатъ имъ отъ вѣка. На міръ смотрѣли какъ на совокупность такихъ вещей; на жизнь и на исторію какъ на случайное столкновеніе этихъ вѣчныхъ свойствъ и неизмѣнныхъ вещей, такъ что въ сущности жизнь не была наростаніемъ новаго, и въ исторіи не происходило никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Этотъ взглядъ, очевидно метафизическій и имѣющій глубокіе источники въ духѣ человѣка, былъ дѣликомъ перенесенъ и на организмы. Каждая форма растеній и животныхъ, всю отличающаяся отъ другихъ формъ, была признаваема за особый видъ, которому отъ созданія принадлежатъ всѣ его свойства и особенности. Виды почитались неизмѣнными, т. е. неизмѣнно обладающими неизмѣнными свойствами, какъ принадлежащими къ ихъ сущности. Натуралисты заботились о томъ, чтобы различить, наименовать и перечислить всѣ виды; а *видовъ*, говорилъ Линней, столько, сколько ихъ отъ начала создалъ Богъ.

Изъ такому взгляду неподвижныхъ, неизмѣнныхъ сущностей такъ или иначе постоянно возвращается человѣческій умъ. Но прежде онъ былъ строго и послѣдовательно примененъ ко всему, о чемъ мыслить человѣкъ. Самое познаніе сталося ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ открытіемъ неизмѣнныхъ, вѣковѣчныхъ сокровищъ истины. Невыя открытія только численно умножали умственные познанія, но ни въ чемъ существенно не измѣняли дѣла. Мало-помалу однакоже въ неизблемой почвѣ, на которую люди такъ вѣрно опирались, стало замѣтно колебаніе. Велико должно было быть удивленіе тѣхъ, кто первый это замѣтилъ. Все, что считалось неподвижнымъ и несомнѣннымъ, поколебалось и дѣнулось; земля стала обращаться около солнца; величайшіе авторитеты были разбиты въ прахъ, вѣковыя отношенія и связи нарушились; наконецъ самая мысль измѣнила свои приемы и стала дѣйствовать иначе: человечество живо почувствовало, что въ немъ совершается исторія, что въ мірѣ происходятъ не однѣ случайныя и видимыя, а существенныя перемѣны.

Съ тѣхъ поръ постепенно все больше и больше распространяется новое міросозерцаніе. Измѣнныя сущности и ихъ необходимыя свойства все дальше и дальше отодвигаются на задній планъ. Постепенно проникаетъ всюду убѣжденіе, что все измѣняется и что постоянны не сущности, а законы или измѣненія. Вѣра въ прогрессъ, въ развитіе, въ усовершенствованіе заступила мѣсто вѣры въ неизмѣнныя сущности и вѣчныя истины. Послѣдній успѣхъ этого взгляда, послѣднюю его побѣду мы видимъ въ книгѣ Дарвина. Эта книга опровергаетъ такъ называемое *постоянство видовъ*, догматъ, который упорно защищали до сихъ поръ всѣ признанныя натуралисты. Они думали, что каждый видъ животныхъ и растеній явился первоначально со всеми своими вышнними свойствами; что при размноженіи происходитъ только повтореніе тѣхъ формъ, которыя размножаются, и слѣдовательно самыя формы остаются неизмѣнными. Каждое растеніе, каждое животное производитъ себѣ подобныхъ и слѣдовательно виды не происходятъ, но существуютъ вѣчно.

Весьма замѣчательно, что такой метафизическій взглядъ на постоянство вещей всего дольше и крѣпче держался въ естественныхъ наукахъ. Были правда попытки поколебать его, но натуралисты смотрѣли на нихъ съ большимъ презрѣніемъ. Большею частью эти попытки принадлежали такъ называемымъ *натур-философамъ*, то-есть людямъ, въ мнѣніяхъ которыхъ натуралисты ничего не видѣли кромѣ бредней. Еслиже постоянство видовъ отвергалось и нѣкоторыми настоящими натуралистами, наиримѣръ Да-

маркомъ, Стефаномъ Жозефу Сентъ-Илеромъ, то это было въ глазахъ ученыхъ патномъ на памяти этихъ людей, какъ гипотеза слишкомъ смѣлая, какъ игра воображенія, недостойная науки. Самъ Дарвинъ, хотя давно знаменитъ превосходными работами, хотя выступилъ съ полною твердостью и увѣренностью, однакоже прежде, чѣмъ заявить свое мнѣнiе, двадцать лѣтъ изцѣплялъ материалы и размышленія.

Нельзя оправдывать въ этомъ случаѣ натуралистич. тѣмъ, что они однако держались фактовъ; — фактовъ, доказывающихъ независимость вещей, нѣтъ и быть не можетъ. Сколько бы времени мы ни наблюдали вещи, мы не можемъ рунаться, что они не сдѣлались до нашихъ наблюденій, и что они не измѣнятся послѣ нихъ. Невѣроятности отарить нельзя, отарить замѣчанiе возможно.

Въ своей книгѣ Дарвинъ свелъ множество фактовъ, доказывающихъ неизмѣнность видовъ. Со временемъ мы надѣемся болше поговорить объ этомъ предметѣ, теперь же ограничимся одними результатами. Дарвинъ нашолъ, что виды переходятъ одинъ въ другой, что они постепенно *выраждаются* изъ одной формы въ другую. Такимъ образомъ изъ стѣнъ одного и того же растенія, въ различныхъ мѣстностяхъ, при различныхъ обстоятельствахъ можетъ въ длинной смѣнѣ поколѣнiй произойти нѣсколько различныхъ растеній. Различные виды животныхъ и растеній происходили постепенно вслѣдствiе того же распада одной формы на нѣсколько видовъ. Организмы никогда не производятъ себе подобныхъ въ точномъ смыслѣ слова: дѣти всегда отличаются отъ родителей и также не вполне схожи между собою. Отъ постепеннаго накопленiя этихъ различiй въ длинныхъ родахъ поколѣнiй и произошло все разнообразiе животнаго и растительнаго царства.

Вотъ великiй переворотъ, который заключаетъ въ себѣ книга Дарвина. Но открытiе его состоитъ собственно не въ этомъ. Мнѣнiе о перерожденiи видовъ было пераъ высказываемо и подкрѣпляемо фактами и до него. Оно получаетъ полный вѣсъ у Дарвина только потому, что ему удалось найти черты одного изъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается измѣненiе видовъ. Законъ, который ничъ найдено, названъ имъ *закономъ соответственнаго изобрѣнiя или осмысленной панмиксiи*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

• Между всѣми органическими существами, разбѣянными на поверхности земнаго шара, существуетъ конкуренцiя, неизбежно прiстѣкающая изъ ихъ размноженiя въ геометрической прогрессiи: это законъ Мальтуса въ приложенiи ко всему животному и растительному царству. Тѣмъ какъ рождается гораздо болше недѣльныхъ, чѣмъ сколько можетъ жить, и такъ какъ вслѣдствiе этого между ними постоянно

необходима борьба за средства существованія; та оюода слѣдуетъ, что если какое-нибудь существо отличается отъ другихъ хотя бы весьма незначительно, но такъ, что это отличие выгодно для него лично, то при сложныхъ и часто измѣнчивыхъ условіяхъ жизни такое существо имѣетъ больше возможности пережить другихъ и такимъ образомъ будетъ *естественнымъ образомъ избрано* или предпочтено другимъ. Затѣмъ по всесильнымъ законамъ наслѣдства, всякая избранная *разновидность* получаетъ стремленіе передавать развоженіемъ свою новую видозмѣненную форму.

... Вотъ законъ Дарвина, который мы передали его собственными словами. Въ этомъ естественнѣмъ набравнѣ, по его наслѣдованіямъ, заключаются главный, если и не исключительный способъ послѣдствительныхъ измѣненій организмовъ. Смыслъ и важность этого прекраснаго закона требовали бы многихъ поясненій. Запишемъ только вообще, что въ силу этого закона измѣненіе организмовъ, вырожденіе и распаденіе видовъ зависятъ не отъ чего либо посторонняго, а *отъ самихъ же организмовъ*. Организмы сильно размножаются, они получаютъ иногда болѣе выгодное устройство; они борются между собою за средства существованія; вотъ три условія, отъ которыхъ зависятъ постепенное перерожденіе видовъ путемъ естественнаго избранія. Совершенно ясно, что законы развитія организмовъ далеко агниъ не исчерпаны, хотя Дарвицъ кажется не замѣчаетъ недостаточности своего закона; тѣмъ неменѣе ему принадлежитъ великая заслуга перваго указанія на *внутренній законъ развитія организмовъ*. Всѣ органическія существа составляютъ у него единую область и развиваются внутреннимъ взаимодействіемъ, въ слѣдствіе *размноженія, усовершенствованія и борьбы*. Процессъ этого внутренняго развитія конечно очень сложенъ и не такъ еще скоро намъ будетъ ясенъ; но тѣ черты, которыя указалъ въ немъ Дарвицъ, безъ сомнѣнія совершенно тожны и вѣрны.

Изъ всего этого читатель видитъ, что книга Дарвина представляетъ великій прогрессъ, огромный шагъ въ движеніи естественныхъ наукъ. Разумѣется она тотчасъ же возбудила общее вниманіе. Въ Англии каждый годъ является новое ея изданіе. Тотчасъ же послѣ ея выхода она была переведена на вѣмецкій языкъ и издавае, слѣдовательно по обыкновенію невозможно позже, на французскій. По обыкновенію она возбудила сильную оппозицію, въ особенности въ Англии, въ особенности у тамошнихъ духовныхъ, чего конечно и надобно было ожидать. Но среди всего шума и движенія, возбужденнаго книгою Дарвина нельзя найти ничего страннаго и неожиданнаго, какъ тотъ отзывъ, который слѣланъ французскою переводчицею книги и на который мы рѣшаемся указать чита-

телятъ. На французскій языкъ книга была переведена дѣвицею Клеменциею Августою Роге (Roug), снабдившею переводъ длинными предисловіемъ и примѣчаніями. Эта дѣвица, какъ видно изъ предисловія читала въ Швейцаріи публичныя лекціи *философіи природы и исторіи*. Но это не все. Недавно ею написано сочиненіе о налогахъ, которое было удостоено преміи, наравнѣ съ сочиненіемъ Прудона о томъ же предметѣ. Слѣдовательно мы имѣемъ дѣло не съ дюжиннымъ человѣкомъ, а съ писательницею, имѣвшею успѣхъ; судя во всему она — передовой человѣкъ, представительница современнаго образованія Европы. Идеи Дарвина глубоко ее заинтересовали: по ея словамъ они вполне сошлись съ тѣмъ взглядомъ, который она сама еще раньше излагала на лекціяхъ. О вѣтъ она посвѣтила известіи объ великомъ переворотѣ естественныхъ наукъ самымъ далекимъ и самымъ общимъ слѣдствіемъ, она готова, какъ она говоритъ, написать объ нихъ даже цѣлую книгу.

•Теорія г. Дарвина», говоритъ г-жа Роге, въ особенности богата гуманитарными, нравственными слѣдствіями. Здѣсь я могу только указать на эти слѣдствія; они одни наполнили бы цѣлую книгу, которую я желала бы имѣть возможность написать когда-нибудь. Эта теорія включаетъ въ себѣ цѣлую философію природы и цѣлую философію человѣчества. Никогда взглядъ болѣе широкій не былъ проведенъ въ естественной исторіи: можно сказать, что это — всеобщій синтезъ экономическихъ законовъ, естественная социальная наука, ведетъ жизнь существъ всякаго рода и времени. Здѣсь мы находимъ объясненіе многихъ мистификтовъ, столь долго искомое основаніе нашихъ нравовъ, таинственный источникъ понятія о долгѣ и капитальную важность его для сохраненія вида. Съ этихъ поръ мы будемъ обладать абсолютнымъ критеріемъ того, что хорошо и что дурно въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ нравственный законъ всякаго вида есть тотъ законъ, который стремится къ его сохраненію и размноженію, къ его прогрессу сообразно съ мѣстомъ и временемъ. •

Это восторженное изліаніе, мы надѣемся, не произведетъ особенно пріятнаго впечатлѣнія на читателя. Сказать, что въ 1859 году, тогда явилась книга Дарвина, найдено наконецъ *абсолютное различіе между добромъ и зломъ*, — значитъ сдѣлать предположеніе весьма странное, и не менѣе странно то мнѣніе, что понятіе долга до этого года оставалось *таинственнымъ* для человѣчества. Но какое чудесъ не бываетъ на свѣтѣ! Посмотримъ, что-то намъ скажетъ новое откровеніе.

•Обобщеніе закона Мальтуса, славнаго Дарвиномъ, доказываетъ очевиднѣйшимъ образомъ, какъ ошибочны заключенія, выведенныя изъ этого закона для человѣческой породы самимъ Мальтусомъ; такъ

нать усовершенствованіе всякаго вида зависить отъ его обиліаго расплощенія, то основывать это расплощеніе значить ставить препятствіе его прогрессу. Изъ книги г. Дарвина оказывается налицо, что этого законъ, повидному столь грубый, скупой и роковой, повидному уличавшій и природу въ скаредность, злости или безсиліи, есть напротивъ умудренный законъ провидѣнія, законъ экономіи и изобилія, необходимая гарантія благосостоянія и прогресса всей органической твари.

Въ самомъ дѣлѣ, какія удивительныя открытія! Что значить наука! Когда въ семействѣ много дѣтей, а ѣсть всего, Мальтусъ простодушно признавалъ это за несчастіе. Теперь же мы видимъ, что чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать благодѣтельная законъ конкуренціи. Слабые погибнуть, и поддержать борьбу только естественнымъ избраніемъ, лучшіе принадлежатъ къ членамъ, такъ что въ результатѣ получится прогрессъ — улучшение всего племени.

Подобныя мифы чудовищны, невѣроятны, но какъ видитъ читатель, они существуютъ. Дѣвица Ройе безтрепетно приводитъ свою мысль до конца и не останавливается ни передъ какими слѣдствіями. Послушайте дальше :

«Какъ скоро мы приложимъ законъ естественнаго избранія къ человѣчеству, мы увидимъ съ удивленіемъ, съ горестію, какъ были ложны до сихъ поръ наши законы политическіе и гражданскіе, а также наша религіозная мораль. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать здѣсь на одинъ изъ самыхъ еще незначительныхъ ея недостатковъ, именно на преувеличеніе того остраданія, того милосердія, того братства, въ которомъ наша христіанская эра постоянно полагала идеаль соціальной добродѣтели; на преувеличеніе даже самопожертванія, состоящее въ томъ, что вездѣ и во всемъ сильныя приносятся въ жертву слабымъ, добрыя злымъ, существа обладающія богатыми дарами духа и тѣла — существамъ порочнымъ и хилымъ. Что выходитъ изъ этого исключительнаго и неразумнаго покровительства, оказываемаго слабымъ, больнымъ, неизлечимымъ, даже самымъ злодѣямъ, словомъ исьнѣ обиженнымъ природою? То, что бѣдствія, которыми они поражены, укореняются и размножаются безъ конца, что зло неуничтожается, а увеличивается, и возрастаетъ на счетъ добра. Мило ли имъ жить этимъ существамъ, которыя неспособны жить собственными силами, которыя всю свою тяжесть висятъ на здоровыхъ рукахъ и, будучи втягость себѣ самимъ и другимъ членамъ общества, гдѣ проходитъ ихъ чужое существованіе, занимаютъ на солнцѣ больше мѣста, чѣмъ три индивидума хорошей комплексіи! Тогда какъ эти послѣдніе не только жили бы съ полною силою для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, но могли бы произвести сумму наслажденія, превышающую то, что бы они сами потребили. Думали ли когда-нибудь объ этомъ серьезно?»

Кому бы ни принадлежали подобныя рѣчи, хотя бы и не таковой ученый и передовой дѣицъ, читатель согласится что онѣ весьма замѣчательны. Въ настоящемъ же случаѣ сверхъ-того ясно, что это не прѣстая болтовня, а послѣдовательный, строгій выводъ изъ началъ, взятыхъ за основаніе. Г-жа Ройе только смѣяте другихъ и справедливо укоряетъ нашъ вѣкъ въ недостаточной послѣдовательности, говоря, что со временемъ его назовутъ *вѣкомъ болтливыхъ*.

Весьма основательно она вышла, что нынѣ въ нашемъ развитіи истощаемъ такъ сказать *противоестественно*, что мы не слушаемся природы. Только напрасно она полагаетъ, что человечество никогда *сверзало себѣ оковы не думало*. Нѣтъ, эта идея была понята довольно ясно и сознательно! Мы сознательно поставили для себя иной законъ, иную норму, иной идеаль, чѣмъ тѣ оковы и идеалы, которыми обладають природа. Мы знали, что идею въ разрѣзъ съ природою и верѣдко жаловались на ея противодѣйствіе, потому что побѣждать его не легко. Но, хотя мы довольно ясно сознавали эту идею, дѣвица Ройе напрасно жалуется на то, что будтобы мы дали ей слишкомъ широкое приращеніе, слишкомъ большое господство въ жизни. Мы кажется неслишкомъ преувеличивали состраданіе, милосердіе и самопожертвованіе. Для нашего прогресса и развитія мы дѣйствовали конечно ни чѣмъ не хуже растений и животныхъ. Мы плодились въ достаточномъ количествѣ и постоянно вели гордую борьбу не только за средства существованія, но и за другія блага. Если посмотрѣть на дѣло немножко внимательнѣе, то легко убѣдиться, что эта борьба была у насъ даже такъ сильна, разнообразна и сложна, какъ она и не можетъ быть у животныхъ и растений. У насъ всегда пла великолѣпнѣйшая *жизненная конкуренція* и законъ *естественнаго избранія* постоянно находилъ полнѣйшее примѣненіе. Сильный давилъ слабого, богатый бѣднаго, и вообще изъ малѣйшаго преимущества была извлекаема въ этой борьбѣ наибольшая выгода, какую только оно могло доставить. Жертвы погибали во множествѣ. Люди, которымъ не было мѣста на пиру жизни, тѣмъ надъ инымъ способомъ должны были покладать поле битвы. Такимъ образомъ выдѣльными жизни и обладателями благъ всегда оставались *естественные избранники* и прогрессъ усовершенія человеческой породы шло впередъ быстро и безостановочно.

Въ заключеніе приведемъ послѣдній выводъ, который переводчица Дарвина дѣлаетъ изъ его теоріи. Она находитъ въ ней сильныя основанія противъ ученія о политическомъ равенствѣ людей, которое она считаетъ «невозможнымъ, вреднымъ и противоестественнымъ».

нѣтъ ничего очевиднѣе, нежели она, какъ неравенство различнѣйшихъ человеческихъ расъ: нѣтъ ничего яснѣе, какъ это же неравенство между различными недѣлимыми одной и той же расы. Факты теоріи естественнаго избора, не оставляютъ никакого сомнѣнія, въ томъ, что высшія расы произошли постепенно, и что слѣдовательно, въ силу закона прогресса, онѣ предназначены въ дальнѣйшемъ ходѣ замѣстить собою низшія расы, а не смѣшаться и слиться съ ними, причѣмъ онѣ подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредствомъ скрещиваній, которыя понизили бы средній уровень всей породы. Однимъ словомъ человеческія расы не суть отдѣльныя виды, но суть рѣзко отличающіеся и весьма неравныя разновидности; нужно имъ расъ подунуть объ этомъ, прежде чѣмъ провозгласить политическую и бражественную свободу въ народѣ, состоящемъ изъ меньшинства индочинцевъ, и изъ большинства монголовъ или негровъ. Теорія г. Дарвина требуетъ поэтому, чтобы важнѣйшіе вопросы, самыя послѣдствія рѣшительныя, были снова подвергнуты серьезному изслѣдованію. Люди не равны по природѣ: вотъ изъ какой точки должно исходить. Они не равны индивидуально, даже въ самыхъ чистыхъ расахъ; а между различными расами эти неравенства получаютъ столь большіе размѣры въ умственномъ отношеніи, что законодатель никогда не долженъ упускать этого изъ виду.

Замѣтимъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣвица Роже приписываетъ теоріи Дарвина гораздо больше важности и значенія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Уже и прежде, и до появленія книги Дарвина было замѣчено, что если смотрѣть на людей какъ на животныхъ, то между ними существуетъ большое неравенство. Достоверно замѣчено было, что люди различаются между собою не только по росту, по полнотѣ или худобѣ, по силѣ мускуловъ, по цвѣту кожи, по большей или меньшей остротѣ чувствъ и даже по большей или меньшей смысленности. Если же несмотря на эти и другія, даже больше важныя различія, существовала идея о равенствѣ людей между собою, то это равенство признавалось никакъ не въ смыслѣ зоологическомъ, а съ точки зрѣнія совершенно особенной, странной, загадочной, таинственной: люди считаютъ, что они равны между собою именно какъ люди, а не какъ животные. Этотъ одинаково всѣмъ принадлежащій признакъ человеческого достоинства, признакъ повидимому неуловимый, неизмѣримый и неопредѣлимый никакими ясными чертами, былъ однакожъ въ глазахъ людей такъ важенъ, такъ великъ и существенъ, что покрылъ собою всё очевидныя различія, которыя отдѣляютъ невѣжественнѣйшаго изъ негровъ отъ образованнѣйшаго изъ европейцевъ.

Мы здѣсь не думаемъ впрочемъ рѣшать или изслѣдовать какой бы то нибыло вопросъ. Мы постарались только ясно представить

читателямъ любопытный фактъ западно-европейскаго образованія в надеются, что они сами отдадутъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, которое онъ производитъ.

Совершенно очевидно одно: мы перестаемъ понимать человѣческую жизнь, мы теряемъ ея смыслъ, какъ скоро не отдѣляемъ человѣка отъ природы, какъ скоро ставимъ его на ряду съ ея произведеніями, и начинаемъ судить о немъ съ той же точки зрѣнія, какъ о животныхъ и растеніяхъ. Тайна человѣческой жизни заключается въ ней самой.

Изученіе природы еще не все что нужно. Если кто смотритъ на это изученіе, какъ на живую струю, которая можетъ свести жизнь дряхлѣющей цивилизаціи, то ему можно указать на выводы, сдѣланные изъ великаго открытія въ природѣ г-ною Ройе: эти выводы совершенно приличны эпохѣ паденія.

Заключимъ нашу замѣтку словами величайшаго изъ натуралистовъ, поставленными нами въ эпиграфъ: *какая жалкая вещь былъ бы человекъ, еслибы онъ не стремился къ сверхчеловѣческому!* Это парадоксальное восклицаніе принадлежитъ Линнею, натуралисту, который вмѣстѣ съ безпримѣрнымъ даромъ понимать природу, обладалъ, вѣроятно какъ слѣдствіемъ это дара, глубокимъ поэтическимъ презрѣніемъ. Разсматривая человѣка на ряду съ животными и другими произведеніями природы, онъ живо убѣдился, что человекъ есть жалкая вещь. Спасеніе отъ этого ничтожества онъ находилъ въ стремленіи къ сверхчеловѣческому; но мы твердо утѣрены, что то, что Линней называетъ сверхчеловѣческимъ, въ сущности, есть истинно-человѣческое.

Н. СТРАХОВЪ

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

V

На нынѣшній разъ мы опять начнемъ галымъ статистическими данными репертуара нашей сцены и, откровенно сказать, не можемъ ручаться, чтобы это было въ послѣдній. На осмысленіе и осмысленіе этого репертуара какъ-то пока надежды — а до тѣхъ поръ, пока онъ не осмыслится, мы упорно будемъ констатировать факты и вести автописи его странностей.

Мы начинаемъ съ 21 октября.

21 октября. На Марининскомъ: «Феодора». — На Александринскомъ: «Домокъ», «Русскіе въ Эмсѣ», «Утра и стаканъ воды» (подзвѣвъ г. П. Федорова).

22 октября на Александринскомъ: «Ермакъ Тимофеевъ», «Тестъ любить честь», «Первое декабря». — На Марининскомъ: «Страдалецъ».

23 октября. На Марининскомъ: «Шейлокъ», «Женатыя повѣсы», «Осенній вечеръ въ деревнѣ». — На Александринскомъ: «Блѣдность не порокъ» (Любимъ Торцовъ г. Бурдakov), «Зачѣмъ нивые люди женятся» (подзвѣвъ съ переодѣваньемъ). (!!!)

24 октября. На Марининскомъ: «Любовь и предразсудокъ» (Sullivan) переводъ г. П. Федорова. «Вѣтъкъ цвѣточковъ болѣ», «Голь на выдумки хитра». — На Александринскомъ «Новгородцы въ Ревелѣ» большое представленіе съ конными и пѣшими сраженіями, соч. (!!) гг. Соколова и Егорова. «Война жонъ съ мужьями» подзвѣвъ въ пяти дѣйствіяхъ (бенефисъ г. Леонидова).

25 октября. На Марининскомъ: «Не первый и не послѣдній», переводъ въ пяти дѣйствіяхъ г. Дьяченко. «Учитель и Мальчишка».

26 октября. На Маринскомъ: «Страделла». «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ». «Война жонъ» (объ во второй разъ).

28 октября. На Маринскомъ: «Не первый и не послѣдній» г. Дьяченко, (который разъ? Мы ужъ и счетъ потеряли). «Проказы барышень на Черной рѣчкѣ». — На Александринскомъ: «Двумужница», князя Шаховскаго. «Живчикъ», водевилъ г. Тарновскаго и Руднева.

29 октября. На Маринскомъ: «Страделла». — На Александринскомъ: «Легкая надбавка» г. Погосскаго. «Три пощечины». «Средство выгнать волокитъ».

30 октября. На Маринскомъ: «Горе отъ ума». «Отецъ какихъ мало». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ третій разъ). «Цирульникъ на Пескахъ». «Милые братцы» водевилъ г. Тарновскаго.

31 октября. На Маринскомъ: «Гугеноты», (бенефисъ г. Васильева). — На Александринскомъ, въ первый разъ по возобновленіи «Маркитантка» г. Кукольника. «Возвращеніе обученіе».

1 ноября. На Маринскомъ: «На въ домъ счастье» г. Чернышева (Боромининовъ г. Марковецкій). «Занутоваго дѣло». Сюда г. Горбунова. — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ четвертый разъ). «Андрей Степановичъ Дунаев» (г. Васильевъ 2-й).

2 ноября. На Маринскомъ: «Жидовки». — На Александринскомъ: «Отецъ и откупщикъ или дочь и откупъ», комедія Шелестого, въ первый разъ по возобновленіи; стоило вѣдь возобновлять). «Въ людяхъ ангелъ не жена» Левскаго, (въ первый разъ по возобновленіи). «Демонритъ и Гераклитъ» (бенефисъ г. Каратыгина).

4 ноября. На Маринскомъ: «Трубадуръ» (г. Владиславлевъ). — На Александринскомъ: «Не по носу табакъ» г. Погосскаго. «Своя себѣ призвуча — чужая не приставай» Остревскаго, «Честно не свѣтъ не бываеги».

5 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя» (въ 210 разъ). — На Александринскомъ, повтореніе бенефиса г. Каратыгина.

6 ноября. На Маринскомъ: «Манура» г. Шоткина, (г-жа Спорова). «Тотъ любить честь» ; «Мотъ», водевилъ г. Тарновскаго. — На Александринскомъ: «Ермакъ Тимофеевичъ»; «Батюшкѣ широнини», волшебное представленіе.

7 ноября. На Маринскомъ: «Марта» (г. Владиславлева). «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Маркитантка» «Нараша».

8 ноября. На Маринскомъ: «Не первый и не послѣдній» г. Дья-

тепно. «Бабушкины грѣшки». — На Александринскомъ: «Жизнь игрока». «Сынъ венеціанскаго разбойника»,

9 ноября. На Маринскомъ: «Испорченная жизнь» г. Чернышова. Водевиль съ переодеваньемъ (!! даже и на *аристократическомъ* Маринскомъ !!!) «Полтора рубля». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ пятый разъ). «Въ тихомъ омутѣ» г. Кони. «Жена и зонтикъ».

11 ноября. На Маринскомъ: «Мишура» г. Потѣхина. «Несчастье особаго рода». «Бѣдовая бабушка». — На Александринскомъ: «Волшебій». «Жена какихъ нибудь».

19 ноября. На Маринскомъ: «Страдалка». «Москаль-чарльвикъ». — На Александринскомъ: «Легкая надбавка» г. Островскаго. «Балъ у банкира».

13 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ф. Н. Устрялова. «Что такое любовь?», оперетка. Сцена г. Горбунова (бенефисъ г-жи Жулевой). — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ шестой разъ). «Упрямство и настойчивость». «Дочь русскаго актера».

14 ноября. На Маринскомъ: «Жидовна». — На Александринскомъ: «Параша Сибирячка», Полевого (во возобновленіи въ первый разъ). «Бродяги», водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ.

15 ноября. На Маринскомъ: повтореніе бенефиса г-жи Жулевой. — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ седьмой разъ !!!). «Старый математикъ». «Ножка».

16 ноября. На Маринскомъ: «Фенелла». — На Александринскомъ: «Гроза», Островскаго (Тихомъ Кабановѣ — г. Васильевъ 2).

18 ноября. На Маринскомъ: «Аскольдова могила». «Москаль-чарльвикъ». — На Александринскомъ: «Брякъ». «Въ чужомъ саду подмѣло», Островскаго. «Осенній вечеръ въ деревнѣ».

19 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя» (въ 211 разъ). — На Александринскомъ: «Быль молодцу не укора», комедія г. Н. Потѣхина. «Заемныя жены», водевиль.

20 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло» (въ третій разъ). «Беззаботная» (п-жа Спорова). — На Александринскомъ: «Параша сибирячка» (во второй разъ). «Не сошлась характеристика», Островскаго (въ первый разъ по возобновленіи). «Женщины-гвардейцы».

21 ноября. На Маринскомъ: «Страдалка» (въ шестой разъ). — На Александринскомъ: «Жертва за жертву», г. Дьяченко. «Женить изъ долговаго отдѣленія», комедія г. Чернышова. «Комедія съ дялюшкой».

22 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло» (въ четвертый разъ). «Вицъ-мундиръ». Сцена г. Горбунова. — На Александринскомъ:

скомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ восьмой разъ). «Которая изъ двухъ?». «Жена кавалериста».

Мы имѣли терпѣнье прослѣдить репертуаръ за цѣлый мѣсяцъ, — незнаемъ, имѣютъ ли терпѣнье читатели просмотрѣть его. Во всякомъ случаѣ, вотъ факты, которые должны быть выведены изъ него по здравому разуму.

1) Русская драматургія обогатилась несомненно новымъ капитальнымъ произведеніемъ «Новгородцы въ Ревелѣ». Въ теченіе мѣсяца чѣмъ четырехъ недѣль, эта прекрасная драма дана восемь разъ.

2) Другое высокое и капитальное произведеніе — «Не первый и не послѣдній», г. Дьяченко, по прежнему продолжаетъ интересовать публику.

3) Восхитить явное лучезарное явленіе — «Слово и дѣло», комедія г. Устрялова, данная уже четыре раза, съ 13. по 22 ноября.

4) Изъ старыхъ капиталовъ драматургія возобновлена съ успѣхомъ: «Ермакъ», «Параша», «Отецъ и Откупщикъ», Полевого. «Ермакъ» въ особенности имѣетъ успѣхъ. Жаль, что не возобновляютъ до сихъ поръ комедіи «О войнѣ Федосьи Федоровны съ китайцами», прекраснаго произведенія того же пладевитата и великаго руссійскаго драматурга и его chef-d'œuvre въ серьезномъ родѣ: Елена Главская. Публика, т. е. какіе-нибудь Павелъ Степановичъ и Прасковья Сергѣевна останутся вѣроятно очень довольны возобновленіемъ этихъ произведеній, аиолнѣ соответствующихъ потребностямъ ихъ утонченнаго и образованнаго вкуса.

5) Пьесы Островскаго, могутъ быть даваемы только на плебейскомъ театрѣ — на Александринскомъ. На Марининскомъ въ теченіе дѣлаго мѣсяца недавно было ни одной изъ нихъ. Вообще, онѣ имѣютъ весьма мало успѣха, такъ что изъ признаваемыхъ «этою высокомиѣрною русскою литературою» капитальными его произведеній («Свои люди сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Доходное мѣсто», «Гроза», «Мининъ») можетъ быть даваема только «Гроза». Для драматическихъ артистовъ гораздо благодарнѣе роли «Ермака» и ссыльнаго въ «Парашѣ», чѣмъ роль Минина; для драматическихъ артистокъ — роли въ пьесѣ г. Дьяченко, чѣмъ роль «Бѣдная невѣста»; для комиковъ — роли, создаваемыя г. Чернышовымъ, чѣмъ роли Большова и Лазаря, Беневоленскаго и Добротворскаго, Вышневолокаго и Юсова. И благодарно, да и безопасно. Вѣдь благодаря этой высокомиѣрной выскочкѣ русской литературѣ, этихъ ролей

нельзя играть, возложить всё упованіе на суемерскую будку: вѣдь въ нихъ не простятъ незнанія пожалуй даже и такому огромному дарованію какъ г. Самойловъ, не простятъ, даже и признавая его огромность! Тутъ обдуванность, изученіе потребуется, а изъ чего спрашивается хлопотать? Вѣдь мало ль что вретъ, со времени Бѣлинскаго, эта такъ называемая русская литература, которая и въ театрѣ даже рѣдко ходитъ!

6) Въ русской оперѣ считается семь теноровъ, три bassi profondi, нѣсколько баритоновъ, несчетное количество пѣвицъ, а пѣть у насъ должно-быть можно только всего шесть оперъ, да одну оперетку. («Жизнь за царя», «Жидовка» и «Фенелла» (г. Сѣтовъ), «Страделла» (г. Никольскій), «Марта» (г. Сѣтовъ) и «Москаль-чаривникъ» (г. Артемовскій и г-жа Леонова), «Аскольдова могилка» (г. Булаховъ). Разъ даже, говорятъ, при семи тенорахъ не нашли кѣмъ замѣнить одного заболѣвшаго, и не знали что дать. «Гугеноты» даны всего одинъ разъ, хотя въ нихъ, по мудрымъ соображеніямъ публики, т. е. разныхъ Павловъ Степановичей вмѣсто г-жи Валентины Біанки, которую ожидала слышать масса, пѣла пѣвица не ей чета — г-жа Лаврова-Спекки.

Вотъ главные выводы, къ которымъ приводятъ статистическіе факты. Печальны или веселы эти выводы — пусть судятъ читатели.

Позвольте спросить васъ, милостивые государи — фантастическіе или нефантастическіе члены разныхъ къ сожалѣнію нефантастическихъ комитетовъ, какъ по вашему разумнію — театръ ли существуетъ для публики, или публика для театра?.. Знаемъ, что вы на этотъ вопросъ намъ не отвѣтите прямо: мы читали, какъ защищалъ васъ потребностью сборовъ г. Театристъ. Резонъ, единственный резонъ, на который вы обопретесь, будетъ тотъ, что хваленыя дескать вами пьесы Гоголя и Островскаго играютъ передъ пустымъ театромъ, а въ «Новгородцевъ» и въ новыя вещи г. Дьяченко народъ, что говорятся, ломится; что изъ возобновленныхъ безсмыслицъ штука вродѣ Ермака — тоже сборы большіе даетъ.

Но вѣдь какіе ставятся пьесы Гоголя и Островскаго? вотъ въ чемъ вопросъ, вопросъ, на который вы не гугу, и на который поэтому приходится отвѣчать намъ.

Оставимъ на время Гоголя, потому что и театръ на это время оставилъ въ покоѣ великаго покойника; неправда ли, каламбуръ нашъ сорветъ улыбку одобренія съ устъ вашей публики, то-есть

Павловъ Степановичей а пр.; ни одной его мысли втеченіе цѣлаго мѣсяца не было дано, а фантастическій комитетъ все цѣль изъ «Роберта»:

Дьяче... Дьяче... Дьяченикъ предоставитъ
Мы пу... мы пу... мы дубинку цѣплять.

Займемся постановкой пьесъ Островскаго. Вы вѣроятно для очищенія совѣсти скажете, что втеченіи этого мѣсяца дано было пять пьесъ его и одна даже возобновлена (Не сошлась характеристиками). Точно, вотъ передъ вами пять афишъ, напоминающихъ намъ о томъ, что мы, по обязанности и по сердечному влеченію, были въ театрѣ.

23 октября на александринскомъ театрѣ шла: «Бѣдность не порокъ». Не говоримъ уже о томъ, что высокое созданіе народного поэта осквернено сопоставленіемъ съ нимъ пошлости г. Григорьева 1-го: «Зачѣмъ пивые люди женятся» и невыносимымъ для всякаго порядочнаго человѣка «Водевилъ съ переодѣваньемъ» г. Куликова; мы этихъ гадостей и не видали въ этотъ разъ, но какъ обставлена комедія: Любимъ — г. Бурдинъ, который только краткое время могъ

Пу... пу... публику цѣплять

подражаніемъ манеръ Садовскаго, пока самъ Садовскій не приѣхалъ въ Петербургъ, г. Бурдинъ, въ которомъ прежде всего нѣтъ искренности игры, и котораго драматическіе порывы просто непереносимы для великаго уха неспорченнаго фальшивыми тонами. Г. Бурдинъ въ Любимъ Торцовъ, когда въ этой роли мы видѣли и Садовскаго, и Самойлова, и Васильева 2, который въ ней чуть ли не выше того и другого... А видъ Любимъ Торцовъ одинъ изъ весьма немногихъ трагическихъ образовъ, созданныхъ нашими художниками, одно изъ великихъ открытій нашей народной сущности... Не забыть намъ всегда на той пяной улыбкѣ, съ которою г. Васильевъ 2 общается «сдѣлать штуку съ братомъ», на безвѣщныхъ, судорожныхъ кривляніи г. Самойлова, на просвѣтленіи Садовскаго въ концѣ третьяго акта, а насъ угощаютъ г. Бурдинымъ!

Любовь Гордѣевна — поэтический образъ русской дѣвушки въ первой порѣ ея развитія, съ глубокою впечатлительностью души, съ милой границею и шаловливостью, съ гордостью хозяйской дочери («Ты смотри, не смѣй теперь смотрѣть!») съ полудѣтскимъ лумасивомъ (только что пальца замарала!) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нѣжною страстностью, видъ это роль для первостепенной артистки, а ее играетъ г-жа Струйская.

Анна Ивановна — одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ, созданныхъ нашимъ народнымъ поэтомъ, торжество такой артистки, какова г-жа Косицкая; здѣсь г-жа Воронова, недурная иногда въ свахахъ Островскаго, но положительно неспособная выразить блестящую, размахистую и вѣстѣ поэтическую, и увлекающуюся, и способную увлечь натуру Анны Ивановны. Удивительно ли, что у г-жъ Струйской и Вороновой пропадаютъ все тонкіе, поэтическіе оттѣнки, вродѣ сцены, въ началѣ второго дѣйствія, когда онѣ хотѣтъ объявиться въ потемочкахъ и говорить о любви.

Митя — г. Пронскій. Онъ не хуже и не лучше всѣхъ голюдовъ, которыхъ мы видали въ Митѣ, но вѣдь изъ этого ничего не слѣдуетъ. Неужели же нѣтъ актера, который бы сыгралъ Митю безъ фальшивыхъ, сентиментальныхъ нотъ. Что бы навривнѣрь г. Горбунову, у котораго всегда такъ вѣренъ толкъ въ пьесахъ Островскаго, попробовать свои силы надъ Митей.

Коршуновъ, котораго игралъ Щепкинъ (Щепкинъ, милостивые государи!) — г. Шемаевъ... Коментаріи не нужны.

Гуслякъ — г. Озеровъ. Да вѣдь въ этой роли, хоть и маленькой, не трудной, — первое дѣло, надо вѣрный тонъ имѣть, второе дѣло — надобно пѣть хорошо. Вѣдь этою *маленькою* ролью въ Москвѣ создалъ свою репутацию актеръ лѣтвѣць Кляммовскій!

Разлюляевъ — г. Марковецкій, рутинеръ, давао всѣмъ извѣстный. А это была тоже одна изъ самыхъ блестящихъ ролей г. Васильева 1, нынѣ, къ сожалѣнію друзей искусства, покойника.

Хороши только гг. Зубровъ (Герольдъ), г-жа Ланская (мать), г-жа Громова (нянька).

О другихъ лицахъ и говорить нечего, просто срамъ! А у Островскаго тутъ все вѣдь лица, живыя лица, съ жѣсткимъ, колоритнымъ тономъ.

А зачѣмъ пѣснн поются въ пьесѣ не тѣ, какія слѣдуютъ?.. А зачѣмъ даже свадебные мотивы испорчены?..

И вотъ еще что: г. Самойловъ бросилъ роль Любима; ну, это его воля, хоть это и жаль, но развѣ роль Коршунова недостойна его таланта?.. Зачтоже это великолѣпно набросанное художникомъ лицо досталось въ жертву г. Шемаеву?

4 ноября, на Александринскомъ театрѣ, удостоили чести занять середину между ерундой г. Погосскаго: «Не по носу табакъ» и чѣй-то пошлостью подъ названіемъ: «Чего на свѣтѣ не бываетъ», — вторую часть трилогіи о Бальзаминовѣ: «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (третьей части т. е. женитьбы Бальзаминова, фантастическій комитетъ, какъ извѣстно, не удостоилъ представленія, яростно вопія, изъ «Роберта»:

Въ законъ... въ законъ... въ законъ себѣ поставимъ
Ихъ пьесъ... *ихъ* пьесъ на сцену не пускать!

Обставлена она была много лучше чѣмъ «Бѣдность не порокъ», Г. Горбуновъ игралъ Бальзаминова, и въ тонѣ былъ удивительно вѣренъ: странно только, что этому замѣчательно понимающему тонъ артисту, недостаетъ сценической живости, недостаетъ даже апломбу, необходимаго для успѣха, ужь не оттого ли, что онъ мало играетъ? Всѣ остальные лица, хотя артисты кажется и хорошіе (г-жи Громова, Лиская) не попали въ тонъ, кромѣ г-жи Вороновой, которая была отлично хороша въ роли свахи. Г-жа Лиская въ особенности не поняла Анфису Даниловну Автрыгину. Г. Стенатовъ хотѣлъ изъ Устрашимова сдѣлать вѣчто напоминающее фамилію этого лица, но вѣдь онъ забылъ, что г. Островскій вовсе не имѣлъ въ виду фигуры съ ярыкомъ на лбу: вышло что-то нелѣпое, какъ суздальскія картинки и дикое какъ герои александринскихъ драмъ.

18 ноября, послѣ «Ермака Тимофенча», и передъ «галантерейностью» г. Куликова (галантерейное, чортъ возьми, обхождение!) «Осенній вечеръ въ деревнѣ», шло «Въ чужомъ миру похмѣлье». Учителя Иванова, котораго въ Москвѣ играетъ г. Шумскій, игралъ г. Вороновъ, изображающій обыкновенно разныхъ королей александринскихъ драмъ, артистъ по видимому толковый, но совершенно бездарный. Дочь его, которую въ Москвѣ играетъ артистка съ высокими талантомъ, г-жа Васильева, изображала г-жа Надеждина; Аграфену Платоновну, играла и играла превосходно г-жа Лиская, но зато въ Андриушѣ и въ Титѣ Титычѣ, «отличались» г. Шемаевъ (что это, сколько хорошаго и характернаго, отъ Молчалива до Коршунова и Андриуши, отдано ему въ жертву?) и г. Бурдинъ, которому какъ человѣку умному давно бы кажется пора понять, что роли вродѣ Дикова, въ «Грозѣ», и Тита Титыча, вовсе не по его силамъ: въ нихъ нужно всерьезное созданіе, а не подражаніе. Захара Захарыча какъ-то казенно и безцѣстно игралъ г. Зубровъ, и глупо-задуманный и рельефно очерченный художникомъ типъ Купцоши, погибъ въ игрѣ г. Озерова. Г-жа Воронова, опять прекрасно поняла и передала Наталью Панкратьевну, но у г-жи Громовой, ничего не вышло изъ Ненилы Сидоровны.

Чтожъ это? Вѣрно и роль учителя Иванова считаетъ г. Самойловъ недостойною своей славы?

16 ноября. На Александринскомъ театрѣ дана была «Гроза», единственная пьеса Островскаго, идущая съ ансамблемъ на нашей театрѣ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше чѣмъ въ Мо-

сквѣ, кромѣ разумѣется того обстоятельства что тамъ Дикова, играетъ Садовскій, а у насъ прежде провалился въ немъ г. Бурдинъ, а нынѣ «представляетъ» его «нарочно», г. Григорьевъ 1-й, точно также «нарочно» какъ все что онъ ни представляетъ отъ королей и рыцарей до купцовъ. Г. Бурдинъ предпочелъ по временамъ являться въ этой драмѣ въ роли Кабанова, чередуясь съ г. Васильевымъ 2 и должно быть онъ признается актеромъ аристократическимъ, а г. Васильевъ 2-й, плебейскимъ, ибо въ прошлый разъ, когда давали «Грозу», на Маріинскомъ театрѣ, Кабанова изображалъ онъ. А вѣдъ г. Васильевъ 2-й, въ этой роли равенъ, шутка сказать, и покойному Мартынову и покойному брату своему, игралъ ее впрочемъ совершенно самостоятельно. О г-жѣ Линской, Сибѣтковой 3-й, о г. Горбуновѣ мы не считаемъ нужнымъ говорить; мы на похвалы скупы до времени. Г. Малышевъ самый сносный Борисъ, какого мы видѣли, но г. Шемаевъ (опять г. Шемаевъ, ужасное божество, пожирающее страшное количество жертвоприношеній) уничтожаетъ вѣчное звѣно драмы, — Кулигина.

За «Грозою» послѣдовала картинка съ природы, (съ какой это природы?) и водевилъ г. Ермолова «Волшебная флейта...» Положимъ, что таковъ обычай, но

Зачѣмъ не уничтожить нашъ такой дурной обычай
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ...

20 ноября *ibidem*, т. е. въ Александринскомъ возобновили комедию Островскаго, «Не сошлись характерами», сузувши ее между «Парашей сибирячкой», и «Женщинами гвардейцами». Горестное представленіе, гдѣ главное лицо Поля, господина съ претензіями на большой свѣтъ, игралъ опять-таки всепожирающій идолъ, г. Шемаевъ, а знатную барыню, мать его, г-жа Сабурова 2, и гдѣ истинно хорошъ и вѣренъ тону только кучеръ купца Толстогораздова, г. Горбуновъ.

Чтоже мудренаго, что такимъ образомъ обстановленные произведенія нашего народнаго драматурга не приносятъ сборовъ. Вы, по здравому разуму полагаете иля въ театрѣ видѣть въ Ивановѣ г. Самойлова, или въ Полѣ г. Нильскаго, а на дѣлѣ выходитъ, что играютъ гг. Вороновъ, и Шемаевъ, ждете въ «Любимѣ» г. Васильева 2, а должны услаждаться г. Бурдиннымъ!

«Да чтоже вы все старую пѣсню поете, могутъ обратиться къ намъ читатели. Островскій, да постановка пьесъ Островскаго, а объ новомъ ничего не говорите».

«О чемъ же прикажете, милостивые государи? О «Новгородцахъ въ Ревелѣ?» Мы говоримъ съ вами о театрѣ; а не о маслянич-

ныхъ представленіяхъ на адмиралтейской площади... О произведеніяхъ г. Дьяченко? Мы не хотимъ

пу... пу... публику пѣнять.

А кстати, приводя часто этотъ взглядъ и вообще хоръ фантастическаго комитета, мы совсѣмъ и забыли спросить васъ, читали ли вы въ «Гудкѣ» весьма яловитыя и злыя, и — что очень рѣдко въ произведеніяхъ нашей обличительной литературы — вполне остроумныя сцены, въ которыхъ какой-то фантастическій Репертуаровъ испытываетъ всю тяжесть «благодѣтельной гласности» и сѣтуетъ о конечной гибели общественнаго и нравственнаго порядка, совокупно съ главами «общества умственнаго парализа»... Право, пригрыва сцены — и мы отъ души совѣтуемъ вамъ прочесть ихъ. Неизвѣстный авторъ выказалъ въ нихъ гораздо больше комическаго дарованія, чѣмъ всѣ привилегированныя драматурги Александринскаго театра, взятые вмѣстѣ, отъ г. Н. Потѣхина до г. Дьяченко включительно.

Животрепещущею, волнующею, даже сценическою новостью была въ послѣдніе дни комедія г. Ф. Устрялова: «Слово и дѣло». Театръ полонъ до сихъ поръ во всѣя представленія. Рукоплещутъ ей наисильнѣйшимъ образомъ и рукоплещетъ не та публика, которую пѣняетъ г. Дьяченко. Молодость ей рукоплещетъ, молодость, составляющая для насъ какъ и для всѣхъ порядочныхъ людей — предметъ любви и уваженія, несмотря на ея способность увлекаться или пожалуй за эту самую, святую способность увлекаться — благородная, искренно чувствующая и еще искреннѣе выражающая свои чувства, молодость.

Но она не самой комедіи рукоплещетъ, а задней мысли, которая подложена самимъ авторомъ или лучше современнымъ вѣяніемъ надъ комедіею — она видитъ въ ней поправку тургеневской якобы ошибки, изображеніе Базарова, отпоръ того, что называется нигилизмомъ.

Герой ея, Вертяевъ, впрочемъ потому только нигилистъ, что на вопросъ о томъ, чѣмъ онъ занимается и какихъ убѣжденій, отвѣчаетъ: «я мыло варю», какъ Базаровъ говоритъ: «я лягушекъ рѣжу». Другого нигилизма въ немъ нѣтъ никакого: напротивъ, онъ идеалистъ, да еще какой! Онъ ради дружбы таитъ въ себѣ сильную страсть къ дѣвушкѣ, которая сама его любитъ, ради дружбы жертвуетъ своей страстью, потомъ въ заключеніе, жертвуетъ этой страстью неизвѣстно чему-то. Другъ его умеръ, и умирая передалъ ему невѣсту. Невѣста влюблена въ него безъ памяти, имѣетъ состояніе, стало-быть не помѣшаетъ ему «мыло варить», и если еще не раз-

вилась до его нигилизма, то «рада стараться» и стало-быть тоже не может помѣшать ему въ жизненныхъ воззрѣніяхъ. Подозрѣваемъ, что авторъ недосказалъ одного весьма важнаго обстоятельства: не пошолъ ли нигилистъ его въ одинъ браконенавистный, до вольнаго мученичества раскольническій толкъ?

Но г. Самойловъ превосходно схватилъ манеры и тонъ тургеневскаго Базарова, и кукольная комедія не только нравится, — увлекаетъ. А все-таки о ней, какъ о ней самой, говорить не стоитъ. Литературно она — плоха, изъ рукъ вонъ, и едвали какой-либо изъ нашихъ журналовъ ее напечатаетъ, а это въ настоящую минуту, какъ хотите, единственное необманчивое мѣрило литературнаго достоинства драматическаго произведенья. Правда, «Отечественныя Записки» напечатали какъ-то комедію г. Н. Потѣхина, но и то вѣроятно не мало каялись. Хорошая вещь можетъ не даваться на сценѣ, чему мы видимъ множество примѣровъ, къ сожалѣнью, благодаря фантастическимъ и нефантастическимъ комитетамъ, но не можетъ не явиться въ которомъ либо изъ призванныхъ авторитетамъ, журналовъ, по той простой причинѣ, что хорошія вещи имъ самимъ нужны.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Французскія дѣла. — Итальянскія дѣла. —
Последнія извѣстія.

Общее положеніе.

За послѣдній мѣсяцъ важнѣйшее политическое событіе состоитъ въ томъ, что у Гарибальди изъ ноги вынули пулю, и такимъ образомъ его выздоровленіе сдѣлалось возможнымъ, даже вѣроятнымъ. Министерство Ратацца будетъ облегчено въ своей громадной ответственности передъ странюю по крайней-мѣрѣ въ томъ, что народный герой не умретъ вслѣдствіе аспромонтской раны, которая могла бы весьма худо кончиться. Смерть бывшаго диктатора легла бы на тѣхъ, кто приказалъ подстрѣлить чистѣйшаго представителя итальянской народности.

Во Франціи политическихъ событій никакихъ не было. За немѣніемъ новостей, газетчики пробавлялись обсуживавьшемъ греческихъ дѣлъ, да предположеніями о томъ, какъ встрѣтятся въ Компьени министръ финансовъ Фульль съ королемъ финансовъ Ротшильдомъ, и какъ они будутъ бесѣдовать въ присутствіи императора французовъ о благѣ финансовъ. Но за немѣніемъ событій политическихъ, есть двѣ-три черты нравовъ, въ которыхъ проявляются слѣдствія политическихъ вліяній, подъ которыми Франція находится въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ чертъ оказывается, что нынѣшнее поколѣніе французовъ служитъ исключительно денежнымъ интересамъ и дальше денегъ, и помимо денегъ ничего не видитъ и видѣть не хочетъ, и что всего плачевнѣе, кажется потеряло способность видѣть.

Если не въ самой Англіи, то для Англіи произошло важное по-

литическое событіе : валлійскій принцъ, наслѣдникъ великобританскаго престола, встрѣтился въ Килѣ съ своею нареченною невѣстой, дочерью датскаго короля Александрю-Каролиной-Маріей-Шарлоттой-Луизой. Говорятъ, что парламентъ будетъ созванъ въ началѣ или въ половинѣ января. Тогда обстоятельства оживятся и начнетъ по немвогу выступать наружу вся накопляющаяся въ вакаціонное время ложь.

Въ Пруссіи, послѣ распушенія палаты министерство стало въ ложное положеніе; оно нарушило конституцію, прикрываясь конституціонными оговорками; явилось противорѣчіе между дѣломъ и словами, и необходимо вывертываться посредствомъ изворотовъ, въ которыхъ тоже нѣтъ правды. Депутаціи, снаряженныя и подстроенныя вліятельными лицами, безпрестанно беспокоютъ короля своими выраженіями преданности и своими поздравленіями съ побѣдой надъ конституціей. Король милостиво припимаетъ ихъ. Рѣчи ихъ заранѣе извѣстны начальству. Церемонія происходитъ обыкновенно въ королевскомъ дворцѣ, и такъ-какъ наконецъ скучно становится принимать каждую депутацію порознь, то въ послѣднее время стали пригонять ихъ такъ, чтобы можно было отдѣлаться отъ нѣсколькихъ депутацій разомъ. До послѣдняго времени все шло прекрасно. Но вотъ въ одной изъ депутацій оказался очень честный и очень преданный королю нѣмецъ, который именно честностью своею и испортилъ все дѣло. Онъ попросилъ позволенія выразить королю свои чувства вѣрности и преданности и прибавилъ, что эти чувства раздѣляютъ съ нимъ всѣ до одного члены представляющей депутаціи. «Однакоже, сказалъ онъ въ добавокъ: — справедливость требуетъ замѣтить, что подписавшіе адреса составляютъ меньшинство довольно слабое, а страна вся вообще не раздѣляетъ мнѣній, выраженныхъ въ адресахъ. Стало-быть было бы разумно, въ интересахъ короля и страны, поискать средства ихъ помирить.» Остальные депутаты machten dazu ein dummes Gesicht, какъ говоритъ Гейне, и произошолъ между ними великій скандалъ. Но его величество извоилъ благоклонно выслушать чудака, и безъ его неумѣстной честности зная все это очень хорошо, милостиво поклонился оратору и началъ читать свой отвѣтъ.

Въ Австріи происходятъ попытки сближенія между правительствомъ и Венгріею, или какъ тамъ говорятъ, между имперіей и королевствомъ. Императорское правительство обнародовало для Венгріи прощеніе политическихъ преступленій и ожидало, что подобная мѣра будетъ встрѣчена съ восторгомъ, съ пышными изъ-

явленіями благодарности; но ожиданія не оправдались. Амнистія встрѣчена неблагодарнымъ населеніемъ какъ вѣчто должное, какъ возвратъ несомнѣнно принадлежащаго. Замѣтили даже, что императоръ австрійскій не былъ коронованъ въ качествѣ венгерскаго короля, а между тѣмъ прощеніе обнародовано отъ имени короля, что, стало-быть, не совсѣмъ такъ. Потомъ замѣтили даже, что прощенные политическія преступленія вовсе не считались бы преступленіями, если бы императору угодно было чистосердечно признать венгерскую конституцію во всемъ ея объемѣ, потому что прощены теперь только тѣ, которыхъ все преступленіе состояло въ вѣрности этой конституціи и въ томъ, что они отстаивали права, неоспоримо имъ принадлежащія въ силу конституціи. Стало-быть — не стоитъ благодарности, хотя надо правду сказать, что актъ амнистіи показываетъ, если не откровенное желаніе приблизиться къ конституціи, то по крайней-мѣрѣ кое-что объщающее въ будущемъ. Это уже много.

Въ Турціи тоже произошло замѣчательное политическое событіе. Въ теченіи шести мѣсяцевъ во второй уже разъ султанъ испытывалъ отеческія радости; на этотъ разъ третья супруга султана подарила ему принца, который названъ Махмудъ-Джемаль-Эдинъ. Въ теченіи трехъ дней всѣ батареи сухопутныя и морскія, по всему Босфору вплоть до Чернаго моря, и всѣ военные корабли произвели неутомкаемые салюты во время каждой изъ пяти ежедневныхъ молитвъ о здравіи и долголетіи новорожденнаго. Всѣ дома официальныхъ людей были надлежащимъ образомъ иллюминированы.

Въ Испаніи объявлено официально, что королева опять находится въ благословенныхъ обстоятельствахъ. Въ церквахъ произведены надлежащія моленія.

Въ Швеціи предложено было измѣненіе конституціи для подведенія шведской уставной грамоты къ одному знаменателю съ англійскою и прусскою; предложено было учредить вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ палатъ: дворянской, духовной, мѣщанской и крестьянской, только двѣ, — верхнюю и нижнюю съ сохраненіемъ нынѣшняго количества членовъ. Но члены всѣхъ четырехъ палатъ, даже дворянской, не согласились на перемѣну и предпочли остаться при нынѣшнихъ своихъ законахъ.

Въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ смѣненъ главнокомандующій Макъ-Клеланъ; оказывается, что онъ командовалъ сѣверными, свободными войсками и постоянно старался дѣйствовать такъ, чтобы какъ можно меньше нанести югу вреда, ни разу не воспользовался побѣдой, останавливался и не шолъ далѣе, когда всѣ

здатки успѣха были на его сторонѣ; а теперь, получивъ отставку, онъ открыто сталъ на сторону рабовладѣльцевъ и уже числится кандидатомъ на будущій выборъ въ президенты, на мѣсто Линкольна. Вотъ съ кого долженъ бы брать примѣръ достопочтенный членъ той депутаціи, который представляясь прусскому королю, не могъ удержаться, чтобы не сказать правды. Въ дѣлахъ политики и дипломатіи, правда никогда до добра не доводитъ.

Французскія дѣла

Мѣсяцъ тому назадъ мы рассказывали о поединкѣ, бывшемъ 22 октября, между молодымъ герцогомъ де-Кадеруссъ-Граммономъ и молодымъ сотрудникомъ журнала «Спортъ», г. Дильономъ, который тогда былъ заколотъ наповалъ. 18 ноября назначенъ былъ судъ. Въ отчетахъ о судѣ, какъ водится, газеты съ омерзительною игривостью рассказываютъ, что стеченіе публики было немнѣжное, благодаря имени и «общественному положенію» обвиняемыхъ, таланту ихъ защитниковъ, всеобщему сочувствію къ жертвѣ, и наконецъ благодаря самому свойству процесса, къ счастью исключительнаго. Обвиняемыхъ пятеро, именно убійца и четверо секундантовъ. Изъ обвинительнаго акта, составленнаго «со всѣмъ изяществомъ формы, на какое способенъ только нашъ (французскій) языкъ», явствуетъ, что Дильонъ родился въ Англіи, былъ старшимъ сыномъ протестантскаго священника англканской церкви и внукомъ «леди Аугусты Дильонъ, тетки нынѣшняго маркиза Кларикарда». Стало-быть Дильонъ былъ тоже не какой-нибудь чловѣкъ «средняго рода», какъ говорится у насъ, и ежели былъ сотрудникомъ журнала «Спортъ», то не по страсти къ стяжанію, а вслѣдствіе самаго пламеннаго призванія. Онъ всегда писалъ о скачкахъ, о лошадахъ, о большей или меньшей ловкости наѣздниковъ. Онъ обсуживалъ нѣкоторыя затрудненія, возникавшія по поводу скачекъ, и ни въ одной изъ своихъ статей не заходилъ за предѣлы дозволенной критики. Всего любопытнѣе поводъ къ началу ссоры между двумя противниками. Молодой герцогъ нехотѣлъ признавать за однимъ всадникомъ достоинства «джентльмена», сторону котораго держалъ Дильонъ. Потомъ г. Кадеруссъ обидѣлся нѣсколькими журнальными статьями, въ которыхъ мерещилось ему враждебное поддразниванье журналиста. Онъ послалъ редактору «Спорта» письмо, заключавшее въ себѣ оскорбительныя выраженія противъ Дильона, и требовалъ, чтобы редакторъ это письмо напечаталъ. Это

письмо было оскорбительно по формѣ своей, и заключало въ себѣ обидныя выраженія для Дильона; тамъ были нападки на его честность и его честь, и выраженія вообще недопускаемыя. Напримѣръ тамъ было сказано: «Г. Дильонъ не пропускаетъ никакого случая дѣлать замѣчанія, всегда неблагопріятныя, когда они касаются свѣтскихъ людей и всегда невѣрныя. Г. Дильонъ лучше всѣхъ знаетъ невѣрность того, что говорить.» Далѣе сказано: «Любопытно также, что г. Дильонъ считаетъ себя въ правѣ быть судьей въ названіи *джентльменъ*; но гдѣ же ему было научиться это узнавать?» Редакторъ «Спорта» не напечаталъ письма. Тогда г. де-Кадеруссъ послалъ это письмо въ какой-то брюссельскій журналъ; тамъ письмо напечатали, и экземпляръ журнала былъ доставленъ въ редакцію отъ имени молодого герцога. Нападеніе было прямое, обида кровная и сверхъ того публичная. Какъ? Что? Миѣ не знать, что такое джентльменъ? Я? да я... И пошелъ Дильонъ къ своему другу, полковнику де-Ноз, посоветоваться. Эти двѣ умныя головы рѣшили, что ежели молодой герцогъ не отречется публично отъ напечатанныхъ имъ словъ, то требовать удовлетворенія оружіемъ.

Г. де-Кадеруссъ не отрекся, и Дильонъ выбралъ себѣ секундантами полковника де-Ноз и отставнаго офицера де-Мюсси; съ своей стороны г. де-Кадеруссъ назначилъ г. Фитцъ-Джемса и г. Толона. Если были сдѣланы попытки примирить противниковъ, то онѣ весьма скоро оказались тщетными: оставалось только назначить часъ и мѣсто встрѣчи, и выбрать оружіе. Дильонъ не имѣлъ понятія о шпагѣ, никогда не держалъ въ рукахъ рапиры; его свидѣтели считали его обиженнымъ и требовали поединка на пистолетахъ. Но свидѣтели молодого герцога отказали на-отрѣзъ, утверждая, что обиженный — не Дильонъ, а г. де-Кадеруссъ, и выбрали оружіемъ шпагу. Напрасно де-Ноз представлялъ имъ, какъ тяжка для Дильона обида, напечатанная въ бельгійскомъ журналѣ, напрасно напоминалъ имъ, что Дильонъ неопытенъ, и никогда даже не бывалъ въ фехтовальномъ залѣ, тогда какъ его противникъ былъ хорошимъ фехтовальщикомъ и уже имѣлъ два поединка на шпагахъ. Секунданты герцога отвѣчали, что тѣмъ хуже для него; даемъ ему пять часовъ на размышленіе, и если онъ не рѣшится на шпагу, то мы объявляемъ, что онъ дрянъ, и заставимъ его выгнать изъ всѣхъ *турфовъ* на свѣтѣ. Дильонъ въ сосѣдней комнатѣ ожидалъ результата этой конференціи; ему тѣмъ нужнѣе было знать исходъ переговоровъ, что черезъ недѣлю назначена была его свадьба. Ему передали рѣчи секундантовъ и тогда онъ вскричалъ: «Миѣ нечего думать пять часовъ: они у меня хлѣбъ отнимутъ.»

Лучше смерть, нежели безчестье! Скажите имъ, что я принимаю шпагу.»

Встрѣча назначена была назавтра, 22 октября, въ сен-Жерменскомъ лѣсу. Полковникъ де-Ноз хотѣлъ дать своему другу хоть какое-нибудь понятіе о фехтованьи, и повезъ его къ учителю фехтованья, который и опредѣлилъ, что онъ вполнѣ неопытенъ въ дѣлѣ. На другой день произошла встрѣча. Дрались не болѣе двухъ секундъ; со второго раза Дильонъ былъ зарѣзанъ на-поваль.

Молодой герцогъ уѣхалъ въ Бельгію, но по требованію суда явился. Газеты съ большою заботливостью замѣчаютъ, что г. де-Кадеруссъ одѣтъ весьма элегантно въ черномъ фракѣ и въ свѣтлыхъ перчаткахъ сѣровато-перловаго цвѣта. Онъ сказалъ, что выбралъ шпагу, а не пистолетъ, очень просто потому, что онъ былъ вызванъ Дильономъ и имѣлъ право выбирать оружіе, а ежели что толкуютъ о его фехтовальномъ искусствѣ, то это пустяки; онъ взялъ всего только какой-нибудь десятокъ уроковъ, и ежели передъ тѣмъ дрался на дуэли, то все-таки до крайности неопытенъ. На вопросъ императорскаго прокурора, какъ же это случилось, что его поединокъ съ г. де-ла-Рокка продолжался весьма долго, обвиняемый сказалъ, будто до встрѣчи съ де-ла-Рокка онъ никогда не имѣлъ въ рукахъ шпаги, а дуэль продолжалась долго потому, что они во время боя семь разъ отдыхали.

Показаніе полковника де-Ноз, по мнѣнію газетъ, отличалось совершенно военною откровенностью. «Я не былъ знакомъ съ г. Дильономъ, разъ только встрѣтилъ я его на желѣзной дорогѣ. Когда я имѣлъ честь служить въ военной службѣ, то адресуйся ко мнѣ простой солдатъ съ просьбой быть его секундантомъ, я не могъ бы отказать. Дильонъ обратился ко мнѣ какъ журналистъ; я тоже журналистъ; онъ хотѣлъ меня взять секундантомъ. Я прочелъ статью герцога де-Кадерусса, и говорю Дильону: Вы знаете, что я военный. Принимая роль, которую вы мнѣ поручаете, я постараюсь вообразить себя на вашемъ мѣстѣ, а вы представьте себя на моемъ. Хотите вы отступить, или нѣтъ? Дильонъ сказалъ, что нѣтъ, не отступить. Ну и рѣшили, что будутъ драться. Дильонъ былъ силенъ въ пистолетѣ. Признаться, я предпочелъ бы это оружіе, потому что ежели Дильонъ очутился подъ моимъ покровительствомъ, то уже ему и слѣдовало убить или ранить г. де-Кадерусса. Однако тѣ пистолета не захотѣли. Дильонъ былъ не въ своей тарелкѣ. Я ему и говорю: «Да вѣдь вы, несчастный, не умѣете шпаги держать въ рукахъ; вы хотите драться на пистолетахъ; да это страшное оружіе, тогда какъ человекъ съ сердцемъ, шпагой можетъ защищаться противъ кого угодно.» Дильонъ и говоритъ: «Чтобы вы слѣ-

лади на моемъ мѣстѣ?» Я и говорю, что вѣдь я военный, а у насъ въ арміи на это есть свои правила. Дильонъ говоритъ: Полковникъ, говорите, не покидайте меня, я рѣшился на шпагу. Помолю я къ нимъ и объявилъ, что мы шпагу принимаемъ. И говорю: можноли мнѣ сводить Дильона къ фехтовальному учителю, такъ какъ онъ никогда не бралъ шпаги въ руки. Они и говорятъ, что пусть его учится сколько захочетъ до завтра. Тогда я повезъ его къ Понсу, фехтовальному учителю. Узнавши, что дѣло идетъ о дуэли, Понсъ мнѣ сказалъ, что, говоритъ, г. де-Кадеруссъ мой ученикъ, такъ мнѣ нельзя давать уроки его противнику. Поѣхали къ Гатшеру. Дильонъ взялъ урокъ у Гатшера—отца и два урока у Гатшера—сына. Гатшеръ, человекъ искусный, объяснилъ, что фехтованье въ залѣ и фехтованье на поединкѣ — разница, и доказалъ, что съ двумя, съ тремя уроками, Дильонъ могъ и долженъ былъ отлично убить г. де-Кадерусса. Гатшеръ научилъ, или старался научить Дильона, что такое тьерсъ и картъ, но бѣднякъ ничего не понималъ. Гатшеръ однако доказалъ ему, что лучше ему начинать съ тьерса, чѣмъ съ карта. Гатшеръ и говоритъ мнѣ передъ поединкомъ: «Вы, говорите, ѣдете, полковникъ; эти господа должны васъ уважать; поэтому вы постарайтесь поставить вашего господина въ тьерсъ, а если онъ станетъ въ картъ, то пропасть.» Я сказалъ, что постараюсь. Приѣхали мы въ сен-Жерменскій дѣсъ. Я говорю Дильону: Помните же уроки Гатшера; на мѣстѣ я вамъ слѣлаю знакъ, когда хорошо станете на линію. Въ самомъ дѣлѣ, я пристально смотрѣлъ на Дильона, по уговору. Можетъ быть я поступалъ не хорошо, но думаю себѣ: Чтоже? они ничего не видятъ, тѣмъ хуже для нихъ. И говорю Дильону: Помните же свое дѣло: начинайте съ тьерса, потомъ увернетесь; Кадеруссъ кинется на васъ и вы его посадите на шпагу, какъ на вертелъ куропатку. Сначала Дильонъ и послушался моего совѣта, но потомъ хотѣлъ парировать. Г. де-Кадеруссу стоило только протянуть руку, и Дильонъ упалъ мертвый. А вѣдь непременно хотѣлъ драться.»

Пропуская всѣ прочія показанія, замѣтимъ только, что императорскій прокуроръ напомнилъ о *правилахъ* поединка, по которымъ оскорбленный имѣетъ право выбирать оружіе. Адвокатъ обвиняемыхъ цитировалъ разныхъ авторовъ, писавшихъ о дуэли. Вотъ что говоритъ Гизо: «Французскіе нравы — рыцарскіе и аристократичные. Они замѣнили убійство поединкомъ. Когда совершенно покушеніе на честь мужчины или женщины, необходимо удовлетвореніе. Варвары мстятъ посредствомъ засады и убиваютъ изъ-за угла; у французовъ на это имѣется дуэль. Напрасно станете вы писать законы противъ поединка: люди съ сердцемъ будутъ надъ ними смѣяться.»

Вотъ что говорилъ Дюпенъ въ 1837 году: «Совѣсть присяжныхъ имѣеть тайны, которыхъ никто не можетъ проникнуть. Они отвѣчаютъ только передъ Богомъ и страню. Всегда такъ будетъ въ приговорахъ присяжныхъ, составленныхъ изъ почтенныхъ гражданъ, и когда они будутъ призваны къ произнесенію приговора вслѣдствіе поединка, всякій внесетъ въ приговоръ строгость, и въ тоже время осмотрительность. При этой системѣ все остается въ порядкѣ. Всякій фактъ, нарушившій нормальный ходъ общества, пресѣдуются. Отчетъ о поединкѣ, повлекшемъ за собою смерть или рану гражданина, является въ публику не черезъ газеты, всегда слишкомъ краснорѣчивыя по поводу всякаго рода поединка, но онъ проходитъ сквозь строгое разсмотрѣніе суда, сквозь судъ страны; даже въ случаѣ признанія невинности, покрайней-мѣрѣ воздается должное закону, нравственности и справедливости.»

Присяжные объявили, что ни убійца, ни его свидѣтели, ни свидѣтели Дильона не виноваты.

Но вопіющее безобразіе, мерзостная безнравственность всего дѣла кидается въ глаза. Чтобы герцогу де-Кадеруссъ-Граммону не стыдно было, если онъ убьетъ какого-нибудь челоуѣка средняго рода, услужливыя газеты отыскиваютъ у покойника бабушку, леди Аугусту Дильонъ, стало-быть убитый есть почти родной племянникъ нынѣшняго маркиза Кленрикарда. Далѣе — толкують люди о джентльменствѣ, лѣзутъ на рожонъ за джентльменство. Потомъ угоняриваясь касательно убійства, секунданты говорятъ, что *тѣмъ хуже* для Дильона, если онъ не учился рѣзаться, *тѣмъ хуже*, потому что онъ будетъ зарѣзанъ. Потомъ для бѣдняка Дильона, жившаго своимъ трудомъ, дѣйствительно нужно было быть членомъ разныхъ клубовъ, чтобы писать о скачкахъ; но сгоряча онъ смѣшалъ кусокъ хлѣба съ выборомъ между смертью и такъ-называемымъ безчестьемъ, если только безчестье — даже въ самомъ дѣлѣ не имѣть понятія о джентльменствѣ. Далѣе, убійца прямо, не краснѣя, жлохъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ, увѣряя будто онъ не имѣлъ понятія о шпагѣ, когда дрался съ г. де-ла-Рокка, и отдыхалъ семь разъ, тогда какъ вовсе не нужно глубокихъ познаній въ фехтованьѣ, чтобы понять всю нелѣдность этого. Кто можетъ семь разъ отдыхать, тотъ великій мастеръ убойнаго дѣла; безъ глубокихъ знаній по этой части, и съ обѣихъ сторонъ, въ самомъ дѣлѣ достаточно двухъ секундъ, чтобы наткнуться на шпагу, какъ куропатка на вертелъ. Но верхъ совершенства тутъ полковникъ де-Нов. Онъ не сдѣлалъ ни одного шагу, чтобы помирить противниковъ; напротивъ, онъ раздувалъ въ Дильонѣ желаніе драться, увѣряя его, что хоть онъ и не умѣетъ держать шпаги въ рукахъ, но челоуѣкъ

съ сердцемъ шпагою можетъ защищаться противъ кого угодно. Потомъ онъ же во время драки, когда все вниманіе человѣка должно быть всецѣло устремлено на конецъ шпаги своего противника, отвлекаетъ его какими-то знаками. Хорошъ тоже императорскій прокуроръ, который толкуетъ о законахъ поединка. Если въ судѣ можно толковать о законахъ такой вещи, какъ поединокъ, то уже держаться ихъ строго и преслѣдовать ихъ нарушеніе. Если въ самомъ дѣлѣ законъ въ этомъ случаѣ таковъ, что оружіе долженъ выбирать оскорбленный (и если оскорбленіе было), то молодой герцогъ есть обыкновенный убійца, но только гораздо хуже разбойника, который рѣшетъ по большимъ дорогамъ. И въ такомъ случаѣ поединокъ есть признанное установленіе съ опредѣленными законами. Оправдательный приговоръ произнесенъ присяжными именно вслѣдствіе того, что они несомнѣнно признаютъ поединокъ правильнымъ учрежденіемъ, но покривили душою ради того, что г. Кадеруссъ-Граммонъ все-таки, кто что ни говбри, а герцогъ, и потомъ ловкій адвокатъ напомнилъ имъ, что и по мнѣнію важнаго, суроваго Гизо, у французовъ нравы рыцарскіе и элегантные. Такъ какъ же не оправдать людей, которые убійствомъ доказываютъ и элегантность и рыцарство французскихъ нравовъ.

Но хорошо, пусть такъ, допустимъ рыцарство, допустимъ элегантность, допустимъ все это въ серьезномъ смыслѣ. Черезъ вѣдѣлю новый судъ: мать зарѣзаннаго Дальона требуетъ себѣ пожизненной пенсінъ отъ богача герцога, элегантно убившаго ея сына. Мать зарѣзаннаго, бѣдная вдова, старуха, промышлявшая кое-какъ уроками англійскаго языка и получавшая пособіе отъ сына, теряетъ уже и способность и возможность продолжать жить своими трудами. Ктоже ее поддержитъ? Казалось бы, что рыцарство и элегантность не стануть торговаться о грошахъ. Да, матушка, имѣлъ я несчастье убить твоего сына (элегантность требуетъ, чтобы убійца жалѣлъ о своей жертвѣ); судьба рыцарскаго педяка рѣшила такъ, что я сына у тебя отнял. Замѣнять его я не могу, такъ вотъ покрайней-мѣрѣ тѣ деньги, которыя онъ могъ тебѣ давать, только не ропщи на меня, что мнѣ привелось убить твоего сына по правиламъ элегантнаго рыцарства. Вотъ тебѣ на похороны моей жертвы, и вотъ половина моего состоянія.

Но вѣтъ. Только что рѣчь коснулась денегъ, выдачи, какъ пропали и элегантность и рыцарство. У меня денегъ вѣтъ, я самъ бѣдный человѣкъ, перебиваюсь кое-какъ, донь да ночь и сутки прочь, кругомъ долженъ. Нашлись даже искусные адвокаты, которые посредствомъ пышныхъ фразъ старались замать дѣло. Какъ? Неужели мать станетъ спекулировать кровью своего сына? Неужели

она рѣшается взять выкупъ за свое несчастіе и позволить утѣшить себя деньгами? Потеря сына, такая громадная, вознагражденная ничѣмъ потеря, что у насъ не хватитъ духу предложить ей какую бы то ни было сумму, какъ бы она велика или какъ бы мала ни была. Чтобы отстоять свои гроши, рыцарская элегантность не позволилась расконать частную, домашнюю жизнь покойнаго Дильона. Въ судѣ подробно вычислено было сколько зарабатывалъ Дильонъ, почему получалъ за статьи, какъ ему выдавалось двѣнадцать франковъ суточныхъ денегъ, кромѣ путевыхъ издержекъ, когда онъ долженъ былъ ѣхать куда-нибудь изъ Парижа на скачки; рассказали, что онъ велъ неправильную жизнь, что у него была незаконная связь, вывели невѣроятныя сплетни, увѣряли, будто онъ матери никогда ничего не давалъ, и потому она не можетъ ничего требовать. Ктому же ея горе такъ велико, потеря такъ громадна, что ее невозможно ни вознаградить, ни даже нѣсколько утѣшить какими бы то ни было деньгами. Да сверхъ того мы далеко не шлюзеры, хоть, правда, о насъ это и говорятъ; хоть мы, пожалуй, живемъ и несомнѣнно дурно, а прилично нашему званію, потому что некъ бы то ни было, герцогу нельзя же жить такъ, какъ жила покойный Дильонъ, хотя можетъ быть онъ и зарабатывалъ своими статьями около десяти или пятнадцати тысячъ франковъ. Если даже онъ и племянникъ какой-то (седьмая вола на кисель) вывѣщенному англійскому маркизу Кланрикарду, однако титулъ герцога для чести и для славы Франціи нельзя считать совершенно ничтожною вещью. Говорятъ еще, что у покойнаго остался сумасшедшій какой-то братъ, за котораго онъ будто бы платилъ въ домъ умалишенныхъ, такъ вѣдь мало ли чего! А деньги счетъ любить...

Но все это было бы не бѣда. Мало ли какія бываютъ рѣшенія судовъ и приговоры многообразныхъ инстанцій; но нельзя же въ нихъ винять все общество, нельзя дѣлать изъ нихъ никакого заключенія о цѣломъ обществѣ, когда имѣется хоть какой-нибудь протестъ. Но противъ оправдательнаго приговора убійцы, молодому герцогу, никто не протестовалъ ни въ какой формѣ, ни въ газетахъ, ни изустно, и все общество, напротивъ, замѣчательно-довольно и судомъ, и защитой, и свѣтлыми сѣровато-перловыми перчатками молодого герцога и даже тѣмъ, что онъ сначала бѣжалъ въ Бельгію, чтобы не сидѣть въ тюрьмѣ до суда, и уѣзжая объявилъ черезъ своего адвоката, что по первому требованію онъ будетъ въ распоряженіи суда. А по поводу другого процесса, по поводу иска вдовы Дильонъ, матери убитаго, замѣчается отвратительное молчаніе, по отношенію къ сущности дѣла (такъ какъ не-

чего и толковать, что деньги счетъ любить), и шестами только является глуповатый восторгъ передъ той или другой ловко вывернутой и въ самомъ дѣлѣ элегантною фразой адвоката. Само собою разумѣется, что отъ подобнаго общества съ такими наклонностями, съ такими воззрѣніями, Европа не будетъ ждать ничего до тѣхъ поръ, пока оно не слѣдуетъ надлежащихъ усилій, чтобы переродиться, отречься отъ условій, которыя привели его съ прежней высоты передоваго общества туда, куда за нимъ никто слѣдовать не захочетъ.

Чтоже касается до другой половины жизни французскаго народа, до *gloire militaire*, то дѣла идутъ прекрасно. Мексиканская экспедиція пополнилась, число войскъ доведено въ Мексикѣ до тридцати или тридцати-шести тысячъ человекъ, жаждущихъ бѣдъ, какъ доносятъ тамошніе начальники. Маленькія неприятности вроде урагана, растрепавшаго весь флотъ и погубившаго на какомъ-то разбитомъ кораблѣ сколько-то сотъ человекъ, вроде *comité*, отъ котораго перемерло тоже сколько-то сотъ, все это не считается. Главное дѣло въ томъ, что воинская слава гремитъ въ Америкѣ, какъ она прогремѣла недавно на поляхъ сѣверной Италіи и на равнинахъ Кохинхины. Какая польза для Франціи отъ всякъхъ потерь, страданій и смертей, никто разумѣется не думаетъ. Раздавался бы громъ побѣдъ, чувствовался бы въ воздухѣ пороховой дымъ, да были бы довольно благонадежны биржевые курсы, и «первый народъ въ мірѣ» совершенно счастливъ. Онъ не станетъ обращать вниманія на мелочи, которыя вездѣ, во всякой другой странѣ изумили бы все образованное общество; онъ будетъ смотрѣть какъ на обыкновенную мѣру дисциплины на обстоятельство, обозначающее вѣчто совершенно другое. На дняхъ объявленъ былъ строжайшій выговоръ начальства одному морскому лейтенанту зато, что онъ напечаталъ въ какомъ-то періодическомъ изданіи статью о кохинхинской экспедиціи «безъ разрѣшенія министра». Стало-быть рѣчь тутъ не о томъ, какъ онъ смотритъ на эту экспедицію: находитъ ли ее хорошою или дурною, находитъ ли онъ полезнымъ приобрѣтеніе новой колоніи для Франціи, которая никогда не умѣла колонизировать, или находитъ подобную трату людей и денегъ вовсе ненужною. Дѣло идетъ только о томъ, какъ человекъ, находясь на службѣ, рѣшился напечатать статью безъ разрѣшенія его превосходительства господина министра.

Но чѣмъ же наполняются, чѣмъ пробавляются горемычныя французскія газеты? Большею частью толкуютъ объ иностранныхъ дѣлахъ, сажаютъ королей на упрямый греческій престолъ, толкуютъ о томъ, что скоро земля сядетъ на луну и раздавитъ та-

кимъ образомъ все надѣи носы, то-есть разволать и размазываютъ предположеніе о томъ, какъ Италия примирится съ паней; а въ глѣдахъ внутренней политики серьезно обсуждаютъ вопросъ о томъ, что вотъ скоро Эццль де Журарданъ, придавшій столько блеску газетѣ «Пресса», снова будетъ принимать участіе въ редактированіи этой газеты, а что Constitutionnel ввѣршилъ свой политическій одѣлъ Огюсту Шерадье, депутату. «Въ движеніи нашего вѣка печать призвана къ великой роли; она можетъ поторопить наступленіе этой эры плодотворной свободы, которую призываетъ она дѣями своими желаніями, но это только съ условіемъ, чтобы она не была «смутнымъ антрактомъ», въ чемъ упрекаетъ ее г. де-Журарданъ, ни стремилась бы сдѣлаться «властью», какъ онъ помышляетъ того ей желаетъ. Пусть она управляетъ своею амініею въ истинѣ, въ добротѣ и въ прекрасномъ; пусть она будетъ суровымъ и жестокимъ провозвѣстникомъ истинныхъ и действительныхъ прогрессивныхъ идей; только такимъ образомъ она снова получитъ то вліяніе и ту власть, которая ослабѣла въ послѣднее время вслѣдствіе политическихъ и нравственныхъ безпорядковъ». Это говорить знаменитая газета «La France», офиціозный органъ правительства.

И французы читаютъ, дахваиваютъ. Вотъ чѣмъ должна быть печать! Это мы открыли, и честь этого открытія, какъ впрочемъ и все въ другихъ, принадлежатъ нашему отечеству, великой Франціи.

Итальянскія дѣла

Министерство подало въ отставку. До послѣдняго времени оно надѣялось, что король согласится распустить палату представителей народныхъ и восторжествуетъ политика покорности передъ волею императора Наполеона. Однако распустить не рѣшились. При нынѣшней волнени умовъ въ Италиі, распушеніе могло бы имѣть весьма вредное вліяніе, и результаты новыхъ выборовъ были бы весьма сомнительны. Теперь еще есть возможность управлять при содѣйствіи палаты, которая съ голоса Гарибальди сама провозгласила соединеніе Италиі въ одно королевство подъ синнетромъ Виктора Эмануила. Нынѣшняя палата и выбиралась подъ вліяніемъ всеобщаго восторга и мысли о соединеніи. Но теперь восторгъ охладился, иммановалъ, само министерство Ратацци позаботилось объ этомъ охлажденіи, водстрѣлавъ восторгъ при Аспромонтѣ. Но по крайней-мѣрѣ высшіе депутаты, если безъ ангуизма, то хотя

изъ одного желанія остаться вѣрными себѣ, будутъ крѣпко держаться мысли о единствѣ. А новая палата, выбранная подъ вліяніемъ безчисленнаго множества возбужденныхъ неудовольствій, можетъ уже далеко не такъ упорно слѣдовать этой мысли, даже, кто знаетъ? можетъ отнестись къ ней скептически; и тогда чтоже будетъ съ единствомъ?

Изъ нынѣшнихъ преній въ палатѣ итальянскихъ депутатовъ оказывается, что страна именно держится той программы, которой держался Гарибальди, что стало-быть при Аспрмонту министерство Ратацци одержало побѣду надъ страню. Но въ государствѣ съ правленіемъ представительнымъ, съ конституціей или уставною грамотой такое торжество не можетъ быть продолжительно. Надѣ, чтобы кто-нибудь уступилъ: или палата, которая можетъ быть вѣрнымъ представленіемъ страны, или министерство, которое можетъ быть въ противорѣчій со страню. На этотъ разъ уступило министерство. Для дѣла Италіи это несомнѣнно однако счастливо. Новое министерство при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ можетъ все-таки не имѣть ясно-опредѣленнаго характера, можетъ быть чисто только административнымъ, какъ и можно догадываться по вѣроятнымъ именамъ новаго министерства. Предсѣдателемъ министровъ будетъ, говорятъ, Пазомини, оны же и министръ иностранныхъ дѣлъ; финансы — Мингетти; внутреннія дѣла — Перуцца. Въ случаѣ обращенія къ странѣ, то-есть распущенія палаты и выбора новыхъ депутатовъ, г. Ратацци конечно удержаться бы не могъ, потому что если большинство палаты противъ него, то страна еще болѣе противъ, такъ какъ оны далеко не пользуется популярностью. Но зато новые выборы явнѣ нынѣшнихъ преній показали бы истинныя желанія страны, стремленія опредѣлялись бы гораздо точнѣе, стало-быть каждый шагъ будущаго министерства былъ бы тверже, устойчивѣе, каждое предпріятіе находило бы больше сочувствія.

Нѣкоторыя газеты стараются придать нето трогательный, нето величавый видъ положенію предсѣдателя министровъ, г. Ратацци, который борется одинъ противъ цѣлой палаты. Но если что тутъ трогательно, то ужъ конечно не положеніе президента, а страны, которая такъ долго была подъ управленіемъ человека, не понимавшаго истинныхъ ея потребностей, ея стремленій. Министерство виолнѣ заслужило упреки въ томъ, что не посоветовавшись съ палатой объявляло южныя провинціи въ осадномъ положеніи. Съ этимъ почти согласны и самые приверженцы министерства: Да и много ваюнилось за все время разныхъ промаховъ. Особенно невыгоденъ былъ для министерства арестъ въ Неаполѣ трехъ децу-

татовъ, Мордичи, Кольянино и Фабрици. Первый изъ нихъ сказалъ по этому поводу бластательную рѣчь.

— Миѣ весьма непріятно, сказалъ онъ : — говорить о вопросѣ личномъ, касающемся меня и моихъ достопочтенныхъ друзей Кальвимо, и Фабрици. Но дѣлать нечего. Постараюсь говорить спокойно, какъ слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ. Личнаго неудовольствія у меня нѣтъ; но все-таки дѣло далеко непріятное, потому что тутъ было поправо право. Миѣ не-трудно впрочемъ одолѣть свое негодованіе, потому что всякое наше несогласіе заграницей доставляетъ бодшее удовольствіе. Говорятъ, что Аспромонте было трауромъ для народа. Согласенъ; но главное, это было торжествомъ заграницей. Наше правительство стремится къ расширенію круга своей дѣятельности и въ оправданіе свое выставляетъ намъ примѣръ англійскаго парламента. Но ничего похожаго нѣтъ. Я изучаю исторію Англии и видѣлъ, что тамъ короли и министры подвергались суду и даже осужденію парламентавъ. Правительство въ Англии уважаетъ власть парламента. Но у насъ иначе: правительство живетъ произволомъ, и какъ только произволъ достигаетъ извѣстной степени, то яддутся возстанія. Пока наши конституціонныя вѣлности не будутъ обезпечены, всегда намъ будетъ грозить опасность. Бывшая пьемонтская палата представила множество примѣровъ мудрости и независимости. Напрямѣръ одинъ италіанецъ изъ старыхъ провинцій былъ изгнанъ, въ чужихъ земляхъ дрался противъ тираніи и вернулся въ Италію въ 1848 году. Послѣ паденія Рима, этотъ италіанецъ ушелъ изъ города цѣлъ и невредимъ и допробовалъ поднять провинціи средней Италіи. Но онъ долженъ былъ отказаться и направился къ городу Лагуна, гдѣ народъ еще сопротивлялся иностранцу. Непріятельскіе корабли на него напали и онъ, встрѣтивъ послѣдній вздохъ жены, наполь убѣжище въ сардинскихъ земляхъ. Этого человѣка звали, — нечего и говорить — Гарибальди. Его арестовали и свезли въ Генуу. Въ одномъ изъ засѣданій парламента прочитано было прошеніе гражданъ Кіавари, которые протестовали противъ ареста Гарибальди. Министерство утверждало, что Гарибальди долженъ быть изгнанъ изъ Италіи. Пренія были замѣчательныя; кончились они постановленіемъ, что арестъ Гарибальди и его изгнаніе противны всякимъ человѣческимъ правамъ. Въ 1862 году произошло арестъ трехъ депутатовъ. Не стану разбирать, было ли на это приказаніе министерства; это миѣ всеравно. Но такъ какъ министерство насъ не выпустило тотчасъ же, то значитъ оно приняло на себя и всю отвѣтственность, которая падаетъ на генерала ла-Мармора и его подчиненныхъ. Пора же наконецъ Италіи знать, что принципъ повиновенія не можетъ мѣ-

шать низшимъ агентамъ исполнить незаконныхъ предписаній: Не чего спрашивать, можно ли арестовать депутата иначе, какъ на томъ же мѣстѣ преступленія. (Тутъ ораторъ читаетъ во всеуслышаніе статью уставной грамоты о неприкосновенности депутатовъ). Но онъ и его два товарища жали ширно въ Неаполь. Онъ объявляетъ, что еслибъ у него тогда было оружіе, то онъ сталъ бы защищаться и примѣнилъ бы на дѣлѣ правило, что всякій можетъ защищаться противъ самоволія и насилія. Далѣе онъ доказываетъ примѣрами Англій и Франціи, что король ни подъ какими предлогами не имѣетъ права нарушать или отнимать конституціонныя вольности. Когда еще не было единой Италіи; а былъ только Пьемонтъ, въ 1852 году объявлено было осадное положеніе въ городѣ Сассари. Палата возстала. Произошли бурныя пренія. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Первати выстъ съ г. Ратацца утверждалъ, что осадное положеніе прекращаетъ всѣ конституціонныя вольности. То было еще въ Пьемонтѣ. Но Италія, соединясь, искала увеличенія, а не ограниченія своихъ вольностей. Къ тому же въ южныхъ провинціяхъ исполнительная власть была достаточно вооружена, такъ что не имѣла надобности нарушать конституцію, что всегда ведетъ къ вѣрному разоренію. Государственный человѣкъ, принявшій большое участіе въ объявленіи осаднаго положенія Сассари, именно Кабуръ, всегда отталкивалъ мысль объ осадномъ положеніи южныхъ провинцій и на смертномъ одрѣ своемъ завѣщала странѣ — не прибѣгать къ осадному положенію. Общественное мнѣніе страны требуетъ, чтобы министерство, которое такъ нарушило конституцію, удалилось, тѣмъ болѣе, что оно имѣло несчастіе написать на своемъ знамени съ одной стороны Аспромонте, а съ другой послѣдній унижительный циркуляръ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Мы всѣ недавно были въ соприкосновеніи съ избирателями, а знаемъ очень хорошо, что приливъ негодованія противъ министерства поднимается и возрастаетъ со дня на день. Что сказать о героической Ломбардіи, гдѣ оно не сумѣло найти ни одного приверженца? Что сказать о благородной Тосканіи? Что сказать о южныхъ провинціяхъ, о несчастномъ ихъ положеніи? Всѣ вольности тамъ попораны, аресты происходятъ цѣлыми толпами, приговоры провозносятся безъ суда... Развѣ такимъ образомъ они имѣрены сдѣлать Италію свободною? Никто въ Италіи не доволенъ, министерство не имѣетъ нравственной силы, страна потеряла бодрость, грозитъ со всѣхъ сторонъ безначаліе... У Италіи осталась одна только надежда, именно на парламентъ. Италія ждетъ отъ парламента акта, который возстановилъ бы его значеніе, отомстилъ бы попоранный законъ; она ждетъ слова жизни или смерти.

Свою горячую рѣчь произнесъ депутатъ Никотера. Онъ доказывалъ, что министерство Ратации нестѣпаетъ иной разъ хуже бурбонскаго правительства. Въ южныхъ провинціяхъ такъ необходимо возвысить нравственность народа, а правительство даетъ примѣръ безнравственности. Чтобы прекратить предѣлки камеристовъ, задерживаютъ мелкія ворюшекъ, а предводителей ихъ даютъ орденна и доходныя мѣста. Г. Никотера предлагалъ привести факты въ доказательство своего слова. Гг. Ратации и Депретисъ, когда надо было разогнать немолитенскихъ судей, навдвали справки, требовали доказательствъ; а когда дѣло идетъ о гарибальдійцахъ, несколько не стѣняются: сажаютъ ихъ въ тюрьмы, наравнѣ съ камиристанами. И насидѣя этихъ не ограничиваются. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ Кантатти нельзя было посадить сивдика, преданнаго Гарибальди; тотъ засадили его отца, семидесяти-пятилѣтняго старика. Въ Ното редакторъ журнала печатаетъ статью противъ министерства: его сажаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ черезъ двѣ недѣли начинаетъ харкать кровью. Въ другомъ мѣстѣ человекъ выстрѣлялъ изъ ружья, но тутъ же слышалъ, что приближается войско, и ушелъ къ своему пріятелю; тотъ старается успокоить его, говоритъ, что стоитъ только показатъ убитую имъ ятацу. Подходить войско, человека арестуютъ и тутъ же разстрѣливаютъ. Когда поймалъ дезертира, то кажется его слѣдуетъ судить военнымъ судомъ прежде нежели разстрѣлять. Однажды въ Фантинѣ являются семь человекъ одѣтыхъ гарибальдійцами. Командиръ поста принимаетъ ихъ за дезертировъ и приказываетъ разстрѣлять. Напрасно несчастныя увѣряютъ, что они вовсе не бѣглецы: ничего не помогло, разстрѣляли, а послѣ ужъ узнали, что между ними дѣйствительно дезертировъ было только двое, а остальные пятеро пошли на тотъ свѣтъ такъ, въ придачу. А прокламація генерала Чіальдини — что это такое? Любопытство какое-то, приказъ, достойный Тамерлана. Это было нарушеніемъ конституціи, закона. Приказъ Чіальдини — анахронизмъ, которому потомство не повѣритъ. Виноваты ли были гарибальдійцы?.. Если Гарибальди былъ виновенъ, то слѣдовало его казнить, если ужъ не принимать въ соображеніе его услуги. При Аспромонте слѣдовало просто окружить его позицію, а не прямо кинуться на него съ ружейными выстрѣлами. Какъ можно было затѣвать битву съ людьми, которые не хотѣли драться? Миѣ хотѣлось бы сообщить вамъ приказаніе, данное миѣ генераломъ въ доказательство того, что Гарибальди и не думалъ драться. Хотѣли только раздавить, подстрѣлить человека; ну, и подстрѣлили. Героя, который далъ Италіи два королевства, преслѣдовали какъ какого заира, за что генералъ Чіальдини требуетъ награды тѣмъ, кто по-

билъ Гарибальди, тогда какъ намъ слѣдуетъ требовать объясненія министерства и суда надъ нимъ. Пусть судить его хоть сонать, какъ г. Девретисъ хотѣлъ, чтобы судилъ Гарибальди.

При этихъ словахъ г. Ратацци, сидя на своемъ мѣстѣ, качаетъ, а г. Девретисъ утверждаетъ, что онъ не признаетъ провѣи на основаніи сарказмовъ и личностей. Въ залѣ слышался ропотъ.

Это все явленія многозначительныя, показывающія, куда идетъ Италия. Само собою разумеется, что палата имѣетъ политическое право предать министерство суду; но вышшія палата этого не сдѣлаетъ, не рѣшится сдѣлать, и г. Ратацци имѣетъ все основаніе хотѣть, спокойно сидя на своемъ мѣстѣ, а другой министръ, г. Девретисъ, имѣетъ поводъ называть сарказмовъ и личностей вопль оскорбленной и униженной страны. Поэтому нельзя не отдать справедливости глубокой провѣдательности короля, который не хотѣлъ распустить палату. Нынѣшніе депутаты избраны тогда, когда страна не была еще оскорблена министерствомъ, арестовавшимся передъ тюльерійскимъ кабинетомъ; новые депутаты съ болѣе опредѣленнымъ взглядомъ, могли бы надѣлать министру большаго хлопотъ, и суда бы ему не миновать.

26 ноября г. Ратацци говорилъ свою оправдательную рѣчь. Онъ говорилъ холодно, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрительности, и какъ слѣдовало ожидать, остался вѣренъ самому себѣ в той политикѣ, которой онъ слѣдовалъ: торжество канцелярскаго порядка и вѣрность императору французовъ. А мы знаемъ очень хорошо, кака разниа между канцелярскимъ порядкомъ и истоящимъ, истаяннымъ. По канцелярскому порядку слѣдовало арестовать въ Неаполѣ трехъ депутатовъ, тогда какъ это страшный безпорядокъ, вопроитное злоупотребленіе власти. Въ Палермо, къ генералу Ламармора была послана депеша такого рода: «Обратите вниманіе на то, что Мордини, Кальвино и Фабрици поѣхали поднимать населеніа. Сдѣланъ былъ намекъ на то, что они хотятъ поднять Неаполъ. Мордини съ товарищами поѣхалъ въ Сицилію въ видахъ примирительныхъ, потомучто они были избраны въ Сицилію и каждый служить представителемъ своего округа. Въ минуту опасности имъ хотѣлось быть среди своихъ избирателей, чтобы имѣть на нихъ благотѣльное вліяніе. Но они скоро оттуда уѣхали, почти вслѣдъ затѣмъ, какъ объявлено было осадное положеніе, потомучто примирительному голосу нечего дѣлать тамъ, гдѣ свернаетъ сабя, гдѣ гремятъ ружейныя выстрѣлы. Арестованіе депутатовъ народныхъ представителей, которыхъ личность неприкосновенна (примѣ случаевъ захвата на мѣстѣ преступленія) есть

одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ, слѣдственныхъ министерствомъ въ послѣднее время. Палата должна была бы преслѣдовать эту ошибку и строго за нее взыскать, если она не хочетъ состоять въ вѣрноподданномъ состояніи при министерствѣ. Другая, еще болѣе важная ошибка — Аспромонте. Гарibaldi во всякомъ случаѣ есть великій элементъ громадной силы, какъ центръ; фокусъ народнаго движенія. Дѣлать себя добровольно такой силы — хуже нежели ошибка. Послѣ аспромонтскаго дѣла реакція смѣло подняла голову: Франція стала обращаться съ Италіей презрительно, Австрія пошла возможнымъ распустить часть своего войска. Оно и понятно: съ потерей дѣятельности Гарibaldi, у Италіи пренала значительная, едва ли не бѣлая доля силы.

Въ рѣчи депутата Петручелли, сказанной 28 ноября, уже и видны печальныя слѣдствія этихъ ошибокъ. Петручелли предложилъ созвать слѣдующее законодательное собраніе уже не въ Туринѣ, а въ Неаполѣ. Начинается значить соперничество различныхъ итальянскихъ столицъ. Дошелъ онъ до этого предложенія, разбирая французскую политику въ Италіи. Франція, сказалъ онъ, всегда была для Италіи причиною великаго горя: она убила республику въ Римѣ, она послала Талейрана въ Вѣну. Когда Наполеонъ на островѣ св. Елены говорилъ, что онъ хотѣлъ единства Италіи, то онъ говорилъ неправду. Наполеонъ III началъ со свободы и смѣло пошелъ къ деспотизму; Италія, напротивъ, идетъ отъ деспотизма къ свободѣ. Отъ этого между ними никакъ не можетъ быть согласія. Императоръ слишкомъ уменъ, чтобы быть католикомъ или реакціонеромъ. Онъ держится политики чисто-династической. Съ одной стороны ему говорятъ: если хотите обезпечить свою династію, то дайте свободу. Съ другой стороны его страшатъ: опирайтесь на партію легитимистскую, охранительную; всякая отдѣланная вами уступка обратится противъ васъ. Понятно, что онъ охотѣе склонится ко второму совѣту, и потому не можетъ быть другомъ Италіи, и потому надо наконецъ прекратить союзъ съ нимъ. Пора Италіи начать двигаться на своей собственной оси. Французская дипломатія хочетъ заставить Европу повѣрить, будто она хочетъ помириться съ своими недавними, посредствомъ такихъ или другихъ уступокъ; но это неправда. Между папой, народомъ римскимъ и французами невозможно никакое примиреніе. Пятнадцать или двадцать тысячъ римлянъ находятся въ изгнаніи, а римскія тюрьмы полнехоньки. Какая тутъ надежда на примиреніе? До-сихъ-поръ римскій вопросъ былъ веденъ совершенно дурно. Вы просили Францію позволенія вступить вмѣстѣ съ вами въ Римъ. Вамъ отвѣчали: Нѣтъ. Мы не-примемъ никакого пра-

на требовать Рима, точно такъ же наиримѣръ какъ Франція не можетъ требовать Бельгiи. Но пусть она только оставитъ Римъ, а этого уже будетъ совершенно довольно. За тѣмъ, если папа сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки и римляне будутъ довольны — намъ нечего больше дѣлать. Но если они будутъ протестовать, если протестъ явится на площадяхъ, тогда мы имѣемъ право вмешаться точно такъ же, какъ Франція вмешалась въ пользу угнетенныхъ христіанъ въ Турціи. Развѣ римляне менѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ турецкіе христіане?

Какъ бы то ни было, министерство не дождалось подачи голоса и вышло въ отставку, оставляя своимъ преемникамъ дѣла гораздо болѣе запутанныя, нежели приняло ихъ само. Отношенія съ Франціей становятся болѣе и болѣе натянутыми, южныя и среднія провинціи всѣ недовольны, въ южныхъ провинціяхъ шайки разбойниковъ образовали правильныя общества и имѣютъ своихъ агентовъ по городамъ, чуть не во всѣхъ классахъ общества; несмотря на недавній заемъ, финансы такъ разстроены, что въ самомъ непродолжительномъ времени предвидится новый заемъ въ 500 милліоновъ; огромное количество казенныхъ имѣній распродано и наконецъ величайшая сила Италіи, та сила, на которую всегда можно было надѣяться въ случаѣ крайней бѣды, Гарibaldi, лежитъ больной. Что-то будетъ съ бѣдлею Италіей?

Последнія извѣстія

На дняхъ будутъ въ Греціи выборы короля. Кандидатовъ, какъ извѣстно, множество. Въ последнее время особенно сталъ выдвигаться посредствомъ своихъ агентовъ принцъ Альфредъ, второй сынъ королевы Викторiи, родившійся въ августѣ 1844 года. Россія и Франція объявили, что исполняя въ точности постановленія трактатовъ, ояѣ не будутъ ни поддерживать, ни даже имѣть своихъ кандидатовъ. Говорятъ, что англійское правительство объявило, будто оно никогда не согласится на избраніе принца Альфреда въ греческіе короли. Говорятъ въ тоже время, что греки все-таки выберутъ этого принца, надѣясь, что тогда Англія согласится признать выборъ.

Въ курфюршествѣ Гессенскомъ, дѣла котораго такъ благополучно разыгрались нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ посредствомъ прусскаго вмѣшательства, курфюрстъ возвратился къ своей прежней системѣ, распустилъ налату, уволилъ министерство и намеревался управлять на старыхъ, абсолютныхъ основаніяхъ. Но прус-

ское правительство послало курфирсту энергическую ноту съ требованіями немедленно привести все въ надлежащій конституціонный порядокъ. На это курфирстъ имѣлъ бы полнѣйшее право отвѣчать: Врачу, изцѣлися самъ! Гессенское правительство никогда такъ не поступало съ своей конституціей, какъ въ послѣднее время это произошло въ Пруссіи.

ТЕМНЫЕ СЛУХИ

ПО ПОВОДУ «ОТВЫВА ИЗЪ КИЕВА» (Совр. Лѣт. № 46)

Земля наша, какъ извѣстно, покрыта густымъ мракомъ. Въ ней нѣтъ или почти нѣтъ ничего такого, что бы было освѣщено вполне ярко, вполне дневнымъ свѣтомъ, и что бы по этому можно было совершенно ясно видѣть и рассмотреть. Всѣ предметы и событія больше или меньше облечены сумракомъ. Между тѣмъ видѣть намъ непремѣнно хочется и даже совершенно необходимо, — иначе можно свалиться въ яму или выколоть себѣ глазъ. И вотъ мы всячески тарачимъ глаза, чтобы увидать, что вокругъ насъ дѣлается. Но извѣстно, какъ дѣйствуютъ сумерки на зрѣніе: очертанія предметовъ становятся неопредѣленными, разстоянія и размѣры путаются; маленькое кажется большимъ, далекое близкимъ. Наконецъ являются призраки, порождаемые усталостью нервовъ, и въ неподвижныхъ предметахъ чуются несуществующія движенія. Вся эта неопредѣленность, эта невозможность ясно видѣть свое положеніе, порождаетъ *ночные страхи*. Невольно являются передъ нами воображаемая опасность; опасности дѣйствительныя принимаютъ чудовищныя, преувеличенныя формы; мы не узнаемъ ни своихъ друзей, ни враговъ; мы начинаемъ наконецъ считать все враждебнымъ и опаснымъ. Въ настоящее время существованіе такихъ фальшивыхъ страховъ и опасеній не подлежитъ сомнѣнію. Они должны исчезнуть точно такъ, какъ исчезаютъ всякіе ночные страхи, — съ первымъ лучомъ солнца.

Но этого еще мало. Не видя въ потемкахъ ничего, кромѣ развѣ ближайшихъ предметовъ, мы однакоже непремѣнно стараемся составить себѣ понятіе о томъ, что закрывается отъ насъ мракомъ. Мы стараемся воспользоваться другимъ чувствомъ и начинаемъ прислушиваться. Чего мы не можемъ вѣрно узнать, увидѣть собственными глазами, о томъ мы начинаемъ судить *по слухамъ*. Русская

земля питается слухами и порождаетъ ихъ въ страшномъ изобиліи. А слухи — извѣстно что такое слухи. Они изъ мухи дѣлаютъ слона. Они не оставляютъ безъ искаженія ни одного факта, ни одной черты. А между тѣмъ чтоже дѣлать? Мысль требуетъ пищи, душа ищетъ чему отозваться, и вотъ безчисленныя нити слуховъ протягиваются со всѣхъ сторонъ. Тысячи извѣстій повторяются, передаются, и хотя каждый почти навѣрное знаетъ, что въ нихъ есть большая доля лжи и очень малая правды, — никто однакоже не въ силахъ отказаться отъ участія въ толкахъ. Всѣ вѣдь люди, всѣ человѣки.

Читатели помнятъ конечно нелѣпныя толки, которые были возбуждены петербургскими пожарами. Въ воздухѣ носились обвиненія на какихъ-то молодыхъ людей; простой народъ прямо обвинялъ студентовъ. Вся исторія виѣстѣ взятая надѣлала много шума, тогда какъ дѣло въ сущности совершенно обыкновенное. И впервыхъ — пора бы намъ кажется привыкнуть къ пожарамъ и поджогамъ; кто ихъ не помнитъ на своемъ вѣку? кто не знакомъ со всѣми частными признаками этого явленія? Каждый русскій долженъ бы кажется знать ихъ съ малыхъ лѣтъ. Извѣстно, что пожары у насъ часто бываютъ полосой, пожаръ за пожаромъ; извѣстно, что имъ въ одно время даже подвергается городъ за городомъ; извѣстно, что такіе пожары приписываются, и конечно не безъ основанія, умышленнымъ поджогамъ; извѣстно, что при этомъ ходятъ слухи о подкинутыхъ запискахъ, угрожающихъ новыми пожарами; извѣстно, что жителями овладѣваетъ жестокій страхъ; извѣстно, что въ народѣ начинаютъ ходить слухи о поджигателяхъ, и обвиненія падаютъ обыкновенно на тѣхъ, кого можно подозревать въ недовольствѣ, очень обыкновенно — на ссыльныхъ поляковъ, въ на стоящемъ случаѣ на студентовъ, такъ какъ въ это время извѣстныя событія довели до закрытія университета. И такъ все было такъ, какъ и всегда бывало; но бѣдствіе, которое мы терпѣли столько разъ, очевидно до сихъ поръ не научило насъ ничему; мы не понимаемъ его попрежнему и попрежнему къ нему относимся.

Въ то время нѣкоторые рѣшились заявить печатно о существованіи тѣхъ толковъ, которые мы упомянули; за такое заявленіе они подверглись жестокимъ упрекамъ со стороны другихъ. Странное дѣло! Еслибы кто даже вполне вѣрилъ слухамъ, сильно ходившимъ въ обществѣ и высказывалъ печатно свою увѣренность, то и тогда едвали бы можно было поставить ему это въ вину. Литература есть впервыхъ отголосокъ общества, а уже вовторыхъ его наставница. И будтобы умышленное умолчаніе, основанное на соглашеніи литературы, на ея внутренней цензурѣ — могло бы помочь дѣлу?

Молчаніе есть во всякомъ случаѣ мракъ; оно ничего не исправляетъ и только даетъ злу расти втихомолку.

Какимъ образомъ можно обвинять то или другое частное лицо за то, что оно повѣрило извѣстнымъ толкамъ, увлеклось ими и не удержалось отъ того, чтобы не высказать своего волненія? Обвиняйте лучше настроеніе цѣлаго общества. Нелѣпные слухи, хотя бы и печатные ничего не значатъ, если воззрѣнія общества твердо сложились, если въ немъ есть опредѣленные, основательные взгляды на вещи. А у насъ развѣ существуетъ что-нибудь подобное? Распустили дикій слухъ; но развѣ мы не привыкли слышать ихъ каждый день? Такой-то ему повѣрилъ; но развѣ каждому не случилось на минуту повѣрить иногда невѣроятнѣйшимъ вещамъ? Развѣ есть что-нибудь столь нелѣпное, чтобы у насъ не нашлось людей, которые тому повѣрятъ? Развѣ есть твердая точка опоры, на которую бы мы могли опираться въ своихъ сужденіяхъ? Развѣ мы привыкли къ нормальнымъ проявленіямъ жизни, развѣ умѣемъ ихъ понимать?

Все это сводится къ одному — свѣта, больше свѣта и тогда исчезнуть всѣ эти призраки, порождаемые тьмою. Пока мы въ сумеркахъ, до тѣхъ поръ мы будемъ волноваться, создавать мнимыя опасности и кричать со страху. Только свѣтъ успокоиваетъ, даетъ ясно видѣть дорогу, даетъ возможность совершать правильную работу.

Предъидущія размышленія и воспоминанія пришли намъ въ голову по поводу статьи «Отзывъ изъ Кіева», напечатанной въ № 46 «Современной Литовисы Русскаго Вѣстника». Это въ высшей степени любопытное заявленіе указываетъ на какую-то внутреннюю жизнь, на тайную борьбу, о которой мы не имѣемъ никакого яснаго понятія. Что-то случилось, что-то движется, слышенъ отрывочный, тяжелый стонъ, — но въ темнотѣ ничего яснаго разобрать нельзя. Этотъ *отзывъ* представляетъ жалобу, приносимую извѣстными лицами общественному мнѣнію. Подъ нею подписано двадцать-одно имя и вѣроятно готовы подписаться многіе другіе ('). Подписавшіеся — малоросы и причисляютъ себя къ *молодому поколѣнію*. Они жалуются на «гнетъ незаслуженныхъ упрековъ», на «несправедливые обвиненія», на «подозрѣнія, сплетни и ложные анекдоты», на

(') Вотъ эти имена: Владиміръ Антоновичъ, Павелъ Чубинскій, Константинъ Солонина, Ал. Стояновъ, Михайло Милашенко, Аптонъ Тищенко, Евгенийъ Синегубъ, Иванъ Нечипоренко, Павелъ Житецкій, Викторъ Торскій, Дмитрій Богдановъ, Фаддей Рыльскій, Николай Синегубъ, Петръ Супруненко, Владиміръ Синегубъ, Александръ Лашкевичъ, Федоръ Горячковскій, Андрей Стефановичъ, Иванъ Касляенко.

«слухи», на то, что «ихъ гонять и преслѣдуютъ общественнымъ мнѣніемъ (я по временамъ и фактически)», что они «на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ слѣпое озлобленіе, ложь и угрозы».

Вотъ неожиданное открытіе! Слухи, о которыхъ никто не зналъ, которые ничѣмъ не были заявлены, родились и плодятся во тьмѣ до того, что стали наконецъ невыносимы для тѣхъ, кого они касались. Толки и клеветы усилились, какъ видно, до страшной степени, прежде чѣмъ возможно было какое-нибудь ихъ разъясненіе и опроверженіе. Молодые люди рѣшились наконецъ сами вывести на свѣтъ эту темную силу, которая ихъ давитъ, и подробно перечисляютъ взводимыя на нихъ обвиненія. Они обвиняются (по ихъ указанію обвиненія исходятъ преимущественно изъ «мало-развитаго, провинціальнаго дворянства обоихъ береговъ Днѣпра») въ слѣдующемъ :

1) Что они держатся мнѣній «молодой Россіи», то-есть отвергаютъ «религію, семейныя связи, право собственности» и признаютъ справедливыми и нужными «самыя яркія революціонныя средства».

2) Что они «стараятся препятствовать принатію крестьянами уставныхъ грамотъ, да и не прочь были бы отъ возбужденія ихъ къ рѣзнямъ».

3) Что они стремятся къ «государственному сепаритизму».

Таковы страшныя обвиненія, ходящія по обоимъ берегамъ Днѣпра и заявленныя на этотъ разъ не обвинителями, а самими обвиненными. Понятно, какой сильный внутренній разладъ они должны производить въ обществѣ. Невольно думаешь, чтоже дѣлается въ другихъ мѣстахъ? Не ходятъ ли эти самыя слухи, или тысячи другихъ подобныхъ по другимъ берегамъ? Не гнетутъ ли они многихъ другихъ? Не возбуждаютъ ли взаимнаго страха, ненависти и подозрѣній? Не внушаютъ ли они положенія дѣла до того, что самыя твердые колеблются, самыя проникательныя теряются?

Какъ видно изъ «Отзыва» страшные приднѣпровскіе призраки есть чистый обманъ чувствъ. Обвиненные смѣло вызываютъ своихъ темныхъ обвинителей:

«Мы объявляемъ, говорятъ они, кто мы: пусть это сдѣлаютъ и наши обвинители, если они хотятъ дать нравственный вѣсъ своимъ обвиненіямъ».

«Разрѣшимъ споръ честнымъ образомъ: если мы дѣйствительно злодѣи, если мы затѣваемъ рѣзню, разбой, грабежъ и т. д. то избличите насъ, радъ-бога! избличите гласно и подробно, съ указаніемъ лицъ и мѣстъ, съ обозначеніемъ времени и обстоятельствъ. Пусть опала законная и промлатіе общества заклеймятъ наши преступленія.»

Но обвиняемые вполне увѣрены, что обвинители «никогда своего желанія не въ состоянїи будутъ представить малѣйшее фактическое указаніе» для подтвержденія своихъ обвиненій.

Чтобы уничтожить всякую мысль о тайныхъ и умышленно-скрытвасмыхъ замыслахъ, обвиненные дѣлаютъ еще больше, именно: открыто заявляютъ свои убѣжденія, слѣдовательно совершаютъ торжественный актъ, при которомъ ложь есть несмыслимое безчестіе. Чтобы разрушить обвиненія, которыя на нихъ возводятся, они объявляютъ слѣдующее.

1) «Религію, семейную нравственность и право собственности мы считаемъ неотъемлемымъ народнымъ достояніемъ; посягательство на эти начала считаемъ вреднымъ для народа и истекающимъ изъ сектаторскаго эгоизма въ противность народному духу и народной волѣ.»

«Неменѣе вредными для нашего народа считаемъ проповѣдуемыя Молодою Россією революціонныя средства, какъ препятствующія всякому колонизаторскому спокойному труду общества, какъ влекущія за собою жертвы, тратящія силы и дарованія среди фронтдерскихъ увлеченій, вмѣсто того, чтобы принимать ихъ къ честному и плодотворному труду.»

2) «Никто больше насъ не жаждетъ успѣшнаго хода уставныхъ грамотъ, такъ какъ принятіе ихъ, по нашему мнѣнію, будетъ первымъ шагомъ къ гражданскому развитію народа; никто больше не сострадаетъ надъ тѣмъ печальнымъ недоумѣніемъ, которое заставляетъ крестьянъ, опираясь на ложныя надежды, подвергаться вмѣшательству административному и военному и вынуждать насильственныя мѣры.»

3) «Если насъ упрекаютъ въ сепаратизмѣ, или покрайней-мѣрѣ въ желаніи сепаратизма государственнаго, то мы объявляемъ, что это самая нечѣтная и самая наивная клевета. Никто вѣдь изъ насъ не только не говоритъ и не помышляетъ о политикѣ, но всякое политическое стремленіе, при настоящемъ состоянїи общества до того смѣшно и ребячески-наивно въ нашихъ глазахъ, что серьезно даже считаемъ лишнимъ возражать на этотъ упрекъ. Да и въ самомъ дѣлѣ послѣдовательно ли было бы съ нашей стороны привлекать къ народу политическія идеи, когда всякій намекъ на политику (мы судимъ по вичатлѣнїю польской пропаганды) устраняется смысломъ и совѣстью народа, когда всѣ симпатїи его обращены въ ту сторону, откуда пришло къ нему избавленіе отъ работы египетской? «Нашъ народъ, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — вѣритъ въ своего освободителя, и съ его именемъ соединяетъ всѣ свои понятія о высшей правдѣ.»

Неменѣе ясно и опредѣленно лица, подписавшія отзывъ, объявляютъ и то, чего они хотятъ, чѣмъ они руководились и будутъ руководиться въ той своей дѣятельности, которая подала поводъ къ клеветамъ и обвиненіямъ. Они указываютъ на закрытіе школъ,

какіе незначительное событіе, разстроившее ихъ кругъ дѣятельности и принудившее ихъ занять настоящій протестъ».

«Но нашему крайнему разумѣнію, — говорятъ они, — единственная обязанность людей, успѣвшихъ приобрести высшее образованіе, состоитъ въ томъ, чтобы употребить всевозможныя усилія съ цѣлью доставить народу возможность образоваться, сознать себя, свои нужды, узнать азаматы ихъ, словомъ внутреннимъ своимъ развитіемъ стать на ту ступень гражданственности, на которую онъ возведенъ закономъ. Единственное дѣло истинныхъ друзей народа въ настоящее время — способствовать развитію народа, не владея въ политическіе или социальныя толки и ожидая терпѣливо времени, когда народъ будетъ въ состояніи толковать съ нами о предметахъ, которые теперь недоступны его умственному развитію, а потому для него загадочны, темны и ненужны.»

Многое открывается изъ этихъ объясненій и заявленій. Мы видимъ изъ нихъ не только образъ мыслей того кружка, который подписался подъ отзывомъ, но и находимъ нѣкоторыя черты народнаго настроенія въ извѣстной мѣстности. Народъ для насъ покрытъ болѣе густою тьмою, чѣмъ чтобы то было другое. Мы только гадаемъ и предполагаемъ, въ какомъ настроеніи онъ находится, къ чему обращены его помыслы, съ какимъ расположеніемъ онъ встрѣчаетъ тѣ или другія событія. Отсюда для насъ возможны тысячи ошибокъ, возможны желанія и надежды, которыя вовсе несбыточны, опасенія и страхи, немнѣющіе никакого основанія. Народъ — темная сила, которая, смотря по случаю и по нашему расположенію духа, то кажется намъ незыблемою опорою, то страшною, разрушительною стихіей. Какъ видно нашлись люди, которые рѣшились сблизиться съ народомъ, чтобы изучать его въ его собственной средѣ, въ возможной близости къ нему. Какого бы мнѣнія кто ни былъ о результатахъ этого изученія, хотя бы считалъ ихъ неопытными и незрѣлыми, никто однако не усумнится въ полной искренности, съ которою они передаются. Какъ видно эти люди готовы безъ всякаго искаженія передать намъ, чѣмъ они нашли народъ и чѣмъ находятъ его въ каждую минуту. Что же намъ мѣшаетъ узнать дѣло какъ возможно лучше? Что же намъ мѣшаетъ разсвѣять наконецъ этотъ густой мракъ, порождающій всякіе призраки и не дающій намъ ничего видѣть какъ слѣдуетъ?

Темнота вредна вездѣ, гдѣ бы она ни господствовала. И въ малыхъ дѣлахъ она составляетъ такую же помѣху, какъ и въ большихъ. Въ томъ же номерѣ «Современной Лѣтописи» намъ встрѣтился фактъ, который перенесъ насъ въ другую сферу, гораздо мѣнѣе важную, но весьма для насъ любопытную. Въ полемиической

статье, направленной против издателей «Нашего Времени», «Современная Летопись» говорит между прочим следующее:

«Правительству, не mente московскаго университета, известен образ мыслей и вся общественная деятельность будущих издателей «Московских Вѣдомостей». Если оно утвердило выборъ университета, то оно знало что дѣлало. Значитъ оно, также какъ и университетъ, признаетъ за ними достаточныя привѣтвенныя обезпеченія и считаетъ ихъ людьми, заслуживающими довѣрія.»

Такъ говорятъ о самихъ себѣ гг. Катковъ и Леонтьевъ. Нельзя не пожалѣть, что слова эти сказаны ни словомъ, ни словомъ, тогда какъ по нашему мнѣнію они чрезвычайно важны и вводятъ на многія размышленія. Всякій согласится, что полемика между «Современною Летописью» и «Нашимъ Временемъ» ведется въ полномъ смыслѣ блистательно; въ ней бездна остроумія, игривости, жару; противники даже очень довольны другъ другомъ и любятъ взаимною довѣстостью; по собственному выраженію одного изъ нихъ, они подносятъ другъ другу горячъ въ молодеческихъ чашахъ; прекрасно! Но отчего же вопросъ столь важной важности разрѣшенъ такъ глупо и безъ всякаго воодушевленія? Отчего не достало жару и остроумія тамъ, гдѣ желалось бы самого живаго объясненія?

Будущіе издатели «Московскихъ Вѣдомостей» конечно должны вѣстъ весь свѣтъ своихъ словъ. Они говорятъ, что правительство считаетъ ихъ заслуживающими довѣрія; но она конечно знаютъ, что до сихъ поръ такъ никто не поворнулъ, следовательно первое заявленіе такого рода не можетъ не имѣть большаго значенія и важнаго повода.

Если такъ, то чѣмъ оно значить? Ужели до, что гг. Катковъ и Леонтьевъ составляютъ исключеніе между редакторами, что они пользуются довѣріемъ правительства, тогда какъ другіе, многіе или нѣкоторые возбуждаютъ его недоувѣріе? Безъ сомнѣнія мы не имѣемъ давать такой смыслъ приведеннымъ словамъ; мы очень хорошо знаемъ, что изданіе журналовъ вообще разрѣшается только лицамъ благонадежнымъ и не думаемъ, чтобы «Современная Летопись» хотѣла бросить тѣнь на благонадежность этихъ лицъ. Нѣтъ, смыслъ ея словъ очевидно другой; очевидно она хотѣтъ сказать, что хотя правительство довѣряетъ многимъ лицамъ, издающимъ журналы, но гг. Каткова и Леонтьева оно считаетъ заслуживающими *особеннаго*, *преимуществвеннаго* довѣрія. Если такъ, то опять, чѣмъ это значить? Къ чему выставлена такая похвала самимъ себѣ?

Ужели въ дѣлахъ литературы правительство чувствуетъ настоятельную необходимость возвышать, кто и на сколько заслуживаетъ его до-

вѣривъ? Нежелая особенная благонамѣнность имѣть для него большую цѣну и вѣрность? Мы охотнѣе желали бы думать, что правительственно смотритъ на литературу спокойнѣе и ровнѣе. Если литература можетъ оказать ему услуги, то для него все равно нѣтъ какой бы то ни было литературнаго міра эти услуги ни происходили; чтобы пользоваться литературой, ему нѣтъ нужды подраздѣлять ее на отдѣлы по большаго или меньшаго степени своего довѣрія.

Такимъ образомъ, несмотря на все наши размышленія и соображенія, дѣло осталось въ нашихъ глазахъ совершенно темнымъ. Поэтому случаю нашъ невольно припалъ на память другія слова, также темныя и загадочныя и сказанныя тѣми же лицами. Именно въ объявленіи объ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1863 году, ггч Катковъ и Леонтьевъ говорятъ о себѣ такъ:

«Какъ при изданіи «Русскаго Вѣстника», такъ и теперь, при открывающемся новомъ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей», свое главное назначеніе полагаютъ они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему все нужное свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правильности его сужденій. Затѣмъ они не имѣютъ никакихъ постороннихъ цѣлей; никакихъ заатаенныхъ тенденцій, они не связаны ни съ какими кружкомъ, ни съ какою партией, и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ всего болѣе независимостью своихъ воззрѣній и своего слова.»

Вотъ это кажется несравненно яснѣе. Конечно не даромъ сюда попали такія опредѣленные выраженія, какъ «постороннія цѣли», «затаенныя тенденціи», «кружокъ», «партія.» Конечно они употреблены здѣсь не для одной красоты слога. Едвали также кто повѣрить, что эти «постороннія цѣли», «затаенныя тенденціи», «кружки», «партіи» существуютъ гдѣ-нибудь далеко, въ Англіи или въ Америкѣ; нѣтъ, очевидно дѣло идетъ о чемъ-то близкомъ, находящемся тутъ же подъ бокомъ.

Но здѣсь и запятая. Въ самомъ дѣлѣ, какіе эти кружки, какія партіи, какія затаенныя тенденціи и цѣли, отъ которыхъ отрицаются будущіе издатели «Московскихъ Вѣдомостей?» Темнота непроходимая! Мы очевидно попали въ темную область слуховъ, въ которой, какъ мы знаемъ, вполне довѣряться ничему невозможно. Если слова, приведенныя нами, сами въ свою очередь послужатъ источникомъ новыхъ или поддержкою старыхъ слуховъ, то въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго: въ полумракѣ призракъ вырастаютъ легко и иногда роятся цѣлыми толпами.

Признаемся, во всемъ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, мы не можемъ надвинуться тому странному простодушію, съ которымъ поступаетъ «Русскій Вѣстникъ.» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ

очень смѣлъ и рѣшительнѣе; уже не въ первый разъ онъ рѣшаетъ такіе вопросы и опредѣляетъ такіе отношенія, надъ которыми бы всякій другой невольно задумался. Что для другихъ трудно, для него легко; что для другихъ темно, для него ясно; въ то время какъ другіе смущаются и терзаются, онъ повидному идетъ твердою и свѣтлою дорогою.

Между тѣмъ одно здѣсь дурно. Если онъ такъ опредѣленно смотритъ на вещи, если онъ такъ легко разрѣшается затрудненій, если у него столько положительныхъ твердыхъ основъ, — то онъ кажется имѣть всѣ условія для горлчей и резвостной пренебдн. Кажалось бы тутъ-то и проповѣдывать съ тѣмъ жаромъ, съ каимъ онъ это дѣлалъ въ былыя времена! Но чтоже выходитъ на дѣлѣ? У него какъ-будто изсякъ источникъ вдохновенія. Бывало по самому пустому поводу у него пойдутъ прекрасныя рѣчи на общія темы; вынече по самымъ важнымъ поводамъ являются короткіе, глухіе отзывы. Не можетъ онъ не знать, какъ удивляютъ публику нѣкоторыя изъ его смѣлыхъ рѣшеній затруднительныхъ вопросовъ, и однакоже въ объясненіи этихъ рѣшеній онъ бываетъ очень скупо на общія начала. Такимъ образомъ онъ, повидному столь свѣтлый и блестящій, вдругъ въ извѣстныхъ мѣстахъ тускнеть и покрывается мглою.

И.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. Θ. БАЗУНОВА

КОМПОЗИТЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

Въ С. Петербургъ, на Невскомъ проспектъ, у Кизанскаго моста, въ домъ Ольжиной.

Принимается подписка на всѣ журналы и газеты, имѣющіе издаваться въ Россіи въ 1863 году

При магазинѣ находятся конторы журналовъ: Журналъ охоты, Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, Заноза, Морской сборникъ, Время, Русскій вѣстникъ, Московскія вѣдомости, Русскій ширъ, Православное обозрѣніе, Душеполезное чтеніе, Московская медицинская газета, Современная медицина (издаваемая въ Кіевѣ), Кронштатскій вѣстникъ, Фотографическая иллюстрація.

АКЦИОНЕРЪ. Прибавленіе къ Вѣстнику промышленности, 50 № въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 6 руб.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, журналъ словесности, наукъ и политики, издаваемый подъ редакцію А. Θ. Писемскаго, 12 кн. въ годъ. Ц. 15 р., съ достав. и перес. 16 р. 50 к.

БИБЛИОТЕКА МЕДИЦИНСКИХЪ НАУКЪ, издаваемая подъ редакцію д-ра М. Хана, выходитъ ежемѣсячно. Ц. 6 р. 50 к., съ достав. и перес. 8 р.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ, газета финансовъ, торговли и политики, выходитъ ежедневно. Съ достав. 10 р., съ пересыл. 12 р.

ВАЗА, журналъ вышиванья, моды, хозяйства, 24 № въ годъ. Ц. 10 р. 50 к., съ достав. и перес. 12 р. Съ особымъ абонементомъ 20 р. 50 к., съ достав. и перес. 22 р.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ, издаваемый по высочайшему повелѣнію, 12 кн. въ годъ. Ц. 6 р., съ достав. и перес. 7 р. 50 к.

ВОКРУГЪ СВѢТА, съ прибавленіемъ: Природа и землѣдѣніе. Журналъ землѣдѣнія, естественныхъ наукъ, новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и наблюденій, издаваемый подъ редакцію П. Ольхи-

- на, 12 кн. въ годъ. Съ рисунками. (Съ 1 декабря 1864 г.) Ц. 8 р. 50 к., съ достав. 9 р. 50 к., съ перес. 10 р.; безъ прибавленія 6 р., съ достав. 7 р., съ перес. 7 р. 50 к.
- ВОСПИТАНІЕ**, журналъ для родителей и воспитателей, издаваемый А. Чумиковымъ, 12 кн. въ годъ. Ц. 7 р. съ достав. и перес. 8 р.
- ВРЕМЯ**, журналъ литературный и политическій, издаваемый подъ редакцію М. Достоевскаго, 12 кн. въ годъ. Ц. 14 р. 50 к., съ достав. и перес. 16 р.
- ВѢСТНИКЪ** Императорскаго Русскаго Географическаго общества, издаваемый подъ редакцію Э. Г. Тернера, 12 кн. въ годъ. Ц. 5 р., съ достав. и перес. 6 р. 50 к.
- ГОЛОСЪ**. Газета ежедневная, политическая и литературная. Ц. безъ доставки 12 р., съ достав. 15 р., съ перес. 16 р.
- ГАЗЕТА** для сельскихъ хозяевъ, 52 № въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 5 р.
- ГУДОКЪ**. Сатирическій листокъ съ карриатурами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. безъ дост. 4 р., съ перес. 5 р.
- ГОМЕОПАТИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ** и вѣстникъ водолеченія и гимнастики. Врачебная газета, выходитъ еженедѣльно. Ц. съ достав. 4 р., съ перес. 5 р.
- ДЕНЬ**, газета, издаваемая Ив. Аксаковымъ, выходитъ еженедѣльно (съ 15 октября 1861 г.). Ц. 6 р., съ достав. и перес. 7 р.
- ДРАМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ**, 12 кн. въ годъ. Ц. 6 р. 50 к., съ достав. 7 р. 50 к., съ перес. 8 р.
- ДУХОВНАЯ БЕСѢДА**, выходитъ еженедѣльно. Ц. 3 р. 50 к., съ достав. и перес. 5 р.
- ДУХЪ ХРИСТИАНИНА**, Духовно-литературный журналъ. 12 кн. въ годъ (съ 1 сент. 1861 года по 1 сентября 1862 года). Ц. 3 руб. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 4 руб.
- ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ**, ежемѣсячное изданіе общепонятныхъ сочиненій духовнаго содержанія, 12 кн. въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 3 р. 50 к.
- ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ**. Духовное, нравственное, историческое, описательное и литературное чтеніе, издаваемый И. Чистиковымъ, 52 № въ годъ. Ц. 5 р., съ достав. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.
- ЖУРНАЛЪ** коннозаводства и охоты, 12 кн. въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 4 р. 50 к.
- ЖУРНАЛЪ** министерства Внутреннихъ дѣлъ, 12 кн. въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 7 р. 50 к.
- ЖУРНАЛЪ** министерства Государственныхъ имуществъ, 12 кн. въ годъ. Ц. 7 р., съ достав. и перес. 8 р. 50 к.
- ЖУРНАЛЪ** министерства народнаго просвѣщенія, 12 кн. въ годъ. Ц. 12 р., съ достав. и перес. 13 р. 50 к.

- ЖУРНАЛЪ** министерства юстиціи, 12 кн. въ годъ. Ц. 6 р., съ достав. и перес. 7 р. 50 к.
- JOURNAL DE ST. PÉTERSBOURG**, ежедневная газета Ц. съ достав. и перес. 21 р.
- ЗАПИСКИ** ветеринарной медицины, 6 кн. въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 4 р. 50 к.
- ЗАНОВА**. Журналъ философскій, политическій, экономическій, социальный, ученый литературный и всякихъ російскихъ хуло жествъ и безобразій, съ историческими и правоучительными картинками подъ редакцію М. Розенгейма. Ц. 4 р. съ достав. и перес. 5 р. 50 к.
- ЗВѢЗДОЧКА**, дѣтскій журналъ; 12 кн. въ годъ. Ц. 5 р., съ достав. и перес. 6 р. 50 к.
- ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА**, 52 № въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 3 р.
- ЗРИТЕЛЬ** общественной жизни, литературы и спорта. Еженедѣльная газета. Издава. С. Калопшинымъ. 50 № въ годъ, съ политизаціи. Ц. 8 р.
- ИЛЛЮСТРАЦІЯ**, всемірное обозрѣніе, 50 № въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 16 р.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ** семейный листокъ, 100 № въ годъ. Ц. съ достав. 5 р. 50 к., съ перес. 6 р.
- ИСКРА**, сатирическій журналъ съ карикатурами, 50 № въ годъ. Ц. 6 р., съ достав. 7 р., съ перес. 7 р. 50 к.
- КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ**, журналъ книжно-литературной дѣятельности въ Россіи, выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Ц. 2 р. 50 к., съ достав. и перес. 3 р.
- МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ**, издава. С. Мей. 24 кн. въ годъ, съ приложениями и модными картинками 6 р., съ достав. въ Слб. 7 р., съ перес. иногород. 8 р.
- МОРСКОЙ СБОРНИКЪ**, издаваемый подъ наблюденіемъ Морского Ученаго комитета, 12 кн. въ годъ. Ц. 5 р., съ достав. 6 р., съ перес. 7 р. Для служащихъ морскихъ чиновъ 4 р., съ перес. 5 р.
- МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ**, газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно. Ц. 13 р., съ доставкою на домъ и пересылкою иногород. 15 р.
- НУВЕЛИСТЪ**, музыкальный журналъ, 12 № въ годъ. Ц. 10 р., съ достав. и перес. 11 р. 50 к.
- НАРОДНОЕ БОГАТСТВО**. Ежедневная политико-экономическая и литературная газета. Выходитъ съ 1 ноября. Цѣна съ перес. 9 р.
- ОЧЕРКИ**. Газета политическая и литературная, издава. А. Н. Очкинымъ, выходитъ 360 № № въ годъ въ двухъ издав. утр и вечер. Ц. 7 р., съ пер. 9 р.

- ОСНОВА.** Южно-русскій литературно-ученый журналъ, 1^я книга въ годъ. Ц. безъ достав. 10 р. 50 к., съ перес. 12 р.
- ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ**, журналъ учено-литературный и политическій, 12 кв. въ годъ. Ц. 15 р., съ достав. и перес. 16 р. 50 к. Съ парижскими картинками 16 р., съ достав. и перес. 17 р. 50 к.
- ПОПУЛЯРНАЯ** или общественная медицина, 12 № въ годъ. Ц. 3 р. 50 к., съ доставкою 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**, издаваемое Сергіевскимъ, 12 кв. въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 7 р.
- ПРИРОДА И ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ.** Журналъ, издаваемый подъ редакціею П. Ольхина, 12 кв. въ годъ. Ц. съ перес. 5 р.
- ПРОМЫШЛЕННОСТЬ**, журналъ мануфактуръ и торговли, выходитъ два раза въ мѣсяць. Ц. съ достав. и перес. 8 р.
- РАЗВЛЕЧЕНІЕ.** Журналъ литературный и юмористическій, 52 № въ годъ. Ц. 4 р., съ достав. и перес. 5 р.
- REVUE ETRANGÈRE**, 36 кв. въ годъ, съ модными картинками. Ц. съ достав. и перес. 23 р.; тоже безъ картинокъ, и съ достав. и перес. 19 р.
- РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ**, журналъ литературный и политическій, 12 кв. въ годъ. Ц. 13 р. 50 к., съ перес. 15 р.
- РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ**, газета военная, политическая, литературная и ученая, выходитъ ежедневно. Ц. 10 р., съ достав. 13 р.
- РУССКІЙ МІРЪ**, политическая, общественная и литературная газета, 102 № въ годъ. Ц. 6 р., съ достав. 7 р., съ перес. 8 р. Съ музыкальными приложеніями. Съ сатирическимъ листкомъ Гудокъ. 10 р., съ достав. 11 р., съ перес. 12 руб
- РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ**, издав. В. Ф. Тиммоу, выходитъ три раза въ мѣсяць. Ц. на пакѣ въ холстѣ съ достав. и перес. 12 р., сложенный 9 р.
- С-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ**, газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно. Ц. безъ прибавленій 12 р., съ достав. 15 р. съ перес. 16 р.; съ прибавленіями 14 р., съ достав. 17 р. 50 к., съ перес. 18 р. 50 к.
- СѢВЕРНАЯ ПОЧТА**, газета; выходитъ ежедневно. Ц. безъ достав. 10 р., съ достав. 11 р., съ перес. 12 р.
- СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО**, 12 кв. въ годъ. Ц. съ достав. и перес. 10 р. съ газетою для сельскихъ хозяевъ. Ц. съ пер. 15 р.
- СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО**, ежедневная газета. Ц. 9 р.
- СОБРАНІЕ** иностранныхъ романсовъ и повѣстей, въ переводѣ на русскій языкъ, 12 кв. въ годъ. Ц. 8 р. 50 к., съ достав. и перес. 10 р.
- СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА**, ежедневная газета, издаваемъ въ Кіевѣ д-ромъ Вальтеромъ. Ц. 8 р.

321
711

COLUMBIA UNIVERSITY

0026853094

057

V957

1862

nov.

